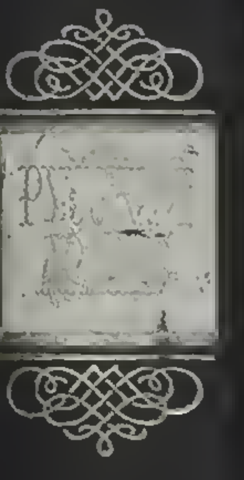


АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

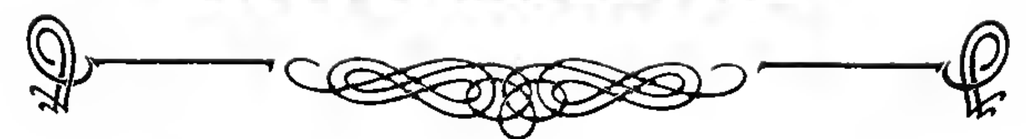
19-20

«ТЕРРА»

РУССКИЙ
АРХИВ

АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РУССКИЙ АРХИВ

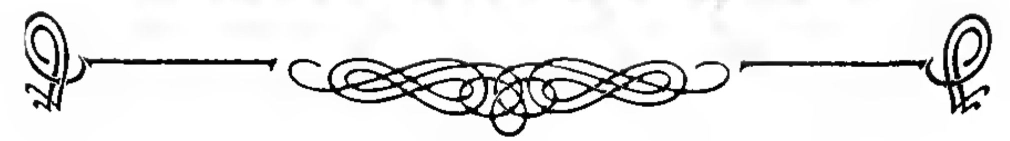


19-20

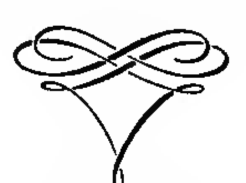
«ТЕРРА» – «TERRA»

МОСКВА 1993

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ



Изданный
И. В. ГЕССЕНОМ



19-20

«ТЕРРА» – «TERRA»

МОСКВА 1993

ББК 63.3(2)711
А87

Архив русской революции: В 22 т. Т. 19 — 20. — М.: «ТЕРРА»,
А87 1993. —288, 320 с. — (Русский архив).
ISBN 5-85255-319-0 (т. 19 — 20)
ISBN 5-250-01774-6

«Архив русской революции» — уникальное издание, выходившее в Берлине в 20—30-х годах. Оно содержит материалы — документы и воспоминания, освещающие историю революции, гражданской войны и эмиграции в видении тех политических сил, которые противостояли большевизму и Советской власти. Тем самым «Архив» существенно пополняет наши знания о переломной эпохе в судьбах России.

Рассчитано на всех, кто интересуется историей нашей страны.

А $\frac{0503020000-077}{А30(03)-93}$ Подписное

ББК 63.3(2) 711

Архив русской революции

Том 19 — 20

Дефекты воспроизведения настоящего репринтного издания
обусловлены состоянием оригинала

Редактор *С. А. Кондратов*
Художник *И. Е. Сайко*

Подписано в печать 10.03. 93. Формат 70 x 108 1/16. Бумага тип № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 53,2.
Усл. кр.-отт. 53,2. Уч.-изд. л. 51,85. Тираж 10 000 экз. Заказ 194.

Книга отпечатана на бумаге Сыктывкарского ЛПК.
Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации.
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-85255-319-0 (т. 19-20)
ISBN 5-250-01774-6

© Состав, художественное оформление, «ТЕРРА», 1993

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

XIX

БЕРЛИНЪ 1928

СОДЕРЖАНІЕ

Дѣло было въ С. С. С. Р.*)

(Страничка изъ воспоминаній быв. «смертника»).

В. Бруновскаго.

На этой страничкѣ своихъ воспоминаній я хочу просто, безъ всякой литературной обработки, разсказать о томъ, что я пережилъ, видѣлъ и слышалъ за послѣдніе четыре года моего пребыванія въ коммунистическихъ застѣнкахъ. Я хочу разсказать только объективную правду, хотя и чувствую, что не сумѣю достаточно ярко и полно изобразить мрачную дѣйствительность того, что творится въ «соціалистическомъ раю» кремлевско-лубянскихъ палачей.

Надо быть выдающимся мастеромъ слова, чтобы дать вѣрное представленіе о тѣхъ ужасахъ, которые нынѣ творятся въ Россіи, за Кремлевскими стѣнами, за стѣнами О. Г. П. У., каждый кирпичикъ зданія котораго пропитанъ человѣческою кровью и. слезами.

Я утверждаю, что міръ не знаетъ еще или почти не знаетъ всероссійскихъ жандармовъ, именующихъ себя «рабоче-крестьянскимъ правительствомъ».

Да, народы почти не знаютъ еще истиннаго лица кремлевско-лубянской шайки узурпаторовъ, давшихъ и продолжающихъ давать міру непревзойденные образцы человѣческой низости, подлости, лжи, насилія, провокаціи, безпримѣрныхъ въ исторіи человѣчества злодѣйствъ, жестокости, безсердечія.

Мнѣ скажутъ, что міръ уже привыкъ къ злодѣйствамъ московской шайки международныхъ шулеровъ.

Разумѣется, это до извѣстной степени вѣрно, однако эта «привычка» имѣетъ мѣсто только потому, что міръ не могъ еще заглянуть до дна въ мрачныя глубины того, что творится за каменными стѣнами Кремля и Лубянскаго квартала.

Я не задаюсь цѣлью раскрыть эти глубины до дна. Я только хочу попытаться приподнять краешекъ той завѣсы, которая скрываетъ истинное лицо большевистскихъ застрѣльщиковъ міровой «соціальной» революціи по системѣ и методамъ кремлевско-лубянскихъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ.

*) **Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ автору.**

Излагая кратко и по возможности въ хронологическомъ порядкѣ все то, чему свидѣтелемъ я лично былъ за послѣдніе четыре года, проведенные мною въ московскихъ «соціалистическихъ» застѣнкахъ, я не буду дѣлать никакихъ заключеній и выводовъ. Пусть это сдѣлаетъ читатель самъ.

Размѣры моей статьи вынуждаютъ меня быть по возможности краткимъ. Однако, я сознаю необходимость дать читателю самыя краткія свѣдѣнія біографическаго характера, а равно хотя бы кой какія свѣдѣнія о моемъ участіи въ Октябрьской Революціи и послѣдующихъ событіяхъ, вплоть до моего ареста въ 1923 году. Все это, какъ мнѣ кажется, значительно облегчитъ читателю вѣрную оцѣнку того, что будетъ мною сообщено на этой страничкѣ моихъ воспоминаній.

Въ послѣдующихъ воспоминаніяхъ я изложу подробнѣе, почему я сталъ активнымъ защитникомъ Октябрьской Революціи, а равно почему я съ 1920 г. прекратилъ совмѣстную работу съ большевиками.

Великая Февральская Революція застала меня въ Екатеринославской губерніи, гдѣ я, какъ ученый агрономъ, управлялъ громадными помѣстьями шталмейстера кн. Н. П. Урусова и оберъ-гофмейстера Г. П. Алексѣева. Происходя самъ изъ крестьянъ и работая среди нихъ, я не могъ не видѣть тяжелаго положенія русскаго крестьянства и въ силу этого не могъ не встрѣтить вѣсть о революціи съ чувствомъ безмѣрной радости.

Осенью 1917 года, когда крестьяне фактически уже взяли землю въ свои руки, я переѣхалъ въ Петроградъ, отдавъ себя служенію революціи.

Октябрьскій переворотъ.

Участія въ немъ не принимаю и продолжаю работать при Петроградскомъ Продовольственномъ Комитетѣ, какъ спеціалистъ агрономъ.

Весной 1918 г. неожиданно вызванъ въ Смольный институтъ, гдѣ впервые имѣлъ встрѣчу съ г. Троцкимъ, который предложилъ мнѣ стать во главѣ дѣла организаціи раціональнаго использованія всѣхъ конфискованныхъ земель и имѣній.

Даю согласіе. Правительство переѣзжаетъ въ Москву, куда переѣзжаю и я. Послѣ долгихъ, безплодныхъ разговоровъ съ народными комиссарами С. Середой, А. Цурюпой, Ю. Ларинымъ и др., я убѣдился, что объ организаціи раціональнаго использованія конфискованныхъ земель при создавшейся обстановкѣ и рѣчи быть не можетъ.

Разговоры прекращаю и публикую въ газетѣ «Родина», № 11, 20/4: 1918 г. открытое письмо на имя Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, В. И. Ленина, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«...Вамъ, какъ главѣ нынѣшняго правительства въ Россіи, несомнѣнно болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстно объ ужасающей разрухѣ во всѣхъ областяхъ народно-хозяйственной жизни страны. Распространяться по этому вопросу считаю излишнимъ, однако и молчать въ эти грозные и страшные дни всеобщаго развала — величайшее преступленіе передъ русскимъ народомъ, передъ моей бѣдной, несчастной, опозоренной родиной. Нельзя молчать, когда Россія раздавлена и унижена, когда сбитъ съ толку русскій народъ, вмѣсто мира, довольства и свободы, къ которымъ его такъ усердно звали, ввергнутъ въ пучину гражданской войны, голода, нищеты и рабской зависимости отъ иностранцевъ, когда у страны нѣтъ ни войска, ни общепризнаннаго прави-

тельства, ни законодательнаго аппарата, ни организованнаго суда, ни промышленности, ни опредѣленныхъ формъ землевладѣнія, ни транспорта, ни торговли, ни денегъ, ни кредита.

Поистинѣ, молчать нѣтъ силъ. Объ этомъ надо говорить, кричать, но еще больше надо мобилизовать всѣ творческія интеллектуальныя силы страны и призвать ихъ къ участію въ дѣлѣ всесторонняго государственнаго строительства. Необходимо создать условія, которыя дали бы возможность русскому народу проявить свои потенціальныя творческія силы, которыя до сихъ поръ спали непробуднымъ сномъ и только нынѣ начинаютъ кое-гдѣ просыпаться...

... Гражданинъ Предсѣдатель, я пріѣхалъ въ Москву не за тѣмъ, чтобы искать у Васъ или у Вашихъ ближайшихъ сотрудниковъ работы, я въ этомъ не испытываю нужды. Я пріѣхалъ исполнить свой долгъ гражданина и человѣка передъ Россіей, съ большой и сердечной готовностью предоставивъ въ Ваше распоряженіе всѣ свои скромныя силы, знанія и опытъ во имя блага русскаго народа.

Выразивъ такимъ образомъ мою безмѣрную готовность быть полезнымъ въ дѣлѣ служенія русскому народу, съ одной стороны, и выяснивъ, что создавшіяся условія исключаютъ возможность плодотворной работы, съ другой, я считаю себя исполнившимъ свои обязанности гражданина человѣка».

Ученый агрономъ *В. Бруновскій.*

15 Апрѣля 1918 г.

Послѣ опубликованія письма немедленно слѣдуетъ арестъ и заемъ, по личному приказу Ленина, на другой день утромъ освобожденіе.

Начало 1919 года. Адмиралъ Колчакъ разгоняетъ Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія и вообще начинаетъ «самоопредѣляться» путемъ ряда арестовъ соціалистовъ.

Въ февралѣ 1919 года приглашаюсь къ Ленину, который, очевидно зная, что я раздѣляю программу лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, убѣждаетъ меня стать во главѣ снабженія III арміи Восточнаго фронта.

Послѣ сравнительно долгихъ переговоровъ и удовлетворенія ряда выставленныхъ мною требованій, предложеніе принимаю.

Тогда пламенно хотѣлось вѣрить въ то, что послѣ разгрома бѣлыхъ армій, мы, соціалисты, найдемъ общій языкъ съ коммунистами и общими силами, опираясь на волю трудового народа и при активномъ участіи и поддержкѣ послѣдняго, начнемъ новое, невиданное еще въ мірѣ по своей грандіозности, соціалистическое строительство.

Рисовались захватывающія картины преобразованія стараго, прогнившаго капиталистическаго строя на новыхъ основаніяхъ, — на основаніяхъ истиннаго братства, всеобщаго равенства и свободы.

Но надеждамъ не суждено было совершиться.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по постановленію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ назначаюсь предсѣдателемъ Особой Военно-Продовольственной Комиссіи по снабженію всѣхъ армій Восточнаго фронта и гражданскаго населенія.

Къ этому времени я уже присмотрѣлся къ большевикамъ. Увидѣлъ, что поддержка ихъ очевидно является политической ошибкой.

Восточный фронтъ ликвидированъ. Возвращаюсь въ Москву. Получаю назначеніе Зам. Нар. Ком. Продовольствія на Украинѣ, — отказываюсь. Троцкій и Рыковъ просятъ стать во главѣ снабженія армій Польскаго фронта — отказываюсь.

Послѣ настойчивой просьбы Троцкаго я согласился на временное предсѣдательствованіе въ Особой Междувѣдомственной Комиссіи при Рев. Воен. Сов. Респ. по вопросамъ численнаго состава армій и флота. Однако, познакомившись ближе съ планами Рев. Воен. Сов. Республики, подалъ рапортъ объ освобожденіи отъ занимаемой должности. Послѣ настойчивыхъ обращеній въ Военный Совѣтъ, былъ наконецъ отъ должности освобожденъ.

Вызванъ къ Красину, который убѣдительно проситъ принять назначеніе торгпредомъ заграницу. Полагая, что вопросъ идетъ объ организаціи торговыхъ операцій на здоровыхъ началахъ, даю согласіе. Получаю доступъ къ секретнымъ дѣламъ и вижу, что Наркомвнѣшторгъ имѣетъ и другія заданія, дѣлающія невозможнымъ различить «водораздѣльныя» линіи между НКВТ, ВЧК, Нар. Ком. Ин. Дѣлъ и Коминтерномъ и В. Ц. С. П. С. Категорически отказываюсь отъ «почетной» миссіи торгпреда.

Къ этому времени мнѣ стала достаточно ясна большевистская физіономія и я категорически отказываюсь отъ всякихъ высокихъ назначеній и перехожу на агрономическую работу въ Центральное Агрономическое Управленіе при Нар. Ком. Пут. Сообщенія. Одновременно подаю въ Латвійское посольство въ Москвѣ заявленіе объ оптаціи Латвійскаго гражданства. Въ началѣ 1921 г. Зиновьевъ и Рыковъ убѣдительно просятъ о принятіи мною должности Уполномоченнаго Коминтерна по ликвидаціи секретныхъ цѣнностей, переданныхъ Коминтерну Наркомфиномъ по приказу Политбюро ЦК коммунистической партіи.

Разумѣется, къ этому времени мой разрывъ съ большевиками былъ слишкомъ глубокъ для того, чтобы взять на себя столь отвѣтственное дѣло. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ очень хотѣлось заглянуть за кулисы Коминтерна и я далъ свое согласіе.

Было достаточно двухъ мѣсяцевъ для того, чтобы мнѣ стали ясны всѣ махинаціи Коминтерна и я подъ благовиднымъ предлогомъ сравнительно мирно отдѣлался отъ должности Уполномоченнаго Коминтерна по «бриллiантовымъ дѣламъ».

Въ 1922 году по просьбѣ группы виднѣйшихъ русскихъ ученыхъ и другихъ общественныхъ дѣятелей организую Общество Русско-Германскаго сближенія и избираюсь предсѣдателемъ учредительнаго собранія Общества, предсѣдателемъ Организаціоннаго Комитета и Исполнительнаго Бюро названнаго О-ва.

Основное ядро дѣятелей Общества, въ составъ коего входитъ болѣе 400 представителей науки, техники, медицины и т. д., совершенно искренне хотѣло только одного: установленія научной и технической связи съ германскими научными и техническими кругами, проявившими громадный интересъ къ дѣятельности нашего Общества.

Въ началѣ, благодаря моимъ личнымъ знакомствамъ со всѣми народными комиссарами и большинствомъ членовъ Ц. К. партіи, Общество стало развертывать свою дѣятельность.

Дзержинскій дѣлаетъ попытку использовать Общество для своихъ спеціальныхъ надобностей. Указываю ему, что это абсолютно не представляется возможнымъ для меня. Немедленно послѣ этого Общество разогнано.

Пріѣзжаетъ Норвежская Экономическая Делегація, которая проситъ меня принять на себя обязанности Уполномоченнаго Делегаціи по переговорамъ съ Совѣтскимъ Правительствомъ по ряду важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ. Соглашаюсь и въ самый короткій срокъ заканчиваю переговоры съ большими достиженіями для обѣихъ сторонъ. Впрочемъ, реализовать эти достиженія Норвегія не смогла, такъ какъ большевистское правительство оказалось вѣрнымъ себѣ.

Вотъ въ самой общей конспективной формѣ тѣ свѣдѣнія, которыя читателю необходимо знать.

Весь горькій опытъ и неослабное изученіе совѣтской дѣйствительности непреодолимо убѣдили меня въ слѣдующемъ:

1. Ц. К. коммунистической партіи, ВЧК—ГПУ, Совѣтское Правительство, Коминтернъ, В. Ц. С. П. С. являются единымъ дьявольски организованнымъ механизмомъ, основнымъ методомъ работы котораго является наглая ложь, провокація, обманъ, насиліе.

2. Дальнѣйшее пребываніе, жизнь и дѣятельность въ этомъ проклятомъ застѣнкѣ, именуемомъ С. С. С. Р., являются абсолютно немыслимыми для всякаго честнаго человѣка вообще и для соціалиста въ особенности.

Я твердо рѣшилъ легально покинуть С. С. С. Р., воспользовавшись своимъ Латвійскимъ гражданствомъ.

Правда, я не разъ слышалъ отъ виднѣйшихъ большевистскихъ дѣятелей указанія на то, что мой отъѣздъ заграницу состояться не можетъ и не состоится. Не чувствуя, однако, за собою никакихъ «грѣховъ», я все же былъ увѣренъ въ томъ, что меня выпустятъ. Я въ этомъ былъ тѣмъ болѣе увѣренъ, что Ленинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ между прочимъ горячо благодарилъ меня за услуги, оказанныя революціи.

Однако, самыя худшія предсказанія явились дѣтской игрушкой по сравненію съ той кошмарной дѣйствительностью, которая имѣла мѣсто въ послѣдующемъ. Но объ этомъ въ свое время.

Для большей ясности послѣдующихъ событій я позволю себѣ дать еще нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, прежде чѣмъ начать свою страничку воспоминаній о 1923 — 24 — 25 — 26 г. г., проведенныхъ мною въ большевистскихъ подвалахъ С. С. С. Р. въ качествѣ смертника.

Къ началу 1923 года я уже окончательно рѣшилъ покинуть С. С. С. Р. и привелъ въ надлежащій порядокъ всѣ документы, необходимые для выѣзда въ Латвію.

Одного лишь не хватало, — не было средствъ для моего выѣзда съ семьей, такъ какъ на службѣ революціи капитала не нажилъ, какъ это успѣли сдѣлать многіе большевистскіе дѣятели (Красинъ, Стекловъ, Ганецкій и др.).

Было необходимо добыть средства для выѣзда и потому рѣшилъ немного заняться коммерческой дѣятельностью.

Съ этой цѣлью принялъ предложеніе Комитета Нансена на предметъ заготовки зерна для нуждъ означеннаго Комитета, получивъ для этой цѣли авансъ товаромъ (на сумму около 60.000 рублей золотомъ). Кромѣ того

съ извѣстнымъ инженеромъ Н. Блаубергомъ и лѣсопромышленникомъ Двориннымъ взялъ у «Госторга» подрядъ на поставку экспортнаго березоваго дегтя на сумму въ 500.000 рублей золотомъ.

Ко дню моего ареста, т. е. на 10-е мая 1923 г. мои личныя дѣла обстояли такъ:

1. Паспорта для отъѣзда моего и моей семьи въ Латвію готовы.

2. Латвійское Посольство въѣздъ въ Латвію, какъ оптанту, разрѣшило, хотя и было все же враждебно ко мнѣ настроено, какъ къ лицу, въ свое время близко стоявшему къ большевикамъ. Это исключало возможность при обычныхъ обстоятельствахъ надѣяться мнѣ на энергичную защиту, въ случаѣ необходимости, Латвійской миссіи, а слѣдовательно и Латвійскаго Правительства.

3. Товары Комитета Нансена заложены въ «Промбанкѣ», а деньги розданы на мѣстахъ, какъ авансы для заготовки зерна. Такимъ образомъ малѣйшая заминка въ дѣлахъ создавала положеніе, при которомъ неизмѣнно гибли авансы, а равно и товары заложенные въ «Промбанкѣ». Въ результатѣ легко могла быть создана обстановка, при которой Комитетъ Нансена предъявилъ бы искъ въ уголовномъ порядкѣ.

4. Заготовка дегтя для «Госторга» началась и малѣйшая заминка была связана съ уплатой неустойки въ размѣрѣ 100.000 рублей золотомъ.

5. Жена только что перенесла сыпной тифъ и нуждалась въ неослабномъ надзорѣ и уходѣ.

6. Серьезно заболѣлъ отецъ (62 лѣтъ).

Хотя сами по себѣ эти свѣдѣнія и не очень интересны, но знать ихъ читатель долженъ, такъ какъ вся эта обстановка въ совокупности, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ, давала Г. П. У. надежду справиться со мною, (т. е. поставить меня на колѣни и добиться своихъ цѣлей) сравнительно легко.

При наличіи такихъ обстоятельствъ я началъ свою новую «карьеру» въ такъ называемомъ С. С. С. Р.

Вечеромъ 10-го мая 1923 года я посѣтилъ одного изъ своихъ друзей, праздновавшаго въ тѣсномъ кругу день своего рожденія.

Разумѣется, много было разговоровъ о скоромъ моемъ отъѣздѣ, о большомъ счастьѣ, выпавшемъ на мою долю, и т. д.

Одинъ изъ участниковъ дружеской бесѣды, помню, сказалъ:

— «Вы, вотъ, Влад. Христ., уѣзжаете, будете имѣть возможность жить на волѣ, пользоваться благами культуры, а мы будемъ попрежнему влачить позорное, рабское существованіе въ этомъ проклятомъ всероссійскомъ застѣнкѣ, именуемомъ С. С. С. Р.».

Разумѣется, я стремился утѣшить своихъ собесѣдниковъ тѣмъ, что такъ вѣчно продолжаться не можетъ и что быть можетъ въ скоромъ времени въ Россіи станетъ свободнѣе дышать, работать и т. д.

Помню, я сослался на то, что міровой пролетаріатъ, въ интересахъ соціальной революціи, скажетъ свое вѣское слово и обуздаетъ кремлевско-лубянскихъ хозяевъ.

Около 11 часовъ вечера я направился домой.

Подходя къ подъѣзду своего дома, я замѣтилъ, что у дома остановился автомобиль, изъ котораго выскочило три молодца въ длинныхъ сѣрыхъ шинеляхъ военнаго образца съ соотвѣтственными нашивками Г. П. У. и съ маузерами черезъ плечо. Вхожу въ подъѣздъ и поднимаюсь по лѣстницѣ, — чекисты молча слѣдуютъ за мной.

Мелькнула мысль: за кѣмъ? Рѣшилъ, что за моимъ сосѣдомъ по лѣстницѣ, быв. прис. пов. Шлесбергомъ, который уже былъ «знакомъ» съ Г. П. У.

Подхожу къ двери, звоню, — чекисты слѣдуютъ за мной.

Разумѣется, я былъ очень далекъ отъ мысли, что это именно за моей душой пріѣхали. Рѣшаю, что видимо пріѣхали за моей квартирной хозяйкой Соломірской, женой бывш. золотопромышленника и домовладѣльца.

Входимъ въ переднюю. Чекисты обращаются ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы Бруновскій?

— Да!

— Именемъ революціоннаго закона Вы арестованы. Руки вверхъ!

Прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить въ чемъ дѣло, въ меня было направлено два маузера. Подчинился. Бѣглый обыскъ, извлекаютъ изъ кармановъ содержимое, а въ томъ числѣ и маленькій браунингъ.

Чекистъ: — Разрѣшеніе есть?

Брун.: — Да, но прежде всего потрудитесь предъявить надлежащіе документы, удостовѣряющіе Ваши личности и ордеръ на право обыска и ареста.

И то и другое было немедленно исполнено.

Ордеръ подписанъ замѣстителемъ Дзержинскаго Уншлихтомъ.

Въ ордерѣ сказано: арестовать и произвести обыскъ.

Чекистъ: — Слѣдуйте за нами въ Ваше жилище.

Вошли. Пригласили предсѣдателя Домового Комитета.

Чекистъ: — Потрудитесь прежде всего предъявить всѣ бумаги и документы изъ Вашего политическаго архива.

Предъявилъ. Бѣгло просматриваютъ. Видимо смущены наличіемъ писемъ Ленина, Троцкаго, Рыкова и другихъ. Сбавили тонъ.

Чекистъ: — Здѣсь недостаетъ бумагъ и документовъ Коминтерна.

Брун.: — О, Вы, я вижу, о содержимомъ моего архива лучше меня освѣдомлены.

Чекистъ: — Пожалуйста, товарищъ, безъ репликъ, безъ ироническихъ замѣчаній. Дѣлайте то, что Вамъ предлагаютъ.

Предъявилъ документы Коминтерна, которые хранились у меня отдѣльно въ книжномъ шкафу.

Начался обычный, нудный, хотя и не особенно назойливый обыскъ.

Было ясно, что Г. П. У. во время обыска болѣе всего интересовалось моимъ архивомъ, почему я потребовалъ занести въ протоколъ точную опись архива. Комиссаръ изъ Секр. Опер. Управл. О. Г. П. У. отказался подъ предлогомъ отсутствія времени. Послѣ долгихъ препирательствъ наконецъ согласился упомянуть въ протоколѣ только авторовъ нѣкоторыхъ писемъ и общее названіе документовъ.

Спустя нѣкоторое время два комиссара уѣхали въ другое мѣсто на «работу», вслѣдствіе чего пришлось ждать новой машины изъ Г. П. У., что затянуло дѣло до 7 часовъ утра. Наконецъ машина подана, беру съ собою только кое-какія самыя необходимыя вещи, полагая быть дома къ завтраку,

— не вѣрилось еще въ злодѣйскій замыселъ кремлевско-лубянскихъ «соціалистовъ».

Не прошло и 10 минутъ, какъ мы были уже у главнаго подъѣзда Г. П. У. Нѣсколько мгновеній и я сданъ дежурному комендапту Г. П. У.

Несмотря на ранній часъ, въ комендантурѣ работа кипѣла: производился опросъ и осмотръ вещей четырехъ человѣкъ, прибывшихъ до меня. Двое изъ арестованныхъ были уже пожилые люди и называли другъ друга профессорами.

Въ комендатурѣ отобрали у меня только столовый ножъ, серебряный подстаканникъ, часы и кольцо, выдавъ мнѣ, впрочемъ, квитанцію въ отобраніи вещей.

Черезъ 15—20 минутъ я былъ водворенъ въ новое помѣщеніе, извѣстное среди заключенныхъ подъ названіемъ «собачникъ».

Это довольно большая комната площадью въ 76 квадратныхъ аршинъ. Вся комната занята деревянными нарами съ узкимъ проходомъ посрединѣ.

«Собачникъ» служитъ для временнаго помѣщенія арестованныхъ, а равно для тѣхъ арестованныхъ, которые вызываются для допроса въ Г. П. У. изъ другихъ тюремъ. Въ «собачникѣ» вы встрѣтите и часть заключенныхъ, слѣдующихъ въ ссылку, лагеря, изоляторы, изъ провинціальныхъ тюремъ черезъ «Всесоюзный чекистскій главный штабъ» — О. Г. П. У.

Духота и тѣснота въ «собачникѣ» невообразимыя. 40—60 человѣкъ обычная плотность населенія «собачника», но часто эта цифра поднимается до 80—90 человѣкъ, чему я лично не разъ бывалъ впослѣдствіи свидѣтелемъ.

Сидятъ и спятъ вповалку. Грязно, несмѣтное количество вшей и уберечься отъ нихъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ «собачникѣ» вы встрѣтите людей, которые по 3—5—8—10 мѣсяцевъ не мѣняли бѣлья за неимѣніемъ его.

Къ счастью арестованные, какъ правило, долго въ «собачникѣ» не задерживаются: обычно 5—10 часовъ, рѣже одинъ-два дня и только въ видѣ наказанія 3—7—10—14—20 дней. Лично мнѣ однажды пришлось прожить въ «собачникѣ» 6 дней безъ бѣлья, безъ постельныхъ принадлежностей, безъ мыла. Незабываемые то были дни, какъ по своей тяжести, такъ и по своему интересу.

Достаточно просидѣть въ «собачникѣ» 10 дней, чтобы можно было написать уже цѣлый романъ.

Самая яркая фантазія не можетъ сравниться съ дѣйствительностью. Это въ буквальномъ смыслѣ интернаціональный вертепъ, въ которомъ вы увидите людей самыхъ разнообразныхъ національностей, населяющихъ Россію. Впрочемъ, здѣсь же вы встрѣтите и итальянца, и англичанина, и нѣмца, и китайца, и венгерца, и эстонца, и т. д. Вы здѣсь увидите карманщика, профессора, бандита, безпартійнаго рабочаго, инженера, митрополита, врача, священника, спекулянта, виднаго коммуниста, мужика, совработника, монаха, крестьянина, бывшаго бюрократа, фальшивомонетчика, бывшаго царедворца, виднаго представителя одной изъ соціалистическихъ партій, студента, самогонщика, ювелира, конокрада, комсомольца, члена Коминтерна, матроса, бывшаго помѣщика, анархиста, эмигранта, чекиста, кооператора, артиста, взяточника, литератора, растратчика и т. д. и т. д. За что эта публика арестована? Чисто уголовныя дѣла въ общей массѣ «дѣлъ» занимаютъ послѣднее мѣсто. Большинству же арестованныхъ «пришиты

дѣла» по экономической и политической контръ-революціи, «шпіонажу». Впослѣдствіи я еще нѣсколько разъ упомяну о населеніи «собачника», а пока кратко разскажу, что я тамъ впервые увидѣлъ.

Разумѣется, я многое зналъ и слышалъ о Г. П. У. раньше и, какъ мнѣ казалось, достаточно хорошо былъ освѣдомленъ объ этомъ «соціалистическомъ» застѣнкѣ и все же «собачникъ» ошеломилъ меня и своимъ видомъ и своимъ населеніемъ.

Прежде всего мнѣ бросился въ глаза старикъ, лѣтъ 85-90, согбенный, слабенькій, съ посохомъ, въ монашескомъ одѣяніи. Хотя я былъ еще робкій «новичекъ», но все же рѣшилъ побесѣдовать по душамъ съ милымъ старичкомъ. Разумѣется бесѣда началась съ того, что я его спросилъ, за что онъ попалъ въ Г. П. У.

Выяснилось слѣдующее: мой собесѣдникъ, о. Іеронимъ, монахъ - отшельникъ. Жилъ въ лѣсу около Нижняго-Новгорода, о революціи, большевикахъ, ничего не знаетъ. Постъ и молитва — его удѣлъ. Жилъ подаяніемъ, которое приносило ему въ пещеру окрестное населеніе, по преимуществу крестьянство. Въ заключеніи уже 7 мѣсяцевъ. Аскетическій образъ жизни о. Іеронима дѣлалъ его извѣстнымъ даже за предѣлами своей округи и народъ частенько его посѣщалъ. Въ этомъ и состояла вся вина о. Іеронима передъ кремлевско-лубянской жандармеріей, всему міру кричащей о своей несокрушимой силѣ, о своемъ большевистскомъ «великодушіи».

Отдѣльной группой, въ сторонѣ, держалось около 12 человѣкъ въ рваныхъ френчахъ и пальто англійскаго покроя защитнаго цвѣта.

Ведутъ оживленный разговоръ. Прислушался. Слышны воспоминанія изъ боевой жизни бѣлыхъ армій. Подошелъ и сталъ распрашивать: кто, откуда и т. д.

Оказывается «амнистированные» большевистскимъ «президентомъ» М. Калининымъ врангелевцы, добровольно вернувшіеся на «родину» и теперь уже около 5-ти мѣсяцевъ подкармливающіе чекистскихъ коммунистическихъ вшей въ большевистскихъ тюрьмахъ. Съ семьями разлучены и гдѣ первыя, — ничего не знаютъ, тѣмъ болѣе, что для женщинъ есть свой «собачникъ».

Рядомъ группа курсантовъ Г. П. У. Въ чемъ ихъ вина, узнать было нельзя, такъ какъ настроеніе къ нимъ у всѣхъ враждебное, да и они сами ни съ кѣмъ въ разговоры не вступали, держась сплоченно и бесѣдуя между собою шопотомъ.

Рядомъ со мною молодой парень, въ крестьянскомъ одѣяніи, безъ зубовъ, нѣкій Вербицкій.

Разговорились. Оказывается, полякъ, рабочій, наслышался о «соціалистическомъ раѣ» и рѣшилъ бѣжать изъ «буржуазной» Польши къ своимъ, т. е. въ страну, гдѣ правятъ, какъ ему говорили, рабочіе и крестьяне, строя свой новый «соціалистическій» міръ.

Переходъ границы. Добровольная и радостная явка гдѣ-то, кажется на Подоліи, въ пограничное Г. П. У. Арестъ. Обвиненіе въ «шпіонажѣ». Страшныя пытки, избіеніе, во время котораго и были выбиты почти всѣ зубы. Между прочимъ, когда В. былъ арестованъ и сидѣлъ въ камерѣ съ 2 другими «шпіонами», послѣ одного допроса чекисты явились въ камеру и на его глазахъ въ камерѣ же разстрѣляли его товарищей по «шпіонажу», а В. вызвали сейчасъ же еще разъ къ слѣдователю и предложили ему въ послѣдній разъ

разсказать всю правду о тѣхъ «шпіонскихъ» заданіяхъ, которыя якобы ему, какъ это уже извѣстно Г. П. У., были даны 2-ымъ Отдѣломъ Польскаго Генеральнаго Штаба, угрожая въ противномъ случаѣ немедленнымъ разстрѣломъ. О «шпіонскихъ» заданіяхъ В. ничего разсказать не могъ, разстрѣлъ однако не состоялся по неизвѣстнымъ причинамъ. Продолженіе о В. будетъ послѣ, когда я буду говорить о моей встрѣчѣ въ тюрьмѣ съ польскимъ епископомъ Цѣплякомъ, какъ извѣстно осужденнымъ въ 1923 г. къ смертной казни.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня «собачникъ» и я сказалъ самъ себѣ: такъ вотъ что въ дѣйствительности значитъ Г. П. У.! Дальнѣйшія мои «развѣдки» въ «собачникѣ» на этотъ разъ прекратились, такъ какъ я былъ вызванъ куда то съ вещами.

Черезъ 2-3 минуты я очутился въ новомъ помѣщеніи, болѣе чистомъ и менѣе населенномъ. На деревянныхъ нарахъ сидѣло и лежало нѣсколько человѣкъ и какой-то цыганъ, страшно обросшій бородой, весело разсказывалъ цыганскіе анекдоты. Оказывается, что я попалъ въ одну изъ такъ называемыхъ «камеръ предварительнаго заключенія». Какъ потомъ выяснилось, въ «камерахъ предварительнаго заключенія» сидятъ арестованные, ожидающіе дальнѣйшаго направленія либо во «внутреннюю тюрьму», либо въ «Бутырскую военно-слѣдственную тюрьму О. Г. П. У.». Обычное сидѣніе въ этихъ камерахъ отъ 1 до 7 дней, въ зависимости отъ того, какъ рѣшитъ слѣдователь, къ которому попадаетъ «дѣло».

Перезнакомился я съ новыми товарищами по несчастью.

Обратилъ на себя вниманіе страшно худой, высокаго роста, обросшій громадной бородой, въ рубищахъ, мужчина, съ лихорадочно горѣвшими глазами. Этотъ человѣкъ сидѣлъ на нарахъ, снявши грязный, рваный полушубокъ, и съ громаднымъ увлеченіемъ уничтожалъ вшей. Непріятно видѣть эту картину, а еще непріятнѣе слышать трескъ вшей подъ ногтемъ.

На всякій случай мною была прихвачена съ собою одна смѣна бѣлья, которую я предложилъ несчастному. Подѣлился мыломъ, оторвалъ ему половину своего полотенца, подѣлился завтракомъ. Несчастный такъ всѣмъ былъ растроганъ, что сталъ рыдать, какъ ребенокъ. Мы стали сразу друзьями и онъ мнѣ разсказалъ свою печальную эпопею. Латышскій крестьянинъ, по фамиліи Звайгзне, жилъ онъ въ двухъ верстахъ отъ совѣтской границы гдѣ-то въ районѣ Пскова. Подъ новый 1923 годъ былъ у сосѣда, гдѣ изрядно выпили. Морозная ночь. Мятель. Пошелъ домой, заблудился. Пошелъ на огонекъ — оказывается совѣтскій чекистскій постъ. Разумѣется былъ немедленно схваченъ, доставленъ въ Псковскую тюрьму и обвиненъ въ «шпіонажѣ». До мая мѣсяца просидѣлъ въ Псковской тюрьмѣ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ: безъ бѣлья, въ холодѣ, безъ книгъ и, что самое ужасное, на голодномъ пайкѣ, да и то невѣроятно омерзительномъ по своему качеству. Страшно исхудалъ, заболѣлъ, изнервничался отъ постоянныхъ допросовъ, угрозъ немедленно разстрѣлять, и т. д. Добивались отъ него признанія въ томъ, какія заданія онъ получилъ отъ Латвійской военной контръразвѣдки.

Знакомлюсь съ товарищами дальше. Два юнца, лѣтъ 17-ти, члены Смоленскаго Л. К. С. Р. М. (Ленинскаго Коммунистическаго Союза Рабочей Молодежи). Дѣло любопытное: одинъ изъ нихъ написалъ памфлетъ на своихъ комсомольцевъ подъ названіемъ: «В. Ц. И. К. НАХО», что значило «Всерос-

сійскій Центральный Исполнительный Комитетъ Нахаловъ, Хулигановъ и Оболтусовъ». Въ памфлетѣ авторъ дѣловито и вѣрно изобразилъ жизнь и дѣятельность мѣстныхъ комсомольцевъ. Памфлетъ былъ переписанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ, разумѣется, немедленно попалъ въ Смоленское Г. П. У. Послѣдовали аресты. Возникло большое дѣло о контръ-революціи, «главарей-заговорщиковъ» доставили въ Москву въ главный чекистскій штабъ — О. Г. П. У. (кстати: О. Г. П. У. сокращенно обозначаетъ «Объединенное Государственное Политическое Управленіе»). Такимъ образомъ недремлющее око Г. П. У. накрыло еще одно «гнѣздо» опаснѣйшихъ «контръ-революціонеровъ». Недаромъ большевистскій «президентъ», М. Калининъ, не такъ давно еще въ печати сказалъ, что Г. П. У. ѣстъ совѣтскій «пролетарскій» хлѣбъ не даромъ.

Изъ другихъ обитателей «предварилки» упомянемъ еще трехъ харьковскихъ студентовъ. О своемъ дѣлѣ они ничего не знаютъ; за что арестованы, тоже не извѣстно. На допросахъ у нихъ главнымъ образомъ распрашиваютъ о знакомыхъ, когда и гдѣ достали старыя соціалъ-демократическія брошюры, найденныя у нихъ при обыскѣ, какъ относятся къ совѣтской власти. Настроеніе у студентовъ подавленное, такъ какъ привозъ ихъ изъ Харькова въ Москву знаменуетъ, что ссылки не миновать.

Началъ было «интервьировать» цыгана. Только успѣлъ узнать, что сидитъ онъ по «лошадиному» дѣлу (конокрадъ-соціалистъ), какъ открывается дверь, входитъ жандармъ и предлагаетъ слѣдовать за нимъ «безъ вещей».

Послѣ долгихъ странствій по корридорамъ, подымаюсь по черной лѣстницѣ въ третій этажъ.

На наружной двери у лѣстницы надпись: «Коллегія О. Г. П. У.». Вхожу. Пріемная комната. Молодой человѣкъ за письменнымъ столомъ. Другая надпись на двери: «Каб. Зам. Предсѣд. О. Г. П. У. Безъ доклада не входить».

Молодой человѣкъ:

— Садитесь, тов. Бруновскій. Я сейчасъ доложу.

Нѣсколько смущенъ столь «милымъ» обращеніемъ. Слово «товарищъ» прозвучало дико, нелѣпо и пошло. Впрочемъ, это обычная картина въ С. С. С. Р.

Чекистъ вошелъ къ «Заму» и сейчасъ же вышелъ.

— Пожалуйте, товарищъ Бруновскій.

Вхожу. За письменнымъ столомъ сидитъ зам. Всесоюзнаго большевистскаго палача Дзержинскаго г. Уншлихтъ. Справа отъ него, въ концѣ стола, сидитъ прокуроръ О. Г. П. У., онъ же помощникъ прокурора «Верх. Суда С. С. С. Р.», г. Катаньянъ. Лично не знакомъ ни съ однимъ, ни съ другимъ, но въ лицо обоихъ знаю прекрасно.

Слѣва, въ концѣ стола, сидитъ упитанный молодой человѣкъ въ чекистской формѣ съ иголочки. Вижу его впервые. Какъ выяснилось нѣсколько дней спустя, это тоже «важная шишка», — Начальникъ Скандинавской Секціи Отдѣла Контръ-Развѣдки Секретно-Оперативнаго Управленія О. Г. П. У. Михаилъ Владиміровъ.

Уншлихтъ очень любезно:

— Здравствуйте, товарищъ Бруновскій. Садитесь пожалуйста. Вы, вѣроятно нѣсколько удивлены всѣмъ происшедшимъ. Скажу Вамъ откровенно, что мнѣ было очень непріятно подписать ордеръ о Вашемъ арестѣ. Я, однако, не сомнѣваюсь, что все уладится. Какъ Вы себя чувствуете?

Брун. — Я дѣйствительно очень удивленъ арестомъ. Чувствую себя у Васъ довольно плохо, тѣмъ болѣе, что въ помѣщеніяхъ у Васъ грязно, много вшей, въ особенности въ «собачникѣ».

Уншл.: — Какъ, развѣ Вы были въ «собачникѣ»?

Брун.: — Недолго, но былъ; теперь водворенъ въ «предварилку».

Сейчасъ же выяснилось, что Уншлихтъ еще ночью отдалъ распоряженіе дежурному коменданту водворить меня въ какое-то особое помѣщеніе, но дежурный комендантъ, за недосугомъ, совсѣмъ забылъ. Уншлихтъ по телефону вызвалъ какого-то чекиста и сдѣлалъ указаніе привести въ исполненіе его прежнее распоряженіе. Было также сдѣлано распоряженіе и о томъ, чтобы пищу подавали изъ чекистской столовой и даже съ виномъ.

Уншл.: — Мы были очень удивлены тѣмъ, что Вы зарегистрировались къ отъѣзду. Мы полагаемъ, что Вы оптировали Латвійское гражданство только для нѣкоторыхъ своихъ личныхъ дѣлъ.

Катаньянъ: — Отвѣтьте, пожалуйста, тов. Бруновскій, на нѣкоторые вопросы:

1. Почему Вы недавно отклонили предложеніе тов. Богданова (предсѣдателя ВСНХ) о назначеніи Васъ директоромъ-распорядителемъ «Сельмаштреста»?

2. Почему Вы не сдали до сего времени письма тов. Ленина въ Институтъ его имени?

3. Почему Вы хранили у себя секретныя бумаги и документы Коминтерна? Развѣ Вы не знали, что въ бѣлой Латвіи Васъ за эти документы посадили бы въ тюрьму?

Поясняю, что отъ должности директора-распорядителя «Сельмаштреста» отказался потому, что былъ уже занятъ работой въ Нансеновскомъ Комитетѣ и въ «Госторгѣ», что письма Ленина не сдалъ потому, что предложеніе о сдачѣ всѣхъ писемъ Ленина въ Институтъ его имени носило только характеръ добровольнаго призыва, а отнюдь не обязательнаго постановленія Правительства, что о судьбѣ бумагъ Коминтерна не думалъ еще, такъ какъ отъѣздъ въ Латвію назначилъ на начало сентября. Вполнѣ вѣроятно, что я эти бумаги уничтожилъ бы, хотя и не думаю, чтобы въ бѣлой Латвіи я могъ быть преданъ суду за свою службу Октябрьской Революціи. Нахожденіе у меня бумагъ и документовъ Коминтерна при арестѣ доказываетъ, что у меня не было никакихъ враждебныхъ намѣреній, ибо въ противномъ случаѣ я уже давно такъ или иначе переправилъ бы свой политическій архивъ заграницу.

Уншл.: — Хорошо, тов. Бруновскій, правдивость Вашего заявленія Вы, при желаніи, сможете легко доказать намъ. Теперь же мы приступимъ къ существу нашей бесѣды. Мы всегда Васъ знали, какъ очень умнаго человѣка, и потому будемъ говорить откровенно.

Дѣло въ томъ, что намъ очень нужна Ваша услуга, которую мы сумѣемъ оцѣнить, а кромѣ того принятіемъ или отклоненіемъ нашего предложенія, Вы покажете, являетесь ли Вы нашимъ прежнимъ другомъ или являетесь уже врагомъ рабоче-крестьянскаго правительства.

Брун.: — Какъ Вы вѣроятно знаете, тов. Дзержинскій и тов. Ульрихъ (предсѣдатель Рев. Воен. Трибунала) уже трижды обращались ко мнѣ въ свое время съ просьбой оказать услуги В. Ч. К. и Г. П. У., но я всегда считалъ

принципіально для себя непріемлемымъ какую бы то ни было совмѣстную работу ни съ В. Ч. К., ни съ Г. П. У.

Поясняю читателю, что еще въ 1920 г., по возвращеніи моемъ съ Восточнаго фронта, Дзержинскій просилъ меня помочь ему составить Положеніе объ «экономическомъ управленіи» при В. Ч. К., а засимъ и принять на себя руководство этимъ управленіемъ. Хотя этотъ вопросъ дважды былъ еще возбужденъ черезъ старшаго инспектора Г. П. У. Бѣлова, бывшаго у меня инструкторомъ на Восточномъ фронтѣ и тайно состоявшаго въ то же время, какъ я послѣ узналъ, уполномоченнымъ В. Ч. К. при моей Комиссіи, третій разъ объ этомъ со мною велъ бесѣду въ 1921 г. предсѣдатель Московскаго Революціоннаго Трибунала Василій Ульрихъ. Мнѣ неизмѣнно указывалось, что работа Экономическаго Управленія ничего общаго съ дѣятельностью В. Ч. К. имѣть не будетъ, и что, якобы, единственная цѣль существованія этого органа слѣдить за точнымъ выполненіемъ совѣтскихъ декретовъ на мѣстахъ. Мнѣ было ясно, что это не такъ и что меня просто хотятъ заполучить въ штатъ работниковъ В. Ч. К., чтобы такимъ образомъ навсегда отрѣзать мнѣ, какъ чекисту, возможность выѣзда заграницу.

Всѣ три раза я рѣшительно уклонился отъ всякой работы съ В. Ч. К.

Катаньянъ: — Ваши принципы, тов. Бруновскій, для насъ не являются обязательными и мы не можемъ руководствоваться ими тогда, когда они идутъ въ разрѣзъ съ интересами Республики Совѣтовъ.

Брун.: — Я не навязываю Вамъ своихъ принциповъ, но только сообщаю, что для меня лично они являются совершенно обязательными. Поскольку это такъ, Вамъ волей неволей придется съ ними считаться. Кромѣ того, мнѣ кажется, что Г. П. У. вообще избрало самый худшій путь для испытанія моего отношенія къ совѣтскому правительству.

Уншл.: — Тов. Бруновскій, не волнуйтесь. Мы ничего предосудительнаго не собираемся Вамъ предлагать. Вы прекрасно знаете, что буржуазныя правительства стремятся свергнуть пролетарское правительство и въ этомъ особенно заинтересовано Англійское правительство. Эти же правительства, кромѣ того, какъ мы всѣ, и Вы въ томъ числѣ, знаемъ, занимаются въ Россіи шпіонажемъ и въ этомъ отношеніи опять-таки особенно много работаетъ Англійское правительство. У насъ есть много данныхъ о шпіонской дѣятельности Англійскаго правительства въ Россіи и скоро будетъ начатъ колоссальный показательный процессъ о шпіонской работѣ Англіи въ СССР. Ваша услуга можетъ быть исключительно цѣнной, такъ какъ Вы могли бы взять на себя роль уполномоченнаго Англійскаго правительства, что облегчило бы намъ во многихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ. Разумѣется, мы найдемъ способы вознаградить Васъ по Вашему усмотрѣнію, а что касается Вашего осужденія въ порядкѣ процесса, то Вамъ объ этомъ безпокоиться не приходится и мы предоставимъ Вамъ возможность жить въ СССР подъ чужой фамиліей въ любомъ мѣстѣ СССР. Равнымъ образомъ и судьба Вашей семьи будетъ устроена, сообразно Вашему желанію.

Брун.: — Позвольте мнѣ отвѣтить Вамъ по порядку на всѣ пункты Вашего предложенія:

1. Какое бы то ни было участіе мое въ подобномъ процессѣ невыносимо для меня прежде всего по принципіальнымъ соображеніямъ, хотя я, какъ Вы отлично знаете, никогда не былъ и не являюсь защитникомъ буржуазныхъ правительствъ, въ томъ числѣ и Англійскаго.

2. Мнѣ кажется, что Вы переоцѣниваете роль и значеніе моего участія въ такомъ процессѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ и не можетъ быть никакихъ доказательствъ того, что я являюсь уполномоченнымъ Англійскаго правительства по шпіонской его работѣ, производимой, по Вашимъ словамъ, этимъ правительствомъ въ СССР.

3. Лично мнѣ абсолютно ничего неизвѣстно о шпіонажѣ иностранныхъ правительствъ въ СССР вообще и Англійскаго въ частности. Объ этой шпіонской работѣ я знаю только изъ совѣтской печати. Вообще же мнѣ кажется, что мое участіе въ подобномъ процессѣ является совершенно излишнимъ, разъ у Васъ уже есть данныя о шпіонской работѣ Англійскаго правительства въ СССР. Даже болѣе: мое участіе въ процессѣ скорѣе будетъ вредно, чѣмъ полезно, такъ какъ мнѣ даже неизвѣстны ни техника шпіонажа, ни техника подобныхъ процессовъ.

Катаньянъ: — Сейчасъ, тов. Бруновскій, вопросъ идетъ не о техникѣ, а о Вашемъ согласіи. Вы не маленькій мальчикъ и должны сами понимать, что техника не можетъ быть дѣломъ сложнымъ и непреодолимымъ. Это излишне Вамъ пояснять вообще и въ особенности сейчасъ.

Брун.: — Тѣмъ не менѣе я все же, къ сожалѣнію, никакъ не могу быть полезенъ Г. П. У. по существу Вашего предложенія. Къ подобнаго рода вопросамъ у меня, какъ у соціалиста, существуетъ опредѣленное и незыблемое отношеніе, которое я ни въ коемъ случаѣ не хочу и не могу измѣнить. Объ этомъ нѣтъ даже надобности продолжать бесѣду.

Владиміровъ (раздраженно): —Мы съ Вами бесѣдуемъ по товарищески и Вы должны были понять, что разъ мы Васъ пригласили къ намъ въ нѣсколько необычномъ для Васъ порядкѣ, то въ сущности нѣтъ надобности долго останавливаться на нашемъ предложеніи. Точка зрѣнія Г. П. У. въ этомъ дѣлѣ опредѣленна и всякія постороннія соображенія мы ни въ какомъ случаѣ принимать во вниманіе не можемъ и не желаемъ. Г. П. У. вопросъ ставитъ ребромъ: если Вы нашъ другъ, Вы наше предложеніе принимаете безоговорочно и безъ всякихъ ссылокъ на Ваши принципы, которые мы даже знать не желаемъ. Если же Вы наше предложеніе отвергаете, то ясно, что Вы врагъ совѣтскаго правительства. А съ врагами, какъ Вы это отлично знаете, разговоры у насъ короткіе...

Уншл.: — Я Васъ, тов. Бруновскій, больше задерживать не буду. Если Вы хотите что-либо получить изъ дому, напишите письмо Вашей женѣ и мы Вамъ немедленно все доставимъ.. Товарищъ Владиміровъ все это сдѣлаетъ очень быстро и охотно. Мы не ждемъ отъ Васъ сейчасъ отвѣта. Обсудите здраво наше предложеніе и свое положеніе и черезъ 1—2 дня дадите намъ окончательный отвѣтъ. Я надѣюсь, товарищъ Бруновскій, на Ваше благоразуміе. До свиданія.

Брун.: — Я Вамъ отвѣтъ уже далъ и другого отвѣта ждать безполезно. До свиданія.

Владим.: — Мы зайдемъ еще на минутку ко мнѣ.

Поднялся въ пятый этажъ, въ комнату № 179 — «резиденція» Владимірова.

Владим.: — Товарищъ Бруновскій, я еще разъ обращаю Ваше вниманіе на то, что Ваше упорство можетъ имѣть для Васъ роковыя послѣдствія. Мы прекрасно знаемъ Ваши семейныя обстоятельства (намекъ на состояніе жены послѣ сыпного тифа, болѣзнь отца, отсутствіе средствъ къ существова-

нію). Мы прекрасно знаемъ о Вашей работѣ въ «Госторгѣ» и въ Комитетѣ Нансена и о томъ, что Вамъ грозитъ невыполненіе договора (намекъ на то, что у «Госторга» неустойка, а въ случаѣ пропажи имущества Комитета Нансена — искъ въ уголовномъ порядкѣ за растрату этого имущества). Иностранецъ Вы, простите, маргариновый, а кромѣ того Вы хорошо понимаете, что Вамъ апеллировать, если бы Вы это даже и смогли сдѣлать, къ Латвійскому правительству не приходится, и Вы должны это отчетливо понимать (намекъ на мою службу Октябрьской Революціи). Кромѣ того я Вамъ долженъ сказать откровенно, что у насъ есть очень большія основанія предполагать даже, что Вы сами принимаете активное участіе въ организаціи международнаго шпіонажа въ СССР. Въ этомъ насъ, между прочимъ, убѣждаютъ и подлежащія фотографіи.

Владиміровъ при этомъ вынулъ и предъявилъ мнѣ около дюжины фотографій, которыя меня очень удивили. На двухъ изъ нихъ я снятъ выходящимъ изъ Англійской миссіи въ Москвѣ. Припоминаю, что дѣйствительно былъ два раза въ Англійской миссіи: разъ въ началѣ 1921 г. и другой въ началѣ 1922 г., — оба раза по вопросу о постройкѣ въ Россіи консервныхъ фабрикъ. На одной фотографіи я снятъ у подъѣзда Польской миссіи, разговаривающимъ съ моимъ хорошимъ знакомымъ инженеромъ Зажулинскимъ, полякомъ. Съ Зажулинскимъ я былъ знакомъ по знаменитой концессіи норвежца Эдварда Гонневига, еще въ 1916 г. получившаго концессію на постройку «Великаго Сѣвернаго Пути». Фотографія любопытная, такъ какъ я никогда не былъ въ Польской миссіи и никогда никого изъ ея состава не зналъ. Дѣло, однако, было очень просто: однажды утромъ, проходя мимо Польской миссіи, встрѣтилъ выходящимъ изъ послѣдней инж. Зажулинскаго. Поздоровались, поговорили, и вотъ Вамъ фотографія, «доказывающая» мое участіе въ «шпіонской» работѣ Польской миссіи.

Нѣсколько фотографій изображаютъ меня выходящимъ изъ подъѣзда Германскаго посольства. Дѣло также очень просто: въ Германскомъ посольствѣ я былъ нѣсколько разъ по дѣламъ «Общества Русско-Германскаго Сближенія», въ числѣ учредителей котораго были и оффиціальныя лица Посольства: консулъ, д-ръ К. Ф. Граапъ и атташе д-ръ Квирингъ.

Нѣсколько фотографій изображаютъ меня выходящимъ изъ подъѣзда Норвежскаго посольства, какъ въ обществѣ Норвежскаго посла, такъ и въ обществѣ Норвежской Экономической Делегаціи. Все это также весьма понятно, если принять во вниманіе, что я состоялъ уполномоченнымъ Норвежской торговой делегаціи по переговорамъ съ Совѣтскимъ Правительствомъ.

И, наконецъ, три фотографіи изображаютъ меня выходящимъ изъ дома № 3 по Покровкѣ, гдѣ помѣщается Персидское посольство. Никогда въ Персидскомъ посольствѣ я не былъ и никого изъ состава этого посольства никогда не зналъ, но фотографіи вѣрны. Дѣло въ томъ, что слѣва во дворѣ за воротами находится особнякъ Персидскаго посольства, а вправо — квартира инженера А. В. Куйбышева, — брата В. В. Куйбышева, секретаря Ц. К. коммунистической партіи, предсѣдателя ВСНХ и т. д. Всю семью Куйбышевыхъ я зналъ еще съ 1917 г. и часто бывалъ, какъ у А. Куйбышева на Покровкѣ, такъ и у В. Куйбышева въ Кремлѣ.

Владим.: — Какъ видите, мы имѣемъ полное основаніе Васъ самого обвинять въ шпіонажѣ.

Любопытно, что впослѣдствіи эти фотографіи ни въ обвинительныхъ заключеніяхъ, ни на «судѣ» уже не фигурировали. Расчетъ Г. П. У. очевидно былъ такой: наличностью этихъ «обличительныхъ» фотографій сразу ошеломить меня и поставить на «колѣни» въ сознаніи безвыходности положенія. Этотъ номеръ не удался и въ дальнѣйшемъ пользоваться фотографіями было уже просто нелѣпо, такъ какъ подобнаго рода «доказательства» даже въ рукахъ Г. П. У. трудно использовать, тѣмъ болѣе, что о публичномъ «судѣ» рѣчи быть не могло, а въ «судѣ» при закрытыхъ дверяхъ вообще для Г. П. У. не нужны никакія доказательства.

Брун.: — Да, разумѣется, при наличіи такихъ «доказательствъ», Вы въ «шпіоны» можете зачислить половину Россіи. Все это очень любопытно для меня въ другомъ отношеніи: оказывается, Вы уже послѣ 1920 года охотились за мной и на всякій случай подготовляли матеріалы, чтобы съ меньшими хлопотами для Васъ вынудить меня къ принятію Вашихъ предложеній.

Владим.: — Я считаю излишнимъ дискуссировать съ Вами на эту тему. Послѣ завтра утромъ въ 11 часовъ я Васъ вызову. Изъ всѣхъ сегодняшнихъ разговоровъ, а равно и изъ того, что я Вамъ показалъ, сдѣлайте надлежащіе выводы. Рекомендую Вамъ быть благоразумнымъ и не принимать опрометчивыхъ и, быть можетъ, для Васъ роковыхъ, рѣшеній. Если Вамъ угодно получить необходимыя вещи изъ дому, пишите письмо женѣ и я сейчасъ же пошлю нарочнаго.

Письмо я написалъ и вручилъ Владимірову. На этомъ наша бесѣда была прервана.

Назадъ въ «предварилку» я не попалъ и былъ водворенъ въ весьма прилично обставленную комнату при Комендантурѣ тюрьмы. Къ пяти часамъ мнѣ было доставлено все, что я просилъ отъ жены, а въ шесть часовъ былъ поданъ обильный ужинъ и бутылка отличнаго стараго вина.

Такъ прожилъ я день. Рѣшать мнѣ было нечего — рѣшеніе готово. Кажется, что это былъ самый мрачный, самый трагическій день моей жизни. Петля, наброшенная Г. П. У., затянулась на моей шеѣ туго. Безвыходность положенія, безпомощность, тяжелой гнетущей лавиной обрушились на сознаніе. На что надѣяться? Гдѣ, въ чемъ и у кого искать спасенія? Безсиліе, сознаніе своего безправнаго положенія въ лапахъ кровожадныхъ, безчестныхъ, жестокихъ, безсердечныхъ, кремлевско-лубянскихъ злодѣевъ, дѣлало жизнь невыносимо тяжелой. Порою хотѣлось кричать, броситься на жандармовъ, ломать стѣны, двери, но здравый смыслъ подсказывалъ, что въ «соціалистическомъ» застѣнкѣ московской сволочи это ничего не можетъ дать.

Жаловаться? Но кому, — прокурору Республики Курскому или его замѣстителю Крыленко, которыхъ я раньше довольно близко зналъ? Безсмысленная надежда, такъ какъ эти «блюстители закона» никогда не рѣшаются возвысить свой голосъ противъ Г. П. У. и въ особенности послѣ того, какъ Крыленко въ 1921 г. получилъ въ порядкѣ партійной дисциплины строгое внушеніе за свою секретную докладную записку въ Политбюро Ц. К. по вопросу о необходимости введенія хотя бы нѣкотораго партійнаго контроля надъ безконтрольной дѣятельностью Г. П. У. Да и вообще о какой защитѣ могла идти рѣчь, когда зам. предсѣдателя О. Г. П. У. и самъ прокуроръ его являлись инціаторами и организаторами позорнаго и злодѣйскаго насилія!

Сообщить на волю о злодѣйскомъ замыслѣ Г. П. У. и его палаческомъ насиліи?! Тогда мнѣ это казалось абсолютно неосуществимымъ, да и кто, наконецъ, повѣритъ безъ документовъ, что я долженъ либо стать негодяемъ-провокаторомъ, либо самъ погибнуть, какъ «международный шпіонъ»?

Какъ дать знать Комитету Нансена, чтобы спасти имущество послѣдняго? Какъ показать и доказать, что кремлевско-лубянская сволочь бульдожьей мертвой хваткой держитъ меня за горло въ каменномъ мѣшкѣ и будетъ стремиться вынудить Нансена предъявить ко мнѣ искъ въ уголовномъ порядкѣ? Какъ дать знать о создавшемся положеніи близкимъ мнѣ людямъ, — женѣ, сестрѣ, родителямъ, которые увѣрены, что я могу быть выпущенъ на волю каждый часъ, какъ схваченный Г. П. У. по недоразумѣнію?

Ничего тогда придумать я не могъ. Тоска, отчаяніе желѣзными клещами сжимали сердце и мозгъ.

Я рисовалъ себѣ ту позорную и подлую картину, которую большевистскіе палачи стремились бы создать, если бы я взялъ на себя роль «оберъ-шпіона» иностранныхъ правительствъ, въ томъ числѣ и Англійскаго.

Картина, конечно, не новая. Эти картины весь міръ можетъ наблюдать уже 10 лѣтъ. Въ общемъ, «шпіонскій» процессъ противъ Англійскаго и другихъ иностранныхъ правительствъ представлялъ бы слѣдующую картину:

Прежде всего у меня появились бы «соучастники»: монархисты-террористы, которые получили якобы заданіе отъ разныхъ монархическихъ «центровъ» заграницей и перебрались въ СССР при участіи развѣдокъ окраинныхъ государствъ. Разумѣется, не обошлось бы безъ «связи» съ иностранными развѣдками и на судѣ фигурировали бы имена «представителей» англійской, французской и другихъ Великихъ Державъ, организующихъ «шпіонажъ» въ СССР при содѣйствіи, скажемъ, Финляндіи, Латвіи и т. д.

Нашлись бы и «делегаты» соціалистическихъ партій, пославшихъ своихъ представителей въ СССР для «контръ-революціонныхъ» цѣлей, попутно вступившіе якобы въ «дѣловыя» сношенія съ иностранными развѣдками и т. д., и т. д.

Разумѣется, у всѣхъ этихъ «шпіоновъ», «провокаторовъ», «террористовъ», «контръ-революціонеровъ» нашлись бы въ СССР нужныя «связи», «явочныя квартиры», цѣлыя «организаціи», работавшія, какъ исполнительный и техническій аппаратъ для подготовки «покушеній» на большевистскихъ вождей, для подготовки взрывовъ желѣзно-дорожныхъ мостовъ, фабрикъ, заводовъ и т. п. Конечно, при «переходѣ» границы у этихъ «террористовъ», «шпіоновъ» и т. п. «нашли бы» браунинги, маузеры, наганы и патроны къ нимъ. «Нашли бы» флаконы съ сильно дѣйствующими ядами.

Не обошлось бы, разумѣется, безъ ручныхъ гранатъ, бомбъ, сильно взрывчатыхъ веществъ съ надлежащими (конечно) клеймами, скажемъ «Made in England» и т. д.

Словомъ все было бы «въ порядкѣ» и предусмотрѣно до мелочей. Цѣлые фоліанты протоколовъ, дознаній, гдѣ фигурировали бы имена не только живыхъ еще «подлыхъ враговъ» СССР, но и имена уже въ свое время «ликвидированныхъ» Г. П. У. «террористовъ», «шпіоновъ» и т. д.

Въ центрѣ, разумѣется, былъ бы я, какъ, скажемъ, начальникъ «штаба» этихъ всѣхъ «заговорщиковъ»! Разумѣется, была бы «установлена» моя тѣсная связь съ англійской миссіей, норвежскимъ, польскимъ и другими по-

сольствами, черезъ которыя я якобы «получалъ» денежные кредиты въ фунтахъ, кронахъ, маркахъ и т. д.

Сначала въ большевистской «печати» появились бы коротенькія, но выразительныя сообщенія о раскрытіи крупнаго заговора противъ Республики Совѣтовъ и о томъ, что, молъ, слѣдственнымъ органамъ Г. П. У. удалось напасть на «слѣды», ведущіе въ нѣкоторыя иностранныя миссіи въ Москвѣ.

Потомъ въ печати появились бы свѣдѣнія уже болѣе опредѣленнаго характера и были бы названы кой-какія имена, иностранныя миссіи и посольства, въ томъ числѣ конечно англійская миссія, которая «кажется» всегда прямо или косвенно фигурируетъ во всѣхъ «шпіонскихъ» и иныхъ процессахъ въ СССР.

Дѣло закончено. «Роли» распредѣлены и строго заучены. Публичное засѣданіе «Верховнаго Суда Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ» съ наибольшей торжественностью. Публика. Делегаты разныхъ «пролетарскихъ», партійныхъ, совѣтскихъ, профессіональныхъ и общественныхъ организацій. Словомъ «цвѣтъ» совѣтской «общественности». Ну и конечно прежде всего борзописцы всѣхъ ранговъ и мастей коммунистической проституированной «печати». Не были бы забыты представители иностранныхъ миссій, посольствъ, иностранные корреспонденты, именитые и дружески расположенные къ большевикамъ путешественники, восторгающіеся большевистскими «достиженіями» на всѣхъ «фронтахъ», и т. д.

Мнѣ и другимъ «шпіонамъ» и «террористамъ» были бы назначены казенные защитники ихъ подлой «юстиціи», которые по заказу искали бы «смягчающія вину обстоятельства», дѣлая насъ всѣхъ несчастными жертвами міровой буржуазіи, кровожадныхъ имперіалистовъ, міровыхъ «соціалъ-предателей» и т. д. Государственное «обвиненіе» поддерживалъ бы извѣстный «спецъ» по такого рода процессамъ, первый помощникъ генералъ-прокурора СССР г. Крыленко, набившій уже себѣ руку на разнаго рода «шпіонскихъ» и другихъ подобныхъ процессахъ.

По заранѣе составленной Г. П. У. программѣ, я долженъ былъ бы во всемъ «каяться» и «чистосердечно» докладывать «пролетарскому суду», какъ дошелъ я до жизни такой, т. е. какъ, при какихъ обстоятельствахъ и почему такъ низко палъ, ставъ «предателемъ» интересовъ первой въ мірѣ «пролетарской» республики и т. д. Я долженъ былъ бы при этомъ «чистосердечно» разсказать «о коварныхъ» замыслахъ иностранныхъ милитаристовъ, имперіалистовъ и т. д., и т. д.

Г. Крыленко сталъ бы громить прежде всего міровыхъ «акулъ» въ лицѣ Англіи, Норвегіи и другихъ державъ, которыя-де въ странѣ совѣтовъ организовываютъ «шпіонскія гнѣзда», «подготовляютъ» взрывы, убійства вождей «авангарда» міроваго пролетаріата, стремясь-де «удушить» русскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Г. Крыленко взялъ бы въ «работу» эмигрантскія учрежденія и организаціи, чтобы потомъ подготовить почву для соотвѣтствующихъ выступленій г. Чичерина.

Много грязи было бы, конечно, вылито и на соціалистовъ, такъ какъ Бруновскій-де, будучи соціалистомъ, былъ «предателемъ» рабочаго класса и прямымъ «агентомъ» буржуазіи. Крыленко обрушился бы со всей большевистскою злобой на соціалистическія партіи, которыя кремлевско-лубянскіе жандармы больше всѣхъ и всего ненавидятъ за то, что истинно соціа-

листическія партіи уже 10 лѣтъ ведутъ героическую, упорную борьбу съ московскими узурпаторами, какъ съ прямыми предателями интересовъ трудящихся, какъ съ могильщиками соціализма. Я — представитель интеллигенціи и потому Крыленко, какъ бѣшеная собака, набросился бы на интеллигенцію, которая-де разложилась.

Я — ученый агрономъ, а слѣдовательно спеціалистъ. Дѣло ясное: часть, молъ, высоко-квалифицированныхъ спеціалистовъ все еще является «слугою» контръ-революціи и т. д. Всѣ эти вопли, всю эту подлую клевету, подхватила бы явная и тайная московская агентура заграницей и стала бы въ яркихъ краскахъ размазывать чекистскую провокацію, призывая міровой пролетаріатъ стать плечомъ къ плечу на защиту московской цитадели міровой «соціальной» революціи.

Вотъ обычная картина подобныхъ «процессовъ», которые въ СССР создавались, создаются и еще долго будутъ создаваться.

Такимъ образомъ Г. П. У. однимъ выстрѣломъ могло бы убить двухъ зайцевъ сразу: 1) новый скандальный процессъ противъ иностранныхъ правительствъ и въ особенности противъ англійскаго правительства, 2) мнѣ навсегда отрѣзанъ былъ бы путь для выѣзда за-границу и, такимъ образомъ, Г. П. У. было бы застраховано отъ всякихъ возможностей моего выступленія противъ большевиковъ, что они имѣли основаніе предполагать.

Утро 13-го мая. Было подано кофе, сливки, 2 яйца, ветчина. Жандармъ-лакей не только любезенъ но даже милъ. Спросилъ: когда подать завтракъ. Въ 11 часовъ входитъ новый жандармъ и очень привѣтливо проситъ слѣдовать за нимъ.

Проводятъ въ ту же 179 комнату, гдѣ снова вижу заплывшую жиромъ физіономію заплечныхъ дѣлъ мастера М. Владимірова.

Владим.: — Здравствуйте, товарищъ Бруновскій; садитесь. Ну-съ, что Вы намъ скажете хорошаго? Надѣюсь, Вы на досугѣ все здраво обсудили и мы найдемъ общій языкъ?

Брун.: — Не находите ли Вы, госп. Владиміровъ, что слово «товарищъ» совершенно неумѣстно въ нашихъ отношеніяхъ?! Я бы лично просилъ Васъ не считать меня своимъ товарищемъ. Что касается моего отвѣта, то онъ Вамъ былъ данъ еще 11 мая. Больше мнѣ нечего прибавить и я рѣшительно прошу Васъ къ этой темѣ больше не возвращаться.

Владим.: — Дѣло Ваше, сударь. Въ такомъ случаѣ пеняйте на себя самого, такъ какъ мы Васъ достаточно щадили. Въ нашемъ распоряженіи есть неопровержимыя доказательства того, что Вы уже нѣсколько лѣтъ занимаетесь военно-политическимъ и экономическимъ шпіонажемъ въ пользу иностранныхъ государствъ, — въ особенности въ пользу Англіи и Норвегіи. Дѣло теперь пойдетъ въ нѣсколько иномъ направленіи.

И дѣйствительно «дѣло» пошло въ нѣсколько «иномъ направленіи». Пошли обычные вопросы: Ваша фамилія, имя, отчество, возрастъ и т. д.

Отвѣты даю краткіе. Веду себя съ возможной сдержанностью. Инцидентъ вызываетъ только моя «шпіонская» поѣздка въ Петроградъ въ 1921 г. по «заданіямъ» Шведскаго посольства въ Москвѣ.

Указываю этому негодяю, что пусть обдумываетъ немного вопросы и хоть изрѣдка заглядываетъ въ свои чекистскія святцы, такъ какъ Шведскаго посольства въ Москвѣ въ 1921 году вообще еще не было.

Владим.: — Какъ не было? У насъ есть точныя свѣдѣнія объ этой Вашей поѣздкѣ.

Брун.: — Ваши «свѣдѣнія» меня мало интересуютъ. Я только отмѣчаю фактъ, что Шведскаго посольства въ Москвѣ въ 1921 г. еще не было. Этимъ исчерпывается мое показаніе по существу Вашего вопроса.

Вначалѣ этотъ прохвостъ немного смутился, а потомъ повелъ свой допросъ дальше. Всего въ этотъ день было составлено 3 или 4 протокола, точно не припомню. Между прочимъ, въ этотъ день уже было зафиксировано якобы «полученіе мною дважды денежныхъ суммъ отъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Ходжсона». Дальше фигурировалъ въ «дѣлѣ» бывшій финляндскій генералъ-губернаторъ Сирелiусъ, якобы главный организаторъ Карельскаго возстанія, причемъ Г. П. У. «установило», что я принималъ активное участіе въ этомъ возстаніи и т. д. По окончаніи допроса я былъ доставленъ къ фотографу, гдѣ въ разныхъ видахъ сфотографированъ, съ приколкой на экранѣ соотвѣтствующаго номера. Послѣ фотографа я былъ доставленъ въ канцелярію тюрьмы, куда уже были принесены мои вещи. Слѣдуетъ самый тщательный обыскъ, послѣ котораго жандармъ уводитъ меня съ вещами въ камеру № 38.

Въ небольшой комнаткѣ оказалось уже 16 «жильцовъ». Не зная еще порядка, я сталъ громко, какъ обычно, разговаривать. Оказывается, что это въ камерахъ недопустимо, разговоры разрѣшаются полушепотомъ и во всякомъ случаѣ только настолько громко, чтобы за дверью не было слышно.

Изъ моихъ новыхъ товарищей по «общежитію» обратилъ на себя вниманіе высокій, стройный старикъ съ красивой окладистой бородкой въ священническомъ одѣяніи.

Какъ оказалось, это бывшій архіепископъ Финляндскій, Митрополитъ о. Сергій. Если я не ошибаюсь, о. Сергій является въ настоящее время зам. блюстителя Патріаршаго Престола въ Россіи.

Основаніемъ ареста послужило якобы недовольство о. Сергія въ свое время конфискаціей церковнаго имущества.

Любопытенъ былъ англійскій матросъ, бѣжавшій изъ «буржуазной» Англіи въ «соціалистическій» рай. Матросъ сидѣлъ уже 7 мѣсяцевъ въ качествѣ англійскаго «шпіона». Негодованіе матроса было исключительное, такъ какъ бѣдняга, наслушавшись разсказовъ о прекрасной большевистской странѣ, рѣшилъ во что бы то ни стало пробраться въ нее, чтобы лично все повидать, лично привѣтствовать «пролетаріатскихъ» вождей и выразить имъ свое чувство восхищенія. Бѣдняга пробрался въ СССР въ угольной ямѣ одного изъ торговыхъ пароходовъ, но, по прибытіи въ Петроградъ, немедленно попалъ сначала въ застѣнокъ Петербургскаго Г. П. У., что на Гороховой № 2, а затѣмъ въ Москву — во «внутреннюю» тюрьму О. Г. П. У.

О дальнѣйшей судьбѣ его ничего не знаю, но думаю, что назадъ-то матросъ уже не былъ выпущенъ, такъ какъ такой живой свидѣтель «прекрасной» жизни въ «соціалистическомъ» совѣтскомъ раю былъ бы крайне нежелателенъ кремлевско-лубянскимъ правителямъ.

Начальникъ ГУКОН'а (Государственнаго Управленія Коннозаводства) Де-Виттъ. Большой спеціалистъ, знатокъ своего дѣла. Не поладилъ съ комиссаромъ Управленія и былъ сданъ Г. П. У., какъ бывшій дворянинъ, да притомъ еще съ громкой фамиліей.

Студентъ Московскаго Университета. Сидитъ уже 4 мѣсяца за то, что на одномъ изъ студенческихъ собраній позволилъ себѣ заявить неудовольствіе по поводу высокой платы за правоученіе, тогда какъ вожди Октябрьской Революціи декларировали въ свое время безплатное обученіе въ высшей школѣ. Вскорѣ студентъ получилъ приговоръ Г. П. У. — 3 года ссылки въ Соловки.

Другой студентъ сидѣлъ уже 8 мѣсяцевъ за то, что организовалъ кружокъ по изученію марксизма и весьма сочувственно относился къ программѣ меньшевиковъ. Этотъ студентъ тоже вскорѣ получилъ приговоръ — 3 года ссылки въ Туркестанъ.

Видный инженеръ-строитель. Сидѣлъ уже 3 мѣсяца. Истинная причина ареста неизвѣстна, если не считать, что у хорошаго его знакомаго, арестованнаго по подозрѣнію въ «шпіонажѣ», въ записной книжкѣ нашли его адресъ.

Бывшій предсѣдатель Союза Печатниковъ. Въ свое время видный работникъ меньшевистской партіи. Сидитъ уже 11 мѣсяцевъ. Обвиненіе: принадлежность до революціи къ партіи меньшевиковъ. Ждалъ приговора со ссылкой въ отдаленныя мѣста.

Бывшій правый эсеръ, а теперь только дѣлопроизводитель одного провинціальнаго воинскаго комиссаріата. Обвиненъ въ «шпіонажѣ», но надѣялся быть скоро на волѣ, такъ какъ братъ его секретарь УКОМ'а (Уѣзднаго Комитета Партіи), который все уладитъ, такъ какъ фактически дѣло было не въ «шпіонажѣ», а въ эсеровской «отрыжкѣ», какъ ему не разъ говорилъ его патронъ — военный комиссаръ.

Рабочій съ завода «Динамо». Энергичный, довольно развитой. На свою бѣду досталъ гдѣ-то номеръ «Соціалистическаго Вѣстника» и прочелъ его въ кругу близкихъ друзей, какъ ему казалось. Дѣло стало немедленно извѣстно Г. П. У. Арестъ, обвиненіе въ контръ-революціи и требованіе указать лицо, у котораго былъ полученъ «Соціалистическій Вѣстникъ». Рабочій вскорѣ получилъ приговоръ — ссылка на 3 года въ Суздальскій «политизоляторъ».

Сельскій учитель, молодой и очень скромный человѣкъ. Велъ неосторожные разговоры въ своей школѣ о желательности созданія чисто крестьянской соціалистической партіи на основѣ программы лѣвыхъ соц.-революціонеровъ. Сидитъ уже 7½ мѣсяцевъ и покорно ждетъ своей участи, т. е. неминуемой ссылки.

Молодой человѣкъ лѣтъ 22. Только что женился. Сидитъ 1½ мѣсяца за якобы службу его въ Топографическомъ Управленіи Колчаковской арміи. Страшно нервничаетъ, большей частью плачетъ и всѣмъ стремится доказать, что онъ никогда не служилъ у бѣлыхъ вообще и что въ Колчаковскія времена ему было только 17 лѣтъ. Причиной ареста послужилъ доносъ одного коммуниста изъ его дома, съ которымъ онъ поссорился на засѣданіи Домового Комитета. Коммунистъ сказалъ ему на засѣданіи: «подожди, бѣлогвардейская сволочь, я еще тебѣ покажу».

Еврей. Уполномоченный «Госбанка», работающій на комиссіонныхъ началахъ по заготовкѣ хлѣба для «Госбанка». Арестованъ на Поварской улицѣ противъ Англійской миссіи. При арестѣ отнято личныхъ денегъ 4 съ лишнимъ тысячи червонцевъ и кромѣ того обвиненъ въ «шпіонажѣ» въ пользу Англіи. Истинныхъ основаній ареста еще не знаетъ (сидитъ онъ 2 недѣли), но думаетъ, что у Г. П. У. было просто желаніе немного «выжать» его, такъ какъ о немъ ходили уже слухи, какъ о новомъ совѣтскомъ «милліонерѣ».

Рабочій грекъ Паростатовъ. Предсѣдатель фабрично-заводского комитета. Коммунистъ. Чистокровный пролетарій. Въ Ком'ячейкѣ сталъ доказывать необходимость партійной демократіи. Конечно, на другой день былъ арестованъ. Любопытная исторія съ нимъ произошла: получалъ онъ, какъ видный коммунистъ, отдѣльную пищу, не въ примѣръ лучше общей тюремной пищи. Я сталъ ему говорить, какъ это некрасиво съ его стороны пользоваться привиллегіями, когда другіе политическіе заключенные находятся на уголовномъ режимѣ, и даже лѣвый эсеръ Николай Желѣзновъ, студентъ пролетарій, съ туберкулезомъ въ послѣдней стадіи, получаетъ бурду изъ такъ называемаго «уголовнаго котла». Паростатову это показалось очень новымъ и справедливымъ. Возмутился. Вызвалъ жандарма и возвратилъ ему свой коммунистическій паекъ (впрочемъ не всѣ коммунисты получаютъ такой паекъ. Назначеніе его зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ видовъ слѣдователя!). Паростатовъ мало развитой человѣкъ, но видимо честная, прямая натура. Потребовалъ бумагу и я ему составилъ заявленіе на имя Коллегіи Г. П. У. по поводу того, что соціалистовъ душатъ бурдой, а его хотятъ подкупить молокомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, компотомъ, отварной бѣлорыбицей и т. д. Черезъ часъ примѣрно Паростатовъ былъ вызванъ «съ вещами». Какъ послѣ я узналъ, П. былъ водворенъ въ одиночку, просидѣлъ 4 мѣсяца и былъ сосланъ въ одинъ изъ лагерей на дальнемъ сѣверѣ срокомъ на 3 года.

Офицеръ-морякъ. Боевое прошлое. Честный совѣтскій «спецъ». Служитъ въ «Морвѣдѣ» на видномъ мѣстѣ. Однажды въ учрежденіе входитъ какой-то матросъ, присматривается къ нему, называетъ его чужой фамиліей и говоритъ, что знаетъ его, что молъ онъ билъ матросовъ при царизмѣ и т. д. Ни фамилія, ни прошлое этого совѣтскаго «спеца» фактически никакого отношенія къ заявленію матроса не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ немедленный арестъ. Сидитъ уже 3 недѣли, выставилъ рядъ свидѣтелей въ свою защиту. Страшно волновался, по ночамъ плакалъ, какъ малый ребенокъ, боясь, что его теперь поставятъ къ «стѣнкѣ».

Чѣмъ кончилось его дѣло, не знаю, такъ какъ я скоро былъ переведенъ въ Бутырскую тюрьму.

Николай Желѣзновъ. Лѣвый эсеръ. Студентъ Петроградскаго Горнаго Института. Пролетарій. Еле живъ. Туберкулезъ въ полномъ разгарѣ. Арестованъ за распространеніе лѣво-эсеровской нелегальной литературы. Въ заключеніи около 7 мѣсяцевъ. Получилъ ссылку въ Суздальскій политизоляторъ. О дальнѣйшей трагической судьбѣ Николая Желѣзнова будетъ еще дальше.

Шестнадцатый «жилецъ» былъ совсѣмъ странный: лѣтъ 40, обросъ какъ дикарь. Кто, откуда, за что арестованъ и сколько сидитъ, — ничего

неизвѣстно, такъ какъ ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Очень много и усердно молится Богу, а по ночамъ часто плачетъ.

Таковы были мои новые товарищи по «общежитію».

Первой моей задачей было попытаться какъ-нибудь связаться съ волей. Быть можетъ, эта попытка и дала бы кое-какіе результаты, но бѣда была въ томъ, что ни жена, ни сестра не были объ этомъ предупреждены. Если бы я могъ предполагать возможность задержанія меня на долгое время, можно было бы попытаться использовать для связи передачи, такъ какъ въ это время я ихъ получалъ отъ жены 2 раза въ недѣлю. Всѣ попытки мои установить связь ни къ чему не привели.

Въ день моего перевода въ 38-ую камеру, я потребовалъ бумаги и написалъ заявленіе въ Коллегію Г. П. У., требуя разрѣшенія представить отчетъ Комитету Нансена и разрѣшенія выдать довѣренность для ликвидаціи моихъ дѣлъ по Комитету, чѣмъ было бы спасено имущество послѣдняго, переданное мнѣ.

Разумѣется, Г. П. У. ни того, ни другого не разрѣшило мнѣ, надѣясь, что Нансенъ предъявитъ ко мнѣ искъ въ уголовномъ порядѣ. Нѣсколько дней спустя мнѣ объ этомъ цинично заявилъ и Владиміровъ.

Все-же Г. П. У. ничего не добилось въ этомъ направленіи, такъ какъ 1½ мѣсяца спустя у меня была уже прекрасная налаженная связь съ волей и Комитетъ Нансена обо всемъ освѣдомленъ. Между прочимъ я узналъ, что Г. П. У. приняло рѣшительныя мѣры, чтобы Нансенъ возможно скорѣе предъявилъ ко мнѣ искъ въ уголовномъ порядкѣ, но о предъявленіи такого иска со стороны Нансеновскаго Комитета не могло быть уже и рѣчи. Я секретно сообщилъ своей женѣ, чтобы она просила Комитетъ добиться со мной свиданія. Послѣ долгихъ переговоровъ Комитета Нансена съ Комиссаріатомъ Иностранныхъ Дѣлъ, разрѣшеніе на свиданіе было дано. Объ этомъ скажу два слова. Въ августѣ мѣсяцѣ меня вызываютъ наверхъ въ Г. П. У. Запираютъ въ комнату. Входитъ Владиміровъ и предупреждаетъ, что мнѣ будетъ сейчасъ дано свиданіе съ однимъ лицомъ, но что если я одно слово скажу о своемъ «дѣлѣ», меня немедленно уведутъ и посадятъ въ карцеръ.

Владиміровъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вызываютъ меня. Вхожу въ кабинетъ Владимірова и вижу картину: за столомъ сидитъ Владиміровъ, слѣва отъ него въ концѣ стола замѣститель Нансена въ СССР г. Эйби, а справа неизвѣстный субъектъ, какъ потомъ оказалось, представитель Народнаго Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ; г. Эйби я зналъ прекрасно и зналъ съ самой лучшей стороны, какъ человѣка прекрасной благородной души.

Подхожу къ Эйби, сердечно здороваюсь съ нимъ. Видимо на г. Эйби мой видъ произвелъ сильное впечатлѣніе: не бритый, но стриженый, уже сильно обносившійся, въ рваныхъ туфляхъ.

Сразу въ крайне рѣзкой формѣ обращаюсь къ Владимірову:

— На какомъ основаніи Вы, милостивый государь, не разрѣшили мнѣ дать отчетъ Нансеновскому Комитету и не разрѣшили выдать довѣренность для окончанія начатой заготовки зерна для нуждъ Комитета?

Внезапность и крайняя рѣзкость моего тона вопроса подѣйствовала на Владимірова такъ, что онъ въ первое мгновеніе совершенно растерялся и сразу облегчилъ мое положеніе, выдавъ себя съ головой.

Владим.: — Ваше заявленіе мною было передано на усмотрѣніе Коллегіи Г. П. У. и я тутъ лично не причемъ.

Брун.: — Г. Эйби, прошу Васъ запротоколировать заявленіе начальника Скандинавской секціи Г. П. У. г. Владимірова.

Все это еще болѣе ошеломило Владимірова и онъ окончательно растерялся.

Послѣ такого внезапнаго признанія Владимірова, я уже спокойно и кратко пояснилъ все и г. Эйби прекрасно все понялъ и былъ вполнѣ удовлетворенъ моими поясненіями.

Имущество Комитета Нансена все же пропало, однако всѣ попытки Г. П. У. скомпрометировать меня въ глазахъ Нансеновскаго Комитета потерпѣли полное крушеніе. Въ конечномъ счетѣ во всемъ этомъ болѣе всѣхъ пострадалъ благородный г. Эйби, который впослѣдствіи, по настойчивому предложенію большевиковъ, былъ отозванъ изъ Россіи. Не лишено интереса и то обстоятельство, что Г. П. У. не постѣснялось ограбить Комитетъ Нансена, который собралъ средства для своей дѣятельности въ Россіи путемъ добровольныхъ пожертвованій. Въ частности, 75.000 косъ Нансеновскаго Комитета, переданныя мнѣ для обмѣна на хлѣбъ, насколько я знаю, были пожертвованы кѣмъ то въ Швеціи для нуждъ тѣхъ обездоленныхъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ, которымъ Комитетъ Нансена оказывалъ свою помощь.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ меня вдругъ вызвали «съ вещами» и увезли въ Бутырскую Военно-слѣдственную тюрьму О. Г. П. У., гдѣ я и былъ водворенъ въ одиночку. При этомъ переѣздѣ я впервые увидѣлъ знаменитый «Черный Воронъ», широко извѣстный не только въ Россіи, но и за ея предѣлами. Это большой, крытый, черный автомобиль, надлежаще оборудованный для нуждъ Г. П. У. «Черный Воронъ» служитъ для перевозки заключенныхъ изъ одной тюрьмы въ другую, для привоза заключенныхъ на допросъ въ Г. П. У. и т. д. Этотъ же «Черный Воронъ» привозитъ смертниковъ на разстрѣлъ въ Г. П. У.

Если бы «Черный Воронъ» могъ разсказать міру о томъ, что онъ на своемъ вѣку видѣлъ и слышалъ, міръ содрогнулся бы отъ этихъ ужасовъ, но «Черный Воронъ» ревниво хранитъ всѣ безчисленныя злодѣйства и убійства, совершенныя тѣми, кто называетъ себя первымъ «пролетарскимъ» правительствомъ въ мірѣ.

Итакъ я очутился въ одиночномъ заключеніи. Прогулка была дана 15 мин., причемъ къ счастью прогулка общая, т. е. 10—15 камеръ сразу. Разумѣется, я сразу же сталъ узнавать, нельзя ли какъ-нибудь прорвать «блокаду» и послать черезъ надежнаго человѣка письмо на волю. Трудность заключалась въ томъ, что я былъ еще «новичекъ» въ одиночномъ корпусѣ и потому надѣяться сразу на открытіе мнѣ тайной связи съ волей было мало шансовъ. Все-же одинъ изъ заключенныхъ сказалъ, что онъ подумаетъ и черезъ нѣсколько дней дастъ мнѣ отвѣтъ.

Судьба мнѣ покровительствовала и я получилъ нужныя указанія, какъ и черезъ кого можно все дѣлать. Доставка каждаго письма и полученіе отвѣта стоили 25 рублей золотомъ. Первоначально я рѣшилъ испытать своего «почтальона» и далъ ему вымышленное лицо и адресъ. Все оказалось

въ порядкѣ и письмо, за ненахожденіемъ адресата, было мнѣ возвращено въ полной сохранности. Рѣшилъ дѣйствовать энергично и сталъ почти ежедневно посылать письма своей женѣ. Это былъ первый свѣтлый день въ каменномъ мѣшкѣ! Всѣ инструкціи женѣ были даны не только на ближайшее время, но и на долго впередъ. Все же многаго не смогъ предусмотрѣть и въ особенности возможности моего перевода назадъ во «внутреннюю» тюрьму, что впослѣдствіи случилось и что поставило меня въ очень тяжелое положеніе.

Между прочимъ, я поручилъ женѣ побывать кое у кого изъ членовъ Ц. К. коммунистической партіи и освѣдомить ихъ о неслыханномъ бандитизмѣ Г. П. У. Выяснилось, что ничего сдѣлать нельзя, такъ какъ Г. П. У «дѣло» мое держитъ въ большомъ секретѣ. Побывала жена и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ миссіяхъ, но защиты нигдѣ нельзя было найти, такъ какъ никто не хотѣлъ допустить мысли, что меня могутъ обвинить въ «шпіонажѣ» въ пользу иностранныхъ государствъ, въ то время, какъ ни англійская, ни норвежская, ни польская, ни германская, ни латвійская миссія никогда никакихъ шпіонскихъ ни дѣлъ, ни разговоровъ со мною не имѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что если бы я представилъ какіе либо оффиціальные документы о томъ, что меня обвиняютъ въ шпіонажѣ, мое положеніе стало бы лучше. Полученіе такихъ документовъ предвидѣлось въ будущемъ — это «обвинительное заключеніе».

Въ Бутырской тюрьмѣ мнѣ удалось сравнительно легче войти въ тайныя сношенія со многими заключенными, такъ какъ я уже вполнѣ изучилъ обстановку въ тюрьмѣ. Послѣ долгихъ трудовъ я завелъ тайную переписку съ польскимъ епископомъ Цѣплякомъ, который былъ осужденъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ ксендзомъ Буткевичемъ къ смертной казни. Благодаря громадному шуму заграницей вокругъ этого «дѣла», епископа Цѣпляка удалось спасти, а ксендзъ Буткевичъ все же былъ разстрѣлянъ. Впослѣдствіи епископъ Цѣплякъ былъ обмѣненъ польскимъ правительствомъ и, кажется, былъ даже произведенъ въ кардиналы при Ватиканѣ. Да проститъ мнѣ старый кардиналъ, но о встрѣчѣ съ нимъ въ Бутырской тюрьмѣ я вспоминаю еще и по сей день съ чувствомъ огорченія.

Я зналъ уже, что благодаря шуму, поднятому вокругъ его «дѣла», а равно и благодаря заступничеству передъ Кремлемъ архіепископа Кентерберійскаго и Папы, епископъ Цѣплякъ будетъ пощаженъ Москвою. Горячее заступничество за епископа Цѣпляка со стороны польскаго правительства указывало, что епископъ будетъ обмѣненъ, что, насколько я помню, и состоялось въ концѣ 1923 г.

Я сообщилъ Епископу Цѣпляку важныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ польскихъ гражданъ, сидѣвшихъ въ большевистскихъ застѣнкахъ, и просилъ его сообщить по принадлежности свѣдѣнія объ этихъ несчастныхъ узникахъ. Между прочимъ, я ему сообщилъ и о Вербицкомъ, а равно и о себѣ.

Епископъ Цѣплякъ крайне неохотно переписывался и однажды я получилъ отъ него болѣе чѣмъ странную записку буквально слѣдующаго содержанія:

«Я считаю очень неудобнымъ нарушать тюремныя правила и продолжать съ Вами тайныя сношенія. Я очень сомнѣваюсь, что я смогу выполнить Ваше порученіе, тѣмъ болѣе, что я еще не знаю, скоро ли буду на волѣ».

Меня, какъ громомъ, поразило подобное отношеніе къ людямъ. Въ окно я иногда могъ наблюдать прогулку Епископа Цѣпляка. Ходилъ онъ всегда съ палочкой въ одной рукѣ и съ молитвенникомъ въ другой, шепча про себя молитвы.

Я послѣ этого написалъ Епископу Цѣпляку довольно длинное письмо какъ послѣдователю и защитнику завѣтовъ Христа, и на этомъ наши взаимоотношенія прекратились.

Быть можетъ, читатель скажетъ, что Епископъ Цѣплякъ могъ бояться провокаціи, не зная меня лично? Это вздоръ! Въ большевистскихъ тюрьмахъ провокація всѣхъ видовъ и мастей распустилась махровымъ цвѣтомъ — это вѣрно, но въ данномъ случаѣ бояться провокаціи было нечего, такъ какъ дѣло Епископа Цѣпляка было уже кончено, а кромѣ того — и это самое главное! — я ничего не распрашивалъ у него и обратился къ нему только съ рядомъ просьбъ, которыя онъ, при желаніи, безъ всякихъ хлопотъ для себя могъ выполнить, находясь за предѣлами досягаемости для Г. П. У.

Дѣло прошлое, но я былъ бы радъ, если бы г. кардиналъ пояснилъ теперь свой тогдашній образъ дѣйствій!

Я разскажу еще о нѣкоторыхъ своихъ корреспондентахъ.

Бывшій полковникъ Зелитъ. Латышъ. Смертникъ. Дѣло бытовое въ условіяхъ совѣтской дѣйствительности. Полковникъ Зелитъ собрался ѣхать на родину въ Латвію, за что и былъ арестованъ. Пытками и угрозами Г. П. У. вынудило полковника Зелита согласиться поступить къ нимъ на службу въ качествѣ тайнаго агента и взяло съ него надлежащую «подписку-присягу». Быть можетъ, ни пытки, ни угрозы, не поставили бы «на колѣни» передъ Г. П. У. храбраго вояку, но полковникъ Зелитъ надѣялся такимъ образомъ вырваться на волю, доложить обо всемъ латвійскому послу и постараться выяснить, кто изъ сотрудниковъ посольства находится на тайной службѣ въ Г. П. У. Планъ свой полковнику Зелиту удалось осуществить вполнѣ и, по словамъ послѣдняго, онъ сумѣлъ кое-кого изъ состава сотрудниковъ Латвійскаго посольства разъяснить.

Послѣдовалъ вторичный арестъ полковника Зелита и онъ погибъ мученическою смертью въ августѣ 1923 года.

Группа студентовъ одного изъ ВУЗ'овъ. Чистокровные пролетаріи. Собирались у одного изъ товарищей и читали Герцена, Бакунина, Михайловскаго и др. Это стало извѣстно комъячейкѣ ВУЗ'а, а слѣдовательно и Г. П. У. Арестъ. Сидятъ уже около 7 мѣсяцевъ. Приговоръ Коллегіи О. Г. П. У.: сослать на 3 года въ Соловки, въ Киргизскій Край, на Уралъ. Денегъ нѣтъ. Бѣлья, платья — тоже. Вопіющая бѣдность. Обстановка еще осложняется тѣмъ, что двое изъ нихъ въ послѣдней стадіи туберкулеза. Рѣшилъ организовать имъ помощь, такъ какъ времени было еще достаточно. Все вышло очень хорошо: былъ у меня среди моихъ корреспондентовъ одинъ спекулянтъ. Трусъ, жадный. На волѣ у него въ одномъ мѣстѣ осталось очень крупное имущество, приблизительно на 8000 червонцевъ. Ему нужна была связь съ волей до зарѣзу, какъ говорится, чѣмъ онъ могъ спасти свое имущество и самъ вырваться изъ застѣнка. Соглашаюсь ему помочь, но за плату въ 50 червонцевъ, на 30 изъ которыхъ долженъ купить теплыхъ вещей и прислать на имя опредѣленныхъ лицъ въ тюрьму, а 20 червонцевъ на имя этихъ же лицъ выслать наличными

деньгами. Письмо спекулянта я переслалъ на волю черезъ своего «почтальона», что и имѣло громадныя послѣдствія для спекулянта, — скорѣе чѣмъ въ двѣ недѣли онъ былъ самъ уже на волѣ. Теплыя вещи студенты получили, такъ какъ я потребовалъ объ этомъ написать категорически и ясно въ первыхъ письмахъ, посланныхъ спекулянтомъ на волю, но денегъ студенты отъ этого типа уже не получили.

Видный инженеръ Тропчинскій (называю его фамилію, такъ какъ это былъ уже глубокій старикъ и къ тому же больной, — несомнѣнно онъ уже умеръ или въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ). Былъ въ свое время, до революціи, директоромъ-распорядителемъ одного крупнаго предпріятія гдѣ-то на югѣ Россіи. Имѣлъ громадныя знакомства въ общественныхъ и дѣловыхъ кругахъ и до ареста служилъ въ Москвѣ въ ВСНХ. Арестованъ первый разъ Г. П. У. въ 1922 г. Обвиненія никакого, если не считать его соціальное положеніе въ прошломъ.

Г. П. У. предлагаетъ ему стать агентомъ - провокаторомъ, а въ противномъ случаѣ увольненіе со службы, выселеніе изъ квартиры на улицу (это не шутка для тѣхъ, кто знаетъ жилищныя условія въ Москвѣ) громадной и безпомощной семьи; самому же тюрьма.

Сжалось невыразимой болью сердце старика за себя, за бѣдную семью. Рѣшилъ согласиться и далъ обычную въ такихъ случаяхъ «подписку - клятву», рѣшивъ, что повидаетъ семью, а тамъ будетъ видно. Была тайная мысль, что быть можетъ Г. П. У. подождетъ, подождетъ отъ него «работы», да и махнетъ на него рукой.

Ошибся старикъ, — Г. П. У., если ужъ беретъ кого за горло, то беретъ мертвой хваткой, и спастись удается единицамъ изъ тысячъ. Г. П. У напомнило ему, что ждетъ «работы» или — жестокая расправа.

Привелъ немного дѣла свои въ порядокъ, простился съ семьей и явился въ Г. П. У., гдѣ заявилъ, что неспособенъ быть провокаторомъ. Тамъ-же, въ Г. П. У., и былъ схваченъ. Сидитъ уже около 10 мѣсяцевъ и безропотно ждетъ своей участи. О дальнѣйшей судьбѣ Тропчинскаго ничего не знаю, но, если онъ не былъ убитъ, то получилъ 10 лѣтъ тюрьмы, какъ обычно бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Бывшій ротмистръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ при царизмѣ. «Способности» г. ротмистра Г. П. У. рѣшило использовать у себя на службѣ, давъ ему назначеніе слѣдователемъ. «Работалъ», какъ самъ писалъ, не за страхъ, а за совѣсть. На одномъ «дѣлѣ» сцапалъ взяточку и влипъ. Судебный приговоръ: 7 лѣтъ тюрьмы. Приговоромъ остался недоволенъ и подалъ кассаціонную жалобу въ высшую «судебную» инстанцію, — была надежда, что учтутъ вѣрную службу въ Чека. Высшая инстанція прежній приговоръ отмѣнила и приговорила его къ разстрѣлу, который и былъ приведенъ въ исполненіе.

Учитель гимназіи. Заложникъ гдѣ-то на Кавказѣ въ дни гражданской войны. Заложниковъ около 60 человѣкъ ведутъ на разстрѣлъ и разстрѣливаютъ, а въ томъ числѣ и его. При разстрѣлѣ только раненіе въ плечо. Притворился убитымъ. Разстрѣлянныхъ бросаютъ въ братскую могилу, въ которую счастливо попадаетъ однимъ изъ послѣднихъ и онъ. Убитыхъ наспѣхъ мелко засыпаютъ пескомъ, благодаря чему «разстрѣлянный» спасается и начинаетъ жить «незаконно», перемѣнивъ, разумѣется, фамилію.

Прошли тревожные годы гражданской войны. Большевики побѣдили. Потянуло къ роднымъ мѣстамъ и рѣшилъ тайкомъ навѣстить родное гнѣздо въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Случайно опознанъ сосѣдями. Всеобщее удивленіе и дѣлу конецъ, — немедленно арестованъ и доставленъ въ Москву. Сидитъ 11 мѣсяцевъ. Я очень интересовался его дальнѣйшей судьбой, но ничего не могъ уже о немъ узнать. Былъ ли онъ въ концѣ концовъ «законно» убитъ, или побѣдившіе кремлевско-лубянскіе правители «великодушно» дали ему только ссылку за «незаконное» проживаніе въ СССР.

Нѣкто Павелъ Кузнецовъ, бандитъ. Приговоренъ къ разстрѣлу и «разстрѣлянъ».

Дѣло въ томъ, что въ этомъ же коридорѣ сидѣлъ за взятку какой-то другой Павелъ Кузнецовъ, совѣтскій работникъ, дѣло котораго находилось въ процессѣ производства дознанія. Однажды около 11 вечера явились за первымъ (бандитомъ) Павломъ Кузнецовымъ, но чекисты перепутали камеры и взяли на разстрѣлъ второго (совработника) Павла Кузнецова, прочли ему смертный приговоръ Коллегіи О. Г. П. У. и разстрѣляли. Черезъ нѣсколько дней слѣдователь вызываетъ второго П. Кузнецова (уже убитаго), но вмѣсто него къ слѣдователю приводятъ бандита. Недоумѣніе слѣдователя. Выясняется ошибка и дѣло все раскрылось. Никакого шума, разумѣется, не было и «ошибка» черезъ нѣсколько дней была исправлена, — Павелъ-бандитъ былъ отправленъ къ Павлу-совработнику...

Были у меня связи, хотя и гораздо меньшія, съ женскимъ корпусомъ, откуда мнѣ сообщили любопытный случай съ одной француженкой.

Арестована за «контръ-революцію». Сидитъ около 2 лѣтъ. Конца сидѣнію не видно. Объявила голодовку, требуя окончанія слѣдствія. Ничего не добилась. На 24-ый день голодовки легла на соломенный матрасъ и подожгла его. Пока жандармы замѣтили, успѣла сильно обгорѣть и въ страшныхъ мученіяхъ скончалась въ околодкѣ тюрьмы.

На этомъ я пока остановлюсь.

Читатель можетъ спросить, зачѣмъ я такъ настойчиво искалъ тайныхъ связей съ заключенными?

Причинъ было нѣсколько:

1. Совѣтскія тюрьмы это зеркало совѣтской Россіи. Это вѣрное отраженіе «соціалистическаго» рая, вѣрное отраженіе подлиннаго лица кремлевско-лубянскихъ узурпаторовъ, а я пламенно хотѣлъ видѣть ихъ въ натуральномъ видѣ, безъ маски, безъ той красной тоги, въ которой эти милостивые государи выставляютъ себя на показъ всему міру, какъ спасителей человѣчества, какъ якобы строителей новаго міра, какъ якобы застрѣльщиковъ міровой соціальной революціи.

Чтобы узнать истинную правду, надо годы прожить въ большевистскихъ тюрьмахъ, — такъ, какъ жилъ я.

То, что я зналъ о большевикахъ, — а я много, много зналъ, — и что заставило меня порвать съ ними, только крупица того, что я узналъ о нихъ за 4 года моей мучительной, страшно нервной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бурной жизни въ коммунистическихъ застѣнкахъ.

Я искалъ связей и для того, чтобы въ предѣлахъ своихъ силъ и возможностей облегчить совѣтомъ, дѣломъ, добрымъ словомъ, порою невыразимыя и невыносимыя физическія и моральныя страданія несчастныхъ, безправныхъ

узниковъ большевистскихъ застѣнковъ, и я счастливъ, что мнѣ во многихъ случаяхъ удавалось не только оказывать эту помощь, но иногда спасать даже несчастнымъ страдальцамъ жизнь.

Съ глубокой признательностью и самъ вспоминаю всѣхъ тѣхъ, кто помогалъ мнѣ матеріально, кто поддерживалъ меня нравственно. Только благодаря широкой связи съ заключенными, прекрасно организованной связи съ волей и заграницей, мнѣ удалось и самому спастись.

Я только кратко, въ сжатой формѣ, привожу часть фактовъ. Во многихъ случаяхъ я связанъ и долженъ молчать пока, щадя чужія жизни. Я беру только такіе факты, которые въ массѣ своей являются не исключеніемъ, а бытовыми фактами, опредѣляющими общій фонъ мрачной, невыразимо мрачной, совѣтской дѣйствительности. Въ тюрьмѣ я не дѣлалъ никакихъ различій между заключенными, — партійные, безпартійные, политическіе и уголовные, всегда были для меня прежде всего беззащитными, безправными плѣнниками большевистскихъ застѣнковъ. Я ярко помню случай, какъ я однажды обратился къ одному видному анархисту съ просьбой написать письмо по французски для одного изъ заключенныхъ. Это письмо надо было передать мексиканскому консулу, графу Вилару, тоже сидѣвшему въ тюрьмѣ (объ этомъ милостивомъ государѣ въ свое время скажу особо). Этотъ анархистъ потребовалъ отъ меня прежде всего справки о томъ, кто мой «корреспондентъ», такъ какъ онъ, видите-ли, согласенъ помогать только соціалистамъ, да и то не правѣе меньшевиковъ. Разумѣется, этотъ «помощникъ» получилъ отъ меня немедленно надлежащую отповѣдь и связь съ нимъ была прекращена. Къ счастью, такихъ случаевъ было очень мало, а среди политическихъ заключенныхъ этотъ случай былъ первымъ и послѣднимъ за 4 года моего заключенія. Между прочимъ этотъ анархистъ былъ высланъ заграницу, гдѣ и находится въ настоящее время. Но я забѣгаю немного впередъ.

Продолжаю сидѣть въ одиночномъ заключеніи Бутырской тюрьмы. Г. П. У. стало чувствовать, что кой-какія свѣдѣнія отъ меня на волю видимо просачиваются, и я былъ лишенъ передачъ. Впрочемъ это было несущественно, такъ какъ благодаря связи съ волей жена стала слать передачи въ тюрьму на имя другого лица, отъ котораго ихъ тайно сталъ получать уже я.

Шли допросы и Г. П. У. собирало все новыя и новыя «доказательства» того, что я «международный шпіонъ». Плохи были дѣла у Г. П. У. и оно еще не озаботилось пріискать «свидѣтелей», другихъ «обвиняемыхъ», такъ какъ все «дѣло» производило нелѣпое впечатлѣніе: иностранныя правительства, ихъ главный «уполномоченный» по организаціи международнаго «шпіонажа», предъявленіе все новыхъ обвиненій со стороны Г. П. У., но все еще нѣтъ моихъ «соучастниковъ», ни «свидѣтелей» нѣтъ. Это, видимо, бросалось и Г. П. У. въ глаза и оно рѣшило наконецъ позаботиться также и объ этомъ. Конечно все сдѣлано было грубо, нелѣпо, но болѣе тонкой работы и не нужно было: «судить» все равно можно было только при закрытыхъ дверяхъ, ну а тутъ своя рука-владыка! Опасности для Г. П. У. тѣмъ болѣе не предвидѣлось, что вѣдь все дѣлается въ тайнѣ, никакихъ документовъ у меня не будетъ, политическій архивъ у меня конфискованъ.

Словомъ, я мало чѣмъ, въ смыслѣ обстановки, отличался отъ тѣхъ рядовыхъ совѣтскихъ гражданъ, которыхъ арестовываютъ, надъ которыми издѣваются, которыхъ безконтрольно и безнаказанно ссылаютъ, сажаютъ въ тюрьмы, убиваютъ. Но здѣсь во всемъ Г. П. У. очень плохо расчитало свои удары. Однако, объ этомъ немного послѣ.

На допросы обычно берутъ утромъ, вызывая: «по городу безъ вещей». Собираютъ внизу тюрьмы въ особой комнатѣ, называемой «комнатой душъ». При царизмѣ въ этой комнатѣ была покойницкая, а теперь въ ней смертники проводятъ свои послѣднія минуты передъ посадкой въ «Черный Воронъ» и отправкой къ мѣсту разстрѣла на Лубянку.

Заключенныхъ, ѣдущихъ на допросъ въ Г. П. У., въ «Черномъ Воронѣ» отвозятъ на Лубянку въ «собачникъ». Я всегда съ величайшимъ интересомъ ѣздилъ на допросы, такъ какъ въ «собачникѣ» могъ повидать много новыхъ и часто интересныхъ лицъ.

Напримѣръ, видный инженеръ-изобрѣтатель. Изобрѣлъ какой-то важный приборъ къ пушкѣ и что-то такое важное для аэроплана. Ведетъ переговоры съ «Комитетомъ по дѣламъ изобрѣтеній» и заломилъ 200.000 рублей. Комитетъ, признавая громадное значеніе за изобрѣтеніями, предлагаетъ 5000 рублей. Идетъ торгъ. Узнаетъ Г. П. У., вмѣшивается въ торгъ и вопросъ быстро рѣшается къ вящему «удовольствію» обѣихъ сторонъ. Инженеръ арестованъ, посаженъ на хлѣбъ и воду въ спеціальную горячую камеру «внутренней» тюрьмы. Арестована мать, сестра и братъ, при чемъ мать и сестра посажены въ Бутырки, въ общую камеру съ воровками, проститутками, бандитками, которыя всячески измываются надъ «буржуйками». Переписка съ матерью и сестрой нарочито разрѣшена, — пусть де знаетъ сынъ и братъ, какъ онѣ живутъ. Сидитъ, переноситъ невыносимыя физическія и моральныя лишенія и муки. Начинаетъ сдаваться, переводятъ въ Бутырки, мать и сестру выпускаютъ на волю. Ставятъ ультиматумъ: либо выкладывай немедленно секреты своихъ изобрѣтеній, либо начнется все сначала. Сдался. Передалъ Г. П. У. всѣ чертежи и вычисленія безъ денегъ, — радъ хоть бы скорѣе развязаться! Не тутъ то было! На волю не выпустили, а «пришили» какое-то дѣло съ «контръ-революціей». Оно и понятно: послѣ всего пережитого пойдетъ на волю да и продастъ иностранцамъ свои секреты. Теперь же дѣло простое: лѣтъ на 5—10 сошлютъ и дѣло кончено. Такъ оно и вышло: просидѣвъ около 14 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, получилъ ссылку въ Нарымъ, какъ послѣ удалось узнать, на 10 лѣтъ.

Однажды, какъ я уже въ началѣ упоминалъ, меня въ «собачникѣ» промариновали 6 ужасныхъ дней. Много перевидалъ я и интересныхъ людей и явленій. Какъ то послѣ обѣда появляется «съ воли» пожилой господинъ, безъ шапки, съ открытымъ красивымъ лбомъ; борода съ просѣдью. Оказывается извѣстный бывшій дѣятель соціалъ-демократической партіи Либеръ.

Понюхавъ достаточно совѣтскихъ тюремъ, рѣшилъ легально покинуть СССР. Кое какъ удалось получить паспортъ для выѣзда, кажется, въ Польшу. Все въ порядкѣ. Идетъ, налегкѣ одѣтый, въ послѣдній разъ къ пріятелю проститься. На улицѣ подходятъ двое въ «гороховыхъ пальто» и предлагаютъ на минутку въ Г. П. У.

Либеръ вскорѣ уѣхалъ, но, какъ я узналъ послѣ, не въ Польшу, а на 5 лѣтъ въ ссылку.

Профессоръ. Ученый. Съ собой три чемодана. Оказывается, собрался на какой-то научный съѣздъ въ Германію по командировкѣ Наркомпроса. Паспортъ въ порядкѣ. Билетъ купленъ. Ѣдетъ на Николаевскій вокзалъ для поѣздки въ Берлинъ черезъ Петроградъ. Финалъ: послѣ второго звонка выводятъ «на минуточку» въ Г. П. У. О послѣдующемъ ничего не знаю.

Ночь. Открывается дверь и вваливается джентльменъ съ плоскими чемоданами. Одѣтъ съ иголочки. Кое-какъ говоритъ по русски. Оказывается, коммерсантъ изъ Риги, пріѣхавшій въ Москву торговать. Крайне удивленъ и возмущенъ, что съ Виндавскаго вокзала, вмѣсто гостиницы, доставленъ въ Г. П. У.

Еще случай: вечеръ; какъ бомба, влетаетъ красивый молодой человѣкъ въ военной формѣ съ иголочки. Кавалеръ ордена Краснаго Знамени. На рукахъ, петлицахъ, ромбы — важная шишка! Присматриваюсь и вижу знакомое лицо, но гдѣ встрѣчалъ, — не припомню.

Проходитъ ночь на нарахъ безъ постельныхъ принадлежностей. Утромъ «баринъ» уже выглядитъ нѣсколько потрепаннымъ. Надо мыться, — нѣтъ мыла, полотенца. Хочется закурить, — нѣтъ уже папиросъ. «Баринъ» начинаетъ уже сдаваться, кое что снисходительно распрашиваетъ у «преступниковъ». Наконецъ рѣшаетъ удостоить меня своимъ вниманіемъ, подходитъ и проситъ закурить. Предлагаю махорку. Поморщился, но взялъ. Видимо не охота ему имѣть дѣло съ такимъ оборванцемъ, какъ я.

Говорю: а вѣдь я Васъ, гражданинъ, гдѣ-то встрѣчалъ? Если не ошибаюсь, то на одномъ изъ засѣданій Революціоннаго Военнаго Совѣта Республики.

Онъ (весьма недовѣрчиво глядя на меня):

— Быть можетъ. А какое, позвольте Васъ спросить, Вы имѣли отношеніе къ Революціонному Военному Совѣту Республики?

Поясняю ему. Видимо все еще полонъ сомнѣній. Сталъ спрашивать, кого я знаю въ Военномъ Совѣтѣ. Называю Л. Д. Троцкаго, Главкома С. С. Каменева, Начальника Генеральнаго Штаба П. П. Лебедева, Главнаго Начальника Снабженій М. М. Аржанова и другихъ.

Совсѣмъ растерялся.

— А какъ, спрашиваетъ, Вы попали сюда?

Кратко пояснилъ. Познакомились. Разговорились. Оказывается— парнишка состоитъ Начальникомъ Снабженій Смоленскаго Военнаго Округа.

Былъ вызванъ по какому то дѣлу въ Г. П. У. и объявленъ тамъ арестованнымъ. Все это еще полбѣды, — объ арестахъ онъ въ свое время слыхалъ. Но, что болѣе всего возмутило его, такъ это то, что его, кавалера ордена «Краснаго Знамени», героя гражданской войны, члена Областного Комитета партіи, Г. П. У. посмѣло такъ просто, безъ всякаго церемоніала арестовать, тогда какъ на право ареста должно было быть во-первыхъ испрошено разрѣшеніе Ц. К. партіи, а во-вторыхъ, какъ въ отношеніи кавалера ордена «Краснаго Знамени», и разрѣшеніе Ц. И. К. С. С. С. Р.

Послѣднее правило дѣйствительно предусмотрѣно статутомъ ордена.

Въ душѣ я былъ радъ, что молодчика арестовали. Конечно, парень вывернется быстро, но побывать въ лапахъ у Г. П. У. — хорошій урокъ.

Днемъ уже онъ, надо отдать ему справедливость, усиленно распрашивалъ другихъ объ ихъ дѣлахъ и причинахъ ареста. Обѣщалъ по моему «дѣлу» поднять цѣлую бучу въ Ц. К. партіи, когда выйдетъ на волю.

Вечеромъ онъ исчезъ. Если даже онъ и подымалъ «бучу» о Г. П. У., обо мнѣ, то, разумѣется, все это не могло имѣть никакого значенія, ибо Г. П. У. правитъ русскими рабочими и крестьянами, а не кто либо другой.

Вспоминаю и другую любопытную встрѣчу.

Утромъ привезли изъ Бутырокъ громадную партію заключенныхъ въ Г. П. У. на допросъ. Сижу на нарахъ и присматриваюсь къ новымъ лицамъ. Четыре еврея оживленно бесѣдуютъ и одинъ изъ нихъ, видимо, что-то говоритъ другимъ обо мнѣ.

Проходитъ мимо разъ, другой. Наконецъ, подходитъ и спрашиваетъ:

— Вы не товарищъ Бруновскій?

— Да, — отвѣчаю я.

Онъ, оживленно хлопая отъ удивленія руками:

— Ой, Боже мой, и Вы, значитъ, здѣсь?

— Да, какъ видите, здѣсь и уже давно!

— Развѣ Вы насъ не узнаете?

Присматриваюсь, но узнать не могу.

— Такъ мы же Соловейчики изъ Вятки. Развѣ не помните, какъ мы по Вашему порученію ѣздили къ Колчаку?

Разумѣется, вспомнилъ. Объ этой «поѣздкѣ» къ Колчаку и о Соловейчикахъ, а равно и объ ихъ дѣлѣ, стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Въ первой половинѣ 1919 г. на фронтъ прибылъ Троцкій со своими 2-мя поѣздами, въ которыхъ была оборудована походная типографія, полевой телефонъ и т. д. На всѣхъ площадкахъ вагоновъ и паровоза пулеметы. Въ тѣ времена Троцкій любилъ кочевать по фронту, что однажды, подъ Казанью, едва не кончилось для него катастрофой; только благодаря случайности Троцкій не попалъ живьемъ, со своими поѣздами, къ Колчаку въ плѣнъ.

Было созвано важное совѣщаніе, на которомъ присутствовалъ и военный совѣтъ III арміи, а въ томъ числѣ и я, какъ предсѣдатель Особой Военно-Продовольственной Комиссіи по снабженію III арміи. По занимаемой должности я являлся и членомъ Военнаго Революціоннаго Совѣта Арміи. На совѣщаніи выясняется кошмарное положеніе на фронтѣ съ медикаментами: нѣтъ іода, нѣтъ термометровъ, нѣтъ аспирина и т. д., и т. д.

Предлагаю медикаменты для красныхъ армій закупить у Колчака. Мое предложеніе вызвало всеобщее недоумѣніе. Поясняю: подобрать опытныхъ надежныхъ людей, снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ царскихъ денежныхъ знаковъ сторублеваго и пятисотрублеваго достоинства. Закупать въ Англіи, въ Японіи, во Владивостокѣ нужные медикаменты. Сдѣлаться поставщикомъ медикаментовъ для бѣлыхъ армій. Нужные и наиболѣе цѣнные медикаменты направлять въ Глазовъ (Уѣздный городъ Вятской губерніи, много разъ переходившій изъ рукъ въ руки, — то бѣлые имъ владѣютъ, то красные), Пермь—Екатеринбургъ—Омскъ—Томскъ—Иркутскъ, концентрирая, разумѣется, наибольшее количество медикаментовъ въ Глазовѣ—Перми—Екатеринбургѣ. Троцкій, даже не ставя этого вопроса на обсужденіе,

заявляетъ, что Революціонный Военный Совѣтъ Республики облекаетъ меня неограниченными полномочіями на этотъ счетъ, снабдитъ меня нужными денежными средствами и поручаетъ мнѣ осуществить закупку медикаментовъ у Колчака въ кратчайшій срокъ. Короче говоря, все дѣло было мною быстро осуществлено. Нѣкоторую трудность представлялъ вопросъ о подысканіи опытныхъ и благонадежныхъ людей. Этотъ вопросъ также былъ быстро рѣшенъ: въ Вяткѣ оказались братья Соловейчики (цѣлыхъ четыре брата), имѣвшіе большія семьи. До революціи занимались торговлей аптекарскими товарами. Позвалъ ихъ къ себѣ. Быстро сговорились. Далъ имъ царскихъ денежныхъ знаковъ на одинъ милліонъ рублей золотомъ, объявивъ ихъ семьи заложниками на случай бѣгства съ деньгами. Соловейчики, разумѣется, не возражали, такъ какъ я имъ разрѣшилъ и даже вмѣнилъ въ обязанность спекулировать у Колчака сколько имъ захочется, но на 1 милліонъ золотомъ по счетамъ я долженъ получить медикаменты по списку въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Всѣхъ четырехъ братьевъ съ чемоданами царскихъ денегъ вручилъ Начальнику Особаго Отдѣла В. Ч. К. 27-ой дивизіи съ порученіемъ переправить благополучно Соловейчиковъ черезъ фронтъ, что и было удачно исполнено. Соловейчики свой договоръ выполнили прекрасно: по мѣрѣ отступленія Колчака въ соотвѣтствующихъ городахъ и были найдены цѣнные склады медикаментовъ. Въ особенности много цѣнныхъ медикаментовъ было сконцентрировано въ Перми. По ликвидаціи Восточнаго фронта я просилъ Троцкаго выдать Соловейчикамъ награду въ размѣрѣ 10.000 рублей золотомъ. Троцкій на это согласился, но братья Соловейчики отказались подъ предлогомъ, что они, молъ, ради Красныхъ Армій, были всегда готовы въ «огонь и воду». Разумѣется, на счетъ «огня и воды» у братьевъ Соловейчиковъ былъ свой взглядъ, но и получать имъ 10.000 рублей также смысла не имѣло, такъ какъ не подлежало никакому сомнѣнію, что Соловейчики, имѣя въ оборотѣ въ тылу у Колчака милліонъ рублей (золотомъ), заработали хорошо и на поставкахъ Колчаку. Соловейчики зажили мирно, не ввязывались въ совѣтскія коммерческія дѣла. Такъ жить, однако, было скучно. Стали «заниматься» платиной. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. П. У. давно имѣло ихъ очевидно въ виду и ждало удобнаго случая «выжать» братьевъ Соловейчиковъ. Труда особаго это не представляло. Г. П. У. подослало къ Соловейчикамъ провокаторовъ съ чекистской платиной. «Торговля» пошла бойко. Наконецъ, Г. П. У., выяснивъ, какими средствами братья Соловейчики располагаютъ, гдѣ и въ чемъ эти средства заключаются и находятся, произвело обыскъ и взяло у нихъ валюты, цѣнностей и платины на 25.000 фунтовъ стерлинговъ. Это и была та сумма, которую Соловейчики заработали на «поставкѣ» медикаментовъ для Красныхъ Армій.

Разумѣется, Соловейчики были арестованы, доставлены въ Москву, гдѣ въ «собачникѣ» и произошла наша интересная встрѣча.

О дальнѣйшей судьбѣ Соловейчиковъ ничего не знаю, но по Кремлевско-лубянскимъ «традиціямъ» ихъ ждала ссылка на срокъ отъ 3 до 10 лѣтъ за незаконную скупку платины... у большевистскаго правительства!

Такъ продолжалась моя жизнь по 7 августа 1923 года. Видимо, Г. П. У. къ этому времени получило еще больше основаній предполагать, что я такъ или иначе, но имѣю какую-то связь съ волей. Рѣшили меня взять поближе

къ себѣ н 7-го августа ночью я былъ схваченъ и въ «Черномъ Воронѣ» перевезенъ во «внутреннюю» тюрьму, гдѣ, уже минуя «собачникъ», сразу попалъ въ одиночку.

Камера была сырая, но исключительно удобная для разнаго рода наблюденій, такъ какъ была расположена въ концѣ корридора въ тупикѣ, почти рядомъ съ уборной.

«Внутренняя» тюрьма расположена въ бывшей гостиницѣ и потому въ дверной филенкѣ я, послѣ долгихъ усилій, проковырялъ англійской булавкой дырочку, величиной съ булавочную головку, что дало мнѣ возможность вести наблюденіе за жизнью цѣлаго корридора. Наибольшій интересъ представляло наблюденіе за поведеніемъ жандармовъ, за ихъ подлымъ подкрадываніемъ къ камерамъ, тайнымъ наблюденіемъ въ «волчокъ» за заключенными и т. д., и т. д. Во «внутренней» тюрьмѣ женскія камеры находятся въ одномъ корридорѣ съ мужскими, причемъ женской прислуги нѣтъ, а все дѣлаютъ жандармы: выводъ въ уборную, выводъ въ баню и присутствіе даже при раздѣваніи женщинъ и т. д. Мнѣ приходилось наблюдать, какъ ведутъ себя «рабоче-крестьянскіе» жандармы при выводѣ въ уборную женскихъ камеръ: сначала впускаютъ въ уборную, закрываютъ двери и нарочито громкимъ шагомъ удаляются. Потомъ тихо, какъ кошки, подкрадываются къ дверямъ уборной и въ спеціально продѣланныя дырочки съ громаднымъ интересомъ наблюдаютъ за туалетомъ дамъ. Особенно меня поразило, что за этимъ «занятіемъ» я неоднократно видѣлъ одного изъ самыхъ гнусныхъ и жестокихъ большевистскихъ палачей, замѣстителя коменданта тюрьмы — Адамсона.

Пользуясь случаемъ, о послѣднемъ скажу нѣсколько словъ. Это исключительно высокаго роста латышъ, съ широкими плечами и длинными грубыми руками. Физіономія дегенерата-каторжника: широкое лицо, «свиные» глаза, узкій, покатый лобъ. Видъ отъявленнаго бандита или палача. Жестокъ и безсердеченъ свыше всякой человѣческой мѣры. Карьеру началъ въ Одесской чекѣ, гдѣ былъ «комиссаромъ смерти». Во время знаменитаго возстанія крестьянъ въ Тамбовской и сосѣднихъ губерніяхъ былъ начальникомъ «особаго отряда» В. Ч. К., гдѣ отличался невѣроятной жестокостью при усмиреніи крестьянъ. Въ воздаяніе за особыя заслуги передъ «рабоче-крестьянскимъ» правительствомъ былъ назначенъ на очень отвѣтственный и боевой постъ помощника коменданта «внутренней» тюрьмы, а въ 1924 году переведенъ замѣстителемъ коменданта Бутырской Военно-Слѣдственной тюрьмы О. Г. П. У. Надо при этомъ сказать, что комендантомъ «внутренней» тюрьмы, Бутырской тюрьмы и Суздальскаго политическаго изолятора состоитъ одно и то же лицо, популярный въ чекистскихъ кругахъ своей жестокостью палачъ Дукисъ. Такимъ образомъ, фактически Адамсонъ занимаетъ весьма отвѣтственное мѣсто, такъ какъ самъ Дукисъ пріѣзжаетъ въ Бутырскую тюрьму 2—3 раза въ недѣлю. У «пролетарскаго» палача Адамсона двѣ особенности и обѣ очевидно сексуальнаго характера.

Прежде Адамсонъ самъ всегда приводилъ приговоры въ исполненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда къ разстрѣлу назначается группа лицъ въ 3—5—10 и больше человѣкъ. Съ этой цѣлью онъ обычно лично сопровождаетъ «Черный Воронъ» на Лубянку, гдѣ и совершаетъ свои убійства.

Второй особенностью этого негодяя является его непреодолимое половое влеченіе къ высокимъ и полнымъ женщинамъ. Рѣдкая женщина, имѣющая такую внѣшность, избѣгаетъ «вызова» въ кабинетъ Адамсона для «дѣло-

выхъ» переговоровъ. Страхъ передъ Г. П. У., боязнь за свою жизнь, видъ самого палача Адамсона, тайная надежда на его заступничество, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вынуждаютъ жертву на согласіе отдаться этому негодяю.

Любовныя «утѣхи» придворнаго «пролетарскаго» палача ни сколько не облегчаютъ положенія несчастной жертвы. Даже наоборотъ: Адамсонъ становится въ такихъ случаяхъ еще болѣе безпощаденъ къ бывшимъ объектамъ своей страсти. Меня очень интересовало, знаютъ ли объ этомъ въ Г. П. У. Оказываются, что прекрасно знаютъ, но на всѣ «шалости» негодяя смотрятъ сквозь пальцы, такъ какъ Адамсонъ заслуженный чекистъ, съ одной стороны, а съ другой стороны, любовныя «утѣхи» этого представителя мірового «авангарда пролетаріата» чекистскому «дѣлу» вѣдь не вредятъ, ибо Адамсонъ ни въ чемъ не щадилъ своихъ жертвъ.

Съ переводомъ во «внутреннюю тюрьму» я сразу лишился связи съ волей, такъ какъ совершенно не предвидѣлъ возможности такого перевода. Все это поставило меня въ страшно тяжелое и опасное положеніе. Однако, три недѣли спустя, благодаря совершенно исключительному случаю, связь была возстановлена. Правда, я не могъ уже посылать большихъ писемъ и часто, но на папиросной тонкой бумагѣ, на небольшихъ клочкахъ, одинъ-два раза въ недѣлю я все же могъ отправлять и получать «почту». Попытался установить кой-какія связи съ ближайшими сосѣдями, но ничего пока не выходило вслѣдствіе крайне малой активности и изобрѣтательности послѣднихъ.

Начались допросы. Мнѣ уже приписали тайныя поѣздки по Россіи въ цѣляхъ «шпіонажа» по заданіямъ Англійской, Норвежской и Германской миссій.

Къ этому времени Г. П. У. рѣшило, что безъ «свидѣтелей» и «сообщниковъ» все таки «дѣло» выглядитъ довольно курьезно. Выходъ былъ найденъ:

I. Бывшій мой порученецъ, состоявшій уже дипломатическимъ курьеромъ въ Наркоминдѣлѣ, коммунистъ Николай Горшеневъ «признался» въ томъ, что а) я якобы давалъ ему письма для отвоза въ Гельсингфорсъ къ генералу Юденичу, бывшему Генералъ-Губернатору Финляндіи Генералу Сибеліусу, къ какому-то еще полковнику Кузнецову и къ представителю англійской развѣдки и что онъ, Н. Горшеневъ, былъ на одномъ изъ тайныхъ засѣданій, гдѣ присутствовалъ между прочимъ уполномоченный представитель Николая Николаевича и бывш. Императрицы Маріи Федоровны, и что онъ-де дѣлалъ докладъ отъ моего имени на этомъ тайномъ засѣданіи и т. д., и т. п., б) что онъ, якобы получилъ отъ представителя англійской контръразвѣдки для меня 500 фунтовъ стерлинговъ и какой-то пакетъ.

Прочтя подобное «показаніе» одного изъ своихъ соучастниковъ, я сначала подумалъ, что Владиміровъ самъ все написалъ и самъ же подписалъ протоколъ за Горшенева. Я потребовалъ очной ставки съ Горшеневымъ и мнѣ она на другой день была дана, при чемъ Горшеневъ заявилъ Владимірову въ моемъ присутствіи, что все изложенное въ его показаніяхъ и «признаніяхъ» вѣрно. Я былъ пораженъ, причемъ меня поразило не содержаніе

показаній Горшенева, а то, что именно Горшеневъ могъ согласиться давать столь нелѣпыя, завѣдомо вздорныя и безчестныя показанія и «признанія».

Для ясности я скажу о Горшеневѣ нѣсколько словъ.

Въ прошломъ это народный учитель. Революціонеръ, террористъ, бывшій политическій каторжанинъ. Съ 1917 года вступилъ въ партію большевиковъ. Служилъ у меня на фронтѣ инспекторомъ, а впослѣдствіи я его держалъ при себѣ для порученій. Человѣкъ недалекій, но казался всегда смѣлымъ, прямолинейнымъ, честнымъ. Относился я къ нему очень хорошо.

Вотъ этотъ бывшій революціонеръ, безстрашный террористъ, не боявшійся смерти, царскихъ жандармовъ и каторги, ставши коммунистомъ, палъ такъ низко, что написалъ подъ диктовку Г. П. У. позорныя и завѣдомо ложныя показанія и «признанія» противъ меня. Меня это, повторяю, больше всего поразило. Между прочимъ Владиміровъ заявилъ мнѣ еще раньше, что Горшеневъ уже сидитъ два мѣсяца и вѣроятно будетъ, какъ предатель и мой «соучастникъ», разстрѣлянъ на дняхъ безъ суда и что, во всякомъ случаѣ, ему, какъ впрочемъ и мнѣ, молъ, «стѣнки» не миновать такъ или иначе.

Обратилъ я при этомъ вниманіе на то странное обстоятельство, что Горшеневъ, будучи арестованъ и сидя въ узилищѣ уже два мѣсяца, явился на очную ставку бритый и въ чистомъ воротничкѣ.

Поручилъ женѣ провѣрить, находится ли Горшеневъ дѣйствительно подъ арестомъ. Вскорѣ получилъ отвѣтъ, что Горшеневъ живъ, здоровъ и служитъ бухгалтеромъ на одномъ крупномъ заводѣ.

Когда Горшеневъ уходилъ съ очной ставки со мною, я ему сказалъ, что меня удивляетъ не его завѣдомо ложное и подлое показаніе и «признаніе», а то, что онъ подъ давленіемъ лубянскихъ жандармовъ навсегда похоронилъ свое боевое революціонное прошлое, согласившись на такую невѣроятно подлую и грязную провокацію.

Горшеневъ былъ очень смущенъ и молчалъ.

Впрочемъ не вся еще революціонная совѣсть Горшенева была вытравлена лубянской сволочью.

Съ Горшеневымъ произошло нѣчто очень трагическое: на судъ онъ не явился и исчезъ безслѣдно. Какъ узнала впослѣдствіи моя жена, ходили слухи о томъ, что Горшеневъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, и это вполнѣ возможно, такъ какъ Горшеневъ очевидно понялъ, насколько глубоко омерзительно было моральное его паденіе.

II. Вторымъ моимъ «соучастникомъ» оказалась моя личная машинистка М. Кростелева. Дѣвица сирота. Мѣщанка въ душѣ. Цѣнилъ ее, какъ исполнительную и изумительную машинистку, печатала почти одновременно всѣми десятью пальцами подъ диктовку.

М. Кростелева показала, что она якобы неоднократно печатала на машинкѣ какіе то длинные мои доклады для англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Ходжсона, для Норвежскаго посла г. Іакхельна, для Латвійскаго посла г. Озоля и для какого-то нѣмецкаго генерала.

Въ докладахъ этихъ, насколько она помнитъ-де, были какія-то цифры о войскахъ, вооруженіи, флотѣ, военныхъ заводахъ и т. д., и т. д.

Послѣ Горшенева «признаніе» Кростелевой меня уже нисколько не удивило, такъ какъ если Горшеневъ сталъ на «колѣни» передъ чекистской сволочью, то о Кростелевой уже и рѣчи быть не могло — она не глядя подпи-

сала бы себѣ смертный приговоръ. Развлеченія ради я потребовалъ очной ставки и съ Кростелевой.

На другой день эта ставка мнѣ была дана. Моя «соучастница», которая по словамъ Владимірова находилась уже въ заключеніи нѣсколько мѣсяцевъ, тоже явилась на очную ставку въ пальто, въ шляпкѣ, напудренная. Какъ потомъ, по моему порученію, выяснила моя жена, Кростелева была дѣйствительно арестована, но, просидѣвъ всего одинъ день, была выпущена на волю.

На очной ставкѣ Кростелева на соотвѣтствующій мой вопросъ подтвердила, что все изложенное въ ея показаніяхъ и «признаніяхъ» сущая правда.

Владим.: — Есть еще вопросъ у Васъ?

Бруновск.: — Да, но объ этомъ въ свое время на судѣ.

Я рѣшилъ, что на «судѣ» я вынужу Кростелеву быстро сознаться въ томъ, какъ и почему она давала свои «признанія». Удалось мнѣ это въ полной мѣрѣ, но объ этомъ въ свое время.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, Г. П. У. уже вполнѣ «уличило» меня въ организаціи международнаго «шпіонажа», а иностранныя правительства, и въ особенности Англійское, въ «коварныхъ» замыслахъ противъ «пролетарской» власти. Все несчастіе для Г. П. У. заключалось лишь въ томъ, что всѣ «улики», какъ противъ меня, такъ равно и противъ иностранныхъ правительствъ, никакъ нельзя было рѣшиться использовать для публичнаго «суда». Правда, можно было бы найти еще 10—20 «соучастниковъ» моихъ «злодѣйскихъ» плановъ; можно было бы скомбинировать и «нахожденіе» у меня при арестѣ ядовъ, огнестрѣльнаго оружія и бомбъ, скажемъ, англійскаго образца и т. д. Все это при наличіи извѣстныхъ обстоятельствъ кремлевско-лубянская сволочь умѣетъ сдѣлать достаточно ловко.

Непреодолимо было лишь одно: центральное лицо «шпіонскаго» процесса до сего времени не удалось поставить на «колѣни» и такимъ образомъ это лицо на процессѣ не только не будетъ «каяться» въ своихъ «грѣхахъ», топить международныхъ «хищниковъ» въ лицѣ, скажемъ, той же Англіи, Германіи или такого «коварнаго», «жестокаго» и «опаснаго» врага кремлевско-лубянскихъ правителей, какъ Норвегія, но это лицо начнетъ публично срывать маску съ лица кремлевско-лубяской шайки, осуществляющей сейчасъ въ Россіи диктатуру надъ пролетаріатомъ. Путь былъ опасный и опасный настолько, что даже въ проститутированной совѣтской печати нельзя было рѣшиться дать хотя бы немного воли порѣзвиться большевистскимъ придворнымъ борзописцамъ, вродѣ Демьяна Бѣднаго, Михаила Кольцова, Семена Сосновскаго и другихъ заслуженныхъ «ревнителей и хранителей» подлыхъ и кровавыхъ «традицій» кремлевско-лубянскихъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ.

Оставалось лишь одно, — всею силою обрушиться на меня и во что бы то ни стало поставить меня на «колѣни».

Предварительное слѣдствіе Г. П. У. идетъ видимо къ концу.

Въ концѣ августа или въ началѣ сентября 1923 г. я имѣю встрѣчу съ прокуроромъ Московскаго Военно-Революціоннаго Трибунала, куда было направлено мое «дѣло» для слушанія.

Объ этй встрѣчѣ скажу нѣсколько словъ.

Какъ то около 12-ти часовъ дня вызываютъ наверхъ. Ведутъ въ комнату, на которой надпись: «Зам. Начальника Секретно-Оперативнаго Управленія».

Ну, думаю, новый «номеръ» какой-либо затѣяли жандармы. Вхожу. Три письменныхъ стола. За однимъ противъ окна какой-то латышъ въ штатскомъ (это и былъ «Зам.»), направо за столомъ уже надоѣвшая физіономія Владимірова, а налѣво сидятъ два новыхъ лица, одинъ изъ которыхъ прямо шикарно одѣтъ: нашивки разныя, на рукавѣ какіе то знаки и золотомъ вышитое восходящее солнце, вообще производитъ впечатлѣніе важной шишки.

Сажусь у стола, vis-à-vis «важной шишки».

Важная шишка: — Не узнаете меня, гражд. Бруновскій?

Брун.: — Лицо Ваше гдѣ то я видѣлъ, но припомнить не могу.

Важная шишка: — А Вы припомните!

Брун.: — Лично не вижу пока въ этомъ надобности.

Важная шишка: — Быть можетъ, Вы припомните Управляющаго Дѣлами Особой Военно-Продовольственной Комиссіи Восточнаго Фронта Грязнова?

Брун.: — А-а, какъ же, какъ-же, — очень хорошо помню. Собственно говоря, Вы все же вѣроятно меня лучше помните, чѣмъ я Васъ, такъ какъ я былъ, какъ Вамъ извѣстно, предсѣдателемъ этой Комиссіи. А позвольте спросить Васъ, г. Грязновъ, какое отношеніе имѣете Вы къ моему «дѣлу»?

Грязн. — торжественно: — Я прокуроръ Московскаго Военно-Революціонного Трибунала, куда поступило Ваше «дѣло». Теперь Вы будете находиться въ моемъ распоряженіи и я хочу Васъ сегодня лично допросить.

Брун.: — Вы лично можете считать меня «въ Вашемъ распоряженіи», но я этого не признаю. Что-же касается Вашей попытки допросить меня, то категорически заявляю, что я считаю ниже своего достоинства вступать съ Вами въ какіе бы то ни было разговоры и Вы отлично знаете почему.

Поясню читателю, въ чемъ дѣло.

Грязновъ коммунистъ и былъ мнѣ рекомендованъ въ Управдѣлами Сибирскимъ Областнымъ комитетомъ партіи, который очевидно считалъ полезнымъ имѣть своего представителя въ моей комиссіи, хотя въ послѣдней и была уже довольно многочисленная коммунистическая ячейка. До этого Управдѣлами былъ у меня нѣкто Германъ, бывшій присяжный повѣренный, безпартійный. Работой г. Германа я не особенно былъ доволенъ и потому охотно согласился принять къ себѣ Грязнова, тѣмъ болѣе, что это былъ довольно интеллигентный и по первому впечатлѣнію энергичный человѣкъ. На службѣ я всегда былъ одинаково справедливъ, требователенъ, суровъ, какъ къ партійнымъ, такъ и къ безпартійнымъ. Основное правило у меня было простое: исполнить, а объ исполненіи доложить.

Заведенные мною въ Комиссіи порядки показались оскорбительными Грязнову, который не могъ себѣ даже представить, чтобы не коммунистъ могъ приказать коммунисту, да притомъ еще члену Областного комитета партіи!

Начались нелады и Грязновъ сталъ иногда вводить въ комиссіи свои новшества вопреки прямымъ моимъ распоряженіямъ. Дѣлаю замѣчаніе устное — не помогаетъ. Дѣлаю выговоръ въ приказѣ, — сталъ прохвостъ совсѣмъ несноснымъ. Однажды, послѣ очередного «выступленія» Грязнова

рѣшилъ положить предѣлъ его фокусамъ и подвергнуть его на 24 часа аресту съ исполненіемъ служебныхъ обязаиностей. Дѣло было нелегкое, — у этого господина за спиной сила въ лицѣ своихъ партійныхъ товарищей. Взялъ книгу приказовъ, личио вписалъ приказъ объ арестѣ черезъ коменданта города, а чтобы дѣло было крѣпче и арестъ осуществить, поѣхалъ къ Предсѣдателю Сибирскаго Революціоннаго Комитета И. Н. Смирнову (кажется, теперь онъ Наркомпочтель СССР), котораго зиалъ, какъ человѣка толковаго, достаточио прямого, смѣлаго и порядочнаго. И. Н. Смирновъ — представитель старой большевистской гвардіи, да притомъ изъ рабочихъ. Среди этой публики встрѣчается иемало дѣйствительно порядочиыхъ и смѣлыхъ революціонеровъ, но въ общей партійиой массѣ это все же только исключеніе.

Разсказалъ ему въ чемъ дѣло и просилъ Смирнова присоединить еще и свою подпись, что обязывало комеиданта города иемедлеино приказъ исполнить, такъ какъ комендантъ былъ подчиненъ не мнѣ, а Смирнову.

За нѣсколько минутъ до окончанія служебныхъ занятій поступилъ нарядъ отъ коменданта города и Грязиовъ былъ арестованъ.

Произошелъ большой скандалъ, но вопросъ съ Грязновымъ былъ исчерпанъ. Все это имѣло мѣсто наканунѣ моего оставленія фронта и выѣзда въ Москву. Мнѣ послѣ сообщали, что Грязновъ публично заявилъ, что такъ, либо иначе, ио оиъ расправится со мною. Теперь случай этотъ представился, но торжествовать Грязиову не пришлось.

Раза два меня вывозили на допросъ въ Трибуналъ, но я неизмѣнно и абсолютно игнорировалъ присутствіе Грязнова.

Желая стоять на формальной точкѣ зрѣнія, я подалъ иадлежащее заявленіе генералъ-прокурору Республики г. Курскому, требуя отвода Грязнова, но это разумѣется никакихъ послѣдствій не имѣло и имѣть не могло бы, да и самое заявленіе мое ие пошло дальше стѣнъ Г. П. У.

«Обвинительное заключеніе», составленное Г. П. У., было полностью утверждено въ распорядительномъ засѣданіи Коллегіи Трибунала и «дѣло» мое было назначено къ слушанію иа 29 сентября 1923 г. при закрытыхъ дверяхъ безъ участія стороиъ. До суда оставалось около 7 дией и потому я успѣлъ дать женѣ всѣ необходимыя инструкціи. За нѣсколько дней до суда Г. П. У. рѣшило меня спровоцировать.

Однажды, около 4-хъ часовъ дня въ мою камеру вводятъ иоваго заключеннаго съ небольшимъ чемоданчикомъ. «Заключеиный» поспѣшилъ представиться: студеитъ изъ Казани, сидитъ уже 3 мѣсяца по ложному доносу своего товарища. Пріѣхалъ теперь изъ Бутырской тюрьмы и ждетъ скораго освобождеиія, такъ какъ его братъ, видный партійный работникъ, даетъ за него поручительство.

— Какія новости въ Бутыркахъ, спрашиваю его?

— Вчера разстрѣляиъ латвійскій гражданиизъ полковникъ Зелитъ, отвѣчаетъ мнѣ «студентъ».

Въ томъ, что это былъ подсаженный провокаторъ, уже сразу не было никакихъ сомнѣній, такъ какъ:

а) изъ Бутырской тюрьмы, какъ правило, переводятъ во «внутреннюю» тюрьму только по утрамъ и только для важныхъ и секретныхъ «преступниковъ» время не назначено, — переводятъ, когда вздумается.

б) Сразу заговорилъ о разстрѣлѣ латвiйскаго гражданина. Этимъ Г. П. У. хотѣло подчеркнуть, что заявленiе о безусловномъ разстрѣлѣ меня не было пустой угрозой. Какъ я уже раньше говорилъ, полковникъ Зелнтъ былъ дѣйствительно разстрѣлянъ.

в) «Студентъ» сразу сталъ хвастать, что ему удалось секретно пронестн половину карандаша и изрядный кусокъ бумагн, что вообще говоря было абсолютно невозможно при томъ обыскѣ, который производится въ канцелярiи тюрьмы передъ направленiемъ заключеннаго въ камеру. Проносятъ иногда карандаши, но зто дѣлается такъ: снимается съ карандаша все дерево и оставляется только его пишущая мвсса, которая ломается на мелкiе кусочки и прячется.

г) «Студентъ» сиднтъ уже 3 мѣсяца, причемъ арестованъ въ Казанн, а явился въ камеру въ очень свѣжемъ видѣ и въ чистомъ воротничкѣ.

д) Нѣсколько разъ неосторожно подчеркиваетъ, что ждетъ сегодня нлн завтра освобожденiя и готовъ мнѣ помочь, взявъ отъ меня письма на волю.

Короче говоря, все сдѣлано очень грубо и видимо Г. П. У. торопилось. Этотъ способъ провокацiи путемъ «насидокъ» чрезвычайно развитъ въ большевистскихъ застѣнкахъ, но онъ обыкновенно дѣлается гораздо остроумнѣе, заблаговременно и т. д. Провести ночь въ одной камерѣ съ зтнмъ молодчикомъ мнѣ не очень улыбалось и потому я ему откровенно сказалъ, что онъ глупый провокаторъ и письма на волю отъ меня не дождется. Между прочимъ я дружескн въ его интересахъ рекомендовалъ ему поскорѣе убраться по добру по здорову. Послѣ ужина его куда-то вызвалн, а черезъ 10-15 мнпутъ пришли и взяли его чемоданчнкъ.

Наступалъ важный моментъ:

Получу-ли на руки копiю «обвинительнаго заключенiя» и если получу, то удастся ли передвть на волю, такъ какъ черезъ существующую у меня связь съ волей передача 10-20-40-60 стрвнпцъ, писанныхъ на машинкѣ абсолютно исключалась.

По «закону», т. е. Процессуальному Уложенiю Уголовнаго Кодекса, обвнняемому должна быть вручена копiя «обвнннтельнаго заключенiя» не позднѣе, какъ за 72 часа до начала «суда». Не позднѣе, чѣмъ за 3 дня до начала «суда» обвиняемый долженъ быть допущенъ къ ознакомленiю съ «обвиннтельнымъ матерiаломъ». Такимъ образомъ 26 сентября я ждалъ самаго главнаго — оффицiальной копiи «обвннительнаго заключенiя». Ожиданiя мои были напрасны. Копiю «обвинительнаго заключенiя» я получилъ только 28 сентября въ 4 часа дня, а къ ознакомленiю съ «обвиннтельнымъ матерiаломъ» вообще допущенъ не былъ, — послѣднее впрочемъ, для меня никакой роли н не нграло. Какъ я теперь недавно (сентябрь 1927 г.) узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, Г. П. У. назначило спецiальную комиссiю для разслѣдованiя моей жизни въ тюрьмѣ, моей связи съ волей, и т. д. Уже произведены аресты ни въ чемъ неповинныхъ людей. Въ силу зтого я считаю въ предѣлахъ возможнаго, поскольку зто необходимо, разсказать кое что о моей связн съ волей, перепискѣ съ заграницей, передачѣ на волю документовъ и бумагъ по моему «дѣлу». Сейчасъ я разскажу пока о томъ, какъ «обвннительное заключенiе» попало на волю:

Бывая въ Трибуналѣ на допросахъ, я обратилъ вниманіе на то, что меня возятъ въ Трибуналъ окольными путями, но подъѣздъ къ Трибуналу возможенъ только либо съ одного конца Арбатской улицы, либо съ другого. Поэтому я поручилъ женѣ и сестрѣ дежурить въ подлежащихъ мѣстахъ съ 8 час. утра 29 сентября, надѣясь, что мнѣ удастся такъ или иначе выбросить документъ на улицу.

Вопросъ заключался теперь въ томъ, какъ пронести документъ изъ камеры въ автомобиль, такъ какъ при каждой поѣздкѣ моей въ Трибуналъ я подвергался самому тщательному обыску и конечно взять съ собою въ «судъ» «обвинительное заключеніе» мнѣ навѣрное не разрѣшили бы.

Вопросъ рѣшилъ довольно просто. Съ вечера, завязавъ документъ въ довольно грязную тряпку (на улицѣ была грязь), вложилъ все въ боковой карманъ своего англійскаго пальто. Въ пальто боковые наружные карманы сквозные и такимъ образомъ держа руки въ карманѣ пальто можно проникнуть во внутренніе боковые карманы не только пальто, но и куртки.

9 часовъ утра 29 сентября. Жандармъ вызываетъ «безъ вещей». Какъ стою налегкѣ одѣтый, безъ пальто и шапки, такъ и выхожу. Спускаюсь во дворъ тюрьмы, гдѣ ждетъ уже заведенный автомобиль. Два охранника въ военной формѣ съ маузерами и одинъ въ кожаной курткѣ съ наганомъ въ рукѣ. Предлагаютъ садиться въ автомобиль. Спрашиваю, куда ѣдемъ. Отказываются сообщить. Заявляю, что никуда безъ пальто и шапки не поѣду, такъ какъ уже холодно.

Кожаная куртка: — Мы не можемъ ждать. Вы должны были быть готовы. Садитесь безъ разговоровъ.

Брун.: — Мнѣ не сказали, что предстоитъ поѣздка въ городъ. Я думалъ, что иду на допросъ здѣсь же. Безъ пальто и шапки не поѣду.

Жандармъ въ статскомъ отдаетъ приказъ жандарму въ военной формѣ срочно принести мнѣ изъ моей камеры пальто и шапку. Летитъ, сломя голову. Нѣсколько минутъ и пальто и шапка у меня. Надѣваю пальто и чувствую, что все на мѣстѣ. Расчетъ былъ у меня такой: жандармъ, какъ угорѣлый, примчится въ мою камеру, схватитъ пальто и шапку и, быть можетъ, только на ходу провѣритъ содержимое боковыхъ (наружныхъ) кармановъ пальто. Расчетъ оказался вѣрнымъ. Садимся. Пакетъ изъ внутренняго бокового кармана пальто черезъ наружный сквозной боковой карманъ перемѣщенъ въ рукавъ.

Какъ выбросить? Начинаю курить папиросы и не докуривъ папиросу бросаю ее за бортъ автомобиля. Продѣлываю это нѣсколько разъ подрядъ, чтобы пріучить жандармовъ къ движеніямъ моей руки.

Автомобиль идетъ съ максимальной быстротой. Уже начало Арбатской улицы. Зорко гляжу по сторонамъ. Вижу вдали стоитъ сестра. Подъѣзжаемъ. Рѣзкое движеніе руки, бросаю окурокъ и выпускаю одновременно пакетъ изъ рукава. Съ радостнымъ настроеніемъ мчусь дальше. «Судъ», жандармы, быстро проводятъ въ комендантуру «суда». Ждать еще выхода «суда» долго, такъ какъ вмѣсто 10 часовъ «судебное засѣданіе» Трибунала начнется только въ 12.

Жду съ нетерпѣніемъ буттербродовъ отъ жены и въ особенности буттерброда съ икрой, что значитъ «бумаги подняты».

Около 12 часовъ вносятъ пакетъ. Раскрываю. Разрѣзанные на мелкіе кусочки буттерброды, а среди нихъ кусочки хлѣба съ масломъ и......

н нкрой. Ура!!! Удача полная. Даже болѣе, чѣмъ полная, и вотъ почему: со стороны, откуда я ѣхалъ, стояла не сестра, а жена, которую я совсѣмъ не замѣтнлъ, за сестру же я принялъ совсѣмъ постороннюю даму, никакого отиошенія къ «операціи» не нмѣвшую. Тѣмъ не менѣе документъ все же оказался цѣлъ. Случилось зто такъ. Замѣститель Фритіофа Нансена въ Россін г. Томасъ Эйби, датчанинъ, зналъ, конечно, о днѣ моего суда, но ничего не зналъ о томъ, что я попытаюсь выбросить изъ автомобнля бумагн на улицу. Совершенно случайно, оказывается, за моимъ автомобилемъ слѣдовалъ автомобиль г. Эйби, который не зная, что впереди ѣду я, видѣлъ только, что кто-то выбросилъ изъ автомобнля какой-то свертокъ. Остановилъ машнну и поднялъ свертокъ, въ которомъ оказалось «обвннительное заключеніе» хорошо извѣстнаго ему В. Бруновскаго. Ѣдетъ къ себѣ въ комнссію, по телефону находитъ мою жену въ трибуналѣ н вызываетъ ее къ себѣ, чтобы разъяснить зтотъ «загадочный» случай.

Жена немедленно явилась н все, разумѣется, разъяснила.

Въ Трнбуналѣ на стѣнахъ портреты вождей и большой плакатъ съ надпнсью «пролетарскій судъ — защита революціоннаго правосудія».

Грустно было вндѣть столь пошлую надпнсь, сдѣланную кремлевсколубянскнмн насильниками, жандармами, провокаторами н убійцами, творящнми свое каиново дѣло, прикрываясь именемъ пролетаріата!

Безъ 10 мннутъ 12 часовъ. Я и Кростелева занимаемъ мѣста на скамьѣ «подсуднмыхъ». По бокамъ и позади 6 жандармовъ съ винтовками. Горшенева нѣтъ, — не явнлся. Читатель уже знаетъ почему. Входитъ комендантъ, а съ нимъ вмѣстѣ Владиміровъ н Грязновъ, занявшіе мѣста на скамьяхъ для публикн.

Ровно 12 часовъ. Комендантъ «суда» встаетъ и громко заявляетъ: «Судъ ндетъ. Прошу встать».

Вышелъ «судъ». Предсѣдатель «суда» рабочій Бушуевъ, а съ нимъ еще два засѣдателя. Бушуева зналъ раньше. Это коммунистъ 17-го года, не глупый, кое что уже читавшій н вообще достаточно развнтъ, «безъ лести преданный» и партіи, н Г. П. У. Засѣдателей не знаю.

Бушуевъ нѣсколько мгновеній присматрнвается н, вндимо, нѣсколько озадаченъ тѣмъ, что вндитъ меня на скамьѣ подсудимыхъ въ качествѣ «международнаго шпіона».

Начинаются обычныя формальности.

Бушуевъ: — Заявленіе есть?

Требую отложить слушаніе «дѣла», такъ какъ я не былъ допущенъ къ ознакомленію съ «обвннительнымъ» матеріаломъ, а кромѣ того, «обвинительное» заключеніе только наканунѣ «суда» мнѣ вручено. Все зто противорѣчитъ Процессуальному Уложенію Уголовнаго Кодекса.

«Судъ» мое требованіе отклоняетъ.

Требую отложить слушаніе «дѣла» и вызвать моихъ свидѣтелей.

«Судъ» снова отклоняетъ мои требованія.

Требую удалить изъ залы «суда» Владимірова и Грязнова, такъ какъ нхъ присутствіе можетъ повліять на рѣшеніе «суда».

«Судъ» снова отклоняетъ мое требованіе и поясняетъ, что Владиміровъ присутствуетъ въ залѣ «суда», какъ уполномоченный представитель О. Г. П. У., а Грязновъ, какъ представитель прокуратуры.

Настаиваю на занесеніи въ протоколъ моихъ требованій и рѣшенія «суда».

«Судъ» поясняетъ, что все судоговореніе вообще будетъ запротоколировано секретаремъ Трибунала надлежащимъ образомъ.

Начинается чтеніе «обвинительнаго заключенія».

Владиміровъ и Грязновъ шушукаются и ведутъ себя очень непринужденно, на что обращаю вниманіе «суда».

Даю свои показанія по существу «обвиненія».

Предсѣдатель Трибунала неоднократно предлагаетъ не употреблять рѣзкихъ выраженій по адресу пролетарскаго правительства и Г. П. У., грозя въ противномъ случаѣ лишить меня слова.

Требую права предложить Кростелевой нѣсколько вопросовъ.

Предсѣд. Триб.: — Какіе вопросы?

Брун.: — По существу «признанія» Кростелевой.

Предсѣд. Триб.: — Формулируйте сначала суду Ваши вопросы.

Брун.: — Предлагать вопросы свидѣтелямъ обвиненія является по закону основнымъ и естественнымъ правомъ обвиняемаго и потому я требую предоставленія мнѣ этого права вообще.

Предсѣдатель Трибунала шушукается съ засѣдателями и разрѣшаетъ мнѣ предлагать вопросы Кростелевой, являющейся одновременно и «подсудимой» и «свидѣтелемъ» обвиненія.

Брун.: — Скажите, гр. Кростелева, Вы поддерживаете свои показанія и «признанія», данныя Вами Г. П. У.?

Крост. (нерѣшительно): — Да.

Брун.: — Не писали ли Вы когда-либо подъ мою диктовку «шпіонскихъ» докладовъ для Шведскаго и Голландскаго посольствъ въ Москвѣ?

Крост. (совершенно растерянно): — Да, писала.

Брун.: — Не писали ли Вы когда либо подъ мою диктовку для Англійской миссіи моихъ «шпіонскихъ» докладовъ о состояніи «патроннаго отдѣла при Главномъ Автомобильномъ Управленіи Военнаго Совѣта Республики?»

Крост. (очень неувѣренно): — Да, писала.

Брун.: — Не припомните ли Вы, о чемъ именно Вы писали въ этихъ моихъ докладахъ Англійской миссіи: о патронахъ, шанцевыхъ инструментахъ или объ автомобиляхъ?

Крост.: — О патронахъ и автомобиляхъ.

Владиміровъ очень встревоженно, обращаясь къ Предсѣдателю Трибунала:

— Г. П. У. протестуетъ противъ нелѣпыхъ вопросовъ подсудимаго Бруновскаго подсудимой Кростелевой.

Предсѣд. Триб.: — Обвиняемый Бруновскій, судъ находитъ Ваши вопросы въ высшей степени нелѣпыми и предлагаетъ Вамъ подобныхъ вопросовъ гражданкѣ Кростелевой больше не задавать.

Брун.: — Граждане судьи! Совершенно вѣрно, я въ полной мѣрѣ признаю нелѣпость моихъ вопросовъ и, — что самое главное, — ихъ нарочитую нелѣпость, такъ какъ въ Москвѣ еще нѣтъ ни Шведскаго, ни Голланд-

скаго посольства. Что же касается «патроннаго отдѣла при Главномъ Автомобильномъ Управленіи Военнаго Совѣта», то, какъ Вы всѣ знаете, ни такого отдѣла, ни такого управленія въ природѣ вообще не существовало и не существуетъ, а между тѣмъ подсудимая Кростелева и на эти нелѣпые вопросы даетъ положительные отвѣты. Что это значитъ? Это, граждане судьи, значитъ только одно, и именно то, что Г. П. У. слишкомъ мало инструктировало Кростелеву и, что самое главное, отвѣты Кростелевой являются незыблемымъ доказательствомъ того, что Г. П. У. инспирировало всѣ показанія и «признанія» Кростелевой, учинивъ надъ ней грубѣйшее насиліе.

Отсутствіе въ этой залѣ другого моего, съ позволенія сказать, «соучастника» Николая Горшенева еще разъ незыблемо доказываетъ, что все обвиненіе Г. П. У. противъ меня въ организаціи якобы «международнаго шпіонажа» построено на грубомъ насиліи, лжи и провокаціи.

Предсѣдатель прерываетъ меня. Кростелева начинаетъ плакать.

Брун.: — Я прошу разрѣшенія задать еще одинъ послѣдній и очень важный вопросъ гр. Кростелевой.

Предсѣд. Триб.: — Судъ не можетъ разрѣшить Вамъ сознательно задавать нелѣпые вопросы.

Брун.: — На этотъ разъ вопросъ будетъ чисто дѣловой, который, касаясь меня, еще въ большей степени касается суда, тѣмъ болѣе, что я вижу лозунгъ: «Пролетарскій судъ — защита революціоннаго правосудія».

Предсѣд. Суда: — Хорошо.

Брун.: — Скажите, гр. Кростелева, откровенно, если у Васъ есть гражданское мужество, кто составилъ Вамъ Ваши «признанія» и подъ вліяніемъ чьихъ и какихъ угрозъ Вы подписали свои «признанія» и показанія, даже не прочтя ихъ?

Владиміровъ: — Я протестую противъ подобныхъ вопросовъ.

Предсѣд. Суда: — Я снимаю Вашъ дерзкій вопросъ и лишаю Васъ слова.

Кростелева начинаетъ истерично рыдать и кричитъ: — Я ничего не знаю. Я ничего не подписывала.

Предсѣд. Суда: — Объявляю перерывъ на 20 минутъ.

Владиміровъ тоже уходитъ и громко, съ наглымъ и злобнымъ выраженіемъ лица, бросаетъ мнѣ реплику: — Это Вамъ не поможетъ!

Несмотря на то, что мнѣ вполнѣ удалось разъяснить «признанія» и показанія Кростелевой, на сердцѣ было тяжелое гнетущее чувство отъ всей этой подлой комедіи «пролетарскаго суда» и этого «революціоннаго правосудія».

Я передалъ только главные эпизоды, имѣвшіе мѣсто на «судѣ». Дѣйствительная картина была много тягостнѣе, много подлѣе и много отвратительнѣе. Это былъ не «судъ», а гнусный застѣнокъ, о которомъ вѣрное представленіе могъ себѣ составить только тотъ, кто лично могъ бы наблюдать весь этотъ «вертепъ» разбойниковъ, именуемый Г. П. У. и «пролетарскимъ судомъ».

Прошло 30 минутъ, прежде чѣмъ снова показался «судъ». На этотъ разъ произошла совершенно неожиданная исторія, къ которой я совершенно не былъ вообще подготовленъ. Предсѣдатель Трибунала, не садясь, читаетъ постановленіе «суда»:

«Дальнѣйшее слушаніе дѣла прекратить и направить его къ дослѣдованію въ цѣляхъ выясненія той роли, которую подсудимый Бруновскій сыгралъ

въ концесіонной политикѣ СССР. Объявляю засѣданіе Трибунала закрытымъ».

Г. П. У. потерпѣло пораженіе. «Пролетарскій судъ» показалъ свое истинное лицо. «Революціонное правосудіе» въ концепціи кремлевско-лубянской жандармеріи обнажило свою сущность. Впрочемъ, новаго ничего не случилось, — былъ лишь еще разъ продемонстрированъ маленькій кусочекъ « соціалистическаго» быта въ СССР.

Все это однако для Г. П. У. послѣдствій имѣть не могло, такъ какъ «судъ» происходилъ въ домашней обстановкѣ, никто не видѣлъ и не слышалъ, если не считать 6 красноармейцевъ охраны, но вѣдь они обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ никогда и рта разинуть не посмѣютъ! О, они знаютъ и на примѣрѣ въ «судѣ» видѣли, что такое Г. П. У. и что такое самый «судъ» съ чекистскимъ намордникомъ!

Черезъ 20—30 минутъ я снова былъ водворенъ въ свое узилище.

Что же теперь? Новое судебное слѣдствіе? Новый «судъ»? Ничего сказать нельзя было, кромѣ одного, что еще пройдутъ мѣсяцы, прежде чѣмъ начнется новое «судебное» разбирательство «дѣла». Тюремная жизнь текла у меня обычнымъ путемъ. «Обвинительное заключеніе», переданное женой въ надлежащія учрежденія, произвело въ послѣднихъ сильное впечатлѣніе. Женѣ было заявлено, что въ случаѣ, если Г. П. У. рискнетъ меня осудить, будутъ предприняты энергичныя надлежащія мѣры въ Народномъ Комиссаріатѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Латвійское правительство послало Чичерину нѣсколько вербальныхъ нотъ съ запросомъ о моей судьбѣ.

Ожидая репрессій въ отношеніи своей семьи, сообщилъ женѣ, чтобы отецъ, мать, жена и сестра немедленно покинули СССР, такъ какъ документы для отъѣзда были въ порядкѣ у всѣхъ, кромѣ сестры, которая своевременно не оптировала латвійскаго гражданства и потому выѣхать не могла.

Родителямъ, благодаря неосмотрительности Владимірова, удалось благополучно выѣхать, а жена рѣшила ждать того или иного рѣшенія по моему «дѣлу».

Такъ какъ средствъ у моей семьи не было, то больной отецъ и мать, выѣхавши въ Латвію, попали въ крайне тяжелое положеніе и должны были по мѣсту жительства обратиться въ Экенграфскую уѣздную городскую думу за помощью. Дума не отказала въ помощи и назначила пособіе отцу и матери въ размѣрѣ 4 рубл. золотомъ въ мѣсяцъ на обоихъ и 20 ф. ржаной муки.

Въ столь невыразимо тяжелыхъ условіяхъ родители прожили 3 года до моего освобожденія, когда я ихъ нашелъ въ тягостномъ положеніи. Въ результатѣ всѣхъ переживаній, связанныхъ съ моимъ арестомъ, приговоромъ меня къ смертной казни, тяжелыхъ матеріальныхъ лишеній, отецъ потерялъ 80% трудоспособности и въ настоящее время является уже полнымъ инвалидомъ, что засвидѣтельствовано подлежащей врачебной комиссіей. Что касается моихъ тайныхъ сношеній съ заключенными, то они продолжались своимъ чередомъ, хотя и съ громадными трудностями, такъ какъ пи-

сать записки, въ виду неослабнаго надзора жандармовъ за мною, часто приходилось ночью въ темнотѣ, покрывшись одѣяломъ. Источникомъ свѣта являлись папиросы, которыя приходилось непрерывно курить подъ одѣяломъ. Это каторжный трудъ, не разъ доводившій меня до обморочнаго состоянія.

Не обошлось однажды безъ скандала, кончившагося для меня сравнительно благополучно, — тщательнымъ обыскомъ въ поискахъ карандаша и бумаги. И то, и другое у меня было въ камерѣ, но 2-хъ часовой обыскъ жандармовъ ничего не далъ.

Однажды у меня появился сосѣдъ, который меня очень интересовалъ, такъ какъ къ нему часто кто-то днемъ заходилъ въ камеру. На стукъ сосѣдъ не отвѣчалъ и я рѣшилъ во что бы то ни стало всучить ему записку. Для этого есть нѣсколько способовъ. Я избралъ слѣдующій: записка написана, тщательно свернута, засушена въ кусочкѣ хлѣбнаго мякиша, а послѣдній вложенъ въ новый свѣжій кусочекъ хлѣба и все это завернуто въ тряпочку. Къ пакету привязана ниточка, которой «почта» привязана къ древку «квача» (кусокъ палки съ тряпкой на одномъ концѣ. Этотъ «квачъ» всегда находится въ уборной въ особой парашѣ съ дезинфекціоннымъ растворомъ для смазыванія камерныхъ парашъ). Расчетъ у меня былъ такой: сосѣдъ пойдетъ въ уборную послѣ меня, возьметъ «квачъ» для дезинфекціи своей параши и разумѣется увидитъ на «квачѣ» болтающійся пакетикъ на ниточкѣ и возьметъ его.

Для начала въ запискѣ далъ только тюремную «азбуку» и кое-какія инструкціи, подписавшись вымышленнымъ именемъ. Все случилось, какъ было расчитано, кромѣ одного: сосѣдъ «почту» передалъ жандарму. Заподозрили конечно меня (сосѣдъ въ уборную ходилъ послѣ меня!) и въ результатѣ обыскъ.

Пусть читатель на меня иногда не сѣтуетъ, что о многихъ вещахъ я долженъ ограничиваться нѣсколькими фразами, — большевистскіе застѣнки еще существуютъ и въ нихъ попрежнему томятся узники. Ниже въ свое время я кратко кое-что сообщу читателю о методахъ своихъ тайныхъ сношеній. Я упомяну только тѣ методы и способы, которые стали достояніемъ Г. П. У., — иногда послѣднему удавалось меня накрыть, но въ общемъ это было очень, очень рѣдко.

Изъ тайныхъ сношеній съ заключенными въ этотъ періодъ упомяну только о 3-хъ случаяхъ, какъ наиболѣе интересныхъ. Группа студентовъ сельско-хозяйственной академіи имени Тимирязева (бывшая Петровско-Разумовская сельско-хозяйственная академія) въ Москвѣ; издавали вполнѣ легальный журналъ, освѣщавшій академическую жизнь академіи. Въ одномъ изъ номеровъ журнала была помѣщена замѣтка, разоблачавшая пьянство въ академической ком'ячейкѣ. Въ результатѣ послѣдовалъ арестъ 13 человѣкъ, причемъ оффиціально имъ ставилась въ вину якобы агитація противъ совѣтской власти. Одинъ изъ студентовъ Есиповъ находился уже въ послѣдней стадіи чахотки и тѣмъ не менѣе всѣ получили по 3 года ссылки и только для Есипова, какъ безнадежно больного, «гуманная рабоче-крестьянская власть» сдѣлала исключеніе, давъ ему 2 года ссылки. О Есиповѣ его товарищи разсказывали, что это исключительно одаренный юноша, идеальный, усидчивый работникъ. Пользовался всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ академіи, что больше всего и смущало ком'ячейку, какъ

обычно, состоявшую въ своей массѣ изъ шкурииковъ, лизоблюдовъ, подхалимовъ, доносчиковъ, карьеристовъ и провокаторовъ.

Группа венгерцевъ, обмѣненныхъ въ свое время совѣтскимъ правительствомъ. Среди нихъ нѣкоторые провели въ венгерскихъ тюрьмахъ, какъ соціалисты, еще до образованія «Бела Куновской Венгріи», по 3-5-7 лѣтъ.

Были счастливы, что ѣдутъ къ своимъ товарищамъ-спасителямъ. Пріѣхали. Увидѣли. Разочаровались. Чтобы жить, образовали маленькое товарищество по изготовленію приборовъ точной механики. Дѣла кое-какъ шли и хлѣбъ былъ обезпеченъ. Собирались иногда поговорить о Красной Венгріи, о Бѣлой Венгріи, о дняхъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они. Не обходилось и безъ разговоровъ о большевистской Россіи. Разумѣется, эти разговоры стали извѣстны Г. П. У. и непрошеные критики были арестованы. Впрочемъ, настроеніе было у нихъ отличное, такъ какъ имъ было извѣстно, что Бела-Кунъ взялъ ихъ подъ свое «высокое» покровительство и такимъ образомъ было много шансовъ вырваться на волю.

Коммунистъ. Эстонецъ. Фамилію его могъ бы назвать, такъ какъ онъ безцѣльно былъ убитъ, но, къ сожалѣнію, много фамилій совершенно забылъ. Сущность дѣла такова: ему были переданы какіе-то крайне важные документы Коминтерна, которые онъ потерялъ, но Г. П. У. заподозрило, что онъ продалъ ихъ Англійскому правительству. Арестъ. Издѣвательства и пытки уже по всѣмъ правиламъ заплечнаго искусства въ особомъ помѣщеніи.

Когда я былъ еще на волѣ, мнѣ одно лицо, очень близкое къ чекистскимъ верхамъ, разсказало, что въ Г. П. У. есть спеціально оборудованный кабинетъ для пытокъ, которымъ пользуются рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ. Сознается ли жертва послѣ «курса» пытокъ или нѣтъ, заключенный все равно подвергается разстрѣлу въ цѣляхъ уничтоженія слѣдовъ «соціалистической» работы кремлевско-лубянской сволочи. Эстонецъ только началъ проходить «курсъ» пытокъ, путемъ ущемленія пальцевъ въ спеціальномъ приборѣ и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не знаю, такъ какъ черезъ нѣсколько дней онъ исчезъ.

Впослѣдствіи, въ 1925 г. одинъ изъ моихъ тайныхъ корреспондентовъ отвѣтственный чекистъ Запольскій (о немъ въ свое время) категорически мнѣ подтвердилъ существованіе въ Г. П. У. кабинета пытокъ и въ этомъ нѣтъ абсолютно ничего удивительнаго для всѣхъ тѣхъ,. кто хотя бы немного знакомъ съ закулисной дѣятельностью кремлевско-лубянскихъ правителей, кто немного знакомъ съ большевистской «диктатурой пролетаріата».

Вернемся теперь къ моему личному «дѣлу».

Какъ читатель помнитъ, мое дѣло было направлено къ дослѣдованію въ цѣляхъ выясненія той роли, которую игралъ я якобы въ концессіонной политикѣ СССР.

Разумѣется, всякому совершенно ясно, что подобная мотивировка «суда», какъ поводъ отложить «дѣло», является нелѣпой, совершенно необдуманной. Ни до 1920 г., ни послѣ, я никогда не вмѣшивался въ концессіонную политику большевистскаго правительства и не имѣлъ желанія вмѣ-

шиваться. Убійцы кремлевско-лубянскихъ кварталовъ настолько были увѣрены въ томъ, что мое «дѣло» будетъ похоронено навѣки въ чекистскихъ подвалахъ, какъ это обычно имѣетъ мѣсто, что не позаботились даже болѣе или менѣе прилично средактировать постановленіе Трибунала, связавъ, скажемъ, мою концессіонную «роль» какъ-нибудь съ моей «шпіонской» работой.

Все же кое-что Г. П. У. должно было дѣлать, разъ дѣло направлено къ «дослѣдованію».

Вопросъ о моей «концессіонной роли» былъ рѣшенъ очень просто.

Г. П. У. достало номеръ одной Норвежской газеты за 1922 г., гдѣ было помѣщено мое интервью съ корреспондентомъ этой газеты Э. Анкеръ.

Въ интервью я далъ отвѣты только на нѣкоторые вопросы, касающіеся положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, причемъ далъ положительную оцѣнку мѣропріятіямъ совѣтскаго правительства въ области возстановленія сельско-хозяйственнаго промысла въ Республикѣ.

Мое интервью дало поводъ для Г. П. У. пришить мнѣ рядъ новыхъ обвиненій:

а) Обвиненіе въ томъ, что я интервью далъ безъ вѣдома и согласія совѣтскаго правительства.

Другими словами, я — Латвійскій гражданинъ, долженъ былъ сначала испросить на интервью разрѣшеніе совѣтскаго правительства, согласовать это интервью съ надлежащими «инструкціями» послѣдняго и уже только потомъ давать иностранной газетѣ свое интервью.

Такъ обычно дается большинство большевистскихъ «интервью» иностранцамъ, но я былъ уже не совѣтскій гражданинъ и не считалъ для себя необходимымъ вообще получать какое-либо разрѣшеніе Кремля или Лубянки для бесѣды съ представителемъ иностранной газеты.

б) Опубликованное мое интервью якобы сорвало концессіонную политику совѣтскаго правительства. Такъ буквально и сказано въ «обвинительномъ» заключеніи Г. П. У.

Разумѣется, подобное «обвиненіе» пригодно только для «суда» въ закрытомъ застѣнкѣ.

Если бы у Г. П. У. была возможность слушать мое «дѣло» при открытыхъ дверяхъ, разумѣется, о такомъ обвиненіи не могло бы быть и рѣчи, такъ какъ я не сталъ бы молчать о томъ, почему у большевиковъ съ концессіями дѣла идутъ очень плохо.

Въ новое «обвинительное» заключеніе былъ включенъ одинъ пунктъ, который буквально гласилъ (Дѣло. Томъ I. Листы 11-12-21-23-24-25-26-27; страница вторая обвинительнаго заключенія: «Такая исключительная популярность Бруновскаго въ правительственныхъ сферахъ СССР...... Широко используя свои связи въ различныхъ Народныхъ Комиссаріатахъ Республики, означенный Бруновскій собираетъ крайне цѣнный матеріалъ, какъ чисто экономическаго, такъ и военно-политическаго характера, и снабжаетъ имъ Англійскую и Норвежскую миссіи, для коихъ указанныя свѣдѣнія имѣютъ первостепенное значеніе и *служили главной цѣлью ихъ пребыванія въ Республикѣ*».

Пусть читатель не забываетъ, что это пишетъ О. Г. П. У., что это утверждаетъ такъ наз. Верховный Судъ Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ при Ц. И. К.

И что самое главиое, для подобнаго обвинеиія иностраиныхъ правительствъ основаніемъ является мое «дѣло».

Правда, это обвиненіе предназначалось для употребленія только въ закрытомъ застѣнкѣ, именуемомъ «Верховнымъ Судомъ СССР».

Читатель не долженъ однако забывать, что то же самое «обвиненіе» фигурировало бы и для публичныхъ надобностей Г. П. У. и совѣтскаго правительства, если бы только кремлевско-лубянскимъ убійцамъ удалось сломить мою волю, мое гражданское мужество.

Въ новомъ «обвинительномъ» заключеніи прибавились и иовые «авторитетные свидѣтели».

Бывшій члеиъ Ц. К. партіи, бывшій члеиъ Революціоннаго Военнаго Совѣта III Арміи Восточнаго Фроита, усмиритель Московскаго возстанія въ октябрѣ 1917 г., командующій Московскимъ Военнымъ Округомъ Н. И. Мураловъ.

Бывшій начальникъ «Особого Отдѣла В. Ч. К.» иа Восточномъ фронтѣ, начальникъ Экономическаго Управленія О. Г. П. У. г. Каценельсонъ.

Оба эти «свидѣтеля» показали, что еще въ бытность мою предсѣдателемъ Военно-Продовольственной Комиссіи по снабженію всѣхъ армій и гражданскаго населенія Восточнаго фроита я уже занимался якобы «шпіонажемъ» въ пользу Англіи.

Разумѣется, эти два палача ии слова ие сказали о томъ, почему я не былъ тогда-же арестованъ и почему при мнѣ иа Восточномъ фронтѣ не было даже политическаго комиссара, хотя я никогда не былъ коммунистомъ. Въ остальномъ же первое «обвинительное» заключеніе было дословно помѣщено во второмъ «обвинительномъ» заключеніи.

Второй разъ, какъ и въ первый разъ, мнѣ было категорически отказано въ вызовѣ свидѣтелей.

Въ послѣднихъ числахъ ноября «дѣло» было передано для слушанія въ Военной Коллегіи Верховнаго Суда. Нѣсколько дней спустя я былъ вызванъ къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при Верховномъ Судѣ г. Михалевскому, который мнѣ сообщилъ, что «обвинительное» заключеніе Г. П. У. онъ получилъ и оно утверждено, почему предварительное судебное слѣдствіе является излишнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Михалевскій сообщилъ мнѣ, что «дѣло» мое будетъ слушаться 10. XII. 23 г. при закрытыхъ дверяхъ.

Вотъ соотвѣтствующій текстъ:

1) *Стр. 16 обвинительнаго заключенія:*

«......Утверждено обвиненіе распорядительнымъ засѣданіемъ Верховнаго Суда СССР отъ 4 декабря 1923 г. (Подпись и печать «Верховнаго Суда» С. С. С. Р.).

2) *Выписка изъ протокола распорядительнаго засѣданія Верховнаго* Суда С. С. С. *Р.:*. «......Дѣло слушать при закрытыхъ дверяхъ безъ участія сторонъ». (Подпись и печать «Верховнаго Суда»).

Нужны ли еще какіе-либо комментаріи къ этимъ документамъ, столь ярко опредѣляющимъ истинную сущность и ихъ подлаго «пролетарскаго суда» и «революціоннаго правосудія» кремлевско-лубянскихъ убійцъ, международныхъ провокаторовъ и заплечныхъ дѣлъ мастеровъ, уже 10 лѣтъ глу-

мящихся надъ русскими рабочими и крестьянами и мечтающихъ одѣть свой чекистскій «соціалистическій» намордникъ на міровой пролетаріатъ!

Наканунѣ «суда» мнѣ была вручена копія «обвинительнаго» заключенія Верховнаго Суда и копія постановленія распорядительнаго засѣданія послѣдняго. Секретарь Верховнаго Суда, вручая вышеупомянутые документы, предложилъ мнѣ ознакомиться съ «обвинительнымъ» матеріаломъ, но присутствовавшій при этомъ Владиміровъ не разрѣшилъ этого и я только на другой день уже въ «Верховномъ Судѣ» за часъ до начала слушанія «дѣла» могъ бѣгло просмотрѣть «обвинительный матеріалъ», причемъ замѣтилъ, что громадное количество страницъ въ «обвинительномъ матеріалѣ» уже вынуто. Около 9 часовъ вечера наканунѣ «суда» я былъ вызванъ къ прокурору Г. П. У. (онъ же и помощникъ прокурора «Верховнаго Суда») г. Катаньяну, который встрѣтилъ меня довольно любезно и предложилъ даже сигару. Я заявилъ, что не курю и черезъ нѣсколько секундъ закурилъ свою папиросу.

Катаньянъ: — Вы все еще упорствуете, Владиміръ Христіановичъ? Завтра рѣшается Ваша судьба. На что и на кого Вы возлагаете надежды? На Ваше иностранное подданство? Но Вы вѣдь не ребенокъ и должны понимать, что Ваше подданство Вамъ ни въ чемъ не поможетъ и если Вы будете приговорены къ разстрѣлу, что болѣе чѣмъ вѣроятно, то Вы будете безусловно разстрѣляны. Откровенно говоря, я совершенно не понимаю Васъ. Вы революціонеръ, доказавшій свою преданность революціи своей службой, и Вы же отказываетесь помочь намъ, защищая буржуазную Англію. Кто Вамъ ближе, мы или Англія, противъ которой Вы такъ упорно не соглашаетесь выступить?

Бруновскій: — Я не хочу вступать съ Вами въ дискуссію и потому отвѣчу кратко: я ненавижу одинаково и шпіоновъ бѣлыхъ и шпіоновъ красныхъ, почему никакого участія въ какомъ бы то ни было «шпіонскомъ» процессѣ я не могу и не хочу принимать — это во первыхъ. Кромѣ того мнѣ органически противны насиліе и ложь, что тоже исключаетъ возможность моего участія въ задуманномъ Вами «шпіонскомъ» процессѣ противъ Англіи, это во-вторыхъ. Что касается другихъ Вашихъ вопросовъ, то моя служба революціи Вамъ уже дала отвѣтъ на нихъ.

Катаньянъ: — Какъ человѣкъ, я Васъ понимаю. Вамъ неизвѣстно, конечно, но въ свое время я былъ противъ Вашего ареста. Я и теперь признаю, что тов. Уншлихтъ сдѣлалъ тактическую ошибку. Мнѣ кажется, что Вы болѣе всего обижены всѣмъ тѣмъ, что случилось съ Вами по сей день съ 10/V. Ваше чувство я тоже понимаю и все таки увѣренъ, что мы еще и теперь можемъ помириться и найти общій языкъ, давъ Вамъ полное удовлетвореніе и компенсацію за время, проведенное Вами у насъ. Быть можетъ, Вамъ покажется мало вѣроятнымъ, но я больше всего въ данномъ случаѣ думаю о Васъ, о Вашей семьѣ, чѣмъ даже о дѣлѣ.

Повторяю, что только единственно этими соображеніями я руководствуюсь сейчасъ и потому я еще разъ прошу Васъ, пока не поздно, подумать о томъ, что ждетъ впереди Васъ и Вашу семью.

Не увлекайтесь и не относитесь легкомысленно къ вопросу, отъ котораго зависитъ не только Ваше благополучіе, но и Ваша жизнь. Вы слишкомъ много ставите на карту...

Разговоры этого господина продолжались въ этомъ духѣ еще нѣсколько минутъ, но нѣтъ никакого интереса занимать ими мысли и вниманіе читателя.

Брун.: — Благодарю Васъ, г. Катаньянъ, за Вашу «дружбу», — я въ ней также не сомнѣваюсь. За 7 мѣсяцевъ моего пребыванія у Васъ Вы дали лучшіе образцы своей «дружбы» и повѣрьте, что я это надлежаще оцѣнилъ. Что касается моего ареста и всего того, что имѣло мѣсто послѣ него, то я нисколько не обиженъ. Я только глубоко былъ пораженъ и безгранично возмущенъ неслыханнымъ насиліемъ, которое Г. П. У. уже 7 мѣсяцевъ учиняетъ надо мною. Намъ не о чемъ больше говорить, г. Катаньянъ. Продолжайте Ваше «дѣло» и запомните, что мнѣ Ваша «дружба» не нужна.

Катаньянъ: — Хорошо. Въ такомъ случаѣ пеняйте только на себя.

На этомъ наша «дружеская» бесѣда была закончена.

Итакъ, завтра рѣшается судьба!

Разумѣется, мнѣ было ясно, что «приговоръ» давно составленъ Г. П. У. и всѣ надлежащія инструкціи уже даны «Верховному Суду», этому преданному подголоску кремлевско-лубянскихъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ.

Было ясно, что завтра будетъ еще разъ разыграна гнусная комедія, безчестная, шулерская игра въ большевистское «революціонное» правосудіе», выразителемъ котораго являются «пролетарскіе» суды, дѣйствующіе по инструкціи Г. П. У.

На рукахъ у меня находились копія «обвинительнаго» заключенія, копія постановленія распорядительнаго засѣданія Верховнаго Суда и рядъ другихъ бумагъ. Все это надо было завтра во что бы то ни стало передать женѣ, которой были даны подробныя инструкціи. Рѣшилъ дѣйствовать такимъ же путемъ, какъ въ первый разъ.

Все шло отлично, но во дворѣ оказался закрытый автомобиль и планы мои рухнули, казалось. Забѣгая немного впередъ скажу, что въ этотъ же день документы были уже въ распоряженіи жены. Случилось это совершенно неожиданно.

Дѣло въ томъ, что мое «дѣло» въ «Верховномъ Судѣ» слушалось два дня — 10 и 11 декабря.

Въ первый день засѣданіе «суда» было закончено въ 6 часовъ вечера, когда на улицѣ было уже темновато. Къ моему счастію изъ Г. П. У. за мною была подана открытая машина и это спасло все дѣло.

У подъѣзда «суда» дежурили уже моя жена и сестра, а равно родственники и другихъ заключенныхъ, дѣла которыхъ разбирались въ этотъ день въ коллегіи «Верховнаго Суда» по гражданскимъ дѣламъ.

Сажусь въ машину, снимаю съ головы шляпу и бросаю въ толпу ожидающихъ и одновременно изъ бокового сквозного кармана пальто роняю бѣлый (на улицѣ снѣгъ) пакетъ.

Расчетъ былъ такой: чекисты бросятся конечно за моей шапкой и вниманіе ко мнѣ будетъ на нѣсколько мгновеній ослаблено, чѣмъ я и воспользуюсь.

Такъ все и случилось. Чекисты мою шапку торжественно схватили, будучи увѣрены, что въ ней конечно зашиты какія либо важныя бумаги, а я въ это время продѣлалъ свой номеръ.

Курьезно то, что моя жена не будучи предупреждена о такомъ варіантѣ передачи бумагъ (способъ этой передачи явился у меня внезапно при выходѣ изъ «суда», когда я увидѣлъ открытый автомобиль), также бросилась спасать мою шляпу, будучи увѣрена, что тамъ именно и находятся бумаги.

Къ счастью, сестра осталась стоять на мѣстѣ и все замѣтила, а какъ только машина тронулась, подняла пакетъ.

Ночь я провелъ тревожно, но на другой день въ «судѣ» получилъ бутерброды отъ жены и среди нихъ бутербродъ съ икрой. Сразу облегченно вздохнулъ и стало радостнѣе на сердцѣ, — документы спасены.

Возвращаюсь къ началу слушанія «дѣла» въ Верховномъ Судѣ. О томъ, что къ ознакомленію съ «обвинительнымъ» матеріаломъ я былъ допущенъ только передъ началомъ «суда», я уже упоминалъ раньше.

Составъ Военной Коллегіи «Верховнаго Суда»: В. Ульрихъ, бывшій членъ коллегіи В. Ч. К., безсмѣнный предсѣдатель Военной Коллегіи «Верховнаго Суда». Безсердечный наглый чекистъ, на коммунистической «совѣсти» котораго тысячи невинно загубленныхъ жизней.

Это онъ, какъ я уже въ свое время упоминалъ, послѣ Дзержинскаго пытался уговорить меня помочь «пролетарскому» правительству въ дѣлѣ организаціи экономическаго управленія В. Ч. К.

Члены суда:

Камеронъ, прославившійся массовыми убійствами въ Туркестанѣ въ бытность его тамъ начальникомъ «Особаго Отдѣла» В. Ч. К.

Постгрейторъ, тоже бывшій чекистъ, начавшій свою карьеру «пролетарскаго» палача на Тамбовскомъ фронтѣ во время знаменитаго возстанія крестьянъ, когда не только отдѣльныя села, но цѣлыя деревни сметались начисто съ лица земли и все крестьянское населеніе, независимо отъ возраста и пола, безпощадно уничтожалось вѣрными псами «рабоче-крестьянскаго» правительства, дѣйствовавшими по прямому приказу этого правительства.

Таковы представители большевистскаго «революціоннаго правосудія».

Въ залѣ «суда», изъ «подсудимыхъ» я и Кростелева. Горшеневъ исчезъ, о чемъ я уже писалъ. Человѣкъ 6 жандармовъ, комендантъ, секретарь «суда».

Владимірова на этотъ разъ не было, такъ какъ очевидно Ульрихъ имѣлъ уже всѣ инструкціи.

Судъ идетъ. Прошу встать!

Обычныя формальности.

Ульрихъ: — Заявленіе объ отводѣ судей есть?

Брун.: — Да. Я требую отвода предсѣдателя «суда» Василія Ульриха. При этомъ мотивирую свое требованіе фактомъ, уже извѣстнымъ читателю.

Ульрихъ: — Судъ Ваше требованіе находитъ необоснованнымъ.

Скучное чтеніе «обвинительнаго» заключенія. Даю пространное объясненіе по существу «обвиненія». Требую разрѣшить мнѣ задать нѣсколько вопросовъ Кростелевой. «Судъ» не разрѣшаетъ.

Ульрихъ предлагаетъ Кростелевой вопросъ о томъ, подтверждаетъ ли она свои показанія и «признанія» данныя ею Г. П. У. Кростелева отвѣча-

етъ «да» и начинаетъ плакать. Требую огласить протоколъ засѣданія Московскаго Трибунала отъ 29/IX — «судъ» отказываетъ.

Первый день «суда» прошелъ безъ крупныхъ инцидентовъ, хотя Ульрихъ нѣсколько разъ предупреждалъ, что лишитъ меня слова, если я буду употреблять рѣзкія выраженія и буду забывать о томъ, что на скамьѣ подсудимыхъ не Г. П. У., а я.

Второй день «суда».

«Судебное» засѣданіе начинается въ 2 часа дня.

Начинаю давать показанія.

Между прочимъ въ «обвинительномъ» заключеніи Г. П. У. сказано, что я якобы по заданію Германскаго правительства въ цѣляхъ облегченія шпіонажа учредилъ «общество русско-германскаго сближенія» и что моимъ эмиссаромъ для связи съ Германскимъ посольствомъ былъ извѣстный экономистъ, профессоръ И. Х. Озеровъ, который якобы за «шпіонажъ» былъ въ 1922 году предназначенъ къ высылкѣ заграницу вмѣстѣ съ другими профессорами, что по мнѣнію Г. П. У. является лучшимъ доказательствомъ того, что Общество преслѣдовало контръ-революціонныя цѣли.

Поясняю, что профессоръ Озеровъ, хотя и входилъ въ составъ членовъ учредителей Общества, но причины высылки изъ Россіи вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ видныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей никакого отношенія къ вышеназванному Обществу не имѣли, что достаточно извѣстно какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Впрочемъ, высылка Озерова и не состоялась.

Продолжаю свои показанія и замѣчаю, что «судьи» меня совсѣмъ не слушаютъ: Пострейторъ что-то пишетъ, а Ульрихъ ведетъ шепотомъ бесѣду съ Камерономъ.

Хотя я уже съ первыхъ вопросовъ видѣлъ, что приговоръ заранѣе готовъ, тѣмъ не менѣе рѣшилъ все же показанія продолжать. Однако такое наглое демонстрированіе «суда» свой невнимательности къ показаніямъ «подсудимаго» взорвало меня и я заявилъ, что поведеніе «суда» признаю въ высшей степени незакономѣрнымъ и нарушающимъ элементарныя чувства судебной этики, съ одной стороны, и что не только предварительное слѣдствіе Г. П. У., но и такъ называемое предварительное «судебное» слѣдствіе, а равно и поведеніе «суда» являются неопровержимыми доказательствами того, что ни Г. П. У., ни слѣдственные органы «суда», ни даже самъ «Верховный Судъ» не ставили себѣ цѣлью и не ставятъ теперь объективное установленіе правды, а съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ готовятъ мнѣ смертную казнь при всякихъ условіяхъ, съ другой стороны, что я считаю совершенно излишнимъ давать свои показанія, какъ не могущія уже измѣнить приговора, заготовленнаго Г. П. У. и видимо уже принятаго къ руководству и исполненію «Верховнымъ Судомъ».

Послѣ этого я сѣлъ.

Ульрихъ: — Какъ Вы смѣете дѣлать подобное наглое заявленіе Верховному пролетарскому суду. Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что говорите.

Брун.: — Наоборотъ, я прекрасно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что говорю, какъ и въ томъ, что я вижу и слышу. Я никогда не посмѣлъ бы сказать ни одного рѣзкаго слова истинно пролетарскому суду, но Вы не судьи.

Вы только агенты-исполнители воли Г. П. У. То, что я вижу здѣсь, ни съ какой стороны и ни въ какой мѣрѣ не можетъ быть названо судебнымъ учрежденіемъ, революціоннымъ правосудіемъ. Это «Шемякинъ судъ» и потому я отказываюсь принимать участіе въ этомъ цирковомъ зрѣлищѣ, которое Вы называете «пролетарскимъ» судомъ.

Кростелева страшно перепугана и падаетъ въ обморокъ.

Ульрихъ взбѣшенно кричитъ: — Товарищъ Комендантъ, выведите вонъ изъ залы суда этого наглеца.

Жандармы бросаются ко мнѣ и скорѣе выносятъ на рукахъ, чѣмъ уводятъ.

Что у нихъ тамъ произошло послѣ, я не знаю, но черезъ 30 минутъ, приблизительно, я былъ снова введенъ въ залу засѣданія.

Комендантъ: — Судъ идетъ, прошу встать.

Продолжаю сидѣть.

Комендантъ бросается ко мнѣ съ револьверомъ въ рукѣ и кричитъ:

— Я Вамъ приказываю встать.

Молчу и продолжаю сидѣть.

Ульрихъ: — Оставьте его.

Продолжается допросъ Кростелевой, причемъ и Ульрихъ, и его приспѣшники задаютъ Кростелевой вопросы очень осторожно, чтобы «подсудимая» могла болѣе или менѣе удачно выполнить данную ей Г. П. У. «инструкцію».

Напримѣръ, такого рода вопросы:

Ульрихъ: — Какими деньгами за Вашу работу платилъ Вамъ подсудимый Бруновскій?

Крост.: — Совѣтскими деньзнаками.

Ульрихъ: — Не платилъ ли Вамъ подсудимый Бруновскій иногда фунтами, норвежскими кронами или германскими марками?

Крост.: — Да, платилъ иногда и такими деньгами.

Любопытно, что всѣ вопросы, которые Ульрихъ задавалъ Кростелевой, дѣлались съ особаго бѣлаго листа. Иногда эту «шпаргалку» Г. П. У. бралъ въ руки Пострейторъ или Камеронъ и тогда тоже слѣдовали вопросы Кростелевой.

Объясняется это очень просто. Какъ я говорилъ, Кростелева дѣвица очень скромная, тихая и недалекая. Естественно, что Владиміровъ «подготовилъ» рядъ вопросовъ, на которые Кростелева должна была зазубрить «отвѣты».

Наконецъ, всѣ вопросы видимо исчерпаны.

Ульрихъ: — Подсудимый Бруновскій, желаете ли Вы воспользоваться послѣднимъ словомъ?

Брун.: — Мое послѣднее слово было Вамъ уже сказано. Я не признаю себя находящимся въ судѣ, а Васъ троихъ судьями.

Ульрихъ: — Подсудимая Кростелева, желаете ли Вы воспользоваться послѣднимъ словомъ?

Крост.: — Признаю себя во всемъ виновной, но прошу меня пощадить такъ какъ я не знала для какой надобности писала Бруновскому его доклады иностраннымъ миссіямъ.

«Судъ» уходитъ въ совѣщательную комнату.

Долго пролетарскій «судъ» совѣщался и только около 8 часовъ вечера комендантъ торжествеино и громко дѣлаетъ свое обычное заявленіе:

— Судъ идетъ, прошу встать.

Я не всталъ. Ульрихъ съ разстановкой и торжественно начииаетъ читать «приговоръ».

Даю иѣкоторыя выдержки изъ этого «приговора»:

«Имеиемъ Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ Верховный судъ Республики по Военной Коллегіи въ составѣ предсѣдательствующаго тов. Ульриха, членовъ т. т. Пострейтора и Камероиа въ закрытомъ засѣданіи отъ 10 и 11 декабря 1923 года въ городѣ Москвѣ заслушалъ и разсмотрѣлъ дѣло по обвиненію гражданъ:

1. Бруиовскаго, Владиміра Христіановича, 37 лѣтъ, латвійскаго подданнаго, безъ опредѣленныхъ заиятій, ученаго агронома, въ преступленіяхъ, предусмотрѣниыхъ ст. 66, части I (шпіоиажъ) Уголовнаго Кодекса

и

2. Кростелевой, Маріи Ивановны, 27 лѣтъ, машинистки, безпартійиой, со среднимъ образованіемъ, въ преступленіяхъ, предусмотрѣниыхъ ст. 68 (недоносительство) Уголовиаго Кодекса.

Заслушавъ показанія обвиняемыхъ, Верховный Судъ Республики нашелъ судебнымъ слѣдствіемъ установленнымъ, что Бруновскій, занимая съ 1919 г. послѣдовательно рядъ весьма отвѣтственныхъ постовъ въ Совѣтской Россіи, а именно: предсѣдателя Особой Военио-продовольственной Комиссіи III Арміи, предсѣдателя Особой Воеиио-продовольственной Комиссіи по снабженію всѣхъ армій Восточнаго фронта, предсѣдателя Особой Междувѣдомствеиной Комиссіи при Революціонномъ Военномъ Совѣтѣ Республики по вопросамъ численнаго состава арміи и флота и т. д., и, имѣя, благодаря этому, обширныя связи и знакомства,... используя свои связи и знакомства и подъ разными предлогами имѣя доступъ къ разиаго рода матеріаламъ, рисующимъ экономическое и военное состояніе Совѣтской Россіи, информировалъ въ устной и письменной формѣ отдѣльныхъ представителей посторонниxъ государствъ какъ объ экономическомъ, такъ и о военномъ состояніи Совѣтской Республики...

Такимъ образомъ устанавливается виновность:

1. Бруновскаго въ собираніи свѣдѣній, иосящихъ характеръ государственной тайны и въ сообщеніи ихъ отдѣльнымъ представителямъ иностранныхъ государствъ...

2. Кростелевой въ томъ, что въ періодъ времени съ декабря 1921 г. по январь 1923 г., по предложенію Бруновскаго, за деиежное возиагражденіе, переписывала на машинкѣ...., не зная однако о преступныхъ намѣреніяхъ Бруновскаго, каковыя дѣянія предусмотрѣны статьей 68 Уголовиаго Кодекса.

На осиованіи изложеннаго Верховный Судъ приговорилъ:

1. Бруновскаго, Владиміра Христіановича, 37 лѣтъ, и т. д. къ высшей мѣрѣ наказанія — *разстрѣлять*.

2. Кростелеву Марію Иваиовну, 27 лѣтъ и т. д. къ лишеиію свободы срокомъ на 1 годъ.

Примѣняя амнистію въ ознаменованіе 5-ой годовщины Октябрьской Революціи, судъ опредѣлилъ: Кростелеву отъ наказанія освободить.

Въ отношеніи Бруновскаго амнистіи не примѣнять.

Приговоръ окончательный и обжалованію не подлежитъ.

Предсѣдатель: В. Ульрихъ. Члены: Камеронъ, Пострейторъ. Печать Верховнаго Суда Республики.

По прочтеніи приговора Ульрихъ сообщаетъ мнѣ, что въ теченіе 72 часовъ съ момента врученія мнѣ оффиціальной копіи приговора я могу подать на имя предсѣдателя Ц. И. К. СССР Калинина прошеніе о помилованіи.

Такимъ образомъ, одинъ изъ моихъ «сообщниковъ» Н. Горшеневъ совсѣмъ уже не фигурировалъ въ «приговорѣ», а другой «сообщникъ» М. Кростелева, отдѣлалась только кое-какими непріятностями и изъ залы «суда» пошла домой, получивъ, такимъ образомъ, «компенсацію» отъ Г.П.У. за свои «признаніе» и показанія.

Я же былъ приговоренъ къ смертной казни, быстро усаженъ въ автомобиль и подъ усиленнымъ конвоемъ увезенъ назадъ въ свое узилище.

Любопытно то, что автомобиль былъ поданъ уже во дворъ «Верховнаго Суда», тогда какъ жена и сестра, непрерывно дежурившія 2 дня на улицѣ, ждали меня у подъѣзда «Верховнаго Суда».

Глушитель автомобиля былъ открытъ и выѣзжая со двора на улицу я успѣлъ только громко крикнуть — разстрѣлъ! — и замѣтить, какъ жена упала въ обморокъ.

Итакъ, я еще разъ получилъ блестящее доказательство того, что такое въ большевистской Россіи «пролетарскій судъ» и что такое «революціонное правосудіе».

Не могу не вспомнить объ одномъ событіи, имѣвшемъ мѣсто 11/XII.

Во время одного изъ перерывовъ «суда» черезъ проходную комнату, гдѣ я ожидалъ, прошелъ прокуроръ «Верховнаго суда» по гражданской коллегіи г. Вышинскій, котораго я очень близко раньше зналъ.

Брун.: — Гр. Вышинскій, я нахожусь подъ судомъ и мое дѣло сейчасъ слушается въ Военной Коллегіи. Я имѣю сдѣлать срочное и важное сообщеніе, но только Вамъ лично.

Вышинск.: — Сейчасъ я абсолютно не имѣю времени. Заѣду вечеромъ въ Г. П. У. и вызову Васъ.

Дѣло вотъ въ чемъ: одно время я руководилъ Управленіемъ Общаго Распредѣленія Наркомпрода. Это былъ одинъ изъ боевыхъ органовъ, распредѣлявшій всѣ продовольственные фонды Республики. На почвѣ общихъ принциповъ распредѣленія у меня съ большевиками были частыя столкновенія. Я рѣшилъ этотъ постъ оставить, о чемъ просилъ Наркомпрода А. Д. Цурюпу, который и самъ видѣлъ, что мнѣ, какъ не коммунисту, очень трудно работать на такомъ боевомъ посту, гдѣ все время приходилось имѣть дѣло съ разнаго рода партійными и совѣтскими учрежденіями и организаціями.

Преемникомъ мнѣ былъ назначенъ нѣкто Вышинскій, коммунистъ, достаточно образованный и интеллигентный человѣкъ. Вышинскаго приходилось вводить въ курсъ работы и за двѣ недѣли совмѣстной работы я о Вы

шинскомъ составилъ прекрасиое впечатлѣиіе, какъ человѣкѣ прямомъ, честномъ, смѣломъ и гумаиномъ. Вотъ теперь я и рѣшилъ ему разсказать о злодѣйствахъ Г. П. У., чтобы онъ переговорилъ съ кѣмъ слѣдуетъ объ этомъ.

Въ день иашей встрѣчи я около 10 часовъ вечера былъ вызванъ наверхъ, гдѣ въ одной изъ комнатъ я нашелъ Вышинскаго.

Вышинскій: — Здравствуйте, я охотно приму Ваше сообщеніе, но прошу говорнть возможно громче, такъ какъ я за послѣдній годъ боленъ воспаленіемъ уха и теперь плохо слышу.

Бруновскій: — гр. Вышинскій, Вы меня хорошо знаете и я Васъ хорошо знаю. «Глухотѣ» Вашей я не вѣрю. Если Вамъ Г. П. У. не довѣряетъ и хочетъ подслушивать за этой дверью нашъ разговоръ, я не возражаю противъ присутствія здѣсь представителя Г. П. У., но кричать только для того, чтобы чекнсты подслушивали, я не буду.

Вышинск.: — Я Васъ слушаю.

Брун.: — Прежде всего я Вамъ категорически заявляю, что мнѣ лично отъ Васъ рѣшительно ничего ие нужно. Дѣло совсѣмъ даже не во миѣ. Дѣло идетъ о неслыханныхъ злодѣйствахъ и насиліяхъ Г. П. У. Я не ребенокъ и прекрасно знаю, что революцію не дѣлаютъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, но то, что дѣлаетъ Г. П. У. является безсмысленнымъ иасиліемъ, жестокостью. Подобныя насилія не могутъ быть оправдываемы интересами революціи. Наоборотъ, неслыханныя насилія, терроръ Г. П. У. въ корнѣ дискредитируютъ даже самое дѣло революціи, кладутъ позорное пятно на идею соціализма, поскольку насилія Г. П. У. связываются съ самой идеей соціализма. Мое моральное право Вамъ это сказать и Вы знаете почему. Въ интересахъ тысячъ невинныхъ жертвъ Г. П. У., я именемъ Революціи обращаюсь къ Вамъ съ просьбой: доложите Ц. К. партіи и пусть послѣдній заглянетъ за кулисы Г.П.У. Я ие хочу быть голословиымъ и потому рекомендую заглянуть въ мое «дѣло».

Вышинск.: — Изложите въ письмеиной формѣ Ваше сообщеніе, приведя факты.

Брун.: — Это является совершенно излишнимъ, если бы у Васъ дѣйствительно хватило гражданскаго мужества настоять передъ Ц. К. партіи о необходнмости контроля иадъ дѣятельностью Г. П. У. Что касается моего «дѣла», то каждая строчка послѣдняго вопіетъ о неслыхаиномъ злодѣйствѣ и насиліи Г. П. У.

Вышинск.: — Хорошо, я Ваше сообщеніе оффиціально передамъ т.т. Курскому (Наркомюстъ) и Крылеико (Замнаркомюста).

На этомъ наше свиданіе было закончено. Разумѣется, мнѣ было совершенно ясно, что изъ моего сообщенія иичего не выйдетъ и въ особенности послѣ того, какъ Вышинскій согласился на подслушиваніе Г. П. У. его разговора со мною. Эту нравствеиную оплеуху Вышиискій проглотилъ молча, какъ ее молча проглотили бы и Курскій, и Крыленко, если бы они рѣшились сунуть свой носъ въ мое дѣло. Въ дальнѣйшемъ, разумѣется, моя бесѣда никакихъ послѣдствій для Г. П. У. не имѣла, да и не могла имѣть.

Совершенно разбитый, усталый отъ всего пережитого за два дня, я, какъ убнтый, свалился на свою постель, иемедлеино засиулъ и проспалъ

до 10 часовъ утра. Когда я проснулся, все пережитое мнѣ казалось кошмарнымъ сномъ и не хотѣлось вѣрить, что я уже «смертникъ».

Около 12 часовъ дня меня вызвали въ 179 комнату, гдѣ сидѣлъ Владиміровъ и секретарь «Верховнаго Суда».

Владим.: — Секретарь Верховного Суда обязанъ вручить Вамъ подъ расписку оффиціальную копію приговора. Потрудитесь расписаться.

Приговоръ получилъ. Расписался, проставивъ даже часъ и минуты врученія мнѣ приговора.

Владиміровъ: — Съ этого момента въ Вашемъ распоряженіи остается 72 часа, въ теченіе которыхъ законъ предоставляетъ Вамъ право подать прошеніе о помилованіи, въ противномъ случаѣ по истеченіи 72 часовъ Вы будете немедленно разстрѣляны.

— Товарищъ секретарь, у Васъ заготовлено для осужденнаго прошеніе о помилованіи.

Секретарь: — Да, тов. Владиміровъ.

Умилителнавя картина: палачи «позаботились» обо мнѣ и уже прошеніе о помилованіи успѣли заготовить.

Все это показалось мнѣ въ высшей степени подозрительнымъ, однако любопытства ради я взялъ у секретаря «прошеніе» и сталъ его читать.

Въ этомъ чекистскомъ документѣ было написано буквально слѣдующее:

Предсѣдателю Центральнаго Исполнительнаго Комитета Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ тов. М. И. Калинину.

Осужденнаго Верховнымъ Судомъ Республики
къ смертной казни гр. В. Х. Бруновскаго

Прошеніе.

Признавая себя виновнымъ въ организаціи военно-политическаго и экономическаго шпіонажа на территоріи СССР по заданіямъ Англійскаго, Норвежскаго, Германскаго и другихъ иностранныхъ правительствъ, я сознаю свою безмѣрную вину передъ Рабоче-Крестьянской Республикой и т. д.

Вина моя безмѣрна. Я не смогъ устоять противъ злодѣйскихъ замысловъ міровыхъ хищниковъ имперіализма, возглавляемыхъ и руководимыхъ англійскимъ правительствомъ и т. д.

Я осмѣливаюсь апеллировать къ великодушію и гуманности побѣдившей пролетарской революціи и т. д. Я прошу пощадить мою жизнь, которую я цѣликомъ принесу на служеніе рабоче-крестьянскому правительству и такимъ образомъ хотя бы въ малой долѣ искуплю свою вину передъ первой въ мірѣ Республикой Совѣтовъ и т. д.

Словомъ «прошеніе» было составлено недурно и прекрасно дополняло приговоръ «пролетарскаго» суда.

Только кремлевско-лубянская банда международныхъ шулеровъ и убійцъ способна предъявить подобные образцы человѣческой низости.

Все это меня страшно взбѣсило и я, разорвавъ прошеніе «на Высочайшее имя», швырнулъ его въ лицо жандарму Владимірову, сказавъ только два слова:

— Чекистская б..дь!

Владиміровъ не обидѣлся. Вышелъ и черезъ 10—15 минутъ возвратился съ двумя жандармами, которые меня и увели. Однако я былъ доставленъ уже не въ свою камеру, а въ подвальную камеру № 11. Видъ этой камеры сразу меня смутилъ: громадная, полу-темная камера, страшно сырая, съ изморозью на стѣнахъ. Камера не отапливается. Черезъ нѣкоторое время были перенесены мои вещи. Все, что у меня было, я надѣлъ на себя и все таки было очень скверно. Спать приходилось, не раздѣваясь. Въ уборную перестали выпускать, лишили книгъ, отобрали табакъ. Поставили у двери спеціальнаго жандарма, который безпрерывно наблюдалъ въ «волчекъ».

Камера вполнѣ соотвѣтствовала «соціалистическому» духу творчества кремлевско-лубянскихъ палачей.

Еще передъ судомъ я очень просилъ жену передать мнѣ въ камеру ціанистый калій, имѣя въ виду принять его при выводѣ на разстрѣлъ, если бы таковой состоялся, такъ какъ коммунистическіе палачи приводятъ приговоры въ исполненіе съ неподражаемымъ злодѣйствомъ и цинизмомъ. Жена сообщила, что разстрѣла не будетъ, такъ какъ въ случаѣ смертнаго приговора будутъ предприняты надлежащіе и рѣшительные шаги въ Народномъ Комиссаріатѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Прошло 72 часа. Наступилъ вечеръ. Часы и минуты казались годами и мѣсяцами. Было уже около 12-ти часовъ ночи. Слышны шаги и въ камеру вошелъ комендантъ тюрьмы Дукисъ, а съ нимъ вмѣстѣ 6 жандармовъ съ карабинами и двое въ кожаныхъ курткахъ съ наганами въ рукахъ.

Дукисъ: — Собирайтесь съ вещами.

Значитъ—разстрѣлъ?! Значитъ—рѣшительные шаги въ Наркоминдѣлѣ не помогли? — Беззащитность, какъ тяжелая лавина, налегла на сердце, мозги...

Вещи отказался собирать.

Дукисъ: — Уводите, а вещи послѣ возьмете, — обращаясь къ жандармамъ.

Уходимъ. Поднимаемся наверхъ въ канцелярію тюрьмы.

Дукисъ: — Приговоръ вступилъ въ законную силу и будетъ сейчасъ приведенъ въ исполненіе. Я имѣю приказъ задержать исполненіе приговора, если Вы подадите прошеніе о помилованіи.

Брун.: — Вы палачъ и дѣлайте только то, что относится къ Вашимъ обязанностямъ.

Дукисъ: — Даю Вамъ передъ разстрѣломъ 5 минутъ на размышленіе.

Минуты прошли и меня повели для исполненія «приговора». Не стоитъ о пережитыхъ минутахъ говорить... Показалось мнѣ только одно немного страннымъ, — почему передъ убійствомъ не связали руки, что, какъ я уже зналъ, дѣлается всегда? Забыли? Стыдно было? Или, быть можетъ, все это только инсценированіе разстрѣла? Вѣрилось, разумѣется, въ послѣднее, хотѣлось вѣрить... Сообщеніе жены дѣлало надежды болѣе обоснованными...

Спускаюсь внизъ. Внезапно открывается дверь нижняго этажа тюрьмы и меня вталкиваютъ въ нее. Черезъ нѣсколько мгновеній я снова въ своей камерѣ...

А все таки даже этотъ каменный гробъ много лучше и милѣе, чѣмъ разстрѣлъ въ банѣ...

Жизнь начинала вступать въ свои права и бодрость и надежды снова могучимъ потокомъ нахлынули на меня.

Значитъ, всетаки на этотъ разъ осѣчка у Г. П. У. случилась видимо по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ.

Здѣсь я долженъ разсказать читателю, какъ я спасъ свой смертный «приговоръ», который я считалъ важнымъ и интересннымъ документомъ и который Г. П. У. у меня несомнѣнно отобрало бы, что и выяснилось черезъ нѣсколько часовъ.

Придя къ себѣ въ камеру, я немедленно разжевалъ хлѣбный мякишъ, оторвалъ часть дна брезентоваго чемодана, вложилъ туда «приговоръ», заклеилъ хлѣбомъ и сѣлъ на чемоданъ, чтобы лучше все спрессовалось и скорѣе высохъ хлѣбъ, игравшій роль клея. Все это было продѣлано быстро, незамѣтно. Такъ дождался я вечерней оправки въ 6½ часовъ вечера. За это время чемоданъ мой былъ уже въ полной исправности и въ него было вложено мое тюремное «имущество».

Послѣ вечерней оправки входятъ въ камеру 2 жандарма:

Жандармъ: — Покажите Вашъ смертный приговоръ.

Брун.: — Опоздали, голубчики, такъ какъ приговоръ въ уборной получилъ надлежащее употребленіе. Я не зналъ, что онъ Вамъ понадобится, мнѣ же онъ не нуженъ.

Жанд.: — Не валяйте дурака и давайте приговоръ или мы сейчасъ подвергнемъ Васъ обыску.

Брун.: — Ищите.

Чемоданъ мой обыскъ выдержалъ и въ этотъ разъ и въ послѣдующіе разы, вплоть до послѣдняго обыска передъ выходомъ на волю, но объ этомъ уже въ свое время.

Почему же кремлевско-лубянскіе палачи не рѣшились меня убить?

Какъ читатель уже знаетъ, я передалъ на волю рядъ документовъ по моему «дѣлу». Эти документы были женою и сестрою предъявлены Латвійскому послу, англійскому повѣренному въ дѣлахъ, а кромѣ того сейчасъ же пересланы заграницу.

Если раньше Англійская миссія, Норвежское посольство не имѣли ни малѣйшаго основанія довѣрять сообщеніямъ, что я обвиняюсь въ шпіонажѣ въ пользу Англіи, Норвегіи и другихъ государствъ, то послѣ предъявленія этихъ документовъ сомнѣній уже не было. Не вдаваясь въ ненужныя подробности, я только сообщу, что и англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Ходжсонъ и норвежскій посолъ г. Якхельнъ во имя человѣколюбія и гуманности рѣшительно и смѣло заявили свой протестъ Народному комиссару иностранныхъ дѣлъ противъ неслыханнаго насилія надо мною, противъ смертнаго приговора. Надлежащіе шаги, посредствомъ вербальныхъ нотъ, были предприняты и Латвійскимъ правительствомъ. Кромѣ того надлежащіе пред-

ставленія были сдѣланы нѣкоторыми лицами и совѣтскому послу въ Норвегіи г-жѣ Колоитай.

Въ коиечиомъ счетѣ получилась скаидальная исторія и разстрѣлять меня было уже иевозможио, чтобы ие вызвать очеиь иепріятиыхъ осложиеиій для Наркомиидѣла.

Разумѣется, я просилъ, кого слѣдуетъ, иужиые шаги предпринимать безъ всякаго шума, безъ сообщеиій въ иностраииую печать и т. д., чтобы случайно ие обиаружить, что миѣ удалось передать иа волю иужиые докумеиты по моему «дѣлу». Въ противномъ случаѣ мнѣ иикто и ничто ие помогло бы и я былъ бы безъ всякихъ разговоровъ разстрѣлянъ.

Очень счастливо все обошлось и съ вопросомъ о ціаиистомъ каліи, о передачѣ котораго я просилъ жеиу, такъ какъ, будь онъ у меия, я успѣлъ бы принять его въ тотъ моментъ, когда былъ иисценироваиъ «разстрѣлъ».

Къ вопросу о томъ, почему я былъ большевиками выданъ, я еще вериусь впослѣдствіи особо.

Потяиулись томительиые, тяжелые дии въ этомъ проклятомъ камениомъ мѣшкѣ въ корридорѣ смертниковъ. Два раза въ иедѣлю, по поиедѣльиикамъ и пятницамъ, послѣ 10-ти часовъ вечера было слышио, какъ выводятъ людей иа разстрѣлъ. Часто были слышны истерики и плачъ. Въ особениости помню случай вывода на разстрѣлъ въ коицѣ декабря какой-то женщины, которая иечеловѣческимъ голосомъ кричала: «за что вы меия убиваете, я ничего ие зиаю!» Крики, однако, быстро прекратились, такъ какъ видимо жандармы заткиули ротъ своей несчастиой жертвѣ.

Оргаиизовать тайиую переписку со смертниками я не могъ, такъ какъ никого изъ иасъ иикуда не выводили. О сосѣдяхъ зиалъ только благодаря переговорамъ, путемъ стучаиія черезъ стѣику, ио это приходилось дѣлать съ крайней осторожиостью. За 7 иедѣль, проведеииыхъ миою въ этой ужасной камерѣ, у меия сосѣдями были:

Бывшій офицеръ, тайио перешедшій границу для посѣщеиія родныхъ и схваченный агентами Г. П. У. Разумѣется, обвииеиъ въ «шпіонажѣ».

Студеитъ изъ Самары, у котораго при обыскѣ въ записной киижкѣ нашли адресъ Польской миссіи въ Москвѣ, что дало поводъ для ареста и обвиненія въ «шпіоиажѣ».

Народный учитель, который случайио позиакомился въ театрѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ итальяискаго посольства въ Москвѣ и побывалъ въ гостяхъ у этого сотрудиика въ здаиіи посольства. Тоже «шпіонажъ».

Профсоюзникъ, растратившій около 3000 рубл., прииадлежавшихъ организаціи.

Народный учитель былъ разстрѣляиъ, а о судьбѣ другихъ не зиаю, — либо ихъ перевели въ другое мѣсто, либо оии тоже были разстрѣляиы, такъ какъ въ разговорѣ черезъ стѣнку по тюремиой «азбукѣ» приходилось ограничиваться только самыми общими свѣдѣиіями, тѣмъ болѣе, что всѣ сосѣди очень плохо, иеумѣло стучали.

Въ первыхъ числахъ яиваря я серьезио заболѣлъ отъ сырости и холода: стало тяжело дышать, иа рукахъ въ суставахъ пальцевъ появилась опухоль. Дальнѣйшее пребываиіе въ этомъ гробу стало иевыносимымъ настолько, что я рѣшилъ или погибнуть, или добиться лучшихъ условій заключенія. Вы-

3*

звалъ коменданта тюрьмы палача Дукнса и потребовалъ перевода въ лучшія условія, пригрозилъ обструкціей. Дукисъ не явился, приславъ своего замѣстителя Адамсона, который въ переводѣ въ лучшую камеру отказалъ, заявнвъ: «мы Васъ здѣсь сгноимъ, а если объявнте обструкцію, переведемъ Васъ въ еще худшія условія».

Я чувствовалъ, что иначе въ этой камерѣ очень скоро погибну, либо настолько погублю свое здоровье, что возстановлеиіе его уже стаиетъ немыслимымъ. И я въ присутствіи Адамсона мѣднымъ чайникомъ выбилъ нѣсколько стеколъ въ окнѣ.

Былъ сейчасъ же схваченъ жандармами, которые надѣли на меня «смирительиую рубашку» и веревкой туго привязали къ кровати, пригрозивъ, что если я начну кричать, то заткнутъ ротъ тряпкой.

Въ такомъ состояніи я провелъ ночь. Любопытно было то, что ворвавшійся въ камеру сухой морозный воздухъ значительно облегчилъ дыханіе и я отлично заснулъ. Приблизительно около 4-хъ часовъ утра я былъ вызванъ съ «вещами» и переведенъ во второй этажъ, гдѣ мнѣ была дана крохотиая, но сухая, свѣтлая, чистая камера. Вмѣстѣ съ тѣмъ были разрѣшены книги, хожденіе въ убориую. Все это было вдвойнѣ пріятно: лучшія условія жизни и еще одио косвеиное доказательство того, что дѣла у Г. П. У. идутъ довольно плохо и мой разстрѣлъ видимо не состоится.

Г. П. У. уже давно подозрѣвало, что я какъ-то «просачиваюсь» на волю. Чтобы заткнуть всѣ возможиыя «щели» для меня, я былъ переведенъ, какъ уже упоминалъ, изъ Бутырской тюрьмы назадъ и долгое время лишенъ передачъ. Рѣшительиый протестъ аиглійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Ходжсона, норвежскаго посла г. Якхельна и латвійскаго посольства въ Москвѣ, нажимъ въ Норвегін на совѣтскаго посла и цѣлый рядъ другихъ прнзнаковъ давали Г. П. У. полное основаиіе предполагать, что моя связь съ волей продолжается.

Разумѣется, моей женѣ и сестрѣ я поручилъ нашу тайную переписку храннть въ глубочайшей тайнѣ и все же Г. П. У. проннкло въ эту тайну путемъ провокаціи.

Квартирная хозяйка Н. Ф. Соломірская, бывшая домовладѣлнца, жена бывшаго золотопромышленника, вошла въ довѣріе къ женѣ, стала ей очень сочувствовать, помогать разными совѣтами и т. д.

Какъ отъ преданнаго человѣка, жена не скрыла отъ Соломірской о способахъ моихъ сношеній съ волей и все немедленно стало извѣстно Г.П.У. Раскрылось потому, что Г. П. У. вынудило Соломірскую поступить на службу къ нему тайнымъ агентомъ и во что бы то ни стало спровоцировать мою жеиу. Это сравнительио легко Г. П. У. удалось. Разумѣется, жена и сестра были немедлеиио арестованы и ихъ оффиціально обвинили въ томъ, что они якобы зиали о моей «шпіонской» работѣ и не донесли объ этомъ Г.П.У. За это «недоносительство» Коллегія Г. П. У. назначила имъ по 3 года ссылки въ «Соловецкіе лагеря особаго назначенія». О дальнѣйшей судьбѣ жены и сестры еще будетъ въ свое время упомянуто.

Что касается судьбы провокаторши Соломірской, то оказалось, что она впослѣдствін, въ 1925 г., была арестована и сидѣла въ женскомъ одиночномъ корпусѣ Бутырской тюрьмы. Вндимо Соломірская въ чемъ либо провинилась на службѣ «пролетаріату» и сама попала туда, куда она помогала Г. П. У. сажать другнхъ.

Упомяну еще нѣсколько арестовъ, связанныхъ съ моимъ «международнымъ шпіонажемъ».

Инженеръ И. М. Блаубергъ былъ арестованъ, какъ мой соучастникъ по договору съ «Госторгомъ». Въ результатѣ ареста инженеръ И. Блаубергъ былъ до основанія разоренъ, оставивъ въ нищетѣ жену съ малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію. Одно время И. Блаубергъ находился въ психіатрическомъ отдѣленіи Бутырской больницы и, какъ я слышалъ, въ этомъ отдѣленіи и умеръ.

Другой мой компаньонъ по договору съ «Госторгомъ», лѣсопромышленникъ Дворинъ тоже былъ арестованъ, а имущество его конфисковано. Дворинъ съ горя тоже умеръ въ тюрьмѣ.

Такова трагическая судьба этихъ двухъ лицъ, жестоко пострадавшихъ только за то, что ихъ компаньонъ В. Бруновскій не согласился стать на «колѣни» передъ кремлевско-лубянскими убійцами.

Знакомый нашей семьи, коммунистъ Красинскій былъ арестованъ и сосланъ въ Соловки на 10 лѣтъ за то, что осмѣлился оффиціально передать въ тюрьму нѣсколько продуктовыхъ передачъ мнѣ, женѣ и сестрѣ.

Чекистская сволочь не пощадила и этого человѣка, хотя Красинскій былъ идейно преданъ большевистской партіи.

Не могу безъ ужаса вспомнить еще одну трагическую судьбу нѣкоего Александра Хорошавина.

Родители-пролетаріи. У стариковъ было 2 сына, пламенно преданныхъ революціи. Въ 1919 г. оба брата ушли добровольцами на фронтъ и были прикомандированы для работы въ моей Комиссіи. Одинъ изъ братьевъ въ Омскѣ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и умеръ, а другой, Александръ, былъ назначенъ мною Начальникомъ хозяйственной части Комиссіи, какъ человѣкъ безупречно честный.

Фронтъ ликвидированъ. Хорошавинъ работаетъ въ Москвѣ, а засимъ въ 1922 г. работаетъ при Организаціи квакеровъ, работавшихъ въ Россіи по ликвидаціи послѣдствій голоднаго года. Я очень любилъ и цѣнилъ этого прекраснаго и способнаго юношу, несмотря на то, что онъ еще и въ 1923 г. продолжалъ горячо отстаивать большевиковъ. Послѣ моего ареста А. Хорошавинъ возвратился изъ командировки и зашелъ навѣстить меня, ничего не зная о моемъ арестѣ.

Наканунѣ своего отъѣзда къ мѣсту службы въ организацію квакеровъ, онъ еще разъ навѣстилъ мою жену. Этого было достаточно, чтобы А. Хорошавина арестовать и сослать въ Соловки на 3 года. Будучи отъ природы очень слабымъ, А. Х. не вынесъ суровыхъ условій режима и климата въ Соловкахъ и заболѣлъ. Вызвалъ свою мать, которая немедленно и пріѣхала къ нему.

Мать умоляла начальника «Соловецкаго лагеря особаго назначенія» разрѣшить увезти сына въ Москву для операціи, умоляла дать свиданіе съ умиравшимъ сыномъ, — палачъ не разрѣшилъ и только тогда, когда А. Хорошавинъ умеръ, мать была допущена къ его трупу.

Такъ погибли два брата Хорошавина и бѣдные пролетаріи - родители подъ старость лишились послѣдней опоры и надежды.

Подобное безсмысленное по своей жестокости злодѣйство возможно только въ вотчинѣ кремлевско-лубянскихъ «рабоче-крестьянскихъ» жандармовъ и убійцъ!

Меня естественно очень интересовала судьба жены и сестры. Послѣ усиленныхъ трудовъ по ихъ розыску во «внутренией» тюрьмѣ, мнѣ удалось войти въ сношеніе съ одной изъ общихъ женскихъ камеръ, гдѣ я и узналъ, что жена и сестра находятся въ Бутырской тюрьмѣ. Благодаря цѣлому ряду счастливыхъ обстоятельствъ всѣ интересовавшія меня подробности объ арестѣ жены и сестры я тоже узналъ.

Тайныя сношенія мои съ другими заключенными продолжались, но останавливаться на этомъ я не буду, такъ какъ читатель имѣетъ уже нѣкоторое представленіе о составѣ населенія большевистскихъ застѣнковъ. Отмѣчу только, что за это время мнѣ удалось вступить въ тайныя сношенія съ польскимъ гражданиномъ Е. А. Еле, который тайно перешелъ совѣтскую границу, былъ схваченъ и осужденъ къ смертной казни, какъ «шпіонъ». Содержался Е. А. Еле въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Тягость его положенія усугублялась тѣмъ, что г. Еле былъ арестованъ лѣтомъ и потому ничего теплаго не имѣлъ, какъ равно не имѣлъ ни постельнаго, ни носильнаго бѣлья, тогда какъ въ камерѣ температура была 8-10 градусовъ. Связь наша продолжалась недолго и я только успѣлъ передать г. Еле нѣкоторые важные для него совѣты. Годъ спустя мы случайно «встрѣтились» уже въ Бутырской тюрьмѣ и вотъ вторая наша тайная переписка сыграла уже громадную роль, какъ для спасенія Е. Еле, такъ и для меня, но объ этомъ я разскажу, когда коснусь моей жизни въ Бутырской тюрьмѣ, куда я былъ снова переведенъ 21 іюня 1924 г. Во «внутренней» же тюрьмѣ я вскорѣ «засыпался» второй разъ, что имѣло для меня довольно непріятныя послѣдствія.

Съ одной группой арестованныхъ я велъ переписку черезъ баню. Все шло благополучно, но однажды жандармамъ что-то показалось подозрительнымъ и они, взявши меня однажды въ баню, завели въ одну свободную камеру и произвели самый тщательный обыскъ. Въ кускѣ мыла у меня была найдена шифрованная записка. Въ баню я разумѣется не попалъ и былъ отведенъ въ карцеръ, гдѣ просидѣлъ 3 дня. Въ результатѣ у меня стали еженедѣльно 2 раза производить въ камерѣ самый тщательный обыскъ въ поискахъ карандаша и бумаги. Во время одного изъ такихъ обысковъ у меня былъ найденъ въ баикѣ съ кофе кусочекъ химическаго карандаша величиною около 4-5 миллиметровъ. Обысками жандармы не удовлетворились и стали меня переводить изъ одной камеры въ другую, выводя внезапно безъ вещей и потомъ уже 2-3 часа спустя доставляли вещи. Планъ ихъ былъ такой: я могъ въ камерѣ въ разныхъ щеляхъ хранить кусочки карандаша, иголку и т. д. При внезапныхъ переводахъ я, естественно, терялъ все свое «недвижимое имущество». Расчетъ ихъ оказался вѣрнымъ: при первомъ же такомъ переводѣ я лишился сразу нѣсколькихъ кусочковъ карандаша, нѣсколькихъ полосокъ бумаги, иголки и кусочка лезвія безопасной бритвы. Словомъ я былъ «разоренъ» въ дребезги и моя переписка была поставлена подъ угрозу. Къ счастью мнѣ вскорѣ очень повезло, — само Г. П. У. «снабдило» меня письменными принадлежностями. Дѣло было такъ: однажды, слышу, мой новый сосѣдъ начинаетъ сильно стучать въ стѣну. Не отвѣчаю, сосѣдъ продолжаетъ стучать. Замѣчаю, что несмотря на такой стукъ жандармъ не волнуется, не заглядываетъ въ «волчекъ», что показалось очень страннымъ. Отвѣчаю сосѣду. Познакомился. Оказывается — онъ якобы студентъ, арестованъ по недоразумѣнію на улицѣ и

будетъ на дняхъ на волѣ, о чемъ ему якобы и слѣдователь сообщилъ. Разговоры наши продолжаются, а жандармы и глазъ не кажутъ. Разумѣется, мнѣ стало сразу ясно, что имѣю дѣло съ провокаторомъ. Разговоръ продолжаемъ. «Студентъ» любезно предлагаетъ свои услуги на волѣ, обѣщаетъ взять даже письма. Хорошо, думаю, писемъ и порученій ты не получишь, а карандашъ я отъ тебя, негодяя, добуду!

Жалуюсь «студенту» на отсутствіе бумаги и карандаша. Оказывается, ему удалось «секретно» и то, и другое пронести съ воли. Условились, что вечеромъ, если пойдетъ въ уборную раньше меня, онъ оставитъ все необходимое для меня въ уборной и указываю ему даже гнилое мѣсто иа виду. Короче говоря, я всѣ канцелярскія принадлежности получилъ, но рѣшилъ еще получить отъ студента кусочекъ карандаша. Сообщилъ ему, что въ уборной ничего ие нашелъ. «Студентъ» любезенъ и говоритъ, что утромъ отдастъ мнѣ «послѣдній» кусочекъ карандаша. Получилъ утромъ еще кусочекъ химическаго карандаша, я зубами очистилъ его отъ дерева, а пишущую массу разломалъ на мелкіе кусочки, разсовавъ ихъ въ швы платья. «Студенту»-же постучалъ, поблагодарилъ его за карандаши и сообщилъ ему, что его услуги, какъ провокатора, мнѣ больше не нужны. Не прошло и 10 минутъ, какъ у меня обыскъ, — ничего не нашли. Перевели въ другую камеру, но карандаши оказались цѣлы, такъ какъ находились въ пальто. Разумѣется, я былъ на «седьмомъ небѣ» отъ удачи!

Недѣли двѣ спустя я былъ вызванъ къ Владимірову по какому-то дѣлу. На столѣ у него груда какихъ то дѣловыхъ бумагъ, телефонный звонокъ и Владиміровъ на нѣсколько мгновеній отвернулся, чтобы взять телефонную трубку. Въ это мгновеніе я изъ кучи взялъ нѣсколько бумагъ и незамѣтно сунулъ ихъ въ карманъ. Вернувшись въ камеру сталъ просматривать бумаги. Само по себѣ дѣло мало интересное: какой-то гражданинъ Невельскій обвиняется въ «шпіонажѣ», что видно изъ захваченныхъ бумагъ. Любопытно совсѣмъ другое: въ числѣ захваченныхъ бумагъ была справка Германской Секціи Коминтерна, что гр. Заузръ, съ которымъ Невельскій велъ переписку, по наведеннымъ справкамъ имѣетъ гдѣ-то въ Германіи торговое предпріятіе и никакого участія въ политикѣ не принималъ и не принимаетъ.

Среди другихъ бумагъ было 2—3 рапортички какого-то лица, ведущаго слѣжку за Невельскимъ. Въ одной рапортичкѣ помню сказано: вышелъ изъ дому тогда-то, пошелъ по такой-то улицѣ, встрѣтилъ высокаго господина въ очкахъ и мягкой шляпѣ, господинъ въ шляпѣ сданъ такому то номеру, а Невельскій пошелъ туда то. Подписи на рапортичкахъ не было и вмѣстѣ фамиліи стояла буква и какое то трехзначное число. Изъ этихъ рапортичекъ было видно, что за Невельскимъ «пролетарскій» шпикъ ходилъ по слѣдамъ.

Самое интересное, конечно, было то, что Германская секція Коминтерна выполняла порученіе Г. П. У. Съ подобнаго рода вопросами я познакомился еще ближе послѣ установленія нѣсколькихъ связей съ арестованными чекистами. Много любопытныхъ вещей повѣдали мнѣ эти господа, но все это ие входитъ теперь въ планъ моихъ воспоминаній. Да и слишкомъ растянулись бы мои воспоминанія, если бы я обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ сталъ разсказывать въ этой страничкѣ своихъ воспоминаній. Впрочемъ объ одномъ изъ такихъ чекистовъ, нѣкоемъ Запольскомъ, я въ дальнѣйшемъ упомяну.

Приближаясь къ концу описанія періода, проведеннаго мною во «внутренней» тюрьмѣ, я остановлюсь только на двухъ своихъ голодовкахъ, разстрѣлѣ анархистовъ и скажу нѣсколько словъ о тюремномъ режимѣ «внутренней» тюрьмы.

Первую голодовку, которая тянулась 9 дней, я объявилъ въ мартѣ 1924 года.

Требованія мои были:

1. Свиданіе съ женой и сестрой и переписка съ ними.
2. Право переписки съ родителями.
3. Предоставленіе прогулки.
4. Полученіе книгъ изъ тюремной библіотеки по моему выбору.

Голодовка длилась 9 дней, послѣ чего я былъ вызванъ къ Владимірову, который заявилъ, что требованія мои будутъ исполнены, но я долженъ дать подписку, что голодовку снимаю.

Подписку я далъ, но ни одно изъ моихъ требованій выполнено не было. По истеченіи 3-хъ недѣль я началъ вторую голодовку, которая длилась 21 день. За это время меня 2 или 3 раза посѣтилъ только фельдшеръ. Я совершенно ослабъ и уже не могъ ходить. Было ясно, что голодовка моя ничего мнѣ не дастъ и я только напрасно гублю свое здоровье. Въ случаѣ моей голодной смерти у Владимірова была въ рукахъ моя первая подписка, что я голодовку снялъ добровольно. Все это вынудило меня прекратить голодовку, при чемъ, когда я потребовалъ послѣ 21 дня голодовки молока и бѣлаго хлѣба, мнѣ его не дали. Точно также на мои неоднократные вызовы прокурора Катаньяна, никто изъ прокуратуры Г. П. У. ко мнѣ не явился. Это обычная картина голодовокъ въ кремлевско-лубянскихъ застѣнкахъ!

Что касается разстрѣла анархистовъ, то я приведу свою статью, которая была послана въ журналъ, издаваемый В. Л. Бурцевымъ «Борьба за Россію», гдѣ эта статья почти полностью была помѣщена въ № 41 журнала.

КЪ ДѢЛУ САККО И ВАНЦЕТТИ.

Пожалуй нѣтъ въ мірѣ уголка, откуда не раздавались бы бурные протесты противъ казни Сакко и Ванцетти.

Это понятно. Это не можетъ быть непонятнымъ. Объ этомъ уже много написано и еще будетъ написано.

Казнь Сакко и Ванцетти взволновала весь міръ, однако, въ этомъ волненіи есть два обстоятельства, которыя трудно и даже невозможно постигнуть человѣческому разуму.

Этихъ 2-хъ обстоятельствъ я и хочу коснуться въ этой бѣглой замѣткѣ.

Первое обстоятельство.

1. Весь міръ знаетъ о неисчислимыхъ по количеству и невѣроятныхъ по жестокости и безсмысленности величайшихъ злодѣйствахъ, творимыхъ въ Россіи большевицкими «рабоче-крестьянскими» палачами уже въ теченіе 10 лѣтъ.

Уже 10 лѣтъ русскій народъ, русскіе рабочіе, крестьяне, интеллигенція переживаютъ безконтрольное и безотвѣтственное издѣвательство шайки кремлевско-лубянскихъ палачей, международныхъ шулеровъ.

Уже 10 лѣтъ творятся, ни на одинъ часъ не прерываясь, безсудныя убійства сотенъ тысячъ людей, повинныхъ только въ томъ, что они не могутъ и не хотятъ признать кровавую расправу шайки узурпаторовъ «диктатурой пролетаріата».

Все это давно и всѣмъ извѣстно, и тѣмъ не менѣе весь міръ молчитъ и какъ бы не слышитъ тѣхъ воплей и стоновъ, которые несутся изъ Россіи.

Это молчаніе является величайшимъ позоромъ для всего человѣчества. Это молчаніе и безразличное отношеніе къ трагической судьбѣ русскаго народа не можетъ быть забыто и я боюсь, что Россія, русскій народъ на долгіе годы запечатлѣютъ въ своихъ сердцахъ «братское» участіе народовъ въ годы большевистскаго лихолѣтія.

Это молчаніе въ большей степени уничтожаетъ смыслъ и моральный авторитетъ тѣхъ справедливыхъ протестовъ, которые несутся со всѣхъ сторонъ по поводу казни Сакко и Ванцетти:

Не можетъ быть и не должно быть 2-хъ оцѣнокъ, 2-хъ мнѣній въ вопросахъ казни Сакко и Ванцетти и безчисленныхъ, безсудныхъ убійствъ сотенъ тысячъ людей въ Россіи.

Если міръ протестуетъ противъ казни Сакко и Ванцетти, то міръ долженъ съ еще большей силой протестовать противъ невиданныхъ въ анналахъ исторіи человѣчества злодѣйствъ кремлевско-лубянской жандармеріи, заплечныхъ дѣлъ мастеровъ, именующихъ себя якобы «рабоче-крестьянскимъ» правительствомъ.

Наконецъ, весь міръ въ этомъ кровно заинтересованъ, если онъ не хочетъ видѣть повторенія у себя «опытовъ» большевистскихъ строителей своего якобы «новаго» и якобы «соціалистическаго» міра.

Величайшая нелѣпость, величайшее преступленіе передъ человѣчествомъ, передъ исторіей представлять себѣ большевистскихъ «экспериментаторовъ» только какой-то шайкой убійцъ, дѣлающихъ свое Каиново дѣло въ Россіи, якобы изолированной отъ остального міра.

Нѣтъ. Тысячу разъ нѣтъ.

Дѣло неизмѣримо сложнѣе и серьезнѣе. Міръ не долженъ забывать, что кремлевско-лубянская шайка уже владычествуетъ на $^1/_6$ части земного шара со 150 милліоннымъ населеніемъ!

Что эта шайка имѣетъ въ своемъ распоряженіи золото, тюрьмы, желѣзныя дороги, банки, своихъ собственныхъ палачей, войско, фабрики и заводы, своихъ собственныхъ провокаторовъ и подражателей не только въ своей вотчинѣ, но и во всѣхъ уголкахъ міра!

Что эта банда уже играетъ не только видную, но и первостатейную роль, какъ соціально-политическій и экономическій факторъ въ жизни народовъ! Что кремлевско-лубянская шайка насильниковъ и убійцъ въ довершеніе всего, и это самое главное, прикрывается именемъ якобы «авангарда» мірового пролетаріата и такимъ образомъ дѣлаетъ свое Каиново дѣло во имя якобы «соціализма», что милліоны людей ставитъ въ тупикъ, а сотни тысячъ людей вынуждаетъ порой идти за этой шайкой міровыхъ провокаторовъ.

Міръ не долженъ молчать!

Міръ долженъ бурно протестовать противъ злодѣйствъ кремлевско-лубянскихъ правителей.

Весь міръ долженъ требовать немедленной посылки въ Россію Международной Контрольной Комиссіи, которая должна, наконецъ, сорвать маску съ такъ называемаго «рабоче-крестьянскаго правительства» бутафорскаго «СССР».

Второе обстоятельство.

Въ тѣхъ бурныхъ протестахъ, которые раздаются во всемъ мірѣ противъ казни Сакко и Ванцетти, принимаютъ активное участіе и кремлевско-лубянскіе «рабоче-крестьянскіе» жандармы. Даже болѣе: повидимому, въ большинствѣ случаевъ Москва является иниціаторомъ и организаторомъ этихъ протестовъ. Какая чудовищная нелѣпость, провокація и пошлость!

Они протестуютъ, видите ли, противъ казни анархистовъ въ Америкѣ, но у себя убійства анархистовъ возвели въ систему и считаютъ это «дѣло» своей верховной прерогативой. Невыразимо тяжело говорить и писать о безчисленныхъ и безмѣрныхъ злодѣйствахъ кремлевско-лубянскихъ правителей, — безсильно перо, нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ, чтобы ярко и полно передать и изобразить эти злодѣйства.

Приведу въ рамкахъ этой бѣглой статьи лишь нѣсколько свѣжихъ, еще неизвѣстныхъ фактовъ убійства анархистовъ въ совѣтскихъ застѣнкахъ, свидѣтелемъ чего я лично былъ за время моего 4-лѣтняго сидѣнія въ тюрьмахъ О. Г. П. У.

«Внутренняя тюрьма» О. Г. П. У.

Май 1924 г. Изъ Петрограда привезена партія «бандитовъ» въ количествѣ 19 человѣкъ, въ составъ которыхъ включено и 7 анархистовъ, изъ которыхъ двѣ фамиліи помню точно: Мигай и Кореловъ. Вошелъ съ ними въ секретную переписку. Выяснилось: анархисты арестованы за распространеніе подпольной анархистской литературы.

Московскіе «защитники» Сакко и Ванцетти всѣхъ посадили вмѣстѣ на уголовный режимъ, несмотря на бурные протесты анархистовъ. Пятое іюня. Около 12 час. ночи. Обычная гробовая тишина во «внутренней тюрьмѣ». Вдругъ шумъ. Слышны крики. Требуютъ прокурора О. Г. П. У. Катаньяна. Черезъ нѣсколько минутъ около десятка револьверныхъ выстрѣловъ въ тюрьмѣ. Въ части женскихъ (во «внутренней тюрьмѣ» мужскія и женскія камеры въ одномъ корридорѣ) и мужскихъ камеръ душу раздирающія истерики. Черезъ нѣсколько дней узнаю подробности: всѣхъ 19 человѣкъ, а въ томъ числѣ и 7 анархистовъ стали выводить на разстрѣлъ; анархисты взбунтовались, оказали бурное сопротивленіе, и въ результатѣ 4 анархиста и 1 бандитъ были комендантомъ тюрьмы (палачъ Дукисъ) самолично разстрѣляны на площадкѣ лѣстницы второго этажа, а 14 человѣкъ убили въ подвалѣ тюрьмы (въ банѣ).

Середина іюня 1924 г. Въ 51-ой камерѣ сидятъ 2 анархиста. Фамиліи и подробности узнать не удалось, но узналъ, что въ одну изъ пятницъ при обходѣ камеръ комендантомъ тюрьмы палачемъ Дукисомъ, одинъ изъ анархистовъ ударилъ послѣдняго мѣднымъ чайникомъ по головѣ, въ видѣ протеста противъ «соціалистическаго» тюремнаго режима. Дукисъ въ состояніи «самообороны» обоихъ анархистовъ разстрѣлялъ на мѣстѣ въ камерѣ.

Анархистъ Крамской съ женой арестованъ въ 1923 г. по подозрѣнію якобы въ распространеніи фальшивыхъ червонцевъ. Дѣло дутое, и потому Крамской съ женой отдѣлались «пустяками», — 3-мя годами ссылки въ Соловки по постановленію О. Г. П. У.

Вдругъ въ началѣ 1926 г. Крамской съ женой появились въ Бутырской тюрьмѣ. Оказывается, Г. П. У. раскопало, что Крамской принималъ активное участіе въ анархистской работѣ. Финалъ: въ маѣ мѣсяцѣ Крамской разстрѣлянъ безъ суда, а его жена получила дополнительно два года ссылки и теперь находится въ Соловкахъ.

Іюнь 1926 г. Изъ Кіева привезена партія бандитовъ въ количествѣ 76 человѣкъ, среди которыхъ находилось болѣе 10 человѣкъ крестьянъ («кулаковъ») и нѣсколько анархистовъ. Все это шло подъ общимъ названіемъ «бандитін». Содержались всѣ вмѣстѣ на обычномъ уголовномъ режимѣ. Въ іюлѣ всѣ вмѣстѣ были разстрѣляны безъ суда.

Іюль 1926 г. Анархистъ Вырубовъ арестованъ по подозрѣнію въ ограбленіи банка. Финалъ: разстрѣлъ, а больной, умирающей отъ туберкулеза, женѣ — 5 лѣтъ ссылки въ «Соловецкіе лагеря особаго назначенія» за якобы недоносительство.

Всѣмъ извѣстная знаменитая академическая «чистка» ВУЗ'овъ въ 1924 г. Осенью 1926 г. по этому дѣлу въ Бутырской тюрьмѣ появилась группа студентовъ изъ Петрограда въ количествѣ 32 человѣкъ, и въ томъ числѣ анархисты Левинъ и Свѣшниковъ.

Послѣдній однажды ночью былъ увезенъ на Лубянку и о его дальнѣйшей судьбѣ я ничего узнать не могъ. Судьба же Левина такая: не перенесъ всѣхъ пытокъ и однажды, во время утренней оправки, бросился внизъ на цементный полъ съ площадки третьяго этажа. Паденіе неудачно — только поломъ ноги. «Неудачу» исправили нынѣшніе кремлевско-лубянскіе «защитники» Сакко и Ванцетти: Левинъ былъ взятъ изъ лазарета и разстрѣлянъ. Кончаю: недавно заграницу изъ большевистскихъ застѣнковъ вырвался анархистъ Лазаревичъ, съ которымъ я одно время былъ связанъ въ тюрьмѣ.

Пусть заграничные анархисты спросятъ у Лазаревича объ ужасахъ большевистскихъ застѣнковъ.

Таковы слова и дѣла кремлевско - лубянской шайки, распинающейся сейчасъ противъ казни американскихъ анархистовъ Сакко и Ванцетти и невозбранно, при общемъ молчаніи, убивающихъ у себя дома русскихъ гражданъ, въ томъ числѣ и русскихъ анархистовъ.

Изъ того, что я уже разсказалъ о «внутренней» тюрьмѣ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ «большевистскомъ» соціалистическомъ застѣнкѣ. Въ заключеніе же о періодѣ моего пребыванія въ этомъ застѣнкѣ добавлю еще нѣсколько словъ объ общемъ тюремномъ режимѣ этого проклятаго каменнаго мѣшка, гдѣ десятки тысячъ людей были убиты, замучены, искалѣчены, гдѣ пролито море человѣческой крови и слезъ, гдѣ творились и творятся злодѣйства, невиданныя еще въ анналахъ человѣческой исторіи.

Въ своихъ бѣглыхъ воспоминаніяхъ я физически лишенъ возможности передать и сотую долю того кроваваго кошмара, того ужаса, того хамскаго,

подлаго, жестокаго насилія, которые творятся и днемъ, и подъ покровомъ ночи въ этомъ проклятомъ вертепѣ, именуемомъ «внутренней» тюрьмой кремлевско-лубянскихъ убійцъ.

Когда пишутся эти строки, въ вотчинѣ кремлевско-лубянскихъ палачей гоститъ Анри Барбюсъ, котораго носятъ на рукахъ, которому показываютъ «Потемкинскія деревни» и т. п.

Вполнѣ возможно, что г. Барбюсъ, возвратившись изъ «соціалистическаго» рая, подъ вліяніемъ всего того, что ему милостиво «показали» кремлевско-лубянскіе международные шулера, напишетъ новый романъ о «странѣ чудесъ».

О, разумѣется, Анри Барбюсъ ни слова вѣроятно не скажетъ о большевистскихъ ужасахъ, да и какъ онъ можетъ что-либо объ этихъ ужасахъ сказать, когда лично онъ ихъ не увидитъ, когда ему ихъ не покажутъ и когда никто въ Россіи не осмѣлится ему о нихъ разсказать.

Анри Барбюсы не понимаютъ того, что они являются жертвами невѣроятной подлости, дьявольски организованнаго обмана, насилія, террора, провокаціи, являющихся базой, фундаментомъ той, съ позволенія сказать, «соціалистической» работы, которую кремлевско-лубянскіе узурпаторы продѣлываютъ не только въ своей вотчинѣ—СССР, но и во всѣхъ уголкахъ міра.

Анри Барбюсы не понимаютъ того, что, инсценируя «достиженія» Октябрьской Революціи, большевики тѣмъ самымъ превращаютъ г. г. Анри Барбюсовъ въ своихъ обманутыхъ, невольныхъ, несознательныхъ агентовъ-эмиссаровъ, творящихъ злую волю лубянско-кремлевскихъ правителей.

Предваряю читателя, что, говоря о тюремномъ режимѣ «внутренней» тюрьмы, я отнюдь не задаюсь цѣлью нарисовать картину тюремнаго режима въ СССР вообще. Я даже не задаюсь цѣлью подробно освѣтить тюремный режимъ во «внутренней» тюрьмѣ. Я только хочу дать бѣглый, общій обзоръ этого режима, чтобы читатель могъ составить себѣ хотя бы только общее вечатлѣніе о тюремномъ режимѣ одного изъ многочисленнѣйшихъ застѣнковъ совѣтской Россіи — Россіи, которая сама по себѣ въ цѣломъ въ настоящее время является уже большевистской тюрьмой въ коммунистическомъ застѣнкѣ.

Основными принципами тюремнаго «соціалистическаго» режима въ СССР вообще и во «внутренней» тюрьмѣ въ частности являются: терроръ — насиліе со всѣми его худшими аттрибутами: провокація, ложь, шпіонажъ и т. д. и наконецъ, ужасающее безправіе заключенныхъ, полная ихъ беззащитность. Нѣтъ ни одной инстанціи, куда Вы могли бы жаловаться хотя бы съ малѣйшей надеждой на то, что гдѣ-то, кто-то разсмотритъ Вашу жалобу, отнесется къ ней по человѣчески, разслѣдуетъ дѣло и при надобности «ущемитъ хвостъ» Г. П. У.

Вы можете жаловаться въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, въ ЦИК СССР, въ Комиссаріатъ «рабоче-крестьянской инспекціи», генералъ-прокурору Республики и наконецъ даже Политбюро Ц. К. партіи, — результаты всегда будутъ одни и тѣ же, даже если бы Ваша жалоба такъ или иначе проскочила за предѣлы Лубянскаго квартала. Въ лучшемъ случаѣ жалоба изъ Г. П. У. можетъ быть переслана на усмотрѣніе прокурора Г. П. У., который самъ хотя формально и является окомъ генералъ-прокурора СССР, но

фактически состоитъ участникомъ и организаторомъ всѣхъ тѣхъ злодѣйствъ, того террора, насилія и т. д., которые день и ночь творятся въ большевистскихъ застѣнкахъ. Васъ никто, никогда не увѣдомитъ даже формальности ради о результатахъ Вашей жалобы. Но попробуйте Вы пожаловаться, что тотъ или иной представитель Г. П. У. дѣлаетъ тѣ или иныя поблажки тому или иному заключенному и Вы сразу убѣдитесь, что при Г. П. У. есть недремлющее прокурорское «око». Вы сможете убѣдиться, что расправа прежде всего обрушится на чекиста, позволившаго себѣ проявить признаки человѣчности; эта же расправа обрушится на того заключеннаго, который былъ объектомъ человѣческаго отношенія со стороны чекиста. Вспоминается мнѣ такой случай: татаринъ, коммунистъ, секретарь одного изъ волисполкомовъ Татреспублики, арестованъ за какое то критическое замѣчаніе по адресу Ц. К. партіи. Арестъ. Доставка въ Москву. Долгое сидѣніе на уголовномъ режимѣ безъ передачъ, безъ денегъ. Слѣдователь Г. П. У. Шоринъ на одномъ изъ допросовъ татарина, снизойдя къ бѣдственному положенію послѣдняго, передалъ ему 2 рубля. Въ Бутырской тюрьмѣ передъ возвращеніемъ татарина въ свою камеру (у всѣхъ возвращающихся съ допроса, изъ «суда» и т. д. дѣлается тщательный обыскъ и только уже послѣ этого заключеннаго водворяютъ на мѣсто въ камеру) при обыскѣ находятъ у него деньги. Допросъ. Скандалъ. Татаринъ безъ злого умысла сказалъ правду. Деньги конфискованы. Слѣдователь Шоринъ арестованъ и только послѣ двухъ мѣсяцевъ сидѣнія былъ освобожденъ.

Обращеніе во «внутренней» тюрьмѣ корректное. Васъ не назовутъ на «ты», какъ это часто дѣлается въ другихъ, и въ особенности провинціальныхъ, совѣтскихъ тюрьмахъ. Разумѣется, въ этой «корректности» Вы никогда не услышите и нотки участія. Наоборотъ, въ этой «корректности» Вы чувствуете голосъ палача и безправіе своего тюремнаго существованія. Вы входите въ тюрьму и Васъ пріятно удивляетъ чистота, поддерживаемая въ корридорахъ прислугой, а въ камерахъ — заключенными: 3 раза въ день камеры подметаются и 2 раза въ недѣлю моются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сразу поразитъ гробовая тишина въ тюрьмѣ: въ корридорахъ, у оконъ, у дверей вездѣ жандармы съ суровымъ и нѣмымъ выраженіемъ лицъ. Никакихъ звуковъ. Жуткая и торжественная тишина. Вы должны слѣдовать впереди жандарма тихо, не оглядываясь по сторонамъ, безъ разговоровъ, безъ вопросовъ. Вы не смѣете кашлянуть, чихнуть и т. д. Малѣйшее нарушеніе правилъ и Васъ грубо хватаютъ и бросаютъ въ карцеръ. Вы видите, что на всѣхъ площадкахъ, всѣ лѣстницы ограждены высокой сѣтчатой стѣной и Вы сразу чувствуете, что это сдѣлано только для того, чтобы Вы въ порывѣ отчаянія не бросились внизъ головой и не лишили чекистовъ удовольствія съ Вами еще «побаловаться». Прежде чѣмъ Вы попадете въ свою камеру, Васъ подвергнутъ тщательному обыску, часто «физіологическому» обыску... Женщинъ обыскиваютъ мужчины и только для «физіологическаго» обыска приглашается спеціальное лицо женскаго пола.

Вы въ камерѣ и Вамъ даютъ чайникъ, кружку, парашу, деревянные нары, отвратительный тюфякъ съ соломенной трухой. Бѣлья, разумѣется, никакого не полагается. Заключенные, которымъ разрѣшенъ выходъ въ уборную, выходятъ въ послѣднюю 2 раза въ день: утромъ и вечеромъ. Жен-

щины — 3 раза: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Для туалета дается 5 минутъ.

Въ камерѣ въ окнахъ желѣзныя рѣшетки, но сдѣланы такъ, что оконъ открывать нельзя. Форточку за рѣшеткой можно поднимать и опускать. За окномъ желѣзный «кожухъ» и Вы можете видѣть только клочекъ неба. Ниже окна желѣзная сѣтка, исключающая возможность бросанія наружу записокъ, сношенія по ниткѣ и т. д. На внутренней сторонѣ двери тюремныя «правила», гдѣ Вы сразу читаете:

«При подходѣ заключеннаго къ окну, часовой стрѣляетъ **безъ предупрежденія**».

Въ такомъ духѣ составлены и всѣ другіе пункты, изъ которыхъ Вы узнаете, что особенно строго преслѣдуются всякія попытки сноситься съ заключенными, съ волей и т. д.

Вы узнаете, что никакихъ письменныхъ принадлежностей, ни нитки, ни иголки и т. п., Вы въ камерѣ имѣть не можете.

Вы узнаете, что разъ въ недѣлю камеры обходитъ комендантъ тюрьмы или его помощникъ.

Два слова объ этомъ обходѣ, который обычно любитъ дѣлать самъ Дукисъ. Обходъ по пятницамъ. Дукисъ входитъ въ камеру, а его «адъютантъ» останавливается за дверью съ наганомъ въ рукѣ. Вопросы трафаретные: «Ваша фамилія?», «заявленія есть?» При обходѣ Вы имѣете право просить иголку и нитку для починки платья, бѣлья. Это Вамъ дадутъ, но черезъ 30—40 минутъ Вы обязаны иголку вернуть. Точно также Вы имѣете право просить бумагу и чернила для заявленія. Бумаги выдается четверть листа почтоваго формата съ помѣткой коменданта.

При входѣ Дукиса въ камеру заключенный обязанъ встать. Исключенія ни для кого не дѣлается. На этой почвѣ у Дукиса бывало много скандаловъ. Лично я вообще на это вставаніе никогда не обращалъ вниманія, такъ какъ обычно Дукисъ, входя въ камеру, заставалъ меня шагающимъ изъ угла въ уголъ. Но однажды, даже не думая о демонстраціи, я лежалъ на нарахъ, когда вошелъ Дукисъ.

Дукисъ: — Вы больны?

Бруи.: — Нѣтъ.

Дукисъ: — Встать немедленно!

Бруи.: — Вы — жандармъ, а передъ жандармами я не встаю.

Дукисъ: — Посмотримъ!

Хлопнулъ дверью и выбѣжалъ. Я думалъ, что приведетъ жандармовъ меня поднять, но все обошлось хорошо.

Вдругъ въ понедѣльникъ не получаю книгъ. Требую объясненій. Заявляютъ, что библіотекарь уѣхалъ въ двухмѣсячный отпускъ. Прошло 7 томительныхъ недѣль. Однажды мой сосѣдъ спрашиваетъ меня, какія книги я получилъ. Тутъ то и выяснилось, что библіотекарь никуда не уѣзжалъ, а книгъ я былъ лишенъ за то, что не всталъ передъ Дукисомъ. Я поднялъ скандалъ и книги получилъ. Послѣ этого Дукисъ уже не требовалъ отъ меня вставанія.

Для многихъ это невставаніе кончается карцеромъ и избіеніемъ. Знаю два такихъ случая: была избита и брошена на 14 дней въ карцеръ политическая заключенная (соц.-дем.) изъ Кіева, нѣкая Арсеньева, и группа анархистовъ, которые при входѣ Дукиса въ ихъ общую камеру демонстративно

легли на нары, повернувшись къ нему спиной. Немедленно всѣхъ посадили въ карцеръ, а потомъ разлучили по одиночкамъ.

Подавляющее же большинство заключенныхъ при появленіи Дукиса встаютъ и становятся во фронтъ, такъ какъ не всякому охота быть избитымъ и посаженнымъ въ карцеръ.

Книги выдаются одинъ разъ въ недѣлю, причемъ жандармъ вручаетъ Вамъ молча двѣ книги, не спрашивая, читали ли Вы ихъ или нѣтъ, нужны они Вамъ, или чтеніе ихъ для Васъ неинтересно и т. д. Никакихъ заявленій и требованій въ этомъ отношеніи быть не можетъ.

Въ баню выводятъ разъ въ двѣ недѣли и дается на сборъ, хожденіе, мытье, ровно 30 минутъ. Баня въ подвалѣ, въ бывшей до революціи прачешной. До 1925 г. въ этой же банѣ производились разстрѣлы, но теперь разстрѣлы производятся уже въ другомъ мѣстѣ — на Лубянкѣ въ домѣ № 11, а большія партіи въ Варсонофьевскомъ переулкѣ, гдѣ находится полкъ «войскъ Г. П. У. особаго назначенія».

Если у Васъ нѣтъ носильнаго бѣлья, можете получить таковое.

Между прочимъ во «внутренней» тюрьмѣ выдается бѣлье, снятое съ убитыхъ въ подвалахъ Г. П. У.

Заключенные, которые объ этомъ знаютъ, предпочитаютъ ходить въ рубищахъ, но не хотятъ брать бѣлье, снятое съ разстрѣлянныхъ.

Что касается медицинской помощи, то она для тюрьмы вполнѣ удовлетворительна. Разумѣется, Вы не можете получить серьезнаго леченія, сложныхъ лекарствъ, но текущія потребности обслуживаются удовлетворительно. Есть хорошо обставленный зубоврачебный кабинтъ, однако, нужно ли Вамъ лѣчить зубы или нѣтъ, это зависитъ не отъ того, какъ чувствуетъ себя заключенный, а исключительно отъ усмотрѣнія тюремнаго врача.

Пищевой режимъ во «внутренней» тюрьмѣ сильно разнится отъ пищевого режима въ другихъ тюрьмахъ и въ особенности отъ Бутырской Военно-слѣдственной тюрьмы. Продукты, какъ правило, во внутренней тюрьмѣ свѣжіе.

Существуетъ 4 вида пайковъ:

1. Общій паекъ или такъ называемый «уголовный» паекъ. На этотъ паекъ зачисляются всѣ «шпіоны», уголовники, контръ-революціонеры и т. д. На «уголовномъ» пайкѣ находится не менѣе 90% и политическихъ заключенныхъ. Вообще же зачисленіе на тотъ или другой паекъ зависитъ только отъ слѣдователя и если Вы членъ соціалистической партіи, то это абсолютно не значитъ еще, что Вы будете зачислены на политическій паекъ.

Составъ «уголовнаго» пайка:

Утромъ: 1 фунтъ чернаго хлѣба, 2 куска сахару и заваренный уже чай,

Обѣдъ: малая тарелка очень жидкаго супа съ 3—4 кусочками мяса величиною не болѣе одного кубическаго сантиметра, тарелка пшенной каши на постномъ маслѣ. Часъ - два спустя выдается снова чай, но уже безъ сахара.

Ужинъ: примѣрно одна треть литра жидкаго супа съ 1—2 кусочками картофеля или снова каша.

Кромѣ того на два дня выдается 25 штукъ папиросъ третьяго сорта и на 7 дней одна коробка спичекъ.

Паекъ безусловно «голодный», но съ голоду все же умереть нельзя. Лица, не получающія съ воли передачи, черезъ 8—10—12 мѣсяцевъ исто-

щаются или заболѣваютъ цынгой, но не въ острой формѣ. Спасаетъ отъ голодной смерти то, что продукты свѣжіе и ихъ можно ѣсть безъ тяжелыхъ физическихъ страданій. Угнетаетъ только однообразіе пищи. Кстати о передачахъ. Разрѣшеніе ихъ зависитъ отъ слѣдователя. Большинству заключенныхъ передачи разрѣшены. Пріемъ 2 раза въ недѣлю. Общее количество продуктовъ не должно превышать 8 килограммовъ въ каждой передачѣ, чего болѣе чѣмъ достаточно.

2. «Политическій паекъ». Зачисленіе на этотъ паекъ какъ я уже говорилъ, зависитъ только отъ усмотрѣнія и видовъ слѣдователя. Фактически на этотъ паекъ зачисляется максимально 10% политическихъ заключенныхъ, а остальные получаютъ обыкновенный «уголовный» паекъ.

Составъ «политическаго» пайка.

Въ обѣдъ: супъ и четверть фунта мяса или рыбы, пшенная каша на коровьемъ маслѣ, нѣсколько ложекъ компота и чай.

Ужинъ: пшенная или рисовая каша и чай.

Папиросъ тоже самое количество, того же качества.

3. «Особый паекъ». Этотъ паекъ получаютъ только нѣкоторые арестованные коммунисты, главнымъ образомъ изъ оппозиціи. Однако, «особый паекъ» получаютъ только тѣ изъ коммунистовъ, которые временно задержаны и которыхъ предполагается еще вернуть на «истинный» путь.

Составъ пайка:

Утромъ: 2 фунта бѣлаго хлѣба, кружка молока, 6 кусковъ сахару и чай.

Въ обѣдъ: супъ, полфунта мяса, жаркое, сладкое и чай.

Ужинъ: рисовая или манная каша, сладкое и чай.

Папиросъ 25 штукъ второго сорта на 1 день.

4. «Исключительный» паекъ. На этотъ паекъ зачисляются только тѣ, кого надо по видному дѣлу «использовать», уговорить и т. д.

Такъ, этотъ паекъ первые дни получалъ я. Нѣкоторое время получалъ его д-ръ К. Киндерманъ.

Выдается этотъ паекъ изъ чекистскаго клуба.

Составъ его уже «ресторанный»:

Утромъ: кофе, бѣлый хлѣбъ, сливки и сыръ.

Обѣдъ: изъ 4—5 блюдъ, вино и кофе.

Ужинъ: изъ 2—3 блюдъ, кофе и печенье.

Желающіе могутъ получать женщинъ.

Долго, разумѣется, на такомъ пайкѣ не держатъ: идущихъ на уступки ведутъ къ намѣченной цѣли, используютъ въ «процессахъ», а потомъ или воля, или тюрьма съ обыкновеннымъ режимомъ, или «стѣнка», если оставленіе живого свидѣтеля по тѣмъ или инымъ соображеніямъ нежелательно для Г. П. У.

Между прочимъ, на этомъ пайкѣ находился извѣстный «фабрикантъ документовъ» Дружеловскій, явившійся въ СССР по предварительному сговору съ Г. П. У. и послѣ инсценированнаго «процесса» разстрѣлянный, какъ ненужный и нежелательный свидѣтель. Что касается прогулокъ, то во «внутренней» тюрьмѣ ихъ вообще не полагается. Исключенія, разумѣется, бываютъ и нѣкоторымъ заключеннымъ дается прогулка въ 10—15 минутъ. По 10 минутъ черезъ день гуляютъ особо-секретные заключенные, сидящіе уже много лѣтъ въ спеціальныхъ секретныхъ камерахъ, оборудованныхъ на чер-

дакѣ «внутренней» тюрьмы. Объ этомъ я еще скажу, когда буду говорить о якобы разстрѣлянномъ англійскомъ капитанѣ Г. Рейли.

Что касается возможности побѣга изъ «внутренней» тюрьмы, то это абсолютно исключено, такъ какъ необходимо пройти нѣсколько воротъ, гдѣ день и ночь дежурятъ вооруженные жандармы и гдѣ установлены спеціальные сигнализаторы. За время существованія В. Ч. К. и Г. П. У. былъ только одинъ случай побѣга двухъ бандитовъ, да и то не изъ корпуса «внутренней» тюрьмы, а изъ смежнаго зданія на Малой Лубянкѣ, гдѣ помѣщается «Экономическое Управленіе О. Г. П. У.».

Побѣгъ произошелъ неожиданно и безъ всякой подготовки. Бандиты были вызваны на допросъ и оставлены въ передней слѣдователя безъ охраны. Входятъ два гражданина, вызванные съ воли на допросъ и имѣвшіе соотвѣтствующіе пропуска. Новички. Обращаясь къ бандитамъ и не зная, что это уже арестованные, просятъ указать имъ, какъ пройти въ соотвѣтствующую комнату. Бандиты берутъ пропуска, предлагаютъ имъ присѣсть и уходятъ навести нужныя справки и спокойно выходятъ на улицу, предъявивъ у дверей пропуска комендантуры О. Г. П. У.

Въ тюрьмѣ меня очень интересовалъ вопросъ, сколько Г. П. У. въ годъ ссылаетъ политическихъ заключенныхъ и вообще сколько людей проходитъ въ годъ въ ссылку, въ лагеря, изоляторы черезъ «Особое Совѣщаніе при Коллегіи О. Г. П. У.», которое, какъ извѣстно, конфирмируетъ всѣ подобные приговоры не только въ Москвѣ, но и всѣхъ Г. П. У., находящихся въ «Союзныхъ Республикахъ».

Въ 1923 г. въ октябрѣ, а затѣмъ въ 1924—25 и 26 годахъ въ Бутырской тюрьмѣ я просилъ многихъ своихъ корреспондентовъ замѣчать текущіе номера приговоровъ «Особаго Совѣщанія» при объявленіи ихъ заключеннымъ. Обычно провѣрку я дѣлалъ къ концу «трудового» года «Особаго Совѣщанія О. Г. П. У.».

За четыре года цифры у меня получились слѣдующія:

1923 г. — 34.000 приговоровъ.
1924 г. — 28.000 »
1925 г. — 31.000 »
1926 г. — 38.000 »

Такимъ образомъ въ среднемъ въ годъ «Особое Совѣщаніе» утверждаетъ около 35.000 приговоровъ въ тюрьму, въ ссылку, въ лагеря, изоляторы и т. д.

Въ это грандіозное количество ссылаемыхъ, сажаемыхъ, высылаемыхъ входятъ политическіе заключенные разнаго рода, контръ-революціонеры, обвиненные или просто заподозрѣнные въ «шпіонажѣ», во враждебномъ отношеніи къ совѣтской власти, спекулянты, такъ называемые соціально-опасные элементы («кулаки», духовенство, «разложившіеся рабочіе», бывшіе дворяне, помѣщики и т. д. и т. д.), и наконецъ, чисто уголовные элементы, проходящіе «соціалистическій» курсъ «лѣченія» во внѣсудебномъ порядкѣ. Къ этой категоріи больше всего относятся проститутки, хулиганы, воры-рецидивисты, разложившіеся комсомольцы и т. д. и т. д.

Сколько же, однако, политическихъ заключенныхъ входитъ въ эту чудовищную цифру 35.000 человѣкъ?

Точно это неизвѣстно. Впрочемъ, этого точно не могло бы сказать и само «Особое Совѣщаніе», такъ какъ громадное количество политическихъ

заключенныхъ по тѣмъ или инымъ политическимъ и тактическимъ соображеніямъ обычно перечисляется въ разрядъ чисто уголовныхъ элементовъ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Съ большой долей вѣроятности все же можно предполагать, что изъ общаго числа въ 35.000 человѣкъ на долю политическихъ заключенныхъ приходится не менѣе 20.000. Эту цифру признаютъ и тѣ арестованные чекисты, съ которыми мнѣ удавалось устанавливать тайную переписку.

«Особое Совѣщаніе», созданіе котораго оффиціально мотивировалось желаніемъ избѣгнуть по возможности ошибочныхъ приговоровъ, засѣдаетъ еженедѣльно два раза, т. е. имѣетъ въ теченіе года не менѣе 100 засѣданій.

Такимъ образомъ на каждое засѣданіе приходится 350 внѣсудебныхъ «приговоровъ». Быть можетъ, читатель скажетъ, что это физически невозможно. Нѣтъ, для коммунистической «пролетарской» юстиции это очень возможно и продѣлывается вся эта процедура «приговоровъ» очень быстро и примитивно: многочисленные слѣдователи Г. П. У., работающіе по отдѣльнымъ «спеціальностямъ», попросту докладываютъ «Особому Совѣщанію» списки своихъ «кліентовъ» и заготовленные проекты «приговоровъ». «Особое Совѣщаніе» не входитъ въ разсмотрѣніе существа дѣла, хотя именно для этого оно первоначально было создано.

Обычно кремлевско-лубянскіе палачи, въ свое оправданіе, ссылаются на терроръ Хорти, Муссолини и другихъ диктаторовъ. Но какими маленькими пигмеями кажутся всѣ эти диктаторы, когда Вы ихъ поставите рядомъ съ такъ называемыми «пролетарскими» диктаторами Кремля и Лубянскаго квартала, осуществляющими и олицетворяющими диктатуру «пролетаріата» по системѣ и методамъ Политбюро Ц. К. большевистской партіи.

О, разумѣется, эта сторона «диктатуры пролетаріата» всегда тщательно скрывается отъ господъ Анри Барбюсовъ, которые обладаютъ свойствомъ дальше своего носа обычно ничего не видѣть. Впрочемъ, справедливости ради, надо сказать, что эти наивные люди, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о кошмарной совѣтской дѣйствительности, благодаря своей политической наивности и предвзятому образу мыслей въ отношеніи кремлевско-лубянскихъ правителей, органически неспособны находить «водораздѣльную линію» между объективной правдой и дьявольски тонко организованными обманомъ, провокаціей, инсценировкой Кремля и Лубянки. Надо жить въ Россіи, знать «закулисную работу» большевиковъ, чтобы понять и разгадать тотъ нелѣпый политическій парадоксъ, какимъ образомъ въ «рабоче-крестьянской» странѣ «соціалистическое правительство» можетъ 10 лѣтъ издѣваться надъ русскими рабочими и крестьянами, насилуя ихъ волю и третируя ихъ желанія. Разъясненіе этого парадокса не входитъ въ планъ моихъ настоящихъ воспоминаній. Объ этомъ какъ-нибудь въ слѣдующій разъ, но уже и сейчасъ читатель можетъ найти кое-какой матеріалъ, который облегчилъ бы ему разгадать эту большевистскую «загадку».

Остановлюсь еще на тѣхъ «мѣрахъ воздѣйствія», которыя примѣняются въ отношеніи заключенныхъ, какъ со стороны слѣдственныхъ органовъ Г. П. У., такъ и со стороны тюремной администраціи, работающихъ въ трогательномъ единеніи.

1. Лишеніе передачъ, свиданій, права переписки съ волей, книгъ, прогулокъ, выхода въ уборную и въ баню.

2. Угрозы, предъявленіе подложныхъ показаній третьихъ лицъ, внезапные и продолжительные ночные допросы въ грозной обстановкѣ. На многихъ заключенныхъ эти методы дѣйствуютъ самымъ терроризирующимъ образомъ и въ особенности «блестящіе результаты» даютъ эти методы Г. П. У. при допросахъ женщинъ.

Во внутренней тюрьмѣ очень часто приходилось по ночамъ слышать доносившіяся изъ женскихъ камеръ душураздирающія истерики. Причина въ такихъ случаяхъ всегда одна и та же: ночной внезапный допросъ, угроза, предъявленіе подложныхъ показаній. Въ результатѣ «добровольное признаніе» жертвы въ состояніи невмѣняемости, а послѣ, когда заключенный пойметъ, что онъ сдѣлалъ, начинаются страданія, истерика и т. д. Этими «методами» Г. П. У. вынуждаетъ подписывать чистые бланки протоколовъ, куда уже послѣ вносится «показаніе заключеннаго». Часто жертвою этихъ «методовъ» допроса являются даже люди смѣлые и съ достаточно сильной волей. Я помню такой случай: однажды ночью мой сосѣдъ начинаетъ истерически рыдать. Оказывается, его ночью внезапно подняли съ постели, не дали одѣться, потащили наверхъ къ слѣдователю, гдѣ его представилась слѣдующая картина: слѣдователь, жандармы, и его рыдающая жена. Допросъ. Угроза: или немедленный разстрѣлъ, или подписаніе протокола о «добровольномъ» сознаніи въ организаціи контръ-революціонной группы съ указаніемъ всѣхъ именъ и т. д. Человѣкъ почти потерялъ сознаніе и все подписалъ и только въ камерѣ понялъ, что сдѣлалъ, «назвавъ» имена, которыя онъ вообще услышалъ впервые въ жизни.

Отказаться отъ своихъ показаній? Да, на «судѣ» объ этомъ еще, быть можетъ, можно говорить, но для «внѣсудебнаго» приговора это роли не играетъ, да и самое «признаніе» этого рода для слѣдователя нужно главнымъ образомъ, какъ средство вынудить «признаніе» у другихъ лицъ.

Въ отношеніи чисто уголовнаго элемента эти «методы дознанія» часто сопровождаются еще смертнымъ боемъ.

3. Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о примѣненіи въ ГПУ наркотическихъ веществъ при допросахъ.

Лично я за 4 года зналъ только одинъ такой случай, когда къ одному эмигранту, безъ разрѣшенія перешедшему совѣтскую границу, былъ примѣненъ при допросѣ наркозъ.

Дѣло было такъ: нѣкто Загорскій (называю его фамилію, такъ какъ Загорскій несомнѣнно былъ разстрѣлянъ), игравшій какую-то роль въ эмигрантскихъ кругахъ, въ концѣ 1925 года, тайно перешелъ совѣтскую границу, но былъ выданъ ГПУ женой своего брата, какъ оказалось, состоявшей секретной сотрудницей ГПУ и одновременно занимавшей въ ВСНХ какое-то довольно видное мѣсто.

ГПУ подозрѣвало, или имѣло свѣдѣнія, что г. З—ій можетъ дать ГПУ довольно интересныя свѣдѣнія объ эмиграціи, а равно дать важныя показанія о цѣляхъ своего прибытія въ СССР. Подробностей дѣла я не знаю, т. к. о намѣреніяхъ, побудившихъ г. З. перейти совѣтскую границу, я, разумѣется, не распрашивалъ, а кромѣ того, наша связь продолжалась не болѣе 10 дней, т. к. однажды ночью г. З. былъ увезенъ во «внутреннюю тюрьму», гдѣ несомнѣнно и былъ убитъ.

Г. Загорскій сообщилъ мнѣ слѣдующее: однажды онъ былъ вызванъ на допросъ въ ГПУ, гдѣ предварительно былъ посаженъ въ одиночку. Послѣ

ужииа оиъ почувствовалъ себя довольио страино: крайне пасснвиое состоя-
ніе духа, полудремотное состояніе, граннчащее съ потерей сознанія. О даль-
иѣйшемъ г. З. помннтъ смутно. Только на вторичномъ допросѣ г. Загор-
скому былн показаны его предыдущія показанія, относнтельно которыхъ
г. З. сообщнлъ мнѣ, что оиъ совершеино ие знаетъ, какъ онъ могъ давать
такого рода показанія и что его судьба послѣ зтихъ показаній уже рѣшена.

Перепнсываясь съ иѣкоторымн арестоваинымн чекнстами, я стремился
провѣрнть, насколько вѣрно то, что ГПУ прн допросахъ прнмѣняетъ нарко-
тическія вещества н какъ шнроко зто практикуется. Мнѣ сообщнлн, что
допросы подъ наркозомъ ГПУ практикуетъ, но не въ широкихъ размѣрахъ.
Допрашнваемые подъ наркозомъ обычно назначаются «въ расходъ». Въ Бу-
тырской тюрьмѣ наркозъ ннкогда ие прнмѣняется. Подобиый методъ до-
проса нмѣетъ мѣсто только во «внутренней тюрьмѣ», гдѣ наркотическое
вещество заключенному дается подъ наблюденіемъ тюремнаго врача н почти
всегда послѣ предварнтельнаго меднцннскаго осмотра, который обычно дѣ-
лается передъ отправкой въ ссылку.

Лнчно я подозрѣваю, что н д-ръ К. Кнндерманъ тоже былъ подвергнутъ
предварительному дѣйствію наркоза, когда онъ далъ свон показанія, давшія
ГПУ возможность ннсценнровать публнчное засѣданіе «суда». Правда, д-ръ
К. Кнндермаиъ «на судѣ» категорнческн опровергалъ свон показанія, но все
же подпнсь подъ протоколомъ была г. К.

Д-ръ К. впослѣдствін мнѣ разсказывалъ, что онъ совершенно не пом-
иитъ, какъ онъ вообще подписалъ такой протоколъ, гдѣ на всѣ 100% былъ
только одннъ чудовищный вымыселъ и прнтомъ на 99% вымыселъ на само-
го себя.

Для большевнстскихъ «соціалистическнхъ» застѣнковъ всѣ безъ исклю-
ченія средства хороши, когда вопросъ ндетъ объ ннтересахъ кремлевско-
лубянской сволочн!

4. Заключеніе въ карцеръ.

Карцерное иаказаніе нмѣетъ иѣсколько степеней:

а) Карцерное положеніе, когда заключенный лишается кнนгъ, прогу-
локъ, выхода въ уборную, горячей пищн, но остается въ своей камерѣ.
Иногда къ зтому внду наказанія присоединяется еще надѣваніе «смнритель-
ной рубашкн».

б) Карцеръ обыкновенный съ злектрнческой лампочкой, но съ заму-
рованнымъ окномъ. Нары безъ матраца. Лншеніе кнนгъ, прогулкн, пере-
дачъ, горячей пнщн н т. д. Этотъ карцеръ часто еще уснлнвается сняті-
емъ платья, удаленіемъ наръ н выключеніемъ свѣта. Во «внутренней»
тюрьмѣ два такихъ карцера при канцелярін тюрьмы, а въ Бутырской тюрьмѣ
два такихъ карцера находятся въ одиночномъ корпусѣ на третьемъ зтажѣ въ
уголовныхъ камерахъ № 90 н 91. Оба карцера г. Анрн Барбюсъ могъ бы
вндѣть съ тюремнаго двора № 1 у «Сѣвериой Башнн» н съ тюремнаго двора
№ 13. Здѣсь же на третьемъ зтажѣ находится особый карцеръ въ камерѣ
№ 94 спеціально для провннившнхся жандармовъ. Это обыкновенная камера,
ннчѣмъ отъ другихъ не отлнчающаяся. Извѣстна зта камера только тѣмъ,
что изъ нея въ началѣ 1923 г. удалось бѣжать двумъ заключеннымъ, про-
ломавшнмъ потолокъ н выбравшнмся на чердакъ тюрьмы, потомъ на кры-
шу и спустившнмся по водосточной трубѣ.

Все наказаніе для провинившихся жандармовъ (заснулъ на посту, читалъ книгу, заговорилъ съ заключеннымъ и т. п.) заключается въ томъ, что онъ лишеиъ свободы и получаетъ тюремную пищу изъ «уголовиаго» котла.

в) Во «внутренней» тюрьмѣ два спеціальныхъ карцера: одиаъ горячій, страшно мучительиый. Просидѣвшій въ такомъ карцерѣ 7 часовъ ииженеръ почти лишился разсудка и пошелъ иа «уступки» слѣдователю. Этотъ карцеръ расположенъ въ первомъ этажѣ надъ баней, которая иаходится въ подвалѣ.

Второй карцеръ въ одиомъ изъ подваловъ тюрьмы. Карцеръ безъ пола, безъ наръ, безъ отоплеиія, безъ освѣщенія, сырой. Одиаъ такой карцеръ есть въ Бутырской тюрьмѣ подъ канцеляріей. Этотъ карцеръ имѣетъ еще ту особенность, что въ немъ грязь по щиколотки. Въ обоихъ карцерахъ, какъ во «внутренней» тюрьмѣ, такъ и въ Бутырской, часто примѣняется еще битье резиновыми жгутами.

«Горячаго» карцера въ Бутырской тюрьмѣ иѣтъ.

5. Пытки въ настоящемъ смыслѣ слова. Объ этомъ я уже упоминалъ, указавъ, что этотъ методъ воздѣйствія примѣияется рѣдко и въ особыхъ случаяхъ. Послѣ пытокъ при всякихъ условіяхъ слѣдуетъ разстрѣлъ.

Всѣ эти злодѣйства нисколько не мѣшаютъ кремлевско-лубяискимъ негодяямъ на весь міръ утверждать, что въ совѣтскихъ тюрьмахъ нѣтъ ни карцеровъ, ни другихъ какихъ-либо репрессій и что «воспитаніе» заключенныхъ ведется только путемъ «культуриой» работы и т. д. и т. д.

Прекрасный образецъ обычной большевистской лжи, которая часто не только достигаетъ, ио и превышаетъ Геркулесовы столбы, какъ своей невѣроятной иаглостью, такъ и своимъ непревзойдеинымъ цииизмомъ.

Сидя въ Бутырской тюрьмѣ, я какъ то прочелъ въ «Извѣстіяхъ» бесѣду начальника «Главнаго Управлеиія мѣстами заключеиія СССР» г. Ширвандта съ одною изъ иностраиныхъ рабочихъ делегацій послѣ «демонстрироваиія» послѣдней нѣкоторыхъ Московскихъ тюремъ.

Этотъ субъектъ отъ совѣтской «юстиціи» поясиялъ делегаціи, что въ «пролетарской» страиѣ совѣтовъ тюрьмы являются ие только мѣстомъ перевоспитанія «свихиувшихся» элементовъ, но и мѣстомъ для отдыха для многихъ изъ заключеииыхъ. Разумѣется, Ширваидтъ много говорилъ о томъ, чѣмъ совѣтскія тюрьмы отличаются отъ безправиыхъ, гиусиыхъ застѣиковъ царизма и т. д. и т. п. Въ заключеніе было разрѣшено делегаціи даже опросить заключенныхъ, причемъ какая-то уголовиая, рецидивистка заявила, что въ большевистскихъ тюрьмахъ такъ хорошо, что она молъ и не помышляетъ уходить изъ тюрьмы и что по отбытіи срока своего наказанія она постарается непремѣнио снова попасть въ тюрьму.

Между прочимъ Ширваидтъ даже сослался кажется на 24 статью Уголовнаго Кодекса, гдѣ сказано буквально слѣдующее (цитирую по памяти):

«Карательная политика совѣтскаго правительства основаиа на гуманныхъ принципахъ и преслѣдуетъ не возмездіе за совершенное преступленіе, а исключительно воспитательныя цѣли и одновременно желаніе временио изолировать соціально опасные элементы. Въ сихъ цѣляхъ строжайше возбраняется дѣлать все то, что могло бы причиннть заключенному иенужныя моральныя нлн физическія страдаиія и т. д.».

Такая статья дѣйствительно имѣется въ Уголовномъ Кодексѣ, но ея единственное назначеніе — это демонстрированіе разнымъ иностраннымъ делегаціямъ, г. г. Анри Барбюсамъ большевистской «гуманности».

Въ заключеніе описанія моего пребыванія во «внутренней» тюрьмѣ, я скажу еще нѣсколько словъ о послѣдней, какъ чекистской «академіи», гдѣ подготовляются новые кадры «пролетарскихъ» жандармовъ для провинціальныхъ тюремъ.

Я долгое время не могъ понять одного обстоятельства: вмѣстѣ съ кадровымъ жандармомъ, одѣтымъ въ форму Г. П. У., постоянно можно было наблюдать какихъ-то лицъ въ статскомъ платьѣ, служившихъ помощниками кадровой чекистской жандармеріи. Эти статскіе черезъ каждые 6 недѣль замѣняются новыми лицами. Поведеніе ихъ чрезвычайно интересно, въ особенности въ первые дни ихъ появленія. Обычно они очень робки, ни на какіе вопросы не отвѣчаютъ, страшно подозрительны, боятся малѣйшаго движенія заключеннаго и т. д., и т. д.

Проходитъ нѣкоторое время, скажемъ 2—3 недѣли, и эти статскіе начинаютъ уже смѣлѣть, наглѣть, подаютъ голосъ, начинаютъ увѣреннымъ тономъ отдавать распоряженія, приказанія и т. д.

Послѣ я выяснилъ, что такимъ путемъ Г. П. У. подготовляетъ «рабоче-крестьянскихъ » заплечныхъ дѣлъ мастеровъ для провинціальныхъ тюремъ.

Прекрасный «методъ» и прекрасная «школа» для подготовки новыхъ кадровъ «соціалистическихъ» охранниковъ!

Такого охранника, прошедшаго наглядное обученіе своему ремеслу въ Г. П. У., вы сразу отличите отъ охранника, не прошедшаго чекистской выучки на Лубянкѣ № 2.

Если первому свойственна наглость, чекистская «корректность», самоувѣренность, сознаніе своей силы, своего «достоинства», то второму часто свойственна простоватость, порою даже сердечность, неувѣренность, грубоватость въ обращеніи, но грубоватость не оскорбительная.

Если первый довольно удачно за Вами шпіонитъ, стремится Васъ спровоцировать, ведетъ себя, какъ іезуитъ, то у второго это часто получается аляповато до смѣшного и Вы сразу читаете его мысли, видите его желаніе.

Г. П. У. стремится пропустить черезъ свои спеціальныя тюрьмы возможно большее количество тренированныхъ уже жандармовъ, замѣняя ими плохо подготовленные кадры въ провинціи.

Кстати добавлю, что такой охранникъ (т. е. самый низшій чинъ) получаетъ 65 рублей въ мѣсяцъ плюсъ обмундированіе, плюсъ освобожденіе отъ всѣхъ налоговъ, плюсъ разнаго рода льготы, а всего вмѣстѣ около 90 рублей золотомъ въ мѣсяцъ. Дежуритъ такой охранникъ 12 часовъ въ сутки и имѣетъ 24 часа отдыха послѣ каждаго дежурства. Средній же заработокъ учителя равенъ 25 рублямъ, чернорабочаго 30 рублямъ, агронома 60 рублямъ и притомъ никакихъ льготъ и тяжелая ежедневная работа. Если царская охранка ставила свою жандармерію въ привиллегированное положеніе, то кремлевско-лубянская жандармерія въ этой области побила всѣ рекорды.

Да иначе Г. П. У. и не можетъ поступать, такъ какъ ему нужны преданные псы для охраны и защиты кровавой диктатуры кремлевско-лубянскихъ правителей.

Около 4 ч. дня 21 іюня 1924 г. Стою у окна и въ маленькую щель между кожухомъ и окномъ наблюдаю, какъ рѣзвятся свободные отъ дежурства жандармы на дворѣ около кухни: «кавалеръ» держитъ за хвостъ громадную дохлую крысу и пугаетъ ею свою «даму» изъ кухонной прислуги. Картину наблюдаютъ еще нѣсколько чекистовъ. Видимо чекистской челяди очень весело. Мысли уносятся далеко...

Входитъ въ камеру чекистъ и заявляетъ: «слѣдуйте за мной безъ вещей.»

Рѣшилъ, что снова переводъ въ другую камеру. Было досадно, такъ какъ вышеупомянутая щель давала мнѣ возможность видѣть раздачу пищи для заключенныхъ, за которой съ баками приходятъ частью сами чекисты, а частью заключенные съ конвоирами изъ общихъ камеръ М. Г. О. (Московское Губернское Г. П. У., что на Б. Лубянкѣ 14). Видна въ эту щель и другая картина: около 12 часовъ дня, когда солнечные лучи падаютъ въ окна одной изъ служебныхъ комнатъ канцеляріи Г. П. У. во 2-омъ этажѣ надъ кухней, можно видѣть, какъ ежедневно приносятъ громадныя связки съ письмами! За двумя большими столами сидитъ 8 стриженыхъ дѣвицъ и молодой человѣкъ. На столѣ стоятъ какіе-то никкелевые приборы, ванночки и т. д. Идетъ какая-то возня съ письмами. Подробности не видны, но ясно одно, что это кусочекъ «работы» Г. П. У. по перлюстраціи писемъ, что дѣлается въ СССР въ колоссальныхъ размѣрахъ.

Съ досадой слѣдую за жандармомъ. На этотъ разъ приводитъ въ канцелярію, гдѣ находятся еще 3 заключенныхъ: священникъ, получившій ссылку въ Соловки на 3 года, и 2 рабочихъ, получившихъ ссылку на Уралъ за «шпіонажъ». Подробностей не узналъ, такъ какъ жандармъ запретилъ разговаривать. Черезъ нѣкоторое время вносятъ мои вещи.

Стало быть уводятъ, но куда: обмѣнъ и слѣдовательно на волю? Въ Бутырки? Ссылаютъ? Какъ бы тамъ ни было, но хорошо уже то, что разстаюсь съ «внутренней» тюрьмой. На душѣ весело. Досадно только то, что не успѣлъ проститься со своими «корреспондентами». Приводятъ еще нѣсколько человѣкъ, а въ томъ числѣ полную, но страшно блѣдную даму. Оказывается с.-д. (меньшевичка). Просидѣла 11 мѣсяцевъ въ одиночкѣ и теперь получила приговоръ — ссылка на 3 года въ Киркрай.

«Дѣло» ея бытовое: на квартирѣ нашли два номера «Соціалистическаго Вѣстника».

Страшно убита горемъ, что не разрѣшили свиданія съ дѣтьми. Собираемся. Выводятъ во дворъ. Сажаютъ въ «Черный Воронъ», но рядомъ со мною сажаютъ жандарма, который не разрѣшаетъ разговаривать съ сосѣдями. Впрочемъ нужные вопросы уже были предложены и отвѣты на нихъ получены.

Черезъ 15 минутъ уже въ Бутырской тюрьмѣ. Меня сейчасъ же изолировали. Обыскъ. Черезъ 15-20 минутъ я уже снова въ одиночкѣ и какъ узналъ потомъ въ коридорѣ «смертниковъ». Камера моя (№ 12) у самого выхода изъ одиночнаго корпуса. Имѣлъ я уже громадный опытъ, сразу изучилъ «топографію» мѣстности: камера на бойкомъ мѣстѣ и можетъ быть организовано наблюденіе за жизнью тюрьмы, т. е. за прибывающими и выбывающими изъ одиночнаго корпуса.

Черезъ нѣсколько часовъ я уже все зналъ о своемъ сосѣдѣ, а потомъ организовалъ съ нимъ переписку. Сосѣдство даже «почетное»: король сибирскихъ бандитовъ Мишка Культяный. «Стажъ» выдающійся: свыше 20

личныхъ «мокрыхъ» дѣлъ, 2 побѣга изъ тюрьмы и т. д. «Подружились» ближе. Судьба Мишки Культяпаго очень любопытна: приговоръ ему былъ уже врученъ Коллегіей Г. П. У., — разстрѣлъ. Однако Г. П. У. предложило ему «комбинацію»: 1) Мишка выѣдетъ въ Сибирь агентомъ Г. П. У. и поможетъ переловить своихъ «боевыхъ» товарищей по бандитскимъ дѣламъ и 2) По окончаніи «заданія» въ Сибири будетъ состоять при Московскомъ Губернскомъ «Судѣ» палачомъ. Мишка Культяпый, конечно, предложеніе Г. П. У. принялъ охотно.

Пользуясь случаемъ, поясню читателю, какъ обстоитъ дѣло съ «пролетарскими» большевистскими палачами. До 1923 г. почти всѣ безъ исключенія большевистскіе палачи были людьми партійными изъ состава комъячеекъ при Г. П. У. и его органахъ, при «судахъ». Спеціальныхъ штатныхъ палачей до 1923 г. вообще не было. Палачами были «любители» — коммунисты. Нѣкоторые изъ нихъ были весьма извѣстны какъ страстные поклонники этого рода «спорта» и потому имъ отдавалось обыкновенно предпочтеніе передъ другими «добровольцами». Такъ было, такъ осталось и сейчасъ еще въ О. Г. П. У. Въ началѣ 1924 г. Троцкій, Луначарскій, Крыленко и Радекъ внесли въ Ц. К. партіи предложеніе, чтобы партійныхъ палачей замѣнить уголовниками, такъ какъ-де время «горячее» уже прошло и теперь молъ не совсѣмъ удобно, что партійные товарищи состоятъ палачами.

Предложеніе этихъ «гуманистовъ» было принято, но съ оговоркой: при всѣхъ органахъ Г. П. У. оставить положеніе безъ измѣненія, такъ какъ Г. П. У. совершаетъ безпрерывно внѣсудебныя и очень часто секретныя казни, а въ «судебныхъ» органахъ партійныхъ палачей по возможности замѣсить уголовниками.

Перебравшись въ Бутырки, я естественно сталъ разыскивать жену и сестру. Кое-какія свѣдѣнія о нихъ получилъ, но регулярныхъ сношеній организовать никакъ не удавалось, такъ какъ не могъ никакъ передать записки съ указаніемъ способа сношеній. Объявилъ голодовку, требуя свиданія съ женой и сестрой, права полученія газеты. На 9-ый день мнѣ было объявлено, что требованія мои будутъ удовлетворены, и я голодовку снялъ. Газета была разрѣшена, но свиданія не дали и на этотъ разъ.

Объявляю вторичную голодовку, но черезъ 13 дней долженъ былъ ее прекратить, такъ какъ былъ совсѣмъ слабъ и въ особенности сильно пострадало сердце послѣ предыдущихъ голодовокъ во «внутренней» тюрьмѣ и въ Бутырской. Продолжаю секретныя связи съ заключенными и стремлюсь найти подходящаго и надежнаго человѣка, черезъ котораго удалось бы кое-что сообщить о себѣ на волю, но все идетъ очень плохо, такъ какъ либо «смертники», либо неподходящая публика вообще. Связался съ однимъ священникомъ, сидѣвшимъ за проповѣдь, въ которой былъ усмотрѣнъ антисовѣтскій уклонъ, — 3 года ссылки. Связываюсь съ однимъ ксендзомъ, имѣвшимъ приговоръ 10 лѣтъ тюрьмы и надѣявшимся на обмѣнъ, но ксендзъ заявилъ, что писемъ съ собой не возьметъ, такъ какъ боится, а устное мое порученіе выполнитъ. Черезъ нѣкоторое время прошу повторить имена и адреса, указанные мною, но оказывается—очень не везло́,—ни разу не нашелъ ни одного представителя изъ духовныхъ лицъ, которое проявило бы мужество, смѣлость, готовность помочь. Впрочемъ, боюсь осуждать рус-

ское духовенство послѣ всего того, что ему пришлось и приходится переживать въ С. С. С. Р.

Въ это скучное и нудное время произошло совершенно неожиданное событіе. Какъ то выйдя на прогулку во дворикъ № 13, на который выходятъ окна библіотеки, вижу картину: 3 дамы моютъ окна библіотеки, а среди этихъ дамъ и моя жена. Разумѣется мы сразу другъ друга узнали, хотя я былъ въ лаптяхъ, сильно обросшій волосами, оборванъ. Жена выглядѣла тоже какъ живой мертвецъ. Конечно о разговорахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ жандармы немедленно увели бы меня и сняли бы съ работы жену. Попробовалъ, гуляя, на пальцахъ изображать тюремную «азбуку», — ничего не вышло, такъ какъ жена очень волновалась. Прогулка близится къ концу. Жандармъ: «Прогулка кончена!» Быстро подхожу къ окну и громко задаю нѣсколько вопросовъ женѣ. Прежде чѣмъ жандармы поняли, въ чемъ дѣло, и успѣли меня «изъять» со двора, мы успѣли обмѣняться нѣсколькими фразами и пожать другъ другу руку.

На работу жена попала по общему наряду, сидя въ одной камерѣ съ проститутками, воровками и т. д.

Послѣдствія этого «свиданія» были такія: завѣдующій библіотекой Шмидтъ попалъ на три дня въ 94-ую камеру за неосторожное допущеніе мытья оконъ во время прогулки «одиночника», а жену не стали больше назначать на работы въ районъ, близко расположенный къ мужскому одиночному корпусу. Для меня же все дѣло кончилось вызовомъ къ дежурному коменданту, гдѣ произошелъ краткій разговоръ:

Коменд.: — Какъ Вы смѣли вступать въ разговоры съ заключенной?

Брун.: — Это, сударь, не заключенная, а моя жена, находящаяся у Васъ въ плѣну.

Коменд.: — Мнѣ на это наплевать. Я лишу Васъ прогулки срокомъ на 1 мѣсяцъ.

Брун.: — Въ видѣ протеста противъ варварскаго насилія я объявлю обструкцію.

На этомъ разговоръ нашъ кончился, но прогулокъ я не былъ лишенъ.

Нѣсколько дней спустя тюрьму навѣстилъ одинъ изъ помощниковъ генералъ-прокурора С. С. С. Р. «товарищъ» Бѣлявскій въ сопровожденіи представителя Г. П. У. Этотъ представитель совѣтской «юстиціи» зашелъ въ нѣкоторыя камеры, и въ томъ числѣ и въ мою. Разговоръ у насъ произошелъ такого содержанія:

Бѣл.: — Здравствуйте. Я представитель прокуратуры С. С. С. Р. Есть-ли у Васъ какія-либо заявленія, жалобы на администрацію тюрьмы и т. д.

Брун.: — Да, я имѣю много жалобъ, но я не отношусь къ разряду тѣхъ простаковъ, которые придавали бы какое либо значеніе Вашему посѣщенію. Я прекрасно знаю, что не Г. П. У. Вамъ подчинено, а Вы ему и поэтому, если бы Вы лично, паче чаянія, и захотѣли заглянуть за кулисы Г. П. У., то изъ этого ровно ничего не можетъ получиться и Вы не хуже меня знаете, почему это именно такъ, а не иначе.

Бѣл.: — Я представитель прокуратуры С. С. С. Р. и въ качествѣ такового заявляю Вамъ, что Ваши предположенія являются совершенно необоснованными.

Брун.: — Это, сударь, Ваше заявленіе является необоснованнымъ, а я уже на своей шкурѣ испыталъ, что такое и совѣтская «юстиція» и про-

куратура С. С. С. Р., какъ одинъ изъ служебныхъ органовъ этой «юстиціи». Я не хуже, а быть можетъ лучше Васъ знаю Вашего патрона Курскаго и его перваго замѣстителя Крыленко, которые прекрасно освѣдомлены о моемъ «дѣлѣ» и тѣмъ не менѣе и г. Курскій, и г. Крыленко молчатъ, молчали и будутъ молчать, поскольку дѣло касается неслыханныхъ насилій Г. П. У. вообще и надо мною въ частности. До свиданія, г. прокуроръ.

Бѣл.: — Какъ Вамъ угодно.

Слѣдующая камера была анархиста Бѣлкина, который уже отбылъ свой срокъ въ 3 года, возвратился въ Москву, пробылъ на волѣ 2½ недѣли, снова былъ арестованъ и снова получилъ 3 года.

Бѣлкинъ попросту уже выгналъ вонъ изъ камеры этого «прокурора».

Объ этихъ посѣщеніяхъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Прежде всего эти посѣщенія бываютъ крайне рѣдки,—не болѣе одного-двухъ разъ въ году. Примѣрно столько же разъ въ году обходитъ Московскія тюрьмы и прокуроръ Г. П. У. Катаньянъ. Разумѣется, всѣ эти посѣщенія никакой роли не играютъ и дѣлаются только для отвода глазъ дуракамъ. Меня очень интересовало, какъ было при царизмѣ съ этими посѣщеніями, и я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что, напримѣръ, Бутырскую тюрьму разъ въ мѣсяцъ посѣщалъ градоначальникъ, свитскій генералъ Джуиковскій, который самымъ внимательнымъ образомъ вникалъ въ нужды заключенныхъ. Былъ даже такой случай: нѣсколько уголовныхъ каторжниковъ напали въ мастерскихъ на тюремныхъ надзирателей, обезоружили ихъ и убили, а сами забаррикадировались въ камерѣ. Преступники заявили, что никому оружія не сдадутъ и только, если пріѣдетъ генералъ Джуиковскій и заявитъ, что ихъ не будутъ бить, то сдадутъ ему оружіе. Генералъ Джуиковскій немедленно прибылъ и лично обезоружилъ каторжниковъ, которые черезъ нѣсколько дней были судимы военнымъ судомъ и повѣшены. Общеизвѣстно, что царскій «палачъ» Джуиковскій особенно благоволилъ къ политическимъ заключеннымъ, за что и былъ пощаженъ революціей. Подобныя вещи возможны были при царизмѣ, но они абсолютно исключены при кремлевско - лубянскихъ жандармахъ, которые особенно подло и безсердечно расправляются съ соціалистами.

При царизмѣ Бутырскую тюрьму часто навѣщали представители прокуратуры, тюремной инспекціи и ихъ посѣщеніе всегда имѣло цѣлью выяснить насилія, злоупотребленія тюремной администраціи, слѣдственныхъ органовъ. Ничего подобнаго нѣтъ теперь и за 10 лѣтъ самодержавнаго правленія кремлевско-лубянской клики никто не укажетъ случая, когда бы тотъ или иной чекистъ былъ отданъ подъ судъ за насилія надъ заключенными.

Подобныя вещи возможны только при наличіи того террора, который проводится въ Россіи кремлевско-лубянской сволочью уже 10 лѣтъ.

Коснусь попутно голодовокъ, которыя въ Бутырской, и во всѣхъ большевистскихъ застѣнкахъ носятъ массовый характеръ. Ежедневно въ Бутырской тюрьмѣ голодаетъ не менѣе 30 человѣкъ, а иногда эта цифра доходитъ до 50—60 человѣкъ. Всѣ голодающіе изъ всѣхъ камеръ и всѣхъ корпусовъ переводятся въ мужской одиночный корпусъ (женщины — въ женскій одиночный корпусъ или такъ называемый Ж. О. К.), гдѣ размѣщаются на карцерномъ положеніи до 5—6—7 человѣкъ въ одной камерѣ на площади въ 27 кв. аршинъ. Въ случаѣ если мѣстъ въ одиноч-

ныхъ корпусахъ не хватаетъ, часть голодающихъ переводится въ «Пугачевскую башню».

Мотивы голодовки: 1) Требованіе о скорѣйшемъ предъявленіи обвиненія и окончаніи слѣдствія. Это самое обычное требованіе.

Дѣло въ томъ, что по «закону» обвиненіе должно быть предъявлено не позднѣе 14 дней со дня ареста, а слѣдствіе закончено не позднѣе 2½ мѣсяцевъ и только въ случаяхъ исключительныхъ и то якобы по особому, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ходатайству Г. П. У. передъ Ц. И. К. С. С. С. Р. возможно продлить слѣдствіе еще на 2 мѣсяца и при повторномъ ходатайствѣ еще на 2 мѣсяцв.

Въ большинствѣ случаевъ обвиненіе и предъявляется въ указанный срокъ, — плевое дѣло для Г. П. У. предъявить обвиненіе! По этому случаю среди заключенныхъ популярна поговорка: «Былъ бы человѣкъ, а статья всегда найдется!»

Что касается «ходатайствъ» Г. П. У. передъ Ц. И. К. — С. С. С. Р. о продленіи слѣдствія, то и это дѣлается очень просто: Г. П. У. посылаетъ въ Ц. И. К. «ходатайство», а одинъ изъ младшихъ секретарей президіума Ц. И. К. автоматически ставитъ штемпъ: «продлить». Такимъ образомъ люди сидятъ подъ слѣдствіемъ 6-8-12-14-18 мѣсяцевъ, что и вызываетъ столь частыя голодовки.

2) Требованіе о свиданіяхъ, передачахъ, книгахъ, прогулкѣ.

Такихъ требованій, какъ освобожденіе зв отсутствіемъ уликъ, никто не предъявляетъ, ибо всякій знаетъ, что подобное требованіе въ С. С. С. Р. является безсмысленнымъ.

Что касается продолжительности голодовокъ, то обычно онѣ длятся недолго и около 75% изъ нихъ кончаются на третьи, четвертыя сутки, такъ какъ большинство заключенныхъ знаетъ, что въ совѣтскихъ тюрьмахъ голодовками ничего добиться нельзя. Это не царская тюрьма и не заграничныя буржуазныя тюрьмы, гдѣ обычно голодовка заключеннаго довольно крупное событіе въ тюрьмѣ. Читатель, надѣюсь, самъ прекрасно понимаетъ, что я не могу быть защитникомъ ни тюремнаго режима въ бывшей царской Россіи, ни тюремъ буржуазныхъ странъ. Если я объ этихъ тюрьмахъ иногда вспоминаю, то только ради того, чтобы указать, что тюремный режимъ въ большевистскихъ «соціалистическихъ» застѣнкахъ въ тысячу разъ гнуснѣе и подлѣе всѣхъ прочихъ тюремъ на землѣ.

Прочіе голодающіе въ размѣрѣ примѣрно 25% общаго количества голодающихъ идутъ на мучительныя продолжительныя голодовки въ 10-15-20-25 дней, в однажды я лично видѣлъ одного студента изъ Кіева, который голодалъ 28 дней и всетаки ничего не добился, кромѣ того, что погубилъ свое здоровье.

На 5-6-7 дней голодовки голодающихъ навѣщаетъ врачъ черезъ 2-3 дня. На 15-17-20 день, въ зависимости отъ состоянія здоровья голодающаго, фельдшера производятъ искусственное питаніе, да и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда комендантъ тюрьмы приказываетъ. Чаще же всего на голодающаго заключеннаго не обращается никакого вниманія.

Нѣкоторые заключенные прибѣгаютъ къ такъ называемымъ «сухимъ» голодовкамъ, когда не принимается даже вода. Иные же, въ порывѣ отчаянія идутъ даже на «итальянскую» голодовку: въ одномъ бѣльѣ ложатся на мокрый каменный полъ. Это страшно мучительный, опасный рокоаымн по-

слѣдствіями для здоровья видъ голодовки, однако даже и этотъ видъ голодовки не трогаетъ сердца кремлевско-лубянскихъ убійцъ.

Заключенная Тамара Величко провела «итальянскую» голодовку въ теченіе 3-хъ дней и была полумертвая снесена въ тюремный околотокъ, но не добилась свиданія со своимъ гражданскимъ мужемъ анархистомъ Вырубовымъ. Вырубовъ былъ разстрѣлянъ, а его жена — Величко — въ послѣдней стадіи туберкулеза, какъ я уже въ свое время упоминалъ, сослана.

О пищевомъ режимѣ во «внутренней» тюрьмѣ я уже говорилъ. Теперь скажу нѣсколько словъ о пищевомъ режимѣ въ «Бутырской Военно-слѣдственной тюрьмѣ».

Разумѣется, зачисленіе на пайки, какъ я уже говорилъ, зависитъ только отъ слѣдователя.

1. *Общій «уголовный» паекъ.*

Утромъ: 1 фунтъ хлѣба по «расписанію», а фактически $^3/_4$ фунта, такъ какъ рабочіе уголовники разворовываютъ хлѣбъ, ибо при тяжелой работѣ имъ выдается только 1½ фунта, чего недостаточно, разумѣется.

Кромѣ хлѣба утромъ дается кипятокъ и больше ничего. Сахаръ выдается такъ: $^3/_4$ стакана на 15 дней. Чаю (жженыя яблоки) или «кофе» (желудоваго, непросѣяннаго даже!) одна столовая ложка тоже на 15 дней.

Обѣдъ: Одна миска невѣроятно вонючаго супа изъ отбросовъ и сушенаго картофеля. «Супъ» варится изъ несвѣжихъ, почти непромытыхъ, коровьихъ кишекъ, печени, легкихъ, головы.

Надо видѣть этотъ проклятый «супъ», чтобы можно было повѣрить, что подобная мерзость можетъ быть предложена человѣку въ пищу мѣсяцами, годами!

Я неоднократно вызывалъ врача, коменданта и показывалъ имъ этотъ «супъ», но никогда никакихъ результатовъ не добился. Писалъ даже нѣсколько разъ заявленія на имя прокурора Г. П. У. Катаньяна, убѣждалъ его по человѣчески прекратить злодѣйскую пытку этимъ «супомъ», но никакихъ результатовъ.

Одинъ видъ и «вонь» этого супа могутъ съ ума свести, а между тѣмъ много, много заключенныхъ, не получающихъ никакихъ передачъ и денегъ, должны мѣсяцами, годами жить на этой «пищѣ»!

Лично я все время пробылъ на этомъ «пайкѣ», но все же мало пострадалъ отъ него, такъ какъ фактически очень мало имъ пользовался, получая кой-какую помощь отъ Политическаго Краснаго Креста Е. П. Пѣшковой, а больше всего благодаря обширной связи съ заключенными, организовалъ помощь не только себѣ, но и другимъ. Зато жена одинъ періодъ пробыла только на этомъ пайкѣ 6 мѣсяцевъ и въ острой формѣ заболѣла цынгой, съ послѣдствіями которой борется еще и понынѣ.

Кромѣ этого «супа» въ обѣдъ больше ничего не подается, если не считать кружки кипятку.

Ужинъ: черная гречневая или бѣлая пшенная каша на постномъ маслѣ, да и то только формально, а фактически масло не кладется почти совсѣмъ. Крупа, какъ правило, тухлая, плохо очищенная. И это 365 разъ въ годъ.

Все же кашу кушать еще можно и ее выдается достаточно, но 365 разъ въ году каша — убійственно тяжелая вещь.

Многіе заключенные вынуждены вечернюю кашу оставлять еще и на обѣдъ, чтобы чѣмъ нибудь себя поддержать.

Кромѣ каши на ужинъ выдается тоже кружка кипятку.

На этомъ невѣроятно гнусномъ «пайкѣ» живетъ не менѣе 99% заключенныхъ, а ихъ въ одной Бутырской тюрьмѣ во время «затишья» въ Г. П. У. никогда не бываетъ меньше, чѣмъ 1500 человѣкъ, а въ «ударные» или «сезонные» дни (кампанія по борьбѣ со спекуляціей, кампанія по борьбѣ со взятками и растратами, кампанія по борьбѣ съ оппозиціей, кампанія по борьбѣ съ хулиганствомъ или бандитизмомъ и т. д., и т. д., и т. д.), эта цифра доходитъ до 3600 человѣкъ, въ то время какъ нормально тюрьма была расчитана при царизмѣ на 1200 человѣкъ.

2. *«Политическій паекъ»*. Изъ 2000-3000 человѣкъ въ тюрьмѣ его обычно получаетъ 10-20 человѣкъ. Разумѣется, что политическихъ заключенныхъ въ тюрьмѣ не 2000-3000, такъ какъ подавляющая масса состоитъ изъ «контръ-революціи» всѣхъ видовъ и мастей, а равно изъ уголовниковъ, однако по провѣреннымъ мною даннымъ могу сказать, что изъ политическихъ заключенныхъ «политическій» паекъ получаетъ не болѣе 15-20%, а остальные 80-85% живутъ на уголовномъ пайкѣ.

Составъ «политическаго» пайка:

Утромъ: 1½ фунта хлѣба плюсъ кипятокъ.

Сахару 1½ фунта въ мѣсяцъ.

Чаю самаго низкаго качества $^1/_{10}$ въ мѣсяцъ.

Обѣдъ: супъ плюсъ кусочекъ мяса, вѣсомъ не болѣе $^1/_8$—$^1/_{10}$ фунта.

Каша на коровьемъ маслѣ.

Кипятокъ.

Ужинъ: каша на коровьемъ маслѣ. Разумѣется, присутствіе этого масла легче установить химическимъ путемъ, чѣмъ вкусовымъ.

Кромѣ вышеперечисленнаго, политическимъ заключеннымъ выдается на 2 дня 25 штукъ папиросъ третьяго сорта и на 3 дня одна коробка спичекъ.

3. *«Особый паекъ»*. Назначается онъ крайне рѣдко и всегда по особымъ соображеніямъ Г. П. У. Объ этого рода пайкахъ я уже писалъ, когда говорилъ о своемъ пребываніи во «внутренней» тюрьмѣ.

Составъ пайка:

Утромъ: 1½ фунта хлѣба плюсъ кипятокъ.

Сахаръ, чай, какъ въ политическомъ пайкѣ.

Обѣдъ: супъ плюсъ кусочекъ мяса. Супъ хорошій, но мяса не болѣе $^1/_8$ фунта. На второе крохотный кусочекъ мяса и 1½-2 картофелины къ нему въ видѣ гарнира или вмѣсто мясного блюда кусочекъ мясного пирога или маленькая жареная котлета.

Ужинъ: нѣсколько ложекъ (не болѣе 2-3) винигрета или маленькая тарелочка киселя или ½ селедки съ 1½-2 картофелинами. Кипятокъ.

Этотъ же паекъ выдается и больнымъ въ околоткѣ. Больше никакихъ пайковъ въ Бутырской тюрьмѣ нѣтъ.

Упомяну заодно и о помощи Политическаго Краснаго Креста Е. П. Пѣшковой.

Прежде всего не всѣмъ политическимъ заключеннымъ разрѣшается полученіе этого пайка, но все же этотъ вопросъ чаще всего разрѣшается въ положительномъ смыслѣ, если только всегда милая, энергичная и добрая Екатерина Павловна Пѣшкова, или ея помощникъ Михаилъ Львовичъ Винаверъ, такъ или иначе узнаютъ о заключенномъ. Зная о чекистской манерѣ переводить политическихъ заключенныхъ въ разрядъ «уголовныхъ», ни Е. П.

Пѣшкова, ни М. Л. Винаверъ не отказываютъ въ помощи такимъ «уголовн-
камъ», если только тѣмъ или инымъ способомъ о нихъ узнаютъ.

Къ сожалѣнію, Политическій Красный Крестъ, за крайнимъ недоста-
комъ средствъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе громаднаго количества заклю-
ченныхъ, съ другой стороны, свою помощь очень ограничиваетъ.

Обычно въ недѣлю выдается 130 граммъ коровьяго масла и больше ни-
чего.

Есть «усиленные» пайки. 3 фунта бѣлаго хлѣба въ недѣлю, ¼ фунт
масла, плюсъ ¼ фунта сыра, плюсъ ½ фунта колбасы.

Иногда, въ предѣлахъ возможнаго, политическимъ выдается кое-что
изъ бѣлья и платья, но это уже въ особо тяжелыхъ случаяхъ.

Я не задаюсь сейчасъ цѣлью описать невыразимо тяжелое положеніе по-
литическихъ заключенныхъ въ совѣтской «рабоче-крестьянской» республикѣ

Я вообще даю только краткій обзоръ, вѣрнѣе даже, перечень нѣко-
торыхъ фактовъ, по преимуществу мною лично пережитыхъ, видѣнныхъ
или слышанныхъ. Не вдаваясь теперь пока въ подробности, я только скажу
что вѣроятно нигдѣ и никогда положеніе политическихъ не было столь ужас-
нымъ, столь бѣдственнымъ, столь безправнымъ, какъ подъ владычествомъ
кремлевско-лубянскихъ жандармовъ, палачей и въ одно и тоже время «соці-
листовъ».

Я не говорю уже о томъ, что обычно политическіе заключенные остав-
ляются на повторные сроки, не смѣютъ въ мѣстахъ ссылки получать работу
или службу и т. д. и т. д. и т. д., что къ моральнымъ страданіямъ прибавля-
ютъ еще цѣлый рядъ физическихъ страданій.

Я не буду говорить сейчасъ и о томъ, что даже А. И. Герценъ при ца-
ризмѣ въ свое время былъ допущенъ въ ссылкѣ къ занятію должности чле-
на Губернскаго Присутствія при Вятскомъ Губернаторѣ.

Сейчасъ я только отъ имени политическихъ заключенныхъ въ совѣт-
скихъ застѣнкахъ хочу обратиться ко всѣмъ честимымъ людямъ независимо
отъ ихъ партійности: Помогите и помогите, какъ можно ско-
рѣе, политическимъ заключеннымъ въ большевист-
скихъ застѣнкахъ! Не стѣсняйтесь размѣрами своей
помощи. Устраивайте сборы. Шлите старыя почтовы
марки. Ни на одну минуту не забывайте о тѣхъ, кто то-
мится въ нищетѣ въ совѣтскихъ тюрьмахъ, лагеряхъ
изоляторахъ, ссылкѣ. Съ міру по копѣйкѣ, по ниткѣ, и
голоднымъ и раздѣтымъ политическимъ заключен-
нымъ въ СССР будетъ кусокъ хлѣба и рубашка!

Денежныя средства можно направлять по слѣдующимъ адресамъ:

а) Berlin SW 68, Zimmerstr. 7-8. „Der Socialistische Bote" (органъ
Росс. соц.-дем. партіи).

б) Paris (20-e) 14 rue du Repos „Dielo Truda" (органъ русскихъ анар-
хистовъ).

в) Paris (VI), 9 rue Vineuse „La Lutte pour la Russie" (демократическій
органъ).

г) Berlin SW 48, Friedrichstr. 14 „Rul" (демократическій органъ).

д) На имя авторв: Latvia, Riga, P. o. Box 657 v. Brunovsky

Для того, чтобы помочь политическимъ заключеннымъ, вовсе не нужно
быть непремѣнно соціалистомъ. Для этого достаточно быть вообще чело-

вѣкомъ гуманнымъ и понимать, что въ условіяхъ кошмарной совѣтской дѣйствительности политическіе заключенные являются прежде всего борцами за общее дѣло, за дѣло освобожденія Россіи, за дѣло спасенія всего міра отъ міровой «соціальной революціи» по кровавымъ и подлымъ большевистскимъ методамъ!

Я продолжу свое краткое сообщеніе о тюремномъ режимѣ Бутырской тюрьмы, напоминая, что это еще далеко не худшій образецъ. Я ничего, напримѣръ, не говорю о знаменитыхъ «Островахъ Смерти», именуемыхъ «Соловецкими Лагерями Особаго Назначенія», о которыхъ достаточно уже сообщалось въ печати.

До своего перевода въ Бутырскую тюрьму я во «внутренней» тюрьмѣ никакихъ прогулокъ не имѣлъ. Признаюсь читателю, что сидѣть недѣли, мѣсяцы, годы въ клѣткѣ, въ которой 7-9 шаговъ отъ одного угла до другого, безъ движенія, безъ прогулки, страшно утомительно и тяжело. Я пытался не разъ требовать какой-либо работы, но Г. П. У. ни разу даже не отвѣтило на мое требованіе. Только съ переводомъ въ Бутырскую тюрьму я получилъ право на 30 минутъ ежедневной прогулки.

Вообще въ Бутырской тюрьмѣ установлены прогулки трехъ видовъ:

15 минутъ — это считается прогулка для уголовныхъ, контръ-революціонеровъ всѣхъ видовъ и тѣхъ политическихъ заключенныхъ, которые переведены на уголовный режимъ.

30 минутъ — исключеніе для нѣкоторыхъ «уголовныхъ», по преимуществу для иностранцевъ.

60 минутъ — для политическихъ заключенныхъ и для больныхъ въ тюремномъ околоткѣ.

Фактически же прогулки меньше, такъ какъ жандармы не контролируются. Въ результатѣ 15-ти минутное гуляніе продолжается 10-12 минутъ, 30-ти минутное — 22-25 минутъ и 60-ти минутное — 45-50 минутъ.

Я зналъ это жульничество и послѣ долгихъ хлопотъ, провѣрокъ времени разными окольными путями, сдѣлалъ себѣ часы — четки изъ хлѣба. Я установилъ, что нормальнымъ аллюромъ я въ 30 минутъ дѣлаю отъ 32 до 33 круговъ на прогулочномъ дворѣ. Бывали не разъ крупные скандалы съ жандармами, пока они не убѣдились, что я ихъ контролирую.

Закончу о тюремномъ режимѣ упоминаніемъ о тюремной лавочкѣ и о библіотекѣ.

Лавочка «работаетъ» на хозяйственномъ расчетѣ, какъ впрочемъ и въ большинствѣ совѣтскихъ тюремъ въ настоящее время въ цѣломъ. Это порождаетъ страшную эксплоатацію заключенныхъ при назначеніи на платныя работы, гдѣ напримѣръ истопникъ за 12 часовъ тяжелаго труда получаетъ 25 коп. Въ мастерскихъ средній заработокъ колеблется отъ 40 копѣекъ до 1 рубля 20 копѣекъ въ день.

Въ тюремной лавочкѣ, называемой по справедливости «грабиловкой», заключенныхъ грабятъ при дневномъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, ситный хлѣбъ стоитъ 13 копѣекъ фунтъ. Чайная колбаса 90 копѣекъ, копченая «московская» — 1 руб. 80 коп. Фунтъ соли — 25 коп. Химическій карандашъ — 70 коп. Фунтъ сельдей — 32 коп. Коробка шпротъ — 1 руб. 20 коп. и т. д. и т. д. При этомъ не надо забывать, что въ лавочкѣ еще страшно обвѣшиваютъ.

Тяжесть положенія усугубляется еще тѣмъ, что на платныя работы попасть трудно, а деньги изъ дому получаютъ не болѣе 30% заключенныхъ, причемъ изъ получающихъ деньги около 60% получаетъ не болѣе 3 рублей въ мѣсяцъ, до 20% — не болѣе 5 рублей въ мѣсяцъ, до 15% — не болѣе 10 рублей въ мѣсяцъ и только около 5% получаютъ изъ дому болѣе 10 рублей въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ «пролетарская» тюрьма ставитъ въ наиболѣе тяжелое положеніе бѣдноту, которой дорога каждая копѣйка.

Что касается прочихъ тюремныхъ удобствъ, то надо сказать, что постельнаго бѣлья и принадлежностей совершенно не полагается, за исключеніемъ грязнаго матраца, набитаго (очень слабо) соломой или стружками.

Въ рѣдкихъ случаяхъ и то со скандаломъ выдается бѣлье грубое (рубашки, кальсоны), только для политическихъ заключенныхъ.

Носильное платье въ Бутырской тюрьмѣ не выдается вообще, какъ равнымъ образомъ и обувь. Лѣтомъ это, разумѣется, все еще не такъ страшно и многіе заключенные, по преимуществу уголовники, ходятъ въ ужаснѣйшихъ рубищахъ. Въ этихъ же рубищахъ они остаются на зиму, въ холодныхъ камерахъ и въ этихъ же рубищахъ, безъ обуви, слѣдуютъ на этапы и въ ссылку.

Въ большинствѣ, впрочемъ, случаевъ экипировочный вопросъ въ отношеніи такихъ заключенныхъ разрѣшается самими заключенными и обычно кое-какое «обмундированіе» въ предѣлахъ самой крайней необходимости собирается среди болѣе счастливыхъ товарищей. Тѣмъ не менѣе страданія этихъ «оборванцевъ» по истинѣ невыносимы, но все это ни въ малѣйшей степени не трогаетъ кремлевско-лубянскихъ диктаторовъ. Между прочимъ въ 1925 г. при Народномъ Комиссаріатѣ была образована подъ предсѣдательствомъ Наркомздрава Н. Семашко комиссія по оказанію помощи выходящимъ изъ тюрьмы заключеннымъ. Я очень интересовался работой этой комиссіи, но не узналъ ни объ одномъ случаѣ, когда она оказала бы какую либо помощь тому или иному изъ заключенныхъ. Самъ по себѣ Н. Семашко, котораго я лично зналъ очень хорошо, человѣкъ милый, обходительный и даже добрый, но въ высшей степени безхарактерный, и, въ довершеніе всего, обладающій весьма ограниченными способностями. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ роль комиссіи въ обстановкѣ совѣтской дѣйствительности сводится къ нулю. Весьма характерно для большевиковъ: эта «комиссія» даже на бумагѣ не ставитъ себѣ цѣлью оказаніе помощи политическимъ заключеннымъ.

Что касается тюремной библіотеки, то въ ней есть два отдѣла, общій и научный, по которымъ числится (на конецъ 1926 г.) 4200 томовъ. Книги выдаются разъ въ недѣлю въ количествѣ двухъ-трехъ на камеру. Можно получать книги и по выбору. Въ общемъ дѣло съ полученіемъ книгъ изъ библіотеки обстоитъ гораздо лучше, чѣмъ во «внутренней» тюрьмѣ. Разумѣется, подборъ книгъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ большевистскихъ цензоровъ. Сама тюремная администрація рѣшительно ничего не дѣлаетъ въ смыслѣ пополненія библіотеки и расширеніе ея идетъ въ общемъ за счетъ Политическаго Краснаго Креста, библіотечная комиссія котораго время отъ времени жертвуетъ въ тюремную библіотеку значительное количество книгъ. Однако еще больше библіотека пополняется за счетъ самихъ заключенныхъ. Дѣло въ томъ, что заключеннымъ предоставлено право

подъ строгимъ, разумѣется, контролемъ, полученія книгъ съ воли, которыя по прочтеніи попадаютъ въ собственность тюремной библіотеки.

Лично мнѣ въ смыслѣ полученія книгъ не ставилось никакихъ препятствій, за исключеніемъ одного: Г. П. У. отдало приказъ, чтобы мнѣ ни въ коемъ случаѣ не выдавались книги на иностранныхъ языкахъ и въ особенности самоучители иностраннаго языка. Подлая жандармерія такимъ образомъ лишила меня возможности изученія иностранныхъ языковъ, чѣмъ я съ успѣхомъ могъ бы заниматься на досугѣ. Надо сказать, что Г. П. У. въ этомъ отношеніи достигло нѣкоторой цѣли, такъ какъ незнаніе иностранныхъ языковъ теперь значительно затрудняетъ мою корреспонденцію на этихъ языкахъ. Секретно пересланный мнѣ по частямъ д-ромъ Киндерманомъ самоучитель нѣмецкаго языка вскорѣ былъ у меня при одномъ изъ обысковъ обнаруженъ и конфискованъ, причемъ я былъ подвергнутъ допросу въ цѣляхъ выясненія, какимъ образомъ въ моемъ распоряженіи очутился этотъ учебникъ. Насколько помню, я заявилъ, что книгу нашелъ случайно въ уборной въ мусорномъ ящикѣ. Объясненіе было, разумѣется, крайне неудовлетворительнымъ, но Г. П. У. пришлось все же имъ удовлетвориться.

Возвращусь къ нѣкоторымъ своимъ новымъ корреспондентамъ.

Получаю извѣстія, что въ одной изъ камеръ 2-го этажа сидитъ иностранецъ. Пытаюсь съ нимъ вступить въ сношенія. Черезъ нѣсколько дней «почта» была уже въ порядкѣ. Выяснилось, что это совсѣмъ не иностранецъ, а обыкновенный совѣтскій спекулянтъ, пріѣхавшій изъ провинціи закупить немного мануфактуры. Дѣло нелегкое и пришлось стать въ очередь, чтобы такимъ образомъ по частямъ собрать 300—500 метровъ мануфактуры. Переодѣлся рабочимъ и вмѣстѣ съ другими провинціальными спекулянтами сталъ въ очередь. Наняли они еще нѣсколькихъ человѣкъ со стороны для стоянія въ очереди и стали «закупать» отрѣзы мануфактуры. Въ теченіе 2—3 дней такимъ путемъ набрали нѣсколько сотъ метровъ разной мануфактуры для деревни, гдѣ все время ощущается острый недостатокъ въ тканяхъ. Нагрянуло Г. П. У. на очередь и всѣхъ арестовали и безъ дальнихъ разговоровъ посадили въ тюрьму. Человѣкъ интеллигентный, но страшно боязливый. Напуганный до смерти. Страшно обрадовался, что въ одиночкѣ явилась возможность вести переписку съ заключенными. Оказывается, что дѣла его сложились такимъ образомъ, что если онъ не сговорится съ однимъ изъ своихъ товарищей, то все дѣло приметъ скверный оборотъ: Г. П. У. доберется до имущества, которое, разумѣется, будетъ конфисковано, а самому не миновать ссылки. Проситъ, нельзя ли узнать, не сидитъ ли и его товарищъ въ Бутырскомъ одиночномъ корпусѣ и если да, то нельзя ли его связать съ нимъ. Взялся помочь бѣднягѣ и установилъ, что его товарищъ не только сидитъ въ одиночномъ корпусѣ, но даже очень близко отъ него. Довольно быстро ихъ связалъ, чему оба были страшно рады.

Однажды, получая очередную «почту» отъ своего «корреспондента», нахожу въ ней свернутую въ трубочку кредитку въ 10 англійскихъ фунтовъ стерлинговъ. Оказывается, что ему удалось какъ то ловко въ чемоданѣ пронести кредитку и теперь онъ презентуетъ ее мнѣ. Я сталъ сразу «Крезомъ», но бѣда въ томъ, что использовать ее въ тюрьмѣ для закупокъ въ

тюремной лавочкѣ никакъ нельзя, такъ какъ деньги были бы немедленно конфискованы и началось бы слѣдствіе. Все же деньги были прекрасно использованы: передалъ ихъ группѣ политическихъ заключенныхъ, имѣвшихъ уже приговоръ съ ссылкой въ Туркрай на 3 года. Разумѣется, товарищи были страшно рады такому подарку, такъ какъ въ ссылкѣ уже была возможность эти 10 фунтовъ размѣнять. Хотя уже больше никакихъ свѣдѣній о сосланныхъ товарищахъ не имѣлъ, но надѣюсь, что деньги благополучно были пронесены черезъ «заградительную сѣть» Бутырской жандармеріи.

Удалось вскорѣ связаться съ однимъ лицомъ, у котораго было много шансовъ вырваться на волю. Выясняю осторожно, согласно ли это лицо взять одно важное письмо на волю. Поясняю при этомъ, что письмо будетъ написано особымъ способомъ, надежно и оригинально спрятано у него, словомъ риска никакого, такъ какъ подобныя мои письма проносились на волю уже не разъ. Соглашается охотно. Даетъ честное слово, что все будетъ сдѣлано. Сдаю письмо. Въ тотъ же день вечеромъ послѣ него иду въ уборную. Обычай у меня былъ такой, что за нѣсколько минутъ пребыванія въ уборной я обычно успѣвалъ тщательно обозрѣть все «помѣщеніе». Бросились въ глаза нѣсколько лоскутковъ, застрявшихъ на сѣткѣ сливной параши въ уборной. Беру ихъ и вижу: части моего письма, которое было передано моему корреспонденту для передачи на волю. Сразу стало ясно, что мой корреспондентъ все же струсилъ и рѣшилъ меня попросту надуть, давъ завѣреніе, что «почта» будетъ доставлена. Объяснился. «Почтальонъ» былъ крайне смущенъ и призналъ, что его поступокъ гнусенъ, что онъ это сознаетъ, страшно угнетенъ всѣмъ происшедшимъ и проситъ дать ему еще разъ письмо. Письма я, разумѣется, больше не далъ и связь съ этимъ милостивымъ государемъ прекратилъ.

При воспоминаніи о нѣкоторыхъ своихъ «корреспондентахъ» передъ глазами воскресаетъ колоритная фигура комсомольца-матроса «тов. Ваньки», сидѣвшаго въ одиночкѣ за изнасилованіе комсомолки совмѣстно со своими другими товарищами-комсомольцами. Я сидѣлъ въ 12-ой камерѣ, а онъ vis-à-vis черезъ довольно широкій корридоръ въ 16-ой камерѣ и потому я могъ тайно наблюдать за жизнью и поведеніемъ «тов. Ваньки». Чтобы избѣгнуть наказанія, «тов. Ванька» рѣшилъ симулировать сумасшествіе: сталъ отказываться отъ пищи, набрасываться на жандармовъ, экскрементами пачкать себѣ лицо, наливать «чай» изъ параши и т. д. Былъ вызванъ тюремный врачъ Бабаровъ, который призналъ «тов. Ваньку» симулянтомъ. Впрочемъ Бабаровъ вообще не признаетъ сумасшествія и всѣхъ больныхъ заключенныхъ называетъ симулянтами, но объ этомъ ниже. Послѣ ухода изъ камеры Бабарова, въ камеру зашелъ старшій надзиратель Титовъ съ двумя помощниками, изрядно избили «тов. Ваньку», надѣли на него смирительную рубашку и привязали къ желѣзной койкѣ. Въ такомъ состояніи «тов. Ванька» пролежалъ 36 часовъ. Когда наконецъ его развязали, онъ сейчасъ же снова взялся за свое «дѣло».

Явился снова Титовъ, снова надѣли смирительную рубашку, заткнули ему ротъ и унесли въ карцеръ подъ канцеляріей тюрьмы (объ этомъ карцерѣ я уже упоминалъ), здѣсь сначала подвергли его «обработкѣ» резиновыми палками, а потомъ бросили на 2 дня въ карцерѣ. На третій день «Ванька» былъ принесенъ на носилкахъ въ свою камеру. Два дня лежалъ смирно, по-

ка немного пришелъ въ себя, а потомъ началъ буйствовать съ удвоенной энергіей. Дальнѣйшая судьба «тов. Ваньки» такова: врачебная комиссія, испытаніе на Канатчиковой дачѣ въ «Серебряномъ Бору» подъ Москвой, гдѣ испытаніе онъ выдержалъ «съ честью» и, наконецъ, какъ я узналъ послѣ, былъ выпущенъ на волю. Упомянулъ я объ этомъ случаѣ потому, чтобы показать невѣроятную настойчивость и выносливость нѣкоторыхъ симулянтовъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о симулянтахъ и дѣйствительно больныхъ вообще.

Былъ и такой симулянтъ: подрядчикъ на желѣзной дорогѣ. Далъ взятку. Дѣло раскрылось. Судъ. Осужденъ къ разстрѣлу. Симулируетъ тихое помѣшательство съ невѣроятно омерзительными пріемами. Не помогло, да и никто собственно и вниманія на его «помѣшательство» не обращалъ. Вечеромъ при выводѣ на разстрѣлъ сказалъ: «зналъ бы, такъ не мучилъ бы себя десять дней».

Насколько я могъ наблюдать, большинство больныхъ нервнымъ разстройствомъ являются не симулянтами, хотя послѣднихъ все же не менѣе 25—30%. И симулянты, и дѣйствительно психическіе больные въ общемъ проходятъ тотъ же самый «курсъ лѣченія», который прошелъ «тов. Ванька». Такой способъ испытанія больныхъ, разумѣется, возможенъ только въ совѣтскихъ застѣнкахъ, гдѣ заключенный не пользуется никакими правами гражданства и человѣка. Выше я упомянулъ о надзирателѣ Титовѣ. Это очень колоритная фигура и судьба его довольно интересна. Высокій, плечистый, нескладно сложенный, немного тучный человѣкъ съ угрюмымъ, но не злымъ лицомъ. Видъ стараго служаки — вахмистра. Безпартійный. Преданной службой Г. П. У. добился «высокаго» положенія — надзирателя въ одиночномъ корпусѣ со 110 рублями мѣсячнаго оклада. Разумѣется, Титову приходилось «стараться» изо всѣхъ силъ. Поэтому, на всякія такія экзекуціи Титовъ «охотно» принималъ назначеніе. Бить онъ умѣлъ и билъ съ толкомъ. Справедливости ради, долженъ сказать, что я не знаю ни одного случая, а всякія событія изъ тюремной жизни я очень скоро узнавалъ, когда бы Титовъ ударилъ политическаго заключеннаго. Точно также я не знаю ни одного случая, когда бы Титовъ билъ интеллигентныхъ лицъ, что охотно всегда дѣлаютъ жандармы изъ чекистовъ — коммунистовъ, особенно охотно избивающіе политическихъ заключенныхъ, когда къ тому представляется удобный поводъ: демонстрація, обструкція и т. д.

Какъ ни отвратительны были служба и поведеніе Титова, но особой злобы противъ него у меня не было, ибо надо знать совѣтскую обстановку вообще и тюремную въ частности, чтобы вѣрно понять поведеніе такихъ Титовыхъ. Однажды съ Титовымъ приключилась пренепріятная исторія: одинъ изъ политическихъ заключенныхъ, увидя Титова, узналъ въ немъ бывшаго старшаго городового, принимавшаго въ свое время участіе въ одномъ обыскѣ, при которомъ передъ революціей былъ арестованъ этотъ заключенный. Былъ вызванъ комендантъ тюрьмы, которому и было сдѣлано надлежащее заявленіе о прежней службѣ Титова. Свѣдѣніе оказалось вѣрнымъ. Титовъ былъ арестованъ и заключенъ въ одиночку, гдѣ просидѣлъ около 4-хъ мѣсяцевъ. Только «безпорочная» служба Титова въ Г. П. У. спасла его отъ 10 лѣтъ тюрьмы, а то и отъ разстрѣла. На мѣсто Титова былъ назначенъ жандармъ Сорокинъ, коммунистъ, невѣроятно подлая и во

всѣхъ отношеніяхъ омерзнтельная «личность». Такнмъ образомъ, многіе заключенные послѣ даже жалѣли объ «отставкѣ» Титова и осуждали необдуманный шагъ товарища, испортившаго «карьеру» Титова, который въ душѣ все же не любилъ своего ремесла.

Говоря о Тнтовѣ, Сорокинѣ, я хочу сказать и вообще о совѣтскнхъ жандармахъ. Какое безконечно грустное впечатлѣніе производятъ зти большевистскіе «соціалисты». Какъ я упоминалъ, моя 12-ая камера была въ I-омъ зтажѣ корпуса послѣднею при выходѣ изъ корпуса. Въ зтомъ же мѣстѣ обычно сборище дежурныхъ жандармовъ, ихъ митинги, споры, «политическіе» дебаты и т. д. Я охотно готовъ былъ простаивать у двери часами и подслушивать зти разговоры. Животная боязнь, полная политическая безграмотность, случайно нахватанныя изъ разныхъ политграмотъ коммунистическія «нстины», желаніе показать другъ передъ доүгомъ свою преданность партіи и Г. П. У., желаніе выслужиться, желаніе что либо вышпіонить о своемъ товарищѣ и донести скорѣе по начальству. Печальная картина полнаго и безнадежнаго моральнаго разложенія! Это въ буквальномъ и самомъ широкомъ смыслѣ отбросы, подонки человѣческаго общества! Темные, разбитые, сами питающіе животный страхъ передъ Г. П. У., которому готовы служить рабски, зтотъ сбродъ является опорой того палаческаго режима, который на чекистско - коммунистическомъ подломъ жаргонѣ носитъ названіе «соціалистическаго» строя.

Быть можетъ будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о меднцннскомъ тюремномъ персоналѣ.

Дежурные врачи, низшій медицинскій персоналъ, большею частью безпартійные. Я къ нимъ хорошо присмотрѣлся за 4 года и могу сказать, что они сами по себѣ люди не злые, даже готовые помочь заключенному больше, чѣмъ зто предусмотрѣно тюремной большевистской «практикой». Въ данномъ случаѣ важно одио: чтобы жестъ сочувствія врача, фельдшера, не былъ замѣченъ жандармомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ прн наиболѣе счастливыхъ обстоятельствахъ будетъ потеря службы, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ тюрьма или ссылка въ лагерь на срокъ отъ 3 до 10 лѣтъ. При такихъ условіяхъ медицинскій персоналъ всегда стремится внѣшне показать, что и онъ идетъ рука объ руку съ жандармами. Надо знать ужасающій терроръ, насиліе, безправіе въ совѣтскихъ тюрьмахъ, чтобы не судить строго медицинскій персоналъ за его частое бездушіе къ страданіямъ узниковъ въ коммунистическихъ застѣнкахъ. Повторяю, когда бываетъ возможность, меднцинскій персоналъ охотно проявляетъ чувства человѣчности къ заключеннымъ. Бѣда лишь въ томъ, что зта возможность крайне ограничена, такъ какъ дѣятельность медицинскаго персонала протекаетъ подъ неослабнымъ надзоромъ жандармовъ.

Однажды у меня былъ такой случай: мнѣ надо было во что бы то ни стало срочно получить свѣдѣнія о здоровьѣ одного лица, находившагося въ околоткѣ тюрьмы. Я рѣшилъ попытаться спросить у представителя тюремнаго медицинскаго персонала объ зтомъ лицѣ, полагая, что онъ зтими свѣдѣніями располагаетъ. Но какъ спросить и какъ получить отвѣтъ, когда жандармы зорко слѣдятъ за каждымъ словомъ и жестомъ представнтеля медицинскаго персонала, зашедшаго въ камеру заключеннаго? Я

сдѣлалъ такъ: написалъ записку, прикленлъ ее себѣ на кожу спины и написалъ въ запискѣ свой вопросъ, указавъ, что отвѣтъ можетъ быть данъ условной фразой, по формѣ видимо относящейся къ моему здоровью. Вызываю тюремнаго медика и, повернувшись спиной къ окну, лицомъ къ двери, у которой стоитъ жандармъ, прошу меня выслушать. Представитель тюремной медицины начинаетъ слушать. Чувствую, что мой «медикъ» крайне смущенъ, даже ошеломленъ. Выслушалъ. Пауза. Внятно, кратко отчеканиваетъ отвѣтъ на мой вопросъ, формулируя свой отвѣтъ условной медицинской фразой, по формѣ относящейся къ моему здоровью. А между тѣмъ всѣ этого «медика» считали за очень злого, безсердечнаго человѣка. Объ этомъ «медикѣ» я могъ бы разсказать не мало любопытныхъ вещей, но не хочу давать чекистамъ данныхъ для установленія фамиліи этого «медика», хотя за 4 года моего сидѣнія медицинскій персоналъ и очень часто мѣнялся.

Какъ то лѣтомъ узнаю, что въ Бутыркахъ очутился якобы мексиканскій консулъ, да притомъ еще не прямо консулъ, а не то графъ, не то маркизъ. Сообщили мнѣ и фамилію — Виляръ. Выслѣживаю его на прогулкѣ — видъ дѣйствительно «герцогскій»: горделивая походка, породистое лицо, подкупающая внѣшность, одѣтъ не по совѣтски и т. д. Коли консулъ, да еще мексиканскій, да къ тому же еще герцогъ, значитъ—шансовъ много, что г. консулъ будетъ вскорѣ на волѣ. Узнаю, что по русски знаетъ всего нѣсколько словъ. Черезъ нѣсколько дней вручено ему секретное письмо на французскомъ языкѣ (переводчики у меня всегда были среди моихъ корреспондентовъ). Отвѣта нѣтъ, рѣшилъ подождать немного, такъ какъ на сіятельнаго герцога насѣдать, окончательно перепугаешь его.

Вдругъ узнаю, что г. Виляръ исчезъ. Было страшно обидно и досадно, такъ какъ почти не было сомнѣній, что г. Виляръ ушелъ на волю, какъ дипломатъ.

Не только я, но и еще кое-кто изъ друзей возлагали надежды на то, что г. консулъ не откажется помочь и выполнить всѣ порученія на волѣ.

Въ концѣ концовъ мы все таки забыли неудачу съ консуломъ. Чтобы заключить о г. Вилярѣ, скажу, что лѣтомъ 1926 г. нашъ милый графъ снова появился въ Бутыркахъ. Правда, видъ у него былъ уже не тотъ, что въ 1924 г., но все же! Узнаю, что г. Виляръ въ тюрьмѣ пользуется большими привиллегіями, вплоть до того, что въ любой моментъ можетъ ходить въ уборную, за водой. Въ это время я уже находился въ очень оживленный перепискѣ съ милымъ и славнымъ молодымъ докторомъ Карломъ Киндерманомъ (о немъ ниже). Не зная еще, какъ удастся намъ спастись и удастся ли это вообще, рѣшаемъ взяться энергично за г. Виляра, о которомъ я даже сумѣлъ кое-гдѣ навести справки: мексиканскій консулъ въ Египтѣ, женатъ на грузинской княжнѣ Караловой; въ 1924 г. съ разрѣшенія совѣтскаго правительства прибыли на Кавказъ навѣстить родныхъ жены, гдѣ и были арестованы какъ «шпіоны», а потомъ сосланы въ Соловки; теперь графъ Виляръ съ женой ждутъ высылки на родину. Д-ръ Киндерманъ пишетъ письмо по нѣмецки, а я по русски и все вмѣстѣ очень удачно передаю г. Виляру. Въ письмахъ сообщаемъ о себѣ кратко, что намъ надо, инструкцію для сношеній и т. д. Никакого отвѣта отъ сіятельнаго графа не послѣдовало.

Рѣшили, что надо попытаться написать письмо по англійски и по французски.

Для англійскаго перевода переводчикъ у насъ былъ, а по французски написалъ д-ръ Киндерманъ. Проходитъ нѣсколько дней, — отвѣта нѣтъ. Повторяемъ письма и разъясняемъ ему, что дѣло очень важное, что вопросъ идетъ о спасеніи нѣсколькихъ жизней, что ему провокаціи нѣтъ никакой надобности и даже возможности бояться и т. д.

Произошелъ скандалъ: лицо, передавшее г. Виляру письма и дѣлавшее это со страшнымъ рискомъ для себя, получило отъ сіятельнаго графа громкій отвѣтъ: «не желаю!» Отвѣтъ былъ сказанъ такъ громко, что стоявшій на посту довольно далеко жандармъ обратилъ вниманіе на все и только благодаря исключительной находчивости и смѣлости моего «почтальона», дѣло кончилось безъ скандала.

Личность этого сіятельнаго графа намъ стала ясна и мы оставили его въ покоѣ, будучи, разумѣется, страшно возмущены его поведеніемъ. Я Виляра публично обвиняю въ трусости, безсердечіи и желаніи подлизаться къ совѣтской жандармеріи. Пусть г. Виляръ попробуетъ оправдать свой поступокъ, а я тогда продолжу свои поясненія о г. Вилярѣ дальше.

Продолжу свои воспоминанія о 1924 г. Узнаю, что жена и сестра изъ Бутырской тюрьмы исчезли. Собираю свѣдѣнія, но свѣдѣнія разнорѣчивыя: по одной версіи онѣ посланы въ Соловки, по другой переведены во «внутреннюю» тюрьму. Рѣшаю добраться до общей камеры въ 10-мъ корридорѣ, гдѣ онѣ сидятъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Бѣда въ томъ, что 10-ый корридоръ совсѣмъ въ другомъ корпусѣ, но все же выходъ былъ найденъ. Идя какъ-то къ зубному врачу, я замѣтилъ однажды въ корридорѣ околотка цѣлую группу женщинъ-арестантокъ, довольно страннаго вида, что давало основаніе предполагать, что это именно и есть изъ 10-го корридора. О разговорѣ съ ними и рѣчи быть не могло: ходилъ къ зубному врачу въ сопровожденіи жандармовъ, — одинъ спереди, а другой сзади.

Ходить къ зубному врачу предстояло еще нѣсколько разъ. Рѣшилъ заготовить записку, засушить ее въ хлѣбѣ и всегда брать съ собой къ зубному врачу, надѣясь при удобномъ случаѣ передать въ общія женскія камеры. Случай черезъ нѣсколько дней и представился: вызовъ къ врачу: беру въ ротъ записку (у врача всегда успѣю вынуть!), иду по корридору околотка въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Вижу опять въ прежнемъ мѣстѣ 10—12 женщинъ, ожидающихъ пропуска въ комнату къ другому врачу. Быстро намѣчаю болѣе интеллигентную по виду. Поровнявшись съ арестованными женщинами, быстро дѣлаю шагъ въ сторону, обнимаю намѣченную даму и говорю ей громко: «А, Наташа, здравствуй! Какъ я радъ тебя видѣть!» Въ это время ее цѣлую и языкомъ передаю ей въ ротъ записку. Скандалъ. Насъ немедленно разлучили, но все кончилось благополучно, такъ какъ я пояснилъ жандармамъ, что самъ-де ошибся. Дама же въ первое мгновенье опѣшила, потомъ заинтересовалась, что быть можетъ дѣйствительно знакомый и основательно спрятала записку, въ которой было только указано, какъ мы будемъ сноситься черезъ баню и что мнѣ нужны свѣдѣнія о такихъ-то лицахъ. Короче говоря, нужныя свѣдѣнія о жизни жены и сестры я получилъ и узналъ, что онѣ сосланы въ Соловки.

Корреспондентка оказалась проституткой, но очень милой и развитой дѣвушкой, много разсказавшей о своей жизни, тяжелой жизни своихъ товарокъ въ тюрьмѣ и т. д.

Оказывается, служила въ совѣтскомъ учрежденіи, потомъ сокращеніе штата, когда и ее сократили. Безвыходное положеніе. Улица. Облава. Попала въ «плѣнъ» и ждетъ ссылки въ Соловки, — обычный приговоръ въ такихъ случаяхъ. Между прочимъ это одинъ изъ самыхъ типичныхъ чекистскихъ способовъ борьбы съ тайной проституціей въ Россіи, достигшей ужасныхъ размѣровъ. Впрочемъ этотъ вопросъ не относится непосредственно къ теперешнимъ моимъ воспоминаніямъ.

Вскорѣ представился удобный случай черезъ заключенныхъ, отправляемыхъ въ Соловки, послать о себѣ необходимыя свѣдѣнія для жены и сестры. Какъ потомъ выяснилось, свѣдѣнія по адресу дошли даже гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, будучи однажды въ тюремной банѣ, я обнаружилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на стѣнѣ надписи жены, извѣщавшей меня о своемъ возвращеніи изъ Соловецкаго лагеря и водвореніи ея въ одиночную камеру въ женскомъ корпусѣ Бутырской тюрьмы. Эти надписи для меня были полной неожиданностью. Разумѣется, я принялъ исключительныя мѣры къ тому, чтобы организовать съ женой регулярную переписку черезъ баню. Для этого было потрачено 4 недѣли, такъ какъ въ баню водятъ 2 раза въ мѣсяцъ, но зато не только «почта», но даже передача небольшихъ посылокъ отъ меня къ женѣ была налажена прекрасно.

Выяснилось, что жену внезапно усадили на пароходъ и увезли съ Острова, а сестру оставили тамъ. Что женѣ и сестрѣ за это время пришлось пережить, разсказывать очень долго. Самое худшее было то, что сестра заболѣла туберкулезомъ, о леченіи котораго въ Соловкахъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи. По прибытіи же жены въ Бутырки, комендантъ тюрьмы заявилъ ей, что латвійское правительство отказалось-де насъ принять и что поэтому я буду разстрѣлянъ, а жена сослана въ Восточную Сибирь срокомъ на 10 лѣтъ и т. д. Жена готова была повѣрить палачу въ возможность такого исхода моего «дѣла» и, разумѣется, переносила тяжелыя нравственныя страданія, которыя трудно передать словами. Къ счастью наша переписка наладилась и я завѣрилъ жену, что палачъ только пугаетъ, что ждать подобнаго финала почти нѣтъ основаній.

Возможность тайной переписки для насъ обоихъ служила громадной нравственной поддержкой и въ особенности для жены. Для поддержанія ея бодрости приходилось прибѣгать даже къ невинному обману и писать о себѣ, о своей жизни, о положеніи дѣла въ радужныхъ сравнительно краскахъ. Я сталъ даже просить своихъ друзей писать моей женѣ ободряющія письма, которыя я и передавалъ по назначенію. Въ 1926 году, когда у меня была установлена связь съ д-ромъ Киндерманомъ, послѣдній особенно часто писалъ моей женѣ письма на французскомъ языкѣ, всячески ее ободряя и увѣряя, что онъ скоро будетъ на волѣ, что займется нашей судьбой и т. д. и т. д.

Разумѣется, я и мой добрый другъ К. Киндерманъ попросту фантазировали на 90%, т. к. ни у одного изъ насъ не было особенно большой надежды на скорое освобожденіе. Эти письма были той живительной влагой, которая давала возможность женѣ легче перенести физическія и моральныя страданія въ ея каменномъ «мѣшкѣ».

Наступилъ 1925 г. и я былъ переведенъ во второй этажъ въ 53-ую камеру. Временно это осложнило мои сношенія съ друзьями, но вскорѣ всѣ связи были все же возстановлены. Хуже всего было то, что я лишился отличнаго наблюдательнаго пункта. Причиной перевода послужило желаніе жандармовъ удалить меня подальше отъ бойкаго мѣста при выходѣ изъ одиночнаго корпуса, такъ какъ я могъ имѣть наблюденіе за выводомъ смертниковъ на разстрѣлъ, могъ видѣть вновь прибывавшихъ заключенныхъ, подслушивать разговоры и т. д.

Зато 53-ья камера была интересна въ другомъ отношеніи: изъ нея я могъ попытаться организовать связь съ «особымъ корридоромъ», гдѣ сидѣли осужденные къ смертной казни и оставленные заложниками члены центральнаго комитета партіи правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, процессъ которыхъ въ свое время былъ нагло инсценированъ кремлевско-лубянскими палачами. Объ этомъ процессѣ достаточно уже писалось, тѣмъ болѣе, что на этомъ процессѣ вначалѣ присутствовалъ членъ президіума II Интернаціонала Вандервельде. «Особый корридоръ» упирался въ мой корридоръ подъ прямымъ угломъ, но былъ совершенно изолированъ. У «сѣверной башни» былъ особый постъ на вышкѣ и жандармъ могъ прекрасно наблюдать за окнами «особаго корридора» и за окнами моего корридора. Какъ то ставъ на парашу, я осторожно выглянулъ въ окно и увидѣлъ, что одинъ изъ осужденныхъ членовъ Ц. К. партіи правыхъ с.-р. тоже осторожно ведетъ свои наблюденія. Обмѣнялись нѣсколькими фразами. Я предложилъ такой планъ: буду бросать къ нему въ окно кусочекъ хлѣба на ниткѣ, чтобы послѣдняя и служила связью. Разстояніе по діагонали изъ окна въ окно было не болѣе 10 шаговъ. Удачно выбравъ моментъ, я на третьемъ или четвертомъ броскѣ, наконецъ попалъ въ окно и у каждаго изъ насъ оказалось по концу нитки, связывавшей оба окна. Остальное читателю понятно... Ни разговоровъ, ни заглядываній въ окна намъ уже не было нужно и мы по ниткѣ очень легко и удобно перетаскивали почту изъ камеры въ камеру. Такъ шло нѣсколько дней. Выяснилось, что товарищи ждали скорой ссылки, что одинъ изъ нихъ (кажется, Борисовъ, если мнѣ память не измѣняетъ) покончилъ жизнь самоубійствомъ. Такъ наша связь продолжалась нѣсколько дней, но однажды вотъ что случилось: товарищи получили съ воли табакъ и предложили подѣлиться со мною, т. к. у меня въ то время была только махорка. Рѣшили, не дожидаясь темноты, переправить табакъ ко мнѣ на ниткѣ. Выбрали моментъ, когда жандармъ сталъ ходить взадъ и впередъ на своей вышкѣ. Пакетъ съ табакомъ по воздуху двинулся въ мое окно, но прежде чѣмъ онъ дошелъ до моего окна, жандрамъ сдѣлалъ поворотъ и увидѣлъ странную картину: какой-то пакетъ движется по воздуху къ окну 53-ей камеры! Нитка, разумѣется, издали не была видна. На вышкѣ у жандарма оказался телефонъ и не прошло 1—2 минутъ, какъ въ мою камеру ворвались жандармы. Все было уже въ порядкѣ съ табакомъ, но нитка не была убрана и ее, конечно, сейчасъ же обнаружили. Я сейчасъ же былъ посаженъ въ карцеръ, откуда черезъ 3 дня попалъ уже въ 1-ый этажъ въ камеру № 1.

Камера темная, сырая и, что всего хуже, ставила въ крайне тяжелое положеніе въ смыслѣ связей, наблюденій! Потребовалъ дать лучшую камеру. Отказали. Объявилъ обструкцію и получилъ камеру № 10, оказалась крайне удачно и удобно расположенной для моихъ спеціальныхъ надобностей. Въ этой камерѣ я уже просидѣлъ до момента освобожденія.

Узнаю, что въ III-мъ этажѣ надъ моей камерой сидятъ политическіе заключенные. Организую съ ними связь по ниткѣ, но благодаря одной оплошности товарища, черезъ нѣсколько дней насъ накрыли и ихъ записку успѣли перехватить, за что всю камеру ихъ перевели на карцерное положеніе на три дня. «Дѣло» ихъ совсѣмъ скучно бытовое: бывшіе меньшевики, работали на одномъ заводѣ, были рабочими выставлены въ члены Фабзавкома, что показалось мѣстной комячейкѣ очень подозрительнымъ. Вопросъ былъ рѣшенъ быстро: всѣ пять кандидатовъ въ фабзавкомы были арестованы и приговорены коллегіей Г. П. У. въ ссылку срокомъ на 3 года. Любопытна «мотивировка» приговора: сослать въ Сибирь, какъ соціально опасные элементы!

Во второмъ этажѣ тюрьмы скоро появилось 16 человѣкъ группы, осужденныхъ по извѣстному грузинскому возстанію. Большинство члены Паритетнаго Комитета. Сидѣли въ Метехскомъ замкѣ. Были неожиданно схвачены ночью (имъ не дали проститься съ родными и близкими, не дали получить съ воли теплыхъ вещей, денегъ) и направлены въ ссылку (черезъ Москву), причемъ даже безъ указанія мѣста ссылки. Положеніе всѣхъ было крайне тяжелое и въ особенности Ник. Ник. Накашидзе, серьезно заболѣвшаго еще по пути въ Москву.

Связался съ группой студентовъ. Всего арестовано было 80 человѣкъ. Дѣло тоже бытовое: на одной вечеринкѣ группа студентовъ составила хоръ и запѣли «Бурлаки» Некрасова:

„Выдь на Волгу, — чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой!" и т. д.

Была усмотрѣна, разумѣется, самая страшная «контръ-революція». Произведены громадные аресты. Изъ 80 человѣкъ было на волю выпущено 4, а 76 человѣкъ получило по 3 года ссылки.

За пѣснь, которая безпрепятственно распѣвалась молодежью при царизмѣ, при совѣтскомъ «соціалистическомъ» строѣ дано 228 лѣтъ ссылки!

Любопытна была группа крестьянъ изъ Спасскаго уѣзда Тамбовской губерніи.

Всего арестовано около 40 человѣкъ, изъ которыхъ 8 по постановленію Г. П. У. были разстрѣляны еще въ Тамбовѣ, а остальные, послѣ 14 мѣсяцевъ мытарствъ, получили ссылку въ Восточную Сибирь срокомъ на 5 лѣтъ.

Оффиціальныя причины ареста: «кулачество» и якобы сочувственное въ свое время отношеніе къ тамбовскому возстанію крестьянъ.

Фактически же дѣло обстояло иначе: вся ихъ группа состояла изъ середняковъ и бѣдняковъ, которые подъ руководствомъ мѣстной учительницы пытались организовать крестьянскій союзъ, ставившій себѣ политическія цѣли, шедшія въ разрѣзъ съ интересами коммунистической партіи. Все дѣло, видимо, было спровоцировано Г. П. У., такъ какъ тѣ осужденные, съ которыми я былъ связанъ, не могли даже толкомъ изложить программу своего Союза. Записались въ Союзъ только потому, что молъ «Союзъ очень ужъ сильно становился на защиту крестьянства отъ притѣсненій коммунистовъ».

Разумѣется, что черезъ такой Союзъ, при содѣйствіи лубянскихъ провокаторовъ, были сразу изъяты изъ обращенія мѣстные наиболѣе оппозиціонные элементы.

Наблюдаю однажды въ «волчокъ» и вижу, что изъ 16-ой камеры выводятъ на прогулку гражданина лѣтъ 40, высокаго роста, интеллигентнаго. На головѣ замѣтилъ плѣшину діаметромъ въ 6—7 сантиметровъ. Продолжаю за № 16 наблюденіе. Навожу кое-гдѣ справки, — никто ничего о немъ не знаетъ. Больше всего заинтересовала меня плѣшина. Дѣло въ томъ, что по формѣ эта плѣшина болѣе всего напоминала выбритое мѣсто на головѣ (тонзура) у католическихъ священниковъ. Короче говоря, я рѣшилъ, что это ксендзъ, ну а разъ ксендзъ, то слѣдовательно много шансовъ, что будетъ обмѣненъ польскимъ правительствомъ. Какъ уже читатель знаетъ, мнѣ очень не везло въ смыслѣ связей съ духовенствомъ. Дѣлаю предположеніе, что быть можетъ этотъ «ксендзъ» будетъ пріятнымъ исключеніемъ и выполнитъ заграницей мои и нѣкоторыхъ моихъ товарищей порученія. Пишу ему письмо, — молчитъ. Пишу второе письмо. Онъ его получаетъ благополучно, какъ и первое, — молчитъ. Думаю такъ: если вѣрно, что это ксендзъ, то надо во что бы то ни стало убѣдить помочь мнѣ и другимъ. Не вѣрилось, или вѣрнѣе, не хотѣлось вѣрить, что человѣкъ откажется помочь другимъ заключеннымъ. Пишу ему третье письмо и указываю ему на странное его поведеніе. Доказываю ему, что если онъ не хочетъ помочь, то пусть просто скажетъ, такъ какъ вести безплодную переписку попросту глупо, тѣмъ болѣе, что всякая переписка связана съ рискомъ не только для меня, но и еще для нѣкоторыхъ стороннихъ лицъ.

Отвѣчаетъ буквально слѣдующее: переписку ради интереса согласенъ вести, но никакихъ порученій не приметъ принципіально, такъ какъ онъ искренне преданъ совѣтской власти.

Назову его фамилію и разскажу его судьбу, — ему это не повредитъ, а быть можетъ Г. П. У. даже пожалѣетъ о напрасной жертвѣ и вернетъ его изъ ссылки.

Николай Горскій, инженеръ, отличный лингвистъ. Въ свое время помогъ увести остатки Краснаго флота изъ Финляндіи. Служилъ на видномъ мѣстѣ въ морскомъ вѣдомствѣ, редактируя какой-то журналъ, гдѣ много писалъ разной галиматьи о большевистской доблести, силѣ, гуманности и т. п. Все шло отлично. Изъ Москвы въ Петроградъ однажды въ вагонѣ познакомился съ какимъ-то представителемъ одной изъ иностранныхъ миссій въ Москвѣ. Разговорились. Въ купэ вагона ѣхалъ еще одинъ приличный господинъ, который очень мило принималъ участіе въ разговорѣ. Въ Петроградѣ на вокзалѣ всѣ трое очень мило простились, а при выходѣ изъ Николаевскаго вокзала «милый господинъ» (чекистъ!) подошелъ и арестовалъ Н. Горскаго. Далѣе: Гороховая № 2 въ Петроградѣ — Лубянка, 2 въ Москвѣ —Бутырская тюрьма. Обвиненіе: шпіонажъ. Все это ошеломило Горскаго, но онъ уже 7 мѣсяцевъ терпѣливо ждетъ окончанія «слѣдствія» и былъ глубоко увѣренъ, что Г. П. У. съ кѣмъ-то его путаетъ и что такъ или иначе, но онъ очень скоро будетъ на волѣ и начнетъ свою «безъ лести преданную службу» любимому красному флоту. Переписка мнѣ съ нимъ надоѣла и я ее прекратилъ, написавъ ему, что 3-хъ лѣтъ ссылки ему не миновать, такъ какъ теперь уже для Г. П. У. неудобно показать, что зря «мариновали» человѣка такъ долго. Не прошло и двухъ недѣль, какъ получаю отъ него письмо, въ которомъ Горскій извѣщаетъ меня, что получилъ приговоръ необычайнаго (для него, конечно,) содержанія, — 10 лѣтъ ссылки въ Соловки! Спрашиваетъ меня: за что. Гдѣ и у кого искать защиты. Я ему

пояснилъ, что дѣло его конченое, что хотя приговоръ суровый, но я доволенъ приговоромъ, — по окончаніи «курса леченія» станетъ трезвѣе и лучше будетъ знать ту чекистскую сволочь, защитникомъ которой онъ являлся. Я дѣйствительно впервые былъ радъ такому приговору! Дѣло въ томъ, что Горскій въ одномъ изъ своихъ писемъ сказалъ, что онъ вообще никому не помогъ бы въ тюрьмѣ, а тѣмъ болѣе политическимъ и въ особенности мнѣ! Вообще Г. П. У., по его словамъ, зря не сажаетъ, хотя и бываютъ при арестѣ ошибки, какъ — напримѣръ-де, съ нимъ. Въ Соловкахъ, какъ я узналъ уже послѣ отъ другихъ лицъ, Горскому тоже не повезло: за встрѣчу съ одной дамой внѣ лагеря (это бываетъ иногда возможно!) получилъ годъ ссылки на гору «Сѣкирка», называемую «девятымъ кругомъ дантова ада»!

Узналъ отъ третьихъ лицъ еще объ одномъ заключенномъ, содержавшемся во II-омъ этажѣ одиночнаго корпуса. Это нѣкто Скуя—латышъ. Служилъ въ Кіевскомъ военномъ комиссаріатѣ; собрался ѣхать на родину въ Латвію и подалъ прошеніе объ оптаціи. Былъ арестованъ, обвиненъ въ шпіонажѣ. Какъ я слышалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, у Скуя тихое помѣшательство, но его еще подвергали «испытаніямъ» по методамъ, которые мною были описаны раньше. Гдѣ теперь этотъ страдалецъ и что съ нимъ — не знаю, хотя все, что было возможно, я сдѣлалъ, разыскавъ въ Латвіи рядъ его родственниковъ, мать и т. д. несмотря на то, что я лично со Скуя не былъ связанъ (къ свѣдѣнію кремлевско-лубянской сволочи). Вообще я освѣдомилъ кого нужно было о судьбѣ цѣлаго ряда латвійскихъ гражданъ, разыскалъ въ Латвіи ихъ родственниковъ и т. д. Я не дипломатъ и потому позволю себѣ сказать прямо, что теперь слово за Латвійскимъ правительствомъ, которое, какъ мнѣ хотѣлось бы надѣяться, предприняло или предприметъ нужные шаги въ дипломатическомъ порядкѣ для защиты латвійскихъ гражданъ, томящихся въ плѣну у кремлевско-лубянскихъ убійцъ и провокаторовъ.

Когда эти строки были уже написаны, я получилъ отъ близкаго родственника Скуя письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что Мин. Ин. Дѣлъ Латвіи сообщило ему отвѣтъ кремлевско-лубянскихъ палачей по поводу запроса Мин. Ин. Дѣлъ о судьбѣ Скуя. Этотъ отвѣтъ гласитъ: «Ничего не знаемъ. Такой Скуя не находится, да и никогда не находился въ московскихъ тюрьмахъ».

Что это значитъ? А только то, что Скуя пущенъ уже «въ расходъ». Разумѣется, иного отвѣта и ждать было трудно, такъ какъ не станетъ же заплечныхъ дѣлъ мастеръ Чичеринъ насѣдать на придворнаго чекистскаго палача Менжинскаго за убійство въ совѣтскомъ застѣнкѣ какого-то латвійскаго гражданина Скуя.

Пусть читатель не удивляется, что Скуя психически больной сидитъ въ одиночкѣ (если только онъ уже не убитъ!) въ большевистскомъ «соціалистическомъ» проклятомъ застѣнкѣ. Это обычная картина. Вотъ совсѣмъ свѣжій случай: нѣсколько латвійскихъ проводниковъ вагоновъ прямого сообщенія Рига—Москва были арестованы въ Москвѣ и просидѣли, если не ошибаюсь, не то 7, не то 11 мѣсяцевъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ (въ сентябрѣ) латвійское правительство добилось ихъ освобожденія. Проводники вышли на волю, явились въ латвійское посольство въ Москвѣ, гдѣ одинъ изъ проводниковъ сейчасъ же повѣсился во дворѣ посольства. Ока-

зывается, этотъ проводникъ сошелъ съ ума еще въ тюрьмѣ, гдѣ психически больной долгое время содержался, попавъ на волю наконецъ, повѣсился!.. Многіе совѣтскіе же граждане вѣшаются, вскрываютъ себѣ вены и т. д. въ тюрьмѣ, такъ какъ для этихъ несчастныхъ жертвъ воля улыбнуться пока не можетъ, но о самоубійствахъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ — въ своемъ мѣстѣ.

Мирное теченіе моей жизни было нарушено. Случайно въ банѣ жандармами была захвачена громадная моя шифрованная переписка съ женой и съ заключенными другихъ корпусовъ тюрьмы. Поднялась цѣлая буча. Немедленно прекратили водить въ общую баню одиночный корпусъ и камеру № 7 экстренно стали превращать въ ванную, проводя дымовыя трубы черезъ уборную въ вытяжную трубу. Я былъ страшно огорченъ, такъ какъ ждалъ очень важную и интересную почту, которую могли теперь захватить чекисты, въ результатѣ чего нѣкоторые заключенные жестоко пострадали бы. Принялъ героическія мѣры, чтобы дать знать кое-кому на рабочіе коридоры о провалѣ «почты». Наконецъ, это удалось. Было очень жаль бѣдную жену, которая безъ извѣстій опять начала бы падать духомъ. Пытаюсь разрушить затѣю съ ванной. При участіи одного лица испортилъ дымовую трубу, и жандармы рѣшили, что вытяжная труба не годится, почему дымовую трубу отвели въ окно 7-ой камеры. Удается и эту затѣю испортить,—ванна адски дымитъ. Однако, съ баней ничего не вышло: всѣхъ стали временно водить въ баню, усиливъ надзоръ, а меня и еще нѣсколькихъ лицъ не стали водить ни въ баню, ни въ ванну. Послѣ неудачи у жандармовъ съ ванной въ камерѣ № 7, ванную перенесли во второй этажъ въ уголовную рабочую камеру, извѣстную подъ названіемъ «нуль-два» (рабочія камеры, которыхъ 3, въ общую нумерацію камеръ не входятъ), гдѣ наконецъ и оборудовали ванную, построивъ безъ дымовыхъ трубъ баки и ванную, которая и стала функціонировать, и я уже ничего не смогъ сдѣлать въ смыслѣ ея порчи.

Какъ и слѣдовало ожидать, жена серьезно заболѣла цынгой въ острой формѣ, чему, разумѣется, въ первую очередь способствовалъ «паекъ» (читатель уже знакомъ съ этимъ «пайкомъ»!), а засимъ безпрерывныя душевныя тревоги и заботы, волненія изъ-за неполученія отъ меня извѣстій и т. д. Узнаю, что жена на носилкахъ перенесена въ тюремный околотокъ. Рѣшаю во что бы то ни стало снова съ нею связаться. Дѣло удалось блестяще: мои товарищи секретно снабдили меня продуктами, а въ томъ числѣ нѣсколькими коробками консервовъ, купленныхъ въ тюремной лавочкѣ. Заготовляю для жены продукты: масло, хлѣбъ, сыръ, колбасу и 2 коробки консервовъ. Консервы приготовляю такъ: снимаю обертку, дѣлаю гвоздикомъ сбоку дырку (гвоздь хранилъ какъ зѣницу ока), увеличиваю дырку металлическимъ наконечникомъ карандаша, пишу кучу записокъ, свертываю ихъ въ трубочки, задѣлываю особымъ способомъ, чтобы не промокли, запихиваю въ банку. Дырочки затыкаю пробкой отъ бутылки съ лекарствомъ, срѣзаю ее кусочкомъ стекла, углубленіе въ банкѣ выравниваю хлѣбнымъ мякишемъ, наклеиваю назадъ обертку, а чтобы жандармы не подозрѣвали, что на нижней сторонѣ обертки могутъ быть надписи, порчу обертку, какъ будто банка получена была такъ съ воли и жандармы сами въ очень многихъ мѣстахъ скоблили обертку. Словомъ, все сдѣлано чудесно и тонко.

Вызываю коменданта и требую передать отъ меня продукты женѣ. Несогласенъ. Объявляю обструкцію. Согласился. Консервныя банкн подозрѣнія не вызвали, а прочіе продукты изрѣзаны въ мелкіе кусочки. Жена, получивъ продукты, очень обрадовалась, такъ какъ знала, что передача такая можетъ быть отъ меня, ибо съ воли уже давно нѣтъ нн передачъ, нн денегъ. Жандармъ открываетъ ей банку и уходитъ. Жена содержимое банки выливаетъ въ мисочку и видитъ въ законсервированномъ мясѣ... «червей!» Удивленіе. Смотритъ ближе. Видитъ, что не черви, а бумажныя трубочки. Разворачиваетъ, — видитъ записки отъ меня. Радость неописуема. То же я продѣлалъ еще три раза. Наконецъ, однажды, жандармы, не находя ничего ни въ хлѣбѣ, ни въ мясѣ, ни въ колбасѣ, рѣшаютъ, что слѣдуетъ открыть консервныя банки. Открыли, вывернули содержимое въ миску, ну и, конечно, все нашли. Скандалъ ужасный. Лишили права передачъ, произвели 2 раза подрядъ обыскъ въ камерѣ, но ничего пердосудительнаго не найдя, силою увели въ карцеръ, гдѣ просидѣлъ 7 дней. На этотъ разъ я былъ уже предусмотрительнѣе и далъ женѣ инструкцію, что если «консервы» провалятся, то организую голубиную почту, а если послѣдняя провалится, будетъ еще одинъ способъ сношеній и это уже послѣдній, — больше ничего нельзя было придумать!

Разскажу въ двухъ словахъ о голубиной почтѣ. Дѣло въ томъ, что въ Бутырской тюрьмѣ было много голубей, которыхъ заключенные кормили на прогулочныхъ дворахъ, на окнахъ въ камерахъ. Голуби въ камеру никогда не залетали, но на окнахъ кашу клевали охотно. Я долго изучалъ всѣ повадки голубей и замѣтилъ, что голуби, хотя и пугливы, но если одинъ смѣло что-либо дѣлаетъ, начинаютъ и всѣ смѣлѣть. Послѣ долгихъ трудовъ я поймалъ голубя, привязалъ его за ногу подъ койкой и около 14 дней его осторожно приручалъ. Женѣ было дано указаніе усиленно кормить голубей кашей, чтобы приручить ихъ возможно больше. Вообще все это дѣло было крайне сложное и возни было около 3 мѣсяцевъ, пока голуби были подготовлены. Выпускаю своего плѣнника, *не кормивши*. Открываю форточку, плѣнникъ возвращается въ камеру и приводитъ съ собой еще 6 голубей въ камеру. Двухъ изъ новыхъ снова ловлю и снова приручаю подъ кроватью. Все подготовлено. Пишу почту, привязываю подъ крыло. Выгоняю голубей вонъ, *не кормивши*, и закрываю форточку. Голуби летятъ въ женскій корпусъ, гдѣ знаютъ, что одна дама очень мила и всегда охотно кормитъ тухлой кашей. Голуби летятъ къ женѣ, которая ихъ беретъ, снимаетъ почту, и если нуженъ мнѣ отвѣтъ, не кормивши голубей, выбрасываетъ за окно. Тѣ летятъ ко мнѣ, гдѣ я беру «почту» и уже кормлю. Иногда послѣдней кормитъ жена. Разумѣется, на дѣлѣ все въ 1000 разъ сложнѣе, а самое главное, что все надо было дѣлать молніеносно, зорко наблюдая осторожно за жандармами и т. д. Это страшно нервная, тяжелая работа, но она дѣлалась, ибо не было иного выхода. Короче говоря, все шло отлично до поры, до времени.

Однако 26/XII 1925 г. «голубиной почтѣ» пришелъ конецъ: была сильнѣйшая оттепель и голуби во дворѣ стали купаться и докупались до того, что не могли уже летать. Голуби попали въ руки чекиста Сорокина, который балуясь съ голубями, у одного изъ нихъ подъ крыломъ нашелъ почту. Скандалъ, дознаніе. Расшифровали письма, хотя шифръ былъ очень сложный. Явился цѣлый нарядъ чекистовъ съ монтекристо и на всей тюремной терри-

торіи перестрѣляли всѣхъ голубей, а ихъ было не меньше 500 штукъ на обширной территоріи тюрьмы. Жену перевели въ другую камеру, но меня, къ счастью, не тронули. Вызвали жену и меня на допросъ въ Г. П. У. Я вообще отказался разговаривать съ жандармами. Вызвали жену, пригрозили ей мѣсячнымъ карцеромъ, показали мною «подписанный» протоколъ (чекисты прекрасно поддѣлали мою подпись!) и вынудили жену все разсказать. Особыхъ послѣдствій для меня и жены все же не было, кромѣ лишняго обыска у меня и жены.

Такъ печально кончилась моя «голубиная почта», стоившая жизни всѣмъ бутырскимъ голубямъ. Связь моя съ женой продолжалась уже другимъ способомъ и была настолько уже хорошо организована, что удержалась до самаго выхода на волю. Все шло безъ участія третьихъ лицъ. Дѣло было организовано чрезвычайно тонко и остроумно. Жалѣю, что нельзя разсказать читателю, т. к. этимъ способомъ пользовались нѣкоторые изъ моихъ товарищей, а въ томъ числѣ впослѣдствіи и мой другъ д-ръ К. Киндерманъ, которымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ была нужна связь съ женскимъ одиночнымъ корпусомъ. Я упомянулъ о поддѣлкѣ подписей въ Г. П. У. Пользуюсь случаемъ, поясню кое-что читателю. У бывш. замѣст. нар. комиссара внѣшней торговли Мойсея Фрумкина былъ личный секретарь Давидъ Гиссенъ. Талантъ у этого молодого человѣка необычайный по... по части поддѣлки подписей, — любая, самая характерная подпись производилась имъ сразу. Такъ вотъ этотъ Гиссенъ состоялъ и состоитъ въ Г. П. У., въ Коминтернѣ, въ Наркоминдѣлѣ и при Ц. К. комм. партіи тайнымъ спеціалистомъ по поддѣлкѣ подписей въ нужныхъ случаяхъ. Больше всего работы у Гиссена въ Г. П. У., гдѣ онъ теперь быть можетъ поддѣлываетъ и подписи своего развѣнчаннаго патрона Фрумкина, попавшаго въ немилость у Сталина изъ-за Троцкаго.

Два слова объ уборщикахъ.

Въ Бутырской тюрьмѣ одиночные корпуса мужской и женскій обслуживаютъ заключенные изъ уголовниковъ, контрреволюціонеровъ. Чаще всего эта «публика» состоитъ изъ воровской молодежи, хулигановъ и т. д., или, какъ ее называютъ въ тюрьмѣ, «шпаны». Бываетъ, разумѣется, что въ уборщики попадаютъ и интеллигентные заключенные изъ «контрреволюціи», взяточниковъ и т. д. Разумѣется, жандармы кадръ уборщиковъ подбираютъ осмотрительно, послѣ наблюденій, хорошихъ отзывовъ надзирателей и т. д. Уборщикъ, который долженъ обслуживать смертниковъ, политическихъ заключенныхъ, долженъ быть «благонадежнымъ», что въ переводѣ на большевистскій «соціалистическій жаргонъ» значитъ, что такой уборщикъ долженъ смертельно бояться жандармовъ, долженъ обо всемъ имъ доносить, шпіонить за своими товарищами, быть ловкимъ провокаторомъ, не признавать никакихъ основъ человѣческой морали, кромѣ «морали» коммунистической: служи вѣрно, работай изо всѣхъ силъ, будь преданъ, будь хорошимъ и ловкимъ шпіономъ, провокаторомъ, доносчикомъ. Все это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ жандармамъ особенно слѣдить за уборщиками. Въ общемъ порученіе уборщикамъ можно давать съ крайней осторожностью, послѣ изученія ихъ, наблюденія, тщательной провѣрки на мелкихъ порученіяхъ. Меня не разъ уборщики пытались спровоцировать, но это никогда имъ не удавалось. Способовъ для испытанія вѣрности и искренности уборщиковъ много. Иногда я дѣлалъ такъ: даю уборщику записку на вымышленную фамилію и адресую въ завѣдомо пустую камеру. Если записка возвра-

щается назадъ, — много шансовъ, что парень пригоденъ для порученій. Если же приноситъ «отвѣтъ», — ясно, что «ссучился», т. е. дѣйствуетъ по чекистской инструкціи.

Имѣя колоссальный опытъ, я очень быстро вообще устанавливалъ «пригодность» того или иного уборщика для разнаго рода порученій. Долженъ при этомъ сказать, что часто безъ помощи уборщиковъ въ нѣкоторыя камеры вообще физически немыслимо добраться.

Какъ ни тщательно дѣлается подборъ уборщиковъ, все же я находилъ среди нихъ лицъ, которые оказали мнѣ незабываемыя услуги, и благодаря которымъ я могъ оказывать и другимъ безцѣнныя услуги. Особенно мнѣ памятенъ одинъ уборщикъ Иванъ Андрейчукъ, арестованный какъ соучастникъ одной бандитской шайки, работавшей подъ Москвой и грабившей совѣтскія учрежденія и предпріятія. Не было буквально ни одного порученія, котораго не выполнилъ бы онъ блестяще, проявляя при этомъ массу иниціативы, смѣлости, находчивости. Никакого риска онъ не боялся и всегда былъ счастливъ, когда могъ выполнить мое заданіе.

Политическихъ заключенныхъ буквально обожалъ. Я никогда ни на одну минуту не колебался давать ему самыя отвѣтственныя и рискованныя порученія. Въ особенности онъ былъ незамѣнимъ для моей связи со смертниками, которыхъ вообще изъ камеръ никуда не выпускали, ни на прогулку, ни въ уборную, ни въ ванную.

Такъ какъ жандармы строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы уборщики ни на секунду не оставались съ глазу на глазъ съ заключенными, то мы условились такъ: я время отъ времени оставлялъ въ уборной записки, а онъ ихъ «находилъ» и, по уговору моему съ нимъ, доставлялъ эти записки жандармамъ. Ему даже въ видѣ исключенія за это разрѣшалось заходить въ уборную во время моего пребыванія въ послѣдней, въ надеждѣ, что я дамъ ему какое-либо порученіе и т. д.

Разумѣется, въ такихъ случаяхъ онъ часто успѣвалъ меня освѣдомить о новостяхъ, о новыхъ лицахъ и т. д., являясь въ глазахъ жандармеріи вполнѣ надежнымъ человѣкомъ. Судьба И. Андрейчука все же весьма печальная: онъ и его товарищъ внезапно были вызваны съ «вещами» въ канцелярію тюрьмы, гдѣ имъ и было объявлено постановленіе Г. П. У. — разстрѣлять.

Я лично и многіе другіе узники Бутырской тюрьмы многимъ обязаны этому «бандиту» съ прекрасной душой. Говоря объ уборщикахъ, я, пользуясь случаемъ, попутно скажу нѣсколько словъ и объ использованіи мною «тюремной азбуки», что тоже часто облегчало мою связь съ заключенными, которая была единственнымъ средствомъ связи, въ особенности во «внутренней тюрьмѣ». Сама по себѣ азбука очень проста, но при стучаніи по азбукѣ требуется большой навыкъ и въ особенности при пріемѣ «телеграммы».

Квадратъ дѣлится на 30 маленькихъ квадратиковъ и въ каждомъ квадратикѣ буква въ алфавитномъ порядкѣ. Сначала стучится мѣсто буквы въ горизонтальномъ ряду, напримѣръ: «в»: разъ плюсъ пауза въ 1—2 секунды плюсъ разъ-два-три, т. е. 1—3; буква «м» = 3—2; «т» = 4—3 и т. д. Вызовъ... 8, 10, 15 разъ стукнуть, «тревога» — одинъ разъ царапнуть, «понялъ» — одинъ разъ стукнуть. При сигналѣ «понялъ», слово не заканчивается уже, а начинается слѣдующее. «Повторите» — такъ же, какъ и «вызовъ».

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	ю	я		

Въ началѣ «азбука» дается не легко, а послѣ уже никакіе счеты ударовъ не нужны и «азбука» принимается по слуху. Послѣдніе два года я достигъ громаднаго совершенства въ зтомъ способѣ сношеній. Есть такіе способы переговоровъ по «азбукѣ», что никакія наблюденія (но не подслушиванія) жандармовъ не опасны. Бывало такъ: появляется у васъ сосѣдъ, но азбуки не знаетъ, а другихъ способовъ связи съ нимъ нѣтъ. Въ такихъ случаяхъ я все-таки сосѣда «азбукѣ» обучалъ въ 10-15 минутъ по особому методу.

Жандармы подозрѣвали, что я разговариваю съ сосѣдями или съ верхними камерами, или съ нижними. Неоднократно жандармы старались меня спровоцировать на разговоръ по «азбукѣ», но зто имъ никакъ не удавалось по очень простой причинѣ: условнымъ вызовомъ назначались 1 или 2 буквы, а на всѣ прочіе вызовы я обычно не отвѣчалъ до провѣрки, кто сосѣдъ. За 4 года одиночнаго заключенія въ дѣлѣ установленія связи я достигъ исключительнаго совершенства и зто нисколько не удивительно, т. к. я неустанно работалъ надъ тѣмъ, чтобы устанавливать все новыя и новыя связи съ заключенными. Разумѣется, я не могу объ зтихъ способахъ связи распространяться, но я охотно о нихъ сообщу тѣмъ политическимъ организаціямъ, которыя получатъ рекомендаціи отъ одного изъ слѣдующихъ политическихъ дѣятелей (въ алфавитномъ порядкѣ):

Абрамовичъ, Бурцевъ, Вандервельде, Гессенъ, Гринъ, Каутскій, Керенскій.

Связываюсь съ однимъ любопытнымъ смертникомъ, бывшимъ штабсъ-капитаномъ Нестеровымъ. Служилъ въ красной арміи на польскомъ фронтѣ. Демобилизованъ... Остался безъ работы и безъ всякихъ средствъ. Пріѣзжаетъ изъ Витебска въ Москву искать работы; встрѣчаетъ случайно на улицѣ товарища по полку. Оба очень рады. Однополчанинъ зоветъ къ себѣ на чашку чая, гдѣ пошли разговоры о прежнемъ житьѣ-бытьѣ. Наконецъ, однополчанинъ, служащій на видномъ мѣстѣ въ одномъ изъ трестовъ, заводитъ разговоръ о необходимости сверженія большевиковъ и т. д. Нестеровъ согласенъ, что большевиковъ-де дѣйствительно не дурно бы свергнуть. Однополчанинъ подъ страшнымъ «секретомъ» сообщаетъ, что-де въ Москвѣ есть военная организація, которая въ очень скоромъ времени выступитъ, что зта организація имѣетъ очень крупные опорные пункты въ войсковыхъ частяхъ. Предлагаютъ Нестерову вступить въ «организацію». Нестеровъ

же хотѣлъ имѣть только кусокъ хлѣба и жить мирно, не впутываясь ни въ какія политическія организаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и товарища огорчать не хотѣлъ — далъ свое согласіе.

Черезъ недѣлю Нестеровъ былъ арестованъ, какъ соучастникъ одной «бѣлогвардейской организаціи», готовившей «возстаніе» въ Москвѣ. Нестеровъ сталъ отрицать. Дали очную ставку съ товарищемъ однополчаниномъ, который все и разсказалъ «чистосердечно» объ «организаціи», выдавъ Нестерова. Оказалось, что никакой «организаціи» вообще не было, и его товарищъ-однополчанинъ попросту былъ провокаторомъ, вылавливающимъ «контръ-революціонеровъ» по заданію Г. П. У. Въ результатѣ Нестеровъ получилъ отъ Г. П. У. смертный приговоръ, который черезъ три недѣли и былъ приведенъ въ исполненіе.

Другой смертникъ—Нѣмченко былъ прокуроромъ какого-то окружнаго суда, а теперь — работникъ въ совѣтскомъ учрежденіи. За сокрытіе своего прошлаго получилъ смертный приговоръ безъ суда. Нѣмченко былъ одинокъ. Передъ разстрѣломъ «завѣщалъ» мнѣ 2000 р. царскими серебрянными рублями, зарытыми въ землѣ. Эти деньги я долженъ былъ получить и распредѣлить такъ: 50% въ пользу Политич. Краснаго Креста, а 50% мнѣ, женѣ и сестрѣ.

Положеніе мое было очень тяжелое, а въ особенности жены, и я рѣшилъ деньги использовать. Но какъ это сдѣлать? Вопросъ былъ очень сложный, такъ какъ не было подходящаго человѣка. Я рѣшилъ дѣйствовать оффиціально: вызвать прокурора, взять съ него въ видѣ «гарантіи» хотя-бы «честное слово» и потомъ сообщить о деньгахъ съ тѣмъ, что 30% поступятъ въ пользу Бутырской Библіотеки, 40% въ пользу Политич. Краснаго Креста и 30% мнѣ. Читатель быть можетъ скажетъ, что моя затѣя была глупа. Разумѣется, но что же оставалось дѣлать, когда деньги безъ пользы лежали въ землѣ, а кромѣ того 2000 р. царскими рублями = 1200 черв. рублямъ, изъ коихъ около 400 р. поступали въ пользу тюремной библіотеки. Остается около 800 р. Рѣшаю, что быть можетъ Г. П. У. воздержится отъ подлости изъ-за такой пустяковой суммы. На мой вызовъ прокурора пришелъ дежурный помощникъ коменданта Талызинъ. Сообщилъ ему суть дѣла, или требованія. Ушелъ. Черезъ 3—4 часа приходитъ и таинственно говоритъ, что зачѣмъ мнѣ имѣть дѣло съ прокуроромъ, когда онъ лично на извѣстныхъ условіяхъ все сдѣлаетъ прекрасно. Рѣшаю, что въ сущности шансы одинаковы, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Соглашаюсь, но рѣшаю все же перехитрить Талызина: требую, чтобы онъ передалъ секретное письмо женѣ. Связь у меня съ женой была, но цѣль передачи письма была иная: я сказалъ Талызину, что пока надо взять деньги, а потомъ, дескать, мнѣ еще нужно будетъ достать мои бриллıанты изъ земли. Расчетъ такой: первое дѣло Талызинъ сдѣлаетъ честно въ надеждѣ, что я поручу ему достать бриллıанты, которые онъ уже возьметъ себѣ цѣликомъ. Въ письмѣ я просилъ жену, чтобы она-де разрѣшила мнѣ извлечь изъ земли ея «бриллıанты». Талызинъ на все охотно соглашается. Передаю ему всѣ нужныя свѣдѣнія и письмо для жены. Черезъ недѣлю узнаю, что жена вызывалась въ Г. П. У., гдѣ у нея допытывались о ея «бриллıантахъ». Такъ какъ жена не имѣла никакихъ бриллıантовъ и т. к. я ее не успѣлъ обо всемъ предупредить, то она, разумѣется, ничего не могла понять, въ чемъ дѣло. Особенно же жена была удивлена, когда ей показали мое письмо, гдѣ я прошу ее раз-

рѣшить извлечь изъ земли ея «брилліанты». Отъ жены, разумѣется, ничего не добились, но 2000 рублей Г. П. У. путемъ провокаціи все же получило. Не такъ этихъ 2000 р. было жалко, какъ того, что Г. П. У. на этотъ разъ надо мною зло посмѣялось. По правдѣ говоря, даже теперь досадно объ этомъ вспоминать.

Получаю извѣстіе, что въ корридорѣ смертниковъ появилось новое лицо. Какой-то полякъ Еле, осужденный къ смертной казни за шпіонажъ.

Еле? Не тотъ ли это Еле, съ которымъ я одно время былъ связанъ во «внутренней» тюрьмѣ? Немедленно съ нимъ связываюсь и о чудо, — именно тотъ самый Евгеній Александровичъ Еле. Разумѣется, мы были оба страшно обрадованы, и въ особенности Еле, такъ какъ у него не было связей и встрѣча съ пріятелемъ по тюрьмѣ была большой радостью. На этотъ разъ связь у насъ была организована блестяще и прочно. Произошло съ Еле вотъ что: перешелъ нелегально границу для посѣщенія своихъ родныхъ; схваченъ уже въ Москвѣ на улицѣ лѣтомъ 1924 г. Одиночки «внутренней» тюрьмы. Судъ въ московскомъ трибуналѣ. Приговоръ — смертная казнь. Переводъ въ Бутырки, что было уже въ началѣ зимы, насколько я помню. У г. Еле ни бѣлья, ни платья, ни передачъ, ни денегъ. Боленъ. Спасается отъ холодной смерти, залѣзая по ночамъ въ грязный тюфякъ съ соломенной трухой. Снабдилъ его носками теплыми, бѣльемъ старымъ, отдалъ ему свою теплую фуфайку, дѣлился кое-какими продуктами, когда самому секретно передавали товарищи. Короче говоря, г. Еле немного ожилъ, хотя передъ этимъ онъ уже началъ собирать «вероналъ» (требуя его отъ безсонницы), чтобы сразу принять 20—30 порошковъ... Долго описывать невыносимыя страданія, которыя пришлось пережить г. Еле и до «суда» и послѣ «суда» — не стану. Переписка наша идетъ весьма оживленно. Спасти г. Еле — нетрудно, но надо дать о немъ знать на волю. Мой другъ (съ удовольствіемъ этого бандита называю своимъ другомъ), Андрейчукъ, послѣ громадныхъ усилій, связываетъ меня съ «рабочимъ корридоромъ» въ одномъ изъ корпусовъ тюрьмы, гдѣ находимъ общими силами человѣка, который берется мое письмо такъ или иначе доставить по адресу, указанному г. Еле. Въ письмѣ, между прочимъ, была просьба сообщить Политич. Красному Кресту о невыразимо бѣдственномъ положеніи г. Еле. Все сдѣлано. Не прошло и двухъ недѣль, какъ въ тюрьму явилась Ек. Павл. Пѣшкова (къ свѣдѣнію Г. П. У.: я лично никогда не состоялъ въ тайной перепискѣ съ Ек. Пѣшковой, какъ меня въ этомъ Г. П. У. стремилось обвинить въ началѣ 1926 г.) и отъ имени Польскаго Правительства заявила, что г. Еле скоро будетъ обмѣненъ. При этомъ Е. П. Пѣшкова передала г. Еле платье, бѣлье, обувь и 1 руб. денегъ. Читателю не трудно себѣ представить, какъ я и Еле были счастливы. Разумѣется, я особымъ способомъ заготовилъ для заграницы письма, которыми я снабдилъ г. Еле. Наконецъ насталъ счастливый день и Еле взяли съ «вещами», но не для поѣздки на лубянскую «голубятню» (на разстрѣлъ), а для выдачи польскому правительству.

Письма мои г. Еле перевезъ черезъ границу, несмотря на тщательный обыскъ, благополучно. Снялъ съ нихъ фотографическія копіи и разсылалъ по принадлежности. Вообще теперь была уже очередь работать Еле и онъ сдѣлалъ все, что могъ и сумѣлъ сдѣлать, не забывъ прислать 12 р. денегъ

мнѣ. (Сумма имѣла особое значеніе, какъ сообщеніе!), 7 р. женѣ и 6 р. сестрѣ. Между прочимъ, моя сестра не оптировала въ свое время латвійскаго гражданства, и потому являлась формально совѣтской гражданкой. Послѣ же того, какъ г. Еле вырвался на волю, моимъ друзьямъ удалось добиться того, что въ спискѣ требуемыхъ къ выдачѣ изъ С. С. С. Р. уже фигурировала и моя сестра. Разумѣется, полученіе отъ меня писемъ изъ одиночки «коридора смертниковъ» — страшно обрадовало моихъ бѣдныхъ стариковъ, моихъ друзей.

Теперь Евгеній Александровичъ Еле благополучно проживаетъ въ Варшавѣ.

Излагая въ послѣдовательномъ порядкѣ наиболѣе существенные факты изъ тюремнаго быта, необходимо отмѣтить фактъ разстрѣла жандарма Косоворотова за полученіе записки отъ заключеннаго, оказавшагося провокаторомъ. Дѣло было такъ: въ 61-ой камерѣ на II-омъ этажѣ сидитъ «политическій» заключенный. Косоворотовъ недавно назначенъ на мѣсто, а до полученія мѣста былъ безработнымъ. Въ силу нѣкоторыхъ соображеній, Г. П. У. рѣшило провѣрить чекистскую стойкость Косоворотова. Во время одного изъ дежурствъ Косоворотова заключенный изъ 61-ой камеры начинаетъ просить послѣдняго взять записку на волю. Послѣ долгихъ убѣжденій Косоворотовъ записку беретъ, къ чему его побудило, видимо, сочувствіе къ заключенному и желаніе подработать... Черезъ нѣсколько минутъ Косоворотовъ былъ арестованъ, и въ тотъ же день разстрѣлянъ, о чемъ даже секретнымъ приказомъ была оповѣщена тюремная жандармерія. Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ, что каждый совѣтскій жандармъ стремится доказать на кожѣ заключеннаго свою продажность Г. П. У.

Узнаю, что въ 20-ой камерѣ «коридора смертниковъ» сидитъ польскій гражданинъ г. Лашкевичъ, ожидающій обмѣна. Мобилизовалъ всѣ силы для установленія съ нимъ скорѣйшей связи. Дѣло подвигалось впередъ достаточно медленно, такъ какъ г. Лашкевичъ не имѣлъ еще опыта. Наконецъ связь наша была налажена очень хорошо и мы стали слать ежедневно другъ другу по 2—3 письма. Кромѣ того, я снабжалъ г. Лашкевича газетой, а онъ въ свою очередь дѣлился со мною своей передачей, которую получалъ еженедѣльно отъ жены изъ Варшавы черезъ Политическій Красный Крестъ.

Іосифъ Антоновичъ Лашкевичъ былъ секретаремъ Польскаго консульства въ Тифлисѣ. Былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни якобы за «шпіонажъ», чего въ дѣйствительности не было и въ поминѣ. Въ 1925 году г. Лашкевичъ долженъ былъ быть обмѣненъ на Багинскаго и Вечерковича, которые, какъ извѣстно, были убиты на польской территоріи за нѣсколько часовъ до ихъ обмѣна. Убійство было совершено полякомъ Мурашко, который въ свое время страшно много перенесъ пытокъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ и теперь рѣшилъ отомстить Г. П. У. убійствомъ 2-хъ лицъ, на обмѣнѣ которыхъ настаивало Г. П. У.

Это убійство, совершенно безцѣльное, могло вызвать у каждаго честнаго человѣка только глубокое негодованіе, независимо отъ того, что Багинскій и Вечерковичъ совершили тяжелыя преступленія въ Польшѣ противъ

существующаго строя и что Г. П. У. настаивало на выдачѣ ихъ большевикамъ въ обмѣнъ на I. А. Лашкевича и ксендза Усаса, осужденныхъ въ С. С. С. Р. съ цѣлью облегченія полученія изъ Польши лицъ, въ выдачѣ которыхъ Г. П. У. было крайне заинтересовано. Единственнымъ смягчающимъ тяжелую вину Мурашко могло быть только то обстоятельство, что Мурашко, какъ я уже говорилъ, въ свое время побывалъ въ лапахъ у Г. П. У., гдѣ перенесъ много ужасовъ. Воспоминаніе объ этихъ ужасахъ омрачило сознаніе Мурашко и онъ въ состояніи невмѣняемости совершилъ тяжелыя, безцѣльныя убійства.

Доставленные къ польской границѣ г. Лашкевичъ и г. Усасъ были возвращены въ Москву, что, разумѣется, произвело гнетущее впечатлѣніе на обоихъ узниковъ, чаявшихъ черезъ нѣсколько часовъ быть у себя уже на родинѣ на свободѣ.

Связь моя съ I. А. Лашкевичемъ продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, вплоть до его обмѣна. За время этой связи я успѣлъ дать г. Лашкевичу всѣ необходимыя указанія, подробныя инструкціи и т. д.

Само собою разумѣется, что г. Лашкевичъ, вырвавшись на волю, сдѣлалъ все, что было въ предѣлахъ его силъ и возможностей, чтобы обезпечить скорѣйшее освобожденіе изъ большевистскихъ застѣнковъ меня, жены и сестры.

Однажды связываюсь съ группой бывшихъ «бундовцевъ», а теперь только лойяльныхъ работниковъ въ «Мосторгѣ». Дѣло бытовое: у одного изъ арестованныхъ была вечеринка, на которую было приглашено нѣсколько старыхъ партійцевъ (Бундъ). Цѣль вечеринки безобидная: надоѣли сѣрые, подлые, совѣтскіе будни и захотѣлось вспомнить былые дни подполья при царизмѣ. Выпили, закусили, поболтали, покритиковали кремлевско-лубянскихъ жандармовъ и кажись бы — дѣлу конецъ. Однако, на второй день нѣсколько участниковъ вечеринки были арестованы. Приговора ждали уже 4 мѣсяца. Были страшно убиты тѣмъ, что придется оставить семьи, идти въ ссылку и т. д.

Все это обычная картина изъ совѣтской дѣйствительности и я о ней вспоминаю по другому поводу: бывшіе «бундовцы» подали коллективное прошеніе на имя Калинина о помилованіи. Были ли они сосланы или нѣтъ, я не знаю, такъ какъ не было желанія поддерживать съ ними больше связь. Лично думаю, что все же ихъ сослали, чему порукой могло служить ихъ уже довольно продолжительное сидѣніе въ тюрьмѣ.

Закончу 1925-ый годъ нѣсколькими строчками о самоубійствахъ. Какъ то я прочелъ однажды въ «Извѣстіяхъ», что въ польскихъ тюрьмахъ 30 % заключенныхъ кончаютъ самоубійствомъ, не вынося тюремнаго режима. Разумѣется, подобное сообщеніе является сплошнымъ вздоромъ вообще и въ частности потому, что каковъ бы ни былъ тюремный режимъ въ польскихъ тюрьмахъ, въ Польшѣ есть общественное мнѣніе, есть достаточно свободная печать, есть комитеты, наблюдающіе за жизнью заключенныхъ въ тюрьмѣ и т. д. Послѣ этой замѣтки въ «Извѣстіяхъ», я сталъ усиленно интересоваться вопросомъ о самоубійствахъ во «внутренней» тюрьмѣ и въ Бутырской военно-слѣдственной тюрьмѣ.

Наиболѣе часты самоубійства во «внутренней» тюрьмѣ, гдѣ ежемѣсячно бываетъ 3—4 случая самоубійствъ, не считая покушеній на самоубійство. Большой ли это процентъ, или нѣтъ, я не знаю, — пусть судитъ читатель самъ. Цифра заключенныхъ во «внутренней» тюрьмѣ колеблется отъ 270 до 350 человѣкъ, причемъ надо принять во вниманіе большую текучесть заключенныхъ во «внутренней» тюрьмѣ.

Лично думаю, что это все же не особенно большой процентъ самоубійствъ, особенно если принять во вниманіе ужасающій тюремный режимъ во «внутренней» тюрьмѣ, безправное положеніе заключенныхъ и т. п.

Сравнительно небольшой (для С. С. С. Р.!) % самоубійствъ можно объяснить тѣмъ, что въ С. С. С. Р. создалась уже извѣстная покорность населенія злодѣйскимъ насиліямъ кремлевско-лубянскихъ палачей надъ русскимъ народомъ. Въ С. С. С. Р. наврядъ-ли найдете человѣка, который ужаснулся бы, если-бы вы разсказали о томъ, что въ одну прекрасную ночь Г. П. У. поставило «къ стѣнкѣ» 100.000 человѣкъ. Слушатель вамъ отвѣтилъ бы: «Ну что-жъ, что 100.000 человѣкъ! Чай знаете, гдѣ живемъ и кто правитъ страной!!!»

Въ Бутырской тюрьмѣ процентъ смоубійствъ абсолютно не превышаетъ числа самоубійствъ во «внутренней» тюрьмѣ, но зато надо принять во вниманіе, что заключенныхъ въ Бутырской тюрьмѣ почти въ 10 разъ больше, чѣмъ во «внутренней» тюрьмѣ. Опять таки и здѣсь я не беру въ расчетъ покушеній на самоубійство, количество которыхъ очень велико — 20—30 въ мѣсяцъ.

Больше всего самоубійствомъ кончаютъ политическіе заключенные, и это понятно, т. к. для большинства политическихъ заключенныхъ 3 года ссылки, въ сущности есть тюрьма или ссылка на долгіе годы, — до конца владычества большевиковъ, т. к. большинство заключенныхъ, отбывъ свой срокъ, автоматически получаютъ новую «нагрузку» въ день, когда должно было бы состояться освобожденіе. Крайне тяжелое матеріальное положеніе политическихъ заключенныхъ также толкаетъ многихъ изъ нихъ на самоубійство.

Второе мѣсто послѣ политическихъ заключенныхъ занимаютъ смертники, хотя я неоднократно наблюдалъ, что у большинства изъ смертниковъ обычно до послѣдняго момента теплится надежда на спасеніе. Вспоминаю любопытный случай: сосѣдъ-смертникъ; осужденъ за похищеніе готовыхъ червонцевъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Какъ-то ночью начинаетъ стучать и сообщаетъ, что рѣшилъ покончить жизнь самоубійствомъ, и проситъ ему помочь достать кусокъ стекла. Я не сталъ особенно отговаривать, такъ какъ дѣло его было безнадежное, а кромѣ того, ждать отправки на «голубятню» — перспектива крайне тяжелая. Причемъ сообщилъ ему, какъ это лучше всего сдѣлать, чтобы жандармы не накрыли. Днемъ разбилъ стаканъ (оконное стекло очень непригодно для вскрытія венъ) и одинъ косой, острый какъ бритва кусочекъ передалъ ему. Простились и пожелалъ ему «счастливаго пути». Черезъ нѣкоторое время стучитъ, что рѣшилъ отложить «операцію» до ужина. Послѣ ужина сообщаетъ, что рѣшилъ подождать до 9 часовъ вечера, а около 10 ч. вечера его уже взяли на «голубятню».

Заканчивая вопросъ о самоубійствахъ, я долженъ отмѣтить громадное количество самоубійцъ-симулянтовъ, которые либо вѣшаются, либо рѣжутся,

но всегда такъ, чтобы жандармы своевременно увидѣли. Нѣкоторые, поцарапавъ себѣ руку, или даже вскрывъ вену, начннаютъ стонать н т. д. Такихъ симулянтовъ много среди подслѣдственныхъ и смертниковъ. Цѣль симуляціи — простая: или разжалобить слѣдователя, илн разжалобить Г. П. У. н склонить послѣднее къ замѣнѣ разстрѣла 10 г. тюрьмы. Разумѣется, все это въ судьбѣ подслѣдственнаго или осужденнаго ннкогда никакой роли не играетъ и Г. П. У. покушенію на самоубійство, какнми бы мотивами оно ни было вызвано, никакого значенія не придаетъ.

Среди самоубійцъ-симулянтовъ преобладаетъ по преимуществу малоинтеллигентная публнка.

Третій годъ моихъ нспытаній близнтся къ концу. Опредѣленнаго ннчего нѣтъ. Порою было невыразимо тяжело отъ сознанія своей безпомощности, но сейчасъ же появлялись снова и бодрость, и увѣренность, и желаніе бороться съ насиліемъ кремлевско-лубянской сволочи, именующей себя застрѣльщиками міровой «соціальной» революціи.

Около 11 ч. утра 4 ноября. Входитъ жандармъ: «слѣдуйте за мной безъ вещей!» Вводятъ въ кабинетъ коменданта Адамсона, гдѣ сидитъ и его помощникъ, тоже отъявленный негодяй — Лучко.

Лучко: — Я сейчасъ дамъ вамъ одно свиданіе, но при иепремѣнномъ условіи — вы не должны ни одиимъ словомъ коснуться своего дѣла, въ противномъ случаѣ вы будете немедленно уведены и посажены въ карцеръ. Согласны?

Брун.: — Хорошо, я касаться своего «дѣла» не буду.

Вводятъ въ другую комнату, гдѣ снднтъ нѣсколько лицъ въ штатскомъ и какой-то чинъ изъ Г. П. У. Одинъ изъ штатскихъ говоритъ:

— Здравствуйте, г. Бруновскій. Я секретарь латвійскаго посольства. Это мой помощникъ. Это представитель Нар. Ком. Ин. Дѣлъ, а зто представитель Г. П. У.

Какъ Вы себя чувствуете? Есть-ли у Васъ какія-либо заявленія, просьбы къ латвійскому правительству? Быть можетъ, вы скоро будете обмѣнены, т. к. переговоры по зтому вопросу успѣшно идутъ впередъ.

Нѣтъ надобностн разсказывать, какъ я былъ пріятно удивленъ зтой встрѣчѣ. Сдѣлалъ заявленіе личнаго характера, выяснилъ нѣкоторые вопросы, но рѣшилъ въ послѣднія минуты «свиданія» коснуться «дѣла». Обращаюсь къ представителю Нар. Ком. Ин. Дѣлъ:

— Могу ли сообщить г. секретарю о томъ, что моя жена больна цынгой

Предст. Нар. Ком. Ин. Дѣлъ: — Нѣтъ!

Брун.: — Могу ли сообщить о причинахъ своихъ голодовокъ, о тюремномъ режимѣ, о провокаціи Г. П. У.?

Предст. Нар Ком. Ин. Дѣлъ: —Нѣтъ, зто къ дѣлу не относится.

Брун.: — Г. Секретарь, я просилъ бы запротоколировать отвѣты г предст. Нар. Ком. Ин. Дѣлъ.

Секретарь латвійскаго посольства обращается къ своему помощнику:

— Запншнте.

Предст. Г. П. У. поспѣшно: — Свиданіе кончено!

Меня снова увелн въ кабинетъ коменданта тюрьмы.

Лучко: — Какъ Вы смѣли нарушнть свое обѣщаніе?

Брун.: — Я не нарушилъ своего обѣщанія, я только просилъ г. предст. Нар. Ком. Ин. Дѣлъ разрѣшить мнѣ сдѣлать г. секретарю латвійскаго посольства докладъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

Лучко: — Не валяйте дурака, Бруновскій; никакихъ свиданій Вы никогда не получите больше.

На этомъ разговоръ кончился, но въ карцеръ я все же посаженъ не былъ.

Итакъ, 1925 годъ я окончилъ подъ знакомъ бодрой увѣренности, что скоро вырвусь на волю, если не черезъ недѣли, то черезъ немногіе мѣсяцы.

Сообщилъ сейчасъ же все женѣ, но она, оказывается, тоже имѣла уже свиданіе съ секретаремъ Латвійскаго Посольства и тоже ушла въ свою камеру съ лучшими надеждами.

Наступилъ уже 1926 годъ, но предположеніе Секретаря Посольства все не воплощалось въ жизнь. Порою казалось, что всѣ ожиданія напрасны, и въ перспективѣ рисовались картины сидѣнія въ каменномъ гробу еще въ теченіе долгихъ лѣтъ. Письма отъ жены становились все безнадежнѣе. Сестра была переведена въ Лефортовскую тюрьму и лежала въ тюремномъ околоткѣ, какъ больная туберкулезомъ (заболѣла въ Соловкахъ). Словомъ, душевное состояніе было на границѣ полнаго отчаянія, и я сталъ на всякій случай собирать порошки веронала.

Совершенно неожиданно получаю 12 рублей денегъ. Цифра показывала, что деньги отъ г. Еле и что самое главное! — есть основаніе надѣяться на скорое освобожденіе.

Вскорѣ Политическій Красный Крестъ сталъ посылать мнѣ, женѣ и сестрѣ индивидуальныя передачи: 3 фунта бѣлаго хлѣба, 150 гр. масла, 150 гр. сыру, 150 гр. колбасы, — все на 6 дней. Сама такая передача значительно уже облегчала существованіе, а самое главное, что передачи показывали мнѣ, что г. Лашкевичъ благополучно вырвался на волю и сталъ предпринимать соотвѣтствующіе шаги въ цѣляхъ скорѣйшаго освобожденія меня, жены и сестры.

Нѣкоторое время спустя меня неожиданно посѣтилъ представитель Политическаго Краснаго Креста Михаилъ Львовичъ Винаверъ въ присутствіи представителей Народнаго Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ и Г. П. У. и вручилъ мнѣ для подписи довѣренность на имя І. А. Лашкевича, котораго я просилъ взять на себя обязанности моего довѣреннаго заграницей. Какъ потомъ выяснилось, мою довѣренность Г. П. У. отказалось выдать г. Лашкевичу, сообщивъ ему, что онъ признается неправоспособнымъ, какъ приговоренный въ свое время къ смертной казни. Мотивировка Г. П. У. очень любопытна вообще и въ особенности потому, что и г. Лашкевичъ и я являемся иностранными гражданами, правоспособность которыхъ устанавливаетъ Г. П. У.

Все предвѣщало хорошій конецъ. Стало радостнѣе и свѣтлѣе на душѣ.

Какъ-то около 5 часовъ вечера вызываютъ «по городу безъ вещей». Усаживаютъ въ автомобиль, привозятъ въ Г. П. У. и сразу проводятъ въ кабинетъ прокурора Г. П. У. Катаньяна.

Встрѣтилъ очень сурово, сидя за письменнымъ столомъ и просматривая какія то бумаги.

Катаньянъ: — Мы рѣшили Васъ выдать Латвійскому правительству въ порядкѣ обмѣна Васъ на нашихъ товарищей, находящихся въ Латвійскихъ тюрьмахъ. Ваше правительство затягиваетъ переговоры, а между тѣмъ мы хотѣли бы скорѣе вырвать на волю нашихъ товарищей. Въ скорѣйшемъ обмѣнѣ, какъ мнѣ кажется, заинтересованы и Вы лично.

Ваши земляки подали рядъ прошеній на имя Латвійскаго посла. Если Вамъ угодно, Вы можете тоже подать такое прошеніе.

Послѣ этого Катаньянъ передалъ мнѣ около 10 прошеній на имя Латвійскаго Посольства въ Москвѣ, подписанныя якобы латвійскими гражданами.

Прошенія были составлены не только въ рѣзкой, но и въ крайне грубой формѣ.

Въ этихъ прошеніяхъ Латвійское правительство въ очень грубой формѣ упрекалось за затяжку переговоровъ объ обмѣнѣ. Разумѣется, мнѣ стало совершенно ясно, что это самая грубая провокація, такъ какъ если бы Латвійское Правительство и въ 100 разъ больше заслуживало упрека, то и тогда латвійскіе граждане, сидя въ совѣтскихъ застѣнкахъ, никогда не рѣшились бы писать грубыхъ, дерзкихъ писемъ по адресу своего правительства, отъ котораго ожидали освобожденія. Это понятно даже ребенку. Мнѣ было ясно, что всѣ эти «прошенія» сдѣланы въ Г. П. У. и имъ же подписаны. Цѣль Г. П. У. была очень простая: въ случаѣ подписи мною такого «прошенія», переслать его Латвійскому Послу для передачи Латвійскому Правительству, которое несомнѣнно было бы возмущено такого рода «прошеніемъ» и могло бы отказаться отъ требованія выдать меня.

Брун.: — Хорошо, г. Катаньянъ, я съ удовольствіемъ подпишу такое прошеніе, если оно можетъ ускорить обмѣнъ. Но я еще ничего не ѣлъ и сдѣлаю это послѣ ужина.

Дѣло въ томъ, что я дѣйствительно былъ страшно голоденъ и потому рѣшилъ получить за счетъ г. Катаньяна, т. е. Г. П. У., хорошій ужинъ. Мнѣ было ясно, что Катаньянъ не захочетъ дѣло оттягивать до ужина, такъ какъ я могу еще передумать и потому прикажетъ подать приличный ужинъ изъ чекистскаго клуба. Вообще я рѣшилъ немножко посмѣяться надъ Катаньяномъ.

Катаньянъ: — Вамъ будетъ поданъ ужинъ сюда и Вы можете писать.

Черезъ 10—15 минутъ былъ поданъ ужинъ: кажется, пара котлетъ съ горошкомъ, бѣлый хлѣбъ, кофе и я, признаюсь, съ большимъ удовольствіемъ прилично поужиналъ.

Послѣ ужина я засѣлъ за писаніе прошенія. Катаньянъ молчалъ и очень серьезно занимался своими «дѣлами», какъ бы говоря мнѣ: пиши, пиши, — это вѣдь не меня, молъ, касается, а тебя.

Примѣрно черезъ ½ часа я написалъ прошеніе на имя Посла и вручилъ его Катаньяну, который сталъ читать его.

Вижу, что лицо Катаньяна вытянулось.

Катаньянъ: — Что это, — наглость или глупость? Въ чемъ дѣло?

Брун.: — Ни то, ни другое, любезнѣйшій г. прокуроръ. Вы сами все дѣло испортили, такъ какъ послѣ хорошаго ужина, я уже не въ состояніи сердиться на мое правительство. Отличное мое настроеніе нѣсколько отразилось на содержаніи и главное на формѣ моего прошенія на имя г. Посла. Какъ видите, г. Катаньянъ, я лично рѣшительно ни въ чемъ не повиненъ.

Дѣло въ томъ, что прошеніе я написалъ въ весьма корректной формѣ, указавъ, что Г. П. У. мнѣ заявило о томъ, что Латвійское Правительство задерживаетъ обмѣнъ и что я очень прошу, буде сообщенія прокурора Г. П. У. окажутся вѣрными, войти въ мое положеніе и т. д. и т. д.

Кат.: — Смотрите, г. Бруновскій, чтобы Вы только не пожалѣли о Вашемъ шагѣ.

Брун.: — Не безпокойтесь, мой дорогой другъ, о моей судьбѣ. Въ предѣлахъ возможнаго я самъ о ней позабочусь.

На этомъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи, выйдя на волю, я опросилъ почти всѣхъ обмѣненныхъ вмѣстѣ со мною и выяснилъ, что никто изъ нихъ никогда подобныхъ прошеній не писалъ и не сталъ бы писать.

Такъ чекистская банда не отказывается даже отъ мелкаго жульничества, которое отлично характеризуетъ совѣтскую прокуратуру вообще и прокуратуру Г. П. У. въ частности.

Среди моихъ корреспондентовъ меня очень интересовали арестованные чекисты. Разумѣется, я всегда имѣю въ виду болѣе или менѣе отвѣтственныхъ чекистовъ. Не буду теперь занимать вниманіе читателя разсказами о томъ, что мнѣ иногда удавалось узнать отъ чекистовъ. Эта часть моихъ воспоминаній будетъ изложена отдѣльно въ моемъ очеркѣ «Что такое Г. П. У. и какъ оно работаетъ». Теперь я только упомяну о дѣлѣ Б. В. Савинкова, о чемъ въ № 2065 газеты «Руль» отъ 14. IX. 1927 г. я помѣстилъ слѣдующую статью:

УБІЙСТВО Б. В. САВИНКОВА.

Вокругъ Б. В. Савинкова ходили и ходятъ самые фантастическіе слухи, въ которыхъ правда переплелась съ самой безсмысленной фантазіей. Такой же фантазіей является и заявленіе г. Булакъ-Балаховича, утверждающаго, что Савинковъ живъ. Савинковъ убитъ Г. П. У.

Да, убитъ, а не покончилъ самоубійствомъ, какъ это было вынуждено заявить Г. П. У.

Среди моихъ многочисленныхъ «секретныхъ» корреспондентовъ въ тюрьмѣ бывали и весьма видные чекисты. Эта категорія «корреспондентовъ» по вполнѣ понятнымъ причинамъ, меня особенно интересовала, почему я всегда стремился организовать съ ними связь и очень часто мнѣ это удавалось прекрасно. Какъ правило, я всегда наводилъ предварительныя справки о тѣхъ секретныхъ заключенныхъ, съ которыми я хотѣлъ организовать тайныя сношенія. Къ сожалѣнію, я пока не могу касаться техники моихъ сношеній съ заключенными и съ волей, но это и неважно сейчасъ. Въ сношеніяхъ съ арестованными чекистами приходилось соблюдать особенную осторожность, не распрашивать, за что арестованъ, даже выдавать себя за отвѣтственнаго работника какого либо провинціальнаго Г. П. У., не называть своей фамиліи и т. д. Въ началѣ 1926 г. я получилъ свѣдѣнія, что въ корридорѣ смертниковъ въ камерѣ № 6 находится одинъ изъ отвѣтственныхъ работниковъ Секретнаго Оперативнаго Управленія Г. П. У., нѣкто Запольскій, онъ же и видный участникъ въ работѣ Польской секціи Коминтерна. Естественно, что я мобилизовалъ всѣ средства, чтобы всту-

пить въ сношеніе съ Запольскимъ. Это мнѣ удалось. Себя я выдалъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Закавказскаго Г. П. У. Мнѣ удалось узнать, что Запольскій безусловно будетъ пущенъ въ «расходъ». Себя я выдалъ тоже безнадежнымъ «смертникомъ». Короче говоря, мы «подружились» вполнѣ, какъ безнадежные «смертники».

Вотъ что сообщилъ мнѣ Запольскій о дѣлѣ Савинкова.

Б. В. Савинковъ стоялъ на распутьѣ. Въ его настроеніяхъ произошелъ переломъ. Этотъ безстрашный революціонеръ, бывшій членъ боевой организаціи П. С. Р., сподвижникъ и другъ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участникъ казни Великаго Князя Сергѣя Александровича, Плеве и другихъ не могъ жить спокойной жизнью и рѣшилъ поѣхать въ С. С. Р. для активной работы съ большевиками. Въ 1923 г., а засимъ и въ 1924 году, Б. Савинковъ вступилъ въ секретные переговоры съ большевиками объ условіяхъ работы съ ними. Условія Г. П. У. были таковы: явка въ С. С. С. Р. якобы по личному почину и безъ вѣдома Г. П. У. Публичный «судъ», покаяніе, разоблаченія. Всѣ условія Савинковъ принялъ, причемъ заявилъ, что разоблаченія будетъ давать не по инструкціи Г. П. У., но готовъ ничего не утаить. Какъ мнѣ сообщилъ Запольскій, Г. П. У. все же удалось вынудить Савинкова кое въ чемъ свои разоблаченія согласовать съ видами Московскихъ правителей. Все было заранѣе разработано и даже составленъ обвинительный актъ, почему всѣ событія были разыграны, какъ по нотамъ: 20 августа 1924 г. Савинковъ «арестованъ» на территоріи С. С. С. Р., 23 августа ему уже врученъ обширный обвинительный актъ о безчисленныхъ его «злодѣйствахъ» противъ «рабоче-крестьянской» республики и «пролетарскаго» правительства съ добрымъ десяткомъ статей, по каждой изъ которыхъ положена «высшая мѣра наказанія». Черезъ 72 часа началось «судебное» разбирательство «дѣла» въ Военной Коллегіи Верховнаго Суда Союза С. С. Р. и въ ночь на 20 августа 1924 г. Б. Савинкову былъ вынесенъ смертный приговоръ. Черезъ 12 часовъ, якобы по постановленію ЦИК'а С. С. С. Р. разстрѣлъ былъ замѣненъ лишеніемъ свободы срокомъ на 10 лѣтъ.

Однако самая ужасная трагедія для Савинкова начинается только послѣ этого. Условленной свободы Савинковъ не получилъ, хотя жилось Савинкову во «внутренней тюрьмѣ Г. П. У.» много лучше, чѣмъ другимъ: получалъ безъ ограниченія книги, любыя газеты, а въ томъ числѣ и иностранныя, ежедневная прогулка на автомобилѣ по городу, хотя и при соотвѣтствующемъ надзорѣ провожатыхъ. Однако Савинковъ не о такой жизни мечталъ. Естественно, что страстную, кипучую натуру Б. Савинкова жизнь въ большевистскомъ застѣнкѣ удовлетворить не могла. Б. Савинковъ начинаетъ понимать, что съ нимъ продѣлала кремлевско-лубянская банда. На имя Дзержинскаго слѣдуетъ рядъ писемъ. Савинковъ требуетъ выполненія договора, но увы, — изъ большевистскаго капкана вырваться не такъ легко. Участь Савинкова была предрѣшена давно. На волю большевики никогда и ни при какихъ условіяхъ и не думали его выпускать.

Савинкова держатъ въ Г. П. У. Долго съ нимъ возиться, да еще послѣ того, какъ онъ былъ полностью использованъ, было не въ интересахъ Г.П.У.

Было рѣшено дѣло ликвидировать разъ и на-всегда. Ждали удобнаго случая, который вскорѣ и представился: Савинковъ написалъ уже извѣстное изъ печати письмо на имя Дзержинскаго. Послѣ письма **Б. Савинковъ былъ немедленно отравленъ и трупъ его выбро-**

шенъ въ окно 5-го этажа канцелярін «внутренней тюрьмы Г. П. У.».

Оффиціально было опубликовано, что Б. Савинковъ покончилъ самоубійствомъ, а въ видѣ косвеннаго доказательства зтого было приведено въ печати вышеупомянутое письмо на нмя Дзержинскаго.

Вотъ голая правда о дѣлѣ Б. Савинкова. Самое дѣло покрылось уже пылью исторіи, но оно теперь ярко говоритъ о безсмертиой подлости душителей русскаго народа, русскихъ рабочнхъ н крестьянъ.

Какое ужасное, подлое, грязное осиное гнѣздо зто Г. П. У.! Самые мрачные застѣнки средневѣковья кажутся дѣтскими игрушками по сравненію съ большевистской «соціалистической» охранкой. Многое о Г. П. У. я лично провѣрилъ на себѣ, много видѣлъ «зкспериментовъ» Г. П. У. надъ другими и все такн многія сообщенія чекистовъ ставили въ тупикъ, переносили въ область кошмарныхъ призраковъ. Какъ много написано о злодѣйствахъ царской охранкн и всетаки послѣдняя, поставлениая рядомъ съ Г. П. У., кажется самымъ невиннымъ учрежденіемъ и по своимъ размѣрамъ и по характеру своей работы. Всѣ московскія злодѣйства совершаются во имя большевистскаго «соціализма»!

Все это дѣлается именемъ коммуннстической «соціальной» революціи!

Все это дѣлается кремлевско-лубянской шайкой отъявлеиныхъ негодяевъ, именующихъ себя творцами новаго якобы «соціалистическаго» міра!

Вскорѣ мнѣ представился случвй получить кой-какія свѣдѣнія объ англійскомъ капитаиѣ Г. Рейли.' По зтому поводу въ газетѣ «Сегодня» отъ 26. IX. 1927, № 37, я помѣстилъ слѣдующую замѣтку въ связи съ иѣкоторыми сообщеніями въ печатн о капитанѣ Г. Рейлн.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ?

Не такъ давно одинъ изъ Рижскнхъ портныхъ на ул. Блаумана, приводя въ порядокъ мое пальто, пробывшее со миою 4 года въ московскихъ застѣнкахъ, съ громаднымъ удивленіемъ передалъ мнѣ два лоскуткв полотна съ непонятными ему надписями. Пришлось пояснить нахожденіе подозрительиыхъ лоскутковъ въ швѣ рукава пальто. Дѣло въ томъ, что, имѣя въ тюрьмѣ обширныя тайныя сношенія съ заключенными, мнѣ приходилось многіе имена и факты записывать шифромъ на крохотныхъ кусочкахъ полотна и зашивать ихъ въ разныя мѣста моего платья. По пріѣздѣ въ Рнгу я извлекъ свою «почту», но о двухъ запискахъ совершенно забылъ.

На одной изъ зтихъ записочекъ зиачилось: «англійскій офицеръ Рейли. Персія. Тесть».

Поводъ для записи зтнхъ словъ былъ такой: въ первой трети 1926 г. я узиалъ, что въ Бутырской больницѣ находнтся какой-то важный англійскій «шпіонъ». Изолированъ въ особой комнатѣ. На прогулку выходитъ въ сопровожденін двухъ чекнстовъ, прикомандированныхъ изъ внутренней тюрьмы.

Разумѣется, мнѣ страшно хотѣлось узнать въ чемъ дѣло н при возможности связаться съ важнымъ «шпіономъ». Осуществить послѣднее мнѣ

никакъ не удавалось и главнымъ образомъ благодаря неотступному надзору двухъ лубянскихъ чекистовъ.

Одинъ изъ моихъ тайныхъ корреспондентовъ серьезно заболѣлъ и долженъ былъ слечь въ околотокъ Бутырской тюрьмы. Было основаніе полагать, что и его не помѣстятъ въ общихъ камерахъ околотка.

Такъ какъ это былъ очень умный, энергичный, расторопный и ловкій человѣкъ, то я ему и поручилъ поразнюхать, при возможности, кое что о важномъ англійскомъ «шпіонѣ». Черезъ нѣсколько недѣль мой пріятель былъ выписанъ изъ околотка и снова водворенъ въ узилище. Разумѣется, наши тайныя сношенія мы продолжали.

Пріятелю моему тоже не удалось войти въ тайныя сношенія съ важнымъ англійскимъ «шпіономъ». Но все же кое что удалось узнать: фамилію и еще кое какія-свѣдѣнія. Въ результатѣ мною была сдѣлана вышеупомянутая запись. Въ настоящее время абсолютно не могу припомнить смысла и значенія словъ «Персія» — «тесть». Да это впрочемъ и несущественно.

Важно другое: **капитанъ Георгъ Рейли въ первой трети 1926 г. безусловно не былъ еще разстрѣлянъ. Такимъ образомъ, большевистскія сообщенія о разстрѣлѣ кап. Рейли въ 1925 г. абсолютно невѣрны.**

Въ чемъ дѣло? На этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить. Несомнѣнно одно: подобное сообщеніе въ свое время было нужно кремлевско-лубянскимъ убійцамъ. Если кап. Г. Рейли еще живъ, онъ несомнѣнно находится во «внутренней тюрьмѣ», въ одной изъ секретныхъ камеръ «для особаго назначенія».

Эти камеры спеціально оборудованы на чердакѣ внутренней тюрьмы и нѣкоторые узники томятся въ нихъ еще съ 1918-1919 г. г. Записаны эти заключенные подъ вымышленными именами, охраняются особымъ нарядомъ чекистовъ, гуляютъ черезъ день по 10 минутъ въ крохотномъ дворикѣ рядомъ съ баней «внутренней» тюрьмы и пищу получаютъ изъ чекистской столовой.

Извѣстно одно: это вѣчные узники, пока Россіей будутъ править большевики, — заживо погребены.

Если кап. Г. Рейли живъ, нѣтъ никакихъ сомнѣній, что онъ сидитъ въ одной изъ «секретныхъ камеръ» особаго назначенія до «особаго востребованія».

Въ камерѣ № 17 сидѣлъ латвійскій гражданинъ Андрей Зебергъ. Разумѣется, связь съ нимъ я могъ легко установить въ любое время, но Зебергъ, за которымъ я очень наблюдалъ, производилъ впечатлѣніе совершенно убитаго горемъ человѣка, ходилъ какъ тѣнь и вообще производилъ впечатлѣніе психически больного.

Все-же о дѣлѣ Зеберга я получилъ самыя точныя свѣдѣнія отъ лицъ, сидѣвшихъ съ нимъ на «общемъ корридорѣ», до перевода Зеберга въ одиночный корпусъ въ «корридоръ смертниковъ».

Дѣло тоже бытовое и для С. С. С. Р. совершенно обычное.

Андрей Зебергъ обыватель въ широкомъ смыслѣ этого слова. Имѣлъ какое-то налаженное небольшое торговое предпріятіе. Былъ женатъ. Въ моментъ ареста жена была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности.

Въ 1925 году внезапно арестованы онъ и его беременная жена. Обвиненіе обычное — «шпіонажъ» въ пользу Германіи подъ руководствомъ германскаго консула ие то въ Туркестанѣ, не то на Кавказѣ, точио ужъ не помню. Германскій консулъ не то Блау, не то Блюмъ или Блюме былъ тоже арестоваиъ, какъ мнѣ помнится. Отъ Зеберга требовалось, чтобы оиъ выступилъ свидѣтелемъ противъ Германскаго коисула.

Зебергъ имѣлъ граждаиское мужество отказаться и началась обычиая въ такихъ случаяхъ чекистская «операція» со всѣми ея ужасами.

Мнѣ разсказывали, что Зебергъ неоднократно голодалъ, довелъ себя до полнаго физическаго истощеиія, навсегда погубивъ свое здоровье. Больше всего Зебергъ страдалъ изъ-за неизвѣстности о судьбѣ своей молодой жены. Имущество Зеберга было цѣликомъ конфисковано. О дальиѣйшей его судьбѣ ничего не знаю, такъ какъ однажды вечеромъ Зебергъ внезапно исчезъ, — былъ перевезенъ во «виутреиню͏ю» тюрьму. Если Зебергъ не былъ замучеиъ до смерти или не сошелъ окоичательио съ ума, то вѣроятно только одно изъ двухъ: либо онъ разстрѣлянъ, либо сосланъ въ какой-нибудь лагерь. О кошмарномъ положеніи А. Зеберга я довелъ въ свое время до свѣдѣнія Латвійскаго правительства, которое, надо полагать, въ свою очередь доведетъ до свѣдѣиія общественнаго мнѣнія Латвіи о судьбѣ Зеберга.

Въ это же время въ Бутырской тюрьмѣ особеиио много было рабочихъ изъ состава «оппозиціи». Кое съ кѣмъ изъ иихъ миою была устаиовлена связь, но ничего особеиио иитереснаго эта связь не давала, тѣмъ болѣе, что вообще тайная связь съ малограмотными, недостаточио иителлигентными заключенными очень тяжела и рисковаина. Картина въ общемъ трафаретнаго характера: арестъ, допросъ, запугиваиіе и въ случаѣ отказа возвратиться въ Сталинскую шайку (зтимъ я отнюдь ие хочу сказать, что шайка Троцкаго и Ко. лучше, какъ склоииы думать нѣкоторые заграницей) — ссылка въ Соловки, Сибирь, Туркестаиъ и т. д.

Значительный иитересъ представляло «дѣло» бывшаго полковника И. З. Козловскаго, о которомъ въ № 181 газеты «Сегодня» отъ 16 августа 1927 г. мною помѣщена замѣтка:

КАКЪ КРЕМЛЕВСКО-ЛУБЯНСКИЕ ПАЛАЧИ УБИЛИ ПОЛК. И. З. КОЗЛОВСКАГО И ЕГО 16-ЛѢТН. СЫНА.

(Письмо въ Редакцію).

Въ своемъ сообщеніи о подлой расправѣ большевицкой жандармеріи съ германскимъ коммуиистомъ Доббертомъ я упомянулъ, что во время моего сидѣнія въ большевицкихъ тюрьмахъ я имѣлъ свѣдѣиія о многихъ заключенныхъ, содержавшихся въ большевицкихъ застѣнкахъ («внутренияя тюрьма» Г. П. У. на Лубянской Площади и Бутырская воеиио-слѣдствеиная тюрьма Г. П. У.). Среди нихъ въ «корридорѣ смертниковъ» Бутырской тюрьмы между прочимъ былъ и бывшій полковникъ И. З. Козловскій со своимъ сыномъ.

И. З. Козловскій успѣлъ сообщить миѣ всѣ подробиости о своемъ «дѣлѣ» и просилъ меня при наличіи извѣстныхъ условій опубликовать все, что касается этого кошмарнаго злодѣйства кремлевско-лубяиской шайки убійцъ.

Порученія К. въ главной ихъ части мною выполнены и я считаю себя не только въ правѣ уже, но и обязаннымъ выполнить послѣднюю волю убитаго.

Полк. К. (инженерныхъ войскъ), участникъ гражданской войны. Сражался въ арміи ген. Врангеля. Никакой особой роли никогда не игралъ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ рядовымъ офицеромъ, выполняя свои обязанности согласно воинской присяги. Арміи ген. Врангеля разгромлены. К. со своей семьей очутился въ Галлиполи. Обычныя мытарства и лишенія. Пересмотръ своего идейнаго багажа. Тоска по Россіи и страстное желаніе вернуться на родину. Кремлевско-лубянскіе палачи, желая явить міру свое «великодушіе» побѣдителей, издаютъ декретъ объ амнистіи участникамъ гражданской войны. Не чувствуя за собой особыхъ «грѣховъ», К. подаетъ въ началѣ 1924 г. на имя предсѣдателя ЦИК СССР Михаила Калинина прошеніе о разрѣшеніи вернуться въ Россію съ семьей. Къ прошенію приложилъ точную біографію, послужной списокъ и вообще ничего не скрылъ, во всемъ чистосердечно покаявшись. Полковникъ К. амнистированъ и получилъ разрѣшеніе на въѣздъ въ Россію со своей женой и 16-лѣтнимъ сыномъ. Въ серединѣ 1925 г. К. съ семьей уже въ Петроградѣ.

Съ этого момента начинаются событія, ярко иллюстрирующія неслыханное коварство и злодѣйство шайки кремлевско - лубянскихъ убійцъ. Съ борта парохода К. съ семьей сразу попадетъ на Гороховую 2 (Петроградское Г. П. У.), гдѣ его разлучили съ женой, оставивъ съ сыномъ. Проститься съ женой не дали. Бѣлье, кое какое платье, около 60 долларовъ денегъ немедленно были отобраны. Подвалъ. Допросъ. Пытки. Обвиненіе въ активной борьбѣ противъ «республики совѣтовъ» съ требованіемъ указать и поименно назвать всѣхъ наиболѣе активныхъ участниковъ разныхъ бѣлыхъ общественно-политическихъ и военныхъ организацій. К. указываетъ, что въ прошеніи на имя Калинина и въ соотвѣтствующей анкетѣ все исчерпывающе и чистосердечно изложилъ, что бѣлой общественно-политической жизнью не интересовался и ни въ какихъ эмигрантскихъ обществахъ и союзахъ не состоялъ. Пытки продолжаются. Въ началѣ 1926 года переводъ въ Москву во «внутреннюю тюрьму». Снова пытки и издѣвательства. К. рѣшаетъ просить защиты у большевицкаго генералъ-прокурора Курскаго. Подаетъ прошеніе, въ которомъ говоритъ о своемъ дѣлѣ, о великодушномъ амнистированіи его и т. д. Вызовъ къ слѣдователю и заявленіе послѣдняго: «мы еще покажемъ Вамъ амнистію».

Потомъ переводъ въ Бутырскую тюрьму и содержаніе вмѣстѣ съ сыномъ въ камерѣ № 18 «корридора смертниковъ» въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, уголовный режимъ, безъ прогулокъ, безъ свиданій, безъ книгъ, безъ передачъ, безъ извѣстій о женѣ и т д.

Голодовка въ теченіе 17 дней. Рядъ новыхъ прошеній на имя Калинина, Рыкова, прокурора Г. П. У. Катаньяна, — результатовъ никакихъ.

Въ іюлѣ К. вручается постановленіе Коллегіи О. Г. П. У.: бывшаго полковника И. З. Козловскаго и его сына Александра разстрѣлять, а жену сослать въ лагерь срокомъ на 10 лѣтъ.

Поясню: нижній этажъ «корридора смертниковъ» состоитъ изъ 12 камеръ по 6 съ обѣихъ сторонъ корридора. Изъ моей камеры (№ 10) въ

«волчекъ» можно наблюдать все, что дѣлается въ камерахъ №№ 20, 19, 18, 17. Всѣ безъ исключенія выводы на разстрѣлъ изъ этихъ камеръ я всегда могъ наблюдать.

Тринадцатое сентября. Около 10 часовъ вечера. Въ корридорѣ смертниковъ гробовая тишина. Шаги. Тихій лязгъ ключа. Подбѣгаю къ волчку и вижу картину: старшій жандармъ Абрамовъ съ подручными входятъ въ камеру къ К. Послѣдній съ сыномъ стоятъ на колѣняхъ и молятся Богу. Абрамовъ: «К., собирайтесь съ вещами!» К. и сынъ продолжаютъ молиться. Абрамовъ ударомъ ноги въ спину ставитъ обоихъ на ноги.

К. встаетъ и крѣпко обнимается съ сыномъ. Ни слезъ, ни растрепанности, какъ въ большинствѣ случаевъ приходилось наблюдать. Сборъ вещей. Выходъ въ корридоръ. К. крикнулъ: «Да будетъ проклята власть...» Абрамовъ хватаетъ К. за горло, крѣпко сжимаетъ его. Слышенъ хрипъ и К. фразы не окончилъ. К. и его сына хватаютъ за руки и тащатъ къ выходу.

Вотъ вкратцѣ «дѣло» полк. К., достаточно ярко иллюстрирующее большевицкую «гуманность» и большевицкое «правосудіе» и цѣнность «амнистіи» кремлевско-лубянскихъ палачей! Что же касается жены К., то за 7 мѣсяцевъ мнѣ не удалось найти нигдѣ слѣдовъ ея существованія, хотя всѣ надлежащіе шаги мною были предприняты. Есть полное основаніе предполагать, что и жена К. впослѣдствіи, во избѣжаніе лишнихъ свидѣтелей, была тоже убита, что обычно имѣетъ мѣсто въ С. С. С. Р. — вотчинѣ большевицкихъ сатраповъ».

Какъ живутъ вообще «амнистированные эмигранты, возвратившіеся въ Россію?

Всѣмъ, безъ исключенія эмигрантамъ, возвращающимся въ С. С. С. Р., ни въ малѣйшей степени не слѣдуетъ возлагать какихъ-либо надеждъ на большевицкое «великодушіе», ихъ «амнистію».

По прибытіи въ Россію всѣ эмигранты въ общемъ проходятъ слѣдующій «стажъ».

а) Прежде всего всѣ безъ исключенія проходятъ черезъ «контрольные пункты Г. П. У.», гдѣ часть эмигрантовъ обычно «осѣдаетъ».

Иныхъ изъ «осѣвшихъ» въ Г. П. У. маринуютъ мѣсяцами въ большевицкихъ застѣнкахъ, а потомъ высылаютъ подъ надзоръ мѣстныхъ (провинціальныхъ) агентуръ Г. П. У. Иныхъ ссылаютъ въ отдаленныя мѣста на «вольное поселеніе», иныхъ же ссылаютъ въ лагеря и попросту держатъ въ тюрьмахъ. Нѣкоторые же изъ «осѣвшихъ» въ Г. П. У. частенько пускаются въ «расходъ», какъ принято говорить въ совѣтскомъ «соціалистическомъ раю».

б) Прошедшіе «контрольные пункты Г. П. У.» и не задержанные сразу слѣдуютъ дальше по избранному мѣсту жительства — въ большинствѣ случаевъ въ свои родныя гнѣзда, поскольку таковыя еще у нѣкоторыхъ сохранились.

Жизнь въ этихъ «родныхъ» гнѣздахъ протекаетъ подъ неослабнымъ надзоромъ Г. П. У. и малѣйшая «оплошность» кончается немедленнымъ арестомъ, а потомъ тюрьмой, ссылкой, а иногда и «луной».

Гражданскими и политическими «правами» по совѣтской конституціи «амнистированные» эмигранты не пользуются. Иногда исключеніе слѣдуетъ кое для кого изъ такъ называемыхъ трудовыхъ элементовъ, однако, и то только послѣ того, какъ будетъ на дѣлѣ доказана «политическая благонадежность» такихъ лицъ.

Разумѣется, много легче живется тѣмъ, кто еще за рубежомъ повернулся «лицомъ» къ Москвѣ и выступалъ открыто за интересы послѣдней. Такія лица у большевиковъ въ большинствѣ случаевъ получаютъ теплое мѣстечко въ раю.

Впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ большевики руководствуются не вопросами гуманности, а исключительно интересами рекламы. Я знаю, какъ тяжело, порой даже невыносимо тяжело, живется русской эмиграціи на чужбинѣ.

Я знаю, что часто русской эмиграціи приходится переносить не только тяжелыя лишенія, но и еще болѣе тягостныя униженія. И тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ заявить, что прежде чѣмъ рѣшиться вернуться въ СССР, слѣдуетъ тщательно обдумать всѣ обстоятельства за и противъ.

Надо помнить, что если въ настоящее время мало путей въ СССР, то уже изъ послѣдняго всѣ пути отрѣзаны.

Послѣ вынесенія мнѣ смертнаго приговора «Верховнымъ Судомъ СССР» II/XII 1923 г., я съ тѣхъ поръ все время просидѣлъ въ «корридорѣ смертниковъ» сначала «внутренней» тюрьмы, а затѣмъ въ «корридорѣ смертниковъ» Бутырской военно-слѣдственной тюрьмы. Мои наблюденія за «корридоромъ смертниковъ» во «внутренней тюрьмѣ» были достаточно ограничены. Совсѣмъ въ другомъ положеніи я очутился, попавъ въ «корридоръ смертниковъ» Бутырской тюрьмы, гдѣ наблюденія мною были поставлены настолько широко, что я могъ регистрировать всѣ разстрѣлы за очень малымъ исключеніемъ. Я могъ не только регистрировать разстрѣлы, но я лично наблюдалъ выводы на разстрѣлы изъ каммеръ 20-19-18-17-16, какъ расположенныхъ vis-a-vis съ моей камерой № 10, черезъ довольно широкій корридоръ. Въ первый годъ эти незабываемыя картины вывода на разстрѣлъ производили глубокое, гнетущее впечатлѣніе на психику, нервную систему, но потомъ я болѣе или менѣе привыкъ къ этимъ потрясающимъ картинамъ. Я уже упоминалъ о смертникахъ и потому не буду долго останавливаться на этомъ вопросѣ. Въ СССР казни совершаются двояко:

1. В ъ с у д е б н о м ъ п о р я д к ѣ по приговорамъ губернскихъ «судовъ», военныхъ трибуналовъ, «Верховныхъ судовъ» отдѣльныхъ республикъ и наконецъ «Верховнаго суда СССР». Количество смертныхъ приговоровъ очень велико и только очень незначительная часть изъ нихъ попадаетъ въ печать по такъ называемымъ «показательнымъ процессамъ» по преимуществу.

2. В о в н ѣ с у д е б н о м ъ п о р я д к ѣ, т. е. по приговорамъ Коллегіи О. Г. П. У. и его мѣстныхъ органовъ (Г. П. У. отдѣльныхъ республикъ, губернскихъ Г. П. У.). Изъ общаго количества смертныхъ приговоровъ на внѣсудебныя казни падаетъ не менѣе 70% всѣхъ казней въ СССР.

По какимъ «дѣламъ» выносятся смертные приговоры О. Г. П. У. и его органами? На этотъ вопросъ нельзя опредѣленно отвѣтить, такъ какъ на-

примѣръ, за «шпіонажъ», за взятку, за бандитизмъ, за контръ-реоолюцію и т. д. смертные приговоры выносятся, какъ «судами», такъ и Г. П. У. Никакнхъ нормъ тутъ фактически нѣтъ и всѣ дѣла Г. П. У. рѣшаетъ по своему личному усмотрѣнію, абсолютно не считаясь съ такъ называемымъ «судебнымъ законодательствомъ» СССР. Одно и то же дѣло Г. П. У. можетъ направить въ «судъ» и можетъ само выиести «приговоръ», Все зависитъ только отъ усмотрѣнія Г. П. У., его соображеній, тактики, политики на текущій день.

Въ силу этого всякое ограниченіе смертныхъ казней въ СССР, какъ теперь декларироваио въ новой амнистіи къ 10-ой годовщинѣ октябрьской революціи, никакого практическаго значенія не имѣетъ. Кремлевско-лубянскіе жандармы уже не разъ ограничивали права внѣсудебныхъ казней и даже принципіально осуждали смертную казнь, со стыдливостью» проститутки, называя убійство «высшей мѣрой наказаиія» и «высшей мѣрой соціальной защиты» и тѣмъ не менѣе развѣ въ СССР за 10 лѣтъ былъ хотя бы одинъ день, когда фактически прекращались бы убійства въ подвалахъ Г. П. У.? Нѣтъ, такого дня не было и пока большевистская Кремлевская орава правитъ Россіей, такого дня и не будетъ!

Кремлевско-лубянская банда негодяевъ теперь даровала новую «милость» русскому иароду, объявивъ, что смертная казнь отинѣ сохраняется-де только для преступленій государственныхъ, воинскихъ и для вооруженнаго разбоя. Но развѣ есть хотя бы одно дѣяніе, которое кремлевско-лубянскіе палачи не могли бы подоести подъ государственное преступленіе? Нѣтъ, такого дѣянія нельзя фактически придумать! Примѣръ: политическихъ «преступниковъ» за малымъ исключеніемъ оффиціально не судятъ и не разстрѣливаютъ, но вѣдь даже дѣти знаютъ, что политическихъ «преступниковъ» фактически разстрѣливаютъ, подводя ихъ только подъ соотвѣтствующія статьи: «шпіоиажъ», политическій и уголовный «бандитизмъ» и т. д.

Я уже упомииалъ, что среди моихъ тайныхъ корреспондентовъ было очень много «смертниковъ». Какъ мои личныя наблюденія, такъ и свѣдѣнія, полученныя мною изъ другихъ источниковъ, даютъ возможность съ достаточной точиостью судить о категоріяхъ смертииковъ.

На первомъ мѣстѣ стоятъ взяточники и растратчики казенныхъ, общественно-кооперативныхъ, профсоюзныхъ суммъ. На второмъ мѣстѣ стоитъ политическая и экономическая контръ-революція, «шпіонажъ», квалифицируемые всегда какъ уголовное преступленіе. На третьемъ мѣстѣ стоятъ бандитизмъ, хулиганство, фальшивомонетчики, неисправимые держатели тайныхъ притоиовъ, закореиѣлыя проститутки, отбывавшія уже ссылку и снова занявшіяся проституціей; торговцы кокаиномъ и т. д.

И наконецъ, на четвертомъ мѣстѣ стоятъ политическіе, проводимые по другимъ статьямъ (главнымъ образомъ «шпіонажъ», бандитизмъ) въ разрядъ уголовниковъ и уже разстрѣливамые въ качествѣ таковыхъ.

Не лишнимъ будетъ познакомить читателя съ порядкомъ помилоsаiя осужденныхъ къ смертной казни. Разумѣется, для внѣсудебныхъ приговоровъ ни кассаціи, ни просьбы о помиловании не допускаются, а кромѣ того заключенные о «приговорѣ» Г. П. У. обычно узиаютъ за 10-15 минутъ до казни. Обычно смертные приговоры Губернскихъ «судовъ» можно въ кассаціонномъ порядкѣ обжаловать въ «Верховный Судъ», но приговоры послѣдняго уже не подлежатъ никакому обжалованію и считаются окончатель-

ными. Остается единственный путь,—прошеніе о помилованіи, подаваемое на имя предсѣдателя Ц. И. К. — С. С. С. Р. г. Калинина.

Формально и въ особенности простакамъ дѣло о «помилованіи» представляется въ такомъ видѣ: осужденный къ смертной казни подаетъ прошеніе о помилованіи на имя Михаила Калинина, а послѣдній съ другими членами Ц. И. К. сидитъ, вникаетъ въ дѣло, беретъ во вниманіе тѣ или иныя обстоятельства (соціальное положеніе, судимость, мотивы преступленія и т. д.) и въ зависимости отъ послѣдиихъ уже или милуетъ, или утверждаетъ приговоръ.

Ничего подобнаго фактически нѣтъ: вопросъ о помилованіи рѣшается только Г. П. У. самостоятельно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда убійство можетъ найти оттолосокъ заграницей, испрашивается мнѣніе Чичерина. Готовое постановленіе Г. П. У. посылается Калинину, который, не вникая даже въ суть дѣла, подписываетъ только то, что ему подсовываетъ Г. П. У.

Такимъ образомъ ждать милости отъ большевистскаго «президента» — величайшая глупость, такъ какъ самъ Калининъ является жалкой пѣшкой въ рукахъ лубянской сволочи.

До 1923 г. на рѣшеніе ГПУ можно было иногда повліять, кто могъ найти протекцію къ Енукидзе (безсмѣнный членъ Ц. К. партіи и секретарь Ц. И. К. - С. С. С. Р.), Луначарскому, Троцкому, Радеку, которые нерѣдко вмѣшивались въ дѣло и иногда спасали жизнь осужденному. Теперь это исключено, такъ какъ прежде всего въ концѣ 1922 г. Политбюро Ц. К. партіи, по ходатайству Дзержинскаго, категорически запретило всякое вмѣшательство въ подобнаго рода дѣла, какъ равно вообще запретило партійнымъ давать поручительства за арестованныхъ или брать ихъ на поруки.

Подача прошенія о помилованіи никакой роли не играетъ и является только формальностью, — «смертникъ» можетъ подать 100 прошеній о помилованіи и можетъ быть все-же разстрѣлянъ и можетъ никакого прошенія о помилованіи не подавать и всетаки не быть разстрѣляннымъ. Повторяю, что все зто зависитъ только отъ Г. П. У.

Я замѣтилъ, что часто даже послѣ «утвержденія» приговора Калининымъ, громадное большинство «смертниковъ» ожидаютъ приведенія приговора въ исполненіе 1-2-4-6-12 мѣсяцевъ. Я сталъ интересоваться и этимъ вопросомъ. Оказывается дѣло очень простое: Г. П. У. предлагаетъ обычно безнадежному «смертнику» выдать все, что онъ лично знаетъ о «заговорахъ», о взяткахъ, о «шпіонахъ», — вообще рѣшительно обо всемъ и обо всѣхъ, что и кто можетъ такъ или иначе вредить большевнкамъ и т. д. Тутъ нужны не только факты, но всякіе слухи, случайно подслушанные разговоры и т. д. Взамѣнъ обѣщается жизнь. Большинство «смертниковъ» предложеніе Г. П. У. принимаетъ и начинаютъ «работать», не только выдавая все и всѣхъ, но часто изобрѣтая, выдумывая дѣла, факты, слухи, разговоры н т. д., надѣясь такимъ образомъ спасти себѣ жизнь. Ну, а Г. П. У., — милуетъ? Нѣтъ, нисколько! Выжавъ своего кліента до послѣдней степенн, разстрѣливаетъ его.

Какъ ведутъ себя «смертники» въ моментъ вывода изъ камеры на разстрѣлъ? По разному: иные падаютъ на колѣни и начинаютъ молиться Богу, иные начинаютъ рыдать, биться въ истерикѣ, иные падаютъ на колѣни и цѣлуютъ сапоги жандармамъ, моля о пощадѣ, иные теряютъ сознаніе, превращаясь въ автоматовъ, иные же дѣлаются необычайно веселы, игривы и толь-

ко небольшая доля «смертииковъ» сохраияютъ спокойствіе, какъ иапримѣръ незабываемый полк. Козловскій съ сыномъ, или же становятся суроводерзкнми, какъ напримѣръ бывшій царскій охранникъ Фишеръ, вступившій потомъ въ партію.

Съ Фншеромъ я находился въ связи около 2-хъ иедѣль, но разсказывать о себѣ Фишеръ вообще ие хотѣлъ. Онъ зналъ, что его убьютъ, вообще н тѣмъ болѣе, что оиъ отвергъ предложеиіе Г. П. У. въ окоичательномъ «покаяніи» съ цѣлью спасенія жизии.

Дни Фишера были сочтены, почему я по пятиицамъ н поиедѣльникамъ (обычные дни разстрѣловъ) особенно слѣдилъ за его камерой, бывшей vis-à-vis съ моей.

Я окончательио изнервиичался въ эти дни, такъ какъ почему то Фишера было очень жаль, хотя онъ служилъ въ царской охранкѣ. Обычно послѣ смѣны жандармовъ въ В часовъ вечера мнѣ все время часовъ до 11 слышался лязгъ двери его камеры. Я подбѣгалъ обычно къ волчку, ио лязгъ оказывался только галлюцинацієй.

Все-же выводъ Фишера я устерегъ и видѣлъ такую картину: около 10 часовъ вечера лязгъ ключа въ двери камеры Фишера. Входитъ въ камеру жандармъ Недобѣжкииъ съ 2-мя подручными-палачами.

Фишеръ безъ куртки лежитъ иа койкѣ и куритъ.

Недобѣжкинъ: — Собирайтесь, Фишеръ, съ вещами.

Фишеръ: — Мнѣ вещи не нужны. Собирайте ихъ сами, а я не слуга всѣмъ палачамъ.

Фншеръ, обращаясь къ Недобѣжкииу:

— Эхъ вы, горе палачъ, — возится какъ баба. Кончайте скорѣй свою мышиную возню, — мнѣ уже надоѣло васъ ждать.

Недобѣжкинъ: — Не торопись, Фишеръ, успѣешь!..

Фишеръ (вспыливъ): — Какъ вы, чекистская сволочь, смѣете меня иазывать на ты.

Вещи собраны. Фишеръ спокойно иадѣлъ пальто и шляпу.

Выходя въ корридоръ, Фишеръ громко крикнулъ: — Долой рабоче-крестьянскихъ палачей!

Необходнмо сказать еще нѣсколько словъ о приведеніи приговора въ исполненіе.

Вся «процедура» разбивается на 4 части:

1) За «смертникомъ» въ камеру приходило обычно 3 человѣка: дежурный надзиратель, его помощникъ по корридору и 1 жандармъ съ Лубянки. Частые скандалы, крики при выходѣ на разстрѣлъ, вынудили тепеоь избрать другой, болѣе спокойный путь: за «смертииками» является только одинъ жандармъ и вызываетъ обычно уже не въ 9-10-11 часовъ вечера, а въ 5-6 час. Вещи съ собою не берутся. Такимъ образомъ «смертиикъ» всегда надѣется, что его такъ просто ведутъ въ канцелярію для объявленія о замѣнѣ смертнаго приговора 10-ю годами тюрьмы и потому слѣдуетъ очеиь тихо, какъ того требуютъ жандармы.

2) Въ канцеляріи объявляется приговоръ, предлагаютъ расписаться въ томъ, что приговоръ объявленъ, причемъ послѣ прочтенія приговора руки крѣпко связываются веревкой. Если смертиикъ иачииаетъ кричать, ругать-

ся, — хватаютъ за горло, зажимаютъ иосъ и въ ротъ запнхиваютъ тряпку. Послѣ всего этого «смертннка» бросаютъ въ особую глухую камеру при канцелярін тюрьмы, гдѣ онъ и дожидается пріѣзда за нимъ въ 9-10-11 час. вечера. Разумѣется, прн совершенін всѣхъ этнхъ «формальностей» нѣтъ ни представителей прокуратуры, ни общественностн, нн духовенства, какъ это обычно дѣлается въ «буржуазиыхъ» странахъ прн объявленіи смертныхъ прнговоровъ въ окончательной формѣ. Все дѣлается запросто, по домашнему, причемъ между убійствомъ кошки и убійствомъ человѣка Г. П. У. почти не дѣлаетъ разницы.

3) Около 9-10-11 часовъ вечера пріѣзжаетъ «Черный Воронъ», причемъ для отвоза «смертннковъ» къ мѣсту казни всегда назначается одинъ и тотъ же шофферъ Гробннъ и его помощинкъ Магиусъ, какъ люди уже испытанные и съ большнмъ «стажемъ».

Мѣсто казни иа Б. Лубянкѣ нлн въ Варсонофьевскомъ переулкѣ. «Смертннкъ» илн «смертники» сдаются дежурному коменданту для приведенія прнговора въ исполиеніе. Прн групповомъ разстрѣлѣ въ 3-5-7-10 и болѣе человѣкъ въ качествѣ палача ѣдетъ обычно уже извѣстный читателю замѣстнтель комеидаита Бутырской тюрьмы Адамсонъ. Для одинночныхъ разстрѣловъ вызывается кто лнбо изъ комъячейки Г. П. У. или прнговоръ прнводитъ въ нсполиеніе дежуриый комеидантъ или же Магиусъ.

4) Смертнику развязываютъ руки, снимаютъ платье, бѣлье. Узенькій корридоръ, въ концѣ котораго дверь, а за нею лѣстнnца въ подвалъ. Палачъ предлагаетъ своей жертвѣ идти впередъ въ упомянутую выше дверь н слѣдуетъ за «смертникомъ» на разстояніи не болѣе одного метра. «Смертинкъ» подходитъ къ дверн, иачниаетъ спускаться въ подвалъ, а въ это время палачъ стрѣляетъ почтн въ упоръ, въ затылокъ, и жертва падаетъ въ подвалъ. Прн совершенін казин никто ие присутствуетъ. Смерть констатируетъ фельдшеръ и еслн жертва проявляетъ еще прнзнакн жнзни самолнчно стрѣляетъ еще разъ казненному въ голову.

Все дѣлается просто, по «пролетарскн», безъ всякнхъ электрнческихъ стульевъ, безъ посторонннхъ наблюдателей, безъ войсковыхъ частей, приводящнхъ прнговоръ въ нсполненіе и т. д., какъ это обычно прннято въ такъ называемыхъ буржуазныхъ государствахъ. Трупы не сжнгаются н урны съ пепломъ, разумѣется, ннкому ие выдаются, какъ это, скажемъ, дѣлается въ «буржуазной» Америкѣ. «Рабоче-крестьянская» власть н «гуманнѣе» и экономнѣе: трупы убнтыхъ сдаются для «похоронъ» одному нзъ совѣтскнхъ похоронныхъ бюро н вся «операція» закончена.

Просто, дешево, «гуманио» и быстро!

Что касается количества разстрѣловъ, то въ связи съ одной невѣрной замѣткой, которая была помѣщена по этому вопросу въ одиой изъ англійскнхъ газетъ, я опублнковалъ въ № 2072 газ. «Руль», отъ 22/IX 1927 г., слѣдующую статью:

РАБОТА ЧЕКИСТОВЪ.

Несмотря на то, что Г. П. У. скрывало и скрываетъ содержаніе н размѣры своей «работы», что оно смертельио бонтся гласностн, тѣмъ не менѣе въ общемъ, какъ въ Россін, такъ и заграиицей, достаточно хорошо извѣстно,

что массовыя убійства въ СССР никогда ие прекращались. Этн убійства и ие прекратятся до тѣхъ поръ, пока Россіей будетъ править большевицкая власть, ибо природа ея такова, что безъ этнхъ «средствъ» борьбы оиа разсыпалась бы, какъ карточиый домикъ.

Вопросъ о массовыхъ убійствахъ, совершеиныхъ н совершаемыхъ кремлевско-лубяискими диктаторами необходимо раздѣлить' иа двѣ части:

а) Массовыя убійства въ періодъ граждаиской войиы. Сколько за этотъ періодъ ВЧК совершеио убійствъ, иикто ие зиаетъ Истиниую цифру убійствъ не зиаетъ ие только Политбюро ЦК, ио цифры этой ие зиалъ и самъ главиый ихъ распорядитель Феликсъ Дзержинскій. Между прочимъ, къ пятнлѣтію существоваиія совѣтской власти предложено было заияться разработкой архивовъ ВЧК, однако предложеиіе иайдеио было иесвоевремеииымъ. На томъ же засѣдаиіи Политбюро по предложеиію Л. Д. Троцкаго было постаиовлеио немедлению оборудовать въ подвалахъ ВЧК (Лубяика, домъ № 2) иѣсколько стальиыхъ подваловъ, гдѣ храиить часть секретныхъ архивовъ ЦК партіи и коминтериа.

Въ партійиой верхушкѣ существуетъ предположеиіе, что цифра совершенныхъ ВЧК убійствъ ие меиѣе 250.000 человѣкъ и ие болѣе 300.000 человѣкъ. За этой иеслыханной въ исторіи цифрой встаютъ еще тѣни 1.300.000 крестьянъ, интеллигеицiи, рабочихъ, духовеиства и т. д., которыхъ гиоили и гноятъ въ большевистскихъ застѣикахъ, доводили и доводятъ до безумія, самоубійствъ и смерти! Работа Кремля стаиовится еще ярче, если вспомиить тысячи убитыхъ и замучеииыхъ въ большевистскихъ охраикахъ соціалистовъ. Если мы вспомнимъ тѣхъ 20.000 политическихъ заключеииыхъ, которые томятся въ «соціалистическихъ» тюрьмахъ, лагеряхъ, ссылкахъ! 126 соціалистовъ, томящихся въ ужасиыхъ условіяхъ одиого только Тобольскаго политизолятора, имѣютъ 360 лѣтъ тюрьмы большевистской, а позади 220 лѣтъ царской каторгн, тюрьмы, ссылки. Въ томъ числѣ — 11 человѣкъ, проведшихъ 70 лѣтъ на царской каторгѣ въ борьбѣ за иитересы рабочаго класса!

б) Массовыя убійства послѣ «ликвидаціи» ВЧК и образоваиіе такъ называемаго «Объедииеииаго Государствениаго Политическаго Управлеиія». Прежде всего никакой ликвидаціи ВЧК вообще ие было, оио перемѣиило только вывѣску, на которой вмѣсто ВЧК иовой краской было иаписаио Г. П. У.

Такихъ массовыхъ убійствъ, когда въ періодъ существоваиія В. Ч. К. въ одну иочь ставились «къ стѣикѣ» сотии людей сразу, теперь уже иѣтъ. Сотни и десятки замѣиеиы десятками и едииицами, а въ остальномъ все осталось фактически почти безъ перемѣиъ.

Изъ 4-хъ лѣтъ моего одииочиаго заключеиія я около 3-хъ просидѣлъ въ «корридорѣ смертниковъ» Бутырской тюрьмы (иижній этажъ, середииа). Благодаря связи съ заключеииыми ие только «секретиыхъ» камеръ, ио даже и другихъ корпусовъ тюрьмы, я между прочимъ въ 1926 году могъ вести точную статистику казией Г. П. У. по Бутырской тюрьмѣ. Связь у меия была настолько блестяще оргаиизоваиа, что миѣ удалось зарегистрировать ие менѣе 90% убійствъ. За одиíъ 1926 г. у меия получились слѣдующія цифры: 132 казии, ие считая привезеииыхъ 17 человѣкъ по преимуществу студентовъ изъ Петрограда, казнеииыхъ въ одииъ вечеръ, н 76 «баидитовъ», привезенныхъ изъ Кіева. Между прочнмъ въ числю «бандитовъ» было зачислеио

8 студентовъ, организовавшихъ протестъ противъ «академической чистки», болѣе 10 крестьянъ, якобы готовившихъ «кулацкое» выступленіе въ деревняхъ, 3 рабочихъ, организовавшихъ демонстрацію безработныхъ въ Кіевѣ и нѣсколько анархистовъ. Вѣроятно въ этой партіи въ 76 человѣкъ было еще больше «бандитовъ» этого порядка.

Такимъ образомъ за 1926 г. только по одной Бутырской тюрьмѣ совершено было 227 казней, изъ коихъ по приговорамъ большевистскихъ «судовъ» было только 32, т. е. 14%, а 80% убійствъ было совершено по секретнымъ постановленіямъ Г. П. У. Разумѣется, о внѣсудебныхъ казняхъ Г. П. У. молчитъ и только за 5 лѣтъ своего существованія сдѣлало, если я не ошибаюсь, 3 публикаціи: разстрѣлъ въ Петроградѣ 3 работниковъ Валютнаго Управленія НКФ, 9 московскихъ бандитовъ и послѣднее убійство 20 человѣкъ.

Что касается публикацій въ совѣтской печати о казняхъ по «суду», то, какъ я могъ провѣрить довольно точно, сообщеніе о приведеніи приговора въ исполненіе дѣлалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ печати приводился отчетъ «судебнаго» засѣданія, а послѣднее дѣлается обычно только по такъ называемымъ «процессамъ показательнаго характера». Такимъ образомъ совершенно невозможно судить о палаческой работѣ по совѣтской печати.

Что касается общаго количества казней, совершаемыхъ нынѣ въ Россіи, то ежегодная цифра по даннымъ, которыми я располагаю, колеблется между 6000 и 6500 человѣкъ.

Говоря о тюремномъ бытѣ въ С. С. С. Р., я не могу не сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ «разгрузочныхъ комиссіяхъ» о «досрочномъ освобожденіи» осужденныхъ.

Если мнѣ память не измѣняетъ, то во второй половинѣ 1924 г. я прочелъ въ «Извѣстіяхъ» отчетъ Наркомюста Курскаго о количествѣ заключенныхъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ. Наглость этого господина дошла до того, что онъ въ своемъ «отчетѣ» указалъ цифру заключенныхъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ только въ 187.000 человѣкъ. Насколько эта цифра вѣрна, можно судить по одному тому, что только въ одной Москвѣ свыше 20 крупнѣйшихъ мѣстъ заключенія, не считая мѣстъ заключенія при районныхъ отдѣленіяхъ милиціи.

Чтобы судить о характерѣ «отчета» Курскаго надо принять во вниманіе вообще общее количество мѣстъ заключенія въ С. С. С. Р. По этому вопросу мнѣ удалось узнать весьма точныя цифры:

1) Однихъ только «внутреннихъ» тюремъ О. Г. П. У. и его мѣстныхъ органовъ насчитывается . . . 72

2) Центральныхъ мѣстъ заключенія республиканскаго, областного, столичнаго и губернскаго масштабовъ . . . 153

Эти тюрьмы эксплоатируются Г. П. У. совмѣстно съ Главн. Управл. Мѣстъ заключенія.

3) Мѣстъ заключенія районнаго и уѣзднаго масштабовъ. . . . 613

4) Домовъ предварительнаго заключенія (Де. Пе. Зе.) при сельскихъ и волостныхъ совѣтахъ 4874

Итого 5712

Итого 5712 мѣста заключенія!

Сюда не входятъ безчисленные «концентраціонные лагеря», — «лагеря особаго назначенія», «спеціальные изоляторы для политическихъ заключенныхъ». Кромѣ того, сюда не включены мѣста ссылокъ на окраины С. С. С. Р. Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Уралъ, Сѣверъ, Туркестанъ, Киргизскій Край и т. д.

Къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками цифровыхъ данныхъ о количествѣ мѣстъ заключенія вышеуказаннаго характера. Укажу только, что въ одномъ Соловецкомъ лагерѣ «Особаго Назначенія» на конецъ 1926 г. числилось 10.000 заключенныхъ!!!

Любопытно отмѣтить одну цифру къ «отчету» Курскаго: Наркомздравъ Сѣмашко вскорѣ послѣ «отчета» Курскаго проговорился, что за одинъ 1924 годъ было отобрано 250.000 самогонныхъ аппаратовъ, а въ тѣ времена война съ самогонщиками, расходующими въ годъ для выкурки самогона болѣе 150.000.000 пудовъ хлѣба, велась безпощадная.

По «отчету» Курскаго равняются почти и всѣ прочіе «отчеты» кремлевско-лубянскихъ провокаторовъ.

Какова же истинная цифра заключенныхъ въ С. С.-С. Р.? Изъ вполнѣ авторитетныхъ источниковъ мнѣ было сообщено, что общее количество находящихся въ тюрьмахъ, лагеряхъ, изоляторахъ и т. д. колеблется между 1.200.000 человѣкъ до 1.300.000 человѣкъ.

Тюрьмы въ «соціалистической», съ позволенія сказать, рабоче-крестьянской республикѣ набиты свыше всякой мѣры и часто превышаютъ на 300—400% допустимую плотность населенія.

Притокъ новыхъ заключенныхъ колоссальный. Положеніе создается тяжелое. Однако выходъ большевиками былъ найденъ, — это «амнистія» и досрочное освобожденіе. Этими вопросами обычно и занимаются спеціальныя «разгрузочныя комиссіи». Дѣло въ томъ, что осужденный, отбывъ ½ срока своего наказанія, имѣетъ право просить о досрочномъ освобожденіи. Кромѣ того, «разгрузочныя комиссіи» имѣютъ право по своей личной иниціативѣ давать досрочное освобожденіе. Эти же комиссіи, работающія подъ руководствомъ и контролемъ О. Г. П. У. составляютъ списки «амнистируемыхъ».

Разумѣется, нѣтъ надобности распространяться о томъ, что «разгрузочныя комиссіи» въ своей работѣ не касаются политическихъ заключенныхъ. Вся работа этихъ подлыхъ комиссій преслѣдуетъ только 2 цѣли: 1) чтобы втереть очки простакамъ о «великодушіи» кремлевско-лубянскихъ палачей и 2) — разгрузить тюрьмы и освободить мѣста для новыхъ тюремныхъ «постояльцевъ».

Кто же фактически попадаетъ подъ «разгрузки», подъ «амнистіи»? Это почти исключительно краткосрочные осужденные, по преимуществу уголовники.

Какъ всегда и во всемъ въ первую очередь стремятся втереть очки рабочимъ и крестьянамъ, почему ихъ болѣе всего такъ или иначе и освобождаютъ «разгрузочныя комиссіи».

Обычно эти «разгрузочныя комиссіи» являются въ тюрьму 2—3 раза въ годъ, просматриваютъ дѣла, отбираютъ ихъ, вызываютъ въ комиссію многихъ кандидатовъ въ «освобожденцы» и ведутъ съ ними дружественныя бесѣды почти исключительно на тему объ отношеніи къ совѣтской власти и т. д.

Самый отъявленный уголовникъ, если только онъ преданъ большевикамъ, имѣетъ много шансовъ вырваться на волю, но зато самый честный человѣкъ, если онъ только не располагаетъ билетомъ политической благонадежности, не имѣетъ никакихъ шансовъ на досрочное освобожденіе. Наоборотъ, у политическаго заключеннаго всѣ шансы на то, что по отбытіи своего срока наказанія, ему этотъ срокъ или будетъ продленъ автоматически, или такой заключенный, отбывъ свой срокъ въ тюрьмѣ, скажемъ 3 года, получитъ еще ссылку на 3—5 лѣтъ. Когда пишутся эти строки, кремлевско-лубянская банда объявила по случаю 10-лѣтія годовщины октябрьской революціи «великую амнистію». Излишне совершенно говорить о томъ, что и эта «амнистія» есть 100%-ная провокація, большевистская подлость, обманъ, свидѣтельствующіе только еще разъ объ истинной сущности кремлевско-лубянской диктатуры.

Разумѣется, что г. г. Анри Барбюссы будутъ «ура кричать и въ воздухъ чепчики бросать» отъ дикаго восторга при видѣ новаго доказательства большевистской «гуманности», — и это только и нужно кремлевско-лубянской жандармеріи.

На эту «амнистію» большевистскихъ палачей можетъ быть только одинъ достойный отвѣтъ: встрѣтить эту «амнистію» съ презрѣніемъ и удесятерить помощь политическимъ заключеннымъ, томящимся въ большевистскихъ застѣнкахъ!

Примѣрно къ концу апрѣля мнѣ сообщаютъ, что въ Бутырскую тюрьму переведены знаменитые нѣмецкіе «фашисты-террористы» д-ръ Карлъ Киндерманъ и Теодоръ Вольштъ.

Объ этомъ «фашистскомъ» процессѣ мною уже писалось, и потому не стоитъ къ этому вопросу возвращаться, тѣмъ болѣе, что все это уже очень знакомые и старые «пріемы» кремлевско-лубянской шайки международныхъ шулеровъ.

Скажу только, что московскіе негодяи сами себя превзошли въ провокаціи и въ подлости! Такъ у этой «шайки террористовъ» легально, спокойно ѣхавшихъ въ С. С. С. Р. дѣлать, по словамъ Г. П. У., взрывы, убійства коммунистовъ-вождей, подымать возстанія и т. д., Г. П. У. «нашло» въ чемоданахъ банки съ ціанистымъ каліемъ, автоматическіе револьверы и т. д. Замѣчательные «террористы»!!! Какъ бы тамъ ни было, но большевики своей цѣли добились: и «процессъ» состряпали и своихъ агентовъ-провокаторовъ — Скоблевскаго и Ко. вырвали изъ германскихъ тюремъ!

Однако, все это уже извѣстно всѣмъ, да и самъ д-ръ Киндерманъ достаточно и писалъ и разсказывалъ о своемъ дѣлѣ. Разумѣется, что мнѣ было очень интересно связаться съ этими «террористами», а тѣмъ болѣе послѣ того, какъ ихъ перевели изъ «внутренней» тюрьмы въ Бутырскую, что для иностранцевъ является почти на 90% вѣрнымъ признакомъ того, что состоится обмѣнъ. Читателю нетрудно себѣ представить, какъ мнѣ было важно связаться съ этими «террористами». Поручаю навести кое-какія справки и главное — узнать, какъ у «террористовъ» обстоитъ дѣло насчетъ русскаго языка. Получаю извѣстіе, что г. Киндерманъ можетъ достаточно хорошо объясняться, а г. Вольштъ значительно слабѣе. Избираю своимъ «корреспондентомъ» д-ра Киндермана. Г. Киндерманъ сидѣлъ во II-мъ этажѣ въ

36-ой камерѣ на правомъ крылѣ, а я въ І-мъ этажѣ въ «корридорѣ смертниковъ» въ камерѣ 10. Вручаю первое письмо г. Киндерману, съ указаніемъ инструкцій, какъ поддерживать связь. Сначала наша «почта» никакъ не могла наладиться, такъ какъ г. Киндерманъ все же недостаточно хорошо понимаетъ русскій языкъ, а кромѣ того, не имѣлъ еще и достаточнаго опыта. Въ концѣ концовъ, связь наладилась у насъ прекрасно и мы обмѣнивались письмами, даже почти безъ помощи 3-хъ лицъ. Насколько наша связь была оживлена, можно судить уже потому, что за 5½ мѣсяцевъ я передалъ г. Киндерману 396 писемъ и отъ него получилъ 228 писемъ. Вскорѣ г. К. былъ переведенъ въ III-ій этажъ тюрьмы, но и это не очень осложнило нашу связь. Къ сожалѣнію, я не могу разсказывать о техникѣ нашихъ сношеній, но не скрою, что этотъ разсказъ читатель прочелъ бы съ удовольствіемъ и не мало, быть можетъ, посмѣялся и порадовался постановкѣ дѣла. Разумѣется, я г. Киндермана связалъ съ рядомъ другихъ лицъ, а въ томъ числѣ съ г. Добертомъ (о немъ будетъ ниже). Скажу откровенно: мало было у меня такихъ «корреспондентовъ», какъ мой милый и добрый другъ Чарли (тюремный псевдонимъ д-ръ Киндермана. Мой псевдонимъ былъ — Vanja). Рѣдкое благородство натуры, рѣдкая отзывчивость; исключительное стремленіе всѣмъ помочь, даже если-бы это было связано съ громаднымъ рискомъ «засыпаться». Самъ бѣденъ, а сумѣлъ подѣлиться со мною и съ другими теплымъ бѣльемъ, вязаной курткой, носками шерстяными, новыми прекрасными сандаліями, полотенцами, талонами на молоко въ тюремную лавочку и т. д. Вплоть до того, что прислалъ одни суконные брюки, которые я подѣлилъ между собой и еще 3-мя товарищами, — очень уже нужны были намъ лоскуты для починки платья! Надо пожить годы въ большевистской тюрьмѣ, чтобы понять, какъ цѣнны были подарки милаго Чарли! Я въ свою очередь давалъ Чарли газеты, разныя справки, разъясненія, добылъ ему одну простыню и маленькую подушечку, которые благополучно очутились у Чарли (у него не было постельнаго бѣлья). Я уже упоминалъ, что Чарли посылалъ письма черезъ меня и моей бѣдной женѣ, всячески ее подбадривая. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что дорогой Чарли былъ мною «укомплектованъ» инструкціями на всѣ 100%. Наконецъ, кажется 16 сентября, я вдругъ слышу у своей камеры: «до-свиданья, Vanja!» Это былъ условный знакъ, что Чарли уходилъ на волю...

Въ заключеніе скажу, что д-ръ Киндерманъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы найлучше выполнить мои порученія. Такъ, между прочимъ, онъ немедленно подробно доложилъ о моемъ «дѣлѣ» вождю міроваго пролетаріата К. Каутскому, а равно проф. Фритіофу Нансену. Съ чувствомъ живѣйшей радости и глубокой признательности я долженъ констатировать, что К. Каутскій и Ф. Нансенъ приняли живѣйшее участіе въ моей судьбѣ, что имѣло громаднѣйшее значеніе и вліяніе на исходъ моего «дѣла». Кремлевско-лубянскіе палачи не могли не считаться съ этими двумя крупнѣйшими и авторитетнѣйшими міровыми именами. Словомъ, работа моего друга К. Киндермана, дополнившая работу моихъ другихъ милыхъ друзей Е. А. Еле и І. А. Лашкевича, а равно и еще ряда лицъ, имена которыхъ я не имѣю полномочій назвать, въ концѣ концовъ вырвали меня, мою жену и сестру изъ большевистскаго застѣнка.

Одновременно съ сообщеніемъ мнѣ о К. Киндерманѣ, я узналъ и о томъ, что въ 48-ой камерѣ сидитъ германскій коммунистъ Арнольдъ Доббертъ, бывшій переводчикомъ при одной изъ германскихъ рабочихъ делегацій. Разумѣется, я связался и съ нимъ. О «дѣлѣ» А. Добберта я помѣстилъ въ № 129 газ. «Сегодня» отъ 12. 6. 27 г. слѣдующую замѣтку:

Въ Москвѣ разстрѣлянъ германскій коммунистъ Доббертъ.

(Письмо въ редакцію).

Во время моего одиночнаго заключенія въ Бутырской тюрьмѣ въ Москвѣ мнѣ удалось организовать секретныя сношенія съ наиболѣе важными «преступниками». Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ я, между прочимъ, узналъ, что въ 48 камерѣ сидѣлъ германскій коммунистъ Арнольдъ Доббертъ.

«Дѣло» бытовое, совершенно обычное; но два слова о «преступленіи» А. Добберта все же стоитъ сказать въ интересахъ той части германскихъ рабочихъ, которые готовы были вѣрить докладамъ нѣкоторыхъ членовъ германскихъ делегацій, расписавшихся объ «успѣхахъ» якобы соціалистическаго строительства С. С. С. Р.

А. Доббертъ — коммунистъ. Занималъ рядъ отвѣтственныхъ постовъ въ С. С. С. Р. Во время пріѣзда одной изъ нѣмецкихъ рабочихъ делегацій въ Москву, Доббертъ, по приказу Г. П. У., былъ прикомандированъ къ делегаціи въ качествѣ, якобы переводчика. Главная же цѣль была иная

1) Никого къ делегаціи не допускать.

2) Освѣщать делегаціи всѣ вопросы и факты по инструкціи ВЦСПС и ГПУ.

По мѣрѣ силъ и въ предѣлахъ партійной дисциплины Доббертъ свою задачу выполнилъ.

Не успѣла делегація уѣхать изъ Москвы, какъ Д. былъ арестованъ и обвиненъ въ «измѣнѣ», т. е. въ веденіи съ членами делегаціи разговоровъ, выходившихъ за предѣлы инструкцій ВЦСПС и ГПУ.

Какъ я достовѣрно узналъ въ тюрьмѣ, Д. вины за собой въ измѣнѣ не признавалъ и признавалъ только возможность неумѣлаго выполненія «заданія» ГПУ и ВЦСПС, ожидая, въ худшемъ случаѣ, за это ссылки на 3—5 лѣтъ.

Въ концѣ мая или въ первыхъ числахъ іюня 1926 г., точно уже не помню, Д. внезапно исчезъ изъ Бутырской тюрьмы. Черезъ нѣсколько дней мнѣ удалось узнать, что Д. взяли въ «внутреннюю» тюрьму ГПУ. Вырвавшись на волю, я молчалъ о «дѣлѣ» Д., боясь невольно ухудшить положеніе послѣдняго. Сего числа я получилъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, что Д. 3-го іюня 1926 г. разстрѣлянъ по постановленію ГПУ.

У Д. въ Германіи мать, а въ СССР жена съ груднымъ ребенкомъ. Послѣдняя, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, сослана въ Соловки на 5 лѣтъ, какъ «уголовный» элементъ,

Это убійство не только на совѣсти кремлевско-лубянской шайки, но оно въ равной мѣрѣ ложится позорнымъ пятномъ и на германскую коммунистическую партію, такъ какъ я поручилъ своимъ друзьямъ въ Германіи осто-

рожно сообщить о «дѣлѣ» Добберта ЦКГКП, надѣясь, такимъ образомъ, предотвратить безсмысленное по своей жестокости новое злодѣйство московскихъ палачей.

Доббертъ убитъ. Пусть объ этомъ поразмыслятъ рабочіе всѣхъ странъ и достойно оцѣнятъ этотъ подлый актъ «рабоче-крестьянскаго правительства».

Эту замѣтку прошу перепечатать въ нѣмецкихъ газетахъ, а о самомъ фактѣ убійства Д. по возможности сообщить бѣдной матери и друзьямъ покойнаго.

Нѣкоторое время спустя я получилъ изъ Германіи письмо отъ матери Арнольда Добберта. На это письмо я помѣстилъ въ № 2039 газ. «Руль» отъ 14. VIII. 1927 г. слѣдующій отвѣтъ матери А. Добберта:

Открытое письмо

матери германскаго рабочаго коммуниста Арнольда Добберта, тайно убитаго на Лубянкѣ московскими палачами.

Дорогая госпожа, Августа Паула!

Ваше письмо, полное безпредѣльнаго горя и ужаса передъ судьбою несчастнаго Вашего сына, я получилъ. Прошу великодушно извинить меня, что свой отвѣтъ на это письмо я сдѣлаю также достояніемъ гласности.

Безсудныя, безсмысленныя по своей жестокости и безцѣльности убійства производятся кремлевско-лубянской шайкой «рабоче-крестьянскихъ» палачей ежедневно. «Рабоче-крестьянскіе» жандармы уже успѣли осиротить въ Россіи десятки, даже сотни тысячъ сыновей и дочерей, сестеръ и братьевъ, женъ и мужей, матерей и отцовъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ. Эти массовыя убійства не прекращались ни на одинъ день. Они не прекращаются и не смогутъ прекратиться въ Россіи до тѣхъ поръ, пока московскіе сатрапы будутъ править русскимъ народомъ и пока весь міръ не перестанетъ безучастно смотрѣть на неслыханныя злодѣянія, творимыя въ Россіи бандой изъ политбюро центральнаго комитета партіи большевиковъ. Они не прекратятся, пока международный пролетаріатъ не пойметъ той простой истины, что кремлевско-лубянская шайка большевистскихъ жандармовъ является вовсе не застрѣльщикомъ міровой соціальной революціи, а только могильщикомъ соціализма, прямымъ предателемъ рабочаго класса. Эти злодѣянія не прекратятся, пока дипломаты всѣхъ ранговъ не поймутъ, что ихъ вѣнки, цвѣты и соболѣзнующія телеграммы на гробы убитыхъ большевистскихъ палачей представляютъ величайшую нелѣпость и ложь, плевокъ на могилы сотенъ тысячъ русскихъ людей, убитыхъ въ подвалахъ безчисленныхъ «соціалистическихъ охранокъ».

Убійство Вашего сына — это обыденное, бытовое явленіе въ С. С. С. Р., вытекающее изъ самой природы большевистской сатрапіи, поддерживающей свою власть убійствами, провокаціями, наглой ложью, подлымъ обманомъ, пытками, расколомъ рабочихъ и соціалистическихъ партій у себя и заграницей, вызываніемъ во всѣхъ уголкахъ міра возстаній, гражданскихъ войнъ, удушеніемъ русскихъ соціалистовъ и т. д. и т. д. Убійство Вашего сына,

какъ коммуинста, тоже ие представляетъ чего-либо иебывалаго для этой несчастиой страны. Это тоже обычиая форма расправы со всѣми коммунистамн, «нзмѣннвшнмн» кремлевской шайкѣ, т. е. понявшнмн всю преступность участія въ дальнѣйшемъ служеніи палачамъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ и въ дальнѣйшемъ обманѣ зтнхъ послѣднихъ.

Убійство Вашего сына, чистокровнаго пролетарія, повторяю явленіе вполнѣ нормальное въ условіяхъ совѣтской дѣйствнтельностн. Еслн большевнстскіе сатрапы творятъ безразсудныя массовыя убійства надъ русскими рабочими н крестьянами, то почему имъ дѣлать исключеиіе для попавшаго въ нхъ лапы германскаго?

Убійство Вашего сына, чнстокровнаго пролетарія, повторяю, явленіе ио умѣло выполнялъ ниструкцін ГПУ н ВЦСПС въ дѣлѣ органнзаціи систематическаго обмана рабочнхъ делегацій, пріѣзжающнхъ въ СССР, точно также является нормальнымъ событіемъ въ условіяхъ жизни, созданныхъ для Россін днктатурой шайкн полнтбюро Ц. К. компартін. Людн, способные размышлять н вндѣть дальше своего носа, давно уже поняли неизбѣжность въ нынѣшней совѣтской Россін всѣхъ подобныхъ ужасовъ н преступленій.

Вы просите меня сообщить Вамъ подробности о Вашемъ сынѣ и указать, какъ можно заставнть кремлевскихъ убійцъ вознаградить Васъ за убійство Вашего кормнльца.

Что касается подробностей, то къ опубликоваинымъ мною объ убійствѣ Вашего сыиа могу лишь добавить, что онъ передъ зтимъ голодалъ 17 дней, требуя надъ собою гласнаго суда, требуя свнданій съ горячо любнмой женой н дочуркой, требуя перепнскн съ Вамн н съ женой и перевода его съ «уголовнаго» режнма на «политическій». Голодовка не дала ннкакнхъ результатовъ и 3 іюня 1926 года около 10 час. вечера Вашъ сынъ былъ взятъ «съ вещамн по городу». Квкъ теперь выясинлось, это и были его послѣднія минуты на землѣ...

Кто долженъ вознаградить Васъ за убійство Вашего горячо любимаго сына н кормильца? Разумѣется, прежде всего непосредственные убійцы: кремлевско-лубянская шайка, нмеиующая себя «рабоче-крестьянскнмъ правительствомъ». Но московскіе убійцы, счнтающіе право на убійство своей верховной коммунистнческой прерогатнвой, за убійство прннцнпіальио ие вознаграждаютъ. Да у ннхъ ие хватнло бы и средствъ вознаградить за всѣ совершенныя нмн убійства! И Вы, дорогая госпожа Паула, сможете предъявнть свой счетъ только тогда, когда русскій народъ, русскіе рабочіе н крестьяне предъявятъ свои счета «рабоче-крестьянскимъ жандармамъ» за ихъ неслыханныя злодѣйствв. Ждите. Моментъ зтотъ наступнтъ. Безсмысленныя н чудовнщныя по жестокости злодѣянія, совершающіяся ныиѣ въ СССР, показываютъ, что россійскіе сатрапы самн начннаютъ предчувствовать наступленіе зтой роковой для ннхъ н неизбѣжной въ концѣ концовъ развязкн.

Дѣло Вашего сына велось двумя лицамн: членомъ центральнаго комитета германской коммунистической партін, (онъ же членъ исполнительиаго комитета коммуинстическаго интернаціонала, оиъ же одновременно и чекистъ), г. Тельмаиомъ и иачальинкомъ иностраинаго отдѣла секретно-оперативнаго управленія ОГПУ (онъ же одновременно и членъ комннтерна), г. Трилиссеромъ (теперь онъ уже наэначенъ члеиомъ коллегіи ОГПУ). Это даетъ Вамъ право требовать отъ центральиаго комитета германской коммуинстической

партіи назначенія Вамъ пенсін за убійство Вашего сына. Это даетъ Вамъ право требовать, чтобы «бабушка» большевизма Клара Цеткннъ выступила въ защиту Вашихъ интересовъ. Если же у этой бабушки, въ чемъ лично я не сомнѣваюсь, не хватнтъ гражданскаго мужества заклеймить позорное убійство Вашего сына, останется ждать того момента, когда германскій народъ потребуетъ отвѣта отъ прямыхъ пособниковъ всѣхъ зтихъ злодѣяній кремлевско-лубянской шайки. Пока же Вамъ только остается утѣшать себя мыслью, что н сотни тысячъ русскихъ матерей, сыновья которыхъ нашли мученическій конецъ въ подвалахъ у людей, называющихъ себя первымъ пролетарскимъ правительствомъ въ мірѣ, переживаютъ такія же ужасныя минуты, какъ н Вы.

Съ истнннымъ уваженіемъ и участіемъ
В. Бруновскій.

P. S. На другіе Вашн вопросы Вамъ дастъ отвѣтъ бывшій «смертникъ» д-ръ Карлъ Киндерманъ, который при моемъ посредничествѣ во время пребыванія своего въ тюрьмѣ находнлся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Вашимъ сыномъ.

Какъ то утромъ совершаю свою обычную прогулку во дворѣ тюрьмы.

Вдругъ изъ 64-ой камеры II-го этажа громкій крикъ въ окно:

Дорогому Влад. Христ. горячій привѣтъ отъ Николая Желѣзнова!

Сначала я опѣшилъ, — какимъ образомъ въ Бутыркахъ очутился Николай Желѣзновъ, когда вѣдь онъ въ ссылкѣ. Поднялъ глаза н внжу въ окнѣ камеры лицо Желѣзнова. Отвѣчаю громко:

Привѣтъ дорогому Николаю Константиновичу!

Разумѣется, меня сейчасъ же схватилн и водворили въ камеру, лишнвъ на 3 дня прогулки.

Въ тотъ же день я уже былъ связанъ съ Н. Желѣзновымъ, о которомъ читатель уже знаетъ.

Причина появленія лѣваго эсера Н. К. Желѣзнова въ Бутыркахъ такая: Желѣзновъ былъ сосланъ въ Суздальскій полит.-изоляторъ, гдѣ отсидѣлъ положенное число лѣтъ, — 3 года. Комендантомъ лагеря состоялъ чекистъ, — отъявлеиный палачъ и негодяй, всегда издѣвавшійся надъ политическнми заключенными. Было наконецъ рѣшено дать зтому негодяю публично пощечнну отъ имени всѣхъ политическихъ заключенныхъ въ видѣ протеста за подлый режимъ, за издѣвательства. Въ числѣ исполнителей рѣшенія политическихъ заключенныхъ былъ и пламенный революціонеръ Н. Желѣзновъ. Пощечину палачъ получилъ, но за зто 4 человѣка получили 12 добавочныхъ лѣтъ тюрьмы.

Напомню чнтателю, что 12 человѣкъ членовъ англійской коммунистической партіи за призывъ войскъ къ возстанію въ буржуазной Англіи по суду получили 8½ лѣтъ тюрьмы, причемъ не совѣтской тюрьмы!!!

Вотъ маленькая деталь, случайно вспомнившаяся мнѣ, прекрасно иллюстрирующая палаческую работу кремлевско-лубянскихъ негодяевъ, именующихъ себя «соціалнстами»!

Необходимо сказать нѣсколько словъ о демонстраціи 1-го мая политич. заключенныхъ одиночнаго корпуса. Товарнщи рѣшили праздновать первое

мая въ совѣтскомъ застѣнкѣ. Я пытался отговорить, т. к. обычно подобнаго рода демонстраціи кончаются карцерами (въ лучшемъ случаѣ!), избіеніемъ, даже убійствами въ камерахъ. Все же товарищи рѣшили устроить демонстрацію. Къ глубокому моему сожалѣнію, я не могъ въ демонстраціи принять участіе, такъ какъ въ это время не была еще урегулирована связь съ К. Киндерманомъ, что было важно для меня, да и еще и для нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Впрочемъ, товарищи и сами категорически запретили мнѣ принять участіе въ демонстраціи, такъ какъ я рисковалъ потерять свою камеру, а, слѣдовательно, и всѣ связи, а въ томъ числѣ еще неналаженную, какъ слѣдуетъ, связь съ г. Киндерманомъ.

Демонстрацію началъ анархистъ Лазаревичъ, взобравшись на окно и крикнувъ:

Да здравствуетъ первое мая! Долой новыхъ хозяевъ. Долой новыхъ «рабоче-крестьянскихъ» жандармовъ!

Многіе политическіе заключенные поддержали лозунги Лазаревича. Жандармерія заметалась. Демонстрантовъ схватили и потащили въ Пугачевскую башню. Въ числѣ схваченныхъ были: Лазаревичъ, Желѣзновъ, эсеръ Уткинъ, анархистъ Моченовскій и другіе.

Въ «Пугачевской башнѣ» всѣхъ продержали 6 или 7 дней, если мнѣ память не измѣняетъ, но потомъ часть выпустили. Выпущенные изъ «Пугачевскаго карцера» стали требовать освобожденія другихъ товарищей. Больше всѣхъ протестовалъ Желѣзновъ и Моченовскій. Финалъ былъ такой: больного Моченовскаго бросили въ подвалъ, а Желѣзнова схватили и перевезли во «внутреннюю» тюрьму. Когда Ж. несли для посадки въ «Черный Воронъ», Желѣзновъ громко запѣлъ:

Всероссійская коммуна,
Разоренъ народъ до тла!
Коммунистовъ диктатура
Насъ по тюрьмамъ разнесла!
Вмѣсто волюшки, землицы,
Чрезвычайки дали намъ!

Далѣе куплета Желѣзновъ не кончилъ, такъ какъ жандармы заткнули ему ротъ.

Послѣ я узналъ, что Желѣзновъ харкалъ уже кровью, былъ сосланъ куда-то на Сѣверъ, не имѣя ни теплаго платья, ни бѣлья, ни теплой обуви, ни денегъ. Послѣдніе 7 р. денегъ, которые у него были, Желѣзновъ раздѣлилъ среди своихъ такихъ же бѣдныхъ товарищей, какъ и онъ самъ.

Пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ объ анархистѣ Федорѣ Моченовскомъ, замѣчательной души, благородства и способностей революціонерѣ.

Въ 1922 г. въ Петербургѣ онъ получилъ 10 лѣтъ тюрьмы только по одному подозрѣнію въ участіи въ распространеніи анархистской газеты «Безвластье». Съ тѣхъ поръ онъ побывалъ въ разныхъ тюрьмахъ, пройдя всѣ этапы отъ Петербурга до Челябинска и назадъ отъ Челябинска до Москвы. Наконецъ, въ началѣ 1925 г. попалъ въ Бутырскую тюрьму. Положеніе Моченовскаго самое ужасное: раздѣтъ (кое-чѣмъ я съ Чарли могли его снабдить, но все это очень мало), безъ денегъ, туберкулезъ, цынга, острое мало-

кровіе и ревматизмъ. Палачи одно время давали «больничный паекъ», въ серединѣ 1926 г. лишили его этого пайка, послѣ того, какъ Моченовскій называлъ Адамсона палачемъ. За 5 лѣтъ одиночнаго заключенія Моченовскій получилъ изъ Чернаго Креста 20 р. денегъ и только въ 1926 г. сталъ получать передачи изъ Политич. Краснаго Креста. Присланные ему въ октябрѣ 1926 г. изъ-за границы 20 р. пропали, такъ какъ Моченовскій хотѣлъ использовать квитанцію и для помощи нуждающимся товарищамъ. Дѣло въ томъ, что благодаря одной несчастной случайности, квитанція погибла, а безъ квитаиціи нельзя уже ничего получить въ тюремной лавочкѣ. Такъ ведетъ себя въ отношеніи политическихъ заключенныхъ кремлевско-лубянская баида.

Весь ужасъ еще не въ томъ, что большевики изолируютъ политическихъ своихъ противниковъ, а въ томъ числѣ и соціалистовъ... Все это еще полбѣды, ибо всякій политически грамотный человѣкъ понимаетъ, что безъ этого московскіе узурпаторы не могутъ обойтись, ибо безъ террора, безъ убійствъ, безъ провокацій, безъ тюремъ большевики не могли бы удержаться у власти и одного дня!

Не такъ еще страшно и то, что политическихъ заключенныхъ въ совѣтскихъ застѣнкахъ мучатъ голодомъ, морозятъ, вынуждаютъ ихъ переносить ужасныя лишенія и т. д. Все это еще можно переносить! Самое ужасное это то, что кремлевско-лубянская гадина придумываетъ тысячи способовъ для нравственныхъ издѣвательствъ, насилій, оскорбленій и т. д. надъ политическими заключенными.

Вотъ это и является основной причиной того, что многіе политич. заключенные сходятъ съ ума, кончаютъ жизнь самоубійствомъ, видя въ этомъ единственный выходъ для прекращенія злодѣйскихъ большевистскихъ издѣвательствъ, къ которымъ міръ глухъ и нѣмъ.

Впрочемъ, эта тема не входитъ въ программу моихъ настоящихъ воспоминаиій. Въ свое время я къ этой темѣ возвращусь особо.

Читатель уже знаетъ о моей тайной перепискѣ съ женой. Я все время удивлялся, что жена не заболѣла еще до сихъ поръ цынгой въ острой формѣ, будучи принуждена питаться только однимъ, такъ называемымъ «уголовнымъ пайкомъ». Лично я все-же находился въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ пользовался помощью друзей. Оказалось, что жена долгое время скрывала отъ меня, что она уже продолжительное время больна цынгой и только когда цынготный процессъ обострился, сообщила мнѣ о своей болѣзни. Я сообщилъ ей, что необходнмо требовать «больничный паекъ», что она и сдѣлала. Паекъ былъ назначенъ, но черезъ нѣкоторое время выдача «больиичнаго пайка» была прекращена.

Къ этому времени въ одиночномъ корпусѣ два моихъ товарища тоже заболѣли острой цынгой. Что дѣлать? Былъ у меня однн проектъ, который при удачѣ давалъ возможность полученія продуктовъ за счетъ Г. П. У., при чемъ, разумѣется, послѣднее не знало бы, что оно безплатно заключеннаго снабжаетъ продуктами. Проектъ былъ рискованный, но выхода никакого ие было. Свой проектъ я предложилъ на обсужденіе ряду друзей-корреспоидеитовъ, а въ томъ числѣ и милому д-ру К. Киндерману. Всѣ единогласно рѣшили, что въ борьбѣ со злодѣйствами Г. П. У. въ выборѣ

средствъ борьбы стѣсияться ие слѣдуетъ вообще н тѣмъ болѣе мнѣ, такъ какъ Г. П. У. въ своемъ баидитскомъ иасиліи иадо миою ие остаиавливалось ни передъ какими средствами. Прииялн мы во виимаиіе и то, что Г. П. У. ограбило меия ие только на волѣ, ио и въ тюрьмѣ, захвативъ путемъ провокаціи 2000 царскихъ серебряиыхъ рублей, о которыхъ въ свое время я уже упомииалъ.

Не откладывая осуществлеиія проекта въ долгій ящикъ, я немедленно заиялся «операціей». Все сошло благополучно. Я, двое моихъ товарищей и жеиа стали получать продукты изъ лавки, при-чемъ лубяиская жаидармерія и ие подозрѣвала, что оиа всѣхъ иасъ сиабжаетъ продуктами безплатно. Въ общемъ за 6 мѣсяцевъ мы получили отъ Г. П. У. продуктовъ иа 236 рублей. Брали по преимуществу жиры, молоко, фрукты, сыръ, бѣлый хлѣбъ. Результаты сказались очеиь быстро: всѣ мы ожили, а борьба съ цынгою жеиы и товарищей пошла достаточио успѣшио. Правда, жеиа еще и до сего времеии ие избавилась отъ послѣдствій цыиги, ио все же это уже совсѣмъ ие та картииа, передъ которой иамъ пришлось бы стоять, если бы я ие оргаиизовать помощи продуктами.

Хуже было съ сестрой, которая лежала все время въ больиицѣ Лефортовской тюрьмы, гдѣ, разумѣется, ие могло быть и рѣчи о лѣчеиіи туберкулеза.

Въ октябрѣ меия иеожидаиио доставили въ Г. П. У. н иемедлеино провели иаверхъ въ кабиигъ Начальиика К. Р. О. (Отдѣлъ Коитръ-развѣдки Секретнаго Оперативиаго Управлеиія О. Г. П. У.).

Въ комиатѣ сидитъ иезиакомый чекистъ среднихъ лѣтъ, достаточно иителлигеитиый.

Чекистъ: — Я вызвалъ Васъ, граждаииъ Бруиовскій, чтобы сообщить Вамъ о томъ, что Ваше правительство отказалось Васъ обмѣиять. Вотъ оффиціальиая бумага объ этомъ Латвійскаго посла иа имя Народнаго Комиссаріата Иностраииыхъ Дѣлъ.

Я взялъ бумагу въ руки и сталъ читать. Страиио! Очень странно! Блаикъ Латвійскаго Посольства. Подъ текстомъ подпись латвійскаго посла (я подписи г. Посла никогда раиѣе ие видѣлъ). Подпись скрѣплеиа печатью Латвійскаго Посольства.

Призиаться, эта бумага меия крайие иепріятио удивила. Однако и довѣрять сообщеиію чекистовъ было мало основаиій, такъ какъ иа волѣ уже были мои друзья Е. А. Еле, І. А. Лашкевичъ и въ середииѣ сеитября вырвался иа волю д-ръ К. Киидермаиъ. Послѣднему я далъ указаиіе, какъ сообщить миѣ съ воли о томъ, если я должеиъ буду погибиуть въ чекистскомъ камеииомъ «мѣшкѣ». Способъ былъ такой, что иикакія ухищреиія Г. П. У. ие могли бы лишить возможиости г. Киидермаиа переслать миѣ сообщеніе въ тюрьму.

Чекистъ: — Мы должны поставить вопросъ о приведеиіи приговора въ исполиеиіе, такъ какъ Вами въ свое время не было подано прошенія о помиловаиіи. Вы имѣете, граждаииъ Бруновскій, заявить что-иибудь?

Упомииаиіе о прошеиіи миѣ сразу открыло глаза и мнѣ стало ясно, что это очередная провокація. Для меия ие было никакихъ сомиѣиій въ томъ, что откажись мое правительство меия обмѣнять, чекистская сволочь не стала бы со мной возиться ни одного часу.

Очередная провокація Г. П. У. наоборотъ показывала мнѣ, что мои дѣла очень хороши.

Заявленіе чекиста меня взорвало и я грубо отвѣтилъ ему:

— Вы хотите знать, что я имѣю Вамъ сообщить? О, только одно: подите вы къ.....

Чекистъ разсвирѣпѣлъ и назвалъ меня «бѣлогвардѣйской сволочью». На этомъ «дружеская» наша бесѣда была кончена и меня увезли назадъ.

Въ концѣ октября я случайно открылъ любопытную вещь: у меня появились новые сосѣди, какіе-то студенты. Я попробовалъ имъ стучать, но отвѣта не получилъ. Рѣшилъ, что новички, напуганы или быть можетъ очень боятся жандармеріи.

Сосѣди мои имѣли общую прогулку съ нѣсколькими другими камерами, съ одной изъ которыхъ у меня была уже давнишняя связь.

Однажды на прогулкѣ мои сосѣди разсказываютъ другимъ, что у нихъ, молъ, неприятное сосѣдство: въ 10-ой камерѣ сидитъ «провокаторъ» Бруновскій и его молъ надо остерегаться.

Мой пріятель: — Откуда Вы это знаете?

Студенты: — У насъ на стѣнкахъ камеры есть объ этомъ надписи, сдѣланныя заключенными.

Новичкамъ было невдомекъ, что жандармы ежедневно провѣряютъ въ камерахъ желѣзныя рѣшетки и строго слѣдятъ за надписями на стѣнахъ камеры.

Разумѣется, все дѣло мой пріятель разъяснилъ и со студентами я быстро познакомился. Оказывается, ихъ привезли изъ Петербурга, гдѣ они получили по 3 года ссылки за контръ-революцію и теперь только ждали дальнѣйшаго направленія, временно занявъ въ «корридорѣ смертниковъ» двѣ «освободившіяся» камеры.

Смыслъ гнусной чекистской провокаціи былъ простой: сдѣлавъ надписи на стѣнахъ сосѣднихъ со мною камеръ о томъ, что де въ камерѣ № 10 сидитъ «провокаторъ» Бруновскій, чекистамъ не надо было бы уже такъ тщательно за мною слѣдить, ибо кому же охота имѣть дѣло съ «провокаторомъ». Какъ я послѣ выяснилъ, надписи на стѣнахъ сдѣлалъ «старшій по надзору» жандармъ Абрамовъ, извѣстный среди заключенныхъ, какъ самый отъявленный негодяй, подхалимъ, изобрѣтатель для заключенныхъ всякихъ «скорпіоновъ» и т. д.

Въ началѣ ноября меня вызвали въ канцелярію и безъ какихъ либо «инструкцій» повели на свиданіе. Я снова увидѣлъ секретаря Латвійскаго посольства г. Виграпа.

Виграпъ: — Вы узнаете меня?

Брун.: — Да, я очень радъ Васъ видѣть.

Виграпъ: — Я пріѣхалъ сообщить Вамъ пріятную вѣсть: Васъ, Вашу жену и Вашу сестру Латвійское правительство въ теченіе ближайшихъ дней обмѣняетъ, такъ какъ спеціальный актъ объ обмѣнѣ уже утвержденъ Латвійскимъ Сеймомъ.

Читатель можетъ самъ понять, какое впечатлѣніе на меня произвело это заявленіе. Оно было вдвойнѣ пріятно, такъ какъ я зналъ, что сестра тоже будетъ выдана, хотя она въ свое время и не успѣла оформить свое латвійское гражданство.

Потянулись долгіе дни, казавшіеся недѣлями. Простился на всякій случай со своими друзьями. Проходятъ дни, недѣли, но обмѣна нѣтъ. Я сталъ снова тревожиться. Уже конецъ Рождества. Одинъ изъ друзей получилъ съ воли кучу вкусныхъ вещей. Подѣлился со мной, а я въ свою очередь съ друзьями и рѣшилъ порадовать жену. Вызываю дежурнаго коменданта и требую принять передачу для больной жены. Категорически отказываетъ. Объявляю обструкцію. Сейчасъ же явился Адамсонъ со своимъ помощникомъ Лучко и съ двумя жандармами Сорокинымъ и Рѣпинымъ. Я былъ схваченъ, при чемъ Лучко едва не сломалъ мнѣ лѣвую руку, поваленъ на койку. Жандармы стали страшно туго прикручивать меня веревкой къ койкѣ. Вижу, что долго не перенесу такого положенія, и былъ вынужденъ заявить, что обструкцію снимаю.

Прошло Рождество. Вечеромъ 28 декабря входятъ два жандарма въ камеру и предлагаютъ сообщить, есть ли у меня какія либо квитанціи на вещи, оставленныя во «внутренней» тюрьмѣ.

Дѣло ясное. На дняхъ обмѣнъ, такъ какъ обычно передъ обмѣномъ или передъ ссылкой происходитъ отобраніе квитанцій для полученія вещей отобранныхъ на Лубянкѣ въ Г. П. У.

Было радостно за себя, жену и сестру и въ то же время больно за тѣхъ, кто оставался въ большевистскихъ застѣнкахъ безъ надежды увидѣть волю при владычествѣ кремлевско-лубянской шайки узурпаторовъ.

29 декабря. Около 9 часовъ утра. Входитъ жандармъ:

— Собирайтесь, гр. Бруновскій, съ вещами!

Вещи! Какія тамъ могутъ быть вещи послѣ почти 4-хъ лѣтъ заключенія.

Наскоро собрался, бросивъ въ камерѣ разный хламъ. Выводятъ въ корридоръ. По условію даю товарищамъ знать, что иду на волю, громко крикнувъ:

— Десятая на волю! До свиданія, товарищи, въ свободной Россіи!

Еще нѣсколько секундъ и за мной захлопнулась, — надѣюсь навсегда! — дверь одиночнаго корпуса Бутырской тюрьмы. Сталъ спускаться по знакомой лѣстницѣ въ полуподвальное помѣщеніе канцеляріи.

Всегда, когда я проходилъ по этой лѣстницѣ, я съ ужасомъ смотрѣлъ на нее, — сколько тысячъ, быть можетъ, десятковъ тысячъ людей прошли по ней за 9 лѣтъ кроваваго владычества кремлевско-лубянскихъ жандармовъ!

Никогда въ мірѣ не было еще ни одного застѣнка, который бы видѣлъ столько горя, слезъ, отчаянія, крови, насилія, подлаго издѣвательства надъ человѣкомъ, сколько видѣли и видятъ большевистскіе «соціалистическіе» застѣнки.

Къ обмѣну были назначены и другіе латвійскіе граждане. Всѣхъ насъ стали концентрировать въ «сборной», куда обычно собираютъ заключенныхъ, подлежащихъ дальнѣйшей отправкѣ значительной партіей. Приблизительно 30 минутъ спустя въ сборную была введена жена, видъ которой

былъ такой, что краше въ гробъ кладутъ. Не было сестры. Уже около 2-хъ часовъ дня, а сестры все еще нѣтъ. Сталъ безпокоиться. Наконецъ получилъ извѣстіе, что сестра уже перевезена изъ Лефортовской тюрьмы въ Бутырскую. Въ 8 часовъ вечера встрѣтилъ и сестру, выглядѣвшую нѣсколько лучше жены.

Въ 3 часа предложили съ вещами перейти въ другое помѣщеніе, гдѣ будетъ происходить обыскъ.

Мой брезентовый чемоданъ, въ двойномъ днѣ котораго хранился тщательно спрятанный смертный приговоръ, уже много разъ съ честью выдерживалъ налетъ жандармеріи. Хотѣлось вѣрить, что и теперь чемоданъ не ударить въ грязь лицомъ, хотя и зналъ я, что теперь будетъ самый рѣшительный обыскъ.

Для обыска было назначено два «пролетарскихъ» жандарма: дежурный помощникъ коменданта Ивановъ и старшій по надзору Рудзитъ.

Начали съ тщательнаго просмотра вещей. Обыскъ былъ настолько тщательный, что каждый шовъ носового платочка внимательно просматривался. Коробки съ папиросами были вскрыты и изъ каждой папиросы вывертывалась бумага мундштука. Предложили снять платье и бѣлье. За платье я очень безпокоился, такъ какъ въ швахъ платья было зашито много крохотныхъ кусочковъ тонкаго полотна съ разными замѣтками на нихъ (конечно шифромъ), именъ, фактовъ, событій и т. д. Ивановъ предлагаетъ Рудзиту начать такъ называемый «физіологическій» обыскъ, но я заявилъ, что такому звѣрскому насилію я окажу самое рѣшительное сопротивленіе. Ивановъ удалился на нѣсколько минутъ, скоро снова вернулся и заявилъ, что «физіологическаго» обыска не будетъ, но въ волосахъ и въ бородѣ поищутъ. Это я разрѣшилъ. Наступаетъ рѣшительный моментъ, — осмотръ чемодана. Обыскъ началъ Рудзитъ. Чтобы показать свое «безразличіе» къ этому обыску, я сталъ пикироваться съ Ивановымъ. Долго Рудзитъ возился съ чемоданомъ, ощупывая его, гдѣ можно подпарывая. Наконецъ, вижу этотъ наглецъ начинаетъ отдирать картонное дно чемодана...

Ну, значитъ, смертный приговоръ, который чекисты столько разъ безуспѣшно искали, пропалъ...

Поясню читателю: картонное дно чемодана состояло изъ нѣсколькихъ листовъ картона, склеенныхъ между собою. Отдирая дно чемодана, Рудзитъ захватилъ два листа, а приговоръ былъ тщательно вклеенъ между первымъ и вторымъ листами. Осмотрѣвъ сравнительно бѣгло отодранную часть дна, Рудзитъ рѣшилъ болѣе тщательно осмотрѣть слѣдующіе листы.

Еще 10-15 минутъ и обыскъ конченъ, — жандармы ничего не нашли, хотя Рудзитъ первую часть дна держалъ въ рукахъ и, слѣдовательно, держалъ въ рукахъ и смертный приговоръ.

Отлегло отъ сердца, было даже пріятно сознавать, что еще разъ провелъ «рабоче-крестьянскихъ» жандармовъ.

Жандармы видимо были обезкуражены, что ничего у меня не нашли.

Обыскъ продолжался 5 часовъ безъ перерыва. Около 10 часовъ былъ поданъ знаменитый «Черный Воронъ», въ который всѣхъ насъ (34 человѣка, кромѣ жандармовъ) и впихнули.

Виндавскій вокзалъ. Бѣглый осмотръ вещей таможенными чинами. Разумѣется, ихъ то я уже не боялся, такъ какъ осмотръ былъ только ради формальности, ибо чины знали, что мы прошли уже черезъ руки чекстовъ.

Вагонъ 3-го класса. Размѣщаемся. Проходитъ болѣе часу. Среди заключенныхъ большая часть знаетъ латвійскій національный гимнъ и, когда поѣздъ сталъ отходить отъ перрона (публика съ перрона была удалена), заключенные запѣли латвійскій національный гимнъ. У многихъ нервы не выдержали и стали слышны рыданія.

Проплыли мимо станціонныя зданія...

Прощай, дорогая Россія! Долго ли еще придется тебѣ влачить жалкое существованіе и нести позорное клеймо большевицкаго кроваваго владычества! Кто знаетъ, когда и какъ придетъ конецъ страданіямъ русскаго народа, русскихъ рабочихъ и крестьянъ!

Утро 31 декабря. Пограничная станція Зилупе. Вагонъ стоитъ на совѣтской территоріи въ 20-30 шагахъ отъ пограничной арки. Крупными хлопьями падаетъ снѣгъ. Вокругъ вагона рѣдкой цѣпью неподвижно стоятъ чекисты часовые. Среди падающаго снѣга фигуры кажутся окаменѣвшими. По ту сторону границы на Латвійской территоріи еле виденъ темный силуэтъ вагона, гдѣ ждутъ воли большевистскіе чекисты, провокаторы, шпіоны, агитаторы, честно поработавшіе по московской указкѣ въ Латвіи, но въ концѣ концовъ угодившіе въ Рижскую Центральную Тюрьму. Они тоже съ нетерпѣніемъ ждутъ воли. Какъ ни тонко работаютъ кремлевско-лубянскіе агенты, но все же и на «старуху бываетъ проруха». Когда пишутся эти строки, на Латвійскую территорію перебѣжалъ чекистъ Никитинъ и вручилъ латвійскимъ властямъ списокъ агентовъ Г. П. У., работавшхъ въ пограничной полосѣ на Латвійской территоріи. Списокъ «маленькій»: около 35 шпіоновъ на участкѣ менѣе, чѣмъ въ 40 километровъ!

Это въ маленькой Латвіи, никакой угрозы ни съ какой стороны для СССР не представляющей!

Читателю нетрудно себѣ представить, сколько такихъ кремлевско-лубянскихъ агентовъ, провокаторовъ, шпіоновъ и агитаторовъ работаетъ въ другихъ странахъ подъ маской чиновъ Полпредствъ, Торгпредствъ, Торговыхъ и иныхъ делегацій, комиссій, членовъ Коминтерна, Профинтерна, Спортинтерна, Крестинтерна и т. д., и т. д., и т. д.

Но я уклонился отъ своей основной темы.

Около 10 часовъ утра. Входитъ жандармъ и предлагаетъ выходить по 3 человѣка въ алфавитномъ порядкѣ. Вторымъ слѣдую я. Подходимъ къ границѣ, на которой за столомъ сидитъ смѣшаная Комиссія: Латвійскій консулъ въ Москвѣ г. Михельсонъ, представитель Министерства Иностранныхъ Дѣлъ г. Кульманъ, товарищъ прокурора Рижскаго Окружного Суда г. Апсалонъ, начальникъ пограничной стражи г. Якобсонъ, чины желѣзнодорожнаго вѣдомства, полиціи. Съ совѣтской стороны уполномоченный Наркоминдѣла Оболенскій, совѣтскій генеральный консулъ въ Ригѣ Шершевъ, начальникъ пограничнаго отряда Г. П. У. и другіе чекисты. Съ Латвійской стороны также подводятъ троихъ, въ томъ числѣ знаменитую чекистку-палача Шмерлингъ.

Фотографы. Корреспонденты. Киноаппаратъ. Не проходитъ и 5 минутъ, какъ я уже на волѣ, въ странѣ, гдѣ есть право, гдѣ есть законы, охраняющіе суверенныя права человѣка и гражданина. Обмѣнъ конченъ. Всѣ мы размѣщены въ вагонѣ. Страшно усталъ. Отъ разговоровъ, послѣ почти 4-хъ лѣтняго перерыва, потерялъ голосъ.

Корреспондентамъ нужны сенсаціи, но къ сожалѣнію я всѣхъ корреспондентовъ въ зтомъ отношеніи разочаровалъ, давъ интервью только въ 30-40 строкъ.

Не говоря уже о томъ, что былъ физически страшно измученъ и потому не въ состояніи былъ ни думать, ни говорить, я вообще рѣшилъ не давать въ газеты сразу сенсаціонныхъ матеріаловъ, которые отъ меня ожидались. Да и что можно сказать о кремлевско-лубянскихъ палачахъ въ короткой бесѣдѣ. И наконецъ лично я не придаю существеннаго значенія разнаго рода сенсаціямъ, такъ какъ обычно черезъ часъ, черезъ день, забываютъ о нихъ. Для разоблаченія кремлевско-лубянской шайки международныхъ шулеровъ нужна систематическая, упорная работа, въ основѣ которой лежала бы единая воля. Прежде всего освобожденіе Россіи, а потомъ уже свои классовые, партійные и иные интересы. Но объ зтомъ въ свое время.

Не могу безъ улыбки вспомнить буфетчицу на станціи Зилупе: я заказалъ въ буфетѣ обѣдъ и онъ мнѣ показался такимъ вкуснымъ, что я заказалъ сейчасъ же второй.

Буфетчица: — Простите, но Вамъ уже обѣдъ былъ поданъ.

Пришлось пояснить ей кратко, что я изъ Совдепіи, да при томъ еще послѣ 4-хъ лѣтней тюремной голодовки. Второй обѣдъ я получилъ, а вмѣсто третьяго обѣда пилъ кофе съ пирожными въ обществѣ жены и сестры.

Золотое было время!

Оставалось еще извлечь изъ чемодана смертный приговоръ. Чтобы лишить кремлевско-лубянскихъ жандармовъ возможности утверждать послѣ, что смертный приговоръ является поддѣльнымъ, какъ зто всегда дѣлаютъ московскіе правители, когда ихъ ловятъ съ поличнымъ, я просилъ при извлеченіи документа присутствовать рядъ лицъ: представителя Министерства Иностранныхъ дѣлъ, прокуратуры, начальника пограничной охраны и рядъ другихъ лицъ. Смертный приговоръ былъ извлеченъ, на немъ расписались присутствовавшія при зтомъ лица, а самая операція извлеченія была сфотографирована.

Новый годъ встрѣчаемъ на пути въ Ригу, куда прибыли рано утромъ.

Встрѣча съ родными, друзьями. Старушка мать добыла громаднѣйшую шубу и привезла ее для того, чтобы уже въ Ригѣ со станціи можно было перебраться въ городъ, — было и трогательно и весело.

Среди встрѣчавшихъ своихъ узниковъ, вырвавшихся на волю, выдѣлялась одна дама въ траурѣ, которая подходила ко всѣмъ бывшимъ узникамъ и просила сообщить ей, не знаетъ ли кто либо о судьбѣ ея сына, арестованнаго Г. П. У., а потомъ безслѣдно исчезнувшаго. Къ сожалѣнію никто бѣдной матери нужныхъ ей справокъ дать не могъ.

Итакъ я на волѣ. Быть можетъ читатель спроситъ, какъ всетаки кремлевско-лубянскіе убійцы «согласились» меня выдать.

Весь секретъ въ томъ, что разрѣшеніе вопроса въ основномъ не зависѣло уже болѣе отъ «согласія» Г. П. У. Какъ я уже въ свое время упоминалъ, первоначально Г. П. У. было въ полной увѣренности, что даже при самыхъ худшихъ условіяхъ особыхъ осложненій ожидать не приходилось, если бы даже, паче чаянія, Латвійское правительство и стало протестовать противъ смертнаго приговора мнѣ. Наконецъ, что такое протестъ маленькой Латвіи. Если большевики ведутъ разговоры, а порою даже дѣлаютъ «реверансы» маленькимъ окраиннымъ государствамъ, то совсѣмъ не потому, что Москва признаетъ ихъ суверенитетъ. Нѣтъ, нисколько! Заигрываніе съ этими окраинными государствами, разнаго рода дѣлаемыя имъ обѣщанія имѣютъ только три основныхъ цѣли: 1) отдалить эти республики отъ семьи великихъ народовъ, изолировавъ ихъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, 2) путемъ всяческихъ провокацій посѣять между этими республиками раздоръ и 3) использовать ихъ, какъ опорный пунктъ для своей работы, направленной къ установленію диктатуры кремлевско-лубянской шайки за предѣлами СССР.

Случилось же совершенно неожиданное: помимо латвійскаго посла протестъ противъ смертнаго приговора заявилъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Ходжсонъ, норвежскій посолъ г. Якхельнъ. Рѣшительное значеніе, разумѣется, имѣлъ протестъ г. Ходжсона.

Дать приказъ «Правдѣ», «Извѣстіямъ», начать походъ противъ Англіи, Норвегіи, за ихъ заступничество никакъ было нельзя, такъ какъ само по себѣ «дѣло» было въ высшей степени скандальное.

Надо было выжидать въ надеждѣ, что о Бруновскомъ забудутъ и тогда можно будетъ безъ шума пустить его въ «расходъ», какъ это уже принято кремлевско-лубянскими убійцами въ такихъ случаяхъ. Однако, и тутъ ничего не выходило: Латвійское правительство время отъ времени напоминало обо мнѣ, — во первыхъ; въ Норвегіи обо мнѣ весьма твердо напомнили совѣтскому послу, — во вторыхъ; наконецъ три года спустя уже «рабоче-крестьянскому» правительству напомнилъ Фритіофъ Нансенъ, мнѣніемъ котораго большевики вынуждены дорожить. Приходилось принять во вниманіе, что въ тюрьмахъ Латвіи накопилось много большевистскихъ агентовъ, провокаторовъ, шпіоновъ, которыхъ извлечь изъ Латвіи было бы невозможно, не включивъ въ списокъ обмѣниваемыхъ меня, жену и сестру.

Всѣ попытки спровоцировать меня на подачу разнаго рода прошеній, заявленій не дали никакихъ результатовъ.

Испробовала кремлевско-лубянская банда еще одно средство: большевистскій «президентъ» Мишка Калининъ, какъ я узналъ еще въ тюрьмѣ, въ одной бесѣдѣ съ иностранцами такъ, мимоходомъ, упомянулъ, что вотъ молъ бываютъ такія де заслуги, когда заграницей берутъ подъ покровительство даже такихъ лицъ, какъ Бруновскій. На этотъ «живецъ» тоже не клюнуло нигдѣ.

Что же остается? Отравить? Это испытанное средство, но стоитъ ли игра свѣчъ? Повидимому не стоитъ, такъ какъ можетъ подняться шумъ еще по поводу, скажемъ, убійства Бруновскаго «при попыткѣ къ побѣгу».

Да и такъ ли ужъ страшно выдать Бруновскаго? — Повидимому нѣтъ, и вотъ почему: у Бруновскаго нѣтъ никакихъ бумагъ, отобранъ его политическій архивъ большой важности, а это крайне понижаетъ удѣльный вѣсъ вы-

ступленія Бруновскаго, даже если бы онъ и сталъ что либо писать и говорить.

Пусть Бруновскій пишетъ и говоритъ, что хочетъ, — мы можемъ дѣлать видъ, что мы его вовсе не знаемъ, первый разъ о немъ слышимъ, а кромѣ того заграничной явной и тайной агентурѣ кремлевско-лубянской банды можно дать порученіе попытаться скомпрометировать Бруновскаго путемъ тайной клеветы, что Бруновскій де чекистъ, агентъ Коминтерна, провокаторъ и т. п. Этотъ путь уже пыталась использовать разная сволочь, льющая воду на мельницу кремлевско-лубянскихъ палачей. По этому вопросу я опубликую нѣкоторые матеріалы отдѣльно.

Прекрасно. Но, вѣдь Бруновскій осужденъ къ смертной казни въ качествѣ «обершпіона» иностранныхъ правительствъ вообще и англійскаго и норвежскаго въ частности. Все это плевое дѣло, но все же не совсѣмъ удобно объ этомъ начать публичные разговоры, такъ какъ большевистская проституированная печать до сего дня хранила о Бруновскомъ гробовое молчаніе. Однако страшно ли большевикамъ заявленіе Бруновскаго о томъ, что онъ былъ осужденъ къ смертной казни, какъ «шпіонъ» Англіи, Норвегіи и т. д. — Нисколько не страшно, — вѣдь можно же сказать, что Бруновскій былъ осужденъ къ смертной казни за дачу или пріемъ взятки, скажемъ, за бандитизмъ, или т. п., такъ какъ вѣдь у Бруновскаго никакихъ документовъ нѣтъ, а самое «дѣло» слушалось при закрытыхъ дверяхъ.

Такимъ образомъ выдача Бруновскаго, по мнѣнію кремлевско-лубянскихъ убійцъ не могла имѣть никакихъ непріятныхъ послѣдствій.

Однако Г. П. У. немного ошиблось въ своихъ расчетахъ:

а) Правда, мой политическій архивъ у меня похищенъ, но я въ свою очередь похитилъ протоколъ обыска.

б) Совершенно неожиданно для Г. П. У. въ моемъ распоряженіи очутилось два «обвинительныхъ» заключенія О. Г. П. У. и «Верховнаго Суда». Точно также въ моемъ распоряженіи очутился смертный «приговоръ» этого, съ позволенія сказать, «пролетарскаго» суда».

О, разумѣется, знай обо всемъ этомъ Г. П. У. раньше, мнѣ не помогли бы ни заступничество моего правительства, ни г. Ходжсонъ, ни г. Якхельнъ, ни даже Фритіофъ Нансенъ!

Только теперь Г. П. У. всполошилось и назначило, какъ я узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, слѣдствіе о моей жизни въ тюрьмѣ. Въ связи съ этимъ слѣдствіемъ я опубликовалъ въ № 2061 газеты «Руль» отъ 9 сентября 1927 г. слѣдующее:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРАВИТЕЛЯМЪ РОССІИ.

Господа Правители.

Прошу извинить меня, что я своими письмами время отъ времени отвлекаю васъ отъ палаческой вашей работы, именуемой вами «соціалистическимъ строительствомъ». Дѣло въ томъ, что я получилъ изъ вашей вотчины (СССР) достовѣрныя свѣдѣнія:

1. Что вами сдѣлано распоряженіе о производствѣ строгаго дознанія, какъ и черезъ кого мнѣ удалось организовать колоссальную связь и тайную переписку съ заключенными въ вашей «внутренней» тюрьмѣ, на Лубянкѣ

№ 2, въ одиночномъ корпусѣ Бутырской военно-слѣдственной тюрьмѣ О. Г. П. У., съ заключенными отдѣльныхъ корпусовъ этой тюрьмы, а равно съ волей и въ особенности съ заграницей.

2. Что вами сдѣлано распоряженіе о производствѣ строгаго дознанія, какъ и черезъ кого я передалъ изъ вашихъ застѣнковъ на волю и заграницу рядъ секретныхъ документовъ по моему «дѣлу».

3. Что вы выражаете сожалѣніе о томъ, что я былъ выпущенъ вами заграницу.

Всякія объясненія и полемика съ вами, какъ съ палачами русскаго народа, русскихъ рабочихъ и крестьянъ, вполнѣ естественно вызываетъ у меня чувство гадливости. Это чувство становится еще острѣе и ярче, когда я вспоминаю время моей совмѣстной активной работы съ вами и тотъ періодъ, когда я еще такъ мало васъ зналъ. Тѣмъ не менѣе я считаю себя вынужденнымъ дать вамъ свои «показанія» сейчасъ же, чтобы попытаться спасти отъ ужасовъ вашихъ подлыхъ «соціалистическихъ» застѣнковъ ваши новыя невинныя жертвы. Я не увѣренъ, что мое настоящее письмо достигнетъ цѣли, но дать вамъ свои «показанія» я считаю долгомъ гражданина и человѣка.

Печальная участь Александра Хорошавина, замученнаго вами д о с м е р т и только за то, что этотъ благородный юноша не убоялся навѣстить мою семью послѣ моего ареста, вынуждаетъ меня обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ, питая нѣкоторую, хотя и очень слабую! — надежду, что вы не захотите новыхъ, абсолютно безцѣльныхъ жертвъ.

По пункту первому сего письма заявляю:

А) Изъ перехваченныхъ вами моихъ двухъ писемъ во «внутренней» тюрьмѣ, пакета съ письмами въ банкѣ Бутырской тюрьмы для ряда заключенныхъ другихъ корпусовъ, записки, направленной мнѣ по ниткѣ изъ «особаго корридора», гдѣ сидѣли осужденные по извѣстному инсценированному вами процессу члены Ц. К. партіи правыхъ эсъ-эровъ, письма, направленнаго мнѣ по ниткѣ политическими заключенными съ 3-го этажа, голубиной почты, случайно захваченной вашимъ жандармомъ Сорокинымъ 26.XII.1925, почты, захваченной въ консервной запасной банкѣ и направленной мною въ больницу для моей больной жены, — вы можете видѣть, что во всѣхъ этихъ случаяхъ я о б х о д и л с я б е з ъ у с л у г ъ т р е т ь и х ъ л и ц ъ.

Правда, вамъ удалось захватить не болѣе 0,1% моей обширной секретной тюремной переписки. Правда, что я иногда вынужденъ былъ прибѣгать къ услугамъ третьихъ лицъ, но всегда т о л ь к о заключенныхъ и большею частью политическихъ заключенныхъ.

Правда и то, что у меня были, кромѣ уже извѣстныхъ вамъ вышеперечисленныхъ, десятки и другихъ способовъ тайныхъ сношеній съ заключенными, однако я никогда не пользовался услугами вашей «рабоче-крестьянской» жандармеріи, за исключеніемъ нѣкотораго періода въ 1923 г., когда я дѣйствительно имѣлъ тайную переписку съ волей черезъ вашихъ жандармовъ, платя послѣднимъ по 25 рублей золотомъ за каждое письмо.

Я никогда не пользовался услугами и частныхъ лицъ съ воли (кромѣ жены и сестры) по той простой причинѣ, что не считалъ себя вправѣ рисковать жизнью постороннихъ людей и тѣмъ болѣе послѣ того, какъ за участіе въ моихъ тайныхъ сношеніяхъ съ волей были схвачены вами моя жена и сестра, надъ которыми вы такъ подло и жестоко издѣвались 3 года въ вашихъ застѣнкахъ, въ результатѣ чего моя сестра уже 8 мѣсяцевъ лежитъ въ боль-

ницѣ больная туберкулезомъ, а жена все еще борется съ тяжелыми послѣдствіями цынги. Такимъ образомъ можете оставить совершенно въ покоѣ частныхъ лицъ съ воли. Вамъ точно также нѣтъ надобности «завинчивать» вашъ «соціалистическій» тюремный режимъ, который вами уже «завинченъ» до отказа даже съ точки зрѣнія любого палача. Всю свою злобу вы можете направить только на меня одного, но увы, — я уже за предѣлами, какъ мнѣ кажется, вашей дѣятельности.

Б. Переписка съ заграницей у меня дѣйствительно была широко организована, но и здѣсь я абсолютно не пользовался услугами совѣтскихъ гражданъ.

Я пользовался услугами только иностранцевъ (смертниковъ по преимуществу), содержавшихся въ вашихъ застѣнкахъ. Такъ, въ настоящее время я могу уже кое кого даже назвать вамъ изъ этихъ лицъ, какъ, напримѣръ, германскаго гражданина д-ра Карла Киндермана, осужденнаго вами къ смертной казни (по извѣстному инсценированному вами такъ называемому «фашистскому» процессу для спасенія своихъ провокаторовъ — Скоблевскаго и Ко!) и обмѣненнаго Германскимъ правительствомъ; секретаря Польскаго консульства въ Тифлисѣ Іосифа Антоновича Лашкевича, осужденнаго вами къ смертной казни якобы за «шпіонажъ» и обмѣненнаго Польскимъ правительствомъ, польскаго гражданина Евгенія Александровича Еле, осужденнаго вами къ смертной казни и тоже обмѣненнаго Польскимъ правительствомъ. Пока съ васъ довольно свидѣтелей. Всѣ перечисленныя лица оказали мнѣ и нѣкоторымъ другимъ, томившимся въ вашихъ застѣнкахъ, незабываемыя услуги. Въ особенности я долженъ отмѣтить д-ра К. Киндермана, исключительное благородство, мужество и безмѣрная готовность котораго помогать несчастнымъ жертвамъ вашего палаческаго режима достойны восхищенія. Но объ этомъ въ свое время я вамъ разскажу подробнѣе.

По пункту второму сего письма заявляю:

Всѣ секретные документы мнѣ удалось тайно передать на волю при исключительныхъ обстоятельствахъ своей женѣ еще до ея ареста, которая эти документы и предъявила для ознакомленія ряду иностранныхъ посольствъ въ Москвѣ. Никто изъ совѣтскихъ гражданъ къ передачѣ мною на волю секретныхъ документовъ по моему «дѣлу» не причастенъ и въ этомъ дѣлѣ повинна только моя жена, выполнявшая свой долгъ и мое порученіе. Съ нею и сестрой вы уже расправились и больше жертвъ искать безцѣльно.

Что же касается тайнаго провоза мною лично смертнаго приговора вашего, съ позволенія сказать, «Верховнаго Суда», то вы уже знаете, какъ это произошло. Даже и здѣсь я долженъ по совѣсти вамъ сказать, что назначенный комендантомъ Бутырской тюрьмы, знаменитымъ «пролетарскимъ» палачомъ Адамсономъ, особый нарядъ для обыска меня сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы не пропустить заграницу даже совѣтскую вошь. Какъ видите, и здѣсь я обошелся безъ услугъ третьихъ лицъ.

По пункту третьему заявляю:

Разумѣется, ваше огорченіе, что вамъ, по обстоятельствамъ отъ васъ независящимъ, не удалось меня убить, является естественнымъ и тѣмъ болѣе, что такая неудача у васъ бываетъ очень рѣдко!.. Впрочемъ, это огорченіе въ общей массѣ всяческихъ вашихъ огорченій особой роли не играетъ и я не сталъ бы даже объ этомъ упоминать, если бы меня немного не тре-

вожнло то обстоятельство, что вашу «ошибку» въ отношенiи меня вы попытаетесь «исправить» нынѣ, для чего у васъ есть уже богатѣйшiй опытъ!.. Я немного тревожусь — не скрываю этого! — и тревожусь только потому, что слишкомъ хорошо и слишкомъ близко васъ знаю!..

Кончаю: я сказалъ вамъ правду, а остальное на вашей «совѣсти», если это слово умѣстно вообще въ отношенiи васъ!

Бывшiй «смертникъ» *В. Бруновскiй.*

Разумѣется, я очень далекъ отъ мысли, что настоящiя мои воспоминанiя будутъ имѣть роковыя послѣдствiя для кремлевско-лубянскихъ убiйцъ. Нѣтъ. Нисколько. Московская банда, именующая себя «рабоче-крестьянскимъ» правительствомъ, будетъ еще долго владычествовать независимо отъ того, будетъ ли во главѣ шайки стоять коноводъ Сталинъ или коноводъ Троцкiй. Для меня это совершенно ясно и въ особенности послѣ того, какъ я въ общихъ чертахъ познакомился съ тѣми нелѣпыми средствами борьбы, которыми мiръ думаетъ, надѣется, оградить себя отъ повторенiя большевистскаго кроваваго кошмара за предѣлами С. С. С. Р.

Еще въ началѣ октября я получилъ характерное письмо отъ одного бывшаго виднаго политическаго дѣятеля, хорошаго моего друга, въ которомъ послѣднiй, между прочимъ, пишетъ слѣдующее (приведу нѣсколько строчекъ текстуально):

«Я читалъ въ газ. «Руль» и въ газетѣ «Сегодня» нѣкоторыя Ваши статьи о большевистской «работѣ» и былъ глубоко потрясенъ всѣмъ тѣмъ, что Вы сообщаете въ этихъ статьяхъ. Надо было имѣть желѣзную волю и лошадиные нервы, чтобы перенести всѣ эти ужасы...

«... Н. Н. мнѣ сообщилъ, что теперь Вы заняты писанiемъ своихъ воспоминанiй за послѣднiе годы Вашей жизни въ СССР. Я отлично себѣ представляю, что Вы сможете сообщить о нихъ (о большевикахъ — В. Б.), но подумали ли Вы, дорогой Владимиръ Христiановичъ, о томъ, можетъ ли это имѣть какое либо практическое значенiе? Подумали ли Вы о томъ, что Вы можете снова оставить Вашу семью въ одиночествѣ? Кому, кому, а Вамъ болѣе, чѣмъ другимъ, должно было бы быть извѣстно, на что способны большевики, когда они прочтутъ Ваши воспоминанiя?

«Вы знаете меня, дорогой другъ, отлично и все же я долженъ признаться Вамъ, что не вижу никакого смысла тратить свои силы и нервы на борьбу съ Москвою при той объективной политической обстановкѣ, которая сложилась за послѣднiе годы заграницей...

«... Я Васъ могу завѣрить, и въ этомъ убѣдитесь Вы скоро сами, что для международной буржуазiи одна цистерна бакинской нефти или тонна Чiатурскаго марганца неизмѣримо дороже цистерны русской крови или тонны русскихъ костей и это при всемъ томъ, что международная буржуазiя всѣми фибрами своей души ненавидитъ большевиковъ...

«... Пролетарiатъ? Соцiалисты? — Вы поживете у насъ заграницей и скоро убѣдитесь въ томъ, какъ кремлевскiе прохвосты ловко одурачиваютъ международный пролетарiатъ. Скоро будетъ десятая годовщина октября и Вы лучше меня знаете, какъ ловко большевики используютъ празднованiе этой годовщины...

«... Что касается насъ, соціалистовъ, то и здѣсь я не вижу ни вѣрнаго пониманія происходящаго въ С. С. С. Р., ни тѣснаго объединенія всѣхъ силъ, всѣхъ средствъ и возможностей для борьбы съ московскими провокаторами, этими злѣйшими врагами соціализма, злѣйшими врагами рабочаго класса...

«... Познакомившись ближе съ эмиграціей, Вы увидите и здѣсь потрясающія картины неразберихи, взаимной вражды, взаимнаго подсиживанія. Вы увидите печальную картину разброда силъ, вмѣсто того, чтобы всѣмъ объединиться на самомъ главномъ: сначала общими силами (разумѣется, я имѣю въ виду только соціалистическіе и демократическіе круги), сломать шею московскимъ душителямъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ, а потомъ уже думать каждой партіи объ осуществленіи своей программы, Вы увидите...

«... Мнѣ больно Вамъ сказать, но все же я рѣшаюсь на это, и Вы скоро сами убѣдитесь, какъ безплодна борьба съ Москвою...

«... Подумайте о себѣ, о своей семьѣ, — съ Васъ уже достаточно страданій...

Можно разно относиться ко взглядамъ, высказаннымъ въ вышеприведенномъ письмѣ, но одно мнѣ ясно, — въ немъ много, много вѣрныхъ наблюденій и въ особенности на 100% вѣрны разсужденія моего друга о нефти и о русской крови.

Что касается разныхъ опасеній за меня и т. д., то объ этомъ не стоитъ говорить, при всякихъ условіяхъ я считаю своимъ долгомъ сказать то, что знаю, видѣлъ и слышалъ. Я не столь большой пессимистъ, какъ мой другъ, и хочу вѣрить, что эти странички, быть можетъ, заставятъ кое-кого задуматься надъ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи.

Заканчивая свои воспоминанія, я отмѣчу еще нѣсколько любопытныхъ и характерныхъ фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть. Состояніе нашего здоровья (моего, жены и сестры) было въ крайне плачевномъ положеніи и я рѣшилъ объ этомъ составить надлежащій актъ, обратившись къ лучшимъ медицинскимъ свѣтиламъ въ Ригѣ. Въ этомъ актѣ я хотѣлъ, чтобы была отмѣчена роль большевистской тюрьмы въ состояніи нашего здоровья. Обращаюсь къ одному изъ виднѣйшихъ медиковъ Латвіи и прошу его освидѣтельствовать всѣхъ насъ. Профессоръ былъ очень милъ и охотно, отказавшись даже отъ гонорара, согласился произвести надлежащее медицинское освидѣтельствованіе. У всѣхъ насъ онъ прежде всего нашелъ тяжелое разстройство нервной системы. Это вообще обычное и вполнѣ нормальное явленіе въ большевистскихъ застѣнкахъ, но въ данномъ случаѣ большая часть вины ложится на насъ самихъ и въ особенности на меня. Дѣло въ томъ, что организація связи съ заключенными требовала колоссальнаго напряженія всей нервной системы. Надо было быть все время на чеку, волноваться не только за свою почту, но и за почту друзей. Связь другихъ заключенныхъ между собою также шла черезъ меня, не говоря уже томъ, что однажды въ началѣ 1926 г. у меня самаго было одно время 19 корреспондентовъ. Написать письма это еще дѣло маленькое, самое же главное сдать и получить почту, что было связано съ постоянными волненіями. Подавляющее большинство заключенныхъ крайне неопытны или воображаютъ, что опытны, а отсюда всегда происходили ляпсусы, тогда какъ

въ секретной перепискѣ требовалась всегда смѣлость, рѣшительность, находчивость, крайняя внимательность и осторожность. Мои друзья, д-ръ Киндерманъ, г. Лашкевичъ и г. Еле, вѣроятно и сейчасъ еще съ горечью вспоминаютъ, какъ я былъ требователенъ и какъ часто жестоко бранилъ ихъ за малѣйшую оплошность.

Между тѣмъ при внимательности почти всегда можно наставить жандармамъ носъ. Вотъ одинъ - два примѣра: группа политическихъ арестованныхъ сидитъ въ мужскомъ одиночномъ корпусѣ. Ихъ сестры, жены въ женскомъ одиночномъ корпусѣ. Сговорились они, что во время прогулки дамъ мужчины изъ одиночнаго корпуса (30—40 шаговъ) перебросятъ въ окно въ хлѣбѣ записку во дворъ женскаго корпуса. Раза два это удалось, но однажды хлѣбъ съ запиской, ударившись о высокую кирпичную стѣну, раздѣляющую оба двора, упалъ во дворѣ мужского одиночнаго корпуса. Нахожденіе записки грозило громаднымъ скандаломъ. Сообщаютъ мнѣ о несчастіи и о томъ, что на прогулкѣ уже были, но поднять записку никакъ нельзя было, — жандармы очень-де слѣдили. Я еще не ходилъ на прогулку. Мѣсто, гдѣ находился хлѣбъ съ запиской, я уже приблизительно зналъ. Выходя на прогулку, беру съ собой кашу для кормежки голубей. Дѣлаю нѣсколько круговъ. Замѣчаю упавшій хлѣбъ, становлюсь на корточки около хлѣба, начинаю кормить голубей и незамѣтно подымаю записку. Имъ самимъ, имѣвшимъ общую прогулку, во сто разъ легче было поднять записку безъ всякой каши.

Или такой случай: мнѣ во дворѣ оставлена записка (переписка черезъ прогулочный дворъ жандармамъ въ общемъ извѣстна). Выхожу на прогулку и въ рукахъ незамѣтно держу корку хлѣба. Смѣло подхожу къ запискѣ, спокойно и быстро беру ее и изъ той же руки якобы шутя, бросаю въ жандарма корку хлѣба, а записка остается въ рукахъ. Жандармъ выругался, поднялъ корку хлѣба и сурово попросилъ не заниматься глупыми шутками.

Товарищъ съ волненіемъ ждетъ сигнала, поднята ли записка. Сигналъ даю и у товарища сразу проходитъ нервное возбужденіе, такъ какъ все въ порядкѣ.

Далѣе профессоръ у сестры установилъ туберкулезъ легкихъ и общее истощеніе. У жены — ясно выраженные слѣды цынги, острый ревматизмъ, хроническій катарръ легкихъ и острое сердечное заболѣваніе. У меня эмфизема легкихъ, разстройство сердечной дѣятельности, жесточайшій ревматизмъ. Профессоръ любезно поясняетъ, какую роль во всемъ этомъ сыграло одиночное тюремное заключеніе. Прошу профессора составить надлежащій актъ.

Профессоръ: — Къ глубокому моему сожалѣнію я не могу этого сдѣлать и Вы, г. Бруновскій, лучше, чѣмъ кто-либо, меня поймете: у меня въ Москвѣ живутъ очень близкіе родные.

Что же на это отвѣтить? Я долженъ былъ признаться, что рискъ есть и большевики способны отомстить профессору за подписаніе акта, выместивъ всю свою злобу на близкихъ родныхъ профессора.

Въ концѣ концовъ я обратился въ Красный Крестъ, при которомъ и была назначена соотвѣтствующая медицинская комиссія для освидѣтельствованія нашего здоровья.

Очутился я съ семьей въ Латвіи безъ средствъ. Жилъ кое какъ съ помощью друзей. Сталъ искать должности, но все напрасно. Одинъ изъ друзей рекомендуетъ обратиться къ крупнѣйшему предпринимателю въ Латвіи, у котораго куча разнаго рода предпріятій, гдѣ я могъ бы надѣяться получить работу. Этотъ милостивый государь любезно меня принимаетъ, разсказываетъ о томъ, что обо мнѣ уже читалъ въ газетахъ, что онъ де самъ является врагомъ Москвы и т. д. Поясняю ему, что я ищу работу, не исключая и физической.

Финансистъ-предприниматель: — Я прекрасно понимаю Ваше положеніе и конечно охотно принялъ бы Васъ на службу, но... но, видите ли въ чемъ дѣло: я имѣю торговыя и иныя финансовыя дѣла съ совѣтскими учрежденіями и боюсь, что Вы слишкомъ замѣтное лицо, чтобы большевики не слѣдили за Вами заграницей. Я думаю, что за предоставленіе Вамъ мѣста большевики могутъ на меня разсердиться, отчего пострадаютъ мои дѣла.

Дальше я уже не сталъ слушать ламентацій этого «идейнаго врага» большевиковъ.

Еще такой случай: узнаю, что въ одномъ громадномъ частномъ предпріятіи есть вакантное мѣсто агронома по моей спеціальности, во главѣ учрежденія стоитъ иностранецъ тоже извѣстный, какъ противникъ Москвы, что впрочемъ нисколько не мѣшаетъ ему съ Москвою торговать. Между прочимъ этотъ же господинъ состоитъ корреспондентомъ большой иностранной газеты антибольшевистскаго направленія. Иду къ сему дѣльцу. Любезно принимаетъ, поговорили. Произнесъ нѣсколько краткихъ филиппикъ по адресу Москвы.

Сообщаю объ основной цѣли моего прихода.

— Да, да, намъ такіе работники нужны, говоритъ онъ, я поговорю объ этомъ въ Правленіи. Зайдите такого то числа.

Черезъ нѣсколько дней совершенно случайно узнаю о его бесѣдѣ съ однимъ лицомъ, въ которой господинъ сказалъ буквально слѣдующее:

— Вотъ, знаете, чертовское положеніе: нуженъ очень спеціалистъ и человѣкъ нашелся подходящій, но никакъ не могу рѣшиться принять его на службу, такъ какъ этотъ спеціалистъ кажется стоитъ поперекъ въ Московскомъ горлѣ и могу еще имѣть изъ за него кучу непріятностей.

Какъ все это характерно для буржуазіи и какъ глубоко былъ правъ мой другъ, писавшій мнѣ о нефти и русской крови!

Попутно я еще отмѣчу любопытное обстоятельство. Всѣ большевистскіе агенты, провокаторы, шпіоны, работающіе заграницей по заданіямъ кремлевско-лубянской шайки международныхъ шулеровъ, прекрасно знаютъ, что въ случаѣ провала ихъ работы Москва, такъ или иначе, рано или поздно, вырветъ ихъ изъ тюрьмы. Мало того: по возвращеніи этихъ «работничковъ» въ Совдепію ихъ помѣщаютъ на 6—10—12 мѣсяцевъ въ санаторію, обуваютъ, одѣваютъ, оказываютъ денежную помощь и наконецъ даютъ службу.

Была ли оказана заграницей помощь тѣмъ узникамъ, которые, вериувшись изъ большевистскихъ тюремъ на роднну, попали въ тяжелое матеріальное положеіе? — Нѣтъ, такой помощи никому оказано не было, и въ результатѣ рабочій Анжанъ, просидѣвшій въ коммунистическихъ застѣнкахъ нѣсколько лѣтъ и наконецъ обмѣненный, попавъ въ безвыходное матеріальиое положеніе, вмѣстѣ со всею своею семьей покончилъ самоубійствомъ. Анжанъ взялъ двухъ своихъ дѣтей, жену и пошли къ озеру. Дѣтей связали вмѣстѣ и бросили въ озеро, а затѣмъ связались сами и бросились вслѣдъ за дѣтьми.

Не стоило бы объ зтомъ упоминать, если оы все зто не было въ извѣстномъ смыслѣ характернымъ и если бы большевики не писали объ зтомъ въ своихъ газетахъ.

Я закончилъ ту часть своихъ воспоминаній, которая отиоснлась къ послѣднимъ четыремъ годамъ моего пребыванія въ С. С. С. Р.

Какъ я уже вначалѣ писалъ, я сейчасъ вовсе не задавался цѣлью освѣщенія глубинъ кроваваго кошмара, который уже 10 лѣтъ творятъ большевики въ Россіи. Я только хотѣлъ, въ предѣлахъ своихъ скромныхъ силъ приподнять краешекъ завѣсы надъ той ужасающей дѣйствительностью въ Россіи, иѣмымъ свидѣтелемъ которой продолжаетъ оставаться весь міръ.

Пусть читатель не забываетъ только одного: все то, что я просто и правднво разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, имѣло мѣсто въ такъ называемомъ «Союзѣ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ» и будетъ, разумѣется, повтореио кремлевско-лубянскими убійцами и за предѣлами своей вотчины (СССР), если міръ не пойметъ наконецъ той грозной опасности, которую представляетъ для него даже самый фактъ существованія власти московскихъ международныхъ жандармовъ.

Послѣднее рѣшающее слово прииадлежитъ междуиародному пролетаріату, который и рѣшитъ судьбу кремлевско-лубянскихъ могильщиковъ соціализма, когда увидитъ истинное лицо этихъ могильщковъ соціализма, строющихъ свое владычество только на лжи, провокаціи, насиліи и убійствахъ!

Соловецкая каторга

Записки бѣжавшаго

А. Клингера.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Цѣлью преданія гласности своихъ записокъ о Соловецкой каторгѣ авторъ считаетъ ознакомленіе общественнаго мнѣнія всѣхъ странъ съ дѣйствительной картиной быта и режима въ такъ называемыхъ «мѣстахъ заключенія Особаго Назначенія».

Совѣтской властью слишкомъ явно замалчивается самый фактъ существованія совѣтскихъ тюремъ этой категеріи, даже формально изъятыхъ изъ вѣдѣнія общаго тюремнаго Управленія.

Это обстоятельство настойчиво требуетъ исчерпывающаго описанія настоящаго положенія заключенныхъ русскихъ и иностранцевъ, въ Соловецкихъ лагеряхъ Особаго Назначенія.

Въ теченіе своего трехлѣтняго пребыванія на Соловкахъ, авторъ имѣлъ широкую возможность сдѣлать всесороннія наблюденія въ этой области.

Соловецкіе лагеря прежде всего возбуждаютъ интересъ въ качествѣ учрежденія, характеризующаго совѣтскій режимъ въ наиболѣе его неприкрытомъ видѣ — въ тюрьмѣ. Однако, однимъ этимъ интересъ къ лагерямъ не исчерпывается. Общія условія существованія Соловецкихъ лагерей, самое ихъ мѣстоположеніе на абсолютно изолированныхъ островахъ Бѣлаго моря придаютъ имъ нѣкоторый специфическій, по сравненію съ обычными тюрьмами, характеръ. Полнѣйшая оторванность заключенныхъ отъ внѣшняго міра, ничѣмъ не ограничиваемый произволъ ГПУ, попытки тюремной администраціи эксплуатаціей труда заключенныхъ достичь чуть ли не самоокупаемости лагерей, — все это ставитъ Соловки въ совершенно особое положеніе.

Наконецъ, примѣнительно къ Соловецкимъ лагерямъ невольно возникаетъ вопросъ объ основной задачѣ, преслѣдуемой вообще совѣтскими мѣстами заключеній. Такъ какъ, по коммунистической программѣ, «преступленіе есть соціальная болѣзнь, требующая леченія», большевиками въ области тюремнаго дѣла провозглашенъ принципъ «замѣны тюремъ воспитательными учрежденіями».

Самъ авторъ считаетъ соловецкую въ частности, а всесовѣтскую въ цѣломъ дѣйствительность слишкомъ циничнымъ издѣвательствомъ надъ коммунистической идеологіей, чтобы останавливаться на кричащемъ противорѣчіи между словами совѣтскихъ программъ и дѣлами совѣтскихъ рукъ. Авторъ расчитываетъ, что всѣ окончательные выводы будутъ сдѣланы читателями на основаніи приведенныхъ имъ въ этихъ запискахъ голыхъ фактовъ. *А. Клингеръ.*

Гельсингфорсъ, 1926 г.

I

Съ оставленіемъ сѣвера Россіи русской антибольшевицкой арміей генерала Миллера и помогавшими ей англійскими отрядами была сыграна въ исторіи православной церкви и культуры роль знаменитаго Соловецкаго монастыря, расположеннаго на крайнемъ сѣверѣ нѣкогда могучей имперіи. Весь Соловецкій архипелагъ (въ составѣ острововъ: Большого Соловецкаго, Анзерскаго, Большой и Малой Муксульмы, Большого и Малаго Заячьяго и ряда болѣе мелкихъ) вошелъ въ составъ «россійской соціалистической федеративной совѣтской республики».

Соловецкій монастырь, основанный въ 1436 году русскими святыми Савватіемъ, Германомъ и Зосимой, съ издавна славился не только аскетической строгостью своей внутренней жизни (такъ, напримѣръ, ни одной женщинѣ не разрѣшалось пріѣзжать въ обитель), но и огромнымъ, широко поставленнымъ и опытными руками руководимымъ хозяйствомъ, заводами, мастерскими, лѣсопилками, рыбными ловлями, даже собственнымъ торговымъ и военнымъ флотомъ, причемъ все это обслуживалось исключительно монахами. Естественно, монастырскія богатства сразу же привлекли къ себѣ вниманіе совѣтскихъ властей.

Первоначально Соловки, вмѣстѣ съ монастыремъ, перешли въ вѣдѣніе архангельскаго «губземотдѣла» (губернскаго земельнаго отдѣла). Въ ту пору коммунисты увлекались безпорядочнымъ насажденіемъ по всей Россіи такъ называемыхъ «сельхозовъ» (сельскихъ хозяйствъ). Національизированныя имѣнія, частновладѣльческія и государственныя, монастырскія и удѣльныя земли, лѣса и заводы — все это было переименовано въ «сельхозы», эксплуатировалось самимъ государствомъ при помощи особыхъ крестьянскихъ или рабочихъ артелей. Эта аграрная реформа, какъ и всѣ другія реформы совѣтской власти, оказалась грандіознымъ блеффомъ и очень скоро привела къ тому, что, прикрываемые государствомъ «сельхозы», превратились въ очаги безконтрольнаго расходованія, а зачастую и откровеннаго грабежа брошеннаго на произволъ судьбы народнаго достоянія.

Архангельскій «губземотдѣлъ» не смогъ справиться съ обширнымъ монастырскимъ хозяйствомъ, нѣкогда руководимымъ однимъ игуменомъ соловецкой обители. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ дававшій значительную прибыль продуктами своихъ производствъ, Соловецкій монастырь въ совѣтскихъ рукахъ вдругъ сталъ непосильно-убыточнымъ, и архангельскій «губземотдѣлъ» сообщилъ комиссаріату земледѣлія, что губземотдѣлъ не имѣетъ больше средствъ «содержать монастырь», а потому проситъ устроить въ немъ «показательное хозяйство», съ подчиненіемъ монастыря непосредственно Москвѣ. Центръ очень долго въ спеціальныхъ комиссіяхъ обсуждалъ выгоды этого предложенія и, въ концѣ концовъ, согласился принять Соловки подъ свою высокую руку. Многострадальный монастырь перенесъ еще одну «аграрную операцію», ставъ «совѣтскимъ образцовымъ хозяйствомъ».

«Образцовое» веденіе хозяйства заключалось въ слѣдующемъ: назначенный комиссаріатомъ земледѣлія завѣдующимъ Соловками коммунистъ Александровскій (изъ рабочихъ), имѣвшій тѣсныя связи съ небезизвѣстнымъ Шлихтеромъ и большую протекцію въ ВЦИК'ѣ (всероссійскомъ центральномъ исполнительномъ комитетѣ) совершенно разрушилъ монастырское хозяйство. Администрація крала, что хотѣла и сколько хотѣла. Отчитываясь только передъ Шлихтеромъ, котораго заинтересовалъ денежно, Александровскій вывозилъ изъ монастыря лѣсъ, рыбу, старые запасы монастырскихъ продуктовъ, машины, церковную утварь, предметы старины, руководствуясь очень удобнымъ принципомъ коммунистической власти — «грабь награбленное». Въ довершеніе всего въ концѣ 1922 и началѣ 1923 годовъ монастырь сталъ жертвой огня.

Когда, по совершенно неизвѣстной причинѣ, вспыхнулъ пожаръ, Александровскій съ ближайшими помощниками сталъ прежде всего спасать никому не-

нужную рухлядь — мѣшки, старыя сани, дрова. Канцелярія съ книгами и документами «образцоваго хозяйства» была брошена на произволъ судьбы, вся отчетность сгорѣла. Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что монастырь былъ подожжевъ самимъ же Александровскимъ, дабы скрыть свои должностныя преступленія, подлоги въ книгахъ и безконтрольный грабежъ. Въ то время еще не изгнанные монахи умоляли разрѣшить имъ принять участіе въ тушеніи пожара — Александровскій силой разогналъ монаховъ, заявивъ, что они «вносятъ лишнюю панику». Сгорѣла значительно разворованная уже библіотека монастыря неоцѣнимаго историческаго значенія, сгорѣли всѣ деревянныя постройки, выгорѣли внутреннія помѣщенія церквей и монашескихъ келій.

Столь «образцовое» веденіе хозяйства показалось подозрительнымъ даже ГПУ. Была образована слѣдственная комиссія по разслѣдованію причинъ пожара, который почему-то прежде всего уничтожилъ канцелярію Александровскаго. Слѣдственная комиссія (въ составѣ начальника архангельскаго губернскаго ГПУ Ступитова и помощника прокурора того же ГПУ Абрамовскаго) не нашла состава преступленія въ томъ, что насквозь было пропитано преступностью!

Вѣроятно, хозяйственные эксперименты товарища Александровскаго и протежировавшаго ему Шлихтера продолжались бы и по сію пору, если бы Дзержинскому не пришла въ голову мысль устроить въ Соловкахъ тюрьму для политическихъ «преступниковъ», враговъ совѣтской власти. Отдаленность отъ материка, крайняя скудость природы и убійственный климатъ, вотъ тѣ условія, которыя и показались главчекисту какъ нельзя болѣе подходящими для заключенія «контръ-революціонеровъ», и московское ГПУ вошло въ ВЦИК съ ходатайствомъ о «безвозмездномъ отчужденіи въ вѣдѣніе ГПУ всего Соловецкаго архипелага съ монастыремъ, со всѣмъ находящимся на островахъ имуществомъ и постройками, для организаціи дома заключенія». Къ ходатайству былъ приложенъ совершенно фантастическій планъ «поднятія и использованія монастырскаго хозяйства силами заключенныхъ». Раздутая до предѣловъ перспектива не только изолировать всѣхъ «контръ-революціонеровъ» отъ прочихъ гражданъ, но и извлечь выгоду изъ ихъ подневольнаго труда ослѣпила всю коммунистическую партію. Соловки были переданы въ полное владѣніе Дзержинскому. Многострадальный монастырь, вступилъ въ послѣднюю стадію своего совѣтскаго развитія, превратился въ главную тюрьму «самаго свободнаго въ мірѣ государства» — совѣтской соціалистической республики.

Такъ называемое ГПУ («Госполитуправленіе» — государственное политическое управленіе) въ общей структурѣ совѣтской власти стоитъ совершенно особнякомъ. Въ свою очередь такъ называемый «Спеціальный отдѣлъ ГПУ», вѣдающій спеціально Соловками, концентраціонными лагерями и изоляторами на Уралѣ, въ Сибири, Архангельскѣ, ссылкой въ Нарымскій, Печерскій края и пр. — представляетъ собой нѣкое царство въ царствѣ. «Спеціальный отдѣлъ» совершенно изъятъ изъ вѣдѣнія «наркомюста» (народнаго комиссаріата юстиціи). Такъ называемый «Исправительный трудовой кодексъ», регламентирующій правила использованія труда совѣтскихъ заключенныхъ и хотя бы въ нѣкоторой степени защищающій ихъ отъ произвола тюремной администраціи — на арестантовъ «Спеціальнаго отдѣла ГПУ» не распространяется. Наконецъ, никакая амнистія совѣтской власти, по декрету, не можетъ быть примѣнена къ осужденнымъ «Спеціальнымъ отдѣломъ ГПУ». Все это, понятно, отдаетъ всѣхъ соловецкихъ и иныхъ заключенныхъ въ полную и совершенно безконтрольную власть «Спеціальнаго отдѣла», использующаго во всей широтѣ свои чекистскія права

Во главѣ «Спеціальнаго отдѣла» и всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстъ заключенія, изоляторовъ и ссылокъ стоитъ извѣстный коммунистъ, членъ ВЦИК и президіума ГПУ — Петръ Бокій. Онъ бывшій студентъ Петроградскаго Горнаго института. Во время революціи 1905—1906 годовъ Бокій занималъ видное мѣсто среди петроградскихъ бунтовщиковъ, велъ революціонно настроенное меньшин-

ство студентовъ на баррикады и пр. Вступивъ сейчасъ же послѣ октябрьскаго переворота въ коммунистическую партію, былъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ петроградской губернской чрезвычайной комиссіи («че-ка»), а потомъ ГПУ, извѣстенъ своей неумолимой жестокостью. Живетъ предсѣдатель «Спеціальнаго отдѣла» въ Москвѣ, періодически наѣзжая въ руководимыя имъ тюрьмы и мѣста ссылки.

Какъ только комиссія отъ ГПУ явилась въ Соловецкій монастырь для организаціи въ немъ «дома заключенія», она потребовала списки всѣхъ монаховъ: послѣдніе всѣми правдами и неправдами до послѣдняго дня изъ родного имъ монастыря не уходили, перенося всѣ ужасы и издѣвательства безпрерывно смѣняющихся «аграрныхъ» властей. ГПУ сразу же уничтожило этотъ «разсадникъ опіума для народа», какъ называютъ коммунисты религію. Настоятель обители и наиболѣе видныя лица изъ соловецкаго духовенства были разстрѣляны въ монастырскомъ Кремлѣ, остальныхъ монаховъ чекисты послали на принудительныя работы въ тюрьмы центральной Россіи, Донецкаго бассейна и Сибири и лишь небольшой процентъ братіи (около 30 человѣкъ), съ разрѣшенія ГПУ, остались на Соловкахъ. Разумѣется, это нельзя разсматривать, какъ актъ гуманности ГПУ: послѣднее просто нуждалось въ «спецахъ» (рыбакахъ, плотникахъ, сапожникахъ и пр.). Эти 30 монаховъ на жизнь свою въ превращенномъ въ тюрьму монастырѣ смотрѣли и смотрятъ какъ на продолженіе своего подвига, служенія Богу. Считаются они «вольнонаемными», работаютъ съ утра до ночи, получая за свой каторжный трудъ жалованье въ размѣрѣ не свыше 10 рублей (около 5 долларовъ) въ мѣсяцъ, то-есть медленно умирая съ голоду.

ГПУ лишило Соловецкій монастырь послѣднихъ признаковъ того, чѣмъ онъ былъ когда-то. Цѣннѣйшая историческая библіотека, какъ я уже упоминалъ выше, сгорѣла вслѣдствіе поджога монастыря Александровскимъ. Были сорваны со стѣнъ и уничтожены послѣднія иконы, сброшены съ колоколенъ колокола, разгромлены ризницы, перебита церковная утварь. Даже многіе могильные кресты (Соловки богаты старинными крестами и памятниками) были вырваны изъ земли и употреблены на дрова, хотя лѣсу на островахъ сколько угодно. Разрушеніе этого нѣкогда высоко культурнаго уголка было произведено столь основательно, что, когда въ монастырь прибыла изъ Москвы особая «археологическая комиссія», она смогла вывезти въ музеи лишь жалкіе остатки соловецкихъ древностей. Характерная особенность: передъ прибытіемъ комиссіи чекистскіе культуртрегеры спѣшно реставрировали ими же разрушенные кресты, вкапывали въ землю, взамѣнъ старыхъ, новые могильные памятники, выкрасивъ ихъ въ красную краску. Довольно яркій штрихъ «культурной» работы совѣтской власти!

Одновременно съ превращеніемъ монастыря въ такъ называемый «слонъ» (сѣверный лагерь особаго назначенія), туда были перевезены жалкіе остатки почему-либо не разстрѣлянныхъ или не умершихъ отъ голода заключенныхъ изъ лагерей въ Архангельскѣ, Холмогорахъ и Портаминскѣ. Надъ сѣдыми стѣнами древней обители взвился кровавый совѣтскій флагъ. Въ разграбленномъ, полусожженномъ Кремлѣ поселился «Начуслон» (начальникъ управленія сѣверными лагерями особаго назначенія), непререкаемый властитель Соловковъ и ихъ филіаловъ — концентраціоннаго лагеря на Поповомъ островѣ (близъ города Кеми), лагеря на Кондостровѣ (верстахъ въ 15 отъ Попова острова) и всѣхъ мѣстъ заключенія на Соловецкомъ архипелагѣ.

Посвящая слѣдующую главу описанію природныхъ и бытовыхъ условій жизни на Соловкахъ, я считаю необходимымъ теперь же остановиться на характернѣйшей чертѣ бытія соловецкихъ «домовъ заключенія»: являясь по существу обычной тюрьмой для политическихъ и, частично, уголовныхъ преступниковъ, выполняя чисто карательныя функціи, будучи завершительнымъ звеномъ борьбы «рабоче-крестьянской» власти съ врагами совѣтовъ, борьбы, руководимой и оффиціально вдохновляемой народнымъ комиссаріатомъ юстиціи, — «слонъ» не только не подчиненъ руководящей юридической инстанціи — наркомюсту — но и рѣзко

враждебенъ ему. Въ Соловкахъ царь и богъ — только ГПУ. Ревниво охраняя свое захватное право, ГПУ оберегаетъ лагеря отъ какого бы то ни было, даже законнаго, вмѣшательства народнаго комиссаріата юстиціи.

Не только мѣстная, Архангельская и Кемская, прокуратура, но и прокуратура центральная, московская, Дзержинскимъ и Бокіемъ въ Соловки не допускается. «Спеціальный отдѣлъ» и Соловки — имѣютъ собственныхъ прокуроровъ, абсолютно независимыхъ отъ наркомюста и ему неподчиняющихся.

Примѣръ: совѣтское правительство прислало въ городъ Кемь особаго прокурора для наблюденія за Кемскимъ лагеремъ (на Поповомъ островѣ); по требованію «вачуслона» онъ былъ отозванъ обратно въ Москву. Назначеннаго на ту же должность Кемскаго прокурора, числящагося по службѣ въ комиссаріатѣ юстиціи, по распоряженію Бокія просто не пустили на Поповъ островъ.

Въ прошломъ году въ Архангельскъ прибыла изъ Москвы особая комиссія по «амнистіи» (въ ознаменованіе переименованія РСФСР в СССР): ея намѣстникъ Бокія на островахъ — Ногтевъ — не пустилъ въ лагеря.

Полная диктатура ГПУ достигла такихъ высотъ, что не только наркомюстъ, но и наркомвоенъ (народный комиссаріатъ военныхъ дѣлъ) вынужденъ былъ покорно склонить голову передъ всесильнымъ Дзержинскимъ. Въ Соловкахъ охрану несетъ такъ называемый «Соловецкій полкъ особаго назначенія», разбросанный по всему монастырю и по скитамъ (всего 600 винтовокъ). Въ военномъ отношеніи полкъ, вполнѣ понятно, былъ подчиненъ ближайшей высшей военной власти — Петроградскому военному округу (извѣстному Гитису, недавно смѣщенному за «контръ-революцію» и противодѣйствіе ГПУ). Однако, уже съ 1923 года Бокій и Ногтевъ требовали подчиненія «Соловецкаго полка особаго назначенія» и въ военномъ отношеніи — только ГПУ. Петроградскій округъ не соглашался съ этой явной несообразностью, чекисты настаивали. Дѣло разрѣшилось чуть ли не бунтомъ: въ 1924 году ГПУ приказало командиру полка Лыкову и комиссару Кукину немедленно сдать командованіе частью, тѣ отказались, ссылаясь на распоряженіе своего начальства. Ногтевъ протелеграфировалъ въ Москву, Бокій отвѣтилъ кратко: «Арестовать, предать суду». И невозможное въ другихъ странахъ стало возможнымъ въ СССР: гражданское вѣдомство арестовало и предало суду военныхъ, «провинившихся» въ томъ, что они выполнили категорическій приказъ своего начальства. Смѣстивъ Лыкова (впослѣдствіи переведеннаго, въ качествѣ заключеннаго, въ Кемь) и Кукина, комендантъ Соловковъ Ауке заявилъ:

— Мы въ порядкѣ слѣдственномъ отъ ГПУ имѣемъ право смѣщать командный составъ!

Петроградскій военный округъ пытался было защитить свои права и прислалъ въ Соловки своихъ представителей для разбора дѣла. Однако, встрѣтивъ недвусмысленныя угрозы агентовъ ГПУ, комиссія военнаго округа признала дѣйствія Бокія, Ногтева и Ауке — правильными!

Если слово любого чекиста — законъ даже для высокопоставленныхъ коммунистовъ, то какую силу, какое право, какой законъ могутъ противопоставить заключенные неописуемому произволу ГПУ? Сила на сторонѣ чекистовъ, право давно уже уничтожено въ СССР, а законы для ГПУ не писаны.

Обычно въ Соловки посылаются выселяемые изъ той или иной мѣстности въ административномъ порядкѣ (при НКВД — народномъ комиссаріатѣ внутреннихъ дѣлъ существуетъ особая «Комиссія по административнымъ высылкамъ»), безъ какого бы то ни было суда. Но стоитъ самому маленькому чекисту усмотрѣть «контръ-революцію» въ дѣлѣ, подвѣдомственномъ органамъ наркомюста — народномъ судѣ или ревтрибуналѣ — подозрѣваемый въ этой «контръ-революціи», даже уже оправданный соотвѣтствующими судебными учрежденіями, также попадаетъ въ Соловки, съ санкціей ГПУ.

Первое время въ лагеряхъ было нѣкоторое число заключенныхъ, осужденныхъ судами наркомюста, нынѣ же они механически попали подъ власть ГПУ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Заключенные этой категоріи вотъ

6*

уже сколько лѣтъ напрасно добиваются перевода ихъ во внутреннія тюрьмы Россіи, гдѣ режимъ несравненно легче и откуда можно, хотя и не безъ труда, освободиться.

Абсолютно неправильно толкованіе «сѣверныхъ лагерей особаго назначенія», какъ вольнаго поселенія. Я свыше 3 лѣтъ пробылъ въ Соловкахъ и категорически утверждаю, что съ ссылкой на поселеніе они не имѣютъ ничего общаго. Въ Соловкахъ—заключенные, а не ссыльные. Развѣ ссыльные несутъ принудительныя работы, живутъ въ тюрьмѣ, при каторжномъ режимѣ?

Въ тюрьмахъ внутренней Россіи лица, отсидѣвшіе ½ срока своего наказанія, имѣютъ право хлопотать о досрочномъ своемъ освобожденіи. Въ Соловкахъ и отсидѣвшихъ свой срокъ полностью рѣдко освобождаютъ.

Съ уменьшеніемъ срока наказанія положеніе соловецкаго заключеннаго осложняется, режимъ отягчается, администрація дѣлаетъ все, чтобы на болѣе продолжительное время — если не навсегда — оставить каждаго заключеннаго въ своихъ не знающихъ пощады рукахъ.

II

Соловецкій архипелагъ расположенъ на крайнемъ сѣверѣ Россія, со всѣхъ сторонъ окруженъ моремъ (Бѣлымъ). Десятки верстъ отдѣляютъ его отъ береговъ (Карельскаго, «Лѣтняго берега» съ городомъ Архангельскомъ и Онежской губы, съ городомъ Онегой). Зимой острова совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра: море замерзаетъ. Связь поддерживается лишь радіостанціей (на соловецкомъ маякѣ, у знаменитаго мѣста пытокъ — Сѣкировой горы).

Климатическія условія Соловковъ крайне тяжелы, въ зимнее время морозы доходятъ зачастую до 40-45 градусовъ. Достаточно указать, что средняя температура на Соловкахъ никогда не поднимается выше минусъ 2. Зимой то и дѣло снѣжные заносы, бураны, весной, лѣтомъ и осенью — сильные сѣверо-восточные вѣтры и дожди. Періодическіе дожди и очень короткое лѣто способствуютъ почти непереносимой сырости, а послѣдняя вызываетъ малярію, цынгу и туберкулезъ. Почти ежедневно острова заволакиваются туманомъ.

По внѣшнему своему виду Соловецкій архипелагъ очень напоминаетъ Финляндію: такіе же шхеры, скаты ледниковаго образованія, масса озеръ (изъ нихъ главныя: Святое озеро, Пертозеро, Херозеро и др.). Особенностью Соловковъ является обиліе болотъ и топей; въ болотахъ гнѣздится тучи ядовитыхъ мухъ и комаровъ, приносящихъ заключеннымъ страшныя мученія.

Нѣкогда весь Соловецкій островъ былъ сплошь покрытъ лѣсами. Монахи всемѣрно сохраняли лѣсъ, что видно хотя бы изъ того, что печи въ монастыряхъ и въ скитахъ топились исключительно бревнами, прибиваемыми къ берегу моремъ. Съ водвореніемъ въ Кремлѣ «управленія сѣверными лагерями особаго назначенія» началась хищническая вырубка лѣса, безсистемное использованіе его для мѣстныхъ нуждъ и для вывоза. Соловецкіе берега теперь совершенно оголены; вѣтры разрушаютъ остальное. Были попытки спасти соловецкіе лѣса: такъ, въ прошломъ году архангельскій губземотдѣлъ (губернскій земельный отдѣлъ) указалъ Ногтеву на преступное веденіе имъ лѣсного хозяйства, пытался послать на островъ особую комиссію изъ опытныхъ лѣсничихъ. ГПУ отвѣтило (буквально) — «просимъ не въ свое дѣло не вмѣшиваться».

Раньше монахи энергично осушали болота, проводили каналы между озерами, проламывали въ горахъ дороги, сооружали мосты и насыпи. Теперь все это давно уже пріостановлено. Мосты и дороги приходятъ въ негодность, болота совершенно не даютъ сѣна, хотя въ прошломъ этимъ сѣномъ питались огромныя монастырскія стада.

Несмотря на неблагопріятныя климатическія условія, раньше всѣ удобныя соловецкія земли засѣвались овсомъ, рожью. Славившіеся своимъ трудолюбіемъ монахи, побѣждая природу, выращивали въ скудной соловецкой землѣ разнооб-

разные овощи. Теперь въ Соловкахъ огородничество ограничивается лишь 10—20 пудами картофеля, да и это поручено тѣмъ 30 монахамъ, о которыхъ я упоминалъ въ первой главѣ. Земледѣліе же совсѣмъ заглохло.

Входящій въ составъ Соловецкаго архипелага Анзерскій островъ находится въ 5, приблизительно, верстахъ отъ Большого Соловецкаго съ находящимся на немъ монастыремъ, островъ Большая Муксульма — въ 2 верстахъ отъ Соловецкаго. Оба эти острова соединены съ монастыремъ широкой каменной дамбой, проложенной по дну моря (надъ сооруженіемъ дамбъ монахи трудились около 20 лѣтъ). Островъ Малый Муксульмъ расположенъ въ полуверстѣ отъ Соловецкаго, Большой и Малый Заячій — въ 2 верстахъ, Кондостровъ верстахъ въ 60, на такомъ же разстояніи отъ монастыря находится и Поповъ островъ, съ кемскимъ концентраціоннымъ лагеремъ (близъ города Кемь), также подчиненнымъ «начуслону». Между Соловками и Поповымъ островомъ находится островъ Рымбаки, на немъ — маякъ и склады.

Большой Соловецкій островъ имѣетъ въ окружности, приблизительно, около 70—80 верстъ. На южномъ его берегу находится главная Гавань, почти четыреугольной формы, съ большими трудностями и затратами устроенная нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Слѣва высится трехэтажное каменное зданіе «Управленія сѣверными лагерями особаго назначенія» (бывшая лучшая гостиница для посѣщавшихъ монастырь богомольцевъ). Этотъ помѣстительный домъ имѣетъ свыше 50 комнатъ. Второй этажъ дома отведенъ подъ канцелярію, въ первомъ и третьемъ живутъ чекисты, представители соловецкой администраціи, съ семьями и прислугой (послѣдняя изъ числа заключенныхъ).

За «Управленіемъ» расположена бывшая Петроградская гостиница, имѣющая 2 этажа: наверху живетъ такъ называемая «Команда надзора» (чекисты-надзиратели), внизу 30 монаховъ «спеціалистовъ» (рыбаки, плотники, огородники и пр.), которые считаются «вольнонаемными», но несутъ такую же подневольно-каторжную работу, какъ и всѣ заключенные. Справа отъ Гавани, въ бывшей Архангельской гостиницѣ, помѣщается такъ называемый «Женбаракъ» (женскій баракъ), или «Женскій корпусъ», куда поселяютъ всѣхъ прибывающихъ на Соловки женщинъ-заключенныхъ. Зданіе бывшей Александровской гостиницы — двухэтажное, деревянное, очень старое, со щелями въ крышѣ и полахъ, съ разваливающимися печами. Ремонтировать бывшую гостиницу администрація не хочетъ.

Гавань соединена воротами съ сухимъ докомъ для ремонта судовъ. Здѣсь же расположена электрическая станція, одноэтажный каменный домъ. Кромѣ турбины станція имѣетъ паровыя машины. Энергію для станціи даетъ находящееся неподалеку Святое озеро, искусственно поднятое и соединенное особымъ каналомъ, проведеннымъ въ докъ и дальше въ море — подъ электрической станціей. Вся эта остроумная система каналовъ, бассейновъ и озеръ проведена еще монахами и въ настоящее время засорена и наполовину испорчена.

Между электрической станціей и Святымъ озеромъ имѣется лѣсопильный заводъ, также приводимый въ дѣйствіе силой воды. Въ лѣвую сторону отъ канала и прорѣзающей весь островъ въ различныхъ направленіяхъ желѣзной дороги расположенъ Соловецкій Кремль, окруженный высокой каменной стѣной, съ четырьмя старинными башнями по угламъ, придающими Кремлю видъ средневѣковой крѣпости, каковой онъ собственно и былъ въ былое время. Детальному описанію Кремля я посвящаю особое мѣсто ниже.

На сѣверѣ отъ Кремля, по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна, пролегаетъ улица съ рядомъ зданій. Когда-то въ нихъ частично жили, въ особыхъ кельяхъ, не помѣщавшіеся въ Кремлѣ монахи, частично эти зданія были отведены подъ разныя хозяйственныя нужды. Теперь три дома заняты охраняющимъ Соловки «Соловецкимъ полкомъ особаго назначенія», въ другихъ помѣщается кузница, «Сельхозъ» и живутъ служащіе «Сельхоза». Такъ называемый «комсоставъ» (командный составъ), какъ военный, такъ и административный,

имѣетъ въ своемъ распоряженіи особое зданіе (одинъ изъ домовъ, отведенныхъ для полка). «Сельхозъ» объединяетъ соловецкихъ пастуховъ, огородниковъ, возчиковъ, конюховъ и пр.. Здѣсь же тянутся огороды, скотный дворъ, а также расположена скотобойня и рядъ сараевъ.

На востокъ отъ Гавани расположено одно изъ многочисленныхъ Соловецкихъ кладбищъ. Совѣтская власть основательно разрушила этотъ послѣдній пріютъ мертвыхъ. Хулиганствующіе чекисты оскверняли могилы, вырывали кресты, ломали рѣшетки, украшали могилы цинячными надписями. Изъ гробницъ наиболѣе чтимыхъ соловецкихъ угодниковъ выворочены камни. Въ неприкосновенности сохранилось очень немного надгробныхъ плитъ, влекущихъ къ себѣ каждаго любителя старины сѣдой древностью надписей. Здѣсь же, на кладбищѣ, единственная уцѣлѣвшая на Соловкахъ церковь (Кладбищенская). Только Богу извѣстно, цѣной какихъ униженій и подкуповъ «вольнонаемные» монахи сохранили этотъ маленькій храмъ отъ всеобщаго разрушенія и оскверненія. Въ Кладбищенской церкви изрѣдка происходятъ службы — для монаховъ. Заключеннымъ, несмотря на многократныя просьбы, бывать на Богослуженіяхъ запрещено. Въ присутствіи религіозныхъ заключенныхъ чекисты съ особымъ удовольствіемъ и непередаваемымъ, мерзкимъ кощунствомъ говорятъ о религіи и Богѣ.

За зданіемъ «Команды надзора» и западной вѣтвью желѣзной дороги расположены продовольственные склады, бани и кирпичный заводъ. На Соловецкомъ островѣ имѣется еще одна баня — для администраціи. Въ общую же баню интеллигентные заключенные избѣгаютъ ходить, ибо она является разсадникомъ вшей и заразныхъ болѣзней. Я вывелъ заключеніе, что чекисты намѣренно поддерживаютъ и развиваютъ ужасающую грязь и вонь въ этой банѣ, не брезгуя ничѣмъ для достиженія завѣтной цѣли ГПУ: возможно скорѣе свести въ могилу всѣхъ соловецкихъ узниковъ.

Соловецкій концентраціонный лагерь разбитъ на 6 отдѣленій: первое отдѣленіе помѣщается въ самомъ Кремлѣ, второе — верстахъ въ 12 отъ него, на югозападномъ берегу острова — въ Савватіевскомъ скиту. (Въ былыя времена выдѣлявшіеся своей набожностью и строгостью жизни монахи, желая всецѣло посвятить себя Богу и уединенной молитвѣ, удалялись изъ Кремля вглубь острова, сооружали въ лѣсу небольшую часовню и келью, гдѣ и проводили остатокъ своей жизни въ постѣ и неустанномъ трудѣ. Въ первое время такія потаенныя жилища соловецкихъ старцевъ назывались «Пустынями», потомъ близъ нихъ селились другіе монахи, и «Пустыни» стали называться «Скитами». Этихъ скитовъ очень много какъ на самомъ Соловецкомъ островѣ, такъ и на окружающемъ его архипелагѣ). Второе отдѣленіе соловецкаго лагеря — Савватіевскій скитъ — отведенъ для особой группы заключенныхъ, такъ называемыхъ «политическихъ и партійныхъ». Къ этой категоріи въ Соловкахъ, а также во всѣхъ другихъ тюрьмахъ и ссылкахъ СССР, причисляются активные члены дореволюціонныхъ соціалистическихъ партій (соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры и пр.). Значительное количество дѣятелей былыхъ соціалистическихъ партій послѣ октябрьскаго переворота помогаетъ коммунистамъ угнетать русскій народъ; меньшинство же, отказавшись отъ активной борьбы съ совѣтской властью, продолжало критиковать ея мѣропріятія, за что и ссылается Госполитуправленіемъ въ Соловки, Сибирь и на Уралъ.

По дорогѣ въ Савватіевскій скитъ, верстахъ въ 8 отъ Кремля, расположена пользующаяся такой кровавой славой Сѣкирова гора, на ней — маякъ и радіостанція. Гора эта очень высока и въ ясную погоду видна даже въ Кеми. На Сѣкировой горѣ размѣщено 4-ое отдѣленіе лагеря — «штрафное». Сюда попадаютъ, для пытокъ, а часто и смерти, всѣ «провинившіеся» передъ ГПУ заключенные. Ниже я дамъ подробную картину хорошо мнѣ извѣстнаго и испытаннаго лично «штрафного» отдѣленія.

На островѣ Большая Муксульма, въ Муксульмскомъ скиту, помѣщается 3-ье отдѣленіе Соловецкаго лагеря. На Кондостровѣ расположено 5-ое отдѣ-

ніе, на Анзерскомъ островѣ — 6-ое. На Большомъ Заяцкомъ островѣ помѣщается такъ называемый «Женскій штрафной изоляторъ», играющій роль Сѣкирки для заключенныхъ женщинъ.

Верстахъ въ 2 къ сѣверу отъ Кремля протекаетъ «Живоносный источникъ». Это мѣсто всегда считалось святымъ. Близъ «Живоноснаго источника» одинъ изъ настоятелей Соловецкаго монастыря, святой Филиппъ, выстроилъ небольшую церковь и избушку-келью. Здѣсь святой многіе годы провелъ въ молитвѣ. Филипповскій скитъ нѣкогда привлекалъ тысячи богомольцевъ; вода «Живоноснаго источника» исцѣлила многихъ больныхъ. Особой святостью и почитаніемъ былъ окруженъ образъ въ Филипповской церкви — «Іисусъ Сидящій». Теперь скитъ давно уже разграбленъ и заброшенъ. Для характеристики «творческой» работы соловецкихъ администраторовъ необходимо привести такой, связанный съ Филипповскимъ скитомъ, фактъ: чекисты рѣшили устроить у «Живоноснаго источника» заводъ для гонки смолы. ГПУ ассигновало крупныя деньги, въ скитъ согнали сотни рабочихъ-заключенныхъ, на постройку выписали изъ Россіи инженеровъ и мастеровъ. А когда, черезъ полтора года, дорого стоющій заводъ былъ готовъ, выяснилось, что, во-первыхъ, гнать смолу не изъ чего — нѣтъ въ достаточномъ количествѣ сырья, а, во-вторыхъ, провозъ на материкъ одного пуда смолы обходится вчетверо больше цѣны того же пуда на мѣстѣ! Заводъ бросили, теперь онъ заростаетъ бурьяномъ.

Между Кремлемъ и Савватіевскимъ скитомъ, въ 4 верстахъ отъ монастыря, находится Макаріовская пустынь. Въ ней живетъ Эйхмансъ, коммунистъ-чекистъ, родомъ изъ Эстоніи, являющійся «Замначуправленія» (замѣстителемъ начальника управленія), ближайшій помощникъ «начуслона» Ногтева. Въ Макаріевской пустынѣ Эйхмансъ окруженъ свитой изъ сотрудниковъ-чекистовъ.

По всему Соловецкому острову разбросана масса другихъ скитовъ, пустынь, часовень и отдѣльныхъ зданій. Часть изъ нихъ безвозвратно погибла, разрушена или разрушается, часть отведена для жилья рыбакамъ. Многочисленныя Соловецкія тони (напр. Филипповская и др.) также въ самой незначительной степени используются «начуслономъ». Рыбный промыселъ на Соловкахъ, какъ и другіе остатки когда-то богатѣйшаго монастырскаго хозяйства, окончательно подорванъ воровствомъ и неопытностью чекистской администраціи.

Соловецкій Кремль со всѣхъ сторонъ окруженъ массивной каменной стѣной. Въ каждой изъ этихъ стѣнъ имѣются ворота. Въ настоящее время открыты только сѣверныя ворота, остальныя наглухо заколочены. Закрытъ и главный входъ въ монастырь (съ юга) — Іорданскія ворота. Справа отъ сѣверныхъ воротъ тянется высокое каменное зданіе, нѣкогда монастырскія мастерскія; мастерскія эти (портняжная, сапожная, столярная и пр.) существуютъ и теперь. Во что ихъ превратило ГПУ, читатель узнаетъ дальше. Дальше идетъ «лазаретъ». Почему я беру это слово въ кавычки, также будетъ явствовать изъ дальнѣйшаго.

Параллельно мастерскимъ и «лазарету», ближе къ центру Кремля расположено высокое (въ 3 этажа) каменное, старинной постройки, зданіе, имѣющее видъ четырехугольника съ возвышающимися соборами посрединѣ. Это такъ называемый «Казначейскій корпусъ» (названіе сохранилось старое). Занятъ онъ «10-ой ротой» (канцеляристы). Въ прошломъ здѣсь были кельи монаховъ; комнаты въ «Казначейскомъ корпусѣ», какъ и въ другихъ корпусахъ, очень маленькія, очень много одиночныхъ келій, что не мѣшаетъ «начуслону» помѣщать въ нихъ отъ 6 до 10 человѣкъ заключенныхъ. Люди задыхаются ночью отъ недостатка воздуха; то и дѣло приходится наступать сосѣду на голову, спину, руки, ибо кельи набиты заключенными.

Къ «Казначейскому корпусу» прилегаетъ «Настоятельскій корпусъ» или, вѣрнѣе, его остатки: это зданіе было сильно повреждено пожаромъ. Въ уцѣлѣвшей его части теперь помѣщается канцелярія «Коменданта 1-го отдѣленія».

Здѣсь же, среди мусора и обгорѣвшаго камня, помѣщается такъ называемая «центро-кухня», въ которой варятъ для заключенныхъ «обѣды». (Пища для администраціи, къ слову сказать, весьма изысканная, готовится, конечно, въ другомъ мѣстѣ). Подходя къ «центро-кухнѣ» необходимо зажимать пальцами носъ, такой смрадъ и вонь идетъ постоянно изъ этой клоаки. Достоинъ увѣковѣченія тотъ фактъ, что рядомъ съ «центро-кухней», въ тѣхъ же руинахъ сгорѣвшаго «Настоятельскаго корпуса», уголовный элементъ заключенныхъ устроилъ уборную, которая — вполнѣ оффиціально — называется «центро-сортиромъ». Заключенныхъ, теряющихъ въ Соловкахъ человѣческій видъ, такое сосѣдство не тревожитъ. Администрація и подавно не обращаетъ на это безобразіе никакого вниманія.

Дальше, рядомъ съ «центро-сортиромъ», помѣщается такъ называемая «каптерка» — складъ пищевыхъ продуктовъ. Выдачей продуктовъ долгое время завѣдывали чекисты изъ числа заключенныхъ; слѣдуя своимъ традиціямъ, чекисты обкрадывали все и всѣхъ, умудряясь полуголодный паекъ арестантовъ уменьшать вдвое въ свою пользу, продавали на сторону муку, мясо, крупу и пр., замѣняя доброкачественные продукты гнилыми и т. д. Заключенные вынуждены были питаться тухлой треской и мясомъ съ червями. Постепенно «каптерскіе» чекисты заняли другія выгодныя должности въ лагерѣ, и выдача продуктовъ была поручена уголовному элементу изъ числа заключенныхъ. Грабежъ продолжался въ томъ же размѣрѣ, хотя и болѣе секретно. Лишь въ послѣднее время, по единодушному настоянію всего лагеря, «каптерка» была передана въ вѣдѣніе заключенному на Соловкахъ духовенству (епископамъ, священникамъ и монахамъ), которыхъ сами же чекисты называютъ «единственно честными въ лагерѣ людьми».

Затѣмъ слѣдуетъ такъ называемый «Корпусъ рабочихъ ротъ» (2 зданія) — бывшія монашескія кельи. Послѣднихъ очень много, но всѣ онѣ малы (большею частью одиночки), рабочихъ же ротъ — всего 14, и въ каждой по 200 человѣкъ. Тѣснота и грязь ужасная. Весьма страдаютъ «рабочія роты» отъ холода. Дѣло въ томъ, что кельи отапливаются печами особаго образца (топка въ коридорахъ). Раньше монахи заготавливали на зиму огромное количество дровъ, топили не жалѣя, высокая температура въ корридорахъ и кельяхъ держалась дня 2-3. Теперь не то. Печи давно не ремонтированы и дымятъ. Въ комнатахъ по утрамъ замерзаетъ вода.

Всѣ заключенные въ «Корпусахъ рабочихъ ротъ» распредѣлены по спеціальностямъ (лѣсорубы, каменьщики, рыбаки, огородники, желѣзнодорожники, мастеровые и пр.). Большевики всемѣрно стремятся придать Соловкамъ видъ военно-каторжнаго поселенія. Во главѣ каждой «рабочей роты» стоитъ особый «ротный командиръ» (изъ чекистовъ), облеченный властью кого угодно безъ суда и слѣдствія разстрѣлять, лишить пайка, послать на Сѣкирку. Помогаютъ ему въ этомъ «взводные командиры» (тоже исключительно агенты ГПУ), главная обязанность которыхъ — доносить на заключенныхъ.

Въ восточной части Кремля помѣщаются сушилка, прачешная, баня и мельница. Всѣ эти учрежденія главнымъ образомъ обслуживаютъ нужды администраціи. Вообще, читатель долженъ понять разъ навсегда, что въ Соловкахъ всѣ заключенные поставлены въ такія условія, чтобы весь ихъ трудъ шелъ на выполненіе потребностей, прихотей и самодурства администраціи. Въ Соловкахъ каждый заключенный — безсловесный рабъ.

Мельница приводится въ движеніе силой воды посредствомъ канала изъ Святого озера, прорытаго много лѣтъ тому назадъ монахами. Кремлевская баня — исключительно для администраціи, вольнонаемныхъ и чекистскихъ любовницъ изъ числа заключенныхъ женщинъ. Эти же любовницы (въ Соловкахъ очень распространенъ особый уголовный жаргонъ; на етомъ языкѣ любовница называется — «шмара») — моютъ чекистамъ бѣлье. Рядовымъ заключеннымъ и мыть нечего, такъ какъ у 90 проц. соловецкихъ арестантовъ вмѣсто бѣлья —

истлѣвшія отъ времени и засыпанныя вшами лохмотья. Вновь прибывающіе заключенные, имѣя еще кое-какой запасъ бѣлья, по неопытности и незнанію соловецкихъ порядковъ, отдаютъ свое бѣлье въ прачешную, гдѣ оно и пропадаетъ, немедленно попадая въ руки къ чекистамъ.

Ближе къ сѣверной стѣнѣ Кремля помѣщается «Вещевой складъ» (въ бывшей Троицкой церкви). Это громкое названіе не должно никого обманывать. Ногтевъ долго носился съ планомъ одѣть заключенныхъ въ костюмы тюремнаго образца; ГПУ даже ассигновало на это деньги, но въ какой чекистскій карманъ они попали — неизвѣстно. Весь лагерь донашиваетъ то, что удалось взять изъ дому передъ отправкой въ Соловки; многіе и въ Соловки прибыли въ одномъ тряпьѣ; въ лагерѣ не рѣдкость увидѣть почти голыхъ людей. Заключеннымъ, лестью и доносительствомъ снискавшимъ расположеніе въ себѣ администраціи, иногда выдается изъ «особыхъ запасовъ» куртки арестантскаго покроя; остальная же масса заключенныхъ считаетъ счастьемъ, если ей выдадутъ обувь и шинели — на работу (послѣ работы вещи сдаются обратно въ «вещевой складъ», то-есть люди въ нерабочее время должны ходить голыми). Немного щедрѣе выдаются вещи, платье, и бѣлье, снятое съ.... разстрѣлянныхъ. Такое обмундированіе въ довольно большомъ количествѣ привозилось въ Соловки раньше изъ Архангельска, а теперь изъ Москвы; обычно оно сильно ношено и залито кровью, такъ какъ все лучшее чекисты снимаютъ съ тѣла своей жертвы сейчасъ же послѣ разстрѣла, а худшее и запачканное кровью ГПУ посылаетъ въ концентраціонные лагеря. Но даже обмундированіе со слѣдами крови получить очень трудно, ибо спросъ на него постепенно растетъ — съ увеличеніемъ числа заключенныхъ (ихъ теперь въ Соловкахъ свыше 7 тысячъ) и съ изнашиваніемъ ихъ одежды и обуви въ лагерѣ все больше и больше раздѣтыхъ и босыхъ людей.

Дальше снова идетъ «Корпусъ рабочихъ ротъ», затѣмъ — «Рота чекистовъ». Въ ней свыше 100 человѣкъ. Это — опора и гордость коммунистической партіи на Соловкахъ, штабъ такъ называемыхъ «стукачей» («стукачъ», на уголовномъ языкѣ — доносчикъ, шпіонъ, провокаторъ). «Рота чекистовъ», конечно, совершенно не работаетъ. Часть изъ нихъ пристроилась въ лагерѣ на службу по своей «спеціальности» (въ «Командѣ надзора», въ цензурѣ, въ «Управленіи» и пр.), остальные ожидаютъ освобожденія соотвѣтствующихъ вакансій. Съ утра *до вечера «Рота чекистовъ» пьянствуетъ, играетъ въ карты, поетъ богохульныя* пѣсни и развратничаетъ.

За «Ротой чекистовъ» помѣщаются овощные и рыбные склады, также переданные въ завѣдываніе духовенству.

Центръ Кремля нѣсколько возвышается надъ окружающими его зданіями. Отъ него вокругъ всего Кремля, вдоль стѣнъ, идетъ крытая галлерея. Отдѣленные другъ отъ друга бывшей «Ризницей» два главныхъ Соловецкихъ собора (Троицкій и Преображенскій) теперь заняты «рабочими ротами»: 12-ой, 11, 13 и 14 (всего человѣкъ 900). Иконы изъ соборовъ давно унесены, священныя изображенія закрашены, сорваны и сломаны кресты. Всюду слѣды пуль и кощунственныя надписи и рисунки — произведенія чекистовъ-надсмотрщиковъ или заключенныхъ изъ числа уголовнаго сброда, такъ называемой «шпаны».

Огромныя помѣщенія соборовъ требуютъ, для поддержанія въ нихъ болѣе или менѣе сносной температуры, массы дровъ, въ которыхъ всегда чувствуется острый недостатокъ. Какъ и въ «Рабочихъ корпусахъ», въ соборахъ зимой невыносимо холодно, печи дымятъ, дуетъ съ полу и оконъ, часто разбитыхъ, лѣтомъ — постоянная сырость. Заключенные, прежде чѣмъ уснуть послѣ тяжкаго трудового дня, много часовъ дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ, на своихъ «топчанахъ» (родъ самодѣльной деревянной койки). За отсутствіемъ мѣста и дерева для «топчановъ» или наръ, многіе спятъ на ледяномъ полу. Можно ли удивляться послѣ этого колоссальному росту на Соловкахъ маляріи, острыхъ легочныхъ заболѣваній, цынги?

Освѣщаются соборы маленькой электрической лампочкой. Тусклый свѣтъ достаточенъ лишь для того, чтобы не наступить сосѣду на голову. Все погружено въ полумракъ. Это мучительно дѣйствуетъ на заключенныхъ, въ особенности зимой, когда на этомъ крайнемъ сѣверѣ день продолжается какихъ нибудь 4-5 часовъ, когда работы заканчиваются въ ночной тьмѣ Нельзя ни написать письма своимъ роднымъ, ни прочесть что-нибудь, ни починить истрепавшуюся одежду. Зимними вечерами подъ лампочками всегда толпа заключенныхъ; «Ротные» и «Взводные командиры» пользуются этимъ, отдавая столь необходимый свѣтъ, такъ сказать, въ наемъ, беря за него взятки послѣдними деньгами или кускомъ хлѣба заключеннаго.

Подъ соборами, въ полуподвальномъ помѣщеніи, находится хлѣбопекарня. Завѣдуетъ ею чекистъ Локисъ, латышъ. Здѣсь также всемѣрно проводится соловецкій принципъ: для администраціи выдѣлывается отборный хлѣбъ, заключенные получаютъ хлѣбъ изъ горькой, испорченной муки, да и эти мизерныя порціи обкрадываются со всѣхъ сторонъ. Быть пекаремъ въ Соловкахъ это значитъ не только быть всегда сытымъ, что является недосягаемой мечтой для всего лагеря, но и припасти хлѣбъ на черный день, почему Локисъ извлекаетъ изъ своей должности крупныя выгоды, принимая въ хлѣбопекарню заключенныхъ только за большую взятку или особыя услуги. Между прочимъ, тотъ же Локисъ организовалъ въ хлѣбопекарнѣ, съ молчаливаго согласія высшей администраціи, такъ называемый «Самогонный трестъ», часть муки употребляется на изготовленіе водки для чекистовъ и «Ротныхъ командировъ». Это въ свою очередь приводитъ къ сокращенію хлѣбнаго пайка заключенныхъ до минимума.

Въ бывшей «Ризницѣ» теперь устроенъ «Культпросвѣтъ», устроена сцена, развѣшаны, вмѣсто изображеній Христа и святыхъ, — Ленинъ, Марксъ, Роза Люксембургъ и прочіе персонажи коммунистическаго бэдлама. Ниже я буду говорить подробнѣе объ этомъ «Культпросвѣтѣ».

III

Верховнымъ правителемъ Соловковъ и всѣхъ иныхъ сѣверныхъ концентраціонныхъ лагерей и ссылокъ является бывшій предсѣдатель Петроградской Че-ка, а теперь руководитель «Спеціальнаго отдѣла» ГПУ — Бокій, членъ центральнаго исполнительнаго комитета коммунистической партіи. Бокій рѣдко бываетъ въ Соловкахъ, живя постоянно въ Москвѣ, куда ему спеціальными курьерами, а также по почтѣ, телеграфу и радіо сообщается все могущее заинтересовать его лично или ГПУ въ цѣломъ. Намѣстникомъ Бокія на Соловкахъ и исполнителемъ его мѣропріятій является Ногтевъ.

Ногтевъ — видный чекистъ, тоже членъ центральнаго исполнительнаго комитета. Онъ принималъ активное участіе въ октябрьскомъ переворотѣ, какъ матросъ извѣстнаго крейсера «Аврора», обстрѣливавшаго въ октябрѣ 1917 года петроградскій Зимній Дворецъ съ укрывшимся въ немъ Временнымъ Правительствомъ. Помимо своей неумолимой жестокости, Ногтевъ славится въ Соловкахъ своей непроходимой глупостью и пьяными дебошами. Въ самой его физіономіи есть что-то безусловно звѣрское. Въ лагерѣ его называютъ «Палачемъ». Живетъ Ногтевъ со своей семьей въ монастырскомъ Кремлѣ, въ первомъ этажѣ «Управленія сѣверными лагерями особаго назначенія».

Помощникъ Ногтева — Эйхмансъ. Онъ тоже коммунистъ и тоже видный чекистъ, изъ эстонцевъ. Отличительной чертой Эйхманса, кромѣ свойственныхъ всѣмъ агентамъ ГПУ садизма, разврата и страсти къ вину, является увлеченіе военной муштрой. Эйхмансъ безусловно помѣшался на парадоманіи. Не считаясь совершенно ни съ возрастомъ, ни съ поломъ заключенныхъ, онъ требуетъ отъ всѣхъ солдатской выправки, отданія чести ему и всей администраціи, выстраиванія при встрѣчѣ съ нимъ во фронтъ, участія голодныхъ и босыхъ «Ра-

бочихъ ротъ» въ дурацкихъ смотрахъ и парадахъ. Эта столь же жестокая, какъ и глупая игра въ солдатики приноситъ немало мученій заключеннымъ. Достаточно не такъ повернуться на «парадѣ», неправильно построить ряды, не стройно отвѣтить: «Здра-сте то-ва-рищъ на-чаль-никъ»! — какъ взбѣшенный Эйхмансъ обрушивается на виновнаго рядомъ репрессій, вплоть до Сѣкирки.

«Управленіе сѣверными лагерями особаго назначенія» имѣетъ пять отдѣловъ:

1) Административный.
2) Военный.
3) Эксплуатаціонно-коммерческій.
4) Хозяйственный.
5) Финансово-счетный.

Канцелярія административнаго отдѣла сосредоточена въ «Управленіи». Здѣсь ведется переписка общаго характера, дѣлаются различные доклады Ногтеву, отчеты и пр. Низшіе служащіе въ канцеляріи — изъ заключенныхъ (Рота канцеляристовъ»). Въ канцеляріи рѣзко бросается въ глаза главнѣйшая особенность и, пожалуй, единственный смыслъ и оправданіе всего «Управленія» въ цѣломъ — полная неразбериха въ дѣлахъ, втираніе очковъ младшими старшимъ, жажда ослѣпить центральное ГПУ фейерверкомъ сказочныхъ проектовъ и плановъ, необычайное разбуханіе всѣхъ отдѣловъ, подотдѣловъ и частей «Управленія». То, что въ нормальныхъ условіяхъ легко можетъ выполнить одинъ человѣкъ, въ Соловкахъ дѣлаютъ — и плохо — не менѣе 10 писцовъ, дѣлопроизводителей и секретарей. Въ соловецкихъ канцеляріяхъ все основано на неприкрытомъ обманѣ. Заключенные-канцеляристы обманываютъ начальство видимостью работы; Ногтевъ и вся свора чекистовъ-администраторовъ прикрываетъ безконечнымъ потокомъ бумагъ, смѣтъ, отчетовъ, секретныхъ и несекретныхъ записокъ въ ГПУ — поразительную даже для совѣтской Россіи нелѣпость и абсолютную ненужность своей дѣятельности, планомѣрный грабежъ всего, что можно еще ограбить, колоссальные подлоги и хищенія.

Даже при наличіи опытныхъ канцеляристовъ изъ среды «контръ-революціонеровъ», ввести совѣтскую канцелярщину въ Соловкахъ въ законное русло немыслимо, ибо во главѣ каждаго отдѣла, каждой канцеляріи стоитъ начальникъ-чекистъ, который, по малограмотности или преступности (послѣднее чаще), губитъ все дѣло. Дорожа своимъ мѣстомъ въ канцеляріи, которое удается занять только путемъ взятки или угодничества, заключенные выполняютъ безоговорочно всякое распоряженіе администраціи, какъ бы абсурдно оно ни было. Можно себѣ представить послѣ этого, какой хаосъ творится въ «Управленіи», если въ немъ нерѣдко отвѣтственные посты поручены чекистамъ изъ бывшихъ матросовъ, полуграмотныхъ рабочихъ или плохо понимающихъ по русски латышей!

Напримѣръ, начальникомъ «Слѣдственной части» является нѣкто Васьковъ, бывшій сапожникъ, чекистъ-малороссъ. Этому въ прямомъ и переносномъ смыслѣ сапожнику поручено сложнѣйшее дѣло, требующее высшаго юридическаго образованія. Но въ Соловкахъ это вполнѣ нормально. Сапожникъ въ роли прокурора изъ ГПУ — въ этомъ олицетвореніе соловецкаго «судопроизводства». Всѣ заключенные считаются формально уже осужденными и получившими опредѣленный срокъ (конечно, безъ какого бы то ни было суда, заочно). Но это обстоятельство не смущаетъ Васькова и его помощниковъ. Главари «Слѣдственной части» производятъ «слѣдственныя дознанія» и по прибытіи того или иного «контръ-революціонера» въ лагерь и, если усмотрятъ въ его дѣлѣ новую «контръ-революцію» — несчастнаго постигаетъ новое наказаніе.

Такимъ вылавливаніемъ «контръ-революціи» въ особенности отличается соловецкій слѣдователь Калугинъ, чекистъ, бывшій рабочій, долгое время уже въ лагерѣ подписывавшій свои приговоры—крестомъ. Калугинъ совершаетъ завѣдомые подлоги въ дѣлахъ, приплетаетъ къ нимъ мифическихъ «свидѣтелей», ин-

сценируетъ новые «процессы», то и дѣло прибѣгая къ провокаціи и угрожая пыткой и разстрѣломъ.

Впрочемъ, энергія Калугина вполнѣ понятна и простительна, принимая во вниманіе тѣ «преступленія», за которыя центральное ГПУ посылаетъ людей въ соловецкую каторгу. Разбирая дальше «дѣла» заключенныхъ, я подробнѣе остановлюсь на юридическихъ перлахъ чекистовъ. Сейчасъ упомяну, между прочимъ, что въ бумагахъ того или иного заключеннаго далеко не рѣдкость встрѣтить такое обвиненіе:

— Женатъ на княгинѣ.

— Дѣдъ былъ епископомъ.

— При обыскѣ найдены погоны капитана (хотя самъ «обвиняемый» никогда офицеромъ не былъ!).

А однажды мнѣ пришлось видѣть въ дѣлѣ одного заключеннаго такую резолюцію харьковскаго ГПУ:

— Содержать подъ арестомъ до выясненія причинъ ареста.

И человѣка, о которомъ никто не зналъ, за что онъ собственно арестованъ, все же сослали въ Соловки на 3 года! Кто же можетъ сомнѣваться въ законности и справедливости «рабоче-крестьянскаго» суда?!

Канцеляристы-заключенные постоянно отрываются отъ своего прямого дѣла. Періодически устраиваются — въ тѣхъ же цѣляхъ пусканія пыли въ глаза Дзержинскому и Бокію: вотъ, молъ, какъ мы работаемъ! — разные «ударники» и «субботники». Весь лагерь, въ томъ числѣ и писцы, сгоняются на рубку и сплавъ лѣса, уборку сѣна, разработку торфа, постройку очередного, никому не нужнаго завода, который недѣлю спустя бросается на произволъ судьбы. Кромѣ того, заставляя опытныхъ людей изъ числа заключенныхъ работать въ канцеляріяхъ, чекисты все время срываютъ свою злобу на нихъ же:

— Эта буржуйская сволочь, интеллигенція, вездѣ устраивается!..

Канцеляристы снова попадаютъ въ «Рабочія роты», набираютъ новыхъ писцовъ, снова выгоняютъ. И пока длится этотъ бэдламъ, дѣлопроизводство лагеря превращается окончательно въ произведенія обитателей сумасшедшаго дома.

Кромѣ отдѣла общей переписки въ административной части «Управленія» имѣется такъ называемое «Шифровальное бюро». Оно вѣдаетъ перепиской секретнаго характера (всѣ служащіе исключительно чекисты). Частично переговоры съ Москвой ведутся по радіо. Въ «Шифровальное бюро» поступаютъ тайные директивы ГПУ, шифрованная переписка, распоряженія о разстрѣлахъ. (По закону, приговаривать къ смерти можетъ только центральное ГПУ, мѣстная администрація лишь приводитъ приговоръ въ исполненіе. Однако, правомъ разстрѣливать въ широкой степени пользуется и Ногтевъ, и его помощники, причемъ въ Москву доносится, что такой-то «пытался бѣжать и былъ убитъ конвоемъ» или — просто умеръ).

Особое раздраженіе заключенныхъ вызываетъ «цензурная часть», просматривающая всѣ письма, какъ поступающія въ Соловки, такъ и отправляемыя заключенными своимъ роднымъ. Право переписки съ родными дано «контръ-революціонерамъ» лишь недавно (соціалисты, или «политическіе и партійные» пользовались этимъ правомъ съ основанія лагерей). Разрѣшается посылать не болѣе 3 писемъ въ мѣсяцъ и столько же получать (соціалистовъ это ограниченіе не касается); все сверхъ нормы безъ всякихъ разговоровъ уничтожается «Цензурной частью».

Во главѣ «Цензурной части» стоитъ чекистъ Кромуль, спеціально присланный центромъ; у него 3 помощника, изъ заключенныхъ чекистовъ. Писать разрѣшается только о лично себя касающемся. Какое бы то ни было упоминаніе бъ условіяхъ своей жизни, соловецкомъ бытѣ строжайше запрещено; критика администраціи карается Сѣкиркой. Незадолго до моего бѣгства, въ октябрѣ 1925 года, одинъ изъ заключенныхъ спросилъ, разрѣшается ли хвалить соловецкіе порядки, на что Кромуль отвѣтилъ:

— Не только разрѣшается, но и рекомендуется...

Нѣтъ никакой гарантіи, что то или иное письмо будетъ пропущено цензурой, хотя бы удовлетворяло всѣмъ требованіямъ Кромуля. Письма свои заключенные должны оплачивать марками за свой счетъ. А такъ какъ въ Соловкахъ почти ни у кого нѣтъ даже 7 копѣекъ на письмо, то значительный процентъ заключенныхъ лишенъ и этой, послѣдней радости — написать нѣсколько строкъ роднымъ.

Въ соловецкомъ лагерѣ довольно много иностранцевъ различныхъ національностей и подданствъ. Ихъ письма обычно посылаются для просмотра въ иностранный отдѣлъ ГПУ. Можетъ быть, поэтому письма иностранцевъ особенно часто «пропадаютъ въ пути». Бываютъ и такіе случаи, когда Кромуль требуетъ отъ людей, совершенно не знающихъ русскаго языка, писать только по-русски и письма на другомъ языкѣ разрываетъ на нхъ же глазахъ.

Каждое изъ 6 отдѣленій соловецкаго лагеря, а также Сѣкирка и «женскій штрафной изоляторъ», имѣютъ своего особаго «начальника» и «начальника канцеляріи». Эти ближайшіе помощники Ногтева и Эйхманса сплошь состоятъ изъ чекистовъ, въ большинствѣ случаевъ ссыльныхъ. Губернскія и уѣздныя ГПУ центральной Россіи всемѣрно скрываютъ вопіющія преступленія своихъ сотрудниковъ и агентовъ; кладутся подъ сукно громкія дѣла объ истязаніи арестованныхъ, безразсудныхъ разстрѣлахъ, грабежѣ, виртуозномъ пьянствѣ, насиліяхъ надъ женщинами. Но иногда какое нибудь изъ ряда вонъ выходящее преступленіе случайно всплываетъ наружу, доходитъ до свѣдѣнія Москвы, и Катаньянъ — главный прокуроръ по дѣламъ ГПУ — посылаетъ виновнаго на нѣсколько лѣтъ въ Соловки. Такихъ заключенныхъ-чекистовъ въ лагерѣ свыше 100 человѣкъ. Изъ нихъ-то и набирается, главнымъ образомъ, средняя и низшая администрація.

Само собой разумѣется, никѣмъ не обуздываемые ссыльные чекисты продолжаютъ и на Соловкахъ свою преступную дѣятельность. Это относится поголовно ко всѣмъ «начальникамъ отдѣленій». Такъ, «Начальникъ перваго отдѣленія» соловецкаго лагеря, чекистъ Бариновъ, бывшій желѣзнодорожный вѣсовщикъ изъ Москвы, совершенно открыто беретъ взятки за освобожденіе отъ работъ, чего и самъ не отрицаетъ.

Типичнымъ соловецкимъ «администраторомъ» является «Начальникъ канцеляріи» того же 1-го отдѣленія, Анфиловъ, называющій себя офицеромъ. Повидимому, службу въ ГПУ онъ выгодно соединялъ со службой въ какой либо иностранной развѣдкѣ, ибо попалъ въ Соловки (на 5 лѣтъ) за шпіонажъ (66-ая статья «Уголовнаго кодекса» СССР). Анфиловъ совершенно безнаказанно насилуетъ въ своей канцеляріи женщинъ изъ числа заключенныхъ «контръ-революціонерокъ». Зачастую это дѣлается днемъ, во время занятій. Жалобы на Анфилова Ногтевъ оставляетъ безъ послѣдствій. Одна изъ изнасилованныхъ Анфиловымъ женщинъ, выйдя изъ заключенія, прибыла въ Москву и возбудила дѣло противъ «начальника канцеляріи». Былъ созданъ процессъ, Анфилова вызывали въ ГПУ и тамъ... оправдали!

Тотъ же Анфиловъ канцелярскія свои обязанности совмѣщаетъ съ дѣятельнымъ участіемъ въ разстрѣлахъ. Я не знаю случая, чтобы въ совѣтской расправѣ надъ заключенными прямого или косвеннаго участія не принималъ Анфиловъ.

Специфически чекистскую работу выполняетъ такъ называемая «Команда надзора». Въ ней только около 10 человѣкъ — «вольнонаемные» (назначенные изъ ГПУ чекисты), остальные — изъ числа присланныхъ въ Соловки за должностныя преступленія. Раньше поле дѣятельности «вольнонаемныхъ» чекистовъ и чекистовъ-заключенныхъ было различнымъ, теперь обѣ эти категоріи слились и несутъ одинаковыя обязанности надзора, сыска и расправы. Необходимо отмѣтить, что «вольнонаемные» все же человѣчнѣе другихъ. Это не относится, впрочемъ, къ особо приближеннымъ къ Ногтеву «вольнонаемнымъ».

«Команда надзора» принимаетъ вновь прибывающихъ заключенныхъ, производитъ обыски, широко примѣняетъ провокацію и доносы въ «слѣдственныхъ»

цѣляхъ, исполяяетъ обязанности палачей при разнаго рода наказаніяхъ, дежурить у воротъ Кремля и въ «Комендантурѣ», выдаетъ пропуска. До послѣдняго времени «Команда надзора» приводила въ исполненіе и всѣ смертные приговоры Теперь же разстрѣливаютъ солдаты «Соловецкаго полка особаго назначенія».

Изъ чиновъ «Команды надзора» чисто животнымъ безсердечіемъ выдѣляется Новиковъ, бывшій солдатъ. Звѣрскимъ отношеніемъ къ заключеннымъ Новиковъ славился еще въ Холмогорахъ, гдѣ практиковались массовые разстрѣлы заточенныхъ въ холмогорскомъ лагерѣ, въ томъ числѣ женщинъ и глубокихъ стариковъ. Тотъ же Новиковъ въ Соловкахъ, съ одобренія высшей администраціи, совмѣстно съ «Начальникомъ канцеляріи 1-го отдѣленія» Анфиловымъ, насилуетъ всѣхъ попадающихъ къ нему женщинъ. Вообще, положеніе женщинъ въ лагерѣ кошмарно.

Изъ другихъ надзирателей необходимо назвать нѣкоего Зубкова, полуграмотнаго рабочаго, выдѣляющагося своими доносами не только на заключенныхъ, но и на ссыльную часть «Команды надзора» (самъ Зубковъ «вольнонаемный»).

Обыкновенно каждая тюрьма въ совѣтской Россіи избираетъ изъ своей среды особаго «старосту» (изъ заключенныхъ), на обязанности котораго всякаго рода переговоры съ администраціей и вообще защита товарищей по заключенію. Соловки также имѣютъ своего «старосту», однако, послѣдній выполняетъ чисто чекистскія функціи, назначается «Управленіемъ» и является въ сущности не защитникомъ арестантовъ, а ихъ прокуроромъ. Теперь соловецкимъ «старостой» состоитъ Яковлевъ, бывшій начальникъ московской милиціи. Въ лагерѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ «генерала», такъ какъ, подобно Эйхмансу и прочимъ, страдаетъ парадоманіей. Яковлевъ неимовѣрно толстъ, глупъ и грубъ. За разныя поблажки и льготы заключеннымъ (напр., освобожденіе отъ работъ и пр.) «генералъ» установилъ особую таксу — отъ 50 копѣекъ и выше. Это прекрасно извѣстно всей администраціи, которая также сплошь укомплектована взяточниками.

До Яковлева «старостами» были чекисты Савичъ и Михельсонъ. У послѣдняго одна нога короче другой, лицо искажено явно ненормальной гримасой. Послѣ эвакуаціи Крыма южно-русской арміей генерала Врангеля (въ ноябрѣ 1920 г.) Михельсонъ былъ прикомандированъ къ знаменитому Бэла-Куну, бывшему «предсѣдателю венгерской совѣтской республики», котораго совнаркомъ и ГПУ назначили диктаторомъ побѣжденнаго Крыма. Прибывъ въ Симферополь, Бэла-Кунъ заявилъ, что «изъ крымской бутылки ни одинъ контръ-революціонеръ не выскочитъ», а такъ какъ въ совѣтской Россіи не контръ-революціонерами считаются только коммунисты (полпроцента русскаго народа), то крымскій полуостровъ былъ буквально залитъ кровью. Бэла-Кунъ, его секретарь — «Землячка», любовница диктатора, и Михельсонъ (въ должности «Предсѣдателя особой тройки по проведенію краснаго террора въ Крыму») разстрѣляли, утопили и зарыли въ землю живьемъ за ноябрь и декабрь 1920 года, по совѣтскимъ даннымъ, свыше 40.000 человѣкъ!

Какъ извѣстно, венгерскій звѣрь, въ концѣ концовъ, заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ и долгое время пробылъ въ московскомъ сумасшедшемъ домѣ. Михельсонъ, послѣ крымской человѣческой бойни, нѣкоторое время продолжалъ свою кровавую дѣятельность на Соловкахъ, а затѣмъ былъ назначенъ предсѣдателемъ ГПУ Киргизской совѣтской республики, гдѣ, вѣроятно, находится и понынѣ.

Галлерея совѣтскихъ палачей въ Соловкахъ была бы неполной безъ фигуры Квицинскаго, чекиста и коммуниста изъ поляковъ. До 1922 года Квицинскій былъ помощникомъ коменданта Холмогорскаго концентраціоннаго лагеря, о которомъ не могутъ безъ ужаса вспоминать тѣ немногіе уцѣлѣвшіе, что были перевезены изъ Холмогоръ, Архангельска и Портаминска въ Соловки. Неподалеку отъ холмогорскаго лагеря находился одинокій, стоявшій въ сторонѣ домъ, давно уже брошенный его владѣльцами. Въ этомъ домѣ нѣсколько лѣтъ подрядъ происходили систематическія избіенія десятковъ тысячъ заключенныхъ, попадавшихъ въ Холмогоры изъ всѣхъ губерній Россіи, Кавказа, Крыма, Украины и Сибири

(въ то время этотъ лагерь былъ главной тюрьмой для «контръ-революціонеровъ). Одинокая усадьба, въ которой нашли себѣ смерть безчисленные «бѣлогвардейцы», называлась «Бѣлымъ домомъ». Комендантомъ этого «Бѣлаго дома» и руководителемъ разстрѣловъ былъ Квицинскій. Разлагающіеся трупы казненныхъ не убирались, новыя жертвы падали на трупы убитыхъ раньше. Зловонная гора тѣлъ была видна издали. По признанію самого Квицинскаго, только въ январѣ-февралѣ 1921-го года въ «Бѣломъ домѣ» было убито 11.000 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ (сестеръ милосердія) и священниковъ. (Въ концѣ 1920-го года въ Холмогоры стали прибывать тысячи заключенныхъ изъ числа захваченныхъ на Кавказѣ и въ Крыму офицеровъ армій генераловъ Деникина и Врангеля, ихъ родныхъ и близкихъ).

Передъ переводомъ лагеря въ Соловки Квицинскій, заметая слѣды своихъ звѣрскихъ преступленій, взорвалъ «Бѣлый домъ».

Особыя крючковатыя палки, которыми соловецкіе чекисты наносятъ удары «провинившимся» заключеннымъ, называются «смоленскими». Получили онѣ это наименованіе оттого, что впервые ихъ ввелъ въ употребленіе знаменитый архангельскій, а потомъ и соловецкій палачъ Смоленскій, польскій коммунистъ. Квицинскій, Михельсонъ и Смоленскій могутъ считаться основоположниками и, такъ сказать, проводниками того потрясающаго по своей жестокости и обилію крови краснаго террора, что такой широкой волной разливался и разливается по сѣверу несчастной Россіи.

До послѣдняго времени въ Соловкахъ, при «Управленіи лагерями особаго назначенія» существовало такъ называемое «Техническое бюро». Послѣднее проявляло себя, главнымъ образомъ, представленіемъ въ ГПУ такихъ фантастическихъ проектовъ использованія и эксплуатаціи богатствъ Соловковъ, что нельзя было понять: гдѣ сумасшедшіе люди — въ «Техническомъ ли бюро», фантазерующемъ столь нелѣпо, или въ Московскомъ ГПУ, дающемъ деньги и матеріалы на это «техническое» безуміе. «Техническимъ бюро» завѣдывалъ инженеръ Рогановъ, изъ заключенныхъ. Это ярко выраженный типъ соглашателя, лижущаго пятки своимъ новымъ хозяевамъ — коммунистамъ. Весьма возможно, что Рогановъ уже на Соловкахъ вступилъ и въ коммунистическую партію, и въ ГПУ.

Весной 1925 года появился на свѣтъ Божій новый административный недоносокъ: «Эксплуатаціонно-коммерческая часть», при томъ же «Управленіи». Въ нее было включено и прежнее «Техническое бюро» съ тѣмъ же Рогановымъ. Во главѣ новой части былъ поставленъ заключенный Френкель. Любопытна его судьба: крупный австрійскій фабрикантъ и подрядчикъ, Френкель пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ въ Россію, заручившись всѣми необходимыми документами и даже приглашеніемъ двухъ совѣтскихъ министерствъ: финансовъ и внѣшней торговли. Въ моментъ заключенія Френкелемъ концессіоннаго договора съ высшими совѣтскими органами, его арестовало ГПУ, заявивъ, что Френкель, во-первыхъ, не выполнилъ взятыхъ на себя обязательствъ, а, во-вторыхъ, прибылъ въ Россію въ цѣляхъ военнаго шпіонажа! Фабрикантъ былъ посланъ на 5 лѣтъ въ Соловки.

Френкель какъ то снискалъ довѣріе къ себѣ со стороны Ногтева и Бокія, былъ сначала въ канцеляріи «Управленія», а съ весны 1925 года сталъ начальникомъ «Эксплуатаціонно-Коммерческой части».

«Кустарная работа» инженера Роганова по колоссальному надувательству центра Френкелемъ была введена въ правильное русло. Постоянно надуваемый изнутри бывшимъ фабрикантомъ и поддерживаемый снаружи Ногтевымъ, этотъ грандіозный мыльный пузырь достоинъ былъ бы увѣковѣченія въ качествѣ памятника не только «хозяйственной работы» на Соловкахъ, но и вообще всей совѣтской «промышленности» въ цѣломъ; послѣдняя также есть ничто иное, какъ сплошное надувательство и своего народа, и иностранцевъ и, очень часто, самихъ себя.

Дѣятельность «Эксплуатаціоино-коммерческой части» могла бы послужить достаточнымъ матеріаломъ для увѣсистаго юмористическаго сборника или для книги уголовныхъ дѣяній и подозрительныхъ аферъ. Ограничусь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ.

Выплывъ иа соловецкую поверхность, Френкель тотчасъ же началъ строить желѣзную дорогу на островѣ, стоившую крупныхъ денегъ и большого труда. Дорога эта совершенно безполезна, ибо заключенные крѣпко припаяны къ своей тюрьмѣ, свободнаго населенія на островѣ нѣтъ и, слѣдовательно, ѣздить по желѣзной дорогѣ некому абсолютно. Френкель выдумалъ геніальный планъ: вывозить на материкъ дрова. Но неумѣлое веденіе лѣсного хозяйства давно уже уничтожило лѣса. Кромѣ того, расходы по перевозкѣ дровъ на материкъ совершенно не оправдываются, такая перевозка даетъ одни убытки, что было ясно и до постройки желѣзной дороги. Однако, полотно было проложено, милліоны были истрачены, а въ результатѣ — въ настоящее время желѣзная дорога, никому не нужная, уже заброшена. Зато Ногтевъ и компанія лишній разъ напомнили о своемъ существованіи московскому ГПУ:

— Мы построили па Соловкахъ желѣзную дорогу!..

И, конечно, положили въ свой карманъ не одну сотню тысячъ!

Годъ тому назадъ соловецкіе «хозяйственники» начали строить верстахъ въ трехъ отъ Кремля кирпичный заводъ. Глина въ Соловкахъ очень плохая, да и выдѣлывался кирпичъ ручнымъ способомъ. Когда повезли пробу въ Кемь, тамъ поднялся хохотъ: кирпичъ уже при кладкѣ разламывался на части.

Это не смутило Френкеля и Рогаиова. Были вытребованы новые кредиты на дурацкую затѣю, выписаны изъ Россіи спеціальныя машины. Однако, въ лагерѣ не нашлось спеціалистовъ по этому дѣлу, кирпичъ по-прежнему выходилъ бракованный. Тогда было рѣшено, что необходимо производить «зимнюю формовку кирпича». Въ лютые морозы заключенные много недѣль лѣпили глину, выросли у Кремля цѣлыя горы кирпича. Но въ одну особенно морозную ночь весь кирпичъ неожиданно треснулъ!

Разъ въ Москву былъ посланъ ослѣпительный рапортъ о томъ, что «Соловецкій лагерь въ ближайшемъ будущемъ сможетъ поставлять кирпичъ для всего сѣвера СССР», — надо было продолжать столь успѣшное дѣло, несмотря на неудачи. Къ кирпичному заводу была проложена новая вѣтка желѣзной дороги; испорченный кирпичъ цѣлыми эшелонами доставлялся къ пристани, имъ были нагружены всѣ имѣвшіеся въ распоряженіи Френкеля пароходы. Кирпичъ торжественно повезли продавать въ Кемь и въ Архангельскъ.

Уже на материкѣ выяснилось, что для оплаты стоимости провоза, нагрузки и выгрузки соловецкаго кирпича необходимо не только отдать весь кирпичъ совершенно безплатно, но и еще доплатить тому, кто бы взялъ эту гниль. Покупателей на кирпичъ не нашлось. Пароходы простояли нѣкоторое время въ Кеми и Александровскѣ и, не дождавшись покупателей, вывалили кирпичъ на пристани и ушли обратно въ Соловки!

И все же Ногтевъ и «Эксплуатаціонно-коммерческая часть» по-прежнему продолжали радовать сердце Дзержинскаго фантастическимъ снабженіемъ всего сѣвера СССР соловецкимъ кирпичемъ, хотя самъ кирпичный заводъ уже заброшенъ.

То же вышло, какъ я уже упоминалъ, и съ смѣхотворной затѣей устроить на Соловкахъ заводъ для гонки смолы. Для этого не оказалось сырья; стоившій большихъ денегъ заводъ забросили.

Характерной чертой Соловковъ является выполненіе сложныхъ техническихъ заданій въ порядкѣ административнаго приказа, не имѣющаго ничего общаго со здравымъ смысломъ. Мнѣніе заключенныхъ инженеровъ совершенно не принимается во вниманіе.

Такъ, пришелъ въ совершенно негодное состояніе пароходъ «Глѣбъ Бокій» (раньше «Жижгинъ»). Его начали ремонтировать домашними средствами. Когда ремонтъ коснулся винта, Ногтеву вдругъ понадобилось срочно спустить паро-

ходъ на воду. Предупрежденіе, что безъ винта пароходъ не можетъ двигаться, было признано «злостной контръ-революціей» и Ногтевъ приказалъ:

— Немедленно спустить пароходъ!..

«Глѣбъ Бокій» чуть не затонулъ. Съ трудомъ спасенный, онъ всю навигацію неподвижно простоялъ въ соловецкой гавани, не имѣя возможности — безъ винта — двинуться съ мѣста! И такихъ примѣровъ — сколько угодно.

«Управленіе сѣверными лагерями особаго назначенія» сказочное богатство давно уже нищаго Соловецкаго монастыря хотѣло обосновать на слишкомъ зыбкой почвѣ — безплатномъ трудѣ заключенныхъ. Понятно, эти чекистскія мечты съ грохотомъ рухнули сразу же. Никакого стимула въ работѣ въ Соловкахъ нѣтъ. Не только не получая за свою работу ни копѣйки, но и болѣе-менѣе человѣческаго отношенія, каждый заключенный стремится работать возможно меньше и хуже. Всѣ скрываютъ свою спеціальность; поэтому даже плотниковъ, пекарей, печниковъ, которыхъ немало среди заключенныхъ - уголовныхъ, «Управленію» приходится привлекать со стороны, нанимая ихъ на материкѣ. Что, кромѣ неминуемаго краха, можетъ выйти изъ такого «хозяйства»?

Всѣ заключенные по инерціи, а часть изъ нихъ и съ сознательной задней мыслью безпрекословно выполняютъ явно ненормальныя распоряженія администраціи и ея «хозяйственныхъ, техническихъ, коммерческихъ» и иныхъ органовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вина за всякаго рода неудачи всегда падаетъ на головы именно заключенныхъ, хотя ихъ всегда и всюду заставляютъ дѣлать то, что противорѣчитъ элементарнымъ законамъ хозяйственнаго расчета и здраваго смысла.

Въ послѣднее время Френкель увлекается новымъ «дѣломъ»: въ самомъ Кремлѣ и въ нѣкоторыхъ скитахъ открываются небольшіе казенные магазины. Въ нихъ имѣются любые товары: обувь, одежда, продукты питанія, даже вино. Такъ какъ всѣ получаемыя заключенными отъ родныхъ деньги отбираются администраціей и вносятся на особый счетъ, откуда и выдаются по особому каждый разъ требованію и разрѣшенію, то въ соловецкихъ лавочкахъ можно покупать и въ кредитъ, разъ вы имѣете деньги на своемъ счету. Все это не могло бы вызвать возраженій, если бы цѣны лавочекъ были нормальны. Но этого-то и нѣтъ. Все въ Соловкахъ дороже обще-совѣтскихъ цѣнъ минимумъ на 50 проц. (очень часто и на 100 проц.). Такимъ образомъ, происходитъ планомѣрный грабежъ заключенныхъ въ пользу администраціи, чекистовъ и красноармейцевъ, имѣющихъ право покупать все имъ необходимое ниже ихъ рыночной цѣнности (тоже на 50—100 проц.).

Само собой разумѣется, лишь малая часть заключенныхъ получаетъ изъ дому помощь деньгами. Большинство изъ нихъ, передъ отправленіемъ на Соловки, бываетъ свидѣтелями того, какъ ГПУ конфискуетъ у ихъ родныхъ все имущество за «укрывательство контръ-революціонеровъ». Но даже получающіе деньги не всегда могутъ употребить ихъ на свои нужды: часто чекисты лишаютъ того или иного заключеннаго права полученія денежныхъ посылокъ за какой нибудь «проступокъ», присваивая деньги себѣ. Надо ли говорить, какъ злоупотребляетъ администрація этимъ захватнымъ правомъ, какъ часто чекисты промышляютъ этимъ грабежомъ, обрекая заключенныхъ на голодъ.

Посылки съ вещами и продуктами въ лагерѣ получаются чаще, чѣмъ денежныя, но и здѣсь мы сталкиваемся съ той же спекуляціей на голодѣ: администрація всячески задерживаетъ полученіе заключенными ихъ посылокъ, вынуждая ихъ покупать все необходимое въ лавочкахъ Френкеля по страшно вздутымъ цѣнамъ.

Помимо самого факта явно спекулятивнаго характера соловецкихъ лавочекъ и ларьковъ, послѣдніе есть ничто иное какъ насмѣшка надъ «сѣверными лагерями особаго назначенія», новое яркое доказательство поразительнаго неравенства въ правахъ не только совѣтскихъ «свободныхъ» гражданъ, но и совѣтскихъ арестантовъ. По закону «Слон» — лагерь принудительныхъ работъ, съ крайне тяжелымъ режимомъ, скудной пищей, моральнымъ и физическимъ гнетомъ.

Соловецкіе же ларьки и поголовная продажность администраціи привели къ тому, что попадающіе въ Соловки спекулянты, аферисты, фальшивомонетчики, крупные представители уголовнаго міра и вообще лица, имѣющія и въ тюрьмѣ большія деньги, живутъ въ «Слон»'ѣ не хуже, чѣмъ въ своей квартирѣ, при помощи взятокъ освобождаются отъ работъ, покупаютъ въ ларькахъ щегольское платье, одежду, бѣлье, вино, устраиваются — тоже за взятку — въ отдѣльныхъ комнатахъ, даже нанимаютъ прислугу изъ числа безденежныхъ заключенныхъ!

Такимъ образомъ: ни характеръ вашего «преступленія», ни тяжесть вынесеннаго вамъ ГПУ приговора — не имѣютъ на Соловкахъ абсолютно никакого значенія. Есть у васъ деньги — къ вашему голосу прислушивается самъ Ногтевъ (берущій обычно не менѣе 100 рублей), къ вашимъ услугамъ всѣ чекисты и всѣ ларьки. Денегъ нѣтъ — вы буквально умираете съ голоду. А такъ какъ подавляющее большинство заключенныхъ — нищіе «контръ-революціонеры», то колоссальная разница въ положеніи между ними и барствующими спекулянтами просто рѣжетъ глаза.

«Хозяйственная часть» находится въ подчиненіи «Эксплуатаціонно-коммерческой». Функціи ея: выдача пайковъ, вещевого довольствія и пр. Какую одежду выдаютъ на Соловкахъ и какъ трудно получить даже залитые кровью штаны съ разстрѣляннаго, я уже говорилъ. Въ слѣдующей главѣ я подробнѣе остановлюсь на другой области дѣятельности «хозяйственной части» — выдачѣ пайковъ.

«Финансово-счетная часть»...

Даже на фонѣ обще-соловецкаго административнаго произвола, преступности и исключительнаго канцелярскаго хаоса «Финансово-счетная часть» выдѣляется своимъ ярко-уголовнымъ характеромъ. Цѣлый букетъ подлоговъ, растратъ, фальшивыхъ счетовъ поражаютъ съ перваго же знакомства всякаго, кто имѣетъ случай познакомиться съ «дѣлопроизводствомъ» этого учрежденія. Повидимому, дѣла «Финансово-счетной части» ведутся намѣренно въ грандіозномъ хаосѣ, дабы никакая ревизія изъ центра не смогла въ нихъ ничего понять.

Нѣкоторое время тому назадъ въ «Финансово-счетную часть» былъ привлеченъ опытный счетоводъ изъ заключенныхъ (бывшій чиновникъ таможеннаго вѣдомства); проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ направилъ было по правильному руслу этотъ потокъ бумагъ, отношеній, сношеній, счетовъ и вѣдомостей, почти всегда вымышленныхъ. Но это не понравилось тѣмъ, кому выгоденъ былъ хаосъ «Финансово-счетной части», таможеннаго чиновника изгнали изъ канцеляріи.

Начальникомъ «Финансово-счетной части» является Соколовъ, Константинъ Николаевичъ. Онъ — бывшій счетоводъ въ одномъ изъ губернскихъ отдѣленій государственнаго банка.

У меня не хватаетъ словъ въ достаточной мѣрѣ обрисовать всю мерзость и подлость этого человѣка. Соколовъ — «вольнонаемный» (то-есть не изъ числа заключенныхъ), по собственному желанію прибылъ на службу въ Соловки, чего одного уже достаточно: для этого надо было заранѣе заглушить въ себѣ и совѣсть, и состраданіе къ соловецкимъ мученикамъ. Не только не чекистъ, но даже и не коммунистъ, Соколовъ въ дѣйствительности ни въ чемъ не уступаетъ старымъ чекистамъ. На каждомъ шагу онъ даетъ понять, что онъ не просто лояленъ къ ГПУ, но и всемѣрно поддерживаетъ его въ дѣлѣ наибольшаго глумленія надъ заключенными.

Соколовъ для всего лагеря ненавистнѣе любого коммуниста, ибо послѣдній въ Соловкахъ творитъ гадости, промышляетъ шпіонажемъ и доносами открыто, начальникъ же «Финансово-счетной части» ведетъ скрытную игру на крови и страданіяхъ «контръ-революціонеровъ». Спросите любого «каэра» о Соколовѣ, вамъ отвѣтятъ:

«Этотъ — врагъ для всѣхъ. Это отъявленный негодяй».

Соколовъ силой принуждаетъ всѣхъ прибывающихъ въ Солоеки молодыхъ женщинъ служить у него въ канцеляріи и на глазахъ у всѣхъ насилуетъ ихъ, зная, что это сойдетъ ему съ рукъ, ибо вся безъ исключенія администрація безнаказанно вотъ уже сколько лѣтъ глумится надъ заключенными женщинами. Страшно сказать, но даже въ средѣ самихъ заключенныхъ безчисленные случаи насилій надъ женщинами уже не производятъ впечатлѣнія, до того это гнусное преступленіе стало обычнымъ въ лагерѣ.

«Военная часть» вѣдаетъ управленіемъ, снабженіемъ и питаніемъ расположенныхъ на Соловецкихъ островахъ красноармейцевъ. Охраняются Соловки такъ называемымъ «Соловецкимъ полкомъ особаго назначенія войскъ ГПУ», въ составѣ 600 штыковъ (полкъ пѣхотный). Кромѣ того, при надобности обязанности караульныхъ и конвойныхъ несетъ вооруженная револьверами «Команда надзора» и «Рота чекистовъ».

«Соловецкій полкъ особаго назначенія» сносво одѣтъ и достаточно хорошо вооруженъ (кромѣ винтовокъ имѣется много пулеметовъ). Былъ даже проектъ ввести артиллерію. Солдаты полка въ большинствѣ не коммунисты, но ГПУ заставило ихъ служить себѣ не за страхъ, а за совѣсть отчасти разнаго рода поблажками, выдачей «усиленнаго» или «сѣвернаго пайка», разрѣшеніемъ пьянствовать и насиловать женщинъ, отчасти суровой расправой съ непокорными. Почти всѣ красноармейцы изъ рабочихъ.

Ногтеву все время мерещится нападеніе «иностранной буржуазіи» на Соловки съ цѣлью освободить заключенныхъ. Поэтому весьма часто производятся разнаго рода ложныя тревоги, строевыя ученія, пулеметная и ружейная стрѣльба, защита острова отъ воображаемой «буржуазной эскадры». Конечно, серьезной реальной силы соловецкій полкъ не представляетъ. Достаточный для охраны (и разстрѣла) безоружныхъ заключенныхъ, онъ безусловно не выдержалъ бы натиска отряда и втрое меньшаго его по численности. Соловецкіе красноармейцы крайне распущены, труслявы, какъ и вся красная армія.

Я уже упоминалъ, что комендантъ Соловковъ латышъ Ауке арестовалъ прежняго командира «Соловецкаго полка особаго назначенія» Лыкова и комиссара того же полка Кукина за ихъ противодѣйствіе въ вопросѣ о передачѣ полка изъ состава Петербургскаго военнаго округа въ исключительное вѣдѣніе ГПУ.

Теперь командиромъ полка является чекистъ Петровъ, всецѣло подчиняющійся и въ чисто военномъ отношеніи только ГПУ.

IV

Съ открытіемъ навигаціи и освобожденіемъ Бѣлаго моря отъ ледяныхъ заторовъ въ Соловки начинаютъ прибывать новыя партіи «враговъ совѣтской власти». Изо всѣхъ угловъ необъятной Россіи столичныя, губернскія и уѣздныя ГПУ посылаютъ въ «Слон» своихъ «государственныхъ преступниковъ».

Наибольшій притокъ заключенныхъ въ Соловки наблюдается весной и въ концѣ осени. Въ первомъ случаѣ привозятъ тѣхъ, кто въ періодъ замерзанія Бѣлаго моря ожидалъ своей отправки въ концентраціонный лагерь въ тюрьмахъ внутренней Россіи (главнымъ образомъ, въ московской Бутырской тюрьмѣ и на Шпалерной въ Петербургѣ). Во второмъ случаѣ — поздней осенью — въ соловецкій лагерь вливается широкая волна «амнистированныхъ контръ-революціоверовъ».

Дѣло въ томъ, что обманывая Европу своей «гуманностью», совѣтское правительство обычно ежегодно объявляетъ амнистію «всѣмъ врагамъ рабоче-крестьянской власти», пріурочивая эту амнистію ко дню совѣтскаго переворота — 25 октября (7 ноября по новому стилю). Но то же «гуманное» правительство, черезъ органы ГПУ, одновременно отдаетъ мѣстнымъ властямъ тайный приказъ примѣнять амнистію лишь къ уголовному элементу. Поэтому провинціальные

органы ГПУ «амнистируютъ» своихъ заключенныхъ слѣдующимъ способомъ (регулярно повторяющимся каждый годъ): за нѣсколько недѣль, а иногда и за день до 25 октября часть «контръ-революціонеровъ» разстрѣливается «въ ударномъ порядкѣ», остальные спѣшно отправляются въ Соловки. Послѣдніе, по изданному еще въ 1923 году декрету Дзержинскаго, никакой амнистіи не подлежатъ.

Въ день октябрьскаго переворота на свободу изъ тюремъ выпускаются амнистированные воры-профессіоналы, убійцы, фальшивомонетчики, спекулянты, которыхъ совѣтская пресса на весь міръ аттестуетъ какъ «освобожденныхъ и прощенныхъ гуманной коммунистической властью политическихъ преступниковъ»!

Этотъ наглый обманъ иностраннаго общественнаго мнѣнія повторяется каждую осень. Къ сожалѣнію, есть люди, попадающіеся на эту провокаторскую удочку.

Прибытіе каждой новой партіи заключенныхъ совершается всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ:

Изъ Кеми заключенныхъ привозятъ на баржѣ «Клара Цеткина». Эта баржа была оставлена помогавшими генералу Миллеру англичанами.

Везутъ заключенныхъ въ трюмѣ баржи. Трюмъ этотъ довольно великъ, но «контръ-революціонеровъ» всегда такъ много, что люди задыхаются въ немъ. Часто люди вынуждены всю дорогу стоять въ полной темнотѣ, ибо даже сѣсть нельзя изъ-за отсутствія мѣста, свѣтъ же въ трюмъ не проникаетъ. Слѣдуетъ упомянуть, что въ пути никакой пищи не выдается.

Соловецкая гавань расположена въ 300, приблизительно, саженяхъ отъ Кремля. Какъ только къ пристани подходитъ «Клара Цеткина» съ новой партіей заключенныхъ, вся гавань оцѣпляется красноармейцами. Никого къ пристани не пропускаютъ, кромѣ дежурныхъ изъ чекистской «Роты надзора».

Вы сразу же чувствуете, куда попали. Вы сразу же понимаете, что это не ссылка, не вольное поселеніе, а тюрьма съ самымъ жестокимъ режимомъ.

Заключенныхъ выстраиваютъ въ колонну, по 4 человѣка врядъ. Производится перекличка вновь прибывшимъ по сопроводительному списку. Безпрерывно слышится самая мерзкая брань и издѣвательства со стороны чекистовъ. Послѣ переклички партію въ воинскомъ порядкѣ ведутъ въ Кремль, въ одинъ изъ ограбленныхъ до-чиста соборовъ (Преображенскій) для обыска. Цѣпь конвоировъ окружаетъ партію со всѣхъ сторонъ.

Я самъ подвергался этому иступительному обыску, видѣлъ какъ обыскивали другихъ. Это — замаскированный грабежъ. Какое оружіе, какая антисовѣтская литература можетъ быть у людей, обысканныхъ до Соловковъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать и въ центральной Россіи, и въ петроградскомъ ГПУ, и въ Кеми, и на Поповомъ островѣ?! Или чекисты думаютъ, что это оружіе или литература сваливаются на «Клару Цеткину» съ неба по пути изъ Кеми въ Соловки?

Обыскъ производится по особой инструкціи, которая предусматриваетъ отобраніе у заключенныхъ всѣхъ цѣнныхъ вещей, денегъ, часовъ и кожаныхъ издѣлій. Женщинъ обыскиваютъ здѣсь же, совершенно не щадя ихъ стыдливости, раздѣвая ихъ при всѣхъ, глумясь надъ ними. Если кто пытается скрыть что либо — скрытое немедленно конфискуется, а виновный попадаетъ въ карцеръ.

Прикрываясь видимостью «законности», соловецкіе чекисты выдаютъ особыя расписки съ перечисленіемъ отобранныхъ вещей. Многіе заключенные тутъ же рвутъ эти записки на мелкія части, ибо, конечно, нѣтъ никакой надежды получить свое имущество обратно. Вещи выдаются лишь чекистамъ и тѣмъ изъ заключенныхъ, которые сумѣли втереться въ ихъ довѣріе.

Послѣ обыска партія разбивается на части: «контръ-революціонеры», уголовные (такъ называемая «шпана») и заключенные-чекисты. Пользующіеся значительными привилегіями «политическіе и партійные» (бывшіе соціалисты) и до-

ставляются въ Соловки, и обыскиваются совершенно отдѣльно отъ «контръ-революціонеровъ» и «шпаны».

Послѣ разбивки на группы прибывшіе чекисты получаютъ назначенія по своей «спеціальности», а къ «контръ-революціонерамъ» вызываются «ротные командиры».

Составленные изъ агентовъ ГПУ и наиболѣе опустившагося уголовнаго сброда, «ротные командиры» безпрерывно стараются угодить высшему соловецкому начальству безжалостнымъ притѣсненіемъ заключенныхъ. Это — лагерный «комсоставъ» (командный составъ), играющій роль самодержавныхъ царьковъ, во власти которыхъ казнить и миловать. «Ротные командиры» съ недавнихъ поръ имѣютъ особую форму: темно-синій костюмъ, околышъ фуражки и петлицы — сѣрыя.

Вновь прибывшіе разбиваются на роты, послѣ чего каждый «ротный командиръ» обычно обращается къ своимъ новымъ рабамъ съ длинной рѣчью. Она сплошь заполнена нецензурной бранью, грубыми наставленіями, какъ себя вести въ лагерѣ, угрозами за малѣйшее отступленіе отъ соловецкихъ правилъ поплатиться жизнью.

Затѣмъ сразу же начинается «военное обученіе». Каждый «ротный командиръ» заставляетъ уставшихъ въ безконечномъ пути, голодныхъ, полураздѣтыхъ людей производить сложныя построенія, повороты. Отовсюду слышатся возгласы «начальства»:

«Отвѣчать, какъ командиру роты!»

«Отвѣчать, какъ командиру полка!»

«Какъ начальнику лагеря!»

Въ отвѣтъ слышатся нестройные крики заключенныхъ:

«Здрась...» — съ прибавленіемъ соотвѣтствующаго чина «начальства».

«Ротные командиры» требуютъ большей согласованности въ отвѣтахъ. Раздаются, пересыпанныя базарной бранью, новыя приказанія:

«Еще разъ! Еще разъ!»...

Новое «здрась...», новая брань. И такъ порой продолжается до ночи. Дурацкая игра въ солдатики совершенно сбиваетъ съ ногъ каждую новую партію «контръ-революціонеровъ» и «шпаны». («Политическіе и партійные» муштрѣ не подвергаются, ихъ сразу же отвозятъ на скиты).

Послѣ муштры заключенные размѣщаются въ «рабочихъ корпусахъ» и соборахъ. Послѣдніе первое время были закрѣплены за музейнымъ отдѣломъ комиссаріата народнаго просвѣщенія. Но скоро ГПУ потребовало передачи ихъ въ свое вѣдѣніе. Да и делегаты наркомпроса убѣдились на мѣстѣ, что никакого матеріала для музеевъ въ соборахъ давно уже нѣтъ, все разграблено, разбито и сожжено.

Сплошь заставленные «топчанами» (деревянными койками) соборы для жилья въ нихъ абсолютно не пригодны. Всѣ крыши дырявыя, всегда сырость, чадъ и холодъ. Для отопленія нѣтъ дровъ, да и печи испорчены. Ремонтировать соборы «Управленіе» не хочетъ, полагая — не безъ основанія — что именно такія невыносимыя условія жизни скорѣе сведутъ въ могилу беззащитныхъ обитателей соборовъ.

Вѣчный гнетъ, полное безправіе, скотская жизнь скоро приводитъ къ тому, что вновь прибывшая партія быстро теряетъ человѣческій видъ. Люди въ Соловкахъ, незамѣтно, можетъ быть, для самихъ себя, звѣрѣютъ. Появляется полнѣйшая апатія ко всему, что не имѣетъ отношенія къ куску хлѣба. Многіе интеллигентные заключенные недѣлями не моются, свыкаются съ милліонами вшей, покрывающими ихъ тѣла, топчаны, полъ и стѣны ихъ жилищъ. Отсутствіе умственныхъ интересовъ, книгъ и газетъ превращаетъ ихъ мозги въ разжиженную, покорную всѣмъ постороннимъ вліяніямъ слизь. Очень и очень многіе въ концѣ концовъ кончаютъ безуміемъ.

Всѣ новички, попавъ въ лагерь, теряются. Соборы и «рабочіе корпуса» всегда напоминаютъ больницу для буйно-помѣшанныхъ. Начальство всѣхъ ранговъ и положеній безпрерывно отдаетъ порой просто невыполнимыя приказанія, бьетъ непослушныхъ, кричитъ, ругается. Все время команды, ученія, репрессіи за «недостаточную дисциплину». Никто ни на одну минуту не предоставленъ самому себѣ.

Опасаясь побѣговъ заключенныхъ, начальство кстати и некстати производитъ провѣрку. Первая, утренняя провѣрка производится зимой въ 7 часовъ утра, лѣтомъ въ 6 (вставать заключенные обязаны въ 5 часовъ утра). Всѣ повѣрки изнурительно долги. Здѣсь тоже слышится безконечная брань, и «командиры ротъ» снова учатъ, какъ отвѣчать начальству, какъ исполнять тѣ или иныя команды въ строю.

Послѣдняя энергія въ Соловкахъ уходитъ на непосильный трудъ.

Незначительную часть заключенныхъ (человѣкъ около 300), по прямой инструкціи центра или распоряженію мѣстныхъ властей, вовсе не выпускаютъ изъ лагеря на внѣшнія работы, изъ опасеній побѣга. Эта часть заключенныхъ работаетъ внутри лагеря и Кремля по уборкѣ помѣщеній, рубкѣ дровъ, чисткѣ снѣга, выполняетъ подсобныя работы въ «ротѣ спеціалистовъ», служитъ поварами, лакеями и конюхами у чекистовъ.

Не разрѣшая нѣкоторымъ заключеннымъ выходить за предѣлы лагеря, чѣмъ предполагалось наказать «подозрительныхъ по побѣгу» людей, чекисты въ дѣйствительности оказали имъ услугу, ибо «внѣшнія работы» по своей тяжести оставляютъ далеко позади работы «внутреннія».

Работаютъ въ Соловкахъ всегда. Никакихъ воскресеній и праздниковъ нѣтъ. Не дѣлается исключеній и для особо священныхъ для христіанъ дней: Рождества Христова и Пасхи. Наоборотъ, многіе надсмотрщики-чекисты на Рождество и на Пасху заставляютъ заключенныхъ работать вдвое.

Въ отдѣлѣ «Трудъ заключенныхъ» особаго «Секретнаго положенія о сѣверныхъ лагеряхъ особаго назначенія» (разработаннаго еще въ 1923 году ГПУ и утвержденнаго комиссіей ВЦИК'а) сказано:

«Въ лагеряхъ устанавливается восьмичасовый рабочій день».

Фраза эта — горькое издѣвательство надъ людьми, которымъ и 10-часовый день кажется мечтой. Въ Соловкахъ заключенные работаютъ 12 часовъ. Рабочіе часы иногда еще удлиняются, по простому распоряженію «десятника». («Десятники» — выдѣленные изъ среды заключенныхъ же помощники «командировъ рабочихъ ротъ», на каторжномъ трудѣ заключенныхъ дѣлающихъ себѣ карьеру). Въ особенности это относится къ днямъ, когда «Управленію» бываетъ угодно устраивать «ударники», «субботники» и пр. Въ такихъ случаяхъ никакихъ сроковъ нѣтъ. Работаютъ буквально до потери сознанія.

Существуютъ особыя привиллегированныя работы: на пароходахъ, командировки въ различныя части Соловецкаго и другихъ острововъ на заводы, рыбную ловлю, сборъ сѣна и пр. Артели такихъ рабочихъ живутъ при своихъ заводахъ, тоняхъ и т. д., въ виду чего и чувствуютъ они себя свободнѣе, и чекистовъ вокругъ нихъ меньше. Попасть на такую работу очень нелегко. Въ командировки посылаются обычно совершенно надежные и преданные администраціи заключенные изъ числа «шпаны».

Остальная же масса заключенныхъ ежедневно выводится изъ лагеря въ военномъ порядкѣ, по-ротно, окруженная карауломъ и чекистами на рубку лѣса, разработку торфа, сплавъ «балановъ» (лѣса). Кромѣ того заключенные грузятъ и выгружаютъ пароходы и баржи, осушаютъ болота, проводятъ новыя дороги (грунтовыя и желѣзно-дорожныя) и ремонтируютъ старыя.

Самый тяжелый трудъ — разработка торфа. Минимумъ заданія очень высокъ, еле успѣваешь къ наступленію мрака выполнить свою долю. Приходится все время стоять по колѣно въ водѣ. Но только высокихъ сапогъ, но зачастую и плохихъ ботинокъ у заключенныхъ нѣтъ; люди ранней весной и поздней осенью

леденѣютъ отъ холода. Къ этому надо прибавить необычайное обиліе комаровъ и особыхъ ядовитыхъ мухъ, превращающихъ работу на торфѣ и по осушкѣ болотъ въ сплошную пытку.

Очень тяжело достается заключеннымъ и рубка лѣса, въ особенности въ зимнее время. Необходимо срубить, очистить отъ вѣтокъ, распилить и сложить кубическую сажень въ день. Всѣ заключенные разбиваются на партіи по 3 человѣка: 2 человѣка пилятъ, третій рубитъ. Мерзнутъ руки, ноги, тѣло, еле покрытое тряпьемъ. Работать приходится въ глубокомъ снѣгу и значительную часть дня во мракѣ (на Соловкахъ дни очень кратки, свѣтло бываетъ часа 4—5).

По изнурительности и условіямъ работы сплавъ «балановъ» не уступаетъ лѣсорубкѣ. Приходится по глубокому снѣгу тащить тяжелыя, сучковатыя бревна къ берегу. Каждый заключенный обязанъ притащить къ берегу не менѣе полукуба. Лѣтомъ эти бревна сплавляются къ материку по морю.

Рабочіе «контръ-революціонеры» буквально падаютъ съ ногъ, выполняя свой минимумъ, въ то время какъ «шпана», пользуясь своимъ привилегированнымъ, сравнительно съ «каэрами», положеніемъ, всячески уклоняется отъ работы или выполняетъ ее крайне недобросовѣстно. «Шпана» изобрѣла цѣлый рядъ порой остроумныхъ штукъ для обмана надсмотрщиковъ.

Такъ, при сплавѣ балановъ уголовные очень часто «хоронятъ покойниковъ»: особо тяжелыя и сучковатыя бревна, незамѣтно для администраціи, прячутся подъ близъ расположеннымъ кустомъ и засыпаются снѣгомъ. Это гораздо легче, чѣмъ тащить такой баланъ до самаго берега. Обычно въ такихъ случаяхъ одинъ изъ рабочихъ-уголовныхъ, за которыми меньше присматриваютъ на работахъ, стоитъ на стражѣ, а другой «хоронитъ». Каждую весну, послѣ таянья снѣга, неожиданно всплываютъ тысячи «покойниковъ».

Проводя надсмотрщиковъ, «шпана» долгое время умудрялась, при рубкѣ лѣса, сдавать бревна съ сучьями или одинъ и тотъ же кубъ дровъ сдавать 2 или даже 3 раза, что позволяло и раньше кончить свою трудовую повинность и прослыть «хорошими рабочими». Это было въ концѣ концовъ замѣчено, и администрація стала отмѣчать каждый уже принятый кубъ особымъ клеймомъ: «Принято». Однако, и это не помогло: «шпана» спиливала клеймо и снова сдавала все тотъ же кубъ. То же наблюдается и теперь.

Само собой разумѣется, весь тотъ трудъ, отъ котораго такъ или иначе уклоняется «шпана», ложится всецѣло на «каэровъ». Послѣдніе постоянно бываютъ вынуждены выполнить и свой, и чужой минимумъ.

Работать приходится при тѣхъ же условіяхъ гнета и постоянныхъ угрозъ. За своей спиной вы все время слышите щелканье курковъ и разговоры о томъ, что каждый плохо работающій будетъ тутъ же убитъ. Усталость или болѣзнь, понятно, считаются «буржуазными предразсудками».

Въ концѣ зимы 1925 года я былъ свидѣтелемъ такого случая: одинъ изъ заключенныхъ, больной старикъ изъ «каэровъ», незадолго до окончанія работъ совершенно выбился изъ силъ, упалъ въ снѣгъ и со слезами на глазахъ заявилъ, что онъ не въ состояніи больше работать. Одинъ изъ конвоировъ тутъ же взвелъ курокъ и выстрѣлилъ въ него. Трупъ старика долго не убирался «для устрашенія другихъ лѣнтяевъ»...

Хаотическая безсистемность, безпорядочное бросаніе изъ стороны въ сторону, отъ одного «геніальнаго» плана къ другому, столь характерное для всей соловецкой жизни, полностью наблюдается и на работахъ. Послѣднія не приносятъ почти никакой пользы «Управленію», ибо распоряженія однихъ «начальниковъ», однихъ надсмотрщиковъ сводятъ на нѣтъ или вносятъ колоссальную путаницу въ распоряженія другихъ. Каждый заключенный стремится вести себя на работахъ такъ, будто онъ дѣйствительно дѣлаетъ что то очень важное, въ дѣйствительности занимаясь хотя бы никому не нужнымъ перетаскиваніемъ одного бревна на мѣсто другого или наоборотъ. Тягостный, утомляющій трудъ пропадаетъ совершенно даромъ.

Хотя «Управленіе» не устаетъ «натаскивать» красноармейцевъ-конвоировъ противъ заключенныхъ, но въ смыслѣ взятокъ конвоиры ничѣмъ не отличаются отъ самого Ногтева. Угощая красноармейцевъ папиросами, подкармливая ихъ и пр., можно и облегчить свою работу и даже вовсе освободиться отъ нея. Такимъ образомъ, и въ области соловецкаго принудительнаго труда деньги имѣютъ первенствующее значеніе.

Мнѣ уже приходилось выше говорить, что на Соловкахъ очень распространены особыя словечки и цѣлыя фразы на своеобразномъ уголовно-чекистскомъ жаргонѣ. То и дѣло слышишь отовсюду такія слова, какъ: «стучать» (доносить, провоцировать), «стукачъ» (шпикъ), «идти налѣво» (быть разстрѣлянымъ), «сексотъ» и сексотка» (секретный сотрудникъ или сотрудница ГПУ), «шпана» или «шпанка» (уголовные, мужчина и женщина), «шмара» (чекистская любовница) и многое другое. Но чаще и упорнѣе всего вы слышите на Соловкахъ все то же, ставшее такимъ обычнымъ и понятнымъ, въ безконечныхъ варіяціяхъ и передѣлкахъ, слово:

«Блатъ».

Трудно совершенно точно опредѣлить значеніе этого уголовнаго выраженія. «Блатъ» — это смѣсь и собственной ловкости, умѣнія лавировать между подводными камнями соловецкаго режима, и протекція начальства, и та система общей подкупности и продажности, при которой за деньги, за подачку или лесть чекистамъ вы значительно облегчаете свое положеніе.

Въ Соловкахъ все дѣлается «по блату». Если заключенному какъ нибудь удается пройти въ «господскую баню» (т. е. не общую, только для администраціи), другіе заключенные говорятъ:

«Это онъ по блату».

Бываютъ «блатныя работы» (сравнительно легкія). Бываетъ и полное освобожденіе отъ работъ — по тому же «блату». Если заключенный встрѣчаетъ нѣкоторое послабленіе въ смыслѣ облегченія режима, улучшенія питанія, чаще пишетъ домой письма, даже просто здоровѣе и веселѣе другихъ заключенныхъ, весь лагерь знаетъ, что этотъ человѣкъ, путемъ ли взятки, путемъ ли особыхъ услугъ чекистамъ, но на нѣкоторое время отвелъ отъ себя тяжелую руку Ногтева, «командира роты» или надзирателя. О такомъ человѣкѣ неизмѣнно говорятъ:

«У него тамъ блатъ»... — причемъ подъ «тамъ» разумѣются соловецкія «высшія сферы».

«Всемогущій блатъ» — сила въ лагерѣ слишкомъ значительная и ярко бросающаяся въ глаза, чтобы можно было преувеличить ея значеніе. Недаромъ въ Соловкахъ слагаются и особыя пѣсенки, своего рода молитвы, посвященныя тому же «всемогущему блату».

Надо ли говорить, какой любовью пользуется все тотъ же «блатъ», когда дѣло касается полученія продуктовъ.

Какъ это ни странно, но въ первые годы существованія «Сѣверныхъ лагерей особаго назначенія», въ годы усиленнаго «краснаго террора», питаніе заключенныхъ было поставлено лучше, чѣмъ теперь, — относительно, конечно. Эвакуируя Архангельскій и Мурманскій фронты, бѣлая русская Армія генерала Миллера и англійскіе отряды оставили въ районѣ своихъ дѣйствій довольно значительное количество различныхъ продуктовъ и припасовъ: муку, сахаръ въ особыхъ кубикахъ, американское сало, консервы, мыло; было оставлено и нѣкоторое количество англійскаго обмундированія. За невозможностью изъ-за разстройства желѣзнодорожныхъ путей вывезти все это въ центръ, продукты выдавались заключеннымъ Соловецкаго лагеря. Правда, порціи всегда были чрезвычайно малы, всегда выдавались съ такимъ расчетомъ, чтобы люди не умерли лишь съ голоду, но запасы продуктовъ были и выдавались они регулярно и, главное, на руки — въ сухомъ видѣ.

Англійскіе продукты были скоро исчерпаны, и «Управленію» пришлось самому кормить заключенныхъ.

Въ настоящее время всѣ «контръ-революціонеры» и «шпана» получаютъ приблизительно три четверти фунта черного хлѣба въ день; къ выдачѣ полагается фунтъ, но при выпечкѣ хлѣба, при раздачѣ его «ротамъ» и дѣлежкѣ каждый «администраторъ» крадетъ по немногу, и въ конечномъ счетѣ фунтъ теряетъ по крайней мѣрѣ четверть. На хлѣбъ заключеннымъ идетъ худшая, часто испорченная мука. Выдается онъ сразу на недѣлю, а потому быстро черствѣетъ.

Тяжесть вашей работы не имѣетъ значенія, порція одна и та же для всѣхъ категорій рабочихъ. Порція эта, конечно, совершенно недостаточна даже для заключенныхъ-канцеляристовъ, не говоря ужъ о занятыхъ тяжелымъ физическимъ трудомъ на торфѣ или лѣсныхъ разработкахъ.

Сахаръ выдается въ микроскопическихъ дозахъ — ровно половина того, что полагается и проводится по книгамъ «хозяйственной части»; украденный у заключенныхъ сахаръ администрація продаетъ въ свою пользу. Въ цѣляхъ того же обкрадыванія, постоянно слышишь, что сахаръ «разсыпался въ пути, а потому хозяйственная часть вынуждена уменьшить выдачу»; раздатчики наливаютъ въ мѣшки съ сахаромъ (песочнымъ) воду, дабы увеличить его вѣсъ.

До послѣдняго времени заключенные совершенно не получали табаку, хотя табакъ изъ центра получался и по книгамъ лагеря значился выданнымъ. Одинъ изъ чекистовъ-заключенныхъ, отсидѣвъ свой срокъ и явившись въ Москву, сообщилъ объ этомъ въ «Хозяйственный отдѣлъ ГПУ», послѣ чего въ Соловкахъ стали выдавать табакъ (махорку) по четверть фунта въ недѣлю. Въ книгахъ же, какъ это я самъ видѣлъ неоднократно, значится, что табакъ выдается по полфунта въ недѣлю.

Чай, масло (постное), мыло и пр. совсѣмъ не выдается заключеннымъ, хотя они и присылаются изъ центра. Все это еще на материкѣ Ногтевъ и компанія продаютъ спекулянтамъ, присваивая деньги себѣ.

Горячая пища выдается 2 раза въ день: обѣдъ и ужинъ. Обѣдъ состоитъ изъ отвратительнаго супа на трескѣ безъ какихъ бы то ни было приправъ и двухъ ложекъ каши, обычно пшенной; на ужинъ — снова каша, тоже обычно пшенная (рѣдко гречневая), въ томъ же скудномъ количествѣ и безъ масла. Крупа для кашъ отпускается затхлая.

«Хозяйственная часть» доноситъ въ Москву о томъ, что «имѣющійся въ лагерѣ скотъ идетъ въ пищу заключеннымъ». Это, въ лучшемъ случаѣ, фантазія. Заключенные питаются исключительно треской, не всегда свѣжей. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ — по коммунистическимъ праздникамъ, напримѣръ, (7 ноября или 1 мая) — въ общую кухню съ бойни привозятся головы, ноги и хвосты зарѣзаннаго скота. Въ такіе дни несчастнымъ заключеннымъ нищенскій соловецкій обѣдъ кажется пиршествомъ Лукулла. Отдаются въ общую кухню и туши заболѣвшаго скота, въ результатѣ чего я былъ свидѣтелемъ ряда отравленій.

Мечта всего лагеря — получать продукты для обѣда и ужина на руки и самому готовить себѣ пищу — для подавляющаго большинства неосуществима. Такой порядокъ сузилъ бы рамки административнаго грабежа, а потому выдача продуктовъ на руки производится только «по блату». («Политическіе и партійные» получаютъ всѣ продукты только на руки; объ ихъ пайкѣ я буду говорить въ слѣдующей главѣ подробнѣе).

Читатель уже знаетъ, что по милости администраціи соловецкая «центро-кухня» находится рядомъ съ «центро-сортиромъ». Это обстоятельство, а также крайняя нечистоплотность поваровъ «центро-кухни» (исключительно изъ числа «шпаны») превратили кухню въ мерзостную клоаку. Только систематически голодающіе соловецкіе узники могутъ ѣсть эти вонючіе «обѣды» и «ужины». Всѣ вновь прибывающіе заключенные продолжительное время не могутъ безъ отвращенія и позывовъ къ рвотѣ подносить ложки ко рту.

Повара «центро-кухни» не только обкрадываютъ заключенныхъ при варкѣ и раздачѣ обѣдовъ и ужиновъ, но и отдаютъ всегда явное предпочтеніе своему

«классу» — такимъ же уголовнымъ, въ ущербъ «каэрамъ», никогда не получа-ющимъ полностью даже свои скудныя порціи.

Въ «центро-кухнѣ» почему-то никогда иѣтъ кипятку. Заключеннымъ сплошь да рядомъ приходится самимъ кипятить воду въ консервныхъ жестянкахъ.

Ни тарелокъ, ни ложекъ, ни ножей заключеннымъ въ Соловкахъ не выдает-ся. Все это «каэры» должны привозить съ собой или покупать въ соловецкихъ ларькахъ. Кто съ собой ложки не привезъ, а денегъ купить ее нѣтъ, — ѣстъ руками.

Опровергая «наглую клевету кровавой буржуазіи», правдивое московское ГПУ всѣмъ прибывающимъ въ Москву иностраннымъ рабочимъ делегаціямъ заявля-етъ, что заключенные въ Соловкахъ не только «получаютъ вполнѣ достаточный паекъ», но при особо тяжелыхъ работахъ, когда необходимо усиленное питаніе, имъ выдаются особыя суммы на руки помимо «вполнѣ достаточнаго» пайка.

Конечно, это чекистская басня. Весьма возможно, что «преміальныя» (въ размѣрѣ отъ 20 до 60 копѣекъ въ день) и полагаются; внѣ всякаго сомнѣнія, эти «преміальныя» проводятся въ отчетностяхъ лагеря, но никто изъ заключенныхъ никогда ни копѣйки не получалъ, не получаетъ и получать не будетъ. Въ нѣко-торомъ смыслѣ я могу считать себя «соловецкимъ старожиломъ»; привезенный изъ Архангельскаго лагеря, я прибылъ на Соловки въ первый же день ихъ пре-вращенія въ «Слонъ» и пробылъ въ нихъ около 3 лѣтъ. За этотъ періодъ я про-шелъ всю лѣстницу принудительныхъ работъ, отъ канцелярскихъ до торфа и лѣсорубокъ. Но ни разу за свой трудъ, въ чемъ бы онъ ни заключался, я не по-лучилъ ни одной копѣйки.

Выдача заключеннымъ «преміальныхъ» совершенно не соотвѣтствовала бы основному смыслу «сѣверныхъ лагерей особаго назначенія»: всяческими мѣрами, непосильнымъ трудомъ, голодомъ, моральнымъ и физическимъ гнетомъ обречь на смерть всѣхъ соловецкихъ узниковъ.

Строго слѣдуя своей цѣли, для чего, спрашивается, Дзержинскій, Бокій, Но-тевъ и прочіе — стали бы отдалять выдачей «преміальныхъ» столь желанную ги-бель «враговъ совѣтской власти»?

«Контръ-революціонеры» не только отдаютъ всѣ свои силы, весь свой трудъ въ жертву ненасытному ГПУ и его соловецкимъ агентамъ. Соловецкіе узники обязаны и развлекать лагерную администрацію.

Для этого и устроенъ (въ бывшей ризницѣ) «Культпросвѣтъ» — «культурно-просвѣтительный» блеффъ, яркими большевистскими плакатами, портретами бо-говъ коммунистическаго Олимпа, громкими словами прикрывающій свое убо-жество.

Столпъ и утвержденіе вообще всего совѣтскаго строя — реклама, бѣшеное раздуваніе «великихъ завоеваній октябрьской революціи», хотя бы эти завоеванія и ограничивались бы развитіемъ людоѣдства, поголовной неграмотности и вене-рическихъ заболѣваній. Тѣмъ же цѣлямъ саморекламы служитъ и соловецкій «Культпросвѣтъ»:

«Европейская кровавая буржуазія разноситъ небылицы о Соловкахъ, а въ лагерѣ даже культурная работа ведется»!..

Ведется же она такъ:

Къ принудительному труду въ «Культпросвѣтѣ» насильно привлекаются художественныя силы изъ числа заключенныхъ (въ лагерѣ довольно много пи-сателей, артистовъ, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ; обычно вся вина этихъ «контръ-революціонеровъ отъ искусства» заключается въ томъ, что они безстраш-но защищали старыя традиціи литературы, живописи, музыки и театра отъ без-дарно-футуристическихъ наскоковъ совѣтскихъ «геніевъ» типа Меерхольда). Эти подневольные культурные работники въ правахъ и обязанностяхъ ничѣмъ не отличаются отъ помѣщичьихъ труппъ эпохи крѣпостного права

Ихъ заставляютъ выступать въ пошлыхъ агитаціонныхъ спектакляхъ и кон-цертахъ, лубкахъ и пьескахъ, идеализирующихъ совѣтскую власть и лагерную

жизнь. Нашлись среди заключенныхъ актеровъ и подхалимы, «зарабатывающіе» расположеніе къ себѣ администраціи эксплуатаціей труда и таланта другихъ артистовъ, вынужденныхъ подъ угрозой репрессій развлекать чекистовъ подлинной игрой и смѣхомъ сквозь слезы. Таковы, напримѣръ, артистъ драмы Боринъ, человѣкъ не безъ театральныхъ способностей, но нравственно павшій, пьяница и плутъ, и нѣкій Армановъ, шарлатанъ и полнѣйшая бездарность, что, однако, не мѣшаетъ ему выдавать себя за артиста извѣстнаго московскаго театра Корша.

«Культработники» сведены въ особый «Коллективъ». Эта траги-комическая организація носитъ названіе, какъ нельзя болѣе ярко иллюстрирующее ея удѣльный художественный вѣсъ:

— Х л а м.

Это, вполнѣ официальное наименованіе, получилось въ результатѣ пресловутаго совѣтскаго сокращенія словъ: х(удожники), л(итераторы), а(ртисты), м(узыканты). Весь трагизмъ, вся бездна издѣвательства надъ настоящимъ искусствомъ станутъ читателю понятными, если сказать, что довольно продолжительное время въ пошлыхъ балаганахъ «х л а м а» вынужденъ былъ участвовать даже извѣстный Карповъ, бывшій режиссеръ петроградскаго Александринскаго театра!

Въ противовѣсъ «х л а м у» чекисты создали при томъ же «Культпросвѣтѣ» и коллективъ уголовныхъ «артистовъ», присвоивъ ему названіе — «с в о и». Театральная и просвѣтительная дѣятельность «шпаны» направлена, главнымъ образомъ, къ осмѣянію и поруганію «антилигентовъ». Администрація дѣятельно поддерживаетъ этихъ «с в о и х ъ» и травлю ими «каэровъ».

Кривлянье, клоунскія выходки на сценѣ «Культпросвѣта» ненормально бодрящихся, загнанныхъ и голодныхъ «каэровъ» производитъ жалкое впечатлѣніе. Громадное большинство заключенныхъ-интеллигентовъ не посѣщаетъ «культпросвѣтскихъ» спектаклей и концертовъ. Никогда не забуду, съ какой душевной горечью сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ моихъ товарищей по «рабочей ротѣ», видный русскій профессоръ:

— Бывать въ «Культпросвѣтѣ»? Но зачѣмъ? Чтобы еще глубже понять весь безысходный ужасъ своего положенія? Чтобы это издѣвательство надъ театромъ, надъ искусствомъ лишній разъ напомнило, что ты—безсловесный скотъ? Будь всѣ они прокляты!..

Спектакли, концерты и лекціи, расчитанные на пусканіе пыли въ глаза ГПУ и развлеченіе соловецкихъ помпадуровъ, бываютъ безплатные и платные. Въ первомъ случаѣ чекисты набиваютъ бывшую ризницу заключенными, заставляя ихъ выслушивать многочасовую чушь коммунистическихъ кликушъ. Во второмъ, когда ставятся глупые, часто непристойные фарсы, залъ переполненъ администраціей и заключенными-спекулянтами, устраивающимися и на Соловкахъ съ возможнымъ комфортомъ.

Эти платные спектакли снова убійственно для самихъ же большевиковъ подчеркиваютъ основной мотивъ соловецкаго быта: имѣющій деньги нэпманъ даже въ концентраціонномъ лагерѣ живетъ «какъ дома».

Демагоги, «равенство» своей программы превратившіе въ небывалый гнетъ меньшинства надъ большинствомъ, то же неоспоримое «завоеваніе октября» ввели и въ тюрьму!

«Культпросвѣтъ» получаетъ изъ центра нѣсколько журналовъ и газетъ: «Безбожникъ», «Извѣстія ВЦИК'а», московскую и петроградскую «Правду» и др.

Благодаря нерегулярному сообщенію лѣтомъ и полному прекращенію всякой связи съ материкомъ зимой газеты эти приходятъ часто нѣсколько мѣсяцевъ спустя по ихъ выходѣ въ Москвѣ или Петроградѣ, а потому ихъ никто не читаетъ. Зато большимъ успѣхомъ пользуется литература религіозная. Кому то изъ заключенныхъ удалось съ большимъ трудомъ и рискомъ провести въ лагерь отдѣльныя главы изъ Евангелія; главы эти очень быстро въ сотняхъ рукописныхъ копій разошлись по «рабочимъ ротамъ».

Абсолютная невозможность хотя бы въ скудной степени удовлетворить умственные запросы тягостно отзывается на заключенныхъ. Я зналъ людей, нѣкогда бывшихъ гордостью столичныхъ интеллигентныхъ круговъ, которые послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія на Соловкахъ разучивались писать!

Я до сихъ поръ не могу понять, для чего въ соловецкомъ лагерѣ существуетъ «лазаретъ». Приходится и его отнести всецѣло въ общую, не лишенную извѣстной стройности, систему потрясающаго надувательства и своего, и чужихъ народовъ соловецкой «гуманностью».

«Лазаретъ» находится въ вѣдѣніи т. н. «Санитарной части ГПУ». Послѣдняя, однако, ничѣмъ не помогаетъ своему дѣтищу. Соловецкій «лазаретъ» не имѣетъ денегъ, не имѣетъ нужнаго персонала.

По причинамъ, о коихъ мнѣ уже приходилось говорить выше, прибывающіе въ лагерь въ числѣ заключенныхъ настоящіе врачи всячески скрываютъ свою профессію. «Леченіе» больныхъ поручается «Управленіемъ» такъ называемымъ «липовымъ докторамъ» — самозванцамъ изъ санитаровъ и ротныхъ фельдшеровъ въ лучшемъ случаѣ, или просто уголовнаго сброда — въ худшемъ. Такіе самозванцы предъявляютъ въ лагерѣ фальшивые или украденные документы и назначаются на отвѣтственныя должности въ «лазаретѣ».

Рѣдко, правда, но бываютъ такіе случаи, когда леченіемъ заключенныхъ занимается настоящій врачъ или болѣе или менѣе толковый самозванецъ, кое-что въ медицинѣ понимающій. Но могутъ ли приносить должные плоды усилія такихъ врачей, если въ «лазаретѣ» даже іода, ваты, бинтовъ почти никогда нѣтъ, если спиртъ для нуждъ «лазарета» регулярно выпивается чекистами, если палаты засыпаны пылью, грязью, вшами, если «лазаретъ» отапливается въ той же мѣрѣ, какъ и «рабочія роты», если, наконецъ, при любой болѣзни выдается все тотъ же неудобоваримый паекъ, черствый черный хлѣбъ, вонючій супъ, гнилая треска!

По соловецкимъ законамъ, расчитаннымъ на демонстрированіе ихъ заграничнымъ рабочимъ делегаціямъ, лагерный врачъ долженъ освобождать больныхъ или нетрудоспособныхъ заключенныхъ отъ работъ, выдавая имъ соотвѣтствующее удостовѣреніе.

Но понятія «болѣзнь» и «нетрудоспособность» нигдѣ такъ не растяжимы, какъ на Соловкахъ. Если у васъ туберкулезъ въ послѣдней стадіи, это далеко не значитъ, что васъ оставятъ въ покоѣ умирать. Ежедневно чины «Команды надзора» выгоняютъ на работы явно больныхъ людей.

Освобожденіе отъ работъ чрезвычайно рѣдко практикуется въ лагерѣ: «липовые врачи», дѣйствующіе въ тѣсномъ контактѣ съ чекистами, считаютъ даже смертельную болѣзнь заключеннаго «злостной контръ-революціей», которую слѣдуетъ карать двойной порціей работы; настоящіе врачи остерегаются выдавать удостовѣренія объ освобожденіи отъ работъ по болѣзни, опасаясь навлечь на себя модное въ лагерѣ обвиненіе въ «пособничествѣ злостному отказу отъ работъ».

Кромѣ того, да не подумаетъ читатель, что медицинскія свидѣтельства дѣйствительно облегчаютъ положеніе больного на Соловкахъ. Скорѣе наоборотъ, что видно хотя бы изъ такого примѣра (примѣровъ такихъ — тысячи; вообще, иллюстрируя свой разсказъ тѣмъ или инымъ фактомъ, я останавливаюсь на немъ отнюдь не по причинѣ его исключительности, а лишь потому, что я былъ участникомъ или очевидцемъ его):

Сидѣлъ въ лагерѣ нѣкій Грюнвальдъ, нѣмецъ-агрономъ, германскій подданный; Грюнвальдъ очень плохо понималъ по-русски, почти не говорилъ на этомъ языкѣ, что, однако, не помѣшало ГПУ назвать его «организаторомъ контръ-революціонно-шпіонскаго заговора» и прислать въ Соловки. Лѣтомъ 1925 года Грюнвальдъ, человѣкъ вообще нездоровый да еще просидѣвшій долгое время въ десяткахъ совѣтскихъ тюремъ, заболѣлъ и заявилъ командиру своей роты, что не можетъ работать.

Это показалось чекистамъ «злостной контръ-революціей». Чины «Команды надзора», угрожая револьверами, приказали «нѣмецкому буржую» выйти на ра-

боту, тотъ имѣлъ мужество отказаться, ссылаясь на свою болѣзнь, очевидную и для чекистовъ. Тогда одинъ изъ надзирателей, латышъ Сукисъ, жестоко избилъ больного Грюнвальда. Несчастный агрономъ долгое время пролежалъ въ своей ротѣ въ безсознательномъ состояніи, облитый кровью.

Придя въ себя, Грюнвальдъ кое-какъ дотащился до «лазарета» и какъ-то упросилъ доктора осмотрѣть его и выдать ему медицинское свидѣтельство объ искалѣчившихъ его побояхъ. Получивъ нужную ему бумагу, Грюнвальдъ заявилъ, что, Богъ дастъ, ему удастся вырваться съ Соловковъ, пріѣхать на родину и предать гласности имѣющійся у него документъ о звѣрскихъ насиліяхъ чекистовъ надъ больными заключенными.

Этого было достаточно, чтобы Грюнвальда посадили въ устроенный въ самомъ Кремлѣ «изоляторъ» (карцеръ). А вскорѣ агронома обвинили въ желаніи бѣжать изъ лагеря и приговорили къ мѣсяцу въ знаменитомъ «строгомъ изоляторѣ» не менѣе знаменитой «Сѣкирки».

Везти на мѣсто пытокъ Грюнвальда (онъ, еще не оправившись отъ болѣзни и побоевъ, не могъ идти) было поручено тогдашнему «Завѣдующему рабсилой» (учетомъ и распредѣленіемъ рабочей силы) Иванову, бывшему прапорщику и офицеру бѣлой арміи, донскому казаку. Не довѣряя Иванову, администрація посадила рядомъ съ агрономомъ конвоира, того же латыша Сукиса.

Лошадью правилъ Ивановъ. Приблизительно, на полпути до «Сѣкирки» (12 верстъ отъ Кремля) бывшій прапорщикъ услышалъ приказаніе Сукиса:

«Остановись!»

Не усвѣлъ Ивановъ натянуть возжи и спросить о причинѣ внезапной остановки, какъ сзади него раздался выстрѣлъ. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ револьверъ въ рукахъ латыша и падающее на землю тѣло убитаго Грюнвальда. По положенію трупа и току крови можно было заключить, что выстрѣлъ былъ произведенъ въ затылокъ лежавшаго лицомъ къ телѣгѣ агронома...

Вернувшись въ Кремль, Сукисъ доложилъ, что «Грюнвальдъ пытался бѣжать, былъ мной настигнутъ и убитъ, послѣ предупрежденія и приказанія остановиться».

Вотъ къ какимъ результатамъ приводятъ соловецкія медицинскія свидѣтельства!

Понятно, что подавляющее большинство больныхъ избѣгаютъ лазарета, преодолѣвая болѣзнь или умирая въ «рабочихъ» ротахъ», режимъ и обстановка которыхъ ничѣмъ не отличаются отъ лазаретныхъ. Понятно также, почему смертность на Соловкахъ непрерывно прогрессируетъ. Заключенные умираютъ совершенно безпомощно, главнымъ образомъ, отъ цынги, туберкулеза, систематическаго недоѣданія, малярiи, разрыва сердца. Очень много случаевъ психическихъ заболѣваній. «Шпана» и значительная часть чекистовъ служатъ разсадникомъ венерическихъ болѣзней, весьма распространенныхъ въ лагерѣ.

Ниже я буду говорить, какое наказаніе постигаетъ каждую забеременѣвшую на Соловкахъ женщину изъ числа заключенныхъ. Пока упомяну только, что въ лагерѣ имѣется акушерка, «каэрка», но ей запрещено оказывать помощь роженицамъ.

Есть среди заключенныхъ и зубные врачи (между прочимъ, нѣкій Малинановъ, изъ Москвы), но въ виду полнаго отсутствія инструментовъ и лекарствъ они ничѣмъ не могутъ помочь своимъ товарищамъ по заключенію. Кстати, довольно интересно и характерно дѣло вышеназваннаго дантиста Маливанова. Когда Россію постигъ необычайный голодъ и американскія благотворительныя организаціи покрыли всю страну густой сѣтью питательныхъ пунктовъ (т. н. «Ара»), докторъ Маливановъ былъ переводчикомъ въ московскомъ складѣ «Ара», совершенно безвозмездно помогая американцамъ въ ихъ святомъ дѣлѣ. Когда же, выражаясь совѣтскимъ языкомъ, голодъ былъ «ликвидированъ» и весь иностранный штатъ «Ара» отбылъ въ Америку, доктора Маливанова и цѣлый рядъ

другихъ русскихъ сотрудниковъ «Ара» ГПУ обвинило въ «экономической контръ-революціи» (?!) и послало на 3 года въ Сибирь и Соловки.

За незначительныя «преступленія» заключенные попадаютъ въ карцеръ, устроенный въ одномъ изъ корпусовъ Кремля. Сидящихъ въ карцерѣ на прогулки не выпускаютъ, выдаютъ имъ уменьшенный паекъ, держатъ въ абсолютной темнотѣ днемъ и ночью.

«Преступленія» болѣе значительныя — отказъ отъ работъ, попытка къ побѣгу, неисполненіе распоряженій администраціи, пререканія съ надзирателями и т. д. — влекутъ за собой Сѣкирку.

Нѣкогда на Сѣкировой горѣ существовалъ скитъ. Монахи выстроили на горѣ церковь, два дома и хозяйственныя службы. Теперь здѣсь «Штрафной изоляторъ».

Церковь на Сѣкиркѣ — двухъярусная. Въ верхнемъ ея этажѣ помѣщается такъ называемый «строгій изоляторъ», нижній отведенъ подъ «изоляторъ № 2». Церковь соединена крытой галлереей съ домомъ (бывшія кельи), въ которыхъ теперь живутъ «дежурные надзиратели» (5 человѣкъ), комендантъ «изолятора» и помѣщается канцелярія. Къ сѣверу отъ церкви и квартиръ начальства Сѣкирки расположенъ еще одинъ домъ, занятый ротой «Соловецкаго полка особаго назначенія», охраняющей Сѣкирку.

Всѣ постройки — дѣло рукъ монаховъ. Совѣтское «строительство» ограничено лишь тремя сторожевыми будками вокругъ церкви, какъ будто изъ наглухо закрытой церкви можно бѣжать.

Каждый ярусъ разбитъ на три отдѣленія: общая камера, рядъ камеръ для одиночныхъ заключенныхъ и особыя камеры для привиллегированныхъ «сѣкирчанъ». Дѣло въ томъ, что даже въ «Штрафномъ изоляторѣ» можно за взятку облегчить свое положеніе; были даже случаи, когда отправленные изъ Кремля въ «штрафной изоляторъ» спекулянты устраивались за деньги въ комнатахъ надзирателей.

Оба яруса совершенно не отапливаются. Всѣ окна забиты спеціальными щитами. Въ камерахъ полная темень и ледяной холодъ. По прибытіи заключеннаго на Сѣкирку у него немедленно отбираются всѣ вещи, табакъ, хлѣбъ. Осужденныхъ въ «строгій изоляторъ» раздѣваютъ и вталкиваютъ въ камеру въ одномъ бѣльѣ.

Въ камерахъ обоихъ ярусовъ нѣтъ ни коекъ, ни какихъ бы то ни было постельныхъ принадлежностей (если кто и привезъ съ собой подушку или одѣяло, это сейчасъ же отбирается). Люди спятъ въ одномъ бѣльѣ на покрытомъ инеемъ каменномъ полу церкви.

Въ нижнемъ ярусѣ выдается «штрафной паекъ»: ½ фунта хлѣба въ день и разъ въ день пшенный наваръ (пшено изъ этого «супа» тщательно вылавливается надзирателями). Заключенные въ «строгомъ изоляторѣ» (наверху) обречены на медленную пытку голодомъ: они получаютъ около полуфунта хлѣба въ сутки и кружку горячей воды черезъ день. Это и весь паекъ. Необходимо подчеркнуть, что такой «паекъ» проводится по кровавымъ книгамъ Сѣкирки; принимая во вниманіе поголовное воровство соловецкой администраціи, на самомъ дѣлѣ онъ еще меньше. Кромѣ того, во власти каждаго надзирателя «Штрафного изолятора» и вовсе не выдавать ничего какому нибудь «злостному контръ-революціонеру».

Какіе результаты даетъ «питаніе», видно хотя бы изъ того, что никто изъ администраціи Сѣкирки не рискуетъ показаться въ камерахъ «строгаго изолятора»: умирающіе съ голоду заключенные уже черезъ недѣлю превращаются въ звѣрей, набрасываются на стражу, душатъ вновь прибывающихъ. Камеры верхняго яруса закрыты висячимъ замкомъ снаружи. Часты случаи умопомѣ-

шательства. На дикіе вопли, безумный стукъ въ двери никто, конечно, не обращаетъ вниманія.

Главный процентъ заключенныхъ на Сѣкиркѣ — отказавшіеся отъ работъ. А такъ какъ таковой отказъ всегда вызывается болѣзненнымъ состояніемъ, то и верхній и нижній ярусъ церкви наполнены явно больными людьми.

Результаты не заставляютъ себя ждать. Ежедневно на Сѣкиркѣ кто нибудь изъ заключенныхъ умираетъ отъ голода или просто замерзаетъ въ камерѣ. Недаромъ каждой осенью близъ Сѣкирки роется безчисленное количество могилъ, заготовленныхъ на зиму, когда смертность въ «штрафномъ изоляторѣ» особенно велика (могилы роютъ заключенные).

Назначенный въ нижній ярусъ за «непослушаніе законному начальству», я по ошибкѣ попалъ въ «строгій изоляторъ», въ которомъ, до выясненія дѣла, пробылъ только 2 дня и то за это время успѣлъ заболѣть острымъ воспаленіемъ легкихъ. Что же можетъ ожидать человѣкъ, посланный въ «строгій изоляторъ» на мѣсяцъ?

Завѣдуетъ Сѣкиркой комендантъ ея Антиповъ, чекистъ, бывшій чернорабочій. Не побывавшему въ «штрафномъ изоляторѣ» трудно понять и представить себѣ всю кровожадность этого палача

Завѣдуетъ канцеляріей Сѣкирки нѣкій Лебедевъ. Во время гражданской войны на югѣ Россіи Лебедевъ былъ казачьимъ офицеромъ и одновременно тайнымъ агентомъ большевиковъ. Въ 1920 году онъ занималъ должность слѣдователя новороссійской Че-ка и за поразительное даже для чекиста взяточничество попалъ на Соловки. Въ лагерѣ Лебедевъ былъ нѣкоторое время завѣдующимъ «Рабсилой» (рабочей силой), затѣмъ помощникомъ завѣдующаго кожевеннымъ заводомъ. Въ одно прекрасное утро самъ Ногтевъ поймалъ Лебедева на кражѣ въ свою пользу кожъ, за что талантливый чекистъ былъ отправленъ на Сѣкирку. Здѣсь онъ просидѣлъ нѣсколько дней въ камерѣ для привиллегированныхъ заключенныхъ, обратилъ на себя вниманіе Антипова доносами на товарищей по заключенію и попалъ въ канцелярію.

За что людей посылаютъ на смерть, читатель можетъ заключить изъ такого случая:

Одинъ изъ соловецкихъ «контръ-революціонеровъ», глубокій старикъ (нерастрѣлянный именно изъ за своей старости), бывшій прокуроръ одного изъ кавказскихъ окружныхъ судовъ, долго просилъ выдать ему хотя немного сахару изъ монастырскаго ларька въ счетъ отобранныхъ у него денегъ. Послѣ долгихъ препирательствъ бывшему прокурору выдали полфунта... конфектъ, очень дорогихъ, заявивъ ему, что теперь его счетъ исчерпанъ.

Вынужденный соловецкими усиліями дрожать буквально надъ каждой копѣйкой, несчастный старикъ сталъ добиваться обмѣна конфектъ на сахаръ. Вмѣсто послѣдняго онъ получилъ конвоира съ сопроводительной на Сѣкирку бумагой такого содержанія:

«Посадить въ строгій изоляторъ на 1 мѣсяцъ за возбужденное отстаиваніе своихъ правъ»...

Устраивая скиты, монахи обычно выбивали въ скалахъ и стѣнахъ особыя ямы для храненія въ нихъ продуктовъ. Ямы эти — или какъ ихъ называютъ въ Соловкахъ «каменные мѣшки» — использованы администраціей скитовъ для жестокаго наказанія «контръ-революціонеровъ». Въ узкія, сырыя ямы заставляютъ лѣзть «провинившихся», загоняя въ «каменные мѣшки» ударами прикладовъ или «смоленскихъ палокъ». Въ такой средневѣковой клѣткѣ заключенный проводитъ отъ одного дня до недѣли, не имѣя возможности ни сѣсть, ни лечь, ни вытянуться во весь ростъ.

Очевидно, смертность отъ Сѣкирки и «каменныхъ мѣшковъ» не удовлетворяетъ Ногтева и его помощниковъ. Смерть медленная—отъ голода, холода и побоевъ — дополняется смертью быстрой — разстрѣломъ.

Число разстрѣлянныхъ обычно доходитъ до 10—15 человѣкъ въ недѣлю. «Высшая мѣра наказанія» — разстрѣлъ — примѣняется значительно чаще въ томъ случаѣ, если совѣтскую власть постигаютъ внутреннія или внѣшнія неудачи, когда ГПУ удваиваетъ свою месть «контръ-революціонерамъ». Грузинское возстаніе, ультиматумъ лорда Керзона, провалъ коммунистической «работы» въ Германіи, Турціи, колоніяхъ, голодные бунты, подавленіе эстонскаго и болгарскаго возстаній, неудачи совѣтской дипломатіи на различнаго рода конференціяхъ — все это сразу же отзывается на Соловкахъ, сразу же увеличиваетъ число чекистскихъ жертвъ.

Если разстрѣлъ того или иного заключеннаго почему либо нежелателенъ, администрація устраиваетъ «естественную смерть». Такъ, въ концѣ осени 1925 года въ «строгомъ изоляторѣ» былъ буквально заморенъ голодомъ епископъ Тамбовскій Петръ.

Широко пользуясь доносами, провокаціей, привлеченіемъ въ ряды своихъ агентовъ неустойчивыхъ людей изъ заключенныхъ, чекисты, использовавъ до конца этихъ купленыхъ лишнимъ кускомъ хлѣба «сексотовъ» (секретныхъ сотрудниковъ ГПУ) — отправляетъ ихъ на Кондъ-островъ. Въ нѣкоторой степени эта мѣра вызывается и вполнѣ понятнымъ враждебнымъ отношеніемъ всего лагеря къ такимъ предателямъ. Вообще, на Кондъ-островъ попадаетъ тотъ, кого, по мнѣнію администраціи, слѣдуетъ «изолировать».

Комендантомъ Кондъ-острова теперь является нѣкій Сажинъ, бывшій начальникъ управленіями мѣстами заключеній въ одной изъ губерній Россіи. Сажинъ самъ прошелъ карьеру «сексота», самъ занимался «стукомъ». На Кондъ-островѣ съ небольшимъ въ общемъ количествомъ заключенныхъ (человѣкъ 150) Сажинъ — царь и богъ.

На большомъ Заяцкомъ островѣ нѣкогда существовалъ благоустроенный скитъ съ церковью и монашескими кельями. Теперь на немъ — «Женскій штрафной изоляторъ». Завѣдуетъ имъ нѣкій Гусинъ, видный дѣятель крымской Чека въ періодъ расправы Бэла-Куна надъ беззащитными «бѣлыми» плѣнными.

Въ этотъ изоляторъ посылаются «провинившіяся» заключенныя-женщины. Главной виной считаются... роды. Такимъ образомъ, безнаказанно насилуя «каэрокъ» и уголовныхъ женщинъ, заражая ихъ венерическими болѣзнями и дѣлая ихъ матерями, чекисты свою вину, свое преступленіе возлагаютъ на подневольныхъ женъ и «шмаръ» (любовницъ). Сейчасъ же послѣ родовъ ребенка отнимаютъ у матери, отправляя ее въ «Женскій штрафной изоляторъ», режимъ въ которомъ почти ничѣмъ не отличается отъ Сѣкирки.

V

Пристально вглядываясь въ пеструю массу соловецкихъ заключенныхъ, внимательный наблюдатель сразу же замѣтитъ три основныхъ подраздѣленія обитателей «соловецкаго лагеря особаго назначенія»:

1) Бывшіе соціалисты.
2) Уголовный элементъ.
3) «Контръ-революціонеры».

Уже изъ одного того факта, что только бывшіе соціалисты во всѣхъ совѣтскихъ тюрьмахъ и ссылкахъ считаются политическими преступниками (называясь оффиціально «политическими и партійными»), видно, что только эта категорія заключенныхъ поставлена въ такія бытовыя рамки, когда она имѣетъ право требовать и требуетъ къ себѣ иного отношенія, чѣмъ къ остальной массѣ совѣтскихъ арестантовъ, оффиціально именуемой «бандитами».

Соловецкіе «контръ-революціонеры» — категорія также, конечно, чисто политическая; въ эту группу входятъ исключительно лица, заподозрѣнныя или уличенныя въ идеологическомъ или активномъ противодѣйствіи совѣтской власти. Но

не имѣя за своей спиной тѣхъ вліятельныхъ защитниковъ, которыхъ мы видимъ у бывшихъ соціалистовъ, «контръ-революціонеры» во всемъ приравнены къ преступникамъ чисто уголовнымъ со всѣми вытекающими отсюда трагическими послѣдствіями.

До революціи 1917 года дѣятельность всѣхъ антимонархическихъ партій въ Россіи тѣсно переплеталась между собой. Вся радуга революціонныхъ русскихъ теченій — анархисты, лѣвое крыло соціалъ-демократіи (большевики), правое ея крыло (меньшевики), соціалисты-революціонеры, лѣвые и правые — была едина въ своей разрушительной работѣ. Естественно, это привело къ тѣсному знакомству и связямъ между лидерами и отдѣльными рядовыми членами различныхъ соціалистическихъ группъ.

Вотъ почему теперь, когда одна изъ этихъ группъ — большевики — захватила въ Россіи власть, а остальныя превратились въ ея оппозицію, среди видныхъ дѣятелей совѣтскаго правительства можно найти немало лицъ, которыя, въ силу былыхъ отношеній, а зачастую чувства дружбы, всячески стремятся облегчить положеніе своихъ заключенныхъ въ тюрьмы сотоварищей — «политическихъ и партійныхъ», несмотря на рѣзкое иногда противодѣйствіе ГПУ.

Второй причиной постепеннаго улучшенія режима для «политическихъ и партійныхъ» является то, что послѣ октябрьскаго переворота огромное количество бывшихъ анархистовъ, меньшевиковъ, эсеровъ и пр. рѣшительно примкнуло къ большевикамъ и, вступивъ въ коммунистическую партію, всемѣрно, конечно, вліяетъ на правительство въ смыслѣ благопріятномъ для «политическихъ и партійныхъ».

Такъ, напримѣръ, подъ давленіемъ слившихся съ большевиками соціалистовъ совѣтское правительство заставило ГПУ поручить веденіе всѣхъ дѣлъ «политическихъ и партійныхъ» слѣдователю Андреевой, бывшему видному члену партіи соціалистовъ-революціонеровъ, теперь коммунисткѣ.

Третья причина разнаго рода привиллегій, которыми пользуются въ тюрьмахъ и ссылкахъ «политическіе и партійные», — давленіе соціалистическихъ круговъ Европы. Хотя лидеры коммунистической партіи и отрицаютъ этотъ очевидный фактъ, хотя западно-европейскихъ соціалистовъ большевицкая пресса и называетъ «соціалъ-предателями», требованія и ходатайства послѣднихъ замѣтно улучшаютъ судьбу «политическихъ и партійныхъ».

Понятно поэтому, почему совѣтская власть видитъ въ «политическихъ и партійныхъ» скорѣе не враговъ, каковыми въ дѣйствительности являются, напримѣръ, «контръ-революціонеры», а «блудныхъ сыновъ» отъ соціализма, которыхъ, до полнаго прощенія и принятія въ коммунистическую партію, слѣдуетъ наказать тюрьмой и ссылками.

Какъ живутъ «политическіе и партійные» на Соловкахъ?

Отъ расположенной на южномъ берегу Соловецкаго острова монастырской гавани и массивнаго Кремля ведетъ рядъ дорогъ, желѣзныхъ и грунтовыхъ. Одна изъ нихъ, грунтовая, проведена лѣвѣе путей на островъ Большая Муксульма, Пертозеро и на Анзерскій островъ и тянется, мимо «Сѣкирки» съ ея «Штрафнымъ изоляторомъ», къ Савватіевскому скиту. Послѣдній находится въ юго-западномъ углу Соловецкаго острова, верстахъ въ 12 отъ Кремля.

Савватіевскій, а также — частично — Муксульмскій скиты и были съ самаго начала приспособлены для «политическихъ и партійныхъ».

Савватіевскій скитъ, нѣкогда богатый филіалъ монастыря, состоитъ изъ ряда каменныхъ зданій, небольшой церкви и часовенъ. Здѣсь же расположены деревянныя службы — сараи, конюшни и пр.

Церковь и часовни давно уже заколочены; содержимое ихъ расхищено или сожжено. Скитъ окруженъ высокимъ заборомъ. Еще одно проволочное загражденіе окружаетъ двухэтажный каменный домъ съ большимъ числомъ комнатъ— бывшихъ монашескихъ келій.

Въ этомъ бывшемъ монашескомъ общежитіи и проживало до послѣдняго времени большинство «политическихъ и партійныхъ» — человѣкъ около 200. Остальные (человѣкъ 150) были разбросаны по Муксульмскимъ скитамъ и пустынькамъ.

Режимъ, установленный на Соловкахъ для бывшихъ соціалистовъ, и сравнивать нельзя съ режимомъ для другихъ категорій заключенныхъ.

Прежде всего надо отмѣтить, что «политическіе и партійные» никогда не работали. Лѣсорубки, торфъ, сплавъ бревенъ со всѣми ихъ ужасами никогда не были знакомы этой привиллегированной группѣ заключенныхъ. Еще въ 1922 году ГПУ отдало распоряженіе по всѣмъ тюрьмамъ, лагерямъ и ссылкамъ о томъ, что «политическіе и партійные» должны освобождаться отъ всѣхъ принудительныхъ работъ.

До 1924 года продукты, выдаваемые на Соловкахъ бывшимъ соціалистамъ, были такого же качества, какъ и выдаваемые остальнымъ заключеннымъ, лишь въ большемъ количествѣ. Въ 1924 году «политическіе и партійные» объявили забастовку, требуя выдачи имъ улучшеннаго питанія. Отличаясь своей сплоченностью, вся ихъ группа не остановилась и передъ голодовкой, въ знакъ протеста.

Устрой это «контръ-революціонеры», голодовку, соловецкая администрація назвала бы бунтомъ, и не одинъ десятокъ «каэровъ» палъ бы подъ чекистскими пулями. Но не даромъ «политическихъ и партійныхъ» считаютъ «соловецкой аристократіей», недаромъ ихъ интересы энергично защищаютъ и правые коммунисты, и соціалисты Запада. Требованіе было удовлетворено. Съ той поры этой категоріи заключенныхъ стали выдавать въ обильномъ количествѣ бѣлый хлѣбъ, мясо, яйца, сахаръ, табакъ, жиры, фрукты.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ образовался такъ называемый «Политическій Красный Крестъ» подъ руководствомъ госпожи Пѣшковой (жены извѣстнаго писателя Максима Горькаго). Эта организація, имѣя филіалы во всемъ мірѣ, собираетъ для политическихъ заключенныхъ въ совѣтскихъ тюрьмахъ одежду, продукты и деньги. А такъ какъ «контръ-революціонеры» коммунистами не считаются политическими арестантами и приравнены къ «уголовнымъ бандитамъ» — вся помощь Политическаго Краснаго Креста шла только бывшимъ соціалистамъ.

Эта вопіющая несправедливость всѣ остальныя категоріи заключенныхъ на Соловкахъ доводитъ до слезъ. Попытки исправить это жестокое игнорированіе нужды и голода «каэровъ», сравнявъ ихъ съ «политическими и партійными» — увы! — ни къ чему не привели. Мольбы о помощи со стороны «каэровъ» Политическій Красный Крестъ оставляетъ безъ послѣдствій.

Приведу вопіющій случай. въ прошломъ году очередная партія платья и продуктовъ отъ Краснаго Креста была по ошибкѣ — въ первый разъ за все существованіе лагеря! — распредѣлена между всѣми заключенными. Объ этомъ стало извѣстно Москвѣ, и Политическій Красный Крестъ распорядился отнять у «каэровъ» полученную ими одежду и съѣстные припасы! Все вырванное изъ голодныхъ ртовъ и снятое съ голыхъ людей было отправлено въ Савватіевскій скитъ — «политическимъ и партійнымъ».

Въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и Америки въ свою очередь образованы особыя общества помощи политическимъ заключеннымъ въ совѣтской Россіи. Частью этихъ обществъ руководятъ иностранные соціалисты, частью — лѣвые круги русской эмиграціи (въ Парижѣ, Берлинѣ, Прагѣ и т. д.).И снова та же картина: вся помощь идетъ исключительно только такъ называемымъ «политическимъ и партійнымъ», то-есть той категроіи совѣтскихъ арестантовъ, которая и такъ уже находится въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные заключенные.

Вѣчно голодные, избиваемые и убиваемые, раздѣтые, босые, вгоняемые въ могилу непосильнымъ трудомъ, болѣзнями и голодомъ «контръ-революціонеры» — 90 проц. заключенныхъ на Соловкахъ и въ другихъ тюрьмахъ — всѣмъ міромъ брошены на произволъ судьбы.

Да будетъ услышанъ мой слабый голосъ людьми, не потерявшими совѣсти и чувства жалости къ страдающимъ братьямъ, да сплотятся они для помощи гибнущимъ на Соловкахъ представителямъ многострадальной русской интеллигенціи, среди которой есть немало стариковъ, инвалидовъ, женщинъ и дѣтей!

Соловецкіе чекисты никогда не вмѣшивались во внутреннюю жизнь «политическихъ и партійныхъ». Въ ихъ среду никогда не вселялись шпіоны ГПУ — такъ называемые «стукачи» и «сексоты». Охрана Савватіевскаго скита всегда ограничивалась внѣшними патрулями.

Самъ «Начуслон» Ногтевъ въ послѣднее время не рисковалъ навѣщать Савватіевскій скитъ. Сознавая свое привиллегированное положеніе, бывшіе соціалисты каждый разъ встрѣчали его громкими криками:

— Вонъ, пошелъ вонъ! Звѣрь, палачъ!..

Всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ «политическіе и партійные» вели обычно черезъ Эйхманса, всегда внимательно выслушивавшаго ихъ просьбы и требованія.

Въ Савватіевскмъ скиту съ самаго начала была устроена довольно большая библіотека, которая — съ разрѣшенія соловецкой администраціи — получала русскіе и иностранные журналы, газеты и книги. Въ скиту существовалъ даже своего рода университетъ съ регулярными занятіями и штатомъ преподавателей изъ среды его обитателей. Пользовавшіеся большой популярностью среди «политическихъ и партійныхъ» старосты скита Богдановъ (видный соціалъ-демократъ, весной 1925 года уѣхавшій изъ Соловковъ), Самохваловъ (членъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ), эсеръ Крюковъ, меньшевикъ Мамуловъ, анархисты Школьниковъ и Чарнинъ часто читали лекціи по общественнымъ, научнымъ и политическимъ вопросамъ.

Читателю предоставляется судить, что сдѣлалъ бы Ногтевъ съ «каэрами», если бы послѣднимъ вздумалось проповѣдывать въ лагерѣ свои идеи!

Къ услугамъ «политическихъ и партійныхъ» всегда были свои доктора, имъ разрѣшалось выписывать изъ центра лекарства и инструменты. Въ Савватіевскомъ скиту довольно часто заключались между его обитателями браки, строго запрещенные въ остальномъ лагерѣ. Бывшіе соціалисты имѣли право жить на Соловкахъ съ женами и дѣтьми.

Имъ разрѣшалось писать и получать неограниченное число писемъ, посылки на ихъ имя никогда не задерживались. У «политическихъ и партійныхъ» никогда не отбирали денегъ и вещей, въ томъ числѣ и кожаныхъ, на которыя въ лагерѣ почему то устраиваются цѣлыя облавы. Скиты, ими занятые, снабжаются въ достаточномъ количествѣ дровами и керосиномъ для освѣщенія.

Справедливость требуетъ сказать, что, добиваясь своего исключительнаго положенія на Соловкахъ, «политическіе и партійные» отстаивали свои требованія съ рѣшительностью, доходившей до самопожертвованія.

Такъ, когда зимой 1923 года группа бывшихъ соціалистовъ каталась на лыжахъ и конькахъ близъ Савватіевскаго скита и пѣла антисовѣтскія пѣсни, которыя не умолкли, несмотря на категорическій приказъ стражи, — взводъ чекистовъ открылъ по группѣ стрѣльбу. Было убито восемь человѣкъ, въ томъ числѣ 3 женщины.

Нѣкоторое время спустя за упорное отстаиваніе своихъ правъ снова было разстрѣляно нѣсколько человѣкъ «политическихъ и партійныхъ» и въ томъ числѣ опять женщины (кажется, члены соціалъ-революціонной партіи Котовская и Бауеръ, какъ мнѣ разсказывали въ лагерѣ).

Преклоняясь и передъ этими невинными жертвами чекистскаго произвола, я все же не могу не сказать, что онѣ—капля въ морѣ въ сравненіи съ тысячами разстрѣлянныхъ, задушенныхъ и уморенныхъ голодомъ «контръ-революціонеровъ». О случаяхъ единичныхъ разстрѣловъ «политическихъ и партійныхъ» все же доходятъ слухи заграницу черезъ тотъ же Красный Крестъ. Тысячи же могилъ другихъ соловецкихъ мучениковъ остаются никому неизвѣстными.

Привиллегированное положевіе «политическихъ и партійныхъ» послужило п
еодомъ къ тому, что многія вновь прибывающія на Соловки партіи заключенныхъ
добиваются признанія и за ними принадлежности къ «политическимъ и партій
пымъ», хотя бы онѣ къ соціализму не имѣли никакого отношенія.

Съ начала 1924 года ГПУ принялось энергично «разгружать ВУЗ'ы» (выс
шія учебныя заведенія) отъ «иекоммунистическаго элемента». Вычищенные сту
денты, попадая на Соловки, стали требовать разселенія по скитамъ, освобожде
вія отъ работъ и улучшеинаго питанія, назвавъ себя «политическими и партій
ными»:

Въ результатѣ долгихъ споровъ, голодовокъ и двухъ случаевъ самоубійства
студентовъ часть изъ нихъ послали въ Савватіевскій скитъ, часть отправили об
ратно въ центральную Россію для размѣщенія по тюрьмамъ. Между прочимъ,
одна изъ такихъ категорій студентовъ, изъ Московскаго университета, по дорогѣ
въ Соловки неоднократно вступала въ бой съ желѣзнодорожными отрядами ГП
(такъ называемая «ОТЧК»), громила вокзалы, разбивала свои арестантскіе ва
говы, требуя своего освобождевія.

Постепенное улучшеніе положенія «политическнхъ и партійныхъ» должно
было завершиться увозомъ этой группы заключенныхъ съ Соловецкихъ остро
вовъ, о чемъ продолжительное время, какъ мнѣ хорошо извѣстно, хлопоталъ и
Политическій Красный Крестъ н заграиичныя соціалистическія организаціи. Хло
поты эти, поддержанныя нѣкоторыми видными коммунистами (называли, между
прочимъ, Троцкаго и Красина), въ концѣ концовъ, увѣнчались успѣхомъ.

Въ концѣ іюля 1925 года по лагерю разнеслась вѣсть о томъ, что «политиче
скихъ н партійныхъ» куда-то увозятъ. Никто не зналъ — куда. Помню, многіе
были убѣждены, что часть изъ нихъ на материкѣ разстрѣляютъ.

Наканунѣ въ Соловки прибыла изъ Москвы особая комиссія въ составѣ: ко
мендаита центральнаго ГПУ Дукиса, слѣдователя того же ГПУ Андреевой, пред
ставителей прокурора верховнаго суда Смирнова, помощника прокурора по дѣ
ламъ ГПУ небезызвѣстнаго Катаньяна и ряда чиновъ изъ числа высшаго воен
наг вачальства. Комиссію сопровождалъ спеціальный отрядъ войскъ ЧОН
(частей особаго назначенія).

Какъ потомъ оказалось, комиссія эта явилась въ лагерь для наблюденія за
перевозкой «политическихъ и партійныхъ» съ Соловецкихъ острововъ. Комен
дантъ ГПУ привезъ спеціальное распоряженіе по сему поводу, подписанное пред
сѣдателемъ «Особаго совѣщанія при ГПУ» Уншлихтомъ.

Хотя увозъ «политическихъ и партійныхъ» ГПУ хотѣло, повидимому, обста
вить тайной, лагерь скоро узналъ, что «соловецкую аристократію» везутъ на воль
ное поселеніе и въ тюрьмы Устьсысольска, Нарыма, Перми и Иркутска, откуда
легче выйти на свободу и гдѣ «политическіе и партійные» будутъ пользоваться
рядомъ новыхъ привиллегій: свиданія съ родными, выхода въ городъ на про
гулку и т. п.

Съ ранняго утра потянулись къ пристани, мимо зданія «Управленія Сѣвер
ными лагерями особаго назначенія» длинныя вереницы людей съ вещами въ ру
кахъ. Конные отряды «Соловецкаго полка», во главѣ съ самимъ Петровымъ, от
гоняли въ сторону всѣхъ попадавшихся по дорогѣ «каэровъ» и уголовныхъ. «По
литическіе и партійные» шли къ пристани попарно, ихъ окружали патрули «Ко
манды надзора» и «Роты чекистовъ», съ комендантомъ Соловковъ Ауке впереди.

До вечера пристань была усыпана людьми, ожидавшими изъ Кеми паро
хода («Глѣбъ Бокій»). Сперва была отправлена Савватіевская группа (2-ое от
дѣленіе концлагеря), затѣмъ и Муксульмская (3-ье отдѣленіе). Въ Кеми «поли
тическихъ и партійныхъ» ожидалъ спеціальный составъ арестантскихъ вагоновъ,
который и увезъ ихъ въ ссылку и въ тюрьмы. —

Всѣ соловецкіе чекисты скрываютъ свое достаточно темное прошлое. Но
по примѣру тѣхъ, прошлая жизнь коихъ стала извѣстной заключеннымъ, можно
безошибочно утверждать, что почти вся соловецкая администрація укомплекто

вана бывшими уголовными преступниками, по легкомыслію выпущенными изъ тюремъ, наряду съ политическими, весной 1917 года.

Установивъ этотъ фактъ, не трудно понять, почему положеніе заключенной на Соловкахъ «шпаны» несравненно легче положенія «контръ-революціонеровъ». Общность происхожденія, воспитанія, многолѣтнее пребываніе въ тюрьмахъ и на каторгѣ постепенно сближаютъ двѣ группы соловецкихъ уголовныхъ: стоящую у власти и прибывающую въ Соловки въ качествѣ заключенныхъ.

Не трудно понять и то, что «шпана» не только ничего не имѣетъ противъ насилій надъ «контръ-революціонерами» со стороны администраціи, но и поддерживаетъ мѣропріятія этой послѣдней въ данномъ направленіи. Въ особенности бросается это обстоятельство въ глаза въ крупнѣйшемъ отдѣленіи Соловковъ — концентраціонномъ лагерѣ на Поповомъ островѣ (близъ города Кемь). Описанію Кемскаго лагеря посвящена слѣдующая глава.

Я уже говорилъ о тѣхъ условіяхъ быта, режима, работъ, питанія и пр., въ которыхъ вынуждены жить «контръ-революціонеры». За что же попала въ соловецкую каторгу эта многотысячная толпа, во истину не знающая дѣленій на національности, религію, полъ и возрастъ?

Мнѣ приходилось одно время близко знакомиться съ дѣлами соловецкихъ «контръ-революціонеровъ», въ перерывахъ между лѣсорубками и «штрафными изоляторами». Первое, на что обращаетъ вниманіе всякій соприкасающійся съ соловецкой канцеляріей, это — рѣзкое несоотвѣтствіе между «преступленіемъ» того или иного заключеннаго и карой за него.

«Главный руководитель контръ-революціоннаго заговора».

Или:

«Уличенъ въ многолѣтнемъ шпіонажѣ въ пользу иностранной буржуазіи».

По кодексу наказаній ГПУ за такія преступленія полагается: въ первомъ случаѣ разстрѣлъ, во второмъ — разстрѣлъ или 10 лѣтъ «концлагеря». Между тѣмъ «преступники» приговариваются къ 2-3 годамъ Соловковъ.

Чѣмъ же вызывается такая «гуманность»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: не хватаетъ матеріала для полнаго обвиненія и наказанія въ полной мѣрѣ.

Лица, которымъ предъявлены такія громкія обвиненія, никогда и близко не стояли къ «организаціи контръ-революціоннаго заговора» или къ «шпіонажу въ пользу иностранной буржуазіи». Но ихъ по какимъ либо причинамъ надо бросить въ тюрьму. И ГПУ предъявляетъ имъ соотвѣтствующія статьи уголовнаго кодекса (въ данномъ примѣрѣ 64 и 66), не имѣя на то никакихъ основаній.

Примѣненіе такого «упрощеннаго судопроизводства» не отрицаетъ и само ГПУ. Когда въ 1924 году въ Соловки прибылъ начальникъ юридическаго отдѣла ГПУ Фельдманъ и одинъ изъ заключенныхъ заявилъ ему жалобу по поводу того, что онъ попалъ въ Соловки по 66-ой статьѣ (шпіонажъ), не будучи никогда шпіономъ, Фельдманъ отвѣтилъ въ присутствіи всего лагеря:

«Вы недовольны своей статьей? Мы можемъ примѣнить къ вамъ другую статью. Понятно, у вас шпіонажа не было. Но не все ли вамъ равно? Васъ надо было изолировать. А по какой статьѣ — это безразлично...»

Фактическое наличіе преступленія и юридическая обоснованность приговора считаются на Соловкахъ просто буржуазными предразсудками. Это хорошо извѣстно всѣмъ и въ самомъ лагерѣ, и во всей Россіи. Недаромъ такъ распространена поговорка:

«Былъ бы контръ-революціонеръ, а статья найдется».

Навстрѣчу произвольному толкованію любой статьи уголовнаго кодекса, вынесенію любого приговора идетъ и самый «уставъ» о Соловкахъ. Первый параграфъ этого выработаннаго ГПУ и утвержденнаго ВЦИК'омъ «Секретнаго положенія о соловецкихъ лагеряхъ особаго назначенія» гласитъ буквально слѣдующее:

«Соловецкіе лагеря организованы для особо вредныхъ государственныхъ преступниковъ, а также лицъ когда либо могущихъ быть государственными преступниками».

Такимъ образомъ, каждому чекисту предоставляется право въ душѣ любого совѣтскаго гражданина прочесть тайное желаніе быть въ будущемъ государственнымъ преступникомъ и, на основаніи этого «неопровержимаго доказательства», послать его въ Соловки. Дальше идти некуда.

Присылкой на Соловки «контръ-революціонеровъ» раньше завѣдывалъ особый «Отдѣлъ высылокъ» при «Чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ, спекуляціей и преступленіемъ по должности» (Чека). Когда послѣдняя была переименована въ ГПУ, «Отдѣлъ высылокъ» замѣнила «Комиссія по административнымъ высылкамъ при ГПУ» (существовали кромѣ того такія же комиссіи при ВЦИК'ѣ и комиссаріатѣ внутреннихъ дѣлъ). Недавно произошло новое переименованіе: «Комиссія по административнымъ высылкамъ» стала называться «Особымъ совѣщаніемъ при ГПУ».

Характеръ дѣятельности этихъ учрежденій, конечно, все время оставался однимъ и тѣмъ же: «изолированіемъ» такъ называемаго «опаснаго элемента» безъ какихъ бы то ни было намековъ на судъ и законность. Даже приговоры и постановленія о высылкѣ на Соловки и теперь подписываются все тѣми же старыми знакомцами, гордостью ГПУ: обычно Езерской, рѣже Ягодой, Уншлихтомъ, Менжинскимъ.

Дабы читатель могъ судить, за какія преступленія «контръ-революціонеры» гибнутъ на Соловкахъ, привожу рядъ лично мнѣ хорошо извѣстныхъ фактическихъ примѣровъ.

Къ одной жившей въ Петербургѣ дамѣ явился неизвѣстный ей человѣкъ отъ ея родныхъ, жившихъ заграницей, съ предложеніемъ перейти нелегально границу. Дама отвѣтила, что она, во избѣжаніе могущихъ быть непріятностей, не хочетъ безъ законнаго разрѣшенія совѣтскихъ властей уѣзжать изъ Россіи. Получивъ отъ своей семьи письмо съ той же просьбой прибыть заграницу, дама снова отвѣтила отказомъ по той же причинѣ. Когда же она была арестована ГПУ (въ своей петербургской квартирѣ), ей было предъявлено обвиненіе въ «желаніи перейти нелегально границу», за что она и попала въ Соловки на 5 лѣтъ.

Въ Москвѣ пользовался заслуженной извѣстностью инженеръ Курчинскій, очень талантливый человѣкъ, авторъ многихъ изобрѣтеній. Въ послѣдніе годы онъ усиленно работалъ надъ новой конструкціей аэро-саней. Когда первая модель аэро-саней была готова, Курчинскій въ присутствіи высшихъ представителей совѣтской власти и приглашеннаго послѣдними дипломатическаго корпуса демонстрировалъ свои сани. Опытъ далъ блистательные результаты.

Черезъ нѣкоторое время онъ снова демонстрировалъ передъ совѣтскимъ правительствомъ и иностранцами свои аэро-сани новаго типа. На этотъ разъ опытъ не удался, аэро-сани измѣненной конструкціи не оправдали надеждъ, возложенныхъ на нихъ инженеромъ. Результатомъ этого было то, что можетъ случиться только въ совѣтскомъ бедламѣ: за конфузъ передъ иностранцами ГПУ обвинило Курчинскаго въ «злостномъ срывѣ творческой работы СССР» и прислало его на Соловки на 10 лѣтъ. Несчастный изобрѣтатель до сихъ поръ сидитъ въ лагерѣ.

Если въ приговорахъ, вынесенныхъ соловецкимъ заключеннымъ, встрѣчаются «политическіе мотивы», какъ напримѣръ: «женатъ на княгинѣ», «во время имперіалистической войны агитировалъ за покупку билетовъ военнаго займа», «собиралъ подписи для адреса Николаю Кровавому», то попадаются въ нихъ и указанія на «преступленія» торгово-промышленныя. Такъ, въ рядѣ дѣлъ я видѣлъ такое «мотивированное обвиненіе»:

«Торговецъ, фабрикантъ».

Такимъ образомъ, совѣтское правительство, изыскивая новые доходы для коммунистической пропаганды, съ одной стороны якобы привѣтствуетъ развитіе частной торговли и промышленности, а съ другой стороны считаетъ совѣт-

скихъ купцовъ и фабрикантовъ классомъ, какъ нельзя больше подходящимъ для заселенія Соловковъ.

Весной 1925 года въ Петербургѣ возникло громкое дѣло бывшихъ воспитанниковъ Александровскаго Лицея, нѣкогда привилегированнаго учебнаго заведенія, давшаго странѣ рядъ блестящихъ представителей науки, искусства и литературы. Незадолго до того ГПУ было освѣдомлено о существованіи въ красной арміи обширнаго антисовѣтскаго заговора. Несмотря на тщательные поиски, раскрыть заговоръ, не удалось (пострадалъ лишь командующій петербургскимъ военнымъ округомъ Гитисъ, смѣщенный со своего поста).

Предупреждая возможное со стороны центральнаго ГПУ неудовольствіе, петербургское Госполитуправленіе создало «дѣло лицеистовъ» въ доказательство того, что петербургскіе чекисты не даромъ получаютъ деньги. Лицеистамъ было предъявлено явно дутое обвиненіе въ «сношеніяхъ съ бѣлогвардейской эмиграціей» и служеніи панихидъ по императорѣ Николаѣ II. Необходимо подчеркнуть, что «Общество бывшихъ лицеистовъ» существовало въ Петербургѣ вполнѣ легально, какъ преслѣдующее исключительно цѣли матеріальной поддержки своихъ членовъ; уставъ общества былъ утвержденъ совѣтской властью.

По дѣлу лицеистовъ 54 человѣка было разстрѣляно, около 50 отправлено на Соловки, срокомъ отъ 2 до 10 лѣтъ, въ ихъ числѣ: братья Шильдеръ (сыновья директора Лицея, извѣстнаго историка Шильдера), Голицынъ, Михневичъ, Остенъ-Сакенъ, Арнольди и др. Всѣхъ ихъ я видѣлъ въ лагерѣ.

Что изъ себя представляло дѣло лицеистовъ, видно изъ слѣдующаго. Въ числѣ другихъ на Соловки прибылъ бывшій лицеистъ Дягтиревъ, сынъ небезызвѣстнаго музыканта, осужденный на 10 лѣтъ. По спеціальности онъ агрономъ. До революціи Дягтиревъ долго жилъ въ Америкѣ, затѣмъ прибылъ въ совѣтскую Россію и, снявъ подъ Петербургомъ участокъ земли, пытался развести огороды въ большомъ масштабѣ.

Дѣло не клеилось, изъ-за того же самодурства совѣтскихъ властей, которое глушитъ всякое живое дѣло. Дягтиревъ рѣшилъ уѣхать обратно въ Америку и запросилъ своего друга, сколько стоитъ билетъ на пароходѣ до города Вера-Круцъ, въ которомъ жилъ его другъ, причемъ городъ для краткости былъ обозначенъ лишь двумя буквами — ВК.

Это было въ моментъ возникновенія «процесса лицеистовъ». Письмо Дягтирева какъ-то попало, вмѣсто Америки, въ ГПУ. И вотъ на допросѣ арестованнаго Дягтирева слѣдователь заявилъ ему, что Дягтиревъ «несомнѣнно хотѣлъ бѣжать заграницу къ бѣлогвардейцамъ, а буквы ВК означаютъ — великій князь».

Этотъ трагическій фарсъ закончился ссылкой Дягтирева въ Соловки только на 10 лѣтъ. Говорю «только», ибо самъ агрономъ ожидалъ, судя по царившему на процессѣ лицеистовъ настроенію, что его разстрѣляютъ за Вера-Круцъ, показавшійся чекистамъ «великимъ княземъ».

Во всемъ мірѣ отвѣтственность за тѣ или иные поступки несетъ тотъ, кто эти поступки совершалъ. Для Соловковъ это тоже «буржуазный предразсудокъ». Въ лагерѣ общее вниманіе обращаетъ на себя графиня Фредериксъ, глубокая уже старуха. За что же она попала въ соловецкую каторгу? Единственно справедливымъ и отвѣчающимъ дѣйствительности «обвиненіемъ» является слѣдующее мѣсто въ ея дѣлѣ:

«Родная сестра кровожаднаго бюрократа графа Фредерикса, бывшаго министра двора Николая II».

Но помимо самаго факта преслѣдованія сестры за прошлое брата, характерно и знаменательно то, что самого «кровожаднаго бюрократа» (кстати, крайне мягкаго человѣка, никогда не имѣвшаго какого бы то ни было отношенія къ царской политикѣ) ГПУ оставило спокойно умирать въ его квартирѣ.

Въ Соловкахъ можно встрѣтить цѣлый рядъ отцовъ, матерей, женъ, дочерей и сестеръ, попавшихъ въ «концлагэрь» за дѣянія своихъ сыновей, мужей и братьевъ. Въ средѣ этихъ совершенно невинныхъ людей большая часть —

такъ называемые «заложники», жизнь которыхъ ГПУ беретъ въ обезпеченіе лояльнаго отношенія къ совѣтской власти ихъ родственниковъ.

Особенно часты случаи ссылки на Соловки по 66-ой статьѣ (шпіонажъ). Сюда часто относятся лица, вѣрой и правдой служившіе дѣлу укрѣпленія совѣтской арміи и флота и брошенные въ тюрьму только потому, что ихъ подчиненнымъ-коммунистамъ хотѣлось выслужиться передъ ГПУ или самимъ занять ихъ посты. По такой причинѣ попалъ въ лагерь, напримѣръ, бывшій командиръ совѣтскаго дредноута «Маратъ» Вонлярлярскій (на 3 года), совѣтскій военный спеціалистъ, бывшій генералъ генеральнаго штаба Якимовичъ и др.

Всѣ, когда либо служившіе въ бѣлыхъ арміяхъ или имѣвшіе къ нимъ какое либо отношеніе, немедленно посылаются на Соловки. Подлая ложь объ «амнистіи» имѣетъ силу лишь до того момента, когда тотъ или иной «амнистированный» переступитъ порогъ ГПУ.

На основаніи многочисленныхъ примѣровъ, я утверждаю, что каждый возвращающійся въ Россію эмигрантъ, каждый обнаруженный въ самой Россіи «бѣлогвардеецъ», хотя бы они вполнѣ подходили подъ «амнистію», непремѣнно получатъ такую статью:

«Бандитизмъ, массовый разстрѣлъ коммунистовъ и растрата народнаго достоянія».

Это стереотипное обвиненіе предъявляется иногда даже къ лицамъ, которыя только жили въ той мѣстности, которая была когда либо занята бѣлыми арміями. Оно предъявляется всѣмъ «возвращенцамъ», всѣмъ русскимъ, бѣгущимъ на родину изъ иностранныхъ легіоновъ (въ сентябрѣ 1925 года такихъ «амнистированныхъ» на Соловки прибыло сразу около 100 человѣкъ), всѣмъ бывшимъ военнымъ, почему либо кажущимся подозрительными для ГПУ, отъ рядового солдата до генерала (напримѣръ, въ Соловкахъ много лѣтъ сидѣлъ бывшій начальникъ канцеляріи при походномъ Донскомъ атаманѣ Смагинъ; въ 1925 году его увезли въ ссылку въ Устьсысольскъ).

Въ «бандитизмѣ, массовомъ разстрѣлѣ коммунистовъ и растратѣ народнаго достоянія» обвинили, между прочимъ, и меня. Опровергать это вздорное обвиненіе значитъ придавать вѣсъ чекистской выдумкѣ. Скажу только, что единственное мое «контръ-революціонное дѣяніе», считающееся въ совѣтской Россіи большимъ преступленіемъ — сокрытіе своего офицерскаго званія — мнѣ даже не было поставлено въ вину. Лишнее доказательство того, что дѣйствительная вина совѣтскаго подсудимаго (если она вообще имѣется), въ красныхъ «судахъ» совершенно не принимается въ расчетъ, разъ есть статья, по которой тому или иному прокурору или слѣдователю изъ ГПУ угодно васъ послать на смерть или на каторгу.

Являясь по существу всегда высосаннымъ изъ чекистскаго пальца, обвиненіе въ «бандитизмѣ, массовомъ разстрѣлѣ коммунистовъ и растратѣ народнаго достоянія» примѣняется такъ часто по той простой причинѣ, что осужденные за это «преступленіе», по особому декрету, немедленно передаются изъ вѣдѣнія наркомюста (народнаго комиссаріата юстиціи) въ вѣдѣніе ГПУ и никакимъ амнистіямъ не подлежатъ.

Въ соловецкомъ лагерѣ вы можете найти представителей любой національности, любой религіи, любой профессіи. Русскіе и граждане всѣхъ государствъ міра, православные, протестанты, лютеране, католики и евреи, офицеры, чиновники, рабочіе, студенты, крестьяне, учителя, доктора, писатели, артисты, художники, адвокаты, торговцы, портные, — все это опытной рукой смѣшано въ пеструю массу такъ называемыхъ «контръ-революціонеровъ».

Въ этомъ морѣ «каэровъ» особеннымъ трагизмомъ своего положенія выдѣляется очень многочисленное на Соловкахъ заключенное православное духовенство.

Преслѣдованіемъ религіи и русскаго духовенства руководилъ особый «Церковный отдѣлъ» ГПУ и его предсѣдатель Тучковъ. Пользуясь методами, общими для всего ГПУ, Тучковъ кстати и некстати примѣняетъ ко всѣмъ аре-

стованнымъ епископамъ, священникамъ и вѣрующимъ общую для всѣхъ 72-ую статью уголовнаго кодекса:

«Несоблюденіе декретовъ объ отдѣленіи церкви отъ государства».

Казалось бы, статья эта имѣетъ опредѣленный, узкій смыслъ, точно характеризующій преступленіе — несоблюденіе декретовъ. Однако, предъявляется она лицамъ, совершенно не противодѣйствовавшимъ декретамъ объ отдѣленіи церкви отъ совѣтскаго государства. Подъ 72-ую статью ГПУ подводитъ, что ему угодно.

Въ дѣлахъ находящихся на Соловкахъ духовныхъ лицъ, присланныхъ въ лагерь по 72-ой статьѣ, я видѣлъ такія обвиненія:

«Противодѣйствіе изъятію церковныхъ цѣнностей».

«Монархическая пропаганда».

«Церковная контръ-революція».

«Воспитаніе дѣтей въ религіозномъ духѣ».

«Натравливаніе одной части вѣрующихъ на другую» и многое другое.

Что понимается подъ вышеуказанными «преступленіями», видно изъ такихъ фактовъ:

Когда былъ изданъ декретъ о реквизиціи церковныхъ цѣнностей «на нужды голодающихъ Поволжья» (въ дѣйствительности, церковное золото и драгоцѣнные камни въ огромномъ количествѣ оказались въ карманахъ коммунистовъ), послѣдовало разъясненіе, что церковные предметы, необходимые для совершенія богослуженій — св. чаша, евангеліе и т. д. — не могутъ быть реквизированы. Епископъ одной изъ южныхъ епархій, основываясь на точномъ смыслѣ этого разъясненія, отказался выдать нужныя для богослуженій вещи. Онъ попалъ въ Соловки на 5 лѣтъ.

Священникъ К., на основаніи декрета совнаркома о томъ, что обученіе дѣтей Закону Божьему разрѣшается лишь въ частномъ домѣ и группѣ дѣтей не больше 3 человѣкъ, преподавалъ Законъ Божій въ своей квартирѣ собственнымъ дѣтямъ. Его послали въ Соловки на 3 года.

Цѣлый рядъ епископовъ, священниковъ, монаховъ и прихожанъ попали въ Соловки за защиту чистаго православія отъ погрома его такъ называемыми «живой», «обновленческой» и прочими «церквами» (ихъ обвинили въ «натравливаніи одной части вѣрующихъ на другую»). Какъ извѣстно, вся «живая церковь» — произведеніе «церковнаго отдѣла ГПУ» и субсидируется предсѣдателемъ его Тучковымъ во имя разложенія православія.

Непередаваемый гнетъ, насилія и издѣвательства соловецкой администраціи съ особенной яркостью обрушиваются именно на головы заключеннаго духовенства. Всѣ наиболѣе трудныя работы приходится выполнять священникамъ и епископамъ. Съ поразительнымъ смиреніемъ, покорностью и выносливостью духовенство рубитъ лѣсъ, прокладываетъ дороги, чиститъ уборныя, высушиваетъ болота, разрабатываетъ торфъ.

Каждымъ словомъ, каждымъ жестомъ любой соловецкій чекистъ старается задѣть, оскорбить заключенныхъ священниковъ. Въ ихъ присутствіи администрація бранится съ особымъ кощунствомъ. Ихъ пайки обкрадываются со всѣхъ сторонъ. Въ ихъ среду администрація стремится втесать побольше «стукачей».

Чинятся всевозможныя препятствія къ полученію духовенствомъ изъ дому посылокъ и денегъ. Какія бы то ни было богослуженія, конечно, совершенно исключаются. За желаніе перекреститься на работѣ, чины «Команды надзора» бьютъ по рукамъ плетью.

Въ Соловкахъ въ настоящее время свыше 400 человѣкъ представителей православнаго духовенства. Съ каждой новой партіей прибываютъ новые священники, епископы и міряне, осужденные по той же 72-ой статьѣ, толкуемой столь произвольно.

Изъ среды заключеннаго на Соловкахъ духовенства выдѣляется управляющій Московской епископіей Илларіонъ (Троицкій), близкій другъ и сподвиж-

никъ покойнаго патріарха Московскаго и всея Руси Тихона, сведеннаго въ преждевременную могилу большевистскими преслѣдованіями. Архіепископъ Илларіонъ особенно прославился своей безстрашной борьбой съ «живой церковью».

Около пяти лѣтъ тому назадъ этотъ стойкій ревнитель православія былъ посланъ московскимъ ГПУ въ холмогорскій концентраціонный лагерь, въ которомъ пробылъ два съ половиной года въ кошмарныхъ условіяхъ. Больной старикъ, онъ вынужденъ былъ половину своего пути пройти пѣшкомъ по этапу, въ глубокомъ снѣгу, въ легкой одеждѣ и рваныхъ сапогахъ.

Отсидѣвъ свй срокъ въ Холмогорахъ, архіепископъ Илларіонъ вернулся въ Москву и съ новымъ рвеніемъ поднялъ стягъ борьбы за гонимое властью православіе. Противъ него начались новыя интриги со стороны «живоцерковниковъ» и купившаго ихъ ГПУ. Архіепископъ, талантливый ораторъ, присутствовалъ на всѣхъ религіозныхъ диспутахъ, защищая церковь.

Послѣ одного тзъ такихъ диспутовъ, на которомъ Илларіонъ выступилъ противъ Луначарскаго и до такой степени разбилъ всѣ его доводы, что аудиторія освистала наркомпроса, архіепископа снова арестовали и послали въ Соловки (на 5 лѣтъ) за «церковную контръ-революцію».

Нѣкоторое время онъ пробылъ въ «концлагерѣ» на Поповомъ островѣ, а лѣтомъ 1925 года его перевезли въ Кремль. Въ монастырѣ Илларіонъ попалъ въ руки къ Начальнику перваго отдѣленія «концлагеря», чекисту Баринову, который въ свитябрѣ 1925 г. отправилъ архіепископа въ «штрафной изоляторъ». Въ немъ Илларіонъ находится и понынѣ, ежедневно ожидая смерти.

Осенью 1924 года въ Соловки ГПУ прислало епископа петербургскаго Масуила. Въ должности управляющаго петроградской епископіей онъ замѣнилъ извѣстнаго митрополита Веніамина, звѣрски разстрѣляннаго большевиками въ августѣ 1922 года. Епископъ Масуилъ (въ мірѣ Лемешевскій) протестовалъ противъ открытой продажи чекистами на петербургскихъ рынкахъ цѣнностей, изъятыхъ изъ храмовъ якобы для помощи голодающимъ Поволжья, за что и былъ арестованъ «голодающимъ» ГПУ.

Трагическая участь постигла епископа Тамбовскаго Петра. Въ концѣ прошлаго года (въ ноябрѣ) епископъ скончался въ «Штрафномъ изоляторѣ» на Сѣкиркѣ. Есть очень много данныхъ считать правдой слухи о томъ, что его задушили чекисты.

По той же 72-ой статьѣ присланы и преданы тѣмъ же соловецкимъ пыткамъ викарій Саратовскій Петръ (въ мірѣ Соколовъ), епископъ Колпинскій Серафимъ, настоятель Казанскаго монастыря Питиримъ (Крыловъ) со всей братіей и другое черное и бѣлое духовенство, монахи и міряне.

Въ моментъ наиболѣе напряженной борьбы ГПУ съ покойнымъ патріархомъ Тихономъ мы были готовы увидѣть въ лагерѣ и этого святителя земли русской. Только загадочная смерть его (въ Россіи многіе увѣрены, что Патріархъ былъ отравленъ) избавили его отъ соловецкой каторги. Теперь со дня на день можно ожидать высылки на Соловки замѣстителя почившаго Патріарха — митрополита Петра Крутицкаго.

Среди заключеннаго на Соловкахъ православнаго духовенства попадаются и священнослужители иныхъ христіанскихъ церквей — ксендзы, пасторы. Общее вниманіе на себя обращаетъ очень рѣдкая въ совѣтскихъ тюрьмахъ фигура — живоцерковный епископъ. Бывшій столичный священникъ, онъ продалъ совѣтской власти свою церковь и своего Бога и былъ негласнымъ агентомъ московскаго ГПУ.. Однако, очень скоро грязь и продажность такъ называемой «живой» церкви» возмутили и этого ренегата. Онъ отрекся отъ совѣтской церкви, покаялся въ своемъ отступничествѣ передъ вѣрующими, чистосердечно вскрывъ тѣсную связь между «живой церковью» и ГПУ. За «разглашеніе тайнъ госполитуправленія» онъ и попалъ на Соловки.

Въ лагерѣ этотъ «епископъ» бойкотируется всѣми безъ исключенія заключенными. Его въ лицо называютъ Іудой. Чекисты же то и дѣло съ бранью и издѣвательствами просятъ у него «благословенія».

Одинъ изъ главныхъ столповъ краснаго террора, знаменитый палачъ Лацисъ, предсѣдатель сперва Кіевской, потомъ Московской че-ка, еще въ 1918 году писалъ въ спеціальномъ чекистскомъ журналѣ «Красный Терроръ»:

«Не ищите въ дѣлѣ обвиняемаго уликъ о томъ, возсталъ ли онъ противъ совѣтовъ оружіемъ или словомъ. Первымъ долгомъ вы должны его спросить, къ какому классу онъ принадлежитъ, какого онъ происхожденія, каково его образованіе и какова его профессія. Эти вопросы должны рѣшить судьбу обвиняемаго».

Принимая во вниманіе столь неожиданные принципы совѣтскаго «суда», надо ли удивляться тому, что гибнущіе на Соловкахъ профессора (напримѣръ, чехъ Нѣманицъ) присланы на каторгу за... шпіонажъ, купцы (семья Левитъ, Николаевъ, Геннисонъ и мн. др.) за... «вооруженный бандитизмъ», крестьяне (Булгаковъ, Геништа, Шигаевъ и т. д.) за... «связь съ иностранной буржуазіей», бывшіе гвардейскіе офицеры (братья Жерве, Чайковскій и др.) за... «экономическій шпіонажъ» и такъ далѣе въ томъ же духѣ.

Разъ — «первымъ долгомъ вы должны его спросить, къ какому классу принадлежитъ обвиняемый и каково его образованіе» — то не все ли равно, по какой статьѣ, по какому обвиненію человѣкъ долженъ быть убитъ или брошенъ въ вѣчную каторгу?

Ближайшій помощникъ того же Лациса чекистъ Угаровъ, теперь видный дѣятель центральнаго ГПУ, заявилъ какъ-то въ публичной рѣчи:

«У насъ, большевиковъ, такой принципъ: если человѣкъ не годенъ къ работѣ — разстрѣлять. Это не богадѣльня».

И этотъ людоѣдскій принципъ широко примѣняется въ СССР. Я зналъ въ Соловкахъ одного дряхлаго старика, нѣкогда служившаго на царско-сельской желѣзной дорогѣ. Разсматривая его дѣло, прокуроръ петербургскаго ГПУ требовалъ его разстрѣла на томъ основаніи, что «эта старая развалина только даромъ ѣстъ совѣтскій хлѣбъ».

Исключительнымъ шедевромъ можно считать и то «преступленіе», за которое въ лагерь попалъ нѣкій Витте. Онъ дальній родственникъ давно уже мертваго С. Ю. Витте, бывшаго премьеръ-министра и министра финансовъ до-военной Россіи, творца Портсмутскаго мира съ Японіей и русскихъ займовъ заграницей. Находящійся въ Соловкахъ Витте никакого преступленія не совершалъ, даже въ совѣтскомъ толкованіи. Его прислали въ лагерь (на 3 года) только за «бѣлогвардейскую фамилію».

Съ другой стороны я зналъ человѣка, котораго арестовали въ поѣздѣ между Петербургомъ и Москвой за... «подозрительную физіономію» и на основаніи этого «преступленія» продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ петроградскомъ ГПУ (Гороховая 2).

Я уже говорилъ раньше объ исключительно тяжеломъ положеніи женщинъ на Соловкахъ. Чекисты то и дѣло врываются ночью въ «Женскій корпусъ» и творятъ тамъ неслыханныя насилія. Завѣдующій «женскимъ штрафнымъ изоляторомъ» Гусинъ, чекистъ изъ Крыма, глумленіями надъ женщинами, женами, матерями, невѣстами и сестрами заключенныхъ, доводитъ ихъ до сумасшествія и самоубійства.

Подавляющее число заключенныхъ на Соловкахъ женщинъ — заложницы за своихъ родственниковъ мужчинъ. Бросается въ глаза обиліе сельскихъ учительницъ. Дѣло въ томъ, что каждая учительница считается въ совѣткой деревнѣ, съ одной стороны, любовницей любого пріѣзжающаго въ село коммунистическаго чиновника, съ другой стороны — пѣшкой въ рукахъ сельскихъ «комсомоловъ» — союзовъ коммунистической молодежи. Коммунисты насилуютъ учительницъ, «комсомолы» заставляютъ ихъ участвовать въ антирелигіозныхъ спектакляхъ и

дикихъ оргіяхъ. Противодѣйствіе такому преступленію и наглому использованію единственной культурной силы въ деревнѣ и влечетъ за собой тюрьму и ссылку.

Щадя изстрадавшуюся душу соловецкой женщины-заключенной, я не хочу называть именъ. Но въ памяти у меня сотни фактическихъ случаевъ безпримѣрнаго попранія женской чести и стыдливости.

Значительную часть лагерныхъ «контръ-революціонеровъ» составляютъ иностранцы. Въ отношеніи условій жизни, питанія, работъ и пр. ихъ положеніе ничѣмъ не отличается отъ положенія русскихъ «каэровъ». Тѣ же «рабочія роты», та же гнилая треска, тотъ же торфъ и лѣсорубки, та же Сѣкирка.

«Иностранная колонія» на Соловкахъ весьма значительна. Я затрудняюсь назвать хотя бы приблизительную цифру. Да это и не такъ важно. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, за что попадаютъ иностранцы на Соловки.

Ниже я даю рядъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, ограничиваясь сухимъ изложеніемъ фактовъ. Выводы изъ нихъ пусть сдѣлаетъ самъ читатель.

Въ Соловецкомъ лагерѣ, наряду съ другими иностранцами, въ настоящее время находятся:

Нѣмецъ Гнерихъ, германскій подданный. Онъ — капитанъ коммерческаго флота. Прибылъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сов. Россію, какъ представитель крупной торговой фирмы. Черезъ короткое время былъ арестованъ по обвиненію въ «контръ-революціи» и безъ суда, несмотря на его протестъ, отправленъ на Соловки.

Латышъ генералъ фонъ-деръ-Лауницъ. Попалъ въ лагерь за «баронскую идеологію и военный шпіонажъ» (статья 66-ая).

Австріецъ Бенедиктъ, изъ Вѣны, чехословацкій подданный. Бенедиктъ — извѣстная личность въ промышленныхъ кругахъ Европы, имѣлъ міровое дѣло по выработкѣ колбасъ. Въ началѣ 1925 года Бенедиктъ, получивъ совѣтскую визу и имѣя рекомендацію вѣнскаго совѣтскаго представителя, прибылъ въ Россію, гдѣ на собственныя средства, тоже съ разрѣшенія совѣтскихъ властей, купилъ пароходъ, и погрузилъ на него товаръ большой стоимости. Въ Новороссійскѣ мѣстное ГПУ наложило на пароходъ арестъ, а самого Бенедикта посадило въ тюрьму. Центральная власть распорядилась немедленно освободить купца и снять арестъ съ его товаровъ; однако, мѣстныя власти отказались исполнить это приказаніе. Послѣ продолжительной переписки между различными инстанціями ГПУ Бенедикта отправили въ Москву, затѣмъ въ Сибирь (въ Ново-Николаевскую тюрьму), затѣмъ въ Соловки (на 3 года).

Бенедиктъ — старикъ (свыше 60 лѣтъ), глухой. У него сразу же реквизировали всѣ вещи и деньги. Новороссійское ГПУ выдало ему клочекъ бумаги, на которомъ значится, что «у гражданина Бенедикта отобраны такіе то №№ иностранныхъ кредитныхъ билетовъ». Какая валюта реквизирована — ГПУ предусмотрительно не указало, дабы и въ будущемъ не возращать ея владѣльцу.

Эстонцы Мотисенъ и Андерсонъ. Пріѣхали изъ Ревеля на «Всероссійскую выставку» (1923 г.), вмѣсто чего очутились на Соловкахъ за «экономическій шпіонажъ».

Шведъ Штренбергъ, финляндскій подданный. Пріѣхалъ изъ Гельсингфорса, получивъ представительство заграничной торговой фирмы. Былъ любезно встрѣченъ петербургскимъ и московскимъ отдѣлами «Наркомвнѣшторга» (народнаго комиссаріата внѣшней торговли), получилъ лестную рекомендацію къ народному комиссару иностранныхъ дѣлъ. Въ Москвѣ, благодаря жилищному кризису, долго не могъ найти себѣ квартиры и рѣшилъ въ концѣ концовъ обратиться за содѣйствіемъ въ наркоминдѣлъ. Въ дѣло вмѣшалось ГПУ, заявившее: («остроумный» отвѣтъ ГПУ приводится въ точности)

«Комнату мы вамъ дадимъ. Только въ ГПУ».

Я видѣлъ этого несчастнаго торговца въ одной изъ московскихъ тюремъ (въ Бутыркѣ). Онъ періодически объявлялъ голодовку, но безъ всякаго успѣха.

Индусы Курезъ-Шахъ и Кабиръ-Шахъ. Оба за тотъ же «военный шпіонажъ». Первый изъ нихъ ни слова не говоритъ по-русски. Какъ онъ могъ быть въ Россіи шпіономъ — секретъ ГПУ. Характерно, что Курезъ-Шахъ, желая хоть немного облегчить свое положеніе, записался въ существующій на Соловкахъ «Марксистскій кружокъ» (при «Культпросвѣтѣ») и слушаетъ коммунистическія лекціи, ничего въ нихъ не понимая. Второй — Кабиръ-Шахъ — очень хорошій чертежникъ и тоже, конечно, никогда шпіономъ не былъ.

Эстонецъ Веригоръ. Одно время онъ былъ областнымъ агрономомъ совѣтской Киргизской республики. Устроивъ въ этой мѣстности рядъ культурныхъ хозяйствъ, Веригоръ задумалъ открыть кооперативъ по продажѣ въ Киргизіи сельскохозяйственныхъ орудій. Собравъ для этой цѣли деньги, агрономъ поѣхалъ въ Москву закупать машины. Насколько центральное правительство одобрительно относилось къ его задачѣ, видно изъ того, что на время пребыванія Веригора въ Москвѣ ему было предоставлена комната въ самомъ Наркомземѣ (народномъ комиссаріатѣ земледѣлія), на Пречистенскомъ бульварѣ.

Увы, и онъ не избѣгъ общей участи. Агронома неожиданно арестовали, отобрали у него всѣ деньги и выслали на Соловки за «шпіонажъ» (на 3 года).

Нѣмецъ Кохъ, германскій подданный, коммерсантъ изъ Гамбурга. Почему онъ пріѣхалъ въ Россію, какъ попалъ на Соловки — я не знаю. Знаю лишь то, что и ему была предъявлена все та же 66-ая статья (шпіонажъ).

Мексиканскій консулъ въ Египтѣ графъ Віоляръ съ женой. Графъ совершенно не знаетъ русскаго языка, въ Россію попалъ совершенно случайно. Это, однако, не помѣшало обвинить его въ «организаціи контръ-революціоннаго заговора и военномъ шпіонажѣ» и прислать въ лагерь на 5 лѣтъ.

Графъ фигура достаточно на Соловкахъ колоритная, на немъ стоитъ остановиться подробнѣе.

Генеральный консулъ Мексики въ Египтѣ женатъ на русской, грузинской княжнѣ Караловой. Родственники госпожи Віоляръ все время оставались на Кавказѣ. Года два тому назадъ консулъ съ женой, съ особаго разрѣшенія непосредственно изъ Москвы, пріѣхали изъ Каира въ Тифлисъ, къ родителямъ графини.

Результатомъ этой поѣздки было то, что консулъ съ супругой, несмотря на дипломатическіе паспорта, несмотря на горячіе протесты и жалобы мексиканскому правительству (какъ потомъ выяснилось, всѣ телеграммы Віоляра въ Америку уничтожались), былъ арестованъ тифлисскимъ ГПУ и препровожденъ по этапу въ Соловки.

Въ лагерѣ графъ занимаетъ нѣсколько привиллегированное положеніе. Онъ не принимаетъ участія въ общихъ принудительныхъ работахъ, хотя живетъ тоже въ «рабочей ротѣ». Графиня отъ работъ, однако, не освобождена: она работаетъ въ прачешной, моетъ бѣлье администраціи и соловецкаго полка.

Льготы, которыми пользуется мексиканскій консулъ, объясняются двумя причинами: во-первыхъ, ему изъ Америки присылаютъ деньги, а за нихъ можно въ лагерѣ купить все и всѣхъ, а, во-вторыхъ, его судьбой, какъ будто, интересуются въ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ.

Такъ, сравнительно часто графъ получаетъ письма отъ Чичерина и Литвинова, въ отвѣтъ на его жалобы и требованія дать ему возможность уѣхать въ Египетъ или въ Мексику.

Графу разрѣшается видѣть свою жену разъ въ недѣлю — полчаса. Любопытно наблюдать, какія уловки примѣняетъ мексиканскій дипломатъ для того, чтобы лишній разъ увидѣть свою ставшую прачкой жену. Каждое утро, когда заключенные идутъ на работу, и каждый вечеръ, когда лагерь возвращается съ работъ, графъ прячется близъ «женскаго корпуса», издали привѣтствуя графиню.

Какъ я уже говорилъ, въ «Культпросвѣтѣ» устраиваются иногда платные спектакли. И вотъ консулъ каждый разъ покупаетъ два очень дорогихъ билета во второмъ ряду, посылая одинъ билетъ женѣ, дабы нѣсколько часовъ просидѣть съ ней рядомъ. Что говорится на сценѣ — графъ абсолютно не понимаетъ

ни слова, да это для него и не важно. Иногда одинъ и тотъ же спектакль повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ Віоляръ покупаетъ свои два билета!

Нѣмецъ Вейнгартъ, германскій подданный, изъ Берлина. Вейнгартъ, по профессіи фельдшеръ, былъ арестованъ на Кавказѣ, куда ѣздилъ по дѣламъ, и привезенъ въ Москву. Человѣкъ очень настойчивый, онъ добился того, что предъявленное ему кавказскими чекистами обвиненіе въ «шпіонажѣ» было снято и центръ его оправдалъ. Выяснилось, что арестъ былъ произведенъ по недоразумѣнію.

Однако, пребываніе столь «подозрительнаго лица» въ СССР было признано нежелательнымъ. ГПУ положило въ дѣлѣ фельдшера резолюцію:

«Выслать на родину черезъ Польшу».

Принимая во вниманіе обостренныя отношенія между Германіей и Польшей, опасаясь новаго, теперь уже польскаго, ареста, Вейнгартъ просилъ отправить его другимъ путемъ. Въ этомъ ему отказали.

Чекистскій патруль привезъ фельдшера къ самой русско-польской границѣ. Здѣсь произошелъ такой діалогъ между начальникомъ патруля и нѣмцемъ:

«Вотъ граница. Идите».

«Куда же я пойду безъ документовъ»? — взмолился фельдшеръ.

«А зачѣмъ вамъ документы?»

«Какъ же, у меня въ ГПУ отобрали всѣ бумаги. Даже удостовѣренія личности нѣтъ. Меня сейчасъ же арестуютъ въ Польшѣ».

«Это не наше дѣло. Идите, пока не пристрѣлили».

Вейнгартъ перешелъ границу. Въ Польшѣ его задержалъ польскій патруль и посадилъ въ тюрьму. Черезъ нѣкоторое время фельдшера, по подозрѣнію въ совѣтскомъ шпіонажѣ, выслали въ... Россію. Попавъ снова въ ГПУ, Вейнгартъ былъ обвиненъ въ «шпіонажѣ въ пользу Польши» и отправленъ на Соловки (3 года).

Такими трагическими анекдотами я могъ бы заполнить не одну страницу своихъ записокъ. Думаю, что и вышеприведенныхъ фактовъ достаточно для представленія себѣ общей картины совѣтскаго «суда» и «справедливости».

Обобщая приговоры, вынесенные находящимся въ Соловкахъ иностранцамъ, можно сказать, что приговоры эти вызываются соображеніями трехъ родовъ: 1) когда необходимо получить такъ называемый «обмѣнный товаръ», то-есть иностранныхъ подданныхъ для обмѣна ихъ на задержанныхъ въ другихъ государствахъ коммунистовъ, 2) въ порядкѣ краснаго террора по отношенію къ гражданамъ тѣхъ странъ, въ которыхъ въ данный моментъ преслѣдуются коммунисты и 3) для откровеннаго грабежа денегъ или имущества того или иного иностранца.

«Живой товаръ» для обмѣна набирается въ Соловкахъ преимущественно изъ гражданъ окружающихъ Россію странъ. Въ особенности много поляковъ, эстонцевъ, финновъ и пр. Представители этихъ національностей поставлены, можетъ быть, въ наихудшія условія. Они нетерпѣливо ожидаютъ своей «обмѣнной» очереди.

Стоило только правительствамъ Болгаріи, Эстоніи, Польши, Финляндіи, Венгріи, Турціи и т. д. принять строгія мѣры противъ разрушительной работы коммунизма въ своихъ странахъ, — ГПУ сейчасъ же начало высылать на Соловки болгаръ, эстонцевъ, венгровъ, турокъ и т. д.

Отправка по грабительскимъ мотивамъ практикуется такъ же очень часто. Желая завладѣть чужимъ имуществомъ или деньгами, ГПУ (въ особенности этимъ отличается совѣтская провинція) безъ лишнихъ разговоровъ обвиняютъ того или иного богатаго иностранца въ «шпіонажѣ» и бросаютъ его въ тюрьму, спрятавъ предварительно въ свой карманъ его деньги.

Бываетъ и такъ, что тому или иному совѣтскому учрежденію не хочется платить по счетамъ, и оно обращается за соотвѣтствующимъ содѣйствіемъ къ ГПУ.

Такъ, я знаю одного эстонца, имѣвшаго въ Москвѣ водопроводную мастерскую. Ему московскій «Откомхоз» (отдѣлъ коммунальнаго хозяйства) поручилъ ремонтировать водопроводы и канализацію въ «Домѣ совѣтовъ» (бывшая гостиница «Асторія»). Когда ремонтъ былъ произведенъ и надо было платить за него, «Откомхоз» нашелъ блестящій способъ расплаты: онъ обвинилъ эстонца въ «представленіи преувеличенныхъ счетовъ, подрывающихъ благосостояніе СССР», а ГПУ посадило его въ тюрьму!

Есть въ Москвѣ учрежденіе, спеціально занимающееся поставкой на Соловки «нежелательныхъ иностранцевъ». Это — коминтернъ, его иностранныя отдѣленія. Всѣ иностранцы, заподозрѣнные въ «бѣлогвардейcтвѣ», трудами коминтерна попадаютъ подъ наблюденіе, а потомъ и въ вѣдѣніе ГПУ.

Въ особенности энергично дѣйствуютъ въ этомъ направленіи коммунистическій представитель Японіи Катаяма и Венгріи Бела-Кунъ. Въ Россіи до сихъ поръ очень много венгерцевъ, бывшихъ военноплѣнныхъ. И вотъ каждый венгерецъ, желающій возвратиться на родину, то-есть въ «черносотенную Венгрію» считается «сторонникомъ Хорти» и попадаетъ въ тюрьму. Почти ежемѣсячно въ Москвѣ инсценируются «покушенія на Бела-Куна», послѣ чего цѣлыя партіи венгровъ ѣдутъ на Соловки.

Иногда въ лагерь попадаютъ такіе иностранцы, обвиненіе которыхъ кажется полнымъ абсурдомъ даже съ совѣтской точки зрѣнія. Напримѣръ, врядъ ли самъ Дзержинскій можетъ объяснить, за что въ Соловкахъ сидитъ Сейдъ-Али-Надиръ, Ханъ Афганскій.

Ханъ весьма популярная личность въ духовномъ и свѣтскомъ мірѣ Афганистана; онъ, кажется, единственный въ своей странѣ окончилъ университетъ (Оксфордскій). Не поладивъ съ афганистанскимъ правительствомъ, Сейдъ-Али рѣшилъ искать пріюта въ Россіи, вполнѣ легально перейдя границу между Афганистаномъ и русскими азіатскими владѣніями. И совѣтская власть, вмѣсто того, чтобы, по своему обыкновенію, использовать хана для борьбы съ сосѣдями, отправила его въ Соловки безъ какого бы то ни было обвиненія (3 года).

Разстрѣлы по отношенію къ иностранцамъ практикуются въ той же степени, какъ и по отношенію къ заключеннымъ-русскимъ, и тѣмъ же явочнымъ порядкомъ.

Переведенный изъ Архангельскаго лагеря въ Соловецкій Али-Шахъ, англійскій подданный, въ 1923 году, вмѣстѣ съ нѣмцемъ Альпомъ и русскимъ Бутурлинымъ, были обвинены въ попыткѣ бѣжать съ Соловковъ. Альпа убили, Бутурлина разстрѣляли черезъ годъ. Али-Шахъ не выходитъ изъ «штрафного изолятора».

Али-Шахъ этотъ извѣстенъ въ лагерѣ еще тѣмъ, что онъ отказался добровольно ѣхать на Соловки. Тогда чекисты его раздѣли до-нага (дѣло было зимой) и голымъ бросили въ пароходный трюмъ.

Лѣтомъ 1925 года былъ разстрѣлянъ за «вызывающее отношеніе къ администраціи» польскій гражданинъ Напольскій, студентъ-медикъ.

Тогда же разстрѣляли нѣмца Грюнвальда, агронома.

Внѣ всякаго сомнѣнія, были и другіе разстрѣлы иностранцевъ. Но если о томъ или иномъ иностранцѣ становится извѣстнымъ въ лагерѣ, что онъ «освобожденъ», или «обмѣненъ», или «переведенъ въ другой лагерь», кто можетъ утверждать, что это лицо не разстрѣляно тайно?..

VI

Близъ Кемскаго побережья, изрытаго холодными водами Бѣлаго моря, расположена группа острововъ, заселенныхъ частично рыболовами — русскими и различными мелкими подраздѣленіями сѣверныхъ племенъ. Наиболѣе крупнымъ въ этомъ архипелагѣ является Поповъ островъ; къ югу и юго-востоку отъ

него идетъ цѣлый рядъ мелкихъ острововъ, въ большинствѣ даже безымянныхъ. На Поповомъ островѣ и расположенъ Кемскій концентраціонный лагерь, входящій въ составъ Соловковъ и подчиненный «Управленію сѣверными лагерями особаго назначенія», то-есть тому же Ногтеву. Оффиціально лагерь на Поповомъ островѣ называется «Кемскимъ пересылочно-распредѣлительнымъ пунктомъ».

Уже одно названіе даетъ понять, какія функціи возложены на Кемское отдѣленіе Соловковъ. Оно распредѣляетъ присылаемыхъ изъ тюремъ Россіи въ Кемь заключенныхъ по различнымъ островамъ и скитамъ на работы. На Поповомъ островѣ, имѣющемъ характеръ пересыльной тюрьмы, скопляются этапы заключенныхъ, которые, съ открытіемъ навигаціи, слѣдуютъ дальше на Соловки. Наконецъ, постоянно между Соловками и Кемью происходитъ обмѣнъ «контръ-революціонеровъ», въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ работъ крупнаго масштаба.

Въ 1922 году направляясь въ Соловки, я пробылъ въ Кемскомъ лагерѣ всего 4 дня. Присланный на работы изъ Кремля на Поповъ островъ (въ ноябрѣ 1925 года), я провелъ на немъ 3 недѣли, вплоть до моего бѣгства.

Поповъ островъ имѣетъ форму буквы С, съ утолщеніемъ посрединѣ и извилистыми углами, направленными на востокъ. Поверхность его равняется, приблизительно, 15 кв. верстамъ. Весь островъ покрытъ никогда не высыхающими болотами; берега его, какъ и на Соловкахъ, также весьма изрыты и извилисты и напоминаютъ финскія или шведскія шхеры.

Благодаря близости къ материку, климатъ здѣсь немного мягче, чѣмъ на Соловкахъ, морозы не такъ суровы. Зато продолжительнѣе и гуще туманы, сильнѣе даетъ себя чувствовать сырость, періоды дождей продолжительнѣе. Общесоловецкій бичъ — комары — здѣсь доставляютъ столько мученій, что нерѣдки случаи умопомѣшательства отъ не дающихъ покоя ни днемъ, ни ночью насѣкомыхъ.

Лагерь устроенъ близъ южнаго берега. Составляющія его зданія — деревянные бараки — выстроены частично старой русской властью, частично англичанами. Баракъ — типъ сарая для продовольственныхъ складовъ, скудно освѣщаемый днемъ небольшими оконцами, ночью тусклой лампой; печи — такъ называемыя «буржуйки» — устроены уже въ послѣднее время. Всѣ бараки сооружены на болотѣ, а потому характерны своей затхлой, сырой атмосферой, на стѣнахъ и потолкахъ — пятна сырости и плѣсени.

Съ южной стороны лагеря, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ берега, расположенъ большой, съ многочисленными окнами и дверями, баракъ. Это — «Караульное помѣщеніе», гдѣ живутъ красноармейцы, охраняющіе лагерь. Изъ ихъ числа ежедневно назначаются наряды часовыхъ для постовъ вокругъ лагеря (въ особыхъ будкахъ, вдоль проволочнаго загражденія) и внутри лагеря — у воротъ, въ «Комендатурѣ» и пр.

За «Караульнымъ помѣщеніемъ» — входныя ворота, вырубленныя въ высокомъ деревянномъ заборѣ, увѣнчанномъ нѣсколькими рядами колючей проволоки. Пройдя, мимо караульнаго поста, въ ворота, вы видите предъ собой длинный помостъ бревенъ, образующій собой нѣчто въ родѣ торцовой мостовой. Такія бревенчатыя дороги густой сѣтью покрываютъ весь островъ съ его безконечными болотами и оврагами.

Дорога отъ входныхъ воротъ называется... «Невскимъ проспектомъ»; она прорѣзываетъ концентраціонный лагерь съ юга на сѣверъ. По обѣ стороны импровизированнаго «Невскаго проспекта» тянутся бараки, въ большей части одинаковой величины. По правую сторону вы видите «Женскій баракъ», баракъ съ канцеляристами и чекистами, затѣмъ бараки съ уголовными, по лѣвую сторону — «Комендатуру», бараки съ «каэрами» и «шпаной», помѣщеніе лагернаго старосты и т.д.

Направо отъ «Невскаго Проспекта» тянется рядъ другихъ, болѣе узкихъ деревянныхъ помостовъ, ведущихъ къ другимъ баракамъ съ заключенными, къ мастерскимъ, складамъ, кухнѣ, уборной и пр.

Ковечно, наскоро сколоченные, расположенные не на достаточной высотѣ бревенчатыя помосты отнюдь не защищають идущихъ по нимъ отъ болотъ. Въ дождливое время, осенью и весной, болота Попова острова выступають изъ своихъ береговъ и заливають, какъ «Невскій Проспектъ», такъ и лагерные бараки. Неоднократно всѣ заключенные выгонялись чекистами на осушку болотъ. Но за отсутствіемъ опытныхъ руководителей, дѣло оканчивалось тѣмъ, что деньги, отпущенныя центромъ на осушку Попова острова, мирно успокаивались въ карманахъ администраціи.

За сѣверной стѣной проволоки расположено нѣсколько, тоже деревянныхъ, но значительно лучше построенныхъ и оборудованныхъ домовъ. Въ одномъ изъ нихъ живетъ начальство охраняющаго Поповъ островъ 95-го дивизіона «ЧОН» (частей особаго назначенія), входящаго въ составъ «Соловецкаго полка особаго назначенія», въ другихъ — красноармейцы дивизіона. Послѣднихъ осенью 1925 года было около 200 человѣкъ; какъ и на Соловкахъ, солдаты хорошо вооружены, но одѣты очень бѣдно и неряшливо.

Отъ расположенной на восточномъ берегу Попова острова пристани идетъ къ станціи Кемь желѣзнодорожная вѣтка. Звеномъ, связующимъ материкъ съ островомъ, является переброшенная черезъ проливъ дамба съ мостомъ, по которому проведены рельсы. Съ лѣвой стороны желѣзнодорожной вѣтки (если взять направленіе на Кемь) расположенъ лѣсопильный заводъ, съ правой, ближе къ морю, лѣсные склады, затѣмъ станція Поповъ Островъ. На сѣверѣ имѣется поповская радіо-станція.

Городъ Кемь, раскинувшійся по обоимъ берегамъ рѣки съ тѣмъ же названіемъ, былъ нѣкогда значительнымъ портомъ по отправкѣ въ центральную Россію рыбы и пушного звѣрья. Огромный потокъ богомольцевъ, направлявшійся въ Соловецкій монастырь также черезъ Кемь, со своей стороны вносилъ въ городъ большое оживленіе. Теперь Кемь — полуразрушенное село. Импортъ въ центральную Россію рыбы и мѣховъ давно уже заглохъ: реквизиціи у мѣстныхъ рыбаковъ и охотниковъ сѣтей, огнестрѣльнаго оружія, всякихъ иныхъ рыболовныхъ и охотничьихъ снастей разрушили окончательно эти полезные промыслы. Богомольцевъ нѣтъ, ибо самаго монастыря давно уже нѣтъ. Медленное умираніе Кеми, могильная тишина разрушеннаго города, нарушается лишь пьяными безобразіями чекистовъ концентраціоннаго лагеря.

Высшая администрація «Кемперраспредпункта» («Кемскаго пересылочно-распредѣлительнаго пункта») пугаетъ уцѣлѣвшихъ жителей города безпорядочной стрѣльбой по ночамъ, бьетъ стекла въ единственной въ городѣ гостиницѣ, открыто швыряетъ казенныя деньги на вино и «шмаръ» (любовницъ), которыхъ многіе чекисты выписываютъ непосредственно изъ Петербурга или Москвы. Все это остается совершенно безнаказаннымъ. На жалобы гражданъ Кеми, на просьбы ихъ усмирить высокопоставленныхъ хулигановъ, московское ГПУ отвѣчаетъ:

«По наведеннымъ справкамъ указанныя вами свѣдѣнія не отвѣчаютъ дѣйствительности...»

За трехлѣтнее существованіе свое Кемскій концентраціонный лагерь пережилъ многочисленныя «смѣны поповскихъ министровъ», какъ называютъ въ лагерѣ представителей администраціи.

Довольно продолжительное время «Комендантомъ Кемперраспредпункта» былъ нѣкій Гладковъ, родомъ изъ города Калуги, совершенно безграмотный рабочій. Гладковъ уже въ лагерѣ еле научился подписывать свои «приговоры» и «приказы» неразборчивыми начальными буквами своей фамиліи. И несмотря на такую «образованность», этотъ палачъ около двухъ лѣтъ имѣлъ право казнить и миловать заключенныхъ.

До революціи Гладковъ сидѣлъ въ калужской тюрьмѣ за кражу. Тамъ же отбывала наказаніе и его жена, бывшая проститутка. Послѣ революціи, вмѣстѣ

съ политическими заключенными, были освобождены изъ калужской тюрьмы и «политическіе» Гладковы. Вступивъ, какъ и приличествуетъ всѣмъ бандитамъ, въ коммунистическую партію, супруги быстро сдѣлали карьеру, а съ превращеніемъ Соловковъ въ концентраціонный лагерь, попали на Поповъ островъ въ роли коммунистическихъ губернаторовъ.

Въ особенности замѣтную память о себѣ оставила мадамъ Гладкова. Ненавидя «буржуевъ» всей своей каторжной душой, она сразу же взяла подъ свое покровительство находившихся въ кемскомъ лагерѣ уголовныхъ, то-есть, такихъ же, какъ она, воровъ, убійцъ, сутенеровъ и проститутокъ. Командуя своимъ мужемъ, она командовала и всѣмъ лагеремъ. Одного слова Гладковой было достаточно, чтобы освободить ту или иную партію «шпаны» отъ работъ и взвалить послѣднія на «контръ-революціонеровъ». Гладкова неизмѣнно улучшала питаніе уголовныхъ, доставала для нихъ спиртъ и пр. Въ благодарность за такое воистину материнское попеченіе, уголовные въ глаза и за глаза называли ее «родной матерью». Да представитъ себѣ читатель, какой гнетъ испытывали несчастные кемскіе «каэры» въ эпоху «губернаторства» этой малопочтенной четы!

Партійный билетъ далъ Гладкову возможность и право открыто грабить казенныя суммы. Вѣроятно, онъ и до сихъ поръ успѣшно развивалъ бы свою дѣятельность въ данномъ направленіи, не освободись изъ лагеря одинъ изъ заключенныхъ и не донеси онъ въ центръ о гладковскихъ преступленіяхъ.

Но здѣсь снова повторилась исторія, чрезвычайно характерная для совѣтской власти. Въ Кемь прибыла «ревизіонная комиссія» (Сольцъ и др.). Комиссія эта, уличивъ Гладкова и его жену въ рядѣ подлоговъ, мошенничествъ и растратъ, все же нашла возможнымъ ихъ амнистировать, освободить отъ наказанія и перевести въ родной городъ — Калугу — для службы по тому же грабительскому вѣдомству — ГПУ.

Въ началѣ 1924 года изъ Москвы въ Кемь пріѣхалъ новый комендантъ кемскаго лагеря нѣкій Кирилловскій, бывшій унтеръ-офицеръ одного изъ петербургскихъ гвардейскихъ полковъ. Отличался онъ поразительнымъ даже для чекиста пьянствомъ. Черезъ годъ Кирилловскаго перевели на Соловки на должность начальника 4-го отдѣленія лагеря.

Лѣтомъ 1925 года центральное ГПУ прислало на Поповъ островъ новаго коменданта, нѣкоего Федякова. Онъ уроженецъ Сибири, по происхожденію крестьянинъ, былъ долгое время сотрудникомъ Иркутскаго ГПУ. Малограмотный парень (Федяковъ еще молодъ), этотъ комендантъ является непремѣннымъ дѣйствующимъ лицомъ всѣхъ кемскихъ анекдотовъ, характеризующихъ исключительную тупость этого чекиста. По единодушному мнѣнію, такого дурака на Поповомъ островѣ еще не было.

Большое значеніе въ каждой совѣтской тюрьмѣ и въ каждомъ концентраціонномъ лагерѣ имѣетъ староста. Въ началѣ старостой былъ Чистяковъ, чекистъ изъ заключенныхъ. По его словамъ, онъ попалъ въ ссылку за участіе въ кронштадтскомъ возстаніи, но, насколько извѣстно, ни одинъ чекистъ на сторонѣ возставшихъ въ Кронштадтѣ (въ 1921 году) противъ совѣтской власти матросовъ не былъ. Большой негодяй и кокаинистъ, Чистяковъ жилъ въ лагерѣ, какъ король. Мнѣ разсказывали въ Кеми, что Чистяковъ заставлялъ заключенныхъ умывать себя!

Въ послѣднее время старостой Кемскаго лагеря былъ нѣкто Тельновъ. На немъ стоитъ остановиться подробнѣе.

Иванъ Гавриловичъ Тельновъ, бывшій офицеръ, былъ присланъ на Соловки, какъ активный участникъ антибольшевицкаго движенія (онъ служилъ въ арміи генерала Деникина). Перипетіи гражданской войны создали изъ него, такъ сказать, любителя сильныхъ ощущеній не безъ налета авантюризма. Очень интересный какъ мужчина, онъ завоевалъ сердце госпожи Александровской, жены чекиста Александровскаго, въ то время еще имѣвшаго вліяніе на соловецкія дѣла.

Благодаря протекціи высокопоставленной дамы и собственной ловкости, Тельновъ скоро сталъ старостой Соловецкаго лагеря.

Въ этой должности Тельновъ спеціализировался, главнымъ образомъ, на преслѣдованіи т. н. «политическихъ и партійныхъ», которыхъ онъ ненавидѣлъ больше, чѣмъ самихъ коммунистовъ, и «шпаны», всемѣрно защищая въ то же время интересы «контръ-революціонеровъ». Снискавъ полное къ себѣ довѣріе мѣстныхъ властей, Тельновъ устраивалъ такъ, что ни одна жалоба на него со стороны заключенныхъ соціалистовъ не доходила въ Москву.

Одновременно Тельновъ подготовлялъ побѣгъ. О послѣднемъ узнали, Тельнову грозилъ разстрѣлъ. Опять таки благодаря защитѣ Александровской и собственному умѣнію лавировать, Тельновъ не только остался живъ, но и не понесъ никакого наказанія. Желая «замазать» дѣло, соловецкая администрація послала его на Поповъ островъ на должность лагернаго старосты.

На Поповомъ островѣ Иванъ Гавриловичъ — «каэры» называли его въ своемъ кругу «нашъ Ванька» — снова повелъ ту же тонкую и опасную игру. Съ одной стороны онъ завлекалъ въ кутежи, взяточничество и развратъ верхушку кемской администраціи, съ другой посильно помогалъ «каэрамъ» и гнулъ, что называется, въ бараній рогъ низшую администрацію лагеря. Идя ва-банкъ, Тельновъ, не стѣсняясь, билъ уголовныхъ за малѣйшій проступокъ или ропотъ и сажалъ въ карцеръ рядовыхъ чекистовъ.

Однажды Тельновъ узналъ, что на него пишется чекистами жалоба въ Москву. Объ этомъ было сообщено тогдашнему коменданту кемскаго лагеря Кирилловскому, всецѣло подпавшему подъ вліяніе энергичнаго и безстрашнаго офицера. Кирилловскій, по совѣту и настоянію Тельнова, вызвалъ къ себѣ доносчиковъ, жестоко избилъ ихъ и посадилъ на мѣсяцъ въ «строгій изоляторъ».

Когда чекистовъ вели въ карцеръ, Тельновъ крикнулъ имъ:

«Еще одна жалоба и я васъ, сволочи, всѣхъ разстрѣляю...»

Незамѣтно для самихъ себя, всѣ главные чекисты на Поповомъ островѣ оказались въ рукахъ у Тельнова, сдѣлались его сообщниками. Постепенно привлекая ихъ къ ближайшему участію въ дебошахъ, вымогательствахъ, подлогахъ и взяткахъ, ловкій староста не только заинтересовалъ ихъ денежно, но и купилъ ихъ молчаніе и покровительство тѣмъ соображеніемъ, что если бы и нашелся среди нихъ человѣкъ, захотѣвшій погубить Тельнова, этимъ самымъ онъ погубилъ бы и самого себя, такъ какъ въ распоряженіи Тельнова было достаточно вѣскихъ уликъ противъ всей кемской администраціи.

Идя къ намѣченной цѣли съ такой настойчивостью, подготовивъ нужную ему почву, Тельновъ принялся за осуществленіе главной своей задачи: побѣга.

Ему не улыбался одиночный побѣгъ его самого; ему, имѣвшему возможность достать любые настоящіе и фальшивые документы и часто по дѣламъ лагеря пріѣзжавшему въ Кемь, было нетрудно бѣжать чуть ли не совершенно легально. Тельновъ хотѣлъ вывести въ ближайшую къ Соловкамъ страну — Финляндію — весь Кемскій лагерь.

«Пусть потомъ весь сѣверъ Россіи заговоритъ о Ванькѣ Тельновѣ»... — говорилъ онъ не разъ посвященнымъ въ его тайны «каэрамъ».

Тельновъ предполагалъ, совершивъ всѣ нужные подготовительные шаги, въ одинъ прекрасный день разоружить весь 95-ый дивизіонъ. Сдѣлать это было бы не такъ трудно, принимая во вниманіе численное соотношеніе охраны и заключенныхъ, безусловно въ полномъ своемъ составѣ связавшихъ бы свою судьбу съ судьбой Тельнова. Намѣчалась организація особыхъ «ударныхъ группъ», которыя должны были въ намѣченный моментъ захватить склады съ оружіемъ, убить всѣхъ красноармейцевъ и чекистовъ и походнымъ порядкомъ двинуться къ границѣ Финляндіи. Внушительный отрядъ бѣжавшихъ «контръ-революціонеровъ» (въ то время численность лагеря доходила до 2000 человѣкъ) имѣлъ бы всѣ шансы пробиться сквозь незначительные совѣтскіе патрули.

Ночь наканунѣ возстанія Тельновъ хотѣлъ провести на квартирѣ у Кирилловскаго, собрать туда высшую администрацію лагеря и напоить ее.

Къ сожалѣнію, этотъ смѣлый, хотя и выполнимый планъ рухнулъ съ трагической смертью Тельнова.

Третируемые старостой мелкіе чекисты, уголовные и заключенные соціалисты соединили свои усилія для «ликвидаціи захватившаго лагерь опаснаго контръ-революціонера». Одна изъ жалобъ на Тельнова дошла до Москвы. ГПУ прислало въ Кемь слѣдственную комиссію.

Тельнова увезли на судъ въ Соловки и тамъ разстрѣляли въ сентябрѣ 1925 года.

Все это разсказывало мнѣ въ Кеми лицо, посвященное въ планы Тельнова. По словамъ соловецкихъ красноармейцевъ, разстрѣлявшихъ кемскаго старосту, Тельновъ спокойно выслушалъ приговоръ и умеръ, какъ герой.

Опуская цѣлый рядъ «работающихъ» въ настоящее время на Поповомъ островѣ чекистовъ, столь же жестокихъ, тупыхъ и вороватыхъ алькоголиковъ, какъ и ихъ соловецкіе собратья, укажу, въ качествѣ примѣра, на помощника коменданта Топорова. Онъ считается спеціалистомъ по доставкѣ на Соловки «шмаръ» изъ числа заключенныхъ на Поповомъ островѣ женщинъ. У него цѣлый гаремъ. Вопіющія издѣвательства надъ женщинами не въ состояніи описать никакое перо.

Уже въ день моего прибытія изъ Кремля на Поповъ островъ, я услышалъ такое приказаніе начальника «Караульнаго помѣщенія»:

«Петька, притащи мнѣ рублевую»...

Я не понялъ этого приказа. И мнѣ объяснили, что заключенныхъ-женщинъ на Поповомъ островѣ обычно не называютъ по фамиліи, а сообразно ихъ пригодности для удовлетворенія похоти администраціи — «рублевыми», «полтинишными» или «пятиалтынными», приравнивая ихъ даже по внѣшнимъ признакамъ къ проституткамъ.

Работы на Поповомъ островѣ такія же, какъ и на Соловкахъ. То же относится и къ условіямъ жизни, питанію и репрессіямъ.

Если на Соловкахъ промежуточной инстанціей между «изоляторомъ» и разстрѣломъ являются «каменные мѣшки», то на Поповомъ островѣ за соотвѣтствующія «преступленія» — «ставятъ на комаръ».

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ примѣненія этого наказанія. Одинъ изъ весьма многочисленныхъ въ кемскомъ лагерѣ заключенныхъ казаковъ сталъ требовать выдачи ему полученной изъ дому посылки съ продуктами, реквизированной чекистомъ Новиковымъ въ свою пользу. Пресѣкая «злостную контръ-революцію» Новиковъ распорядился:

«На комаръ его!»

Съ казака сняли всю одежду до бѣлья включительно и, совершенно голаго, привели къ комендатурѣ. Напротивъ нея устроенъ особый помостъ со столбомъ и отверстіями для ногъ. Казаку выворотили руки назадъ и привязали его къ столбу. Черезъ полчаса все тѣло несчастнаго покрылось волдырями отъ укусовъ. Чувствуя мучительный зудъ, казакъ кричалъ на весь лагерь.

Черезъ часъ онъ чуть слышно стоналъ, а когда его снимали съ этого чекистскаго креста, онъ былъ въ безсознательномъ состояніи...

Соловецкіе ужасы большею частью заглушаютъ въ заключенныхъ всякую сопротивляемость, всякую энергію, а отсюда — всякое желаніе попытаться вырваться изъ моря крови и человѣческаго горя. Только единицы выпавшими на ихъ долю испытаніями закаляютъ свой духъ, свою волю.

Провидѣнію угодно было причислить и меня къ такимъ единицамъ. Я всѣ годы своего плѣна у чекистовъ боролся самъ съ собой, подавлялъ свою усталость, заострялъ свою волю. Я хотѣлъ бѣжать и я бѣжалъ.

По причинамъ, о которыхъ, вѣроятно, догадается читатель, я лишенъ возможности разсказать, какъ мнѣ удалось подготовить свое бѣгство и какъ я совершилъ его. Излишнія подробности могли бы повредить многимъ тамъ, въ закабаленной моей Россіи.

Скажу только, что, сбривъ бороду, которую я намѣренно носилъ въ лагерѣ, я по фальшивымъ документамъ уѣхалъ изъ Кеми по желѣзной дорогѣ въ Мурманскъ, пробылъ тамъ нѣкоторое время, одѣлся и добылъ немного денегъ. Изъ Мурманска я въ форменной фуражкѣ инженера путей сообщенія проѣхалъ, тоже въ поѣздѣ, черезъ Кемь далеко на югъ, затѣмъ двинулся, уже пѣшкомъ, снова на сѣверъ, къ границамъ Финляндіи.

Границу между сов. Россіей и Финляндіей я перешелъ 16 декабря 1925 г.

Мои воспоминанія объ Императорѣ Николаѣ II-омъ и Вел. Князѣ Михаилѣ Александровичѣ *)

Ю. Н. Данилова.

Въ моей жизни, по характеру службы и дѣятельности въ Генеральномъ штабѣ, мнѣ пришлось встрѣчаться съ довольно большимъ кругомъ лицъ, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, пріобрѣли нынѣ характеръ именъ историческихъ.

Изъ массы накопившихся впечатлѣній, подѣлюсь своими воспоминаніями о послѣднемъ Россійскомъ Монархѣ Императорѣ Николаѣ II и намѣчавшемся, послѣ отреченія, преемникѣ его Великомъ Князѣ Михаилѣ Александровичѣ.

* * *

Въ годъ вступленія въ Главнокомандованіе Дѣйствующей Арміей Императору Николаю II-му исполнилось всего 47 лѣтъ. — Онъ былъ въ расцвѣтѣ силъ и здоровья.

Большинство фотографій даютъ довольно вѣрное представленіе о внѣшности и фигурѣ послѣдняго русскаго Монарха; онѣ, какъ кто-то справедливо отмѣтилъ, не передаютъ только особенностей выраженія его глазъ и загадочности той полуулыбки, которая почти всегда блуждала на его губахъ.

Лучшимъ изображеніемъ его я все же считаю портретъ Сѣрова — Государь «въ тужуркѣ».

Государь былъ невысокаго роста, плотнаго сложенія, съ нѣсколько непропорціонально развитою верхнею половиною туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполнѣ поворотливый видъ и вся его фигура, при движеніи, подавалась какъ-то особенно, правымъ плечомъ впередъ.

Императоръ Николай II носилъ небольшую свѣтлую овальную бороду, отливавшую рыжеватымъ цвѣтомъ, и имѣлъ сѣро-зеленые спокойные глаза,

*) Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ автору.

отличавшіеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренно всегда отдѣляла его отъ собесѣдника. Можетъ быть, это впечатлѣніе являлось результатомъ того, что Императоръ никогда не смотрѣлъ продолжительно въ глаза лицу, съ которымъ говорилъ. — Его взглядъ или устремлялся куда-то вдаль, черезъ плечо собесѣдника, или медленно скользилъ по всей фигурѣ послѣдняго, ни на чемъ особенно не задерживаясь.

Всѣ жесты и движенія Императора Николая были очень размѣренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей и люди, близко знавшіе его, говорили, что Государь никогда не спѣшилъ, но никуда и не опаздывалъ.

Императоръ Николай встрѣчалъ лицъ, являвшихся къ нему, хотя и сдержанно, но очень привѣтливо. Онъ говорилъ не спѣша, негромкимъ, пріятнымъ груднымъ голосомъ, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались почти неловкія паузы, которыя можно было даже понять, какъ отсутствіе дальнѣйшихъ темъ для продолженія разговора.—Впрочемъ, эти паузы могли находить себѣ объясненіе и въ нѣкоторой застѣнчивости и внутренней неувѣренности въ себѣ. Эти черты Государя выявлялись и наружно нервнымъ подергиваніемъ плечъ, потираніемъ рукъ и излишне частымъ покашливаніемъ, сопровождавшимся затѣмъ безотчетнымъ разглаживаніемъ рукою бороды и усовъ. — Въ рѣчи Императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцентъ, становившійся болѣе замѣтнымъ при произношеніи имъ словъ съ русской буквой «ять».

Въ общемъ Государь былъ человѣкомъ средняго масштаба, котораго несомнѣнно должны были тяготить государственныя дѣла и тѣ сложныя событія, которыми полно было его царствованіе. Разумѣется не по плечу и не по знаніямъ ему было и непосредственное руководительство войною. Весьма сложныя причины, о которыхъ стоитъ когда нибудь разсказать особо, привели его къ рѣшенію стать лично во главѣ войскъ. Безотвѣтственное и безпечальное житіе, мнѣ думается, должно было бы болѣе отвѣчать и внутреннему складу послѣдняго Русскаго Монарха. Простой въ жизни и въ обращеніи съ людьми, безупречный семьянинъ, очень реелигіозный, любившій не слишкомъ серьезное чтеніе, преимущественно историческаго содержанія, Императоръ Николай безусловно, хотя и по своему, любилъ Россію, жаждалъ ея величія и мистически вѣрилъ въ крѣпость своей Царской связи съ народомъ. — Идея незыблемости самодержавнаго строя въ Россіи пронизывала всю его натуру насквозь и наблюдавшіяся въ періодъ его царствованія временныя отклоненія отъ этой идеи въ сторону уступокъ общественности, на мой взглядъ, могутъ быть объясняемы только приступами слабоволія и податливости его натуры. Подъ чужимъ давленіемъ, онъ лишь сгибался, чтобы потомъ немедленно сдѣлать попытку къ выпрямленію...

Впрочемъ, это была очень сложная натура, разгадать и описать которую еще никому не удалось. — Къ пониманію характера Императора Николая, мнѣ думается, легче подойти путемъ знакомства съ отдѣльными фактами и эпизодами изъ его жизни, столь трагически закончившейся. Не претендуя на полноту, я попытаюсь набросать нѣсколько лично мнѣ извѣстныхъ сценъ и собственныхъ наблюденій.

* * *

Осенью и зимою 1904-го года, мнѣ, по должности начальника оперативнаго отдѣленія Главнаго Штаба, пришлось участовать въ царскихъ объѣз-

дахъ войсковыхъ частей, отправлявшихся на Дальній Востокъ. Каждую изъ этихъ частей — Государь лично напутствовалъ своимъ словомъ и благословлялъ образомъ.

Было жуткое время. — Подошли послѣдніе дни передъ паденіемъ Портъ-Артура.—Въ царскомъ поѣздѣ получались шифрованныя донесенія о безнадежности положенія въ осажденной крѣпости, гдѣ находился запертымъ почти весь нашъ тихоокеанскій флотъ.—Комендантъ крѣпости Генералъ Стессель слалъ истерическія телеграммы, взывая къ «молитвамъ обѣихъ Императрицъ». — Кругомъ въ Россіи уже чувствовалось дыханіе революціоннаго звѣря...

Въ царскомъ поѣздѣ большинство было удручено событіями, сознавая ихъ важность и тяжесть. Но Императоръ Николай II почти одинъ хранилъ холодное, каменное спокойствіе. Онъ попрежнему интересовался общимъ количествомъ верстъ, сдѣланныхъ имъ въ разъѣздахъ по Россіи, вспоминалъ эпизоды изъ разнаго рода охотъ, подмѣчалъ неловкость встрѣчавшихъ его лицъ, и т.д.

Что это, спрашивалъ я себя, — огромная, почти невѣроятная выдержка, достигнутая воспитаніемъ, вѣра въ божественную предопредѣленность событій, или недостаточная сознательность?

Свидѣтелемъ того-же ледяного спокойствія Царя мнѣ пришлось быть и позднѣе; въ 1915-мъ году въ трудный періодъ отхода нашихъ войскъ изъ Галичины; въ слѣдующемъ году, когда назрѣвалъ окончательный разрывъ Царя съ общественными кругами, и въ мартовскіе дни отреченія во Псковѣ въ 17-мъ году...

* * *

Во главѣ Морского Министерства довольно долго стоялъ Адмиралъ Григоровичъ. Это былъ умный и очень тонкій Министръ, котораго одно время даже прочили на постъ премьера. Усилія его были сосредоточены на скорѣйшемъ возсозданіи флота, погибшаго въ періодъ японской войны.

Въ 1912-мъ году Адмираломъ Григоровичемъ была внесена въ законодательныя учрежденія морская программа, существенною частью которой являлась постройка судовъ линейнаго флота. — Нашъ Генеральный Штабъ, какъ и нѣкоторыя группы морскихъ офицеровъ, не раздѣляли мнѣнія о пользѣ срочной постройки линейныхъ судовъ и усматривали въ испрашивавшемся отпускѣ многомильонныхъ ассигнованій на эту постройку серьезный тормазъ для развитія болѣе необходнмаго подводнаго флота и сухопутной арміи.

Инспирируемый нами, Генералъ Сухомлиновъ, никогда не умѣвшій, впрочемъ, быть настойчивымъ въ вопросахъ, которые могли поколебать его личное положеніе, пытался, однако, нѣсколько разъ докладывать Государю о несвоевременности выдвигавшейся Морскимъ Министромъ программы, но напрасно. — Государь, питавшій къ морскому дѣлу и къ морякамъ личное расположеніе, упорно держался взглядовъ Адмирала Григоровича и не сдавалъ.

— Я ничего не могу сдѣлать, — сказалъ намъ однажды В. А. Сухомлиновъ. — Въ послѣдній разъ Государь, случайно бывшій въ морской формѣ,

сухо возразилъ мнѣ: «Предоставьте, Владиміръ Александровичъ, болѣе авторитетно судить о военно-морскихъ вопросахъ намъ-морякамъ»...

Такъ рѣшительно Императоръ Николай пресѣкалъ доклады своихъ Министровъ, имѣвшіе цѣлью повліять на измѣненіе разъ принятаго имъ рѣшенія и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы выходили за предѣлы ихъ непосредственнаго вѣдѣнія.

Императоръ видимо усматривалъ въ этомъ вмѣшательствѣ покушеніе на свою самодержавную власть; въ дѣйствительности же, при отсутствіи объединеннаго Министерства и единой программы, это вмѣшательство, можетъ быть и ненормальное, было единственнымъ средствомъ доводить до Верховной власти о наличіи разномыслія въ мѣропріятіяхъ, предположенныхъ къ осуществленію различными Министрами.

* *
*

Императоръ Николай былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ. — Въ его личномъ вагонѣ находилась цѣлая молельная изъ образовъ, образковъ и всякихъ предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ религіозному культу. — При объѣздѣ въ 1914-мъ году войскъ, отправлявшихся на Дальній Востокъ, онъ наканунѣ смотровъ долго молился передъ очередной иконой, которой затѣмъ благословлялъ уходившую на войну часть.

Будучи въ Ставкѣ, Государь не пропускалъ ни одной церковной службы. — Стоя впереди, онъ часто крестился широкимъ крестомъ и въ концѣ службы неизмѣнно подходилъ подъ благословеніе Протопресвитера о. Шавельскаго. — Какъ то особенно, по церковному, они быстро обнимаютъ другъ друга и наклоняются каждый къ рукѣ другого.

Вѣра Государя несомнѣнно поддерживалась и укрѣплялась привитымъ съ дѣтства понятіемъ, что Русскій Царь — помазанникъ Божій. — Ослабленіе религіознаго чувства, такимъ образомъ, было бы равносильно развѣнчанію собственнаго положенія.

Не расчитывая на свои силы и привыкнувъ недовѣрчиво относиться къ окружавшимъ его людямъ, Императоръ Николай II искалъ поддержки себѣ въ молитвѣ и чутко прислушивался ко всякимъ примѣтамъ и явленіямъ, кои могли казаться ниспосылаемыми ему свыше. Отсюда — его суевѣріе, увлеченіе одно время спиритизмомъ и склонность къ мистицизму, подготовившія богатую почву для разнаго рода безотвѣтственныхъ вліяній на него со стороны.

И дѣйствительно, въ періодъ царствованія этого Государя при Дворѣ не разъ появлялись ловкіе авантюристы и проходимцы, пріобрѣтавшіе силу и вліяніе.

Достаточно вспомнить о Распутинѣ и его «предтечѣ» знаменитомъ Филиппѣ, игравшемъ при Дворѣ въ свое время столь видную роль!

Рядомъ съ религіозностью, суевѣріемъ и мистикой въ натурѣ Императора Николая II-го уживался и какой-то особый восточный фатализмъ, присущій, однако, и всему русскому народу. Чувство это отчетливо выразилось въ народной поговоркѣ: «отъ судьбы не уйдешь»!

Эта покорность «судьбѣ» несомнѣнно была одною изъ причинъ того спокойствія и выдержки, съ которыми Государь и его семья встрѣтили тяжелыя испытанія, впослѣдствіи выпавшія на ихъ личную долю.

*
* *

Довольно распространено мнѣніе, что Императоръ Николай II-й злоупотреблялъ спиртными напитками.—Я категорически отрицаю это на основаніи довольно долгихъ личиыхъ иаблюденій. Еще въ 1904-мъ году, во время частыхъ желѣзиодорожныхъ путешествій Государя по Россіи, равно какъ въ различные періоды міровой войны, мнѣ приходилось много разъ быть приглашаемымъ къ Царскому столу, за которымъ картииа была всегда одииаковой. Не существовало, конечно, того «сухого» режима, о которомъ мы часто читаемъ въ разсказахъ о современиой жизии въ С.-Ам. Соед. Штатахъ и отъ котораго такъ легко отказываются жители Великой Заатлантической Республики, пріѣзжающіе къ намъ въ грѣшную Европу, но не приходилось также встрѣчаться и съ тѣмъ, что такъ легко разносилось досужею людскою сплетнею.

Государь подходилъ къ закусочному столу; стоя, выпивалъ онъ, по русскому обычаю, съ наиболѣе почетнымъ гостемъ одну или много двѣ чарки обыкиовеииаго размѣра особой водки «сливовицы»; на короткѣ закусывалъ, и, послѣ первой же чарки, приглашалъ всѣхъ остальныхъ гостей слѣдовать его примѣру. — Давъ время всѣмъ присутствовавшимъ закусить, Императоръ Николай II переходилъ къ обѣдеииому столу и садился по серединѣ таковаго, имѣя иеизмѣнно противъ себя Миииистра Двора, по иаружиому виду чопорнаго и накрахмаленнаго Графа Фредерикса, въ дѣйствительности же очень добраго и привѣтливаго старика. Остальные приглашенные усаживались по особымъ указаиіямъ Гофмаршала. Обиосимые блюда не были многочислеины, ие отличались замысловатостью, ио бывали прекрасио приготовлены. Запивались онѣ обыкновеннымъ столовымъ виномъ, или яблочнымъ квасомъ, по вкусу каждаго изъ гостей.

Государь за столомъ иичего ие пилъ и только къ концу обѣда отливалъ себѣ въ особую походную серебряную чарку одинъ-два глотка какого то особаго хереса или портвейна изъ единственной бутылки, стоявшей на столѣ вблизи его прибора. Ту же бутылку оиъ передавалъ наиболѣе рѣдкимъ и почетнымъ гостямъ, предлагая отвѣдать изъ нея. — Никакихъ ликеровъ къ кофе ие подавалось.

Къ концу обѣда Государь вынималъ изъ портсигара папиросу; затѣмъ доставалъ изъ-за пазухи своей сѣрой походиой рубахи пеньковый колѣнчатаго вида мундштукъ; медленно н методичио вставлялъ въ иего папиросу; закуривалъ ее, и затѣмъ предлагалъ курить всѣмъ. — Сигаръ ие курили, такъ какъ Государь не переиосилъ ихъ запаха.

Я никогда не видѣлъ, чтобы Государь предлагалъ свои папиросы другимъ лицамъ. Оиъ, какъ большой курильщикъ, видимо очень дорожилъ своимъ запасомъ табака, который ему доставлялся изъ Турецкихъ владѣній, въ видѣ подарка отъ Султаиа. Такъ какъ мы были въ войнѣ съ Турціей, то очевидно приходилось бытъ экоиомиымъ.

— Я очеиь радъ, говорилъ шутя Императоръ Николай, что иовый запасъ табака былъ мнѣ привезенъ въ Крымъ отъ Султаиа незадолго до начала войиы и, такимъ образомъ, я оказался въ этомъ отношеніи въ довольно благопріятныхъ условіяхъ.

Періодъ куренія послѣ ѣды былъ очень длителенъ и утомителенъ для некурившихъ, такъ какъ Государь не спѣша выкуривалъ за столомъ не менѣе

двухъ-трехъ довольно большихъ и толстыхъ папиросъ. Затѣмъ Государь медленно поднимался и давалъ возможность пройти всѣмъ своимъ гостямъ впередъ въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ они становились въ рядъ, по новымъ указаніямъ Гофмаршала. Императоръ обходилъ выстроившихся и съ каждымъ говорилъ еще нѣкоторое время. Иногда эта бесѣда затягивалась довольно долго и я, въ бытность свою въ Ставкѣ въ должности Генералъ-Квартирмейстера, очень дорожилъ даннымъ мнѣ разъ навсегда разрѣшеніемъ уходить къ себѣ въ рабочій кабинетъ немедленно послѣ вставанія изъ-за стола.

Я совершенно увѣренъ, что разсказы о царскихъ излишествахъ являлись плодомъ фантазіи недобросовѣстныхъ разсказчиковъ и полагаю, что въ основѣ этихъ сплетенъ лежалъ, повидимому, фактъ посѣщенія отъ времени до времени Государемъ, во время проживанія его въ Царскомъ Селѣ, офицерскихъ собраній нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей. — Но вѣдь, казалось бы, что каждый, несущій извѣстный трудъ, имѣетъ право на отдыхъ среди именно тѣхъ людей, общество коихъ доставляетъ ему удовольствіе! Императоръ Николай любилъ изрѣдка «посидѣть» въ полковой средѣ и весьма возможно, что это сидѣніе могло быть когда либо и болѣе длительнымъ, чѣмъ это разрѣшалось понятіями злонамѣренныхъ разсказчиковъ.

* * *

Императоръ Николай II былъ вообще человѣкомъ очень скромныхъ привычекъ и, насколько я могъ наблюдать, чувствовалъ себя наиболѣе свободно и увѣренно именно въ офицерской средѣ. — Происходило это весьма вѣроятно потому, что изъ-за преждевременной смерти своего отца, онъ, въ бытность Наслѣдникомъ, не имѣлъ возможности достаточно расширить кругъ своей дѣятельности, которая почти не выходила за предѣлы военной службы. Но даже и въ этой спеціальной отрасли служенія Государству, онъ достигъ лишь скромнаго положенія Полковника одного изъ Гвардейскихъ полковъ. Соотвѣтствующіе этому чину погоны Императоръ Николай II и носилъ впродолженіе всего своего царствованія.

Государь очень любилъ физическій трудъ на свѣжемъ воздухѣ, рубилъ, для моціона, дрова и много работалъ у себя въ Царскомъ Селѣ въ паркѣ. Верховой ѣзды онъ не любилъ, но зато много и неутомимо ходилъ, приводя этой своей способностью въ отчаяніе своихъ флигель-адъютантовъ, не всегда своимъ сложеніемъ подходившихъ для столь длинныхъ и утомительныхъ прогулокъ.

Въ простой суконной рубахѣ, съ мягкимъ воротникомъ, въ высокихъ шагреневыхъ сапогахъ, подпоясанный кожанымъ ремнемъ, Императоръ Николай II, въ бытность свою въ Ставкѣ, подавалъ примѣръ скромности и простоты среди всѣхъ тѣхъ, кто окружалъ его, или приходилъ съ нимъ въ болѣе близкое соприкосновеніе.

Я глубоко увѣренъ, что если бы безжалостная судьба не поставила Императора Николая во главѣ огромнаго и сложнаго государства и не вселила въ него ложнаго убѣжденія, что благополучіе этого государства въ сохраненіи принципа самодержавія, то о немъ сохранилась бы память, какъ о симпатичномъ, простодушномъ и пріятномъ въ общеніи человѣкѣ.

* * *

Въ первый періодъ міровой войны, во время довольно частыхъ пріѣздовъ въ Ставку, Императоръ Николай II и его немногочисленная свита продолжали жить въ поѣздѣ. Ни Императрица, ни Наслѣдникъ, во время пребыванія въ должности Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, Ставки не посѣщали.

Царскій поѣздъ, по прибытіи въ Барановичи, устанавливался на спеціальной вѣткѣ, въ томъ же лѣсу, въ которомъ находился поѣздъ Верховнаго, и неподалеку отъ него. Чтобы не подавать никакихъ поводовъ для невыгодныхъ сравненій, мѣсто кругомъ стоянки царскаго поѣзда поддерживалось усиліями Комендатуры Ставки весьма тщательно; кругомъ были расчищены дорожки, поставлены скамейки, посажены цвѣты.

Въ центрѣ Царскаго поѣзда находился вагонъ-столовая, въ меньшей половинѣ котораго была устроена небольшая гостиная съ зеленою шелковою мебелью и такимъ же шелкомъ обтянутыми стѣнами. Рядомъ—узкая прихожая, въ которой входившіе оставляли верхнее платье. У входа въ этотъ вагонъ снаружи въ застывшихъ вытянутыхъ позахъ дежурили два казака изъ Царскаго конвоя—хорошо подобранные красавцы, въ своихъ характерныхъ черкескахъ и папахахъ, лихо надѣтыхъ «на бекрень», съ молодыми энергичными лицами, обрамленными черными, какъ смоль, волосами небольшой вьющейся бороды и усовъ.

Въ холодные дни, когда завтракъ или обѣдъ накрывался не въ лѣсу въ шатрѣ, а въ вагонѣ, приглашенные собирались предварительно въ гостиной, гдѣ стоялъ и закусочный столъ. Столъ этотъ, съ переходомъ приглашенныхъ въ столовую, быстро убирался, такъ какъ въ той же гостиной, по окончаніи трапезы, вновь выстраивались гости, для заключительнаго обхода ихъ Государемъ.

Личное помѣщеніе Государя находилось въ сосѣднемъ вагонѣ, примыкавшемъ вплотную къ прихожей и гостиной вагона-столовой. Помѣщеніе это было едва ли очень покойнымъ, такъ какъ черезъ боковой корридоръ, уменьшавшій къ тому же жилую площадь «собственнаго Его Величества вагона», должны были проходить всѣ лица свиты къ себѣ.

Я не имѣю возможности описать собственный вагонъ Государя въ подробностяхъ, такъ какъ только дважды былъ въ одномъ изъ отдѣленій его — рабочемъ кабинетѣ Государя, да и то вечеромъ, при нѣсколько затемненномъ освѣщеніи. Кабинетъ этотъ былъ устроенъ въ небольшомъ отдѣленіи, повидимому въ два окна, передній уголъ котораго былъ заботливо уставленъ иконами и образками.

Такъ какъ двумъ людямъ въ этомъ отдѣленіи уже трудно было повернуться, то ежедневные оперативные доклады, въ періоды пребыванія Государя въ Ставкѣ, происходили, какъ и въ обыкновенное время, въ моемъ кабинетѣ, куда Императоръ Николай и приходилъ къ 10-ти часамъ утра. — Вечерніе доклады, если таковые вызывались ходомъ дѣйствій, дѣлались мною въ гостиной описаннаго выше вагона, послѣ обѣда и ухода оттуда приглашенныхъ и лицъ свиты.

* * *

Случаи, которые привели меня въ «собственный Его Величества» вагонъ связаны: одинъ — съ награжденіемъ меня орденомъ Св. Георгія 4-ой степе-

ни и другой — со срочнымъ докладомъ о сдачѣ австрійцами намъ Перемышля 9-го Марта 1915-го года*).

Въ нѣсколькихъ словахъ разскажу о первомъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ, получившій за Варшавскую иаступательную операцію, выполненную нашими войсками осеиью 14-го года, Георгіевскій крестъ 3-ей степени, съ большимъ достоинствомъ и съ особымъ ударенiемъ доложилъ Государю, что идеей зтой операціи и ея разработкой онъ чувствуетъ себя обязаннымъ мнѣ. — Мысль о цѣлесообразности переброски части войскъ изъ Галичины иа среднюю Вислу и о сосредоточеніи всѣхъ свободныхъ силъ къ Варшавѣ дѣйствительно была высказана мною Верховному Главнокомандующему на одномъ изъ докладовъ. — Но конечно принять или отвергнуть зту мысль было всецѣло во власти Верховнаго Главнокомандующаго, который и несъ иа себѣ всю тяжесть отвѣтственности въ случаѣ всегда возможиой неудачи. — Государь призналъ, однако, справедливымъ удостоить и меня иагражденіемъ Георгіевскимъ крестомъ, который, какъ нзвѣстио, высоко чтился въ русской арміи.

Въ день иагражденія тѣмъ же крестомъ, но болѣе высокою степеиью Великаго Князя, я, послѣ обычнаго обѣда въ Царскомъ поѣздѣ, получилъ приглашеніе Императора Николая пройти вслѣдъ за нимъ въ его вагонъ.—Войдя въ уже описанное отдѣлеиіе, служившее кабинетомъ, Государь взялъ съ полки нзъ подъ образовъ лежавшій тамъ футляръ. Вынувъ оттуда завѣтный для каждаго военнаго бѣлый змалевый крестикъ, онъ благословилъ имъ меня, и сказалъ при зтомъ по моему адресу нѣсколько теплыхъ словъ. — Растроганный зтой сценой, я принялъ крестъ изъ рукъ Царя и, тутъ же приложилъ его къ своимъ губамъ; затѣмъ принужденъ былъ вложить крестъ обратно въ футляръ, такъ какъ на моемъ кителѣ не нмѣлось соотвѣтственой петлички. Когда я вернулся въ сосѣдній вагонъ — столовую, Великій Князь Николай Николаевичъ, повидимому знавшій о томъ, для чего Государь звалъ меня къ себѣ, быстро и радостио иаправился мнѣ иавстрѣчу съ привѣтствіемъ н тутъ же дрожащими руками сталъ миѣ булавкой прикалывать на грудь мною полученную высокую иаграду...

Геиералъ Янушкевичъ, находившійся при зтой сценѣ н получившій еще до обѣда такой же крестъ, что и я, пожимая мнѣ руку, громко сказалъ:

— Теперь и я свой крестъ буду носить спокойно!

* *
*

Прошли первые годы міровой войны. — Въ теченіе ихъ, я, оставивъ Ставку, прокомандовалъ около года на фроитѣ корпусомъ и затѣмъ, по волѣ Государя, возложившаго на себя обязанности Верховнаго Главнокомандующаго, съ осени 16-го года заиималъ постъ Начальника Штаба армій Сѣвернаго фроита. Главиокомаидующимъ войсками зтого фронта былъ, какъ нзвѣстно, Генералъ-Адъютантъ Н. В. Рузскій.

Многое измѣнилось въ обстановкѣ. — Неудовлетворенная войной, раздираемая внутреннимъ неустройствомъ, атакованная со всѣхъ сторонъ вражеской пропагандой, Россія глухо волновалась.

---

*) Всѣ даты по старому стилю

Земля оскудѣла, заводы бастовали, желѣзныя дороги останавливались... Нензбѣжно надвнгалась революція.

Въ концѣ февраля 1917-го года въ Петроградѣ начались безпорядки, въ которыхъ прнняли участіе рабочіе н запасные, переполнявшіе сверхъ всякой мѣры столичныя казармы.

Императоръ Нниколай II находнлся въ Ставкѣ, перенесенной еще въ 15-мъ году въ Могилевъ. — Обезпокоенный характеромъ безпорядковъ и размѣромъ нхъ, онъ въ ночь на 28-е февраля выѣхалъ въ Царское Село, командировавъ въ столицу, съ особымъ отрядомъ, иаходнвшагося прн немъ и пользовавшагося его довѣріемъ Генералъ-Адъютаита Иванова.

* * *

Однако 1-го марта 1917 г. послѣ полудня отъ Дворцоваго Коменданта Геиерала Воейкова была получена въ штабѣ Сѣвернаго фронта нзъ Старой Руссы, совершенно неожиданно, поразившая всѣхъ иасъ телеграмма, съ сообщеніемъ, что черезъ Дно въ Псковъ слѣдуетъ Государь. Нн о цѣлн поѣздки, нн о порядкѣ слѣдованія Царскаго поѣзда ннкакнхъ свѣдѣній въ телеграммѣ не имѣлось н штабъ Сѣвернаго фроита, путемъ отдѣльиыхъ запросовъ по лнніи, вынуждеиъ былъ установнть вѣроятное время прнбытія иазваннаго поѣзда въ Псковъ.

Правда, иаканунѣ Начальннкомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Геиераломъ Алексѣевымъ было сообщено о намѣчеиной поѣздкѣ Государя нзъ Ставкн въ Цврское Селю, ио оставалось совершенно неяснымъ, какъ Государь могъ оказаться въ Старой Руссѣ, лежавшей въ стороиѣ отъ путн на Царское, н почему онъ, въ такой трудной обстановкѣ, предпочелъ слѣдовать во Псковъ, а не въ Ставку. Неизвѣстенъ былъ также н дальнѣйшій маршрутъ Царскаго поѣзда.

Съ большнмн уснліямн удалось выясннть, что Государь можетъ прнбыть во Псковъ ие раиѣе 6-7 часовъ вечера, вѣрнѣе же — еще поздиѣе. Въ виду такой неопредѣленностн, Генералъ Рузскій и я рѣшнлн, въ ожиданіи прнбытія Царскаго поѣзда, временно переѣхать на вокзалъ, гдѣ мы н помѣстились въ стоявшемъ твмъ на запасномъ пути вагоиѣ Главнокомандующаго. Въ Штабѣ же, для связи съ нами, оставался мой ближайшій помощннкъ Геиералъ-Квартирмейстеръ Штаба фроита Геиералъ В. Г. Болдыревъ. Это тотъ самый Генералъ, который впослѣдствіи въ Снбнри, въ періодъ бѣлаго двнженія, до переворота, совершеннаго Адмираломъ Колчакомъ, входилъ въ составъ Директоріи Членовъ Учреднтельнаго Собраиія и, будучн членомъ «Всероссійскаго Времеинаго Правительства», являлся Главнокомандующимъ вооруженнымн силамн зтого Правнтельства.

Обстаиовка къ зтому времени складывалась далеко не успокоительно...

Еще днемъ были получеиы нзъ столицы телеграммы, въ одной нзъ которыхъ Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко сообщалъ Генералу Рузскому, что, въ внду устраиенія отъ управленія всего бывшаго Совѣта Мнинстровъ, правнтельствеиная власть перешла въ руки «Временнаго Комитета членовъ Государственной Думы», какъ ннкакъ сформнровавшагося самочннно.

Затѣмъ изъ Ставки были получены данныя о томъ, что въ Москвѣ началось возстаніе и гарнизонъ ея переходитъ на сторону мятежниковъ; что безпорядки перекинулись въ Кронштадтъ, и что Командующій Балтійскимъ флотомъ нашелъ невозможнымъ протестовать противъ признанія флотомъ названнаго выше Временнаго Комитета Государственной Думы.

Всѣ эти данныя Генералъ Рузскій долженъ былъ доложить Государю по прибытіи его во Псковъ.

*

* *

Императорскій поѣздъ подошелъ къ станціи «Псковъ» около 8-ми часовъ вечера. — Часомъ раньше прибылъ на ту же станцію свитскій поѣздъ.

Оба поѣзда носили названіе литерныхъ: А и Б. — Во время царскихъ переѣздовъ, они шли другъ за другомъ на нѣкоторомъ разстояніи. Въ пути порядокъ ихъ обычно мѣнялся и впередъ, для достиженія большей безопасности, шелъ, по указаніямъ Дворцоваго Коменданта, то «собственный Его Величества поѣздъ» (лит. А), то «свитскій» (лит. Б).

Ко времени подхода царскаго поѣзда, вокзалъ былъ оцѣпленъ и въ его помѣщенія никого не пускали. — На платформѣ было поэтому безлюдно. — Почетный караулъ выставленъ не былъ, такъ какъ во Псковѣ строевыхъ частей не имѣлось; пріѣздъ же Государя явился вполнѣ неожиданнымъ, почему вызовъ соотвѣтствующей части съ фронта былъ невыполнимъ.

Генералъ Рузскій и я, при приближеніи Царскаго поѣзда, вышли изъ нашего вагона на дебаркадеръ.

Впечатлѣніе, охватившее меня, было таково, точно въ подходившемъ поѣздѣ везли тяжко заболѣвшаго въ пути Императора...

Въ вечерней темнотѣ едва можно было замѣтить очертаніе вагоновъ роскошнаго царскаго поѣзда, медленно и безшумно подкатившаго къ платформѣ, съ изрѣдка пыхтѣвшимъ впереди паровозомъ. Окна вагоновъ были завѣшены непроницаемыми шторами, сквозь щели коихъ пробивались только узкія полоски свѣта, бросавшія на дебаркадеръ длинные, расширявшіеся въ даль отблески.

Кругомъ — безмолвіе и какое то зловѣщее отсутствіе жизни, особенно рельефно подчеркивавшееся темными фигурами нѣсколькихъ служащихъ, безшумно вышедшихъ встрѣтить поѣздъ и почтительно замершихъ на мѣстѣ. Въ пустотѣ и тишинѣ гулко отдавались только наши шаги, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту остановки поѣзда. Вдругъ кто-то торопливо выскочилъ изъ едва остановившагося поѣзда, за нимъ показались еще два-три силуэта людей. — Это были дежурный флигель-адъютантъ и очередные лейбъ-казаки.— Изъ числа послѣднихъ, двое отдѣлились и, по обыкновенію, стали по бокамъ дверей, ведшихъ въ вагонъ Государя; оттуда же открыли освѣщенную дверь и спустили на платформу подвижную обитую коврикомъ лѣстницу, для удобнаго входа въ вагонъ.

Дежурный флигель-адъютантъ, соскочившій на дебаркадеръ, вопросительно обратился къ подошедшему коменданту и затѣмъ быстро направился въ нашу сторону.

— Ваше Высокопревосходительство, сказалъ онъ Генералу Рузскому, беря руку подъ козырекъ, не откажите предварительно пройти къ Министру Двора.

Мы направились въ вагонъ, сосѣднiй съ Царскимъ. Изъ поѣзда потянуло тепломъ и впечатлѣнiе привезеннаго больного, охватившее меня, усилилось еще болѣе — Встревоженныя лица, сдержанныя рукопожатiя, разговоры въ полголоса!..

— Государь Васъ ждетъ въ салонѣ,—сказалъ, обращаясь къ намъ, всегда изысканно-любезный Министръ Двора Графъ Фредериксъ; я пройду предупредить Его Величество о Вашемъ прибытiи...

Черезъ нѣсколько секундъ насъ пригласили пройти черезъ корридоръ помѣщенiя, занимавшагося лично Государемъ, въ хорошо знакомый мнѣ зеленоватый салонъ, составлявшiй, вмѣстѣ со столовой, центральный вагонъ всего царскаго поѣзда.

Тамъ находился уже Государь. — Съ большимъ волненiемъ проходилъ я черезъ небольшую прихожую, примыкавшую къ салону. Впереди шелъ Н. В. Рузскiй, волненiе котораго, какъ всегда, выражалось только въ еще большей, чѣмъ обычно, размѣренности движенiй и окаменѣлости лица. — Государь, въ темно-сѣрой черкесскѣ, составлявшей форму кавказскихъ пластунскихъ батальоновъ, встрѣтилъ насъ съ очень большимъ наружнымъ спокойствiемъ. Онъ разсказалъ намъ обычнымъ своимъ голосомъ о томъ, что его поѣздъ на пути въ Царское Село былъ задержанъ на ст. Малая Вишера извѣстiемъ о занятiи ст. Любани отрядомъ мятежныхъ войскъ, съ орудiями и пулеметами; поэтому онъ и рѣшилъ повернуть поѣздъ на Псковъ, имѣя намѣренiе сдѣлать попытку пробиться отсюда въ Царское Село, — цѣли своего путешествiя... — Выслушавъ затѣмъ краткiй докладъ о положенiи дѣлъ на фронтѣ, Императоръ Николай II добавилъ, что ждетъ прiѣзда во Псковъ Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, чтобы получить отъ него прямыя и подробныя свѣдѣнiя о томъ, что происходитъ въ столицѣ. — Когда же Генералъ Рузскiй добавилъ, что имѣетъ и съ своей стороны нѣкоторыя данныя, относящiяся къ тому же вопросу, которыя имъ получены изъ Ставки для доклада, то Государь отвѣтилъ, что готовъ его выслушать сегодня же, послѣ 9-ти часовъ вечера.

Передъ оставленiемъ царскаго поѣзда, Генералъ Рузскiй и я получили обычное приглашенiе къ обѣду, и, такъ какъ было время собираться къ столу, то мы прошли лишь на нѣсколько минутъ въ вагонъ Главнокомандующаго, чтобы просмотрѣть донесенiя, кои за протекшее время были доставлены намъ Генераломъ Болдыревымъ изъ штаба.

Обѣдъ носилъ очень тягостный характеръ. — Государь былъ хотя и молчаливъ, но наружно спокоенъ. Всѣмъ, разумѣется, было не по себѣ.—Хотѣлось поскорѣе остаться наединѣ, чтобы разобраться въ своихъ впечатлѣнiяхъ; разговоръ поэтому не клеился. — О главномъ, лежавшемъ камнемъ на душѣ у каждаго, никто, конечно, не говорилъ, вещи же обыкновенныя не шли на языкъ. — Я думаю, что всѣ почувствовали большое облегченiе, когда подошло наконецъ время встать изъ-за стола и явилась возможность для каждаго вернуться къ себѣ и къ своему дѣлу.

* * *

До 9-ти часовъ вечера я пробылъ съ Главнокомандующимъ на вокзалѣ и, только проводивъ его до царскаго поѣзда къ докладу, уѣхалъ въ городъ, гдѣ меня ждали въ штабѣ многочисленныя дѣла и срочныя распоряженiя.

Во время разбора накопившихся бумагъ и бесѣды со своими сотрудниками, мнѣ подали телеграмму изъ Ставки на имя Государя, въ которой Генералъ Алексѣевъ ходатайствовалъ о дарованіи странѣ отвѣтственнаго Министерства съ М. В. Родзянко во главѣ.

Ходатайство это мотивировалось необходимостью избѣжать анархіи въ странѣ, для продолженія войны. Вмѣстѣ съ телеграммой изъ Ставки былъ переданъ проэктъ соотвѣтствующаго манифеста.

Часовая стрѣлка приближалась къ 10-ти часамъ вечера. — Такъ какъ Генералъ Рузскій все еще находился на докладѣ у Государя, то я приказалъ спѣшно подать себѣ автомобиль, чтобы лично отвезти ему на вокзалъ полученную телеграмму, считая ее особо важной и срочной. Обратившись къ кому то изъ приближенныхъ къ Государю лицъ съ просьбою о вызовѣ Главнокомандующаго, я сталъ поджидать Н. В. Рузскаго въ свитскомъ вагонѣ, гдѣ меня кольцомъ обступили съ распросами лица Государевой Свиты. — Объяснивъ имъ, въ предѣлахъ допустимаго, сложившуюся обстановку, я, въ отвѣтъ на ихъ безпокойные вопросы: «что же дѣлать дальше?» — отвѣчалъ въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ только что полученной телеграммы Генерала Алексѣева.

— Къ сожалѣнію, говорилъ я, дѣло зашло слишкомъ далеко и, вѣроятно, нужны будутъ уступки, для успокоенія взволнованныхъ умовъ.

Передавъ вышедшему ко мнѣ Главнокомандующему телеграмму на имя Государя и получивъ отъ него просьбу — выяснить время для разговора по прямому проводу съ Предсѣдателемъ Государственной Думы, я возвратился къ себѣ въ Штабъ.

Около полуночи я въ третій разъ уѣхалъ на вокзалъ, чтобы дождаться тамъ выхода Главнокомандующаго отъ Государя. Я получилъ къ этому времени очень тревожныя извѣстія о томъ, что гарнизонъ г. Луги перешелъ на сторону возставшихъ. Это обстоятельство дѣлало уже невозможнымъ направленіе Царскихъ поѣздовъ на сѣверъ и осложняло продвиженіе въ томъ же направленіи эшелоновъ того отряда, который, согласно распоряженію Ставки, подлежалъ высылкѣ отъ Сѣвернаго фронта на станцію Александровскую, въ распоряженіе Генерала Иванова.

Головные эшелоны этого отряда, который былъ отобранъ Командующимъ 5-ой арміей изъ состава наиболѣе надежныхъ частей, по нашимъ расчетамъ, должны были подойти къ Петрограду еще утромъ 1-го Марта. Но затѣмъ эти эшелоны были временно задержаны въ пути для свободнаго пропуска литерныхъ поѣздовъ и, гдѣ они находились въ данное время, — намъ оставалось неизвѣстнымъ.

* *
*

Генералъ Рузскій вышелъ отъ Государя очень утомленымъ и разстроеннымъ. Онъ коротко подѣлился со мной своими впечатлѣніями.

— Государь, сказалъ онъ, первоначально намѣчалъ ограничиться предложеніемъ Родзянкѣ составить Министерство, отвѣтственное передъ Верховной властью, но затѣмъ, взвѣсивъ обстановку, и, въ особенности принявъ во вниманіе телеграмму Алексѣева, остановился окончательно на рѣшеніи дать странѣ то же Министерство Родзянки, но отвѣтственное передъ Законодательными учрежденіями. — Я надѣюсь, что это удовлетворитъ возставшихъ

и дастъ намъ возможность довести войну до конца. Обо всемъ зтомъ, добавилъ Н. В. Рузскій, Государь будетъ самъ телграфировать Алексѣеву; меня же онъ уполномочилъ переговорить съ М. В. Родзянкой...

На мой докладъ о тѣхъ затрудненіяхъ, кои могутъ возникнуть въ связи съ переходомъ Лужскаго гарнизона на сторону возставшихъ, Генералъ Рузскій отвѣтилъ, что Государь предусматриваетъ мирный исходъ возникшихъ событій, почему, между прочимъ, и разрѣшилъ теперь же возвратить обратно въ Двинскъ отрядъ, высланный на сѣверъ изъ состава 5-ой арміи.

Содержаніе зтого отвѣта очень интересно сопоставить съ показаніемъ, даннымъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи Генераломъ Дубенскимъ, лицомъ — назначеніе коего заключалось въ веденіи записи «Царскихъ дѣйствій въ періодъ пребыванія Государя на театрѣ военныхъ дѣйствій». Зтотъ Генералъ, находившійся въ описываемое время въ составѣ Государевой свиты, свидѣтельствуетъ, что уже съ ночи на 1-ое Марта въ Царскихъ поѣздахъ не существовало настроенія борьбы и въ ближайшемъ къ Царю окруженіи только и говорили о необходнмости «сговориться» съ Петроградомъ и выработать условія соглашенія. Такое соглашательское настроеніе особенно упрочилось послѣ полученія Царемъ извѣстія, что во Псковъ, на свиданіе съ нимъ, предполагаетъ выѣхать М. В. Родзянко.

Зная, что Н. В. Рузскому предстоитъ ночью же длинная и отвѣтственная бесѣда съ М. В. Родзянко, я не сталъ распрашивать о подробностяхъ доклада...

Недоброжелатели Генерала Рузскаго впослѣдствіи стали распространять слухи, будто онъ держалъ себя, во время продолжительной бесѣды съ Императоромъ Николаемъ II, рѣзко и даже грубовато, позволяя себѣ громкіе выкрики и неосторожныя выраженія.

По зтому поводу я долженъ прежде всего отмѣтить, что данная бесѣда съ Государемъ происходила безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ, и что поэтому никто, кромѣ самого Государя, не могъ дать правильной оцѣнки поведенія Генерала Рузскаго въ теченіе ихъ разговора. — Лучшимъ же отвѣтомъ на вопросъ о томъ впечатлѣніи, которое оставила зта бесѣда на Государя, служитъ то неизмѣнно предупредительное и довѣрчивое отношеніе, которое сохранилъ Императоръ Николай II къ Главнокомандующему Сѣв. фронтомъ до послѣдней минуты разставанія.

Генералъ Рузскій всегда и со всѣми держалъ себя непринужденно-просто. — Его медленная, почти ворчливая, по интонаціи, рѣчь, состоявшая изъ короткихъ фразъ, и соеднненная съ суровымъ выраженіемъ его глазъ, смотрѣвшихъ изъ подъ очковъ, производила всегда нѣсколько суховатое впечатлѣніе, но зта манера говорить хорошо была извѣстна Государю и была одинаковой со всѣми и при всякой обстановкѣ. — Спокойствія и выдержки у Генерала Рузскаго было очень много и я не могу допустить, чтобы въ обстановкѣ бесѣды съ Государемъ, проявлявшимъ къ Генералу Рузскому всегда много довѣрія, у послѣдняго могли сдать нервы...

Вѣрнѣе думать, что людская клевета и недоброжелательство пожелали превратить честнаго и прямолинейнаго Ген. Рузскаго въ недостойную фигуру распоясавшагося предателя.

Свою жизнь Генералъ Рузскій запечатлѣлъ мужественной смертью въ Пятнгорскѣ, гдѣ онъ былъ нзрубленъ шашками большевистскихъ палачей въ одну изъ жуткихъ по описаніямъ ночей конца 1917-го года.

Да будетъ стыдно его клеветнкамъ!..

• •
•

Въ половинѣ четвертаго утра на 2-ое Марта началась телеграфная бесѣда Главнокомандующаго арміями Сѣвернаго фронта съ Предсѣдателемъ Государственной Думы; бесѣда эта затянулась до 7½ часовъ утра*).

Н. В. Рузскій чувствовалъ себя настолько нехорошо, что сидѣлъ у телеграфнаго аппарата въ глубокомъ креслѣ и лишь намѣчалъ главныя вѣхи того разговора, который отъ его имени велъ я.—Навертывавшаяся лента, по мѣрѣ хода разговора, передавалась частями, черезъ моего секретаря, Генералу Болдыреву, для немедленной передачи ея содержанія Генералу Алексѣеву въ Ставку.

О этотъ ужасный «Юзъ», характерное выстукиваніе котораго за время войны настолько глубоко врѣзалось мнѣ въ душу и память, что еще и теперь мнѣ иногда по ночамъ чудятся напоминающіе его стуки и въ тревогѣ думается о томъ, что сейчасъ принесутъ его мучительныя ленты!!..

Прежде всего требовалось выяснить причины, по которымъ М. В. Родзянко, какъ къ этому времени стало извѣстно, уклонился отъ первоначальнаго рѣшенія лично прибыть во Псковъ. Таковыхъ причинъ, по заявленію собесѣдника Генерала Рузскаго, оказалось двѣ:

Во-первыхъ переходъ Лужскаго гарнизона на сторону возставшихъ и рѣшеніе, якобы вынесенное имъ, — никого не пропускать во Псковъ и обратно.

— Вторая причина, — пояснялъ М. В. Родзянко, — полученныя свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собою нежелательныя послѣдствія; невозможно, кромѣ того, оставить разбушевавшіяся народныя страсти безъ личнаго присутствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія.

Несомнѣнно, какъ мы теперь знаемъ, въ этомъ заключеніи краски были очень сгущены и степень вліянія Предсѣдателя Госуд. Думы на событія, какъ это и можно было усмотрѣть даже изъ дальнѣйшаго разговора, являлась въ значительной мѣрѣ преувеличенной.

Но въ то время подобной самооцѣнкѣ предсѣдателя Гос. Думы хотѣлось вѣрить, ибо она давала намъ надежду на то, что предложеніе Государя объ образованіи М. В. Родзянкой отвѣтственнаго передъ законодательными палатами Министерства, будетъ этимъ послѣднимъ принято и успокоитъ возникшія волненія

— Государь, говорилъ Н. В. Рузскій, уполномочилъ меня довести объ его предложеніи до Вашего свѣдѣнія и освѣдомиться, не найдетъ ли желаніе Его Величества въ Васъ отклика?

— Очевидно, отвѣчалъ М. В. Родзянко, Его Величество и Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что происходитъ въ столицѣ. Настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, побороть которую будетъ не такъ легко... Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и мало по малу наступила такая анархія, что Государствнной Думѣ вообще, а мнѣ въ частности, оставалось только попытаться взять въ свои руки движеніе и стать во главѣ, для того, чтобы предупредить возможность гибели государства...

*) Телеграфные переговоры полностью отпечатаны въ т. III „Архива Русской Революціи".

— Къ сожалѣнію, сознавался Предсѣдатель Государственной Думы, въ противорѣчіи съ первыми его словами, мнѣ это далеко не удалось и народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно. Войска окончательно деморализованы и дѣло доходитъ до убійства офицеровъ. Ненависть къ Императрицѣ дошла до крайнихъ предѣловъ. Вынужденъ былъ, во избѣжаніе кровопролитія, арестовать всѣхъ Министровъ и заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, такъ какъ агитація направлена на все, что болѣе умѣренно. Считаю нужнымъ Васъ освѣдомить, что то, что предполагается Вами, теперь уже недостаточно и династическій вопросъ поставленъ ребромъ. Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ вопросомъ можно было справиться.

— Но вѣдь надо найти средство, отвѣчалъ Генералъ Рузскій, для умиротворенія страны и доведенія войны до конца, соотвѣтствующаго нашей Великой Родинѣ. — Не можете ли Вы мнѣ сказать, въ какомъ видѣ у Васъ намѣчается разрѣшеніе династическаго вопроса?

— Съ болью въ сердцѣ буду отвѣчать Вамъ, говорилъ Предсѣдатель Гос. Думы. — Ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я не говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, — рѣшилъ твердо довести войну до побѣднаго конца.

— Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизоны; то же самое повторяется во всѣхъ городахъ, нигдѣ нѣтъ разногласій; вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа. Грозныя требованія отреченія въ пользу сына, при регентствѣ Михаила Александровича, становятся вполнѣ опредѣленными...

— Присылка Генерала Иванова съ Георгіевскимъ баталіономъ, закончилъ свою рѣчь М. В. Родзянко, привела только къ междоусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающіяся своихъ офицеровъ, нѣтъ возможности. Кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ; примѣръ — вашъ отрядъ, головной эшелонъ котораго присоединился къ возставшему гарнизону города Луги. Остановите ненужныя жертвы...

— Войска въ направленіи Петрограда, отвѣчалъ Генералъ Рузскій, высланы по общей директивѣ Ставки. Теперь этотъ вопросъ ликвидируется и Генералу Иванову послано указаніе не предпринимать ничего до предполагавшагося свиданія его съ Государемъ въ столицѣ. Необходимо, однако, Михаилъ Владимировичъ, найти такой выходъ, который далъ бы странѣ немедленное умиротвореніе. Войска на фронтѣ съ томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что дѣлается въ тылу, а начальники лишены возможности сказать имъ свое авторитетное слово. — Государь идетъ навстрѣчу желаніямъ народа и было бы въ интересахъ родины, ведущей отвѣтственную войну, чтобы почин Императора нашелъ отзывъ въ сердцахъ тѣхъ, кто можетъ остановить пожаръ.

— Вы, Николай Владимировичъ, выстукивалъ аппаратъ слова М. В. Родзянко, истерзали въ конецъ мое и такъ растерзанное сердце. Но повторяю Вамъ: я самъ вишу на волоскѣ и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ. Анархія достигаетъ такихъ размѣровъ, что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить Временное Правительство. Проектируемая Вами мѣра запоздала. Время упущено и возврата нѣтъ. Народныя страсти разгорѣлись въ

области ненависти и негодованія. Хотѣлость бы вѣрить, что хватитъ силъ удержаться въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь, какъ бы ие было еще хуже... Желаю всего хорошаго... Родзянко.

— Михаилъ Владимировичъ, еще нѣсколько словъ. Имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно и, если анархія перекинется въ армію и иачальники потеряютъ авторитетъ власти, — подумайте, что будетъ тогда съ Родиной иашей...

— Николай Владимировичъ, не забудьте, что переворотъ можетъ быть добровольнымъ и вполнѣ для всѣхъ безболѣзненнымъ; тогда все кончится въ нѣсколько дней...

Этими словами, повидимому намекавшими на неизбѣжность добровольнаго отреченія Государя отъ Престола, разговоръ закончился... Ими отвѣтственность за грядущія событія перекладывалась какъ бы на плечи Н. В. Рузскаго, который въ теченіе всего этого времени мучительно искалъ наилучшаго выхода изъ создавшагося положенія, для возможности продолженія войны...

• • •

По окончаніи бесѣды съ М. В. Родзянко, Генералъ Рузскій ушелъ къ себѣ отдыхать, я же оставался безъ сна, подавленный быстрымъ теченіемъ развертывавшихся событій.

Я очень опасался, что, при хорошо мнѣ извѣстномъ иерѣшительномъ и колеблющемся характерѣ Императора Николая, всѣ рѣшенія его могутъ оказться запоздалыми и потому не разрѣшающими надвигавшагося кризиса.

Около 9 часовъ утра 2-го марта я былъ вызванъ Генералъ-Квартирмейстеромъ Ставки къ телеграфному аппарату. Генералъ Лукомскій передалъ мнѣ просьбу Генерала Алексѣева немедленно довести до свѣдѣнія Государя содержаніе разговора Н. В. Рузскаго съ Родзянкой.

— А теперь, добавилъ онъ, прошу тебя доложить отъ меня Геиералу Рузскому, что, по моему глубокому убѣжденію, выбора иѣтъ и отречеиіе Государя должно состояться.—Этого требуютъ интересы Россіи и династіи...

Опытъ войны научилъ меня въ серьезной обстановкѣ избѣгать больше всего суеты и дорожить отдыхомъ окружающихъ, такъ какъ неизвѣстно, насколько придется форсировать ихъ силы въ будущемъ. Зная, что Генералъ Рузскій только недавно прилегъ и что онъ вскорѣ долженъ будетъ подняться, чтобы ѣхать на вокзалъ къ Государю, который вѣроятио также еще отдыхаетъ, я отвѣтилъ, что разговоръ Генерала Рузскаго съ Предсѣдателемъ Гос. Думы будетъ доложенъ «своевременно».

Что касается послѣдиихъ словъ Генерала Лукомскаго, то изъ нихъ я не могъ не вывести того заключенія, что въ Ставкѣ иаиболѣе отвѣтственныя лица присоединялись къ мнѣнію М. В. Родзянко о неизбѣжности отреченія Императора Николая II-го отъ престола. — Я счелъ, однако, иеобходимымъ предупредить Ставку о трудности немедленнаго полученія отъ Государя опредѣленнаго рѣшенія по сему поводу.

И дѣйствительио, какъ я предвидѣлъ, не обошлось безъ колебаиій. — Пріѣхавъ къ 10 часамъ утра на вокзалъ и войдя въ вагоиъ къ Государю, разсказывалъ впослѣдствіи Генералъ Рузскій, Главнокомандующій просилъ

Императора Николая ознакомиться съ содержаніемъ своего ночного разговора съ М. В. Родзянкой, путемъ прочтенія соотвѣтствующей телеграфной ленты. Государь взялъ листки съ наклеенной на нихъ лентой и внимательно прочелъ ихъ. Затѣмъ онъ поднялся, подошелъ къ окну вагона, въ которое и сталъ пристально всматриваться. Генералъ Рузскій также привсталъ со своего кресла. Послѣ нѣсколькихъ очень тягостныхъ секундъ молчанія, Государь повернулся къ Главнокомандующему и сталъ сравнительно спокойнымъ голосомъ обсуждать создавшееся положеніе, указывая на тѣ трудности, которыя препятствуютъ ему пойти на встрѣчу предлагаемому рѣшенію...

Но въ это время Генералу Рузскому подали конвертъ съ дополнительно присланною ему мною телеграммой отъ Генерала Алексѣева, на имя Главнокомандующихъ всѣми фронтами. — Телеграмма эта была отправлена изъ Ставки въ 10 ч. 15 м. утра.

Въ этой телеграммѣ излагалась общая обстановка, какъ она была обрисована М. В. Родзянкой, въ разговорѣ съ Генераломъ Рузскимъ, и приводилось мнѣніе Предсѣдателя Гос. Думы о томъ, что спокойствіе въ странѣ, а слѣдовательно и возможность продолженія войны, могутъ быть достигнуты только при условіи отреченія Императора Николая II отъ престола въ пользу его сына, при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

— Обстановка повидимому не допускаетъ иного рѣшенія, добавлялъ отъ себя Генералъ Алексѣевъ. — Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала, продолжить до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, спасти независимость Россіи и судьбу Династіи. — Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣною дорогихъ уступокъ.

— Если Вы раздѣляете этотъ взглядъ, обращался далѣе Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго ко всѣмъ Главнокомандующимъ фронтами, то не благоволите ли Вы телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Его Величеству, извѣстивъ меня?

Данной телеграммой Генералъ Алексѣевъ привлекалъ къ обсужденію вопроса о необходимости отреченія Императора Николая II отъ престола всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами. — Каждому изъ нихъ предстояло, отбросивъ всѣ личныя ощущенія, серьезно взвѣсить, возможно ли расчитывать на доведеніе до благополучнаго конца внѣшней войны, при условіи отрицательнаго отношенія къ мысли объ отреченіи и вѣроятнаго возникновенія въ этомъ случаѣ кровавой междуусобицы внутри государства, а можетъ быть и на фронтѣ...

Въ виду такого направленія вопроса, Государь, по совѣту Н. В. Рузскаго, и согласился прежде принятія окончательнаго рѣшенія выждать полученія соотвѣтственныхъ отвѣтовъ.

• • •

Въ теченіе утреннихъ часовъ въ штабѣ Сѣвернаго фронта разновременно полученъ былъ рядъ весьма серьезныхъ сообщеній.

Поступило извѣщеніе о томъ, что Собственный Его Величества Конвой, остававшійся въ Петроградѣ, якобы послѣдовалъ примѣру другихъ частей и являлся въ Государственную Думу, прося черезъ своихъ уполномоченныхъ

разрѣшенія арестовать тѣхъ офицеровъ, которые отказывались принимать участіе въ возстаніи.

Почти всѣхъ людей этого Конвоя Государь и вся Царская семья знали поименно; очень баловали ихъ, почему переходъ этой части на сторону возставшихъ долженъ былъ быть особо показательнымъ, въ смыслѣ оцѣнки настроеній; самый же фактъ этотъ долженъ былъ быть очевидно весьма тягостнымъ для Государя лично.

Также получено свѣдѣніе, будто остававшійся въ Петроградѣ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, какъ значилось въ соотвѣтственной телеграммѣ, выразилъ желаніе «вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ».

Наконецъ получена была на имя Государя отъ Генерала Алексѣева телеграмма, долженствовавшая имѣть рѣшающее значеніе. Въ ней текстуально передавалось содержаніе овѣтныхъ ходатайствъ на Высочайшее имя Главнокомандующихъ: Кавказскаго фронта — Великаго Князя Николая Николаевича, Юго-Западнаго фронта — Генерала Брусилова и Западнаго фронта — Генерала Эверта.

Въ разныхъ выраженіяхъ всѣ три упомянутые лица просили Императора Николая II-го принять рѣшеніе, высказанное Предсѣдателемъ Государственной Думы, признавая его единственнымъ, могущимъ спасти Россію, Династію и армію, необходимую для доведенія войны до благополучнаго конца.

Передавая эти телеграммы, Начальникъ штаба Государя и со своей стороны обращался къ Императору Николаю II съ горячей просьбой принять рѣшеніе объ отреченіи, которое, какъ выражался Генералъ Алексѣевъ, «можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжкаго положенія».

Нѣсколько позднѣе получены были телеграммы отъ Главнокомандующаго Румынскимъ фронтомъ Генерала Сахарова и Командующаго Балтійскимъ флотомъ Вице-Адмирала Непенина.

Генералъ Сахаровъ, послѣ короткаго и мало достойнаго, по редакціи, лирическаго вступленія, которое онъ назвалъ «движеніемъ сердца и души», оказался все же вынужденнымъ обратиться, какъ онъ выразился, «къ логикѣ разума». — Считаясь съ послѣдней, онъ также признавалъ, что «пожалуй» наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ виѣшнимъ врагомъ, является рѣшеніе объ отреченіи, «дабы промедленіе не дало пищу къ предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ притязаній»!

Вице-Адмиралъ Непенинъ, присоединившись къ ходатайствамъ Главнокомандующихъ, добавлялъ:

— Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя мнѣ войска. ...Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ же часовъ, то это повлечетъ за собой катастрофу съ неисчислимыми бѣдствіями для нашей Родины.

Такимъ образомъ всѣ запрошенныя лица высказались за необходимость отреченія Императора Николая II-го отъ престола, при чемъ доминирующимъ мотивомъ служило стремленіе обезпечить возможность доведенія Россіи до побѣднаго конца войны...

* * *

За раннимъ обѣдомъ въ домѣ Главнокомандующаго, Генералъ Рузскій обратился ко мнѣ и къ Генералу Савичу, Главному Начальнику Снабженій армій фронта, съ просьбой быть, вмѣстѣ съ нимъ, на послѣобѣденномъ докладѣ у Государя Императора.

— Ваши мнѣнія, какъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ, будутъ очень цѣнными, какъ подкрѣпленіе къ моимъ доводамъ. — Государь уже освѣдомленъ о томъ, что я пріѣду къ нему съ вами...

Возражать не приходилось и около 2½ часовъ дня мы втроемъ уже входили въ вагонъ къ Государю.

* * *

Императоръ Николай ждалъ нашего прибытія въ хорошо намъ уже извѣстномъ зеленомъ салонѣ вагона—столовой. Наружно онъ казался спокойнымъ, но выглядѣлъ блѣднѣе обыкновеннаго и на лицѣ его между глазами легли двѣ глубокія складки, свидѣтельствовавшія о безсонной ночи и переживаемыхъ имъ тревогахъ. Государь былъ одѣтъ все въ тотъ же темно-сѣрый кавказскій бешметъ, съ погонами пластунскаго батальона его имени, и перепоясанъ тонкимъ черным ремешкомъ съ серебряными пряжками; на этомъ поясѣ спереди висѣлъ кинжалъ въ ножнахъ, оправленный также серебромъ.

Привѣтливо встрѣтивъ насъ, Государь попросилъ всѣхъ сѣсть и курить, но я и Генералъ Савичъ невольно продолжали стоять, подъ давленіемъ крайней отвѣтственности предстоявшей бесѣды. Самъ Государь и утомленный всѣмъ предыдущимъ Главнокомандующій сѣли за столъ другъ противъ друга. Генералъ Рузскій сталъ медленно и отчетливо докладывать о всѣхъ полученныхъ за послѣднія часы свѣдѣніяхъ. Когда очередь дошла до телеграммы Генерала Алексѣева, съ заключеніями Главнокомандующихъ, то Генералъ Рузскій положилъ телеграфные листки на столъ передъ Государемъ и просилъ прочесть ихъ лично.

Давъ время Государю для внимательнаго ознакомленія съ содержаніемъ телеграммы, Генералъ Рузскій высказалъ твердо и опредѣленно свое мнѣніе, заключавшееся въ невозможности для Государя, при данныхъ условіяхъ, принять какое либо иное рѣшеніе, кромѣ того, которое вытекало изъ совѣтовъ всѣхъ запрошенныхъ лицъ.

— Но вѣдь, что скажетъ югъ, возразилъ Государь, вспоминая о своей поѣздкѣ съ Императрицей по южнымъ городамъ, гдѣ, какъ намъ передавали, Царскую чету встрѣчали съ энтузіазомъ!.. — Какъ, наконецъ, отнесется къ этому акту казачество!.. и голосъ его сталъ вибрировать, повидимому отъ горькаго воспоминанія о только что прочитанномъ ему донесеніи, касавшемся казаковъ его конвоя.

— Ваше Величество, сказалъ Генералъ Рузскій, вставая, — я Васъ прошу еще выслушать мнѣніе моихъ помощниковъ, — и онъ указалъ на насъ. — Они самостоятельные и прямые люди, глубоко любящіе Россію; притомъ же по своей службѣ, они прикасаются къ большему кругу лицъ, чѣмъ я. Ихъ мнѣніе объ общей оцѣнкѣ положенія полезно.

— Хорошо, сказалъ Государь, но только прошу высказываться вполнѣ откровенно.

Мы всѣ очень волновались. — Государь обратился ко мнѣ первому.

— Ваше Императорское Величество, сказалъ я. — Мнѣ хорошо извѣстна сила Вашей любви къ Родинѣ. И я увѣренъ, что ради нея, ради спасенія династіи и возможности доведенія войны до благополучнаго конца, Вы принесете ту жертву, которую отъ Васъ требуетъ обстановка. Я не вижу другого выхода изъ положенія, помимо намѣченнаго Предсѣдателемъ Государственной Думы и поддерживаемаго старшими начальниками Дѣйствующей арміи!..

— А Вы какого мнѣнія, обратился Государь къ моему сосѣду Генералу Савичу, который видимо съ трудомъ сдерживалъ душившій его порывъ волненія.

— ...Я я... человѣкъ прямой,... о которомъ Вы, Ваше Величество, вѣроятно слышали отъ Генерала Дедюлина*), пользовавшагося Вашимъ исключительнымъ довѣріемъ... Я въ полной мѣрѣ присоединяюсь къ тому, что доложилъ Вашему Величеству Генералъ Даниловъ...

Наступило гробовое молчаніе...

Государь подошелъ къ столу и нѣсколько разъ, повидимому не отдавая себѣ отчета, взглянулъ въ вагонное окно, прикрытое занавѣской. — Его лицо, обыкновенно мало-подвижное, непроизвольно перекосилось какимъ то никогда мною раньше не наблюдавшимся движеніемъ губъ въ сторону. — Видно было, что въ душѣ его зрѣетъ какое то рѣшеніе, дорого ему стоющее!...

Наступившая тишина ничѣмъ не нарушалась. — Двери и окна были плотно прикрыты. — Скорѣе бы... скорѣе кончиться этому ужасному молчанію!...

Рѣзкимъ движеніемъ Императоръ Николай вдругъ повернулся къ намъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Я рѣшился... Я рѣшилъ отказаться отъ Престола въ пользу своего сына Алексѣя... Приэтомъ онъ перекрестился широкимъ крестомъ. — Перекрестились и мы...

— Благодарю Васъ всѣхъ за доблестную и вѣрную службу. — Надѣюсь, что она будетъ продолжаться и при моемъ сынѣ.

Минута была глубоко-торжественная.

Обнявъ Генерала Рузскаго и тепло пожавъ намъ руки, Императоръ медленными задерживающимися шагами прошелъ въ свой вагонъ.

Мы, присутствовавшіе при всей этой сценѣ, невольно преклонились передъ той выдержкой, которая проявлена была только что отрекшимся Императоромъ Николаемъ въ эти тяжелыя и отвѣтственныя минуты...

* *
*

Какъ это часто бываетъ послѣ долгаго напряженія, нервы какъ то сразу сдали... Я какъ въ туманѣ помню, что, вслѣдъ за уходомъ Государя, кто-то вошелъ къ намъ и о чемъ то началъ разговоръ. — Повидимому, это были ближайшіе къ Царю лица... Всѣ были готовы говорить о чемъ угодно,

*) Бывшій Дворцовый Комендантъ, личный другъ Генерала С. С. Савича.

только не о томъ, что являлось самымъ важнымъ и самымъ главнымъ въ данную минуту... Впрочемъ, дряхлый графъ Фредериксъ, кажется, пытался сформулировать свои личныя ощущенія!.. Говорилъ еще кто то... и еще кто то... ихъ почти не слушали...

Вдругъ вошелъ самъ Государь. — Онъ держалъ въ рукахъ два телеграфныхъ бланка, которые передалъ Генералу Рузскому, съ просьбой объ ихъ отправкѣ.

Листки эти Главнокомандующимъ были переданы мнѣ, для исполненія.

— «Нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. — Посему я готовъ отречься отъ Престола въ пользу Моего Сына, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата моего — Михаила Александровича».

Такими словами, обращенными къ Предсѣдателю Госуд. Думы, выражалъ Императоръ Николай II принятое имъ рѣшеніе.

— «Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ Престола въ пользу моего Сына. — Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно», освѣдомлялъ онъ о томъ же своего Начальника Штаба телеграммой въ Ставку.

Какіе красивые порывы, подумалъ я, заложены въ душѣ этого человѣка, все горе и несчастье котораго въ томъ, что онъ былъ дурно окруженъ!..

* *
*

Было около четырехъ часовъ дня, когда мы выходили изъ вагона. — На дебаркадерѣ Генералу Рузскому была подана присланная изъ штаба телеграмма о совершенно неожиданномъ для насъ пріѣздѣ въ тотъ же день вечеромъ изъ Петрограда двухъ видныхъ членовъ Законодательныхъ Палатъ: члена Государственнаго Совѣта — А. И. Гучкова и члена Госуд. Думы В. В. Шульгина. — Съ какой миссіей ѣдутъ они къ намъ во Псковъ? Мысль объ этомъ осложняла обстановку и намъ казалось, что прежде чѣмъ на что либо рѣшиться безповоротно — осторожнѣе было выждать прибытія упомянутыхъ лицъ.

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, Генералъ Рузскій вернулся въ вагонъ къ Государю, который, одобривъ сдѣланный ему докладъ Генерала Рузскаго, повелѣлъ задержать отправку по назначенію заготовленныхъ телеграммъ.

Въ ожиданіи прибытія депутатовъ изъ столицы, я возвратился къ себѣ въ штабъ; Главнокомандующій же рѣшилъ остаться въ своемъ вагонѣ на вокзалѣ.

Въ штабѣ меня буквально разрывали на части; поминутно вызывали къ аппарату изъ Ставки, гдѣ видимо очень тревожились неполученіемъ опредѣленнаго рѣшенія.

Въ этотъ періодъ времени изъ Могилева отъ Генерала Алексѣева былъ полученъ проектъ Манифеста, на случай, если бы Государь принялъ рѣшеніе о своемъ отреченіи, въ пользу Цесаревича Алексѣя. Проекъ этого Манифеста, насколько я знаю, былъ составленъ Директоромъ Дипломатиче-

ской Канцеляріи при Верховномъ Главнокомандующемъ Н. А. Базилн, по общимъ указаиіямъ Генерала Алексѣева.

По полученіи проекта манифеста я немедленно отправилъ таковой Генералу Рузскому въ его вагонъ.

* * *

Около 10-ти часовъ вечера я получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи поѣзда съ ѣхавшими къ намъ депутатами и потому отправился снова на вокзалъ.

Я нашелъ Генерала Рузскаго въ его вагонѣ выслушивавшимъ докладъ Комендаита города Пскова. Послѣдній только что получилъ сообщеніе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ, о движеніи со стороны Луги по шоссе на Псковъ броиевыхъ автомобилей съ солдатами, принадлежавшими къ Лужскому гарнизоиу.

Надо сказать, что разнаго рода тревожнымъ слухамъ въ то время не было конца, почему къ нимъ и иадлежало въ общемъ относиться съ большою осторожностью. — Тѣмъ не меиѣе вышеупомяиутое извѣстіе, въ виду перехода Луги иа сторону возставшихъ и нахождеія на ст. Псковъ Императорскаго поѣзда, очеиь взволновало всегда спокойиаго Главиокомандующаго и онъ тутъ же отдалъ рядъ распоряженій объ остановкѣ этихъ автомобилей силою, не допуская до Пскова.

Покоичивъ съ этимъ дѣломъ, Генералъ Рузскій сообщилъ мнѣ, что имъ отдано распоряжеіе о передачѣ ожидаемымъ депутатамъ просьбы пройти къ нему въ вагоиъ, прежде представлеія Императору, дабы предварительно освѣдомиться «съ чѣмъ они пріѣхали»; затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ все, что произошло въ мое отсутствіе.

— Обдумывая наединѣ еще и еще разъ положеніе, сказалъ мнѣ Н. В. Рузскій, и принявъ въ соображеніе, что сюда ѣдетъ В. В. Шульгинъ (слывшій у насъ всегда убѣжденымъ и лояльнымъ монархистомъ), мнѣ пришла въ голову мысль — ие повернулись ли дѣла въ столицѣ такимъ образомъ, что отреченіе Государя явится ненужнымъ и что страна окажется удовлетворенной созданіемъ отвѣтственнаго Министерства.

— Это прежде всего доказываетъ правильность Вашего совѣта Государю — ие отправлять телеграммъ объ отреченіи до бесѣды съ ожидаемыми депутатами, отвѣтилъ я.

— Да, но мнѣ думается, что въ Царскомъ поѣздѣ происходятъ какія то колебанія въ этомъ отношеніи. Я вижу это изъ того, что Государь присылалъ ко мнѣ Нарышкина*) взять назадъ отданныя мнѣ временно на хоаненіе телеграммы.

— Какъ же поступили Вы, Николай Владнмировичъ? — спросилъ я.

— Я сказалъ Нарышкину, что буду по этому поводу съ личнымъ докладомъ у Государя и затѣмъ дѣйствительно прошелъ въ вагонъ къ Его Величеству. — Государь объяснилъ мнѣ свое требованіе о возвращеніи телеграммъ его настоятельиымъ желаніемъ не отправлять таковыя впредь до новаго распоряженія. — Я успокоилъ его въ этомъ отношеніи и телеграммы

*) Одинъ изъ Флигель-адъютаитовъ Императора Николая II.

остались у меня. — Но въ этомъ эпизодѣ, добавилъ Генералъ Рузскій, я усмотрѣлъ наличіе въ Царскомъ вагонѣ какихъ то новыхъ колебаній...

Только впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что Государь въ этотъ періодъ дня долгое время совѣщался съ Лейбъ-Хирургомъ Профессоромъ С. П. Федоровымъ о здоровьѣ своего сына.

Получивъ новое подтвержденіе о неизлечимой болѣзни Цесаревича Алексѣя, Государь Императоръ видимо тогда же рѣшилъ измѣнить характеръ своего отреченія и отказаться отъ Престола не только за себя, но и за сына; Генералу Рузскому онъ однако о своемъ новомъ рѣшеніи не сказалъ ни слова.

* * *

Чрезвычайно живо описывается въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ тотъ, скажу—«подсознательный» процессъ, который въ концѣ концовъ вылился въ опредѣленную мысль о неизбѣжности немедленнаго отреченія отъ престола Императора Николая.

Однако, авторы этихъ воспоминаній ошибаются, когда говорятъ, что мысль эта была впервые оформлена не въ столицѣ, а въ Ставкѣ, и при этомъ называютъ, въ цѣляхъ обвиненія, имя Генерала Алексѣева.

Изъ приведеннаго выше мною разсказа видно, что уже въ ночь на 2-ое марта Предсѣдатель Государственной Думы, во время своей бесѣды съ Н. В. Рузскимъ, опредѣленно затронулъ династическій вопросъ. — Что же касается Генерала Алексѣева, то послѣдній лишь присоединился къ мысли, высказанной по этому вопросу М. В. Родзянкой, и передалъ ее на заключеніе Главнокомандующихъ фронтами въ телеграммѣ того же 2-го марта, но отправленной изъ Ставки, какъ мною уже отмѣчалось, лишь утромъ названнаго числа.

Я не думаю, чтобы починъ въ вопросѣ объ отреченіи могъ имѣть какое либо рѣшающее значеніе, ибо мысль о неизбѣжности такового отреченія зарождалась у массы людей, и притомъ у части ихъ — задолго даже до возникновенія сейчасъ описываемыхъ событій. Вытекала же она изъ оцѣнки ими реальной обстановки того времени И если я счелъ необходимымъ остановить на данномъ обстоятельствѣ вниманіе моихъ читателей, то лишь въ интересахъ исторической точности хода событій.

Важно, наоборотъ, отмѣтить, что уже къ ночи на 2-ое марта, эта мысль созрѣла и въ Петроградѣ и въ Ставкѣ окончательно и что она стала обсуждаться громко, но не въ качествѣ принудительнаго революціоннаго «дѣйства», а какъ лояльный актъ, долженствовавшій исходить сверху и казавшійся наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ изъ создавшагося тупика.

Въ такой постановкѣ вопросъ подвергся обсужденію и во Временномъ Комитетѣ членовъ Государственной Думы, причемъ этотъ Комитетъ пришелъ къ выводу о желательности доведенія его заключенія до свѣдѣнія Государя. Точно также было поступлено и Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, равно Главнокомандующими всѣми фронтами, представившими честно и откровенно свои мнѣнія на Высочайшее воззрѣніе. Здѣсь не было потому ни «измѣны», ни тѣмъ болѣе «предательства».

Эти слова, найденныя впослѣдствіи въ дневникѣ отрекшагося Императора, должны были быть отнесены конечно не къ тѣмъ, кто бралъ на себя

рѣшимость высказываться въ столь трудное время о возможныхъ выходахъ изъ положенія, но скорѣе къ тѣмъ, кто, горой стоя за устарѣвшія формы самодержавія въ дни «силы» послѣдняго, — исчезъ съ лица земли въ рѣшительную минуту и оставилъ Царя, какъ жертву и искупленіе за упрямое безуміе его прежнихъ совѣтниковъ!

Для выполненія отвѣтственной задачи по освѣдомленію Императора Николая II о томъ, что Комитетъ Государственной Думы находитъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія его отреченіе, въ пользу сына Императора и для доставленія, въ случаѣ согласія Государя съ этимъ мнѣніемъ, соотвѣтствующаго манифеста, добровольно вызвались выѣхать во Псковъ А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ. Оба эти лица, принадлежа къ монархическимъ партіямъ, насколько мнѣ это извѣстно, полагали, что передача акта объ отреченіи Императора Николая II, въ пользу его сына, черезъ нихъ не будетъ знаменовать окончательнаго крушенія въ Россіи Монархіи вообще и династіи въ частности. Правда, А. И. Гучковъ былъ изъ числа тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ особенно не любили при Дворѣ, считая ихъ лидерами оппозиціи и врагами «святого старца», но тамъ, при Дворѣ, простодушно полагали вообще, что всякая оппозиція вредна и непремѣнно несетъ въ себѣ зародыши революціонности. Во всякомъ случаѣ совсѣмъ иначе могло быть истолковано дѣло отреченія, если бы въ поѣздкѣ къ Царю приняли участіе представители лѣвыхъ партій, какъ объ этомъ одно время шли разговоры въ Таврическомъ Дворцѣ.

— Я отлично понимаю, почему я ѣду, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. В. Шульгинъ. Я чувствовалъ, что невозможно поставить Государя лицомъ къ лицу съ «Чхеидзе». Отреченіе должно быть передано въ руки монархистовъ и ради спасенія монархіи!..

Такъ ставился вопросъ въ то время лояльными кругами..

* *
*

Около 10 часовъ веч. 2-го марта къ концу длинной платформы ст. Псковъ подошелъ поѣздъ, доставившій изъ столицы депутатовъ. — Поѣздъ собственно состоялъ изъ паровоза и только одного вагона. Половину послѣдняго, какъ доложилъ впослѣдствіи Комендантъ станціи, занималъ салонъ; другая же половина была подраздѣлена на нѣсколько отдѣленій, съ длинными поперечными диванами въ каждомъ изъ нихъ.

Генералъ Рузскій и я, думая, что пріѣхавшіе, согласно переданной имъ просьбѣ, зайдутъ предварительно къ намъ, стали поджидать депутатовъ въ вагонѣ Главнокомандующаго; но прошло нѣсколько минутъ и никто не появлялся. — Я вышелъ тогда на платформу узнать въ чемъ дѣло и издали увидѣлъ въ темнотѣ прихрамывающую фигуру А. И. Гучкова въ теплой шапкѣ и пальто съ барашковымъ воротникомъ; рядомъ съ нимъ шелъ В. В. Шульгинъ. — Оба они были окружены, словно конвоемъ, нѣсколькими желѣзнодорожниками, вышедшими по обязанности службы встрѣчать столичныхъ гостей; впереди же двигавшейся къ царскому поѣзду группы шелъ дежурный флигель-адъютантъ, кажется Полковникъ Мордвиновъ или Герцогъ Лейхтенбергскій.

Я понялъ, что изъ царскаго поѣзда послѣдовало депутатамъ приглашеніе — прослѣдовать непосредственно къ Государю; поэтому, пропустивъ

мимо себя шедшихъ, я вернулся въ вагонъ и подѣлился своимъ выводомъ съ Генераломъ Рузскимъ.

— Ну что-же, сказалъ послѣднiй, у насъ нѣтъ никакихъ тайныхъ соображенiй, чтобы пытаться измѣнить установленный сверху порядокъ встрѣчи. Я думаю, что для дѣла было бы полезнѣе предварительно обсудить создавшуюся обстановку до прiема Государемъ Гучкова и Шульгина. — Теперь же подождемъ здѣсь, пока за нами пришлютъ.

• •
•

Черезъ нѣкоторое время мы — не помню теперь черезъ кого — получили приглашенiе Государя пройти къ нему въ вагонъ.

Въ прихожей вагона на вѣшалкѣ висѣли два какъ будто мнѣ уже знакомыхъ штатскихъ пальто; почему то рѣзкимъ пятномъ они бросились мнѣ въ глаза.

— Они уже тамъ, мелькнуло у меня въ мозгу!..

И дѣйствительно! — Въ хорошо знакомомъ мнѣ зеленоватомъ салонѣ за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ, придвинутымъ къ стѣнѣ, сидѣли съ одной стороны Государь, а по другую сторону лицомъ ко входу А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ.

Тутъ же, если не ошибаюсь, сидѣлъ или стоялъ, точно призракъ въ туманѣ, 78-милѣтнiй старикъ — графъ Фредериксъ...

На Государѣ былъ все тотъ же сѣрый бешметъ и сбоку на ремнѣ висѣлъ длинный кинжалъ.

Депутаты были одѣты по дорожному: въ пиджакахъ и имѣли «помятый» видъ... Очевидно, на нихъ отразились предыдущiя безсонныя ночи, путешествiе и волненiя... Особенно усталю выглядѣлъ Шульгинъ, къ тому же, какъ казалось, менѣе владѣвшiй собою... Воспаленные глаза, плохо выбритые щеки, съѣхавшiй нѣсколько на сторону галстукъ, вокругъ измятаго въ дорогѣ воротника...

Генералъ Рузскiй и я, при входѣ, молча поклонились. — Главнокомандующiй присѣлъ у стола, а я помѣстился поодаль — на угловомъ диванѣ.

Вся мебель гостиной была сдвинута со своихъ обычныхъ мѣстъ къ стѣнамъ вагона и посрединѣ образовалось свободное пространство.

Кончалъ говорить Гучковъ. — Его ровный мягкiй голосъ произносилъ тихо, но отчетливо роковыя слова, выражавшiя мысль о неизбѣжности отреченiя Государя въ пользу Цесаревича Алексѣя, при регентствѣ Вел. Кн. Михаила Александровича...

— Къ чему эти повторенiя, подумалъ я, упустивъ изъ виду, что депутатамъ неизвѣстно рѣшенiе Государя, уже принятое днемъ, за много часовъ до ихъ прiѣзда...

Въ это время плавная рѣчь Гучкова какъ бы перебилась голосомъ Государя.

— Сегодня въ 3 часа дня я уже принялъ рѣшенiе о собственномъ отреченiи, которое и остается неизмѣннымъ. — Вначалѣ я полагалъ передать престолъ моему сыну Алексѣю, но затѣмъ, обдумавъ положенiе, перемѣнилъ свое рѣшенiе и нынѣ отрекаюсь за себя и своего сына, въ пользу моего брата — Михаила... Я желалъ бы сохранить сына при себѣ и вы конечно

поймете, — произнесъ онъ волнуясь, — тѣ чувства, которыя мною руководятъ въ данномъ желаніи...

Содержаніе послѣднихъ словъ было для Генерала Рузскаго и меня полною неожиданностью! Мы переглянулись, но очевидно, ни онъ, ни тѣмъ болѣе я не могли вмѣшаться въ разговоръ, который велся между Государемъ и членами законодательныхъ палатъ и при которомъ мы лишь присутствовали, въ качествѣ свидѣтелей.

Къ немалому моему удивленію, противъ рѣшенія, объявленнаго Государемъ, не протестовали ни Гучковъ, ни Шульгинъ...

Государь, нѣсколько помолчавъ, всталъ, намѣреваясь пройти въ свой вагонъ. Поднялись со своихъ мѣстъ и всѣ мы, молча и почтительно проводивъ Императора взглядами...

* * *

А. И. Гучковъ и В. В. Шульгинъ отошли въ уголъ вагона и стали о чемъ то въ полъ-голоса совѣщаться.

Выждавъ нѣсколько, я подошелъ къ Гучкову, котораго зналъ довольно близко по предшествовавшей совмѣстной работѣ въ комиссіи обороны Государственной Думы. — А. И. долго былъ Предсѣдателемъ этой Комиссіи, я же часто ее посѣщалъ, въ качествѣ представителя Главнаго управленія Генеральнаго Штаба, по различнымъ вопросамъ военнаго характера.

— Скажите, Александръ Ивановичъ, спросилъ я, насколько рѣшеніе Императора Николая II отречься отъ престола не только за себя, но и за сына является согласованнымъ съ нашими основными законами?.. Не вызоветъ ли такое рѣшеніе въ будущемъ тяжелыхъ послѣдствій?

Не думаю, отвѣтилъ мой собесѣдникъ, но если вопросъ этотъ Васъ интересуетъ болѣе глубоко, обратитесь съ нимъ къ В. В. Шульгину, который у насъ является спеціалистомъ по такого рода государственно-юридическимъ вопросамъ. — И тутъ же Гучковъ познакомилъ меня съ Шульгинымъ, съ которымъ я до того времени знакомъ не былъ.

— Видите-ли, сказалъ В. В., выслушавъ меня; несомнѣнно здѣсь юридическая неправильность. — Но съ точки зрѣнія практической, которая сейчасъ должна превалировать, я долженъ высказаться въ пользу принятаго рѣшенія. — При воцареніи Цесаревича Алексѣя будетъ весьма трудно изолировать его отъ вліянія отца и, главное, матери, столь ненавидимой въ Россіи. — При такихъ условіяхъ останутся прежнія вліянія и самый отходъ отъ власти родителей малолѣтняго Императора станетъ фиктивнымъ; едва ли такимъ рѣшеніемъ удовлетворится страна. — Если же отстранить отца и мать совсѣмъ отъ ребенка, то этимъ будетъ косвенно еще болѣе подорвано слабое здоровье Цесаревича Алексѣя, не говоря уже о томъ, что его воспитаніе явится ненормальнымъ. — Терновымъ вѣнкомъ страданій будутъ увѣнчаны головы всѣхъ троихъ!..

Возбужденный мною вопросъ, нынѣ, послѣ трагической смерти всѣхъ лицъ, о коихъ шла рѣчь, потерялъ конечно всякое практическое значеніе. Но въ то время я считалъ его весьма важнымъ, могущимъ имѣть серьезныя послѣдствія. Поэтому я чувствовалъ удовлетвореніе въ томъ, что имѣлъ случай довести о немъ до свѣдѣнія тѣхъ, кто получилъ отъ Временнаго Комитета Государственной Думы полномочія урегулировать вопросъ отре-

ченія и, въ случаѣ согласія на это Государя, привезти въ столицу соотвѣтственный документъ.

Дальнѣйшій разговоръ какъ то не клеился...

Графъ Фредериксъ пытался, кажется, узнать у депутатовъ подробности сожженія его дома въ столицѣ, во время котораго, какъ говорили, была сильно напугана его больная жена.

Но видно было, что и у почтеннаго восьмидесятилѣтняго старца его личные заботы отходили на второй планъ и что онъ полонъ былъ мыслями о тѣхъ событіяхъ, кои совершались передъ его глазами...

Минуты казались часами...

* *
*

Но вотъ, наконецъ, вошелъ Государь и принесъ съ собою текстъ манифеста, отпечатанный на пишущей машинкѣ на нѣсколькихъ бѣлыхъ листкахъ телеграфныхъ бланковъ. Насколько помню, это и былъ тотъ проектъ, который составляли въ Ставкѣ, но только нѣсколько видоизмѣненный, соотвѣтственно послѣднему рѣшенію Государя.

Депутаты внимательно ознакомились съ содержаніемъ манифеста и просили о вставкѣ въ его текстъ нѣсколькихъ словъ, казавшихся имъ необходимыми. Государь, не возражая, охотно исполнилъ эту просьбу.

Затѣмъ Государемъ тутъ же у столика былъ набросанъ текстъ двухъ указовъ Правительствующему Сенату: одинъ—о бытіи Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича, и другой указъ — о назначеніи Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Князя Георгія Евгеніевича Львова.

Вопросъ о передачѣ Верховнаго Главнокомандованія Великому Князю, подсказанный, насколько помню, Н. В. Рузскимъ, казался всѣмъ очевидно безспорнымъ; что же касается второго назначенія, то таковое было сдѣлано въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ, выраженнымъ присутствовавшими при этомъ депутатами.

Побесѣдовавъ еще нѣсколько минутъ, Государь распростился со всѣми; привѣтливо пожалъ всѣмъ намъ руки и удалился къ себѣ въ вагонъ.

Я больше не видѣлъ отрекшагося Императора...

Всѣ стали выходить изъ вагона... Слѣдуя сзади всѣхъ, я оглянулся, чтобы бросить послѣдній взглядъ на опустѣвшій салонъ, служившій нѣмымъ свидѣтелемъ столь важнаго событія. Небольшие художественные часы на стѣнѣ вагона показывали безъ четверти двѣнадцать. На красномъ коврѣ пола валялись скомканные клочки бумаги...

У стѣнъ безпорядочно стояли отодвинутые стулья... По срединѣ вагона съ особой рельефностью зіяло пустое пространство, точно его занималъ только что вынесенный гробъ съ тѣломъ усопшаго!..

Почти 23 года Императоръ Николай находился во главѣ страны, занимавшей одну шестую часть земной поверхности и имѣвшую населеніе около 170 милл. человѣкъ!..

Начиналась новая, неизвѣстная тогда еще глава въ исторіи Россіи...

* *
*

По окончанiи прiема у отрекшагося Императора, Главнокомандующiй Сѣвернымъ фронтомъ Генералъ Рузскiй пригласилъ прiѣхавшихъ изъ столицы депутатовъ въ свой вагонъ. — Надо было дождаться переписки набѣло манифеста и указовъ, равно какъ подписанiя ихъ Государемъ. — Надо было также дать нѣкоторую передышку депутатамъ, потрясеннымъ всѣмъ пережитымъ, прежде отправленiя ихъ въ Петроградъ, въ обратный путь...

Выйдя на темноватую, плохо освѣщенную платформу, мы къ удивленiю своему увидѣли довольно большую толпу людей, молчаливо и почтительно державшуюся въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ царскаго поѣзда. — Какъ проникли эти люди на оцѣпленный со всѣхъ сторонъ вокзалъ? На этомъ вопросѣ не пришлось останавливаться. Да и какъ было препятствовать стремленiю русскихъ людей въ эти рѣшительныя минуты быть поближе къ центру событiй?!..

Къ толпѣ подошелъ Гучковъ. — Онъ что-то говорилъ имъ, — повидимому трогательное, волнующее...

Видно было, какъ люди снимали шапки, крестились — не то прощаясь съ прошлымъ, не то обращаясь взоромъ къ неизвѣстному будущему... Поражало то спокойствiе, почти величавость, съ которымъ Псковичи встрѣтили вступленiе Россiи на новый путь!.. Что-то ожидаетъ ихъ на этомъ пути?.. — думалось мнѣ.

* *
*

Черезъ часъ или полтора въ вагонъ Генерала Рузскаго были доставлены подписанные Государемъ Манифестъ объ отреченiи, въ двухъ экземплярахъ, и Указы Правительствующему Сенату о назначенiи Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Князя Г. Е. Львова.

Всѣ эти документы были помѣчены 15-ю часами (3 часа пополудни) 2-го Марта 1917-го года, то есть тѣмъ временемъ, когда Императоромъ Николаемъ II въ дѣйствительности было принято рѣшенiе объ отреченiи отъ престола.

Помѣтка документовъ именно указаннымъ часомъ должна была, какъ мнѣ казалось, отчетливо свидѣтельствовать въ будущемъ о томъ, что рѣшенiе отрекшагося Императора было добровольнымъ и внѣ давленiя на него со стороны прибывшихъ отъ Комитета Государственно Думы депутатовъ.

* *
*

«Высочайшiй Манифестъ отъ 2-го Марта 1917-го года получилъ

Александръ Гучковъ

Ш у л ь г и н ъ».

Выдачей такой росписки и закончился для насъ во Псковѣ тяжелый своими переживанiями день отреченiя Государя.

Около 3 часовъ ночи на 3-ье Марта депутаты выѣхали обратно въ Петроградъ; часомъ же ранѣе оба литерныхъ поѣзда, послѣдовательно одинъ за

другнмъ медленно н безшумно отошлн отъ ст. Псковъ въ направленіи на Двннскъ, увозя отрекшагося Императора н его Свнту въ Ставку...

Содержаніе Маннфеста н обонхъ упомянутыхъ выше Указовъ Правительствующему Сенату оыли немедленно по телеграфу переданы текстуально въ Ставку н Предсѣдателю «Временнаго Правнтельства». За телеграфнымъ же сообщеніемъ были отправлены по принадлежности въ Петроградъ н подлинные Указы. — Однмъ экземпляръ Маннфеста объ отреченін пріѣзжавшіе депутаты взялн съ собою; второй же экземпляръ того же Маннфеста хранился у меня въ штабѣ до Мая 17-го года. Когда же Генералъ Рузскій оставилъ должность Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ, а я получилъ въ командованіе 5-ю армію, этотъ экземпляръ, прн пнсьмѣ, былъ отправленъ главѣ Временнаго Правнтельства Князю Львову. — Передъ отправленіемъ документа въ Петроградъ, я прнказалъ снять съ него фотографнческій сннмокъ, храннвшійся у меня до большевнстскаго переворота.

Дальнѣйшая судьба этого сннмка, какъ н многихъ документовъ моего архнва, мнѣ неизвѣстна...

• •
•

Вторую ночь мы безъ сна!.. Снлы нзмѣняютъ, а между тѣмъ обстановка столь отвѣтственна, что прнходится быть на сторожѣ, дабы невольно не сдѣлать какой либо оплошностн, въ результатѣ крайней усталостн..:

Опять тревога!.. Событія не ждутъ!.. Съ головокружнтельной быстротой мчатся они внхремъ, другъ друга обгоняя н не давая возможности сосредоточиться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности!..

Уже въ пятомъ часу утра на 3-ье Марта, едва вернувшнсь домой съ вокзала послѣ отхода царскнхъ поѣздовъ въ Ставку и отбытія депутатовъ въ столицу, — вызовъ къ аппарату.

Предсѣдатель Государственной Думы н Временнаго Комнтета М. В. Родзянко требуетъ, чтобы переданный ему по телеграфу Маннфестъ объ отреченін Императора Нколая II н о передачѣ престола его брату Великому Князю Михаилу Александровичу не былъ объявляемъ.

— Въ чемъ дѣло? Почему же депутаты, вчера присланные нзъ столицы, не были оріентированы въ тѣхъ затрудненіяхъ, кон могутъ возннкнуть? Почему они обошлн безъ вниманія сдѣланное нмъ предупрежденіе о юридической неправильностн отреченія Государя, мннуя сына, въ пользу брата Мнханла? И какъ вообще возможно скрыть уже отданный маннфестъ, отъ котораго ожидалось успокоеніе умовъ? Мыслн эти невольно отразились въ моемъ докладѣ Генералу Рузскому, который, одобривъ нхъ, поручилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ и передать его отвѣтъ Родзянкѣ.

— Депутатовъ винить нельзя, читали мы снова на телеграфной лентѣ, нсходившей отъ М. В. Родзянко. Дѣло въ томъ, что неожиданно въ столицѣ вспыхнулъ такой солдатскій бунтъ, который трудно себѣ представить. Съ регентствомъ Велнкаго Князя н воцареніемъ Наслѣднпка Цесаревича быть можетъ н прнмнрились бы, но воцареніе Велнкаго Князя, какъ Императора, абсолютно непріемлемо... Въ толпѣ, продолжалъ далѣе Родзянко, не замѣчая повндимому противорѣчій въ своихъ словахъ, только н слышно: «Землн н волн», «Долой династію», «Долой Романовыхъ»... Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатамн отъ рабочнхъ, намъ удалось прндти только

сейчасъ къ нѣкоторому соглашенію, въ результатѣ котораго черезъ нѣкоторое время должно быть созвано Учредительное Собраніе; это послѣднее и должно высказать свой окончательный взглядъ на форму правленія...

— Постараюсь временно пріостановить распространеніе Манифеста, отвѣчалъ Генералъ Рузскій, но не могу поручиться за успѣхъ: прошло уже много времени. Во всякомъ случаѣ приведеніе войскъ къ новой присягѣ исполнено будетъ лишь по полученіи соотвѣтственнаго распоряженія изъ Ставки. Долженъ вообще поставить Васъ въ извѣстность, что Императорскій поѣздъ покинулъ уже Псковъ и что, по закону, въ случаѣ отсутствія Верховнаго Главнокомандующаго (Великій Князь Николай Николаевичъ находился въ Тифлисѣ), его должность замѣщаетъ Начальникъ Штаба, дѣйствующій его именемъ. Такимъ образомъ нынѣ центръ Вашихъ дальнѣйшихъ переговоровъ долженъ быть перенесенъ въ Ставку; меня же прошу впредь лишь оріентировать въ происходящемъ...

* * *

Въ чьи же руки отрекшійся Императоръ передавалъ въ столь трудное время Престолъ Всероссійскій?

Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ младшимъ сыномъ Императора Александра III-го. — Хотя онъ, до рожденія Цесаревича 30 Іюля 1904-го года, и являлся Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, но никогда не игралъ активной роли въ государственной жизни Россіи и держался въ нѣкоторой тѣни. — Даже въ военной дѣятельности своей онъ достигъ до войны лишь должности Командира полка и лишь въ періодъ міровой войны былъ поставленъ во главѣ сначала конной дивизіи, а затѣмъ кавал. корпуса.

Во время царствованія Императора Александра III о младшемъ его сынѣ Михаилѣ много говорили какъ о любимцѣ царя, якобы унаслѣдовавшемъ натуру и даже внѣшность своего могучаго отца. Но, съ теченіемъ времени, Михаилъ Александровичъ превратился въ худого длиннаго юношу, съ довольно хрупкимъ здоровьемъ и вполнѣ женскими чертами характера.

Я не сказалъ бы, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ производилъ впечатлѣніе очень способнаго человѣка, но онъ проявлялъ любознательность и къ нему влекли его необыкновенная скромность и деликатность.

Лично у меня съ нимъ было лишь нѣсколько мимолетныхъ встрѣчъ.

Царскій поѣздъ въ 1904-мъ году. — Императоръ Николай II объѣзжаетъ войска, отправляемыя на Дальній Востокъ, на войну съ японцами. Я состою при Военномъ Министрѣ Генералѣ Сахаровѣ, сопровождающемъ Государя въ его поѣздкахъ. — 11 часовъ вечера. — Занимаюсь въ своемъ отдѣленіи какимъ-то дѣломъ. — Вдругъ... стукъ въ дверь...

— Войдите, отвѣчаю извнутри.

Входитъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ, видимо конфузясь.

— Простите, ради Бога... я, кажется, Вамъ помѣшалъ?..

— Нисколько, Ваше Высочество, я очень радъ Васъ видѣть у себя.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ Вами, произноситъ онъ мягкимъ извиняющимся голосомъ, спрашивая глазами, можно ли сѣсть. — Мнѣ говорили, что Вы спеціалистъ по мобилизаціоннымъ вопросамъ. — Не разскажете ли Вы, какъ производится частичное укомплектованіе нашихъ войскъ, отправляемыхъ въ Маньчжурію?

И далеко за полночь затянулась наша бесѣда, во время которой я очень скоро позабылъ, что моимъ партнеромъ является братъ Императора огромной и могущественной страны.

Въ одну изъ такихъ же поѣздокъ, близъ ст. Жмеринка въ жестокій морозный день, при сильномъ вѣтрѣ, долженъ былъ состояться Высочайшій смотръ войскамъ 3-й стр. бригады, отправлявшейся на войну.

Нестерпимо было сидѣть неподвижно верхомъ на лошади. — Коченѣли ноги и всего охватывала дрожь. — Императоръ Николай, отличавшійся своей выносливостью, медленно и размѣренно объѣзжалъ длинные ряды войскъ и затѣмъ, стоя на мѣстѣ, пропускалъ ихъ мимо себя. Но рядомъ съ нимъ находившійся Великій Князь Михаилъ Александровичъ, не обладавшій сильнымъ здоровьемъ, сдалъ... Его закоченѣвшаго, почти безъ чувствъ, сняли съ лошади, обернули нѣсколькими одѣялами, взятыми изъ лазаретной линейки, и въ такомъ видѣ отправили въ поѣздъ, гдѣ еле-еле отогрѣли...

Долго потомъ Великій Князь конфузливо улыбался, вспоминая о своихъ слабыхъ силахъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Великаго Князя Михаила Александровича въ Ставкѣ, лѣтомъ 15-го года. Онъ командовалъ тогда на фронтѣ не то дивизіей, не то корпусомъ и по какому то случаю пріѣхалъ къ намъ въ Барановичи. — Послѣ завтрака у Верховнаго Главнокомандующаго, онъ остался какъ то одинъ въ садикѣ передъ моимъ управленіемъ, въ видимомъ затрудненіи — куда направиться? Увидавъ черезъ окно его длинную фигуру въ кавказскомъ бешметѣ, я вышелъ къ нему и предложилъ зайти ко мнѣ въ кабинетъ ознакомиться съ послѣдними свѣдѣніями, полученными съ фронта.

Онъ благодарно улыбнулся и провелъ у меня болѣе получаса, живо интересуясь всѣмъ тѣмъ, что я ему разсказывалъ...

Милый, симпатичный молодой человѣкъ. — Такими словами охарактеризовалъ бы я его, въ качествѣ лица частнаго...

Имѣетъ всѣ данныя быть хорошимъ конституціоннымъ монархомъ, но только въ устоявшемся государствѣ, съ твердымъ и хорошо налаженнымъ аппаратомъ власти. — Таковымъ онъ могъ казаться, въ качествѣ претендента на престолъ.

Его скромная и искренняя натура сказалась и въ его бракѣ, соединившемъ его съ тою, которую онъ избралъ по влеченію сердца, вопреки чопорнымъ традиціямъ царствующихъ домовъ.

Документы

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
АВДЕЕВА Р.Б.

Документы о преслѣдованіи евреевъ.

Съ началомъ великой войны вступило въ силу Временное положеніе о полевомъ управленіи, безмѣрно расширившее права и полномочія возглавляемой верховнымъ главнокомандующимъ военной власти въ области гражданскаго управленія. Составители Положенія исходили изъ презумпціи, что главнокомандованіе возьметъ на себя императоръ и что поэтому отъ перемѣщенія центра тяжести власти въ системѣ управленія существенныхъ измѣненій не произойдетъ. Но, какъ извѣстно, въ началѣ войны, вслѣдствіе единодушнаго противодѣйствія Совѣта министровъ, государь отказался отъ своего намѣренія и верховнымъ главнокомандующимъ назначенъ былъ вел. князь Николай Николаевичъ, а начальникомъ штаба его оказался начальникъ генеральнаго штаба, генералъ Янушкевичъ. Благодаря этому съ первыхъ же дней призванной къ жизни ставки главнокомандующаго стала проявляться двойственность власти, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась все тягостнѣе и опаснѣе. Къ прежней вѣдомственной розни, составлявшей застарѣлую язву бюрократическаго строя и еще сильнѣе разъѣдающую теперь совѣтскій режимъ, присоединилась непримиримая борьба между гражданскими вѣдомствами и военнымъ командованіемъ, всецѣло сосредоточившимся въ лицѣ названнаго генерала Янушкевича. Невѣроятная острота этой борьбы и гибельныя ея послѣдствія ярко характеризуются въ сужденіяхъ Совѣта министровъ, воспроизведенныхъ въ предыдущемъ томѣ Архива. Не было ни одного засѣданія, въ которомъ Совѣтъ министровъ не возвращался бы къ этому роковому вопросу и, чѣмъ безнадежнѣй было его безсиліе, тѣмъ болѣе несдержанными были мнѣнія о создавшихся ненормальныхъ условіяхъ. «Надъ Россіей нависаетъ какая-то безысходная трагедія,—говорилъ А. В. Кривошеинъ,—иной разъ думаешь, что находишься въ сумасшедшемъ домѣ». Вполнѣ соглашаясь съ нимъ, остальные министры столь же единодушно усматривали главную причину такого положенія въ личности Янушкевича, для характеристики котораго не жалѣли словъ и яркихъ эпитетовъ. Онъ не столько наивенъ, сколько непростительно глупъ, хотя и воображаетъ себя непризнаннымъ геніемъ, безграничное самовластіе сочетается съ безотвѣтственностью и взваливаніемъ отвѣтственности на всѣхъ другихъ, онъ чуждъ русскому народу и его мѣропріятія представляютъ позоръ и изобличаютъ нравственное паденіе.

Наиболѣе острое негодованіе вызывали въ Совѣтѣ министровъ распоряженія Ставки объ эвакуаціи гражданскаго населенія изъ полосы военныхъ дѣйствій и ея тыла. При неуклонномъ продвиженіи непріятеля въ предѣлы Россіи эти распоряженія влекли за собой «настоящее переселеніе народовъ» и причиняли неимовѣрныя бѣдствія. «По всей Россіи — заявлялъ тотъ же А. В. Кривошеинъ — расходятся проклятія, болѣзни, горе и бѣдность. Голодные и оборванные повсюду вселяютъ панику, угашаютъ послѣдніе остатки подъема первыхъ мѣсяцевъ войны».

Все это однако блѣднѣетъ передъ той дѣятельностью, которую генералъ Янушкевичъ съ энергіей, напоминавшей болѣзненный садизмъ, развилъ по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. въ отношеніи еврейства. Эта его дѣятельность, носившая ярко-выраженный характеръ кроваваго издѣвательства надъ шестимилліоннымъ народомъ, вполнѣ подтвердила сдѣланное министромъ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ заявленіе, что «отъ г. Янушкевича можно ждать всего». Совѣтъ министровъ съ ужасомъ взиралъ на систематическое, дьявольски-злобное преслѣдованіе евреевъ и неоднократно «какъ въ письменной формѣ, такъ и въ порядкѣ устныхъ сношеній обращалъ вниманіе верховнаго главнокомандующаго и самого генерала Янушкевича на необходимость отказаться» отъ его гибельной политики. Совѣтъ министровъ указывалъ, что «даже непримиримые антисемиты приходили къ членамъ правительства съ протестами и жалобами на возмутительное отношеніе къ евреямъ на фронтѣ». Но ничего не помогало. Этотъ печальный герой оставался вѣренъ себѣ до самыхъ послѣднихъ дней пребыванія въ ставкѣ и — снова цитируемъ журналъ засѣданія Сов. Мин.—«сначала въ Курляндіи, а затѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ привудительное еврейское переселеніе выполнялось въ массовыхъ размѣрахъ, особо для сего назначаемыми воинскими отрядами и неописуемо то, что творилось во время этихъ экзекуцій».

Для борьбы съ мѣропріятіями Янушкевича необходимо было прежде всего тщательно собирать свѣдѣнія о тѣхъ секретныхъ циркулярахъ, которые разсылались изъ ставки и распространялись дальше по командѣ, и которые содержали злостные, ни на чемъ не основанные навѣты на евреевъ, часто противорѣчащіе здравому смыслу и не выдерживавшіе ни малѣйшей критики печати и Гос. Думы.

Еще и до войны при еврейскихъ депутатахъ 4-ой Госуд. Думы (Бомашѣ, Гуревичѣ и Фридманѣ) состояла «Коллегія еврейскихъ общественныхъ дѣятелей», въ задачи которой входила совмѣстное обсужденіе съ депутатами текущихъ политическихъ вопросовъ. Членами коллегіи были: М. С. Алейниковъ, Л. М. Брамсонъ, А. И. Браудо, М. М. Винаверъ, О. О. Грузенбергъ, Я. Г. Фрумкинъ и др.

Вскорѣ послѣ начала войны «коллегія еврейскихъ общественныхъ дѣятелей» образовала спеціальное «информаціонное бюро», на обязанности котораго было собираніе матеріаловъ, характеризующихъ положеніе евреевъ въ Россіи. Собираемый этимъ бюро матеріалъ множился въ количествѣ 200—300 экз. и разсылался членамъ Гос. Думы и Гос. Совѣта и виднымъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ. «Информаціонное бюро» самымъ тщательнымъ образомъ провѣряло поступающія данныя, имѣя въ виду, что апокрифичность одного изъ документовъ бросала бы тѣнь на всѣ остальные.

Пять полныхъ комплектовъ матеріаловъ, собранныхъ «информаціоннымъ бюро», хранились отдѣльно для передачи ихъ въ книгохранилища. Что случилось съ ними послѣ революціи — неизвѣстно.

Печатаемые ниже документы воспроизводятся съ частной копіи, представляющей изъ себя переписанную на машинкѣ тетрадь in folio въ 158 стр.

Въ предлагаемомъ текстѣ исправлены явныя описки и измѣненъ порядокъ документовъ. Опущена не представляющая особаго интереса краткая замѣтка о положеніи евреевъ въ Румыніи, которой открывается тетрадь.

Въ частной копіи приводимые ниже документы помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Записка о положеніи евреевъ въ Румыніи, 1, 3, 7, 8, 28, 29, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 20, 24, 25, 56, 55, 64, 60, 58, 54, 50, 53 а-б, 51, 39, 45, 56, 57 а, 57 б, 9, 10, 32, 2, 48, 27, 41, 42, 66, 46, 49, 47, 43 а, 43 б, 44 а, 43 г, 44 б, 43 в, 43 д, 45, 40, 62, 63, 26, 31, 52, 59, 30, 33, 34, 35, 36, 14, 11, 37, 38, 12, 61, 65, 18, 4, 5, 6, 13, 67, 68.

45 и 56, какъ явствуетъ изъ этого списка, приведены дважды.

---

[1]

Копія съ копіи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комендантъ крѣпости приказалъ выселиться всѣмъ евреямъ въ теченіе 24 часовъ. Срокъ выселенія считается съ 6 час. утра сего числа, о чемъ и объявляется еврейскому населенію для исполненія подъ опасеніемъ выселенія принудительными мѣрами.

Городъ *Ново-Александрія* — 25 Сентября 1914 г.

Ротмистръ *Ляскомысскій.*

[2]

Копія.

Приказъ войскамъ временнаго военнаго Генералъ-Губернатора Галиціи.

Городъ *Львовъ* 4 октября 1914 года.

Въ виду развившагося шпіонажа со стороны евреевъ, нѣмецкихъ колонистовъ и разнаго рода пришельцевъ, Главнокомандующій арміями Юго-Западнаго фронта приказалъ:

1. Евреевъ, нѣмецкихъ колонистовъ, кромѣ особо надежныхъ поставщиковъ, въ войска не допускать. При встрѣчахъ войскъ на пути слѣдованія съ евреями и нѣмецкими колонистами принимать мѣры къ тому, чтобы эти лица не могли пересчитать количества войскъ и обозовъ или узнать названія частей, при попыткахъ этихъ лицъ къ сопротивленію или къ побѣгу, дѣйствовать рѣшительно и безъ промедленія оружіемъ.

Справка: Телеграмма Главнокомандующаго Юго-Западнаго фронта отъ 3 октября № 555.

По штабу Генералъ-Губернатора.

[3]

Копія съ копіи.

ПРИКАЗЪ

войскамъ укрѣпленнаго района. Крѣпость Новогеоргіевскъ.

№ 89.

27 Ноября 1914 года.

Въ нѣмецкихъ газетахъ попадаются статьи, въ коихъ говорится, что въ лицѣ русскихъ евреевъ нѣмцы встрѣтили надежныхъ союзниковъ, которые по-

мимо снабженія продовольствіемъ являются лучшими зачастую безкорыстными [друзьями], готовыми на всѣ услуги, если это клонится въ ущербъ русскимъ интересамъ. Въ нѣмецкой побѣдѣ евреи видятъ спасеніе для себя отъ царскаго гнета и отъ притѣсненія поляковъ.

Аналогичныя свѣдѣнія продолжаютъ поступать и отъ войскъ.

Въ цѣляхъ обезпеченія войскъ отъ вредныхъ дѣйствій еврейскаго населенія, Главнокомандующій приказалъ при занятіи населенныхъ пунктовъ брать отъ еврейскаго населенія заложниковъ, предупреждая жителей, что въ случаѣ измѣннической дѣятельности кого-либо изъ мѣстныхъ жителей не только въ періодъ занятія нами даннаго населеннаго пункта, но и послѣ очищенія его заложники будутъ казнены, что въ случаѣ надобности и приводить въ исполненіе. При занятіи населенныхъ пунктовъ надлежитъ путемъ тщательнаго обыска убѣдиться, нѣтъ ли здѣсь приспособленій для безпроволочныхъ телеграфированій, сигнализаціи, голубиныхъ станцій, подземнаго телеграфа и проч., поступая съ прикосновенными къ этому лицами по всей строгости закона.

Справка. Телеграмма генерала *Орановскаго* № 3432.

Подписалъ. Начальникъ укрѣпленнаго раіона генералъ отъ кавалеріи — *Бобырь.*

Приказъ выпущенъ изъ типографіи въ 6 час. вечера 6 декабря.

[4]

Приказъ Арміи Юго-Западнаго Фронта.

18 Декабря 1914 года № 343.

До моего свѣдѣнія дошло, что нѣкоторыя оффиціальныя потребительскія общества, находящіяся въ подвѣдомственномъ мнѣ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій, содержатъ на службѣ агентовъ изъ евреевъ и даже переуступаютъ свои полномочія евреямъ, которыя открываютъ въ различныхъ мѣстностяхъ отъ имени того или другого общества отдѣлы.

Находя совершенно непристойнымъ присутствіе евреевъ во главѣ оффиціальныхъ экономическихъ и потребительскихъ обществъ и гражданскихъ учрежденій и признавая, что участіе евреевъ въ сихъ обществахъ не можетъ способствовать выполненію обществами главнѣйшихъ задачъ — снабженія потребителя дешевымъ и доброкачественнымъ товаромъ, воспрещаю передавать свои полномочія евреямъ и держать агентовъ евреевъ.

По канцеляріи главнаго Начальника снабженія арміи и флота.

[5]

Весьма секретно.

УПРАВЛЕНІЕ НАЧАЛЬНИКА
САНИТАРНОЙ ЧАСТИ АРМІИ Ю. З. Ф.
Января 4 дня.
№ 6.

Начальнику пункта.

Въ виду начавшейся противоправительственной военной пропаганды евреями врачами и санитарами въ санитарныхъ поѣздахъ является крайняя необходимость принять такія мѣры, каковыя бы не только способствовали бы прекращенію революціонной пропаганды, но и въ корнѣ пресѣкали бы всякую возможность появленія въ будущемъ пропаганды со стороны евреевъ (врачей и санитаровъ).

Въ виду этого главный Начальникъ снабженія армій Ю.-З. ф. приказалъ для прекращенія преступной пропаганды въ санитарныхъ поѣздахъ воспретить зачисленіе въ санитарные поѣзда и другія подобныя учрежденія евреевъ, врачей и санитаровъ, отправляя указанныхъ лицъ на службу въ такія мѣста, гдѣ условія мало благопріятствуютъ развитію пропаганды, какъ напр., на передовыя позиціи, для работы на перевязочныхъ пунктахъ, уборки раненыхъ съ полей сраженія и т. д., не останавливаясь въ случаѣ крайней необходимости даже принятіемъ такой экстренной и радикальной мѣры, какъ удаленіе изъ военной среды военнослужащихъ съ театра военныхъ дѣйствій и даже вообще изъ арміи отдѣльныхъ преступныхъ личностей.

Въ качествѣ предупредительной мѣры, возложить на старшихъ врачей санитарныхъ поѣздовъ или комендантовъ поѣздовъ, гдѣ таковые имѣются, а также главныхъ врачей госпиталей непремѣнную обязанность строго и неуклонно слѣдить самымъ тщательнымъ образомъ за дѣятельностью и жизнью врачей и санитаровъ подъ строгой личной служебной отвѣтственностью указанныхъ начальствующихъ лицъ за допущеніе пропаганды и за несвоевременное принятіе надлежащихъ законныхъ мѣръ въ видѣ немедленного привлеченія виновныхъ къ суду по ст. 128, 130 и 131 уг. ул. 1903 г. и также ст. 273 т. XXII св. Военныхъ постановленій 1869 г. съ одновременнымъ устраненіемъ виновныхъ отъ должностей.

[6]

Копія.

Получено 16/IV 1915 года.

Приказъ войскамъ IV арміи.

30 января 1915 года № 414.

Главнокомандующимъ арміями Ю.-З. фронта былъ встрѣченъ въ г. Холмѣ въ кругу единоплеменниковъ нижній чинъ еврей, командированный продовольственнымъ транспортомъ 14 арм. корпуса за покупкой фуража въ г. Владиміръ-Волынскъ. Главнокомандующій приказалъ впредь такихъ порученій нижнимъ чинамъ евреямъ не давать и отъ частей командъ никуда не отпускать.

За допущеніе командиромъ продовольственнаго транспорта 14 армейск. корпуса Капитаномъ *Поповымъ* подобной командировки нижняго чина еврея, объявляю выговоръ и приказываю корпусному интенданту 14 арм. корпуса обратить вниманіе на этотъ транспортъ, повидимому, таковой нуждается въ надзорѣ.

Подписалъ: Командующій арміей, Генералъ отъ Инфантеріи *Эвертъ*.

[7]

Копія съ копіи.

ТЕЛЕГРАММА.

Начальнику этапно-хозяйственнаго отдѣла Штаба III Арміи.

Въ разъясненіе вопроса о выселеніи евреевъ безъ различія пола, возраста, изъ раіона боевыхъ дѣйствій въ сторону противника, Командующій Арміей приказалъ указать, что мѣра эта должна быть примѣнена въ III арміи съ движеніемъ ея впередъ или назадъ,. т. е. съ прибытіемъ войскъ въ новые раіоны, тотчасъ же все еврейское населеніе должно быть выселяемо въ сторону противника. Точка. Нынѣ же необходимо принять мѣры къ очищенію всего раіона арміи съ ея тыловыми учрежденіями отъ всѣхъ подозрительныхъ и неблагонадежныхъ

лицъ, выселяя таковыхъ въ предѣлы Россіи этапнымъ порядкомъ. Точка. Независимо сего во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и крупныхъ селахъ необходимо брать заложниковъ преимущественно евреевъ и лицъ, пользующихся вліяніемъ или болѣе зажиточныхъ, и отправлять ихъ этапнымъ порядкомъ также въ предѣлы Россіи. Точка. Все населеніе должно быть предупреждено, что въ случаѣ оставленія нами какого-либо пункта и вступленія туда противника за каждаго жителя, подвергнутаго австрійцами смертной казни по подозрѣнію сочувствія къ намъ, будетъ казнены два заложника изъ взятыхъ нами. Точка 5635 *Добророльскій.*

Съ подлиннымъ вѣрно:

Штабъ-офицеръ для дѣлопроизводства,

Полковникъ

Командиръ.

Для свѣдѣнія и исполненія.

Завѣдывающій этапно-транспортной частью этапно-хозяйственнаго отдѣла штаба III арміи, генеральнаго штаба полковникъ № 41769.

Февраля 25 дня 1915 года.

Штабъ-офицеръ для дѣлопроизводства

Полковникъ.

[8]

Копія съ копіи.

Отъ Командующаго арміей генерала Рузскаго.

Текстъ первой телеграммы, полученной 26 и 27 января на имя Плоцкаго губернатора: удалить всѣхъ евреевъ изъ Плоцкой губерніи.

Текстъ второй разъяснительной телеграммы на запросъ губернатора о способѣ выполненія распоряженія: Подлежатъ безотлагательному выселенію всѣ евреи и подозрительныя лица съ мѣстъ, лежащихъ вблизи линіи фронта боевой линіи и въ раіонѣ концентраціи войскъ. Точка. Цѣль распоряженія воспрепятствовать воспользоваться данными для шпіонажа. —

[9]

Переводъ съ польскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Опытъ нынѣшней войны обнаружилъ явно враждебное отношенія еврейскаго населенія Польши, Галиціи и Буковины.

При каждомъ оставленіи нашими войсками какой либо мѣстности и занятіи затѣмъ той же мѣстности нашими врагами, на дружественное намъ населеніе сыплются многочисленныя кары, главнымъ образомъ на основаніи доносовъ евреевъ, натравливающихъ австрійскія и германскія власти на мѣстное населеніе.

Чтобы освободить это населеніе отъ преслѣдованія, а наши войска отъ шпіонажа, которымъ евреи занимаются на всемъ нашемъ фронтѣ,

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ

воспретилъ евреямъ пребываніе въ раіонѣ Арміи и въѣздъ ихъ въ раіонъ западнѣе города Ярославля и въ видахъ предупрежденія случаевъ оклеветанія

мирнаго населенія, а равно въ видахъ обнаруженія шпіоновъ-евреевъ, приказалъ брать заложниковъ, къ которымъ будетъ, равнымъ образомъ, примѣняться наказаніе смертная казнь черезъ повѣшеніе. За каждаго мирнаго жителя, на котораго будетъ сдѣланъ доносъ непріятельскимъ властямъ, а также за каждаго пойманнаго шпіона-еврея, будутъ отвѣтственны два заложника.

Мѣра сія принимается въ интересахъ мирнаго и дружественнаго населенія, чтобы предохранить его отъ каръ, могущихъ постигнуть его со стороны нашего врага, на основаніи клеветы евреевъ, — она принимается на основаніи 6-ти мѣсячнаго опыта, приведшія наши военныя власти къ непреложному убѣжденію, что евреи относились и относятся къ мѣстному населенію нелойяльно и безпощадно.

[10]

Обязательное постановленіе.

На основаніи приказанія Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта въ виду усилившагося въ послѣднее время шпіонажа со стороны евреевъ, Военный Генералъ-Губернаторъ Галиціи, руководствуясь пунктами 1. 2 и 3 Положенія о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи.

Постановилъ:

1) Воспрещается въѣздъ въ предѣлы Галиціи лицамъ еврейской національности.

2) Воспрещается лицамъ еврейской національности переѣзжать изъ одного уѣзда Галиціи въ другой.

3) Виновные въ нарушенія сего постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до *трехъ тысячъ рублей* или *заключенію въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ.*

4) Приведеніе въ исполненіе настоящаго постановленія возлагается на Львовскаго Градоначальника, Губернаторовъ *Галиціи* и на Начальника тѣхъ уѣздовъ ея, кои не входятъ въ составъ губерній.

Г. Львовъ.
Февраля 13 дня 1915 г.

Военный Генералъ-Губернаторъ Галиціи Генералъ-Лейтенантъ
Графъ Бобринскій.

Типографія Ставропигійскаго Института во Львовѣ.

См. основной регистраторъ № 086.

[11]

Телеграмма изъ Штаба 30-го армейскаго корпуса.

Командиръ Корпуса приказалъ принять къ исполненію соотвѣтствующихъ распоряженій телеграмму Главнаго Начальника Снабженій Арміи и Фронта.

«По повелѣнію Верховнаго Главнокомандующаго принудительное выселеніе при отступленіи совсѣмъ отмѣняется: бѣженцы, добровольно слѣдующіе изъ Галиціи наши губерніи, и пограничные жители отправляются въ восточныя части Волынской и Подольской губерній, пожелавшихъ вернуться въ Галицію не за-

держивать, если это допустимо по военнымъ соображеніямъ. Размѣщеніе бѣженцевъ произвести въ нѣсколькихъ колоніяхъ, на мѣстахъ выселяемыхъ колонистовъ. Галиційскихъ евреевъ не допускать въ наши предѣлы: успѣвшихъ уже проникнуть въ Россію съ бѣженцами при возможности вернуть обратно въ Галицію. Въ настоящее время вдоль австрійской границы находится становище евреевъ, ранѣе выселенныхъ изъ войсковыхъ районовъ Галиціи и недопущенныхъ въ Россію: при отступленіи нашей арміи и переходѣ границы тщательно обыскивать, т. е. обходить эти становища во избѣжаніе заразы и принять энергичныя мѣры, вплоть до примѣненія силы, чтобы протолкнуть евреевъ къ сторонѣ противника. Конечная цѣль всѣхъ разновременно данныхъ указаній по эвакуаціи, чтобы при наступленіи непріятель не нашелъ хлѣба, фуража, мѣди, скота и другой живности и лошадей, годныхъ для войска. Не должно быть допускаемо уничтоженіе сельскихъ построекъ, не мѣшающихъ дѣйствію войскъ, также строго карать грабежи и насилія. Въ виду отмѣны принудительнаго выселенія объявить жителямъ, что непріятель несомнѣнно соберетъ въ свои ряды всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ и потому желательно ихъ добровольное своевременное выселеніе № 19125.

Подписали: *Мавринъ.*

Гусятинъ 4378. *Санниковъ* 2477.

Командиръ 10 корпуса, Подполковникъ *Ставракинъ.* [?]

[12]

Обязательное постановленіе.

На основаніи п. 7 ст. 415 о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, объявляю, что, въ виду чрезвычайно увеличившихся за послѣднее время въ районѣ арміи случаевъ мошенничествъ и обмановъ со стороны евреевъ, направленныхъ во вредъ войскамъ: 1) на основаніи ст. 419 полож. о полевомъ управленіи войскъ по редакціи, высочайше утвержденной въ 23 день Декабря 1914 года, усиливаю временно строгость наказаній, наложенныхъ закономъ за мошенничество, и приказываю на будущее время за всякаго рода похищенія, посредствомъ обмана, чужихъ вещей, денегъ или иного движимаго имущества, предусмотрѣнныя 173—176 ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемыми являются евреи, а потерпѣвшими части войскъ или отдѣльные воинскіе чины, подвергать виновныхъ въ учиненіи обмановъ и мошенничествъ наказаніямъ наложеннымъ ст. 1666 Улож. о Наказ. совершенно независимо отъ суммы похищенія черезъ таковое преступное дѣяніе.

Командующій арміей Генералъ отъ Инфантеріи *Эвертъ.*

30 марта 1915 года.

Опубликовано въ Кельцахъ 18 апрѣля.

[13]

Копія.

ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИКЪ
снабженія армій
ЮГО-ЗАП. ФРОНТА.
31 Марта 1915 года.
№ 1845.
Г. Люблинъ.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, благодаря обилію въ обозахъ и тыловыхъ учрежденіяхъ евреевъ нижнихъ чиновъ и общенію ихъ съ галиційскими мѣстными

евреями, австрійскіе шпіоны получають свѣдѣнія о жизни тыла и фронта, черпая ихъ либо отъ галиційскихъ евреевъ, либо отъ русскихъ евреевъ нижнихъ чиновъ.

Кромѣ того, пользуясь, подъ предлогомъ служебныхъ надобностей, правомъ свободнаго проѣзда въ Россію, русскіе нижніе чины евреи провозятъ письма и посылки, чѣмъ устраняютъ цензуру первыхъ, просмотръ послѣднихъ.

Во избѣжаніе сего нежелательнаго явленія, Главнокомандующій приказалъ всѣхъ евреевъ нижнихъ чиновъ, годныхъ къ строевой службѣ и находящихся нынѣ въ тыловыхъ учрежденіяхъ, немедленно перевести въ запасные баталіоны, въ коихъ выдержать ихъ для обученія шесть недѣль, послѣ чего отправить въ полки, гдѣ имѣть подъ особымъ наблюденіемъ.

Объ изложенномъ сообщается для зависящихъ распоряженій.

Подписалъ: Генералъ отъ Инфантеріи (подпись неразборчива).

Скрѣпилъ: Генералъ-Маіоръ *Сергіевскій.*

Вѣрно: За старшаго Адъютанта Полковникъ (подпись неразборчива).

[14]

Копія.

**НАЧАЛЬНИКЪ
ШТАБА 12 АРМІИ
по Отд. Ген.-квартирмейстера.
Отд. оперативное.
27 апрѣля 1915 года.
№ 1193.**

Начальнику штаба .....корпуса.

Съ цѣлью всесторонняго освѣщенія того участія, которое проявили евреи въ текущую великую войну, Начальникъ Генеральнаго Штаба проситъ о доставленіи фактическаго матеріала, харктеризующаго евреевъ, какъ находящихся въ рядахъ дѣйствующей арміи, такъ и составляющихъ мѣстное населеніе въ районѣ арміи со слѣд. сторонъ:

1) Отношеніе евреевъ къ нашимъ войскамъ и къ непріятелю;

2) поведеніе ихъ во время боя и вообще военныхъ дѣйствій;

3) обстоятельства сдачи нижнихъ чиновъ евреевъ въ плѣнъ;

4) случаи измѣны долгу и присягѣ и т. п.

Сотвѣтствующія данныя должны представить собой всесторонній матеріалъ, рисующій отношеніе евреевъ къ войнѣ не только съ отрицательной стороны, но точно также и съ положительной, дабы впослѣдствіе у представителей оппозиціи въ законодательныхъ учрежденіяхъ не могло явиться подозрѣніе въ тенденціозномъ подборѣ матеріала. Всѣ означенныя данныя надлежитъ сгруппировать въ такой послѣдовательности: сначала факты за періодъ войны отъ начала войны до перваго января 1915 года, потомъ отъ перваго января по 1-ое мая, и наконецъ съ 1-го мая: причемъ за послѣдній періодъ, съ 1-го мая, всѣ войсковыя части и учрежденія обязуются точно регистрировать всѣ случаи, рисующіе отношенія евреевъ къ настоящей войнѣ съ подкрѣпленіемъ необходимыми документальными данными.

Всѣ матеріалы по данному вопросу въ періодъ до 1-го Мая Командиръ арміей приказалъ представить въ Штабъ Арміи съ заключеніями К-ра Корпуса, начальниковъ дивизій и бригадъ, и командировъ полковъ къ 1 іюня. Подписалъ Генералъ-Лейтенантъ. . . . . . .

Вѣрно: Ст. Адъютантъ Шт. . . . . . Корпуса, Кап. (подпись).

Требуемыя свѣдѣнія по п. п. 1 и 2, касающіяся мѣстнаго еврейскаго населенія, прошу доставить къ 15 мая с. г. съ заключ. Начальн. дивиз. и бригадъ. За начальника Штаба . . . . . Корпуса . . . . . 28 Апрѣля 1915 года № 6491.

Ст. адъютантъ . . . .

[15]

Копія.

Приказъ коменданта морской крѣпости Императора Петра Великаго.

28 апрѣля 1915 года.
№ 580.

Согласно п. 17 стр. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи, и ст. 310 кн. III Сб. Воен. Пост., воспрещаю прибытіе въ крѣпостной раіонъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, выселяемыхъ по военнымъ надобностямъ изъ Курляндской, Лифляндской и Ковенской губерніи и вообще изъ раіона военныхъ дѣйствій.

За нарушеніе настоящаго приказа военные будутъ подвергнуты административному взысканію и заключенію въ тюрьмѣ на срокъ до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу въ три тысячи рублей.

Вице-Адмиралъ *Герасимовъ.*

[16]

Копія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Согласно распоряженію командующаго арміей, переданному мнѣ черезъ г. Иллукстскаго Уѣзднаго Начальника отъ 23 апрѣля с./г. за № 699, подлежатъ немедленному выселенію изъ раіоновъ военныхъ дѣйствій и пунктовъ расположенія войскъ поголовно всѣ безъ исключенія евреи.

Выселяемые могутъ проживать на лѣвомъ берегу рѣки Днѣпра въ губерніяхъ Могилевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической, кромѣ Крымскаго полуострова.

Въ виду изложеннаго предлагаю всѣмъ евреямъ, проживающимъ въ раіонѣ Гривы, немедленно выселяться въ вышеуказанныя губерніи.

Евреи, которые къ 4 мая с./г. добровольно не выселятся, будутъ выселены вмѣстѣ со своими семействами въ одну изъ названныхъ губерній этапнымъ порядкомъ.

Евреи могутъ выселяться вмѣстѣ со своимъ имуществомъ, а оставшееся имущество оставлять на храненіе довѣреннымъ лицамъ.

Выселяясь изъ Гривовъ, евреи обязаны предъявить свои паспорта въ канцелярію ввѣреннаго мнѣ участка для учиненія въ нихъ надлежащей мѣтки.

Неисполнившіе вышеуказанныхъ требованій въ срокъ помимо выселенія этапнымъ порядкомъ будутъ привлечены къ отвѣтственности по законамъ военнаго времени.

29 Апрѣля 1915 года.

Приставъ м. Гривы, Курляндской губерніи (подпись).

[17]

Копія.

На основаніи телеграммы Сувалкскаго губернатора предписываю немедленно выселять поголовно всѣхъ евреевъ, находящихся въ Гминѣ.

Выселяемые евреи могутъ избрать мѣстомъ жительства исключительно лѣвый берегъ Днѣпра въ предѣлахъ губерній Могилевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической, кромѣ прилегающаго полуострова и мѣстъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Въ виду этого предписываю безотлагательно выселять всѣхъ евреевъ изъ своего района и всѣхъ выселяемыхъ представить мнѣ списки съ указаніемъ сколькихъ лѣтъ отъ роду, мѣста постояннаго жительства по книгамъ народонаселенія, а равно мѣстъ избираемаго новаго жительства.

Непожелавшихъ выселяться добровольно со списками направлять въ Вильно въ распоряженіе Сувалкскаго губернатора.

При выселеніи евреевъ необходимо принять мѣры охраны ихъ имущества посредствомъ мѣстныхъ солдатъ и довѣренныхъ лицъ, по желанію, чтобы выселяемые сами сдавали свое имущество кому-либо на завѣдываніе и управленіе, только не евреямъ.

Уѣздный начальникъ.

[18]

Копія.

30 апрѣля въ 12 часовъ дня Командиръ корпуса приказалъ сообщить всѣмъ до послѣдняго рядового, о происшедшемъ въ ночь съ 27 на 28 апрѣля.

Выполняя поставленную задачу, 151 Пятигорскій полкъ занялъ деревню Кужи и расположился. Изъ показанія участниковъ выяснилось, что до прихода нашихъ частей въ эту деревню, въ подвалахъ евреями были спрятаны нѣмецкіе солдаты, и по сигнальному выстрѣлу Кужи запылало въ разныхъ мѣстахъ, а спрятанные нѣмцы бросились къ дому, занятому Командиромъ Пятигорскаго полка. Одновременно началось наступленіе непріятеля (два баталіона съ кавалеріей), который, уничтоживъ двѣ наши заставы, обрушился на эту деревню. Когда домъ, объятый пламенемъ, началъ рушиться, Командиръ полка Полковникъ *Даниловъ* приказалъ сжечь знамя, сохранивъ скобу. Послѣ исполненія приказанія, Полковникъ Даниловъ выскочилъ въ окно и былъ убитъ. Подошедшимъ частямъ Пятигорскаго полка удалось *потѣснить противника и извлечь* остатки обгорѣвшаго знамени изъ развалинъ печки. Въ эту же ночь имѣлъ мѣсто слѣдующій возмутительный случай, лишній разъ показывающій нѣмцевъ, какъ звѣрей человѣчества и вновь доказавшій великій духъ русскаго солдата и преданность Его Царю и Родинѣ. Рядовой 2-ой роты Пятигорскаго полка *Водяной* на разъѣздѣ былъ схваченъ нѣмецкимъ разъѣздомъ и за отказъ дать свѣдѣнія о расположеніи своихъ войскъ, подвергся по приказанію начальника разъѣзда истязанію: Рядовому *Водяному* нѣмцы отрѣзали языкъ и уши. За высокое исполненіе долга рядовой *Водяной* награжденъ Георгіевскимъ крестомъ съ производеніемъ въ ефрейторы, а о его доблести донесено Верховному Главнокомандующему.

Пусть все изложенное [служитъ] всѣмъ отъ генерала до рядового постояннымъ напоминаніемъ, что мы воюемъ съ врагомъ варваромъ, почему всѣ отъ перваго до послѣдняго въ своихъ дѣйствіяхъ должны твердо помнить предательство и коварство непріятеля.

Подлинное подписалъ: Полковникъ *Федотовъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. Начальника Штаба Подполковникъ *Карпенко*.

[19]

Копія.

Къ вопросу о разрѣшеніи возвратиться выселенцамъ.

10 мая пришли свѣдѣнія о разрѣшеніи вернуться. На поданную 10 мая на имя Ковенскаго коменданта телеграмму полученъ отвѣтъ:

«Вильно. Гостиница Италія Донскому 141 Пол. Тел. Отд. 3311108. 34 дн. Принята 10/5—15 г.

Выселеніе евреевъ изъ крѣпости не отмѣнено.

Волынцевичъ.

Разрѣшен. воен. ценз. № 6.

[20]

Копія.

ТЕЛЕГРАММА.

Вилькоміръ. Вилькомірскому Исправнику изъ Поневѣжа по военнымъ обстоятельствамъ.

Получена 10-го V. 10 ч. 20 м. веч.

Главнокомандующій приказалъ пріостановить массовое выселеніе евреевъ изъ пунктовъ не раіоновъ военныхъ дѣйствій. Евреямъ, выселеннымъ изъ такихъ пунктовъ, Главнокомандующимъ разрѣшено возвратиться въ мѣсто своего жительства подъ отвѣтственностью заложниковъ, неправительственныхъ раввиновъ и богатыхъ вліятельныхъ евреевъ.

Объ этомъ дано знать для надлежащаго исполненія объявленія выселеннымъ евреямъ. № 635.

Управляющій губерніей *Гольстейнъ.*

[21]

Копія.

Формуляръ, составленный полиціей и предложенный заложникамъ.

Подписка.

1915 года Мая. . . . . дня. Я нижеподписавшійся . . . . . . проживающій въ . . . даю настоящую подписку въ томъ, что если оставленные подъ моимъ поручательствомъ евреи жители . . . . . проявятъ какія-бы то ни было [дѣйствія] враждебныя по отношенію къ русскимъ войскамъ, или окажутъ въ какой либо формѣ содѣйствіе непріятелю, отвѣчаю имущественно и лично по всей строгости закона военнаго времени, при чемъ обязуюсь безъ вѣдома полиціи не отлучаться изъ настоящаго моего жительства, въ чемъ и расписуюсь.

Понятые:

Подписку отобралъ.

[22]

Копія.

Его Превосходительству Главнокомандующему Арміей Сѣверо-Западнаго фронта и дѣйствующей арміей.

Ваше Высокопревосходительство. Вилькомірскій Исправникъ прочелъ намъ выселенцамъ города Вилькоміра приказъ о разрѣшеніи выселенцамъ изъ раіона боевыхъ дѣйствій вернуться въ родныя мѣста, подъ отвѣтственностью заложниковъ. Обрадованные возможностью вернуться въ свой очагъ, мы въ то же время оскорблены въ нашихъ патріотическихъ чувствахъ въ требованіи заложниковъ отъ своихъ вѣрныхъ же подданныхъ, сыновья и братья коихъ сражаются за честь и славу Россіи. Это требованіе клеймитъ предательствомъ цѣлый народъ, религія котораго сурово осуждаетъ измѣну своей родинѣ, какъ тяжкій грѣхъ; исторія коего рѣшительно не знаетъ ни одного примѣра невѣрности пріютившему его отечеству.

Мы безпредѣльно опечалены истребованіемъ заложниковъ, косвенное признаніе усердно распространяемаго злоумышленниками огульнаго обвиненія евреевъ въ предательствѣ, несмотря на то, что, какъ только оно подвергается должному судебному разслѣдованію, его несостоятельность всегда почти выступала съ полной ясностью.

Твердая увѣренность въ отсутствіи еврейской измѣны не избавляетъ насъ отъ страха злостной провокаціи, ложныхъ доносовъ лжесвидѣтельствовавшихъ враговъ, могущихъ ввести скорый полевой судъ въ заблужденіе, коего слѣдствіемъ можетъ оказаться гибельнымъ для заложниковъ. Этотъ страхъ заставляетъ насъ всепокорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство [разрѣшить] вернуться домой подъ своей личной отвѣтственностью. Карайте каждаго изъ насъ, если окажется виновнымъ, со всей строгостью законовъ военнаго времени, но не заставляйте насъ подвергать ни въ чемъ неповинныхъ единовѣрцевъ серьезной опасности, грозящей заложникамъ со стороны враговъ еврейства.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ мы Всеподданнѣйше [просимъ] со слезой мольбы объ отмѣнѣ требованія, позорящаго честь нашего народа и лишающаго возможности насъ вернуться домой, за отсутствіемъ видныхъ членовъ нашей общины, годныхъ въ заложники.

Въ поспѣшности совершеннаго выселенія не имѣвъ времени захватить съ собой даже самаго необходимаго на дорогу, мы, лишенные средствъ къ существованію, измученные безпомощнымъ скитаніемъ, изнуренные продолжительнымъ голодомъ, валяемся подъ открытымъ небомъ.

Сжальтесь надъ невинно разоренными, возмутительнымъ навѣтомъ брошенными въ бездну несчастій и разрѣшите намъ вернуться на родину.

Отъ имени Вилькомірскихъ выселенцевъ.

(подпись).

[23]

Копія.
Экстренно.

ПОЛИЦЕЙСКИМЪ УРЯДНИКАМЪ.

Вслѣдствіе предписанія г. И. д. Уѣзднаго начальника отъ 11 мая с./г. за № 699 о томъ, что по распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго поголовное массовое выселеніе евреевъ, какъ крайне затруднительное и вызывающее много нежелательныхъ осложненій, можетъ быть замѣнено взятіемъ заложниковъ изъ неправительственныхъ раввиновъ и богатыхъ евреевъ, съ предупре-

жденіемъ, что въ случаѣ измѣны со стороны еврейскаго населенія заложники будутъ повѣшены. Предлагаю Вамъ немедленно представить списки лицъ, кои могутъ быть взяты заложниками съ указаніемъ ихъ мѣста приписки, возраста, семейнаго, имущественнаго и общественнаго положенія.

12 Мая 284 (неразборчиво).

[24]

Копія.

Изъ Курляндской губерніи.

ПРИКАЗЪ ПО ПОЛИЦІИ.

Верховный Главнокомандующій признаетъ поголовное выселеніе евреевъ крайне затруднительнымъ и вызывающимъ много нежелательныхъ осложненій.

Главнокомандующій допускаетъ примѣненіе поголовнаго выселенія только въ исключительныхъ случаяхъ и считаетъ необходимымъ взять заложниковъ изъ неправительственныхъ раввиновъ и богатыхъ евреевъ съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ измѣны со стороны еврейскаго населенія заложники будутъ повѣшены. Дальнѣйшее массовое выселеніе Верховный Главнокомандующій предлагаетъ прекратить, уже высланныхъ евреевъ возвратить впредь до распоряженія не слѣдуетъ. Представить мнѣ списки лицъ, которыя могли бы быть взяты въ заложники.

[25]

Въ приказѣ 18 корпуса. Отъ 14 мая 1915 года.

№ 1130.

Пунктъ VIII-ой.

Евреевъ гнать въ сторону противника, не оставляя ни одного въ районѣ войскъ.

[26]

Копія.

М. В. Д.
ЧЕРНИГОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА
по канцелярской части.
29 Мая 1915 года.
№ 2780.

Стародубскому Уѣздному Исправнику.

Главнымъ Начальникомъ Двинскаго военнаго округа одобренъ слѣдующій порядокъ обратнаго возвращенія высланныхъ евреевъ: отдѣльно по каждому городу или мѣстечку, куда евреи могутъ возвратиться, требуется, въ зависимости отъ населенности, отъ 5 до 12 человѣкъ заложниковъ изъ богатыхъ евреевъ съ непремѣннымъ участіемъ въ числѣ заложниковъ и духовнаго раввина. Число заложниковъ для каждаго даннаго пункта предоставляется опредѣлять Ковенскому Губернатору. Заложники возвращаются на мѣста раньше другихъ и въ случаѣ признанія ихъ названнымъ губернаторомъ отвѣ-

чающими означеннымъ требованіямъ имѣть сужденія о благонадежности каждаго желающаго вернуться еврея, при чемъ для выдачи разрѣшенія на возвращеніе требуется ручательство за каждаго ходатайствующаго о возвращеніи не менѣе трехъ заложниковъ, отъ которыхъ отбирается подписка. Евреямъ, за благонадежность которыхъ не поручились по крайней мѣрѣ три заложника, возвращеніе на постоянное жительство не разрѣшается. Заложники будутъ находиться на свободѣ, но обязаны ежедневно являться чинамъ полиціи и въ случаѣ эвакуаціи мѣстности по военнымъ обстоятельствамъ выѣзжать вмѣстѣ съ полицейскими чинами. Безъ заложниковъ евреи могутъ возвращаться въ Ковенскую губернію въ мѣстности, расположенныя въ чертѣ осѣдлости къ востоку отъ линіи Баускъ—Поневѣжъ—Вилькоміръ—Ковно, а съ заложниками и къ западу отъ этой линіи, за исключеніемъ мѣстностей, находящихся въ моментъ ходатайства о возвращеніи въ районѣ боевыхъ дѣйствій, въ каковыя мѣстности евреи вовсе возвращаться не могутъ, а также не могутъ въ г. Ковно и крѣпостной районъ. Въ случаѣ желанія находящихся въ предѣлахъ Черниговской губерніи евреевъ возвратиться въ мѣста прежняго жительства, если таковыя находятся не въ районѣ боевыхъ дѣйствій, они должны представить Ковенскому губернатору списки лицъ, предлагаемыхъ ими въ заложники, отдѣльно по каждому городу или населенному мѣсту. По разсмотрѣніи представленныхъ списковъ и по соображенію съ расположеніемъ мѣстности, въ которыя желаютъ возвратиться выселенные евреи, имъ дано будетъ соотвѣтствующее разрѣшеніе на прибытіе заложниковъ, а затѣмъ и тѣхъ выселенныхъ евреевъ, за которыхъ заложниками будетъ дано ручательство.

Объ изложенномъ предписываю объявить находящимся во ввѣренномъ Вамъ уѣздѣ выселеннымъ изъ Ковенской губерніи евреямъ и о послѣдующемъ мнѣ донести.

[27]

Копія.

Изъ приказовъ по 2-ой Арміи.

I

Въ декабрѣ 1914 года былъ опубликованъ приказъ Главнокомандующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ генерала Рузскаго, въ которомъ отмѣчается, что послѣ прохожденія русской арміи, мѣстечки подвергаются гораздо большему разгрому, чѣмъ при прохожденіи непріятельскихъ нѣмецкихъ войскъ.

Тамъ же приказано принять мѣры къ огражденію мѣстечекъ отъ грабежа, грозя въ противномъ случаѣ увольненіемъ Генераловъ и другихъ чиновъ.

II

Въ мартѣ 1915 года былъ опубликованъ приказъ по 2-ой арміи, Генерала Смирнова, съ цѣлью собранія свѣдѣній о поведеніи евреевъ въ арміи и отношеніи еврейскаго населенія къ русскимъ войскамъ, къ непріятельской арміи, о замѣченныхъ случаяхъ шпіонажа со стороны еврейскаго населенія и пр.

Свѣдѣнія о поведеніи евреевъ въ арміи требовалось распредѣлить по графамъ, при чемъ, напримѣръ, для евреевъ солдатъ и евреевъ врачей были отдѣльныя графы. Содержаніе ихъ касалось, главнымъ образомъ, о поведеніи евреевъ на передовыхъ позиціяхъ, въ тылу арміи, во время наступленія, о количествѣ эвакуируемыхъ, о количествѣ самострѣловъ, о фактахъ шпіонажа и пр.

III

Въ началѣ мая былъ опубликованъ приказъ по 2-ой арміи Генерала Смирнова, о переводѣ всѣхъ евреевъ писарей и фельдшеровъ въ окопы, но вслѣдствіе сильной нужды въ послѣднихъ, приказъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

[28]

Копія съ копіи.

Тарнопольскому губернатору. Телеграмма по военнымъ обстоятельствамъ.

Скаладъ. Начальнику уѣзда. Командующій арміей приказалъ выселить въ трехдневный срокъ во внутреннія губерніи все еврейское населеніе въ раіонѣ 5 верстъ отъ рѣки Сбручъ, выселенныхъ евреевъ передать при спискахъ ближайшимъ этапнымъ комендантамъ для направленія Подольскому и Кіевскому губернаторамъ для дальнѣйшаго направленія въ губерніи восточнѣе Волги, согласно телеграммѣ главнокомандующаго. № 7649, № 9629 (печать).

Губернаторъ *Чарторыжскій.*

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь (подпись).
№ 1306.

Секретно. Спѣшно.

Господину помощнику начальника Скалацкаго уѣзда въ Подволочискъ для немедленнаго исполненія какъ въ отношеніи самого мѣста Подволочиска, такъ равно и мѣстностей Подволочискаго раіона, расположенныхъ не далѣе 5 верстъ отъ рѣки Сбручъ, объ исполненіи донести рапортомъ. Іюня 12 дня 1915 года.

Подлинный за надлежащей подписью.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Помощникъ Начальника Скалацкаго уѣзда *Разводовскій.*

[29]

Копія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Объявляю жителямъ города Мостиско и окрестныхъ поселеній, что евреи выселяются за то, что они выдавали австрійскимъ властямъ русскихъ и поляковъ. Мѣра эта принимается для огражденія мѣстнаго населенія и является вынужденнымъ результатомъ шестимѣсячнаго долготерпѣнія и незыблемаго убѣжденія не лойяльности евреевъ къ мѣстному населенію.

Этапный комендантъ города Мостиско

Капитанъ *Герасимовъ.*

[30]

Копія.

**НАЧАЛЬНИКЪ
1-Й ПѢХОТНОЙ
ЗАПАСНОЙ БРИГАДЫ.**
8 іюля 1915 года.
№ 7383.
Чугуевъ-Лагерь.

Командиру 31 пѣхотнаго запаснаго баталіона.

Ни отъ кого не тайна, что каждый жидъ всевозможными средствами подло стремится освободиться отъ военной службы, даже совершенно посторонніе честные люди обличаютъ ихъ въ поддѣлкѣ и никогда раньше, какъ теперь, нравственный обликъ этого народа еще не опредѣлился съ большей ясностью; въ то

времи, какъ русскій солдатъ съ глубокимъ чувствомъ патріотизма, сознавая свой долгъ передъ Царемъ и Родиной, самоотверженно проливаетъ свою кровь на полѣ брани, жидъ своими ухищреніями всячески избѣгаетъ стать въ ряды русской арміи на защиту своей родины, надѣясь такимъ образомъ обмануть всѣхъ; а послѣ окончаніи войны снова начнетъ требовать равноправія, якобы за дѣйствительное участіе въ защитѣ отечества вмѣстѣ съ русскими людьми.

Съ особымъ усердіемъ офицерамъ необходимо теперь же приняться за искорененіе этого жидовскаго зла въ русской арміи, заражающаго также и русскаго солдата; не устрашающими мѣрами, не угрозами надлежитъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, а только живымъ словомъ и убѣжденіемъ, приводя неопровержимыя доказательства вредности и безполезности ихъ ухищреній, разъяснить имъ, какую пропасть они роютъ себѣ и своему племени.

Въ нынѣшнюю отечественную войну всѣ многочисленные народы, населяющіе Россію, однако, кромѣ евреевъ, сплотились воедино для защиты своего отечества, настолько тѣсно слились за общимъ дѣломъ, что совершенно позабыта всякая національная рознь. Этотъ важный историческій моментъ, если бы имъ воспользовались честно евреи, могъ бы сыграть великую роль въ возстановленіи добраго имени еврейскаго народа и никогда, а только лишь теперь у нихъ является возможность доказать свое человѣческое достоинство и добиться того желаемаго ими равноправія, о которомъ они вѣчно мечтали и о чемъ кричатъ на всѣхъ перекресткахъ, якобы несправедливо обиженные. Еще не поздно, пусть опомнятся, пусть честно примутся за дѣло, пусть не теряютъ ни одного случая доказать свою привязанность и любовь къ отечеству и тогда они сами поймутъ и убѣдятся, что ни одинъ примѣръ беззавѣтной доблести и отваги честнаго бойца за родину не останется незамѣченнымъ и не пропадетъ безслѣдно ни для нихъ самихъ, ни для будущаго поколѣнія. Пусть не обманомъ, а честными поступками пріобрѣтутъ они право сказать: «мы проливаемъ свою кровь за родину» и родина ихъ не забудетъ. Офицеры должны внушительно выяснить евреямъ солдатамъ, что несомнѣнно настанетъ то время, когда окончится война, возвратится русскій солдатъ изъ дѣйствующей арміи на родину, разскажетъ своимъ добрымъ соотечественникамъ о томъ, что къ чему стремились и какъ изощрялись русскіе жиды, измышляя различные способы, чтобы безнаказанно уклониться отъ участія въ защитѣ родины, и это теперь не тайна не только отъ военныхъ, но даже частныхъ людей, то тѣмъ болѣе и тогда назрѣвающая народная ненависть и злоба противъ нихъ должны будутъ найти себѣ выходъ и эта опасность неизмѣримо будетъ страшнѣй той, которой они могли бы подвергнуться, честно исполняя свой долгъ на военной службѣ, ибо тогда народный гнѣвъ неизбѣжно коснется не только тѣхъ, которые своими преступными дѣлами въ пользу непріятеля запятнали себя и ни въ чемъ неповинныхъ ихнихъ родителей и дѣтей.

Все изложенное прочтите офицерамъ и дайте имъ свои указанія, какъ требуется нести службу.

Подлинный подписалъ: Командующій бригадою, Генералъ-лейтенантъ

*Жданович*ъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Баталіонный адъютантъ,

31 пѣхотнаго запаснаго баталіона,

Прапорщикъ (подпись).

[31]

м. Майшаголы (Виленскаго Уъзда).

30 іюля въ м. Майшаголѣ появилось слѣдующее

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Прошу г. бѣженцевъ поселившихся въ м. Майшаголѣ и въ районѣ Майшагольской волости выселиться завтра къ 12 часамъ дня 31 сего іюля, согласно полученныхъ заоисящнхъ распоряженій. Въ противномъ случаѣ будете выселены принудительными мѣрами съ привлеченіемъ къ отвѣтственности, согласно военнаго времени.

Майшагольскій полицейскій урядникъ (подпись неразборчива) 30 Іюля 1915 года 11 часовъ дня.

Тотчасъ же объ этомъ дали знать въ Вильно, и уполномоченный комитета еврейскаго общества помощи, обратился въ канцелярію Виленскаго губернатора и къ Главному Начальнику Двинскаго Военнаго Округа кн. Туманову. Оказалось, что ни одинъ, ни другой понятія не имѣетъ о вышеприведенномъ «объявленіи».

Урядникъ дѣйствовалъ на основаніи распоряженій Майшагольскаго комендаита. Гражданскія власти сдѣлали послѣднему соотвѣтствующія указанія и въ тотъ же день выселеніе было пріостановлено.

Записано 6 августа.

[32]

Копія.

Приказъ по 375 пѣшей *Витебской* дружинѣ № 237. 25 августа 1915 года.

гор. *Витебскъ.*

По хозяйственной части.

За послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ нѣтъ сахару въ продажѣ и въ интендантствѣ, поэтому командирамъ ротъ покупать для нижнихъ чиновъ мелкій сахаръ, а за недостаткомъ его покупать леденцы — конфеты простѣйшихъ сортовъ, по стоимости положеннаго сахару. Конфеты покупать не мѣстныхъ еврейскихъ фирмъ, а извѣстныхъ по добросовѣстности, *Бормана, Эйнемъ, Сіу, Ландринъ* и мѣстныхъ христіанскихъ, такъ какъ въ конфетахъ еврейскихъ фабрикацій много вреднаго для здоровья.

Подлинный подписалъ: Полковникъ *Годзевскій.*

[33]

Копія.

Телеграмма генерала Янова отъ 30 марта 1915 г. за № 3805.

Въ виду неоднократно поступавшихъ заявленій строевого начальства о непригодности евреевъ въ качествѣ боевого матеріала и крайней желательности сокращенія прилива ихъ состава укомплектованія было сдѣлано соотвѣтственное сношеніе Штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ Генеральнымъ Штабомъ. Нынѣ выяснено, что въ настоящее время выхода изъ этого положенія

нѣтъ, однако самый вопросъ непригодности и необходимости разрѣшенія немедленно по окончаніи войны заставляетъ нынѣ же организовать сборы фактическаго матеріала, устанавливающаго нежелательность пребыванія евреевъ въ рядахъ арміи. Въ виду сего Верховный Главнокомандующій повелѣлъ теперь же запросить командировъ отдѣльныхъ частей о тѣхъ фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о непригодности евреевъ въ качествѣ боевого матеріала, которые получены изъ опыта истекшаго періода кампаніи. Необходимо по возможности установить число бѣжавшихъ и сдавшихся непріятелю. Освѣтить возбужденный вопросъ насколько возможно всесторонне, какъ отдѣльными фактами, такъ и общими выводами. Весь означенный матеріалъ при заключеніи командировъ частей и командира корпуса надлежитъ направлять въ Штабъ Арміи. Принимая во вниманіе всю важность настоящаго вопроса командующій Арміей приказалъ принять мѣры къ незамедлительному и тщательному выполненію изложеннаго 3805.

На оборотѣ: спѣшно, секретно, циркулярно.

[34]

Копія.

Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго

5 Августа 1915 года.
№ 1380.

Его Высокопревосходительству М. В. Алексѣеву.
Главнок. Арміями Сѣверн. фронта.

Милостивый Государь,
Михаилъ Васильевичъ!

Въ дополненіе телеграммы отъ 6 марта за № 7513, и отъ 22 апрѣля за № 629 препровождаю при семъ Вашему Высокопревосходительству полученный отъ Начальника Ген. Штаба перечень вопросовъ объ отношеніи евреевъ къ настоящей войнѣ съ просьбой не отказать въ распоряженіи разослать этотъ перечень въ части фронта и затѣмъ направить весь подлинный матеріалъ въ Главное Управленіе Генер. Штаба по мобилизаціонному отдѣлу.

Несомнѣнно, что по окончаніи войны придется самымъ серьезнымъ образомъ обсудить вопросъ о возможности дальнѣйшаго оставленія евреевъ въ рядахъ арміи или во всякомъ случаѣ о сокращеніи числа ихъ въ войсковыхъ частяхъ, почему представляется крайне желательнымъ имѣть къ тому времени систематизированный матеріалъ, собранный по отзывамъ и показаніямъ участниковъ войны и войсковыхъ частей, кои испытали на себѣ весь вредъ пребыванія евреевъ въ ихъ средѣ. Дабы указанный матеріалъ представлялъ собою по возможности цѣнныя данныя, крайне желательно, чтобы войсковые начальники въ своихъ отвѣтахъ на постановленные вопросы отнюдь не высказывали обобщенныхъ мнѣній и заключеній, и излагали въ возможно краткой формѣ рядъ отдѣльныхъ фактовъ съ указаніемъ времени и мѣста происшествія. Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Н. Янушкевичъ.

[35]

Копія

НАЧАЛЬНИКЪ
САНИТАРНОЙ ЧАСТИ АРМІИ
ЮГО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА.
Сентября 5 дня 1915 г.
№ 3050.

Начальнику 4 головного эвакуаціоннаго пункта.

По приказанію главнаго начальника снабженій Ю. З. фронта, препровождается при семъ перечень вопросовъ объ отношеніи евреевъ къ настоящей войнѣ, прошу распоряженія о собраніи матеріаловъ объ отношеніи евреевъ, находившихся въ военно-врачебныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ арміи. Дабы указанные матеріалы представляли собой по возможности цѣнныя данныя необходимо, чтобы начальники военно-врачебныхъ учрежденій на поставленные объ евреяхъ вопросы, отнюдь не высказывали обобщенныхъ мнѣній и заключеній, а излагали въ возможно краткой формѣ рядъ отдѣльныхъ фактовъ съ указаніемъ времени и мѣста происшествія.

Данныя эти необходимы въ виду того, что по окончаніи войны предполагается серьезнымъ образомъ обсудить вопросъ о службѣ евреевъ въ рядахъ арміи, почему представляется крайне желательно имѣть къ тому времени систематизированный матеріалъ, собранный по отзывамъ и показаніямъ участниковъ войны и войсковыхъ частей, кои испытали на себѣ весь вредъ евреевъ въ ихъ средѣ.

Приложеніе: Перечень вопросовъ.

Подлинный подписали: Тайный совѣтникъ *Яницкій*.

Скрѣпилъ: Начальникъ Административно-хозяйственнаго отдѣла,
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Лобасовъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно: Дѣлопроизводитель Главнаго Эвакуаціоннаго
пункта № 54 Губернскій Секретарь (подпись).

[36]

Копія съ копіи.

Перечень вопросовъ объ отношеніи евреевъ къ настоящей войнѣ.

1. *Нравственныя качества солдатъ-евреевъ.*

А. Случаи нарушенія солдатами евреями долга службы и вѣрности присягѣ, случаи измѣны и несоблюденія установившагося понятія о чести воина, гражданина и человѣка.

Б. Случаи недобросовѣстнаго исполненія солдатами-евреями служебныхъ обязанностей или уклоненій отъ службы или стремленія солдатъ-евреевъ причислиться въ нестроевые, мастеровые, денщики.

В. Случаи симуляціи ими болѣзней, членовредительства, или пособничество въ этомъ отношеніи другимъ.

Г. Побѣги солдатъ-евреевъ изъ частей войскъ.

Д. Случаи выраженія солдатами-евреями сочувствія противнику и желанія быть ему полезнымъ въ чемъ-либо: участіе солдатъ-евреевъ въ шпіонажѣ.

Е. Случаи недоброжелательнаго отношенія къ нашимъ солдатамъ не евреямъ и вообще къ нашимъ частямъ войскъ.

Ж. Случаи вреднаго вліянія отрицательныхъ нравственныхъ сторонъ солдатъ евреевъ на прочихъ солдатъ части.

3. Особыя характерныя случаи отношенія солдатъ-евреевъ къ мѣстному еврейскому населенію.

2. *Боевыя качества солдатъ-евреевъ.*

А. Особые случаи проявленія солдатами-евреями храбрости. самоотверженія и стойкости.

Б. Случаи бѣгства солдатъ-евреевъ въ бою, особенно случаи, оказавшіе, заражающее въ этомъ отношеніи вліяніе на другихъ солдатъ части.

В. Случаи сдачи солдатъ-евреевъ въ плѣнъ, особенно безъ употребленія въ дѣло оружія, съ указаніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ такую сдачу.

Е. Особые выдающіеся чѣмъ либо случаи поведенія солдатъ-евреевъ во время боевыхъ дѣйствій.

Ж. Отзывы о поведеніи солдатъ-евреевъ въ плѣну по разсказамъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, коимъ удалось вернуться изъ плѣна.

3. *Физическія качества солдатъ-евреевъ.*

А. Характерные случаи слабосилія и меньшей выносливости солдатъ-евреевъ, обнаруживавшихся во время военныхъ боевыхъ дѣйствій.

Б. Не замѣчался ли во время похода значительный % отсталыхъ солдатъ-евреевъ и, въ утвердительномъ случаѣ, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ.

В. Случаи, когда солдатъ-евреевъ силой ихъ физическихъ свойствъ, приходилось освободить отъ особо-тяжелыхъ обязанностей службы.

Г. Какіе-либо достойные вниманія случаи, характеризующіе физическія качества солдатъ-евреевъ.

4. *Отношеніе мѣстнаго еврейскаго населенія къ настоящей войнѣ.*

А. Случаи, характеризующіе отношеніе мѣстнаго еврейскаго населенія къ противнику и къ нашимъ войскамъ.

Б. Случаи, характеризующіе отношеніе мѣстнаго еврейскаго населенія къ солдатамъ-евреямъ и къ солдатамъ не евреямъ.

В. Случаи выраженія мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ доброжелательности или сочувствія къ нашему противнику; случаи пособничества еврейскаго населенія противнику, или вообще выраженія желанія быть ему полезнымъ въ чемъ-либо.

Г. Случаи измѣны мѣстнаго еврейскаго населенія долгу вѣрноподданнаго гражданина и человѣка.

Е. Какіе-либо особые случаи, характеризующіе отношеніе мѣстнаго еврейскаго населенія къ настоящей войнѣ.

Подписалъ: И. Д. Начальника Мобилизаціоннаго Отдѣла Управленія
Генеральнаго Штаба, Генералъ-Лейтенантъ *Аверьяновъ.*

Скрѣпилъ: Начальникъ Отдѣленія, Полковникъ *Саттерупъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: Дѣлопроизводитель, Коллежскій Ассесоръ *Житковъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: Штабъ-Офицеръ для дѣлопроизводства
и порученій, подполковникъ *Моторный.*

Съ копіей вѣрно: Дѣлопроизводитель Головного Эвакуаціоннаго пункта
№ 54 Губернскій Секретарь (подпись).

Старшему Врачу №№ Санитарнаго поѣзда, препровождается для свѣдѣнія и исполненія, Начальникъ Головного Эвакуаціоннаго пункта (подпись) № 54, № 387.

13 сентября 1915 года.

Дѣлопроизводитель: Губернскій Секретарь (подпись).

[37]

Копія.

Копія съ телеграммы Начальника Штаба III-й арміи отъ 20 сентября 1915-го года за № 479.

Командиру IX армейскаго корпуса.

Командующій арміей приказалъ объявить еврейскому населенію, проживающему въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, входящихъ въ районъ корпуса, что ему воспрещается свободное передвиженіе между населенными пунктами. Исключеніе допускается лишь для выселяющихся въ восточномъ направленіи, причемъ въ этомъ случаѣ они должны быть снабжены соотвѣтствующими удостовѣреніями отъ военныхъ или гражданскихъ властей. Передвиженіе евреевъ по корпуснымъ дорогамъ съ востока на западъ строго воспрещается. При этомъ надлежитъ объявить евреямъ, что впредь всякій населенный пунктъ, гдѣ будутъ обнаружены евреи, сносящіеся съ противникомъ и способствующіе его дѣйствіямъ, будутъ немедленно очищены отъ евреевъ, которые направлены въ таковыя губерніи, и, такимъ образомъ, еврейское населеніе въ собственныхъ интересахъ должно бороться съ неблагонадежнымъ и пришлымъ элементомъ, донося безотлагательно военному или гражданскому начальству о всѣхъ вновь прибывающихъ въ селенія подозрительныхъ по шпіонажу лицахъ.

Подписалъ: *Баіовъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. оберъ-офицера для порученій при штабѣ 9 арм. корп. Шт. Капитанъ (подпись).

По приказанію Командира корпуса препровождается для руководства.

За Начальника Штаба IX армейскаго корпуса

Генеральнаго Штаба Капитанъ (подпись).

Сентября 1915 года.
№ . . . . . .
И. д. об.-офицера для порученій Шт. Кап. (подпись)

[38]

Копія.

П р о п у с к ъ.

Предъявителю сего жителю г. Н е с в и ж а *Абраму Шимшеловичу Минцу* разрѣшается отправиться изъ г. Н е с в и ж а до ст. С т а р ы е Д о р о г и и обратно. Провожаетъ для посадки свою дочь *Любу.*
Примѣты предъявителя:
Лѣта: 46. Ростъ: средній. Глаза: с.-каріе. Волосы: т.-русые. Особыя примѣты: нѣтъ.

Собственноручная подпись предъявителя.
Абрамъ Шимшелевъ Минцъ.

Дѣйствителенъ до 10 октября 1915 года.

Въ случаѣ несходства примѣтъ или пропуска срока предъявитель подлежитъ задержанію.

Этапный Комендантъ г. Н е с в и ж а Поручикъ *Тарасовъ.*

30 сентября г. Н е с в и ж ъ.

[39]

Копія.

Предсѣдателю Всероссійскаго Земскаго Союза по Западному фронту.

Признаю необходимымъ открыть сто солдатскихъ лавокъ по двадцать на районъ каждой арміи. Мѣсто расположенія лавокъ, списокъ товаровъ и расцѣнку ихъ установите по указанію Штаба арміи. Лавки необходимо обезпечить достаточнымъ количествомъ товаровъ на сумму десять тысячъ рублей каждой. Списки служащихъ въ лавкахъ должны быть одобрены Штабами армій. Евреи въ число служащихъ не допускаются.

10/12 1915 г. *Даниловъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: *Г. Бекъ.*

[40]

Копія.

Предписаніе т. с. Двукраева отъ *8-го января 1916 г.*

«Согласно приказанія Главнокомандующаго одновременно съ симъ сдѣлано распоряженіе Гл. Начальнику Снабженій сѣвернаго фронта объ увольненіи со службы въ районѣ арміи Сѣвернаго фронта всѣхъ лицъ еврейскаго происхожденія, находящихся на службѣ во ввѣренныхъ Вамъ учрежденіяхъ».

Приказъ касается Главнаго Земскаго и Городского Союзовъ, не касается Краснаго Креста.

[41]

Копія.

Секретно-Циркулярно.

М. В. Д.
Департаментъ полиціи
по 6 Дѣлопроизводству.
9 января 1916 года.
№ 100186.

Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Начальникамъ Областей и Губернскимъ. Жандармскимъ Управленіямъ.

По полученнымъ въ департаментѣ полиціи свѣдѣніямъ, евреи посредствомъ многочисленныхъ подпольныхъ организацій въ настоящее время усиленно заняты революціонной пропагандой, при чомъ съ цѣлью возбужденія общаго недовольства въ Россіи, они помимо преступной агитаціи въ войскахъ и крупныхъ промышленныхъ и заводскихъ центрахъ Имперіи, а равно подстрекательства къ забастовкамъ, избрали еще два важныхъ фактора — искусственное вздорожаніе предметовъ первой необходимости и исчезновеніе изъ обращенія размѣнной монеты.

Исходя изъ тѣхъ соображеній, что ни военныя неудачи, ни революціонная агитація не оказываютъ серьезнаго вліянія на широкія народныя массы, революціонеры и ихъ вдохновители евреи, а также тайные сторонники Германіи, намѣреваются вызвать общее недовольство и протестъ противъ войны путемъ голода и чрезмѣрнаго вздорожанія жизненныхъ продуктовъ. Въ этихъ видахъ злонамѣренные коммерсанты несомнѣнно скрываютъ товары, замедляютъ ихъ доставку на мѣста, и, насколько возможно, задерживаютъ разгрузку товаровъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

Благодаря недостатку звонкой монеты въ обращеніи, евреи стремятся внушить населенію недовѣріе къ русскимъ деньгамъ, обезцѣнить таковыя и заставить, такимъ образомъ, вкладчиковъ брать свои сбереженія изъ государ-

ственныхъ кредитныхъ учрежденій и сберегательныхъ кассъ, а металлическую монету, какъ единственную, якобы, имѣющую цѣнность, прятать. По поводу выпуска размѣнныхъ марокъ, евреи усиленно распространяютъ среди населенія слухи, что Русское правительство обанкротилось, такъ какъ не имѣетъ металла даже для монеты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ еврейскіе агенты повсемѣстно скупаютъ по повышенной цѣнѣ серебряную и мѣдную монету. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, широкое участіе евреевъ въ опасной преступной дѣятельности повидимому объясняется стремленіемъ ихъ добиться отмѣны черты еврейской осѣдлости, такъ какъ настоящій моментъ они считаютъ наиболѣе благопріятнымъ для достиженія своихъ цѣлей путемъ поддержанія смуты въ странѣ.

Объ изложенномъ Департаментъ Полиціи сообщаетъ Вамъ для свѣдѣнія.

И. д. Директора *Кафафовъ*.

За дѣлопроизводителя *Борецкій*.

И. д. Регистратора *Виноградовъ*.

[42]

Копія.

Совершенно довѣрительно. Циркулярно.

М. В. Д.
Кіевскій Губернаторъ.
По канцеляріи
Часть I.
26 января 1916 года.
№ 601.
г. Кіевъ.

Начальникамъ Полиціи Кіевской губерніи.

[Дословное повтореніе [41] отъ словъ: «по полученнымъ въ департаментѣ полиціи свѣдѣніямъ» — до словъ: «путемъ поддержанія смуты въ странѣ».]

Привлекая особое Ваше вниманіе на приведенную дѣятельность евреевъ, предлагаю самымъ энергичнымъ образомъ стремиться парализовать ее усиленной работой подвѣдомственныхъ Вамъ чиновъ, объединенныхъ Вашимъ руководствомъ. Эта работа помимо наблюденія за настроеніемъ еврейскаго населенія, принятія мѣръ къ недопущенію образованія какихъ либо тайныхъ организацій, должна быть направлена въ сторону борьбы съ искусственнымъ вздорожаніемъ предметовъ первой необходимости и сокрытіемъ звонкой монеты.

Относительно перваго, подтверждая дававшіяся указанія о необходимости привлекать всѣхъ недобросовѣстныхъ повышателей цѣнъ къ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ, считаю необходимымъ указать Вамъ на обязанности чиновъ полиціи бороться съ скупщиками продуктовъ, которые, эксплоатируя довѣренность сельскаго населенія, успѣваютъ пріобрѣтать предметы первой необходимости по дешевой цѣнѣ, а затѣмъ зачастую скрываютъ ихъ и создаютъ повышенія цѣнъ. Желательно обезпечить свободную [доставку] въ болѣе крупныя поселенія продуктовъ съ тѣмъ, чтобы они не перекупались по дорогѣ. Затѣмъ надлежитъ обратить серьезное вниманіе на дѣлаемыя нѣкоторыми недобросовѣстными личностями попытки пріобрѣтать продукты и скотъ у бѣженцевъ и иногда и у коренного сельскаго населенія по дешевой цѣнѣ путемъ распространенія слуховъ о предстоящей, якобы, безплатной реквизиціи всего этого. О распространеніи такихъ слуховъ даже въ послѣднее время у меня имѣются свѣдѣнія, которые проникли и въ мѣстную печать. Необходимо внушать всѣмъ бѣженцамъ, что ихъ скотъ и запасы продовольствія должны продаваться только земствамъ, представителямъ земскаго и городского союзовъ или уполномоченнымъ министерства

Земледѣлія и отнюдь не спекулянтамъ. Всѣхъ же изобличенныхъ въ попыткахъ къ таковымъ недобросовѣстнымъ покупкамъ немедленно представлять къ высылкѣ, а въ случаѣ особой злонамѣренной дѣятельности задерживать въ порядкѣ 23 ст. военнаго положенія, немедленно донося мнѣ о нхъ дѣятельности.

Въ отношеніи недостатка звонкой монеты необходимо усилить наблюденіе за лицами, скрывающими ее въ количествѣ, превышающемъ дѣйствительную потребность. При отобраніи звонкой монеты надлежитъ ее обмѣнивать на кредитные билеты, но таковые не передавать владѣльцамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ объ ихъ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ и лишь по приведеніи въ исполненіе постановленія или полученіи извѣщенія о прекращеніи дѣла, деньги должны быть вручены по принадлежности. Естественно, что особому наблюденію чиновъ полиціи подлежатъ лица, пытающіяся тѣмъ или инымъ способомъ подорвать довѣріе къ русскимъ деньгамъ.

О всемъ заслуживающемъ вниманія и относящемся къ вышеприведеннымъ вопросамъ доносите мнѣ незамедлительно.

Подписалъ: Губернаторъ *Графъ Игнатьевъ.*

Скрѣпилъ: Управляющій канцеляріей *И. Яблонскій.*

Вѣрно: За помощника Правленія (подпись).

[43а]

Копія.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
Генерала ФЕЛЬДТА.
Руководитель работъ.
11 января 1916 года.
№ 5963.
г. О Р Ш А.

Прилагая при семъ копію моего распоряженія относительно евреевъ отъ 7 декабря 1915 года за № 5529, сообщаю, что въ силу распоряженій Главнокомандующаго арміями Западнаго фронта по вопросу о допустимости евреевъ на работу, какъ это видно изъ прилагаемой копіи донесенія отъ 4 ноября 1915 года за № 65, мною предположено сдѣлать прилагаемыя въ проектахъ циркулярныя распоряженія. Въ виду того, что эти распоряженія касаются внутреннихъ порядковъ Всероссійскаго Земскаго Союза, то прежде изданія этихъ циркулярныхъ распоряженій, таковыя предварительно имѣю честь препроводить Вамъ для Вашего разсмотрѣнія.

О всемъ послѣдующимъ прошу не отказать увѣдомить меня въ возможно скоромъ времени.

Примите увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности.

В. Фельдтъ.

[43б]

Циркулярно.
Копія.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
27 декабря 1915 года.
№ 5529.

Районнымъ Руководителямъ работъ.

Въ виду того, что на нѣкоторыхъ участкахъ были сданы работы по постройкѣ укрѣпленій подрядчикамъ изъ евреевъ прошу принять при дальнѣйшемъ производствѣ работъ къ исполненію слѣдующее:

I) Сдача производства работъ съ подряда большими участками не можетъ быть допущена вообще, а тѣмъ болѣе евреямъ.

II) Сдача работъ съ ряда, сдѣльно должна быть произведена самимъ артелямъ рабочимъ, но не рядчикамъ предпринимателямъ, а тѣмъ болѣе изъ евреевъ.

III) Евреи могутъ быть допускаемы, какъ поставщики мѣстныхъ матеріаловъ, а также какъ просто рабочіе или мастеровые по наряду отъ мѣстнаго населенія.

IV) Въ качествѣ техниковъ, десятниковъ, табельщиковъ, конторщиковъ, кладовщиковъ и прочихъ служащихъ, евреи не могутъ допускаться ни въ какомъ случаѣ.

Подлин. подписалъ: Главный Руководитель Работъ, Военный Инженеръ, Генералъ-Маіоръ *Фельдтъ* и за Дѣлопроизводителя Мѣстный Инженеръ Подпоручикъ *Ларіоновъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Дѣлопроизводитель,

Мѣстный Инженеръ, Подпоручикъ (подпись).

[43в]

Копія.

Выписка изъ копіи заявленія Оршскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства отъ 4-го Ноября 1915 г. за № 65, относительно тяжелаго положенія рабочихъ, занятыхъ рытьемъ окоповъ.

Военныя власти отдаютъ кормленіе рабочихъ Всероссійскому Земскому Союзу, при чемъ на нѣкоторыхъ питательныхъ пунктахъ персоналъ исключительно изъ евреевъ. Мнѣ казалось, что именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ роются окопы, не мѣсто лицамъ неизвѣстнаго и часто сомнительнаго происхожденія, могущимъ легче снять планы и кроки мѣстностей и строющихся окоповъ. Такія питательныя организаціи легко могутъ обратиться въ мѣста, гдѣ питается и раздувается среди окопщиковъ броженіе и недовольство правительственной властью. Къ тому же этихъ несчастныхъ окопщиковъ Всероссійскій Земскій Союзъ такъ скверно и скудно питалъ, что среди нихъ начали развиваться заразныя заболѣванія.

Вѣрно: За Дѣлопроизводителя *А. Селицкій.*

Дѣлопроизводитель Мѣстный Инженеръ Подпоручикъ (подпись).

[43г]

Копія.

ПРОЕКТЪ.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

№ ....

" Января 1916 г.

г. Орша.

(Начальнику жандармской команды Ивангородской крѣпости).

Предписываю Вамъ учредить и имѣть постоянное наблюденіе за служащими въ организаціяхъ Всероссійскаго Земскаго Союза и въ Инженерно-Строительныхъ Дружинахъ, также какъ установлено Вами въ отношеніи служащихъ

въ раіонѣ Строительства, не допуская, чтобы среди служащихъ въ этихъ организаціяхъ находились евреи.

Главный Руководитель работъ, военный Инженеръ Генералъ-маіоръ.

Дѣлопроизводитель Подпоручикъ (подпись).

[43д]

ПРОЕКТЪ.

Раіоннымъ Руководителямъ Работъ.

По полученнымъ мною свѣдѣніямъ въ раіонѣ ввѣреннаго мнѣ Строительства въ числѣ служащихъ на работахъ по укрѣпленію позицій, какъ среди организацій Всероссійскаго Земскаго Союза по довольствію рабочихъ, такъ и въ Инженерно-Строительныхъ Дружинахъ находится значительное количество евреевъ. Ссылаясь на предписаніе мое отъ 27 Декабря 1915 года за № 5529, предписываю теперь же устранить отъ должностей подвѣдомственныхъ Вамъ служащихъ изъ евреевъ и принять мѣры къ устраненію служащихъ евреевъ въ вышеозначенныхъ организаціяхъ.

Вмѣстѣ съ симъ предлагаю срочно представить мнѣ самыя подробныя свѣдѣнія о числѣ евреевъ, состоящихъ въ данное время на службѣ въ названныхъ органи ціяхъ.

Дѣлопроизводитель

Мѣстный Инженеръ Подпоручикъ (подпись).

[44а]

Копія.
Конфиденціально.

всероссійскихъ
земскаго и городского союзовъ
ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТЪ
ПО СНАБЖЕНІЮ АРМІИ.
Инженерно-строительный отдѣлъ.
Января 2 дня 1916 года.
Москва.
Покровка,
Космодаміановскій пер. д. № 6.
Тел. 3-12-77 и 3-16-21.
для телеграммъ:
Земгоръ, Дружина, Москва

Въ Комитетъ Инженерно-строительныхъ дружинъ Западнаго Фронта.

Инженерно-Строительный Отдѣлъ Главнаго Комитета по снабженію арміи имѣетъ честь препроводить при семъ копію отношенія Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 27/28 декабря 1915 года за № 16904 на имя Князя Г. Е. Львова.

Завѣдывающій И.-С. Отдѣломъ

Уполномоченный Главнаго Комитета (подпись).

Дѣлопроизводитель (подпись).

[44б]

Копія.

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА
ВЕРХОВНАГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.
27/28 Декабря 1915 года.
№ 16904.

Милостивый Государь Князь Георгій Евгеніевичъ.

По имѣющимся въ Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго свѣдѣніямъ въ учрежденія Всероссійскаго Земскаго Союза принимаются на службу лица еврейскаго происхожденія, среди которыхъ есть уклоняющіяся отъ отбыванія воинской повинности или стремящіяся проникнуть въ дѣйствующую армію со спеціальной цѣлью партійной агитаціи.

Принимая во вниманіе, что означенныя лица своею дѣятельностью могутъ принести весьма существенный вредъ, считаю своимъ долгомъ обратиться къ Вашему Сіятельству съ просьбой не отказать въ своемъ содѣйствіи къ возможному устраненію подобнаго нежелательнаго явленія, въ инженерныхъ дружинахъ этотъ элементъ безусловно вреденъ, а для дѣла — безполезенъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и искренней преданности.

(Подпись).

Его Сіятельству
Князю Г. Е. Львову.

Главноуполномоченному Всероссійскаго
Земскаго Союза.

[45]

Копія.

Копіи переданы Земгоръ

Вх. № 8985.

Минскъ. Предсѣдателю Комитета Земскаго Союза Западнаго фронта *Вырубову.* Копія *Снабзапъ,* копія *Огенкваръ,* копія *Бѣляеву.*

Изъ Ставки 19/I.
Отъ Алексѣева 814

По требованію военнаго начальства прошу распоряженія немедленномъ увольненіи изъ сформированныхъ Инженерно-Строительныхъ Дружинъ всѣхъ безъ исключенія евреевъ и недопущеніи ихъ впредь какъ въ существующіе такъ и вновь формируемыя дружины точка. Если безъ евреевъ обойтись безусловно нельзя, въ такомъ случаѣ признаю наиболѣе цѣлесообразнымъ отъ помощи такихъ дружинъ совершенно отказаться точка.

Послѣдующемъ благоволите меня увѣдомить.
814 *Алексѣевъ.*
Вѣрно: (подпись).
33/Е.

24 Ставка Ген. *Алексѣеву.*

Вернулся 24 №814 принялъ къ исполненію *В. Вырубовъ.*

[46]

Копія.
Секретно.

НАЧАЛЬНИКЪ
ШТАБА 5-я АРМІИ
По отдѣлу Генералъ-Квартирм.
Отдѣлъ Контр.-Развѣд.
20 января 1916 года.
№ 9659/а.

Вр. Командующій арміями приказалъ не назначать въ команды связи и войсковыя санитарныя команды нижнихъ чиновъ нѣмцевъ или евреевъ, а если таковые уже есть, постепенно, но важно скорѣе, перевести ихъ въ строй или другія команды, гдѣ они не могли бы принести вреда, если бы оказались неблагонадежными.

Подписали: Генералъ-Лейтенантъ *Миллеръ.*

Генералъ-Квартирм. Генералъ-Майоръ *Черемисовъ.*

Скрѣпилъ: Начальникъ отд. роты *Щербачевъ.*

[47]

Копія.

Приказъ отъ 2-го Февраля 1916 года.
№ 9814/а.

«Временно командующій 5 арміей воспретилъ имѣть нижнихъ чиновъ евреевъ въ качествѣ телеграфистовъ, телефонистовъ, надсмотрщиковъ и вообще въ телеграфныхъ ротахъ, санитарами и особенно писарями всѣхъ категорій причемъ отвѣтственность за исполненіе приказанія возлагается на начальниковъ частей, и приказаніе должно быть выполнено въ недѣльный срокъ со дня полученія приказанія въ части. Виновные въ неисполненіи приказанія будутъ преданы суду, какъ за неисполненіе приказаній въ военное время. Объ исполненіи приказанія командирамъ частей и начальникамъ дивизій донести мнѣ къ 10 февр. въ 9 часовъ вечера».

Подписалъ: Начальникъ штаба Ген.-Лейт. *Миллеръ.*

Скрѣпилъ: Исп. Должн. Квартирмейстера Ген. *М. Чаусовъ.*

Вѣрно: Нач. Отд. роты *Щервавинъ.*

[48]

Копія.

Приказъ по войскамъ Иркутскаго военнаго округа

гор. Иркутскъ, 11 февраля 1916 г.

Вр. и. обязанности моего помощника генералъ отъ инфантеріи Карнѣевъ при осмотрѣ, по моему приказанію, Березовскаго лагеря военно-плѣнныхъ обратилъ вниманіе на то, что нѣсколько военно-плѣнныхъ нижнихъ чиновъ находились въ поселкѣ Березовка внѣ раіона ихъ расположенія. На запросъ о томъ, почему военно-плѣнные свободно ходятъ въ поселокъ Березовку, было доказано, что это были военно-плѣнные артельщики и деньщики плѣнныхъ офицеровъ, которые отпускаются за полученіемъ отъ подрядчиковъ продуктовъ и покупкой разныхъ вещей въ лавочкахъ.

Нахожу такой порядокъ недопустимымъ, въ виду того, что плѣнные, входя въ непосредственное сношеніе съ населеніемъ поселка Березовки, состоящимъ исключительно изъ евреевъ, могутъ передавать черезъ послѣднихъ нелегальную корреспонденцію, а евреи могутъ снабжать плѣнныхъ деньгами, паспортами и оружіемъ для совершенія побѣговъ.

Во всѣхъ гарнизонахъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы военно-плѣнные какъ офицеры, такъ и нижніе чины ни въ коемъ случаѣ не могли отлучаться изъ раіона ихъ расположенія.

Подписалъ: Командующій войсками Генералъ отъ Инфантеріи *Шкинскій.*

Поселокъ Березовка — Забайкальской обл., близъ Верхне-Удинска. — Объ отношеніи къ плѣннымъ не-еврейскаго населенія см. газ. «Забайкальская Новь» (отъ 26 и 30 апр., а также отъ 26 ноября 1915 года).

Процентъ еврейскаго населенія въ этомъ поселкѣ не больше, чѣмъ въ другихъ населенныхъ пунктахъ Сибири.

[49]

Телеграмма, посланная Главнымъ Начальникомъ Одесскаго Военнаго Округа Эбѣловымъ Бессарабскому Губернатору и полученная послѣднимъ 22-го февраля 1916 года.

Бессарабскому Губернатору.

«Благоволите въ первую же очередь выгнать на окопныя работы евреевъ мужчинъ и женщинъ отъ 16 лѣтъ и выше. Замѣна христіанами не допускается.

Желательно по возможности немедленно очистить 50 верстную полосу границы съ Румыніей отъ еврейскаго населенія».

Въ телеграммѣ *Эбѣловъ* предписываетъ представить ему свѣдѣнія по мѣрѣ отправленія на работу.

[50]

Копія.

Земсоюзъ Минскъ Наштазап Согоръ.

101 П. Т. К. 12065.
29/II — 1916 г.

Главкозап разрѣшилъ евреямъ врачамъ, фельдшерамъ, фельдшерицамъ Земсоюза и Согора работу на позиціонныхъ работахъ точка. Въ дружинахъ Земгора еврейскаго врачебнаго фельдшерскаго персонала не имѣть точка. Евреевъ рабочихъ допустить на окопныя работы только на тыловыхъ позиціяхъ.

7589 *Даниловъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: За Секретаря (подпись).

Съ копіей вѣрно:

[51]

Копія.

**НАЧАЛЬНИКЪ
МИНСКАГО ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.
7 марта 1916 года.
№ 637.**

По полученнымъ свѣдѣніямъ въ техническихъ отдѣлахъ организацій Союза Городовъ и Земствъ среди инженеровъ русскихъ и поляковъ растетъ возбужде-

ніе и даже враждебность по отношенію евреевъ, которые вездѣ занимаютъ болѣе спокойныя мѣста, втискиваются въ помощники руководителей и начинаютъ интриговать, кромѣ того относятся видимо враждебно къ войнѣ и тыловой подготовкѣ, высказываясь, что всѣ наши старанія ни къ чему не приведутъ — часто намекаютъ на негодность Высшаго Командного состава.

За евреевъ стоятъ только земскіе дѣятели, техники и вообще специалисты всѣ противъ евреевъ и говорятъ, что раньше евреевъ знали по разсказамъ и вѣчной пѣснѣ объ угнетенномъ племени, а теперь, когда жизнь столкнула ихъ съ евреями въ работѣ и совмѣстной дѣятельности, они отшатнулись отъ евреевъ какъ отъ зловреднаго элемента; по ихъ мнѣнію евреи вредны и опасны для русскаго народа.

О вышеизложенномъ сообщаю Вамъ для свѣдѣнія. Полковникъ.

Помощнику Начальника Развѣдывательнаго Отдѣленія Штаба Главнокомандующаго Арміями Западнаго фронта.

[52]

Копія.
Секретно.

Главный Инспекторъ Лечебныхъ заведеній, расположенныхъ по правую сторону р. Днѣпра, и наблюденій за объединеніемъ дѣятельности мѣстныхъ чиновъ г. Кіева по дѣламъ эвакуаціи и санитарнаго благосостоянія мѣстныхъ Лазаретовъ и Госпиталей.

Марта 12 дня 1916 года.
№ 537.
г. Кіевъ.

Адресъ: Крещатикъ, 3 кв. 5.

Главноуполномоченному Россійскаго Общества Краснаго Креста при Арміи Юго-Западнаго Фронта.
(Бибиковскій бульваръ 13).

Начальникъ Штаба Кіевскаго военнаго округа сношеніемъ отъ 8 марта с./г. за № 1582/1176 увѣдомилъ меня, что по имѣющимся свѣдѣніямъ, за послѣднее время на фронтѣ военныхъ дѣйствій участились случаи сдачи въ плѣнъ нижнихъ чиновъ уроженцевъ губерній Царства Польскаго.

Причиной сего является существованіе въ тылу арміи преступной организаціи, задавшейся цѣлью путемъ агитаціи черезъ особыхъ агентовъ, въ большинствѣ евреевъ, внушить нижнимъ чинамъ польскаго происхожденія, что для нихъ, по занятіи Польши германцами, миновала надобность въ дальнѣйшей ихъ службѣ въ русскихъ войскахъ, такъ какъ германское правительство будто бы возмѣстило польскому населенію всѣ убытки, причиненные войной, и назначило брата Императора Вильгельма II королемъ Польши, а поэтому возвращеніе русскихъ войскъ въ Польшу нежелательно.

Пропаганда эта, проникая изъ тыла на боевой фронтъ съ ротами ополченскихъ и запасныхъ частей, разлагающе дѣйствуетъ на нижнихъ чиновъ уроженцевъ Западнаго края и служитъ побудительнѣйшей причиной перебѣжки ихъ на сторону противника.

Вслѣдствіе изложеннаго Главный Начальникъ Округа приказалъ принять самыя энергичныя мѣры, какъ къ прекращенію означенной пропаганды, въ случаѣ если бы таковая была обнаружена въ госпиталяхъ и лазаретахъ Краснаго Креста, такъ и къ выясненію лицъ, ведущихъ ее.

Генералъ-лейтенантъ *Гельмгольцъ.*

Прапорщикъ *Самокининъ.*

Вѣрно: За Начальника отдѣленія *С. Фредериксъ.*

[53а]

Копія.

Копіи переданы:
Предсѣд.
Контр. Исп.

Вх. № 15788 — 14/3.
Минскъ Земсоюзъ
Изъ 101 П. Т. О. 14/3
Отъ Данилова.

Срочно.

Передать только Земсоюзъ Командамъ одинъ, два, три, четыре, десять Главноуполномоченному Краснаго Креста Минскъ Начальнику Санитарной части фронта Минскъ. Земсоюзъ Минскъ. Организація Великой Княгини Маріи Павловны Минскъ. Согоръ Минскъ. Сѣверопомощь Минскъ. Главкозап приказалъ удалить изъ корпусныхъ районовъ всѣхъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, служащихъ Крестѣ, Земсоюзѣ, Согорѣ, Сѣверопомощи и въ другихъ добровольныхъ организаціяхъ санитарной помощи кромѣ врачей точка. Врачей іудейскаго вѣроисповѣданія оставить на занимаемыхъ ими нынѣ должностяхъ 7066 *Даниловъ.*

Вѣрно:

[53б]

Копія

Исход. 17447 по 17453.

Главкозап приказалъ удалить изъ корпусныхъ раіоновъ всѣхъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, служащихъ въ Крестѣ, Земсоюзѣ, Согорѣ, Сѣверопомощи и другихъ добровольныхъ организаціяхъ санитарной помощи кромѣ врачей іудейскаго вѣроисповѣданія оставить на занимаемыхъ ими нынѣ должностяхъ точка.

Прошу исполнить немедленно распоряженіе Главнокомандующаго, откомандировать въ Минскъ всѣхъ служащихъ Союза *(Вырубовъ).*

[54]

Копія.

Красный Крестъ
Земсоюзъ Согоръ
Сѣверопомощь Минскъ.

Вх. № 17034 — 23/3

Изъ 101 Полев. Тел. Кон. отъ Данилова.

Лица іудейскаго вѣроисповѣданія на Западномъ фронтѣ на службу въ Управленія Главноуполномоченныхъ Креста и Сѣверопомощи и Комитетовъ фронта Союзовъ не должны допускаться 7672 *Даниловъ.*

[55]

Копія.

ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛЪ
ШТАБА ... АРМІИ.
Инспекторскій отдѣлъ.
24 марта 1916 года.
№ 161.

Начальнику Санитарнаго Отдѣла Штаба Арміи.

Командующій арміей приказалъ: теперь же фактически провѣрить, выполнено ли всѣми начальниками ввѣренныхъ Вамъ частей, учрежденій и заведеній

приказаніе Его Превосходительства, сообщенное секретнымъ сношеніемъ ген.-квартирмейстера штаба ...... арміи отъ 29 января с./г. за № 9814а, о воспрещеніи имѣть евреевъ въ качествѣ телеграфистовъ, телефонистовъ и проч. чиновъ службы связи, надсмотрщиковъ въ телеграфныхъ ротахъ, санитарами, особенно писарями. О результатѣ фактовъ провѣрки прошу сообщить мнѣ.

На циркулярѣ имѣется надпись: циркулярно, секретно.

[56]

НАЧАЛЬНИКЪ САНИТАРНОЙ ЧАСТИ АРМІИ ЗАПАДНАГО ФРОНТА.
Отдѣлъ Административно-хозяйственный.
25 марта 1916 года.
№ 7126.

Уполномоченному Комитета Западнаго фронта Всероссійскаго Земскаго Союза.

По приказанію Главнаго Начальника снабженія имѣю честь сообщить для свѣдѣнія и руководства, что приказаніе Главнокомандующаго арміями Западнаго фронта, переданное въ телеграммѣ главнаго Начальника снабженій отъ 12 марта с./г. за № 7655 не распространяется на головные и тыловые эвакуаціонные пункты; однако присутствіе лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ числѣ сестеръ милосердія и фельдшеровъ на головныхъ пунктахъ является не желательнымъ, а равно въ составѣ хозяйственныхъ чиновъ и санитаровъ вовсе недопустимымъ.

Тайный Совѣтникъ *Гюббенетъ.*

Начальникъ Отдѣла *Яновъ.*

Дѣлопроизводитель изъ врачей, Коллежскій Совѣтникъ *Дементьевъ.*

[57а]

Копія.

ЭТАПНЫЙ КОМЕНДАНТЪ м. ГОРОДОКЪ.
Марта 26-го 1916 года.
№ 2630.
Дѣйствующая армія.

Начальнику Этапнаго участка Дубровской военной дороги.

По словамъ завѣдывающаго лавкой Всероссійскаго Земскаго Союза въ м. Городкѣ предполагается лавку убрать. Въ виду того, что означенная лавка приноситъ большую пользу, такъ какъ она таксируетъ цѣны на предметы первой необходимости не позволяя мѣстнымъ торговцамъ евреямъ повышать цѣны до невѣроятныхъ размѣровъ, прошу Вашего ходатайства объ оставленіи означенной въ м. Городкѣ. Въ м. Городкѣ расположены: этапъ, подвижной госпиталь и три больницы В. З. С., въ окрестностяхъ расположены транспорты и обозы частей, къ городу примыкаетъ большая строительная организація съ массой рабочихъ, кромѣ того, обозы, двигающіеся за полученіемъ продуктовъ изъ Волжина, Гороздилова, Груздова и даже Лебедевъ и Молодечно на ст. Алехновичи, Радошковичи, Заславъ, а главное Минскъ въ одну и другую сторону изъ Минска,

Ракова, Ивенца на Молодечно, транспорты эти и обозы проводятъ черезъ Городокъ и пользуются услугами лавки.

Капитанъ (подпись). Съ подлиннымъ вѣрно: (подпись).

Секретарь (подпись неразборчива).

Съ копіей вѣрно: За Завѣдывающаго информаціоннымъ столомъ *Б. Фромметъ.*

Препровождая копію рапорта этапнаго коменданта м. Городокъ въ «Извѣстія Главнаго Комитета», считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе редакціи на антисемитскія строки рапорта.

За завѣдывающаго информаціоннымъ столомъ *Б. Фромметъ.*

[57б]

Копія.

Завѣдывающему Этапно-Транспортной частью Штаба X арміи.

Прошу ходатайства объ оставленіи лавки Всероссійскаго Земскаго Союза въ виду дѣйствительной ея пользы. Закрытіе ея принесетъ огромную пользу мѣстному еврейскому населенію, державшему высокія цѣны до ея открытія на всѣ предметы торговли.

Начальникъ этапнаго участка

Командиръ этапнаго баталіона

Подполковникъ (подпись).

27 Марта № 2625.

Об-офиц. прапорщикъ (подпись)

Дѣлопроизводитель Зауряд-чиновникъ (подпись)

Съ подлиннымъ вѣрно:

За завѣдывающаго информаціоннымъ столомъ *Б. Фромметъ.*

Препровождая копію рапорта Завѣдывающему Этапно-Транспортной частью штаба X арміи, считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе редакція на антисемитическія строки рапорта.

За Завѣдывающаго Информаціоннымъ Столомъ *Б. Фромметъ.*

[58]

Копія.

Вх. № 17732 28/3.

Копіи переданы:
Техн. отд.
Арм. Управл.

Начальнику Санитарной части Земсоюзовъ Согоръ Сѣверопомощи Минскъ Командарм. 1, 2, 3, 4, 10.

Изъ 101 пол. т. л. отд. 28/3

Отъ Филатьева 11184.
Только Земсоюза.

Главнокомандующій приказалъ, чтобы въ корпусныхъ районахъ не допускались къ обслуживанію эвакуаціонныхъ пунктовъ подрядчики евреи точка. Это распоряженіе не касается подрядчиковъ, сдающихъ случайно или одновременно какіе либо припасы или матеріалы точка. Распоряженіе это имѣетъ въ виду не-

допущеніе постояннаго проживанія при эвакуаціонномъ пунктѣ или систематическаго его посѣщенія подрядчиками евреями / 11184 *Филатьевъ*.

Вѣрно:
25 / Е.

[59]

Копія секретнаго циркуляра Подольскаго Губернатора отъ 2 іюня 1916 года за № 17149 на имя начальниковъ полиціи Подольской губерніи.

Въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго получены вполнѣ опредѣленныя указанія, что нѣмцы великолѣпно освѣдомлены о военномъ положеніи Россіи, главнымъ образомъ черезъ посредство многочисленныхъ румынскихъ евреевъ, которые подъ предлогомъ торговли легко переходятъ русскую границу и шпіонятъ въ пользу Германіи.

Вслѣдствіе приказанія Главнокомандующаго Арміи Юго-Западнаго фронта, предлагаю установить строгое наблюденіе за прибывающими изъ Румыніи евреями и всѣхъ заподозрѣнныхъ въ проѣздѣ со шпіонскими цѣлями передавать жандармскимъ властямъ и доносить мнѣ.

Подлинный за надлежащими подписями.

Вѣрно: за помощ. правителя (подпись).

[60]

Копія.
Секретно.
Вх. 25/VI 1916 г.

Вр. и. д.
ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА
снабженія армій
ЗАПАДНАГО ФРОНТА.
10-го іюня 1916 года.
№ 2677.

Предсѣдателю Комитета Западнаго фронта Всероссійскаго Земскаго Союза.
Минскъ.

Главнокомандующій приказалъ удалить изъ всѣхъ подвѣдомственныхъ Вамъ организацій и евреевъ, и еврeекъ, служащихъ въ учрежденіяхъ, расположенныхъ къ Западу отъ линіи Плоцкъ-Друцкъ р. Друтъ, за исключеніемъ:

1) Врачей и зубныхъ врачей и

2) лицъ, находящихся на пунктахъ, обслуживающихъ бѣженцевъ евреевъ.
Изложенное сообщаю для незамедлительнаго исполненія.

Подлинное подписали: Генералъ-маіоръ *Филатьевъ*.

Начальникъ Канцеляріи Полковникъ *Балакановъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно:

[61]

Копія.
Секретно циркулярно.

М. Ф.
Департаментъ окладныхъ сборовъ.
Отдѣленіе I.
Столъ I.
23 іюля 1916 года.
№ 9306.

Г. г. Управляющимъ Казенными Палатами.

Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ *Джунковскій* сообщилъ Министерству Финансовъ данный имъ Губернаторамъ циркуляръ о томъ, что по поступившимъ въ Департаментъ полиціи не провѣреннымъ свѣдѣніямъ, германцы, съ цѣлью подорвать благосостояніе крестьянскаго населенія Россіи, намѣреваются лѣтомъ текущаго года произвести въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи посредствомъ особыхъ машинъ выжиганіе хлѣбовъ на корню,для чего будто бы подготовляются особые инструкторы мѣръ предосторожности, въ предѣлахъ Россіи, якобы распространяются особые листы на нѣмецкомъ языкѣ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ въ выполненіи такого плана принимають участіе также нѣмцы, числящіеся въ русскомъ подданствѣ, и привлеченные къ этому дѣлу путемъ подкупа евреи.

Хотя означенныя свѣдѣнія, какъ указано выше, не провѣрены, и возможно, что являются не вполнѣ достовѣрными, тѣмъ не менѣе, въ виду серьезности вопроса, Департаментъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, объ изложенномъ поставить въ извѣстность подвѣдомственныхъ Вамъ чиновъ податного надзора, предложивъ имъ при этомъ, въ случаѣ если до нихъ дойдутъ какія-нибудь по настоящему предмету свѣдѣнія, безотлагательно доводить о томъ до свѣдѣнія мѣстной администраціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вы имѣете предложить Податнымъ Инспекторамъ и ихъ помощникамъ при служебныхъ разъѣздахъ ознакомить съ содержаніемъ настоящаго циркуляра лицъ волостной и сельской администраціи, указывая при этомъ на необходимость принять безотлагательно и притомъ самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію вышеуказанныхъ преступныхъ дѣйствій, если таковыя будутъ имѣть мѣсто въ дѣйствительности. Подлинный за надлежащими подписями.

[62]

Копія.

Командиру .... роты.

Командиръ полка приказалъ Вамъ:

1) Представить въ полковую канцелярію два раза въ мѣсяцъ 12 и 27 числа къ двумъ часамъ свѣдѣнія о нижнихъ чинахъ евреяхъ, ввѣренной Вамъ роты по прилагаемой при семъ формѣ, указавъ въ примѣчаніи, сколько въ числѣ ихъ студентовъ.

2) Нижнихъ чиновъ строевыхъ евреевъ, не состоящихъ на особой высотѣ студентовъ, по прохожденію строевого обученія, отправлять съ маршевыми ротами.

3) Состоящихъ на различныхъ хозяйственныхъ должностяхъ въ полку и не признанныхъ врачебными комиссіями на нестроевыя должности назначать въ строй, замѣнивъ ихъ другими нижними чинами не евреями нестроевыми, а за недостаткомъ нестроевыхъ даже строевыми, наименѣе пригодными къ строевой службѣ.

4) Нижнихъ чиновъ евреевъ на должности хлѣбопековъ, писарей, деньщиковъ ни въ коемъ случаѣ не назначать, имѣющихся же на этихъ должностяхъ немедленно отчислить.

Полковой Адъютантъ Прапорщикъ *Харламовъ*.

Августа 1916 г.

Приказъ отданъ по ротѣ, квартирующей въ Новгородѣ Сѣверскомъ.

[63]

Приказъ по 175 запасн. полку.

Командиръ полка приказалъ:

1) Всѣхъ прошедшихъ курсъ строевого обученія нижнихъ чиновъ евреевъ, а также бывшихъ волонтеровъ французской арміи отправлять первыми уходящими маршевыми ротами въ дѣйствующую армію, и для скорѣйшаго проведенія этой мѣры на первое время составлять установленную %% норму инородцевъ исключительно изъ евреевъ, въ порядкѣ старшинства состоянія ихъ въ полку.

2) Всѣхъ нижнихъ чиновъ евреевъ, состоящихъ на различныхъ хозяйственныхъ должностяхъ въ полку и не признанныхъ врачебными комиссіями на нестроевыя должности, назначать въ строй, замѣнить ихъ другими нижними чинами не евреями не строевыми, а за недостаткомъ нестроевыхъ даже строевыми, но наименѣе пригодными къ строю.

3) Нижнихъ чиновъ евреевъ на должности: хлѣбопековъ, писарей, деньщиковъ ни въ коемъ случаѣ не назначать, имѣющихся же на этихъ должностяхъ немедленно отчислить.

4) Представить къ 10 часамъ 23 августа въ канцелярію полка точно провѣренные именные списки на нижнихъ чиновъ евреевъ по прилагаемой формѣ.

Впредь таковые же списки представлять ежемѣсячно къ 4 часамъ отъ 20, 11 и 8 числа.

21 Августа № 239.

Приказъ отданъ въ Августѣ сего года въ с. Меднѣдь Новгородской губ.

[64]

Копія.
Секретно.

ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛЪ
штаба **Главнокомандующаго**
арміями **Сѣвернаго фронта.**

16 октября 1916 года.
№ 2111.
Д. армія.

Начальнику Штаба 1-й арміи.

Въ виду имѣвшихъ случаевъ преступной пропаганды среди войскъ злонамѣренныхъ лицъ изъ служащихъ въ общественныхъ организаціяхъ (больницахъ Всероссійскаго Земскаго Союза, инженерно-строительныхъ рабочихъ дружинъ Земскаго и Городского Союзовъ и Петроградскомъ Комитетѣ по оказанію помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ войны) Главнокомандующій арміями Сѣвернаго

фронта приказалъ имѣть строгій надзоръ за вышеозначенными организаціями и принять рѣшительныя мѣры противъ всякихъ попытокъ къ пропагандѣ.

Подписалъ: Генералъ-маіоръ *Ермолаевъ*.

Скрѣпилъ: Завѣдывающій военно-судной частью Генералъ-маіоръ *Шавровъ*.

Свѣрялъ: Завѣдывающій военно-судной частью штаба I-й арміи Полковникъ

Съ копіей вѣрно:

Дѣлопроизводитель санитарнаго отдѣла штаба I-й арміи, Титулярный Совѣтникъ (подпись).

Секретно.

Начальнику Санитарнаго Отдѣла штаба 1-ой арміи.

По приказанію Командующаго арміей препровождается для свѣдѣнія и для распоряженій какъ по установленію надлежащаго и неослабнаго наблюденія надъ всѣми подвѣдомственными Вамъ общественными организаціями въ цѣляхъ предупрежденія возможной со стороны лицъ, принадлежащихъ къ послѣднимъ, описанной въ сношеніи преступной дѣятельности среди нижнихъ чиновъ, такъ равно и для ознакомленія по существу сего сношенія начальниковъ всѣхъ состоящихъ въ Вашемъ вѣдѣніи военныхъ учрежденій и заведеній особенно соприкасающихся при совмѣстной дѣятельности съ персоналомъ той организацій, для принятія необходимыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ предупрежденію и немедленному пресѣченію всякихъ попытокъ къ преступной пропагандѣ, среди нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ частей, или учрежденій, и для донесенія о каждомъ замѣченномъ случаѣ такой пропаганды въ Штабъ арміи, для доклада Его Высокопревосходительству.

Подписалъ: Вр. И. д. Дежурнаго Генерала Штаба I-ой арміи,

Подполковникъ *Дробажевскій*.

Скрѣпилъ: завѣдывающій военно судной частью Полковникъ *Н.*

25 октября 1916 года № 833.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Дѣлопроизводитель Титулярный Совѣтникъ (подпись).

Секретно.

Старшему врачу . . . . Дезинфекціоннаго отряда.

Для объявленія и исполненія.

И. д. Начальника Санитарнаго Отдѣла штаба I-ой арміи

Полковникъ (подпись).

Вр. и. д. Помощника Начальника Отдѣла Статскій Совѣтникъ (подпись).

31 октября 1916 года.
№ 42259.

Дѣлопроизводитель: Титулярный Совѣтникъ (подпись).

[65]

Копія.

По полученнымъ свѣдѣніямъ наши разъѣзды захватили переписку нѣмецкихъ шпіоновъ и офицеровъ германскихъ войскъ, очень часто находили среди другихъ бумагъ еврейскія газеты съ отмѣченными на нихъ цвѣтнымъ карандашемъ различными мѣстами въ текстѣ и особенно въ объявленіяхъ.

Въ виду сего прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе военнымъ цензурамъ и чинамъ полиціи, цензурующимъ помѣщаемыя въ вашихъ газетахъ объявленія, особенно послѣднимъ, принять энергичныя мѣры по наблюденію за этими объявленіями, въ виду возможности использованія ихъ въ цѣляхъ шпіонажа. При малѣйшемъ подозрѣніи слѣдуетъ воспрещать помѣщаемыя объявленія и о лицахъ, пытающихся помѣстить таковыя, немедленно доносить въ установленномъ порядкѣ.

Генералъ-Лейтенантъ *Курловъ.*

[66]

Копія.
Секретно.

Дивизіонному врачу 6-ой пѣхотной дивизіи.

Согласно секретнаго телеграфнаго распоряженія Начсанот 2 расположенная въ Дуниловичахъ больница должна быть немедленно закрыта впредь до замѣны медицинскаго персонала іудейскаго вѣроисповѣданія. Больные безотлагательно должны быть отправлены всѣ Воропассо на эвакуаціонный номеръ 17 пунктъ. Прошу передать это распоряженіе завѣдывающему больницей для безотлагательнаго исполненія точка.

Корпусной врачъ *Вульфъ.*

Настоящій приказъ полученъ былъ дивизіоннымъ врачемъ въ видѣ телеграммы въ среднихъ числахъ марта. Больница въ Дуниловичахъ очень большая и ко времени полученія приказа о закрытіи въ ней было много тифозныхъ больныхъ.

[67]

Копія письма Депутату Н. М. Фридмана.

На конвертѣ почтовый штемпель:
Москва — 23. — III. — 16 г.

Милостивый Государь.

Доводимъ до Вашего свѣдѣнія и на Ваше усмотрѣніе послѣднее приказаніе, относительно лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, Казанскаго Военнаго округа, во главѣ котораго стоитъ Генералъ *Сандецкій.* Приказаніе гласитъ: всѣхъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія безъ исключенія отправить съ маршевой ротой въ дѣйствующую армію.

Приказаніе исполняется — евреевъ во всѣхъ частяхъ, всѣхъ, какъ съ высшимъ образованіемъ, такъ и съ низшимъ, какъ опороченныхъ, сгоняютъ въ первую отходящую на фронтъ роту и окружающіе смотрятъ на это, какъ на наказаніе высшаго рода.

Со времени принятія командованія округомъ генераломъ *Сандецкимъ* подобныя мѣры повторяются періодически, почему и просимъ не оставить настоящее сообщеніе открытымъ.

Копія настоящаго письма посылается одновременно г. г. Членамъ Государственной Думы *Шингареву и Чхеидзе.*

[68]

Весною 1916 года командиръ . . . . корпуса ходатайствовалъ передъ Главнокомандующимъ арміями сѣвернаго фронта ген. *Куропаткинымъ* о переводѣ евреевъ и поляковъ на Кавказскій фронтъ. Ходатайство это было возвращено обратно съ надписью дежурнаго генерала Штаба Главнокомандующаго арміями сѣв. фронта.

Главнокомандующій приказалъ сообщить, что сдающихся надо ловить и разстрѣливать, и что такіе мерзавцы могутъ также сдаваться и на Кавказѣ.

Въ Редакцію Архива Русской Революціи

Берлинъ

М. Г.

Господинъ Редакторъ,

въ томѣ XVII Архива Русской Революціи напечатаны Записки М. В. Родзянко, подъ названіемъ «Крушеніе Имперіи». Въ этихъ Запискахъ, въ части ихъ, говорящей о военныхъ дѣйствіяхъ, встрѣчаются извращенія фактовъ касающіяся, между прочимъ, меня лично. Поэтому, для возстановленія истины, прошу напечатать въ ближайшемъ томѣ редактируемаго Вами Архива мое нижеслѣдующее опроверженіе; и въ немъ говорю только о томъ, что касается меня лично.

На страницѣ 134-ой Записокъ, М. В. Родзянко, говоря о бояхъ Гвардіи въ Іюлѣ 1916-го года подъ Луцкомъ и передавая свѣдѣнія, якобы почерпнутыя изъ разсказа его сына, молодого офицера Л.-Гв. Преображенскаго полка, пишетъ: «В. Кн. Павелъ Александровичъ, командовавшій корпусомъ, не послушался приказанія обойти намѣченный пунктъ съ фланговъ и приказалъ Преображенцамъ и Императорскимъ стрѣлкамъ двинуться прямо на высоты Рай-Мѣсто. . . . . Командовавшій кавалерійской дивизіей генералъ Раухъ не выполнилъ распоряженія Штаба и вмѣсто того,чтобы зайти непріятелю въ тылъ, отвелъ свои полки...» и т. д.

Я имѣлъ высокую честь командовать съ Декабря 1915-го года по Іюнь 1916-го года І-мъ Гвардейскимъ корпусомъ, а съ Іюня 1916-го года до революціи – ІІ-мъ Гвардейскимъ корпусомъ, что гвардейскій офицеръ долженъ былъ знать; поэтому никакой кавалерійской дивизіей я тогда не командовалъ и даже таковой не имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Затѣмъ, Рай-Мѣсто атаковали части І-го Гвардейскаго Корпуса, которымъ командовалъ В. Кн. Павелъ Александровичъ, а именно Л.-Гв. Преображенскій и Егерскій полки, и никакихъ Императорскихъ стрѣлковъ тамъ не было и быть не могло, ибо они входили въ составъ ІІ-го Гвард. Корпуса и доблестно дѣйствовали значительно лѣвѣе.

Нужно сказать, что всякій даже не военный человѣкъ пойметъ, что при позиціонной войнѣ, позиціи обѣихъ сторонъ составляютъ сплошныя, непрерывныя линіи укрѣпленій и ряды проволоки, черезъ которыя перескочить кавалерія отнюдь не можетъ; значитъ, при такихъ условіяхъ, о какомъ захожденіи кавалеріи непріятелю въ тылъ можетъ идти рѣчь? Таковая операція мыслима, только если пѣхота прорветъ на значительную глубину расположеніе противника, у котораго нѣтъ резервовъ, чтобы заткнуть прорывъ, и если такимъ образомъ образуются свободныя ворота. Съ подобной идеей много носились и у насъ и на западномъ фронтѣ, но фактически она никогда осуществлена не была, ибо либо вся линія противника отходила, образуя дугу, либо прорывъ заполнялся изъ глубины резервами и ворота не получались. Благодаря тѣмъ-же условіямъ, какъ можно, не взявъ части позицій противника, «обходить съ фланговъ намѣченный пунктъ»? Такихъ мудрыхъ тактическихъ пріемовъ военная наука еще не изобрѣла.

Г. Раухъ
Генералъ отъ Кавалеріи.

Константинополь.
24-го Декабря 1926.